

Учреждение образования
«Белорусский государственный
технологический университет»

ТРУДЫ БГТУ

Научный журнал

*Издается с июля 1993 года
Выходит один раз в месяц*

№ 5 (187) 2016 год

**ИСТОРИЯ,
ФИЛОСОФИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ**

Минск 2016

Educational institution
“Belarusian State Technological University”

PROCEEDINGS OF BSTU

Scientific Journal

Published monthly since July 1993

No. 5 (187) 2016

**HISTORY,
PHILOSOPHY,
PHILOLOGY**

Minsk 2016

Учредитель – учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет»

Главный редактор журнала – Войтов Игорь Витальевич, доктор технических наук, доцент, Республика Беларусь

Редакционная коллегия журнала:

Жарский И. М., кандидат химических наук, профессор (заместитель главного редактора), Республика Беларусь;
Дормешкин О. Б., доктор технических наук, доцент, Республика Беларусь;
Штукин С. С., доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Республика Беларусь;
Торчик В. И., доктор биологических наук, Республика Беларусь;
Пайвинен Ристо, доктор наук, профессор, Финляндская Республика;
Кунтыш В. Б., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Соловьева Т. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Барчик Стэфан, доктор наук, профессор, Словацкая Республика;
Ещенко Л. С., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Левицкий И. А., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Жантасов К. Т., доктор технических наук, профессор, Республика Казахстан;
Прокопчук Н. Р., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор химических наук, профессор, Республика Беларусь;
Леонтьев В. Н., кандидат химических наук, доцент, Республика Беларусь;
Харша Ратнавира, доктор наук, профессор, Королевство Норвегия;
Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Трус Н. В., кандидат филологических наук, доцент, Республика Беларусь;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Марченко В. М., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Наркевич И. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Шкляр Бенцион, профессор, Государство Израиль;
Неверов А. В., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Барановский С. И., доктор экономических наук, профессор, Республика Беларусь;
Хассель Л. Г., доктор наук, профессор, Королевство Швеция;
Ветохин С. С., кандидат физико-математических наук, доцент, Республика Беларусь;
Касперович С. А., кандидат экономических наук, доцент, Республика Беларусь;
Казаренков В. И., доктор педагогических наук, Российская Федерация;
Кулак М. И., доктор физико-математических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черная Н. В., доктор технических наук, профессор, Республика Беларусь;
Файгле В., доктор наук, профессор, Федеративная Республика Германия;
Флюрик Е. А., кандидат биологических наук (секретарь), Республика Беларусь.

Редакционная коллегия номера:

Водопьянов П. А., член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор (главный редактор номера), Республика Беларусь;
Трус Н. В., кандидат филологических наук, доцент (заместитель главного редактора номера) Республика Беларусь;
Забавский Н. М., доктор исторических наук, профессор, Республика Беларусь;
Короткая Т. П., доктор философских наук, профессор, Республика Беларусь;
Решетников С. В., доктор политических наук, профессор, Республика Беларусь;
Черота И. А., доктор филологических наук, профессор, Республика Беларусь;
Пунченко О. П., доктор философских наук, профессор, Украина;
Шалаев В. П., доктор философских наук, профессор, Российская Федерация;
Рангелова Е. М., доктор педагогических наук, профессор, Республика Болгария;
Захарук Т., доктор педагогических наук, профессор, Республика Польша;
Острога В. М., кандидат исторических наук, доцент (секретарь), Республика Беларусь.

Адрес редакции: ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.

Телефоны: главного редактора журнала – (+375 17) 226-14-32;

главного редактора номера – (+375 17) 327-71-95.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

Свидетельство о государственной регистрации средств массовой информации
№ 1329 от 23.04.2010, выданное Министерством информации Республики Беларусь.

Журнал включен в «Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований»

Publisher – educational institution “Belarusian State Technological University”

Editor in Chief – Voytov Igor’ Vital’evich, DSc (Engineering), Assistant Professor, Republic of Belarus

Editorial (Journal):

Zharskiy I. M., PhD (Chemistry), Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Dormeshkin O. B., DSc (Engineering), Assistant Professor, Republic of Belarus;
Shtukin S. S., DSc (Agriculture), Professor, Republic of Belarus;
Torchik V. I., DSc (Biology), Republic of Belarus;
Paivinen Risto, DSc, Professor, Republic of Finland;
Kuntyshev V. B., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Solov’yeva T. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Barčík Štefan, DSc, Professor, Slovak Republic;
Eshchenko L. S., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Levitskiy I. A., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Zhantasov K. T., DSc (Engineering), Professor, Republic of Kazakhstan;
Prokopchuk N. R., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Chemistry), Professor, Republic of Belarus;
Leont’yev V. N., PhD (Chemistry), Assistant Professor, Republic of Belarus;
Harsha Ratnaweera, DSc, Professor, Kingdom of Norway;
Vodop’yanov P. A., Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Trus N. V., PhD (Philology), Assistant Professor, Republic of Belarus;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Marchenko V. M., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Narkevich I. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Shklyar Benzion, Professor, State of Israel;
Neverov A. V., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Baranovskiy S. I., DSc (Economics), Professor, Republic of Belarus;
Hassel L. G., DSc, Professor, Kingdom of Sweden;
Vetokhin S. S., PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor, Republic of Belarus;
Kasperovich S. A., PhD (Economics), Assistant Professor, Republic of Belarus;
Kazarenkov V. I., DSc (Pedagogics), Russian Federation;
Kulak M. I., DSc (Physics and Mathematics), Professor, Republic of Belarus;
Chernaya N. V., DSc (Engineering), Professor, Republic of Belarus;
Faigle W., DSc, Professor, Federal Republic of Germany;
Flyurik E. A., PhD (Biology) (secretary), Republic of Belarus.

Editorial (Issue):

Vodop’yanov P. A., Correspondent Member of National Academy of Sciences of Belarus, DSc (Philosophy), Professor (managing editor), Republic of Belarus;
Trus N. V., PhD (Philology), Assistant Professor (sub-editor), Republic of Belarus;
Zabavskiy N. M., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Korotkaya T. P., DSc (Philosophy), Professor, Republic of Belarus;
Reshetnikov S. V., DSc (Politics), Professor, Republic of Belarus;
Cherota I. A., DSc (Philology), Professor, Republic of Belarus;
Punchenko O. P., DSc (Philosophy), Professor, Ukraine;
Shalaev V. P., DSc (Philosophy), Professor, Russian Federation;
Rangelova E. M., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Bulgaria;
Zakharuk T., DSc (Pedagogics), Professor, Republic of Poland;
Ostroga V. M., PhD (History), Assistant Professor (secretary), Republic of Belarus.

Contact: 13a, Sverdlova str., 220006, Minsk.

Telephones: editor in chief (+375 17) 226-14-32;

managing editor (+375 17) 327-22-51.

E-mail: root@belstu.by, <http://www.belstu.by>

ИСТОРИЯ

УДК 947.2:323.311

А. А. Дамарад

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

ПРАБЛЕМА ЛЕГАЛІЗАЦЫІ НЕТЫТУЛAVАНAY ШЛЯХТЫ БЕЛАРУСІ Ў КАНТЭКСЦЕ ДЗЕЙНАСЦІ ДЗЯРЖАЎНЫХ ОРГАНАЎ РАСІЙСКОЙ ІМПЕРЫІ ХІХ СТ.

Захаванне прававога і сацыяльнага статусу для шляхты Беларусі стала адной з прыярытэтных задач у ХІХ стагоддзі. Псіхалагічна не адаптаваныя да існавання ў новых палітычных умовах, мясцовыя дваране імкнуліся найперш да фактычнай легалізацыі праз удзел у выбарных органах улады і працы на дзяржаўных пасадах. Юрыдычнае замацаванне дваранскага статусу для шляхты Беларусі было аддаленай перспектывай па прычыне непадрыхтаванасці адпаведных дзяржаўных устаноў да сур'ёзнай працы, карупцыі, недахопу дакументаў. З іншага боку, вышэйшае кіраўніцтва Расіі мела вопыт і канкрэтныя прычыны для тармажэння легалізацыі шляхты.

Ключавыя словы: Расійская імперыя, Герольдыя, законы, шляхта, дваранства, дзяржаўная палітыка.

A. A. Damarad

Belarusian State Technological University

THE PROBLEM OF LEGALIZATION OF THE BELARUSIAN GENTRY IN THE CONTEXT OF THE ACTIVITIES OF STATE BODIES IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 19TH CENT.

Saving the legal and social status of the gentry of Belarus became one of the priorities of the 19th century. Psychologically, are not adapted to living in the new political environment, local nobles sought above all to the actual legalization through participation in elected bodies and work in local government positions. Legal status was a distant prospect for the consolidation of noble gentry of Belarus due to unpreparedness of relevant government agencies to serious work, corruption, lack of documents. On the other hand, the top authorities of Russia had the experience and the specific reasons for the deceleration of the nobility legalization.

Key words: Russian Empire, Herold, laws, gentrys, the nobility, state polisy.

Уводзіны. Мясцовае дваранства Беларускіх губерняў разглядалася расійскімі ўладамі гістарычна як частка расійскага, што фармальна павінна было ўключаць першае ў склад апошняга проста аўтаматычна. Але на практыцы ўсё аказалася значна складаней. Дзяржаўная адміністрацыя імкнулася да колькаснага скарачэння шляхты.

Расійскія ўлады мелі адпаведны вопыт здзяйснення падобнай працэдуры. У больш сціслых маштабах інтэграцыя шляхты ў склад дваранства Расійскай імперыі адбылася ў межах Смаленскага ваяводства, якое перайшло да Расіі ў выніку вайны з Рэччу Паспалітай 1654–1667 гг. Смаленская шляхта доўгі час была адмысловай украіннай групай вышэйшага саслоўя ў царстве, а потым у імперыі і захоўвала значныя юрыдычныя і бытавыя адрозненні ад уласна-рускага дваранства. У ХVІІ ст. для кіравання ёй быў створаны асобы Прыказ княства Смаленскага, які падпарадкоўваўся спачатку Стралец-

каму, а потым Пасольскаму прыказу. Частка смаленскай шляхты па прычыне недахопу свабоднай зямлі была пераселена за раку Каму, ва Уфімскі уезд (потым Арэнбургскай губерні), але і там працягвала называць сябе «смаленскай шляхтай». Асаблівае становішча смаленскага шляхецтва было замацавана шасцю царскімі граматамі, выдадзенымі ў 1654–1694 гг., якія гарантавалі ягоня зямельныя правы, а таксама своеасаблівы службовы лад. Смаленская шляхта складала асобы конны полк – «полк смаленскай шляхы». На чале палка у ХVІІ ст. стаяў палкоўнік, а ў ХVІІІ ст. – нават генерал. Палкавая канцылярыя называлася «канцылярыя генеральнага праўлення смаленскай шляхты», на пасады ў якой Сенатам прызначаліся асобы з ліку кандыдатур, адобраных смаленскай шляхтай. У асноўным імі становіліся прадстаўнікі вядомых шляхецкіх родаў: Друцкіх-Сакалінскіх, Корсакаў, Швейкоўскіх, Ванлярскіх, Пацёмкіных. Да сярэдзіны ХVІІІ ст.

нароўні з «маскоўскімі», у Смаленскім палку існаваў чын рэгементара-палкоўніка, ротмістра, харунжага, што засталіся ў спадчыну ад Вялікага княства Літоўскага. Захоўваўся таксама і парадак ваеннай службы. Смаленская шляхта, як і ў Рэчы Паспалітай, не атрымлівала за службу ад дзяржавы жалавання, а ўтрымлівалася выключна за кошт сваіх зямель. Але ўжо пачынаючы з сярэдзіны XVIII ст. дзяржаўная служба не была для смаленскай шляхты абавязковай, што значна адрознівала яе ад астатняга расійскага дваранства. Тады ж можна назіраць значную маёмасную дыферэнцыяцыю смаленскай шляхты. Губернатар князь Абаленскі пісаў у Пецяярбург: «Хотя все шляхтичи желают служить в своем полку, но за убожеством их не только платье, в ружье и лошадях, как надлежит шляхтичу исправно себя содержать, но оные из них и пропитания не имеют. Да и при смотре и разборе многие были пешие и в лаптях и в крестьянских серых кафтаных». У 1746 г. камандзір палка смаленскай шляхты Лярскі паведамляў Сенату: «А оные шляхетство скитаются по разным местам меж чужих двор, питаются подаянием милостыни» [1, с. 93]. У цэлым смаленская шляхта разумела свой асаблівы статус і імкнулася захаваць адасобленасць ад астатняга дваранства. У 1748 г. па яе патрабаванню Сенат загадаў выключыць з ліку смаленскай шляхты тых, хто не меў дакументальных доказаў аб кроўнай да яе належнасці. Прадстаўнікі смаленскай шляхты падтрымлівалі роднасныя сувязі са шляхтай суседніх абласцей Рэчы Паспалітай. Зможныя смаленскія роды ў XVII–XVIII стст. аддавалі сваіх дзяцей на навучанне за мяжу ў езуіцкія ўстановы Полацка, Оршы, Віцебска. Са свайго боку расійскія ўлады ўвогуле сачылі за канфесійнай прыналежнасцю смаленскай шляхты, у прыватнасці, перашкаджалі распаўсюджанню сярод яе каталіцтва. Так, у 1728 г. Вярхоўны Тайны Савет выдаў два ўказы, паводле якіх забаранялася аддаваць дзяцей на навучанне ў Рэч Паспалітую і забаранялася ўступаць у шлюб з жанчынамі каталіцкага веравызнання з-за мяжы і аддаваць дачок замуж за каталікоў.

У выніку гэтых мерапрыемстваў у XVIII ст. смаленская шляхта была аддалена ад каталіцкай адукацыі і каталіцкай веры, згубіла роднасныя сувязі з блізкім замежжам, і таму, нягледзячы на ўсе спробы самазахавання, паступова русіфікавалася. Паспрыяла гэтаму і выданне у 1764 г. Кацярынай II указа, якім быў ліквідаваны Полк смаленскай шляхты як асобная ваенна-шляхецкая карпарацыя. Таму ў выніку распацых расійскімі ўладамі мераў у другой палове XVIII ст. смаленская шляхта паступова зліваецца з агульнай масай расійскага дваранства і страчвае свае адметныя асаблівасці.

Такім чынам, яшчэ напярэдадні далучэння да Расійскай імперыі беларускіх зямель Санкт-Пецяярбург ужо вопыт па інкарпарацыі шляхты новадалучаных тэрыторый у расійскае дваранства.

Асноўная частка. У дваранскіх дэпутацкіх сходах беларускіх і літоўскіх губерняў легалізацыя шляхецкай годнасці адбывалася дастаткова паслядоўна. Грунтаваліся гэтыя рашэнні на прадстаўленых доказах.

У Мінскай, Магілёўскай і Віцебскай губернях працэс пацверджання шляхецкага паходжання быў доўгім, але, у адрозненне ад губерняў Віленскай і Гродзенскай, тэрміны тут насілі больш індывідуальны характар. Так, справа аб статусе роду Бялькевічаў цягнулася з 1817 аж да 1886 г. Прычым першапачаткова жыхар засценка Касынічы Слуцкага павета Васіль Данілавіч Бялькевіч быў запісаны ў аднадворцы, аднак гэта атрымалася толькі з прычыны страты дакументаў у выніку пажару, у якім згарэлі актывы кнігі былога Ашмянскага земскага суда. У якасці доказу свайго паходжання Бялькевічы прадаставілі копіі з царкоўных метрык, а таксама пасведчанне, выдадзенае ім паводле імператарскага ўказа Мінскай казённой палатай «записанному из дворян в крестьяне Сымону Белькевичу... в том, что по ревизским сказкам Слуцкого уезда за 1795 год показаны в числе шляхты, живущих на землях чиншевых..., и за 1816 год того ж уезда по списку дворянскому в числе шляхты на землях князя Радзивилла» [2, л. 77]. На аснове гэтых дакументаў род Бялькевічаў Мінскім дваранскім дэпутацкім сходам быў зацверджаны ў шляхецкай годнасці яшчэ ў 1817 г. Аднак у Дэпартаменце Герольдыі разгляд справы быў пачаты толькі ў 60-я гг. XIX ст., прычым было прынята адмоўнае рашэнне, абгрунтаванае тым, што апошнія не даказалі факту валодання нерухомай маёмасцю да выдання «Жалаванай граматы дваранству» [2, л. 143, 207]. Зразумела, што апошняй інстанцыяй у гэтым пытанні застаўся расійскі імператар, які ў 1878 г. «высочайше соизволил на исключение из крестьянского звания... Белькевичей и подтвердил в первобытном их предков дворянском достоинстве» [2, л. 264].

У сваю чаргу, Антон Губарэвіч, родам з Лідскага павета, меў ваенны чын. Ён быў штабротмістрам Украінскага ўланскага палка, аднак гэта не дапамагло яму хутка пацвердзіць шляхецкае паходжанне [3, л. 10]. Ягоны брат Станіслаў у пачатку 30-х гг. XIX ст. быў засядателем Першага дэпартаменту Галоўнага гродзескага суда. Гэтая пасада дэфакта азначала прыналежнасць да дваранскага саслоўя, тым больш, што Губарэвічы карысталіся распаўсюджаным гербам «Радван» і ў 1828 г. былі прызнаны дваранскім сходам у дваранскай годнасці [3, л. 11].

Аднак юрыдычнага замацавання свайго статусу ў Герольдыі яны, відаць, не атрымалі, паколькі ў архіўнай справе няма ніякіх згадак пра гэта.

У 1841 г. канчаткова зацвердзілі свой дваранскі статус Дамброўскія з Расіенскага павета. Прычым галоўным доказам гэтага было тое, што «Домбровские действительно происходят от показанных родителей дворянского происхождения, и все они подушным обкладом незаняты, и в числе однопорцев не записаны, к бывшему же в 1831 г. мятежу не принадлежали, а потому Павел-Степан и Константин сыновья Степана к выше означенному [дваранскаму саслоўю – А. Д.] могут быть причислены» [4, л. 13]. Яшчэ цікавей адбывалася прызнанне шляхецтва роду Машэўскіх. Гэтая фамілія атрымала пацверджанне ў дваранстве ў Земскім судзе Полацкай правінцыі 22 сакавіка 1773 г. і ў Літоўскім дваранскім сходзе 16 сакавіка 1798 г. Паколькі ў XIX ст. дадзеныя тэрытарыяльныя адзінкі ўжо не існавалі, 5 мая 1821 г. Гродзенскі дваранскі дэпутацкі сход пастанавіў, на падставе ранейшых рашэнняў, унесці род Машэўскіх у 6-ю частку губернскай радаводнай кнігі [5, л. 11]. У сваю чаргу, Пясецкія з Лідскага павета прадставілі ў якасці аднаго з доказаў прывілей караля Аўгуста II на званне вознага, нададзенага продку іх Казіміру ў 1724 г., а таксама яшчэ і дакумент, які пацвярджаў права ўласнасці Антона Пясецкага на 3-ю частку родавага маёнтка. Гэтыя доказы леглі ў аснову рашэння дваранскага дэпутацкага сходу 1829 г. аб прызнанні Пясецкіх у дваранстве і ўнясенні ў першую частку радаводнай кнігі Гродзенскай губерні. Цікава, але праз тры гады, у 1832 г., гэты род канчаткова быў зацверджаны ў шляхецкай годнасці. Дастаткова характэрным было прызнанне дваранства роду Шалевічаў. Казімір Шалевіч, які пісаўся «бывшим Лидским уездным хорунжим», меў сына Франца-Рудольфа. Гэты прадстаўнік свайго роду ў 20 год стаў навучэнцам у вучылішчы Інжынераў у Санкт-Пецярбургу [6, л. 22]. Сярод прадстаўленых доказаў на дваранства гэтая шляхецкая фамілія мела дакумент, які пацвярджаў валоданне маёнткам у Лідскім павеце, у якім паводле рэвізіі пражывала 64 душы [6, л. 22]. Паколькі Шалевічы мелі ўсе неабходныя дакументы, 15 сакавіка 1841 г. указам Герольдыі яны былі зацверджаны ў расійскім дваранстве. Зразумела, што на шляху інтэграцыі ў склад дваранства Расійскай імперыі пацверджаннем свайго шляхецтва яны пераадолелі толькі першую ступень. Навучаннем дзяцей у сталіцы Расійскай імперыі Казімір Шалевіч не абмежаваўся. Ягоны другі сын Адольф стаў чыноўнікам у г. Таганрогу [6, л. 23].

Паказаныя прыклады выдатна ілюструюць доўгі працэс легалізацыі дваранскага статусу на агульнадзяржаўным узроўні. Фактычна, адсутнасць неабходнага фармальнага статусу пера-

шкіджала інтэграцыі шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі. З іншага боку, допуск асоб, якія не мелі зацверджанага Герольдыяй дваранства, да дваранскіх пасадаў і званняў сведчыў аб фактычнай інтэграцыі прадстаўнікоў вышэйшага саслоўя «літоўскіх» і «беларускіх» губерняў. Так, Мікалай Антонавіч Грамыка быў тытулярным саветнікам, Іван Ільіч – меў званне капітана, а Пётр Грамыка ў 1870-х гг. служыў у чыне тытулярнага саветніка «канцелярским чиновником Могилёвского губернского управления государственных имуществ» [7, л. 37]. Міхаіл Міхаілавіч Грамыка акрамя таго, што меў званне палкоўніка, займаў пасаду начальніка Смаленскага губернскага жандарскага ўпраўлення [7, л. 4]. Такі кар’ерны рост, калі з 1865 г. да канца XIX ст. звычайны шляхціц узначальвае губернскаю жандармерыю, сведчыць, па-першае, пра сапраўдную інтэграцыю не толькі ў склад дваранства, але і ў дзяржаўна-палітычную сістэму, а па-другое, пра дастаткова вялікую ступень даверу расійскіх уладаў да прадстаўнікоў «былой польскай шляхты».

Што датычыцца дзяржаўнай службы, то шляхта беларускіх зямель у цэлым не апраўдала спадзяванняў урада, паколькі мясцовыя шляхціцы са значна большым жаданнем займалі менавіта выбарныя дваранскія пасады. Гэта, безумоўна, стрымлівала інтэграцыю шляхты беларускіх зямель у склад дваранства Расійскай імперыі, паколькі служба ў якасці чыноўніка давала добрую магчымасць кар’ернага росту, атрымання чыноў і ўзнагарод, якія дазвалялі вырашыць праблему сацыяльна-прававой легалізацыі. Цікава, што ў карэнных расійскіх губернях усё было з дакладнасцю да наадварот. Там на пачатак XIX ст. склалася парадаксальная сітуацыя: нават захады ўрада па замяшчэнні незанятых выбарных пасадаў прызначанымі чыноўнікамі і ўраўнаванне чыноў дзяржаўнай і выбарнай службы не дасягнулі поспеху. Адваротную сітуацыю ў беларускіх губернях С. А. Корф тлумачыў проста больш высокім культурным узроўнем мясцовай шляхты, лепшай адукацыяй, большай карпаратыўнасцю [8, с. 193]. Так, мясцовыя дваранскія маршалкі пры сусрэчах імператара Аляксандра I трымаліся з гонарам, а прадвадзіцелі ў расійскіх губернях больш нагадвалі афіцыянтаў, паколькі баяліся прамовіць слова. На наш погляд, адзначаныя «перажыткі» з часоў Рэчы Паспалітай, скіроўвалі нетытулаваную шляху да ўдзелу ў дваранскіх выбарах, паколькі атрымання пасады станавіліся дэ-факта шляхам для ўваходжання ў дваранства Расійскай імперыі. Сучаснымі даследчыкамі была зроблена выснова, што для немажливой нетытулаванай шляхты выбарныя пасады (асабліва ў судовых органах) станавіліся пэўнай крыніцай узбагачэння. Так, паводле выбараў 1785 г. у Полацкім, Віцебскім, Дры-

сенскім, Суражскім і Гарадоцкім паветах з 20 засядацеляў павятовых і ніжніх земскіх судаў 11 чалавек мелі ў сярэднім да 30 душ прыгонных.

Заклучэнне. Такім чынам, праблема легалізацыі нетытулаванай шляхты Беларусі засяроджвалася вакол фактычнага прызнання дваранскага статусу праз уключэнне ў дзейнасць адміністрацыйных і выбарных дзяржаўных органаў.

Прызнанне правоў на афіцыйным узроўні стала дастаткова аддаленай перспектывай для нетытулаванай шляхты Беларусі па прычыне яе эканамічнай слабасці, а таксама з-за сумніўнай рэпутацыі, якая дапаўнялася слабымі фармальнымі прыкметамі дваранства. Таму фактычная інтэграцыя ў склад расійскага дваранства апырджвала дакументальную.

Літаратура

1. Жукович П. Н. Дворянство, крестьянство и мещанство в западно-русских областях, присоединенных по второму и третьему разделу // ЖМНП. 1915. № 5. С. 87–145.
2. НГАБ. Ф. 319. Воп. 2. Спр. 376 [О дворянском происхождении рода Белькевичей].
3. ЛДГА. Ф. 391. Воп. 5. Спр. 215 [Дело о дворянском происхождении рода Губаревича Лидского уезда].
4. ЛДГА. Ф. 391. Воп. 5. Спр. 106 [Дело об установлении дворянского происхождения рода Добровольских Россиенского уезда (1817–1841)].
5. ЛДГА. Ф. 391. Воп. 5. Спр. 403 [Дело о дворянском происхождении рода Машевских].
6. ЛДГА. Ф. 391. Воп. 5. Спр. 650 [Дело об установлении дворянского происхождения рода Шалевичей Лидского уезда].
7. РГИА. Ф. 1343. Оп. 35. Д. 6669 [О дворянстве рода Дробышевских].
8. Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие (1762–1855 гг.). СПб., 1906.

References

1. Zhukovich N. P. The nobility, the peasantry and the petty bourgeoisie in the West Russian regions, connected to the second and third section. *ZhMNP* [Journal of Ministry of National Education], 1915, no. 5, pp. 87–145 (In Russian).
2. NHARB. Fund 319. Minsk deputy assembly. I. 2. F. 376 [The case for the nobility origin of Belkevich family].
3. LSHA. Fund 391. Vilno deputy assembly. I. 5. F. 215 [The case for the nobility origin of Gubarovich family from Lida district].
4. LSHA. Fund 391. Vilno deputy assembly. I. 5. F. 106 [The case for the nobility origin of Dobrovolski family from Raseiniai district 1817–1841].
5. LSHA. Fund 391. Vilno deputy assembly. I. 5. F. 403 [The case for the nobility origin of Mashevski family].
6. LSHA. Fund 391. Vilno deputy assembly. I. 5. F. 650 [The case for the nobility origin of Shalevich family from Lida district].
7. RSHA. Fund 1343. Geroldy council. I. 35. F. 6669 [The case for the nobility origin of Drobyshevski family].
8. Korf S. A. *Dvoryanstvo i yego soslovnnoye upravleniye za stoletiyе (1762–1855 gg.)* [The nobility and the estates management in a century 1762–1855]. St. Petersburg, 1906.

Информация об авторе

Дамарад Аляксей Анатольевіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Святрдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: domorad@belstu.by

Information about the author

Damarad Aliaksei Anatolievich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: domorad@belstu.by

Паступіў 15.03.2016

УДК 325.1(470+571)«18/19»

П. С. Крючек

Белорусский государственный технологический университет

**ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ИЗ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.:
ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ**

Белорусская история XIX – начала XX в. насыщена важнейшими для развития общества событиями. Важную роль в его эволюции играло переселенческое движение выходцев с белорусских земель в различные области Российской империи. В целом крестьянские переселения из Беларуси в период капитализма нашли определенное отражение в историографии. По отдельным вопросам проблемы высказаны интересные соображения. В статье дан анализ основных работ, посвященных переселению с территории Беларуси в исследуемый период.

Ключевые слова: переселение, этнос, Беларусь, историография, идентичность.

P. S. Kruchek

Belarusian State Technological University

**RESETTLEMENT PROCESS FROM THE BELARUS IN SECOND HALF
OF 19TH – EARLY 20TH CENT.: HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM**

Belarusian history of 19th – early 20th century is full of events that are important from the point of view of social development. An important role in its evolution played a migration movement of immigrants to the Belarusian lands in different areas of the Russian Empire. In general, the peasant resettlement, of Belarus in the period of capitalism found a certain reflection in historiography. According to some aspects of the problem put forward. This article analyzes the main works devoted to resettlement from the territory of Belarus in the analyzed period.

Key words: resettlement, ethnicity, Belarus, historiography, identity.

Введение. Беларусь являлась районом активных аграрных миграций крестьянства. С 1885 по 1914 г., по неполным данным, из пяти западных губерний только в Сибирь переселилось свыше 550 тыс. человек. Это составило 54% выходцев из 24 губерний нечерноземной полосы России, или более 11% общероссийского переселенческого движения в стране [1, с. 4]. Количество переселенцев в другие губернии России до сих пор точно не подсчитано.

Информация о специфике социокультурной адаптации переселенцев, стратегии совместной жизни с этническими соседями, способах сохранения и поддержания идентичности, методах этнического взаимопознания и взаимного узнавания позволяют сформировать компаративную базу для дальнейшего изучения проблем становления и трансформации белорусской идентичности.

Между тем вопрос об аграрных миграциях крестьянства из Беларуси остается по-прежнему малоизученным.

Основная часть. Первыми к анализу причин и масштабов крестьянских переселений обратились представители дворянской и буржуазно-либеральной историографии.

Впервые о переселенческом движении в Беларуси конца 60-х гг. упоминается в статье Ю. Э. Янсона. В частности, он отмечал, что в

1868–1869 гг. среди бедноты из числа бывших государственных и помещичьих крестьян Беларуси значительно усилились переселенческие настроения. Причины переселений автор усматривал в голоде и бедности крестьянских масс, особенно усилившиеся вследствие неурожаев середины 60-х гг., а также желание более зажиточных крестьян в условиях существования общины и круговой поруки избавиться от бедняков [2, с. 264].

В 1884 г. выходит работа Ф. М. Уманца «Колонизация свободных земель России». При этом уже в самом названии подчеркнута точка зрения автора. По его мнению, аграрного вопроса в центре страны не существует и размеры крестьянских наделов полностью соответствуют количеству рабочих рук. Поэтому переселенческий вопрос существует в России не как часть аграрного вопроса, а как колониационный вопрос, то есть связан с необходимостью заселения новых, еще необжитых территорий.

Автор подчеркивает, что бедность не является главной причиной, толкавшей крестьян к переселению на новые земли. Более того, по его мнению, губернии, которые принято считать в этом аспекте наиболее неблагоприятными, дают наименьший процент переселений. К числу таких губерний кроме прочих он отнес

и белорусские – Витебскую, Могилевскую и Минскую [3, с. 84].

Следует отметить, что в российском обществе в начале XX в. довольно неоднозначно оценивали переселенческую политику правительства. В консервативных верхах, близких к помещичьим кругам, звучало даже недовольство – ведь часть крестьян, причем не самых бедных, не могла быть контролируемой крупными земельными собственниками. При этом особые опасения у них вызывала ситуация в Беларуси, так как власти боялись, что в результате массовых переселений в крае снизится доля православного населения и, соответственно, увеличится влияние польского элемента. А это в свете событий 1863–1864 гг. было явно нежелательно.

Критически переселенческую политику царизма оценивали и либералы, поскольку считали, что переселение требует от крестьянина не только специальных сельскохозяйственных знаний, но и определенного уровня общей культуры.

Известный либеральный историк и экономист Кауфман А. А. подчеркивал, что численность переселенцев из западных губерний постоянно растет и этот процесс приобретает все большие масштабы, что, в свою очередь, наносит ущерб как экономике в районах выселения, так и ведет к дальнейшему разорению крестьян, которые не могут приспособиться к новым условиям хозяйствования [4, с. 50]. Поэтому ученый утверждал, что политика правительства должна быть направлена, с одной стороны, на то, чтобы облегчить переселение тем, кто еще не желает отказаться от этой мысли, а с другой стороны – чтобы по возможности уменьшить число таких желающих выселяться. Для этой цели хороши все способы, кроме запрещений и принуждений [5, с. 164].

О нарастании темпов переселений из Беларуси писал известный российский либеральный историк Кирьяков В. В. Он, в частности, отмечал, что в конце 90-х гг. значительно увеличилось число переселенцев именно из западных губерний (Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Витебской и Минской). Если до 1896 г. число выходцев из этих губерний составляло менее 1% от общего числа сибирских переселенцев, то к 1898 г. оно возросло уже до 14,7%, что составляло уже более половины от всего числа выходцев из нечерноземной полосы [6, с. 116].

В статье «Из хроники крестьянского дела. Переселенческое дело» В. Розенберг отмечал возрастающую роль западных губерний в переселенческом движении. Причем автор подчеркивал, что по числу переселенцев Могилевская и Витебская губернии обогнали большинство губерний черноземной полосы. В результате автор делает вывод, противоположный выводу

Ф. М. Уманца. По его мнению, в Северо-Западном крае образовался новый сплошной район, для которого переселенческий вопрос получил первостепенную важность. Однако главные причины крестьянских переселений, как и всякий либеральный народник, В. Розенберг видел не в экономическом положении крестьянства, а в архаических способах ведения хозяйства и в естественном приросте населения, приведшем к тому, что в белорусской деревне каждые «двое должны довольствоваться наделом, достаточным для обеспечения одного» [7, с. 183–184].

Другой известный либеральный историк Простнев Н. Г. правильно в целом обратил внимание на то, что пик крестьянских переселений из западных губерний вообще и из Могилевской губернии в частности пришелся на период с 1897 по первую половину 1909 г. Однако автор считает, что толчком к этому послужило не сохранность помещичьего землевладения, а острый недостаток сельскохозяйственных угодий, который явился результатом естественного прироста населения [8, с. 4–9].

В белорусской советской историографии вопрос, связанный, с крестьянскими переселениями долгое время оставался вне поля зрения исследователей. Некоторые сведения можно почерпнуть лишь в работах, посвященных другим сторонам социально-экономической и политической жизни западных губерний России. Так, в работе «Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг.» известный белорусский историк Довнар-Запольский М. В. отмечал, что переселенческое движение в Беларуси имело глубокие экономические причины. Однако автор не анализирует эти причины. Неверным является и вывод ученого о том, что начало крестьянских переселений приходится только на конец 80-х гг. XIX в. [9, с. 24–29].

Еще один белорусский историк Агурский С. в работе «Революционное движение в Белоруссии в 1863–1917 гг.» также обращается к вопросу о крестьянских переселениях. Однако автор рассматривает эти переселения лишь как одну из форм пассивного протеста и форму классовой борьбы [10, с. 24–29].

В 30-х гг. XX в. в отечественной исторической науке утвердилась марксистско-ленинская методология. В результате крестьянские переселения стали рассматриваться исключительно в русле классовой борьбы крестьянства. Наиболее ярко этот подход проявился в работах Д. А. Дудкова. Исследуя столыпинскую реформу в Витебской губернии, историк обратился к вопросу крестьянских переселений. В числе основных причин, толкавших крестьян на переселения, автор указывал нищету и малоземелье значительной части населения, особенно в Восточной

Беларуси. Поэтому большинство переселенцев по своей социальной принадлежности являлись представителями самых беднейших слоев, а само переселенческое движение историк однозначно характеризует как пассивную форму классово-борьбы [11, с. 91].

В своей следующей работе, посвященной изучению развития капитализма в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., историк также уделил внимание крестьянским переселениям. При этом он высказал ошибочное утверждение о том, что в Беларуси в 60-х гг. XIX в. крестьянские переселения были еще незначительными и что только в 80–90-х гг. начало расти количество переселенцев из Западных губерний в Сибирь. Это утверждение явилось результатом того, что ученый связывал переселения крестьян исключительно со степенью развития капитализма, игнорируя роль других факторов в этом процессе [12, с. 24–29].

Некоторые сведения о крестьянских переселениях можно почерпнуть в ряде историко-экономических работ.

Так, С. Н. Малинин и Я. Г. Раков в работе «Что дала Советская власть трудящимся БССР», вышедшей в 1939 г., подчеркивали, что безземелье, нищета и голод гнали десятки и сотни тысяч деревенской бедноты из Беларуси в Сибирь и в эмиграцию в Америку. При этом авторы отмечали, что переселения не только не решали крестьянских проблем, но часто имели просто трагические последствия, так как «большая часть этих переселенцев, лишенных какой бы то ни было помощи, окончательно разорялась, часть из них возвращалась назад батраками и попадала снова в жестокую кабалу к помещикам и кулакам; значительная часть их умирала по дороге и на новых необжитых местах от болезней, холода и голода» [13, с. 14].

В 50-х гг. начался новый этап в изучении аграрного вопроса в Беларуси. В определенной мере это отразилось и на изучении проблемы крестьянских переселений. Так, И. И. Саладков, исследуя социально-экономическое положение Беларуси в конце XIX – начале XX в. обращается и к вопросу о крестьянских переселениях. Автор справедливо обращает внимание на тот факт, что в Сибири устраивались далеко не все переселившиеся, следствием чего было сильное «обратничество». В результате возвратившиеся на Родину переселенцы, как правило, окончательно разорялись [14, с. 60].

Большой вклад в изучение аграрных отношений в Беларуси в пореформенный период внес К. И. Шабуня. В монографии, посвященной аграрному вопросу и крестьянскому движению в период революции 1905–1907 гг., историк отмечает связь крестьянских переселений

с аграрным вопросом, характеризует отношение к ним царского правительства, отвечавшее интересам помещиков, стремившихся обеспечить свое хозяйство дешевыми работниками, рассматривает социальную принадлежность переселенцев [15, с. 140].

Большой вклад в исследование крестьянских переселений из Беларуси внес Л. П. Липинский. Исследуя развитие капитализма в сельском хозяйстве Беларуси во второй половине XIX в., он, в отличие от других авторов, попытался проанализировать вопрос о юридическом положении переселенческого дела в России. Причины массовых переселений крестьян из Белоруссии Л. П. Липинский видит в «наступившем аграрном кризисе» и в «беспросветной жизни в деревне, нищете и голоде»: которые гнали их «во все концы России», в том числе и на переселение в Сибирь. Автор коснулся и вопроса об имущественном положении переселенцев, подчеркивая, что их составляли беднейшие слои крестьянства [16, с. 140].

Место переселенческого вопроса в периодической печати Беларуси рассматривается в монографии С. М. Самбука. Автор подчеркивает, что печать решала вставший во весь рост переселенческий вопрос «в зависимости от политического направления каждого органа». Сопоставив позиции официозного «Виленского вестника» и либерального «Минского листка», автор пишет, что первый, в угоду помещикам, отрицал наличие объективных причин переселений, а для второго они «были следствием острого малоземелья» [17, с. 114].

В исследованиях А. А. Ракова приведены данные о переселившихся из белорусских губерний в 1896–1909 гг., однако автор в их число включил и ходоков. В результате этого число переселенцев искусственно увеличилось.

Особое место в исследовании переселенческого движения занимает монография П. Д. Верещагина «Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина 19 века)». Автор исследует предпосылки крестьянских переселений на окраины России, особенности переселенческой политики царизма в западных губерниях, значение крестьянских переселений. По подсчетам исследователя, за 50 пореформенных лет из Беларуси выехало не менее миллиона человек. Этот процесс оказал большое влияние на все стороны социально-экономической жизни как в районах вселения мигрантов, так и в районах их выхода [1].

Определенный материал о крестьянских переселениях из Беларуси содержится в работах, посвященных исследованию данного вопроса по России. Так, в статье Б. В. Тихонова «Переселенческая политика царского правительства в 1892–1897 гг.» как пример усиления переселений во

второй половине 90-х гг. упоминаются и две белорусские губернии – Витебская и Могилевская. Автор пишет о «напряженности положения», сложившегося в Беларуси в 1896 г. на почве переселенческого движения. Нельзя, однако, согласиться с ним в том, что до середины 90-х гг. крестьянство белорусских губерний «почти не участвовало в сибирском переселении и не имело представления об условиях жизни в Сибири».

Заключение. Таким образом, крестьянские переселения из Беларуси в период капитализма

нашли определенное отражение в отечественной историографии. По отдельным вопросам проблемы высказаны интересные соображения. Однако в целом вопрос переселенческого движения в Беларуси остается проблемным. Не решены такие аспекты, как, например, связь крестьянских переселений с процессом развития капитализма, который происходил в условиях существования многочисленных остатков крепостничества. Неисследованной остается переселенческая политика самодержавия, ее особенности в западных губерниях.

Литература

1. Верещагин П. Д. Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: Наука и техника, 1978. 146 с.
2. Янсон Ю. Э. Очерк правительственных мер по переселению крестьян после издания Положения 19 февраля 1861 года // Русская речь. 1881. № 1. С. 256–308.
3. Уманец Ф. М. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. 148 с.
4. Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX. СПб., 1901. 150 с.
5. Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1915. 169 с.
6. Кирьяков В. В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь (в связи с заселением Сибири). М., 1902. 146 с.
7. Розенберг В. Н. Очерки по крестьянскому вопросу. М., 1904. 368 с.
8. Простнев Н. Г. Крестьянские переселения из Могилевской губернии с 1 января 1897 г. по 1 июля 1909 г. Могилев-на-Днепре, 1910. 78 с.
9. Довнар-Запольский М. В. Народное хозяйство Белоруссии. 1861–1914 гг. Минск, 1926. 380 с.
10. Агурскі С. Рэвалюцыйны рух у Беларусі ў 1863–1917 гг. Мінск, 1928. 212 с.
11. Дудкоў Д. А. Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерні. Мінск, 1931. 138 с.
12. Дудкоў Д. А. Аб развіцці капіталізму ў Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стагоддзя. Мінск, 1932. 246 с.
13. Малинин С. Н., Раков Я. Г. Что дала Советская власть трудящимся БССР. Минск, 1939. 32 с.
14. Саладков И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начала XX в.). Минск: Наука и техника, 1957. 178 с.
15. Шабуня К. И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. Минск: Наука и техника, 1962. 278 с.
16. Липинский Л. П. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск: БГУ, 1971. 234 с.
17. Самбук С. М. Общественно-политическая мысль Белоруссии во второй половине XIX в. Минск: Наука и техника, 1976. 156 с.

References

1. Vereshchagin P. D. *Krest'yanskiye pereseleniya iz Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [Peasant resettlements of Belarus (second half of the 19th century)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1978. 146 p.
2. Janson Yu. E. Essay government to resettle peasants measures after the publication of the Regulations February 19, 1861. *Russkaya rech* [Russian speech], 1881, no. 1, pp. 256–308 (In Russian).
3. Umanets F. M. *Kolonizatsiya svobodnykh zemel' Rossii* [Russian colonization of free land]. St. Petersburg, 1884. 148 p.
4. Kaufman A. A. *Sibirskoye pereseleniye na ishode XIX* [Siberian resettlement at the end of the 19th]. St. Petersburg, 1901. 150 p.
5. Kaufman A. A. *Agrarnyy vopros v Rossii* [Agrarian Question in Russia]. Moscow, 1915. 169 p.
6. Kirjakov V. V. *Ocherki po istorii pereselencheskogo dvizheniya v Sibir' (v svyazi s zaseleniyem Sibiri)*. [Essays on history but resettlement movement in Siberia (in connection with the settlement of Siberia)]. Moscow, 1902. 146 p.
7. Rosenberg V. N. *Ocherki po krestyanskomu voprosu* [Essays on the peasant question]. Moscow, 1904. 368 p.
8. Prostnev N. G. *Krest'yanskiye pereseleniya iz Mogilevskoy gubernii s 1 yanvarya 1897 goda po 1 iyulya 1909 goda* [Peasant resettlement of Mogilev province from January 1, 1897 on July 1, 1909]. Mogilev-on-Dnieper, 1910. 78 p.

9. Dovnar-Zapolskiy M. V. *Narodnoye khozyaystvo Belorussii. 1861–1914 goda* [National Economy of Belarus 1861–1914]. Minsk, 1926. 380 p.
10. Agurski S. *Revalyutsyiyni ruh u Belarusi 1863–1917 godu* [Revalyutsy us Rukh have Belarusiu 1863–1917 years]. Minsk, 1928. 212 p.
11. Dudkou D. A. *Stalypinskaya reforma u Vitsebskay guberni* [Stolypin's reforms in the Vitebsk province]. Minsk, 1931. 138 p.
12. Dudkou D. A. *Ab razvitstsi kapitalizmu u Belarusi u drugoy palove XIX – pachatku XX stagoddzya* [About the development of capitalism in Belarus in the second half of 19th – early 20th century]. Minsk, 1932. 246 p.
13. Malinin S. N., Rakov Ya. G. *Chto dala Sovetskaya vlast' trudyashchimsya BSSR* [What did the Soviet government workers BSSR]. Minsk, 1939. 32 p.
14. Saladkov I. I. *Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye Belorussii do Velikoy Oktyabr'skoy sotsiolisticheskoy revolyutsii (konets XIX – nachala XX veka)* [Socio-economic situation in Belarus to the Great October Revolution sotsiolisticheskoy (end of 19th – early 20th century)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1957. 178 p.
15. Shabunya K. I. *Agrarnyy vopros i krest'yanskoe dvizheniye v Belorussii v revolyutsii 1905–1907 godov* [Agrarian question and the peasant movement in Belarus in the revolution of 1905–1907]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1962. 278 p.
16. Lipinsky L. P. *Razvitiye kapitalizma v sel'skom khozyaystve Belorussii (vtoraya polovina XIX veka)* [The development of capitalism in agriculture of Belarus (the second half of 19th century)]. Minsk, BGU Publ., 1971. 234 p.
17. Sambuc S. M. *Obshchestvenno-politicheskaya mysl' Belorussii vo vtoroy polovine XIX v.* [Political thought of Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1976. 156 p.

Информация об авторе

Крючек Петр Степанович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kruchek@belstu.by

Information about the author

Kruchek Peter Stepanovich – PhD (History) Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kruchek@belstu.by

Поступила 25.03.2016

УДК 37:329(470)«19»

В. М. Острога

Белорусский государственный технологический университет

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ (НАЧАЛО XX В.)

Автор подчеркивает, что в начале XX в. в стране возникает пестрая многопартийность, существовавшая до середины 20-х гг. Различные политические партии стремились вписаться в многообразный веер альтернатив общественного развития. Они имели свои программы, которые определяли интересы и надежды конкретных социальных групп. В программах партий самого широкого политического спектра в той или иной степени нашли отражение и вопросы народного образования. Разными виделись цели образования и пути их достижения возможными просветительскими средствами учебных заведений. Вместе с тем требования увеличения сети учебных заведений и необходимых средств на эти нужды ронили партии всех направлений.

Ключевые слова: народное образование, политическая партия, программа, политические течения, монархические партии, партии либерально-буржуазного направления, социалистические партии.

V. M. Ostroha

Belarusian State Technological University

NATIONAL EDUCATION ISSUES IN THE PROGRAMMES OF POLITICAL PARTIES RUSSIAN (EARLY 20TH CENT.)

The author emphasizes that during this period in the country there is a motley multi-party, which lasted until the mid 20-ies. Various political parties have sought to fit into diverse fan of social development alternatives. They had their own program, which defined the interests and hopes of particular social groups. The programs of the parties of wide political spectrum in varying degrees, and reflected issues of public education. A lot of people see the aim of education as possible way of education and possible ways of achievement, by educational resources of educational institutions. At the same time, the requirements increase the network of educational institutions and the necessary funds for these needs native party all directions.

Key words: public education, political party, program, political currents, the monarchist party, the party of the liberal-bourgeois direction, the socialist party.

Введение. Конец XIX – начало XX в. – переломная веха в общественно-политической жизни Российской империи, в состав которой входили и белорусские земли. Политика правящих элит была направлена на сохранение основ монархической формы правления. В этой связи система школьного образования являлась проводником официальной политики, своеобразным гарантом социальной стабильности и общественного порядка.

Основная часть. Борьба за решение задач культурно-национального возрождения Беларуси велась на фоне острых проблем политического и социально-экономического характера. Политические события этого периода заполняли собою все внимание правительства и «верхов» общества, порой не оставляя места для такого «буднично-обыденного дела», как образование народа. Развернувшееся общественно-педагогическое движение за реформирование системы просвещения и введение всеобщего обучения во многом сближало прогрессивных деятелей, а также учителей начальной и сред-

ней школы. Передовая общественность считала, что образование всегда служило орудием влияния непримиримых политических направлений, несмотря на очевидность истины: школа – «не арена для политической борьбы... в политической жизни не могут принимать активного участия несовершеннолетние, незрелые и неполноправные отроки». На практике различные силы с противоположными целями и намерениями «придавали ей (этой истине) самые странные толкования». Царская школа «стремилась изолировать учащихся от внешнего мира, лишала их сознательного политического и гражданского воспитания, преследовала всякое проявление их интереса не только к текущим, но и к общим вопросам политики и социального строя. И вместе с тем эта же школа стремилась навязать учащимся чуть ли не с детства определенное политическое мировоззрение, для чего не стеснялась исказить науку, извращать факты, подвергать всяким гонениям свободную мысль, скрывать правду и учить заведомой лжи». На официальном языке школьных циркуляров

и предписаний это называлось «ограждением школы от вредных политических влияний». Общественная оппозиция старалась воспитывать молодое поколение в духе демократических стремлений, и «отказаться от этого для оппозиции значило бы заведомо похоронить все свои надежды на будущее» [1, с. 24–26]. Школа занималась образованием не просто молодых людей, а одновременно граждан своего отечества, поэтому общеполитическое воспитание учащихся всегда являлось и является ее прямой обязанностью. Речь идет только о средствах и методах этого целенаправленного воздействия.

Манифесты 6 августа и 17 октября 1905 г. открыли населению доступ в запрещенную для него ранее область политической деятельности. Но учителям ограничивалась всякая политическая активность: «Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не открыто причисляют себя к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков и в других проявлениях своей деятельности обнаруживается стремление к борьбе с правительством». В виде исключения допускалось участие в таких объединениях, «деятельность коих ни явно, ни скрыто не направлена к разрушению основ государственности и монархического строя». Учителя, которые принимали участие во враждебных власти организациях или были замечены в «противогосударственной агитации», немедленно увольнялись со службы, и в отношении их «должно быть возбуждено судебное преследование» [2, л. 99].

Различные политические партии стремились найти свою социальную «полочку», вписаться в многообразный веер альтернатив общественного развития. Они имели собственную программу, которая в наиболее сублимированном виде отражала и выражала ту или иную концепцию общественного развития государства, интересы того или иного класса, социального слоя, слоя или группы. Идеино-теоретический уровень разработанности этих программ был далеко не одинаков, тем не менее они достаточно объективно отражали состояние тех социальных, национальных и иных сил, стоящих за каждой партией [3, с. 3].

В различных моделях общественного переустройства России в той или иной степени находили свое отражение и проблемы реформирования народного образования, которые позже были зафиксированы в программах партий самого широкого политического спектра.

Со середины 1905 г. начали создаваться партии консервативного, монархического направления, среди которых «Партия русского народа», «Партия народного центра» и самая влиятельная – «Союз русского народа». Их идеями были: незыблемость царской власти, восстановление неограниченной монархии, замена законодательной Думы законосовещательным собранием и др. В вопросах развития народного образования «Союз русского народа» в своих «Основных положениях» (1906 г.) признавал, что «просвещение России должно расти и крепнуть, безусловно, на тех же началах, на коих выросло Русское Государство, и что поэтому, Государственная школа всех видов и степеней, не посягая на национальные и религиозные особенности нерусских племен, должна быть Русской школой». Обучение должно проводиться исключительно на русском языке, который объявлялся государственным. Эта партия предлагала принять следующие положения: а) русские низшие начальные школы, сельские и городские, должны были находиться исключительно в ведении церковно-приходских общин, под руководством епархиальной власти и наблюдением министерства народного просвещения; б) в низших и средних школах коренной России могли обучаться все, кроме поляков и евреев; в) в высших правительственных учебных заведениях коренной России могли получить образование только православные, иноверцы же, кроме магометан, не допускались; г) иноверцам предоставлялось право обучать православных; д) дипломы и свидетельства, выдаваемые учебными заведениями, не должны были предоставлять им никаких прав и преимуществ и др. Предусматривалось исключительное право русской народности на учительскую службу в правительственных школах по всей территории империи [3, с. 438–444].

Во второй половине 1905 г. начали оформляться партии либерально-буржуазного направления. Наиболее влиятельными из них были «Конституционно-демократическая партия» (кадеты) и «Союз 17 октября». В их программах содержалось требование сохранения «единства и нераздельности» российского государства, замены самодержавия конституционной монархией с народным представительством, развития и укрепления «незыблемых основ гражданской свободы» и др. Кадеты считали, что народное просвещение должно быть организовано на началах свободы, демократизации и децентрализации, понимая под этим осуществление следующих начал: «уничтожение всех стеснений» к поступлению в школу, связанных с полом, происхождением и религией; свобода частной и общественной инициативы в открытии

и организации учебных заведений; для школ всех разрядов обеспечение перехода от низшей ступени к высшей; увеличение количества средних учебных заведений соответственно общественной потребности, снижение платы за обучение, широкое участие местных общественных учреждений в организации учебно-воспитательного процесса; введение всеобщего, бесплатного и обязательного обучения в начальной школе, передача начального образования в заведывание органов местного самоуправления, организация ими образовательных учреждений для взрослых, народных библиотек и народных университетов; развитие профессионального образования. Партия выступала за обеспечение получения начального, а по возможности и дальнейшего образования на родном языке. «Союз 17 октября» считал, что только при повышении умственного уровня народа и при распространении в его среде грамотности можно ожидать, что он достигнет и политической зрелости, и хозяйственного благосостояния. Они утверждали, что «нужды народного образования были выдвинуты в законодательных работах Думы на первый план, и чтобы на удовлетворение этих нужд были ассигнованы самые широкие средства». Партия предлагала направить усилия на практическую реализацию принципа всеобщего начального обучения, на увеличение количества высших и средних учебных заведений, особенно технических, поддержку частной и общественной инициативы в деле открытия и содержания учебных заведений, пересмотр учебных программ с целью их упрощения и приближения к потребностям жизни [3, с. 333, 347]. Октябрьцы выступали за укрепление влияния религии на народные массы, но они возражали против грубых и устарелых методов воздействия. Партия предлагала сделать церковные школы министерскими, добиваясь коренного улучшения в них религиозно-нравственного воспитания, используя новый учебный предмет – «обществоведение» [4, с. 145–146].

Революционно-демократический лагерь представляли партии социалистической ориентации, социал-демократического и народнического направлений. Социалистическая идеология отрицала основы существовавшего в то время общественно-политического строя, выступала за построение социально-справедливого общества на принципах коллективизма, социального равенства, общественной собственности на средства производства, всестороннего и гармонического развития личности. В брошюре известного деятеля народного образования В. И. Чарнолуского «Социализм и народное образование» можно найти наиболее «полную сводку всех этих требований», главнейшие из которых

могут быть сведены к следующим положениям: во всех учебных заведениях обучение должно быть всеобщим и бесплатным; бесплатное обеспечение всех учащихся учебными пособиями и питанием; все расходы по народному образованию должны быть приняты на общественный счет; полная отмена во всех школах религиозного обучения и установление светского образования; преподавание на родном языке; преподавание должно вестись на началах строгой научности и уважении к личности учащихся и учащихся; соблюдение строгой гармонии в деле умственного и физического развития; полное равноправие полов и совместное обучение мальчиков и девочек; запрещение «промышленного труда» для обеспечения детям возможности посещения школы [5, с. 13].

В программе РСДРП (1903 г.) значилось «право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ», «даровое и обязательное общее и профессиональное образование для всех детей обоюбого пола до 16 лет; снабжение бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями за счет государства», отделение церкви от государства и школы от церкви.

В программе партии социалистов-революционеров (эсеров) подчеркивалось требование обязательного общего светского образования за государственный счет. Утверждалось право каждой народности наравне с другими получать образование на родном языке.

«Бесплатное, обязательное на местном языке» обучение, «приобретение за счет государства предметов, необходимых учащимся для обучения и содержания», значилось в качестве направления деятельности Литовской социал-демократической партии (программа от 1896 г.).

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы в качестве основных задач видела организацию обязательных и бесплатных школ, содержание школьников за счет государства, бесплатное высшее образование для очень одаренных учеников народной школы.

В резолюции X Всероссийской конференции Бунда (1905 г.) значилось требование осуществления национально-культурной автономии для еврейского народа, в компетенцию которой входила вся культурная жизнь нации: школа, образование, развитие литературы, искусства, научных и технических знаний. Все учреждения должны были «носить везде светский характер». Языком национально-культурной организации признавался еврейский, правда, эта организация, как указывалось, «гарантирует своим бюджетом право меньшинства

организаций иметь светскую школу на другом языке, кроме еврейского» [6, с. 34–35].

Белорусская Социалистическая Громада как партия оформилась в начале XX в. и выступала за широкое развитие белорусской национальной культуры, законодательное признание права белорусского языка на развитие и употребление в школе, суде, административных и общественных учреждениях.

Учитель А. Л., пожелавший остаться анонимным, отметил: «Просматривая программы современных политических партий, невольно задаешь себе вопрос: почему так мало места уделено в них народному образованию? Несколько коротеньких строчек, как будто случайно попавших не на свое место, рисующих в общих чертах положение народного образования – вот и все, что могла сказать партия. Ни одного слова о способах проведения этой программы в жизнь, ни одного намека о деятелях, их подготовке и положении» [7, с. 34]. Практически ни в одной программе не стоял вопрос о статусе «учащих». Эта проблема являлась достаточно острой не только для педагогической интеллигенции Российской империи, но и других стран. Специально об учителях говорится в программах только двух партий: итальянская социалистическая партия требует «улучшения положения учителей», а бельгийская рабочая партия – «уравнения в правах преподавателей коммунальных школ с преподавателями школ государственных». Английская программа требует учреждения при университетах педагогических институтов [8, с. 24].

Вопросы народного образования рассматривались представителями различных политических течений. Так, В. И. Ленин в статье «Социализм и религия», выдвигал требования полного отделения церкви от государства и школы от церкви как требование партии социалистического пролетариата. Он выступал против религиозного воспитания учащихся в школе, против церковноприходской школы, против религии вообще и его социального корня – эксплуатации человека человеком [4, с. 148–149]. В воззвании РСДРП «К учителям» (1905 г.) говорилось: «В современной русской школе все действия учителя строго предусмотрены программами, правилами и различными тайными и явными циркулярами... Проснись, учитель,

и, пользуясь силой слова и убеждения, пойдик сельской бедноте с проповедью борьбы за свое освобождение, борьбы против самодержавия, против бедности». Партия звала учителей «на бой кровавый» за новую жизнь, за демократическую республику [9, с. 6–7].

Вопросы развития народного образования и положение «учащих» обсуждались также в Государственной Думе. Например, на заседаниях Думы в 1912 г. все многочисленные ораторы, к каким бы партиям они не принадлежали, выступали за повышение ассигнований на нужды школы. Социал-демократическая фракция отстаивала принципы общедоступности обучения, преподавания на родном языке во всех типах школ, требовала уничтожения всех привилегий и ограничений в области образования, связанных с полом, национальностью, вероисповеданием и сословностью, поощрения частной инициативы в области школьного и внешкольного образования, реорганизации церковно-приходских школ в светские, признания за учителями полной свободы профессиональных организаций, улучшения их правового и материального положения и др. Совершенно противоположные принципы отстаивали представители правого крыла Государственной Думы. Они требовали «усиления правительственного надзора за деятельностью учащихся в начальных школах в целях сохранения школы от морального, национального и религиозного разложения и признания главной задачей школы воспитательное воздействие на духовно-нравственную сторону ребенка» [10, с. 171–172].

Заключение. Таким образом, в российском обществе начала XX в. достаточно активно обсуждались вопросы развития народного образования. Эти проблемы, естественно, не могли не отразиться в той или иной степени и в программах формировавшихся политических партий. Разными виделись цели образования и пути их достижения возможными просветительскими средствами различных учебных заведений. Вместе с тем требования увеличения сети учебных заведений и необходимых средств на эти нужды роднили партии практически всех направлений. Образование народных масс должно было лечь в основу практического разрешения назревших проблем во всех сферах жизни общественной системы начала XX в.

Литература

1. Роков Г. Политика и школа // Русская школа. 1907. № 3. С. 24–35.
2. НИАБ. Ф. 2263. Оп. 1. Д. 25.
3. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. / сост.: В. В. Кривенький [и др.]; В. В. Шелохаев (отв. ред.). М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
4. Ососков А. В. Вопросы истории начального образования в России (II пол. XIX – начало XX в.): учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 2. М.: Тип. ТАСС, 1975. 179 с.

5. Тулупов Н. В. Вопросы народного образования в программах социалистических партий // Для народного учителя / под ред. Н. В. Тулупова. М.: Тов-во И. Д. Сытина, 1907. 20 с.
6. Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX в. М.: РОССПЭН, 1995. 464 с.
7. А. Л. На очередные темы // Русский начальный учитель. 1907. № 3. С. 33–39.
8. Чарнолуский В. И. Социализм и народное образование. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1907. 30 с.
9. Учительство Северного Кавказа в 1905 г. Ростов н/Д: Сев.-Кав. краев. отд. Союза работников просвещения: Тип. «Советский Юг» им. К. Маркса, 1925. 63 с.
10. Малиновский Н. П. Итоги деятельности 3-й Государственной Думы в области народного образования // Русская школа. 1912. № 7. С. 169–196.

References

1. Rokov G. Politics and School. *Russkaya shkola* [Russian school], 1907, no. 3, pp. 24–35 (In Russian).
2. NHARB. Fund 2263. L. 1. F. 25.
3. *Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka* [Programs of political parties in Russia. The end of 19th – early 20th century]. Comp.: V. V. Kryven'ky, N. N. Tarasova, V. V. Zhuravlev [et al.]; V. Shelokhaev (executive ed.). Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 464 p.
4. Ososkov A. V. *Voprosy istorii nachal'nogo obrazovaniya v Rossii (II polovina XIX – nachalo XX veka): uchebnoe posobie. V 2 ch. Ch. 2* [Questions of history of primary education in Russia (II half of 19th – early 20th century): proc. benefit. In 2 parts. P. 2]. Moscow, Tip. TASS Publ., 1975. 179 p.
5. Tulupov N. V. *Voprosy narodnogo obrazovaniya v programmakh sotsialisticheskikh partiy. Dlya narodnogo uchitelya* [Questions of public education in the programs of socialist parties. For the national teacher]. Moscow, Tov-vo I. D. Sytina Publ., 1907. 20 p.
6. *Programmy politicheskikh partiy Rossii. Konets XIX – nachalo XX veka* [Programs of political parties in Russia. The end of 19th – early 20th century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1995. 464 p.
7. А. Л. On the next theme. *Russkiy nachal'nyy uchitel'* [Russian initial teacher], 1907, no. 3, pp. 33–39 (In Russian).
8. Charnoluskiy V. I. *Sotsializm i narodnoye obrazovaniye* [Socialism and public education]. St. Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova Publ., 1907. 30 p.
9. *Uchitel'stvo Severnogo Kavkaza v 1905 godu* [The Magisterium of the North Caucasus in 1905]. Rostov-on-Don, Sev.-Kav. kraev. отд. Soyuza rabotnikov prosveshcheniya, Tip. “Sovetskiy Yug” im. K. Marksa Publ., 1925. 63 p.
10. Malinovskiy N. P. Performance Results 3rd State Duma in the field of public education. *Russkaya shkola* [Russian school], 1912, no. 7, pp. 169–196 (In Russian).

Информация об авторе

Острога Валентина Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: ostroha@belstu.by

Information about the author

Ostroha Valentina Mikhailovna – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: ostroha@belstu.by

Поступила 21.03.2016

УДК 338.45+338.43:63(476)«1914/1918»

Н. Е. Семенчик

Белорусский государственный технологический университет

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
БЕЛАРУСИ ВРЕМЕН ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье дается общая характеристика трудов отечественных историков о состоянии и особенностях развития экономики Беларуси в годы Первой мировой войны. Определены этапы изучения экономических проблем военного периода в советской историографии. Показано в трудах соотношение объективных положений и материалов идеологического предназначения. Делаются выводы о достижениях отечественных историков в раскрытии вопросов использования товарной продукции сельского хозяйства и промышленности для нужд российской армии и местного населения. Характеризуются последние направления и результаты деятельности белорусских ученых, исследующих Первую мировую войну.

Ключевые слова: историография, марксистско-ленинская методология, Первая мировая война, промышленность, сельское хозяйство

N. E. Semenchyk

Belarusian State Technological University

**AGRICULTURE AND INDUSTRY OF BELARUS DURING
THE FIRST WORLD WAR IN THE NATIONAL HISTORIOGRAPHY**

The article gives a general description of the works of local historians about the status and characteristics of the development of the Belarusian economy during the First World War. The stages of studying the economic problems are shown of the war period in the Soviet historiography. The comparison of the objective and the provisions of the ideological purpose materials are shown as well. Conclusions are made about the achievements of local historians in solving problems use of commercial products of agriculture and industry for the Russian army and the local population. The last directions and results of the Belarusian scientists' activity, who explore the First World War, are characterized.

Key words: historiography, Marxist-Leninist methodology, the First World War, industry, agriculture.

Введение. В силу того, что отечественных историков в проблеме Первой мировой войны привлекало лишь то, что соответствовало ленинскому теоретическому наследию, тема сельского хозяйства и промышленности Беларуси по сей день имеет весьма поверхностную и идеологизированную трактовку. Между тем, научно достоверные, свободные от идеологических штампов правившей когда-то партии материалы необходимы для воссоздания истории хозяйственной деятельности белорусского народа в годы Первой мировой войны.

Основная часть. Авторами первых публикаций, в которых затрагивались экономические аспекты Беларуси времен Первой мировой войны, были Г. Лелевич, А. Смолич, А. Червяков и другие [1]. С усилением сталинского режима история войны стала освещаться как источник революционного движения. К примеру, К. Кернажицкий в статье о забастовке китайских рабочих в Витебской губернии пришел к выводу, что «империалистическая война не могла не вызвать дальнейшего углубления революционного и рабочего движения», что «лозунг, выдвинутый большевиками, превратить войну

империалистическую в войну гражданскую – был понятен массам» [2, с. 67, 70].

В 1940-х гг. обобщающих трудов на тему белорусской экономики в годы мировой войны не появилось, но представление безнадежной отсталости и невыносимой эксплуатации народа неизменно присутствовало во всех, даже небольших работах [3].

В 1955 г. значительным достижением белорусской науки стал выход «Истории Белорусской ССР». Одна из ее глав называлась «Беларусь в период первой мировой войны. Февральская буржуазно-демократическая революция в Беларуси (1914–1917 гг.)». Заметим, что правило – увязывать Февральскую революцию с мировой войной пережило Советскую власть. Что касается содержания главы, то ее автор Е. И. Корнейчик утверждал, что «промышленность Беларуси пришла в состояние полной разрухи», а сельское хозяйство «пришло в упадок» [4, с. 462]. Очевидно, такая оценка экономики должна была подвести читателя к пониманию того, почему война «разжигала чувства ненависти у рабочих и крестьян к царизму, помещикам и буржуазии» [4, с. 465].

Первую в отечественной истории попытку характеристики сельского хозяйства и промышленности Беларуси названного периода предпринял И. И. Саладков. Он осветил ход эвакуации материальных ценностей из районов, обреченных на оккупацию, назвал количество вывезенных предприятий, а также отметил рост металлообрабатывающей, кожевенной и швейной промышленности [5, с. 121–124]. Так же взвешенно, с опорой на источники, автором характеризуется положение сельского хозяйства. Автор ввел в научный оборот процент мобилизованных мужчин в Могилевской (50,7) и Витебской (52,2) губерниях [5, с. 125]. Им же подробно сообщалось о принудительных работах крестьян в пользу фронта и разрушавших их хозяйства реквизициях. И в этом контексте бесспорной казалась мысль автора о вызревании в массах стремления к свержению самодержавия. Мало того, И. Саладков говорил о том, что война «приблизила не только буржуазно-демократическую, но и социалистическую революцию» [5, с. 138].

Как явствует из монографии И. М. Игнатенко, в экономическом плане Беларусь была «отсталой мелкокрестьянской провинцией с мизерным количеством промышленных рабочих» [6, с. 51], пролетарские и полупролетарские массы деревни составляли 70% всего сельского населения, а на Западном фронте находилось «полтора миллиона солдат, в том числе около 1,3 млн крестьян, из которых не менее одного миллиона были бедняки и батраки» [6, с. 8]. Большую часть сочинения автора заняли материалы об участии «беднейшего крестьянства» не в производстве материальных благ, а в подготовке Октябрьской революции.

В 1963 г. военная тема нашла отражение в коллективной монографии «Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917)». Один из ее разделов был посвящен промышленному производству в годы Первой мировой войны. По убеждению его автора М. Г. Матусевича, «промышленность Белоруссии в годы войны развивалась в сложных условиях, которые существенно менялись в зависимости от хода военных действий» [7 с. 89]. Автором впервые было названо количество всех предприятий (около 1200), работавших накануне войны, а также вывезенных (432) из-за угрозы захвата противником [7, с. 92].

М. Матусевич назвал ведущие отрасли промышленности, а также обратил внимание на постоянную нехватку рабочей силы для военной промышленности [7, с. 95]. Следует отметить, что, в отличие от предшественников, автор не сводил тему к возрастанию революционного движения в Беларуси.

Другой соавтор монографии – В. А. Милованов попытался охарактеризовать «Полеводство и животноводство в годы первой мировой войны», но, как явствует из его статьи, достаточной информативностью, основанной на надежных источниках, и убедительностью она не обладает. Мало того, она заполнена стереотипными сообщениями предыдущих авторов о повинностях, реквизициях и т. д. [7, с. 163]. В целом, вместо обстоятельных материалов экономического характера читатель получил публицистический очерк о крестьянстве Беларуси как союзнике рабочего класса в борьбе за свержение царского самодержавия [7, с. 167].

В таком же виде данная тема отразилась и в коллективной монографии «Победа Советской власти в Белоруссии», точнее, в разделе «Назревание революционной ситуации в период первой мировой войны». Его автор Е. И. Корнейчик использовал свой опубликованный в 1955 г. в «Гісторыі Беларускай ССР» материал, чтобы раскрыть бедствия, которые постигли российскую армию и народ в начальный период войны. Со ссылкой на М. Матусевича автор указал на перемены в промышленном производстве, отметил его направленность на нужды обороны. При этом, вопреки И. Игнатенко, который не преувеличивал экономического потенциала Беларуси, Е. Корнейчик отметил заметное возрастание «в крупных промышленных центрах Белоруссии» численности пролетариата [8, с. 62].

В подтверждение своего тезиса о том, что «сельское хозяйство Беларуси пришло в упадок», автор привел в доказательство материалы о мобилизации, реквизиции, сокращении поголовья животных и т. д. Правда, что касается сокращения посевов, то на сей раз цифры были иными, в сторону уменьшения, и без сносок на источник. Как и в предыдущем труде, все материалы о мировой войне подавались как предпосылки революции.

В 1973 г. многие достоинства и недостатки трудов, в той или иной степени касавшихся исследуемой нами проблемы, нашли воплощение во втором томе «Гісторыі Беларускай ССР». Авторы соответствующего раздела – Е. И. Корнейчик и Т. Е. Солодков считали революционные события следствием войны. В частности, под этим углом зрения авторы рассматривают погромные выступления новобранцев, мобилизованных в армию в 1914 г.

Авторы отмечают негативные последствия эвакуации либо закрытия предприятий. Вместе с тем они же говорят о существенной помощи фронту силами местной промышленности.

Сельское хозяйство Беларуси в годы войны характеризуется Е. Корнейчиком и Т. Солодковым

как «исключительно тяжелое», и в доказательство тому приводятся данные о мобилизациях и принудительных работах. «Из-за систематических реквизиций, – пишут авторы на с. 607, – количество бескоровных хозяйств в пяти уездах Минской губернии увеличилось к 1917 г. в 3,7 раза». Но сноска на источник при этом отсутствует. На наш взгляд, это не случайно, поскольку единственные в хозяйстве коровы реквизиции не подлежали.

Авторы пишут о сокращении посевов и поголовья скота, но объяснения тому не дают. Основными виновниками бедствий трудящихся называются буржуазия, помещики, царские чиновники. И как следствие народного недовольства – Февральская революция.

По такой же схеме были построены все другие труды 1970-х годов, касающиеся мировой войны. Заметным достижением среди них следует назвать монографию Э. М. Савицкого, который особо отметил, что «методологической основой его исследования явились произведения К. Маркса и В. И. Ленина, решения и постановления центральных органов партии по изучаемому периоду» [9, с. 4].

Автор значительно расширил сообщения предыдущих авторов о промышленных потерях Беларуси (в 1914 г. сокращение производства на 20%, к началу 1918 г. – на 65%), а также указал на преобладание среди местного пролетариата женщин и подростков [9, с. 8–9].

Значительно большее внимание автора привлекло сельское хозяйство: землевладение, землепользование и т. д. Следуя ленинским критериям социальной дифференциации крестьянства, автор отнес к сельским пролетариям и полупролетариям Витебской, Минской и Могилевской губерний около 70% крестьянских дворов, зажиточным и богатым хозяйствам – 10% и середнякам – 20% [9, с. 24].

Э. Савицкий, используя многочисленные документальные материалы, обратил внимание на важнейшую экономическую проблему военного лихолетья: нехватку рабочих рук и, как его следствие, сокращение спроса на помещичьи земли [9, с. 30, 38]. И здесь же автор обратил внимание на увеличение к 1917 г. посевной площади в крестьянских хозяйствах на 15,7%, но тут же призвал в этом факте не «усматривать, как это делают буржуазные историки и экономисты, не существовавшего в действительности обогащения деревни в годы войны» (9, с. 38). В подтверждение тому приводилась цифра беспосевных крестьянских дворов Беларуси [9, с. 38–41].

Исследователь Абезгауз З. Е. [10] оценивал условия военного времени для промышленного развития как «крайне неблагоприятные», при-

ведя в подтверждение цифры об уменьшении числа ценовых предприятий с 829 до 297, то есть в 2,7 раза [10, с. 337]. Им же отмечено, что снижение значительно компенсировалось размещением в Беларуси предприятий Всероссийских земского Союза и Союза городов. Отдавая должное истории как партийной науке, автор уделил особое внимание «ядру местного пролетариата» в составе 50 тыс. человек. Общее число рабочих Беларуси, названное автором, составляло примерно 270 тыс. чел. [10, с. 344].

В своей работе «Влияние войны на крестьянское хозяйство. Ухудшение положения крестьян» [11, с. 417–428] З. Абезгауз использовал уже известные материалы. Характерно, что, несмотря на крах марксистско-ленинской методологии, автор настойчиво описывал все процессы, происходившие в белорусской деревне в годы Первой мировой войны, в русле ленинской теории социалистической революции.

Похожий подход прослеживается и в работе С. С. Рудовича под названием «Беларусь в годы первой мировой войны» [12]. На наш взгляд, было бы правильнее рассматривать введение властями оборонных работ, привлечение населения и беженцев к уборке урожая, реквизицию продуктов и товаров и т. д. как вынужденную необходимость, а не произвол, тем более, не «экономический беспредел» [12, с. 459]. Слова автора о том, что население изнемогло от хозяйственной разрухи, что оппозиционные настроения выливались в открытое сопротивление властям и т. д. [12, с. 463] явно преувеличены и созвучны партийной литературе советского времени.

В то же время автором правомерно оценена причина бесчинств новобранцев в белорусской деревне во время проведения мобилизаций. Также С. Рудович уточнил (в сторону увеличения) количество мобилизованных, доведя это число до 682,2 тыс., а с учетом Гродненской губернии – «не менее чем 800 тыс. белорусов и уроженцев Беларуси» [12, с. 436].

В небольшом объеме, но достаточно емко и взвешенно, вопросы экономики представлены в научно-популярном труде В. Н. Белявиной «Беларусь в годы Первой мировой войны», изданном в 2013 г.

Среди заметных работ по названной теме находится монография М. М. Смольянинова [13]. Экономические аспекты им специально не рассматривались, за исключением материалов о мобилизации военнообязанных, эвакуации населения и материальных богатств и других [13, с. 211–214]. Помимо прочего, в работе приведены надуманные сведения о том, будто накануне Февральской революции в Беларуси, как и в «Петрограде, Москве, других городах,

разразился сильный продовольственный кризис» [13, с. 215]. В целом, несмотря на претенциозное название, данная монография не затронула вопросов сельскохозяйственного и промышленного производства Беларуси как основного занятия местного населения в годы Первой мировой войны. Почти все ее содержание посвящено фронтовым событиям, трактуемым в партийно-советском стиле.

Заключение. Таким образом, проблема существования сельского хозяйства и промышленности Беларуси в условиях Первой мировой войны специальному исследованию не подлежала. В той или иной степени она затрагивалась в трудах всех отечественных авторов, которые писали о войне. На разных этапах развития исторической науки ей была свойственна

большая или меньшая доля идеологизации в пользу правившей партии. Каждый из авторов акцентировал внимание на тяжелом положении фронтовиков, трудящихся, беженцев и других с тем, чтобы на местном материале проиллюстрировать правоту ленинского учения о социалистической революции и т. д. По причине неизученности темы современные авторы вынуждены использовать стереотипные положения партийных историков прошлого века.

В этой связи многие вопросы экономической жизни военного времени, как-то использование продукции сельского хозяйства и промышленности Беларуси для нужд армии и местного населения; влияние царского, Временного и советского правительства на местную экономику и т. д., остаются нераскрытыми.

Литература

1. Лелевич Г. Из истории крестьянского движения в Могилевской губернии накануне Октябрьской революции // Пролетарская революция. 1922. № 11. С. 116–129; Беларусь. Нарысы гісторыі, эканомікі, культурнага і рэвалюцыйнага руху / пад агул. рэд. А. Шашэўскага. Менск: Выданьне ЦВК БССР, 1924. С. 323; Чарвякоў А. За Совецкую Беларусь. Мінск: Дзяржвыдавецтва БССР, 1927. 114 с.
2. Кернажыцкі К. Старонка з гісторыі рабочага класа часоў імперыялістычнай вайны // Савецкая краіна. 1932. № 4. С. 65–70.
3. Раманоўскі М. Росквіт Савецкай Беларусі. Мінск: Дзяржвыдавецтва БССР, 1950. 36 с.
4. Гісторыя Беларускай ССР: у 2 т. Акадэмія навук Беларускай ССР, Інстытут гісторыі; пад рэд.: В. Н. Перцава, К. І. Шабуні, Л. С. Абецэдарскага. Т. 1. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук Беларускай ССР, 1955. 486 с.
5. Саладков И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX – начало XX в.). Минск: Наука и техника, 1957. 178 с.
6. Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск: Изд-во Министерства высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962. 500 с.
7. Экономика Белоруссии в эпоху империализма (1900–1917) / под ред. Г. Т. Ковалевского. Минск: Изд-во Академии наук БССР, 1963. 424 с.
8. Победа Советской власти в Белоруссии / под ред. акад. И. И. Минца. Минск: Наука и техника, 1967. 508 с.
9. Савицкий Э. М. Революционное движение в Белоруссии (август 1914 – февраль 1917 гг.). Минск: Наука и техника, 1981. 182 с.
10. История рабочего класса Белорусской ССР. В 4 т. Т. 1. Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. Минск: Наука и техника, 1984. 400 с.
11. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 2 / З. Е. Абезгауз [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2002. 552 с.
12. Гісторыя Беларусі. У 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2005. 519 с.
13. Смольянинов М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Мінск: Беларуская навука, 2014. 317 с.

References

1. Lelevich G. From the history of the peasant movement in Mogilev province on the eve of the October Revolution. *Proletarskaya revolyutsiya* [Proletarian revolution], 1922, no. 11, pp. 116–129 (In Russian); *Belarus'. Narysy historyi, ekanomiki, kul'turnaga i revalyutsyynaga rukhu* [Belarus. Essays on the history, economy, culture and revolutionary movements]. Minsk, Vydan'ne TsVK BSSR Publ., 1924, p. 323; Charvyakou A. *Za Sovetskuyu Belarus'* [For the Soviet Belarus]. Minsk, Dzyarzhvydavetstva BSSR Publ., 1927. 114 p.
2. Kernazhytsky K. Page from history of working class of times of imperialistic war. *Savetskaya kraina* [Soviet country], 1932, no. 4, pp. 65–70 (In Belarusian).

3. Ramanouski M. *Roskvit Sovetskay Belarusi* [Bloom of the Soviet Belarus]. Minsk, Dzyarzhvydavetstva BSSR Publ., 1950. 36 p.
4. *Gistorya Belaruskaj SSR: u 2 t.* [History of Belorussian SSR. In 2 vol. Vol. 1]. Minsk: Vydavetstva Akademii navuk Belaruskay SSR Publ., 1955. 486 p.
5. Saladkov I. I. *Sotsialno-ekonomicheskoye polozheniye Belorussii do Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii (konets XIX – nachalo XX veka)* [Socio-economic situation in Belarus to the Great October Socialist Revolution (end of 19th – early 20th century)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1957. 178 p.
6. Ignatenko I. M. *Bedneyshee krest'yanstvo – soyuznik proletariata v bor'be za pobedu Oktyabr'skoy revolyutsii v Belorussii (1917–1918 gody)* [Poorest peasantry is an ally of proletariat in a fight for victory of October revolution in Belorussia (1917–1918)]. Minsk: Izdatelstvo vysshego, srednego spetsial'nogo i professional'nogo obrazovaniya Publ., 1962. 500 p.
7. *Ekonomika Belorussii v epokhu imperializma (1900–1917)* [Economy of Belorussia in the epoch of imperialism (1900–1917)]. Minsk, Akademiya nauk BSSR Publ., 1963. 424 p.
8. *Pobeda Sovetskoy vlasti v Belorussii* [Victory of Soviet power in Belorussia]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1967. 508 p.
9. Savitskiy E. M. *Revolyutsionnoye dvizheniye v Belorussii (avgust 1914 – fevral' 1917 goda)* [Revolutionary movement in Belorussia (August 1914 – February 1917)]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1981. 182 p.
10. *Istoriya rabocheho klassa Belarusskoy SSR. V 4 t. T. 1. Rabochiy klass Belorussii v period kapitalizma* [History of working class of Belorussian SSR. In 4 vol. Vol. 1. Working class of Belorussia in the period of capitalism]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1984. 400 p.
11. Abezgauz Z. E., Belkin H. Y., Buhavets A. R. *Gistoryya syalyanstva Belarusi sa starazhytnykh chasou da nashykh dzion. U 3 t. T. 2* [History of peasantry of Belarus is from ancient times to our days. In 3 vol. Vol. 2]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2002. 552 p.
12. M. Bich, V. Yanouskaya, S. Rudovich. *Gistoryya Belarusi. U 6 t. T. 4. Belarus' u skladze Rasiyskay imperyi (kanets XVIII – pachatak XX st.)* [History of Belarus: in 6 vol. Vol. 4. Belarus in composition the Russian empire (an end 18th – early 20th of century)]. Minsk, Ekaperspektyva Publ., 2005. 519 p.
13. Smol'yaninov M. M. *Belarus' v Pervoy mirovoy voyne 1914–1918 godov* [Belarus in the First world war 1914–1918]. Minsk, Belarusskaya navuka Publ., 2014. 317 p.

Информация об авторе

Семенчик Николай Ефимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: polity@bk.ru

Information about the author

Semenchik Nikolai Efimovich – DSc (History), Professor, Head of the Department of History of Belarus and Political Science. Belarussian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: polity@bk.ru

Поступила 25.03.2016

УДК 947.6.«1917»

І. М. Рыжанкоў

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ХАРЧОВАЯ ПАЛІТЫКА ЧАСОВАГА ЎРАДА Ў БЕЛАРУСІ
НА ЭТАПЕ РАЗГОРТВАННЯ ЛЮТАЎСКАЙ РЭВАЛЮЦЫІ**

У артыкуле раскрываецца роля і месца харчовага пытання ў палітыцы Часовага ўрада з чэрвеня па жнівень 1917 г. Аўтар адзначае, што ў чэрвені – ліпені дзяржаўныя структуры і «рэвалюцыйная дэмакратыя» працягвалі працаваць на павышэнне эфектыўнасці агітацыйна-прапагандысцкай работы на вёсцы. Сфармаваная сетка губернскіх, павятовых і валасных харчовых камітэтаў распачала рэалізацыю хлебнай манаполіі: улік, развёрстку і рэквізіцыі хлебных запасаў ураджаю 1916 г. па «цвёрдых цэнах». З ліпеня 1917 г. са зрывам наступальніцкіх аперацый і палітычным крызісам, абвастрэннем дэфіцыту прамысловых тавараў, інфляцыяй зніжаюцца памеры продажу дзяржаве хлеба, частка валасных харчовых камітэтаў санкцыянуюць захоп памешчыцкіх пасаваў, выганаў і выпасаў. Павялічваецца таемны продаж хлеба па высокіх цэнах, распаўсюджваецца вінакурэнне. Павышэнне Часовым урадам пад канец жніўня «цвёрдых цэн» на хлеб у два разы не вырашыла кардынальна сітуацыю.

Ключавыя словы: рэвалюцыя, «цвёрдыя цэны», хлебныя запасы, аграрнае пытанне, рэквізіцыі, Устаноўчы сход, дэмакратыя.

I. M. Ryzhankou

Belarusian State Technological University

**FOOD POLICY OF THE PROVISIONAL GOVERNMENT IN BELARUS
DURING THE DEPLOYMENT PHASE OF THE FEBRUARY REVOLUTION**

The article reveals the role and place of food issues in politics of the Provisional government in the period from June to August, 1917, the Author notes that in June-July, the state structures and “revolutionary democracy” continued to work on improving the efficiency of propaganda work in the village. Formed a network of provincial, district and volost committees of the food to start implementing the grain monopoly: accounting, schedule and requisition grain stocks of the 1916 crop at fixed prices. From July 1917 with the failure of the offensives and political crises, the aggravation of the shortage of industrial goods, the inflation reduced the size of the sale to the state of bread, food volost committees authorize the seizure of landlords’ crops, pastures and paddocks. Increases secret sell bread at high prices, is distributed distillation. The increase in the Provisional governments at the end of August “firm price” for bread twice not fundamentally solved the situation.

Key words: revolution, “fixed prices”, grain stocks, the agrarian question, requisition, the Constituent Assembly, democracy.

Уводзіны. Праблема вырашэння харчовага пытання ў перыяд міжрэвалюцыйнага ліхалецця 1917 г. выклікала цікавасць з боку савецкіх і найноўшых даследчыкаў. Сярод першых прац савецкага перыяду вылучаецца грунтоўная манаграфія намесніка міністра харчавання Часовага ўрада, дырэктара Кан’юнктурнага інстытута пры Наркомаце фінансаў СССР М. Д. Кандрацьева «Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции». Аўтар панарамна паказаў рынак хлебных культур у 1914–1918 гг., этапы рэгулявання цэн, прыклаў табліцы і дыяграмы. Велізарны масіў статыстычных матэрыялаў прадставіў А. М. Анфімаў – «Российская деревня в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.)».

У 80-я гг. навукоўцы пазнаёміліся з манаграфіяй Т. М. Кітаніцы «Война, хлеб и революция». У найноўшай гісторыі Беларусі гаспадарчае жыццё вяскоўцаў па сакавік 1917 г. ад-

люстравана ў калектыўным творы «Гісторыя сялянства Беларусі», а таксама ў шэрагу прац аўтара артыкула [1].

Асноўная частка. Харчовая палітыка Часовага ўрада ў чэрвені 1917 г. рухалася ў рэчышчы пастаноў, прынятых у першыя месяцы рэвалюцыі. Створаныя губернскія, павятовыя і валасныя харчовыя камітэты разгарнулі працу па рэквізіцыі лішкаў прадуктаў ураджаю мінулага 1916 г. У прыватнасці, Віцебскі губернска харчовы камітэт пад старшынствам Навіцкага выдаў пастанову ад 4 чэрвеня аб забароне гадлёвых аперацый з хлебнымі культурамі (жыта, пшаніца, полба, проса, грэчка, чачавіца, ячмень, вотруб’е, крупы і адыходы вытворчасці мякухі). Усе хлебныя запасы прыватных прадпрыемстваў з дня выдання пастановы пераходзілі ў загадванне губернскага харчовага камітэта, уладальнікі абавязаны неадкладна паведаміць губернскім харчовым

управам аб месцазнаходжанні і колькасці запасаў. За ўхіленне ад выканання пастановы віноўныя падлягалі адміністрацыйнай адказнасці [2].

Пільную ўвагу харчовыя ўстановы надалі рэквізіцыям у буйных уладальнікаў. Мінскі камітэт даў дазвол Койданаўскай управе правесці рэквізіцыю трохсот пудоў жыта. У прыватнасці, Ярэміцкі камітэт рэквізаваў ва ўладальніка маёнтка Обрына І. Кашыцы сто пудоў жыта. У той ж час пад рэквізіцыі траплялі нават запасы дробных вытворцаў. У фальварку Латышова Віцебскай губерні было рэквізавана тры пуды жыта, у фальварку Паплова пяць пудоў.

Наогул, вынікі хлебных збораў за першыя месяцы рэвалюцыі надалі ўпэўненасць міністру земляробства А. І. Шынгарову заявіць пра тое, што ў гарадах і на фронце няма падстаў апасацца сур'ёзнага крызісу. 5 чэрвеня міністр харчавання А. В. Пешахонаў на пасяджэнні Галоўнага харчовага камітэта ўпэўніў прысутных аб дастатковым забеспячэнні арміі і насельніцтва хлеба, фуражом і часткова мясам.

Вядома, перабой з хлебнымі пастаўкамі актыўна абмяркоўваліся на старонках мясцовай і цэнтральнай прэсы. Так, карэспандэнты газеты «Могилевская жизнь» адзначалі, што дэфіцыт хлеба напачатку 1917 г. складаў 950 млн пудоў [3]. Недахоп часткова кампінсаваўся экспартам у памеры – 610 млн пудоў. Па меркаванню аўтара артыкула, астатнія мільёны пудаў хлеба мэтазгодна было знайсці ў памешчыцкіх, сялянскіх гаспадарках, а таксама ў экспарцёраў.

Безумоўна, вынікі першага этапу перапісу – пасаваў, нарыхтоўкі харчавання, давалі ўраду падставы спадзявацца на паспяховы збор новага ўраджаю ў межах дзяржаўнай хлебнай манополіі. Наколькі вялікую ўвагу ўрад надаваў гэтай акцыі, сведчыць загад ваеннага і марскога міністра А. Ф. Керанскага за № 370 ад 21 чэрвеня «Аб сфарміраванні ва ўсіх гарнізонах каманд па зборы ўраджаю і рамонце сельскагаспадарчых машын і падпарадкавання іх харчовым камітэтам».

Невыпадкава, што загад з'явіўся ў час, калі расійская армія пачала летняе наступленне. Мяркуем, Часовы ўрад надаваў збору ўраджаю не меншую значнасць, чым перамозе ў летняй кампаніі. Такое ж стаўленне да адзначанага пытання было характэрна і для буйнейшай сялянскай грамадска-палітычнай арганізацыі – Выканкама Усерасійскага Савета Сялянскіх дэпутатаў.

На справе, ажыццяўленне збору новага ўраджаю сутыкнулася з неспадзяванымі цяжкасцямі. Яшчэ ў пачатку лета памешчыцкія гаспадаркі не маглі прыступіцца да касьбы ў нармальным умовах, паколькі попыт на працоўныя рукі значна ўзрос.

У «Витебским листке» ад 10 чэрвеня паведамлялася аб росце аплаты працы з 3 да 8–9 руб.

на дзень. На Палессі, як адзначала «Новае Варшавское утро» ад 3 жніўня 1917 г., цэны на працоўныя рукі ўзраслі – да 15 руб. за 8-гадзінны працоўны дзень. Аб дарагоўлі на працоўныя рукі паведамлялася на старонках газеты «Могилевская жизнь» ад 5 жніўня – у Сенненскім павеце касец атрымліваў 7–10 руб., а ў Магілёўскай губерні з харчаваннем – 5 руб.

Добра вядома, што ўтрымліваць («кармавы аклад») 1 ваеннапалоннага было значна танней (з 15 ліпеня каштавала 50 кап. на дзень) [4], чым парабка, прыватныя гаспадаркі і рознага кшталту ўстановы імкнуліся па дамове з камандаваннем выкарыстоўваць ваеннапалонных у якасці рабочых. Зразумела, сяляне выкарыстоўвалі дэфіцыт працоўнай сілы на сваю карысць і мусілі рабіць перашкоды землеўладальнікам. У выніку ўласнікі пазбаўляліся часта адзінага спосабу сабраць ураджай.

Пры падтрымцы харчовых камітэтаў вяскоўцы выносілі пастановы аб выкананні пэўнага аб'ёму работ на сваіх умовах. Абапіраючыся на пастанову «Аб ахове пасаваў» у частцы «прымушовай перадачы» пустуючых зямель, вяскоўцы праганялі з прыватнаўласніцкіх палёў ваеннапалонных і нават парабкаў і тым самым ставілі пад пагрозу збор ураджаю ў памешчыцкіх маёнтках. Так, у Невельскім павеце сяляне здымалі з працы ваеннапалонных-рабочых і прапаноўвалі памешчыкам свае паслугі за плату [5]. У Горацкім павеце сяляне самавольна выпусцілі коней і кароў на канюшынавую сенажаць земскага маёнтка «Чурылава». На што газета «Могилевская жизнь» ад 29 ліпеня са шкадаваннем адзначае, што сенакос павялічыў бы запасы фуражу для арміі.

Усведамляючы пашырэнне маштабаў супярэчнасцяў паміж дробнымі і буйнымі вытворцамі на этапе збору ўраджаю, міністр унутраных спраў І. Цэрэтэлі звярнуўся да мясцовых органаў улады з заклікам аб прадухіленні сялянамі захопаў, узарання і засеву чужых палеткаў, прад'яўлення «сельскім гаспадарам» патрабаванняў, якія немагчыма выканаць, згону з іх палёў рабочых і г. д. У сваю чаргу, Віцебская губернская харчовая ўправа выдала пастанову, паводле якой за гвалтоўныя дзеянні ў дачыненні да прыватнай уласнасці прадугледжвалася крымінальная адказнасць, прычым органам улады было прапанавана звяртацца да ваеннай сілы.

Дапамогу мясцовым органам пачало аказваць ваеннае камандаванне. Загадам ад 17 ліпеня Галоўнакамандуючага арміямі Заходняга фронту ген. А. І. Дзянікіна прадугледжвалася пакаранне за перашкоду ў зборы ўраджаю ў форме штрафу – 300 руб. або турэмнае зняволенне да шасці месяцаў. Варта адзначыць, што губернска і павятовыя органы ўлады не пакідалі без увагі ніводнага правапарушэння, здзейсненага сялянамі,

нават тады, калі яны адбываліся не стыхійна, а паводле пастановаў мясцовых харчовых камітэтаў.

Усё ж вясной-летам захопныя тэндэнцыі ў гаспадарчай жыццяздзейнасці вёскі саступалі месца арганізаваным яе формам, што, у прыватнасці, знайшло ўвасабленне ў перапісе новага ўраджаю, яго зборы і рэквізіцыі ва ўмовах абвешчанага Часовым урадам «хлебнай манаполіі». У той самы час наспеў чарговы канфлікт паміж сялянствам як вытворцам сельгаспрадуктаў і горадам і арміяй як іх спажыватцамі. Так, вынікі перапісу на Міншчыне ў чэрвені напачатку давалі ўрадавым органам аптымістычныя прагнозы на нарыхтоўкі збожжа новага ўраджаю. Але, як сведчыць «Новое Варшавское утро» ад 29 ліпеня, хлебнае пытанне ў некаторых гарадах Міншчыны ўскладнілася, бо сяляне адмаўляліся «даваць хлеб».

Трэба ўлічваць мясцовыя неспрыяльныя кліматычныя ўмовы. На старонках «Могилевской жизни» ад 3 жніўня прыводзілася інфармацыя статыстычнага адзела губернскай земскай управы з Аснёнскай воласці Мсціслаўскага павета: «Жыта ўраджаю 1917 г. загінула..., яравыя хлеба ранняга пасева пакуталі ад засухі, але познія яравыя пасевы, дзякаючы выпаўшым дажджам, выправіліся і зараз добрыя. Травы пакуталі ад засухі, збор ніжэй сярэдняга. Сеянныя травы загінулі зусім». Яшчэ больш неспрыяльная для хлебнарыхтовак сітуацыя склалася на Віцебшчыне, дзе разгортваецца спекуляцыя хлебам і самагонаварэнне. Карэспандэнт той жа «Могилевской жизни» ад 25 жніўня прывёў прыклад, калі сяляне з Машканскай воласці Сенненскага павета набывалі жыта па 7–8 руб., а прадавалі яго ў Віцебску па 15 руб. за пуд.

Пагроза для хлебнай манаполіі выявіла сябе яшчэ ў ліпені, калі вытворцы сельгаспрадуктаў, асабліва сяляне, адчулі пэўную загананасць у сістэме нарыхтовак, якая пазбаўляла іх магчымасці вольна распараджацца нават невялікай часткай сваіх прадуктаў. Так, крамы харчовых камітэтаў і кааператыўных арганізацый прадавалі рэквізаванае ў вытворцаў жыта па 3 руб. 85 кап. за пуд. Вясковыя жытары Віленскай губерні, наогул, лічылі хлебную манаполію несправядлівай «з прычыны прапануемых спекулянтамі велізарных цэн і празмернай дарагоўлі ўсіх прадметаў першай неабходнасці» [6]. Напрыклад, напрыканцы лета плуг каштаваў 60 руб., сякера – 10 руб., серп – 10 руб., вілы для сена – 4 руб. 50 кап., вілы для гною – 7 руб. 50 кап., рыдлёўка – 6 руб. 50 кап., падвода – 450 руб. [7].

Аб працы V сесіі агульнадзяржаўнага харчовага камітэта паведамляе «Могилевская жизнь» ад 18 жніўня. На форуме А. В. Пешахонаў адзначыў, што неабходна ўлічваць псіхалогію сялян, якія згодныя з рэквізіцыямі ў выпадку

ўсталавання «цвёрдых цэн» на прамысловыя тавары, прычым буйныя памешчыкі ахвотней удзельнічалі ў рэквізіцыях. Асноўны разлік у дзяржавы быў на сялянскі хлеб, бо прыватнаўласніцкія гаспадаркі значна пакуталі ад нястачы працоўных рук і незаконных пакосаў.

На гэтай жа сесіі намеснік міністра харчавання У. М. Башкіраў падвёў папярэднія вынікі нарыхтоўкі: «з 10 чэрвеня па 1 жніўня: ссыпана (у тысячах пудоў) жыта – 15 995, пшаніцы – 25 527, аўса – 15 738, ячменю – 3 749, проса – 2 557, грэхчы – 1 275, рыса, гароху, крупы і бабоў – 7 675 – усяго 72 316 (семьдзсят два міль. 316 000 пуд)... Па чатырох галоўных хлебах з 1 жніўня 1916 па 1 ліпеня 1917 г. – 466 953 256 пудоў... Адпаведна 60,3% ад колькасці запланаванага ў снежні 1916 г. нарыхтоўкі».

Усведамляючы неабходнасць стымуляцыі сялянства ў выкананні заданняў па харчовых нарыхтоўках, Часовы ўрад прыкладаў намаганні для забеспячэння яго патрэб у прамысловых таварах, найперш у сельгасгаспадарчых прыладах працы і тэхніцы [8]. Гэтая функцыя была ўскладзена на харчовыя камітэты ўсіх узроўняў на чале з міністэрствам. Так, у жніўні Міністэрства харчавання перадало ў распараджэнне Мінскага камітэта 3000 пудоў цвікоў розных памераў для забеспячэння вёскі.

Як і раней, сіламі цэнтральных урадавых органаў адбывалася транспарціроўка з паўднёвых рэгіёнаў імперыі ва ўскраінныя, так званыя «спажывецкія» губерні, у тым ліку беларускія, хлебнай мукі лепшых гатункаў, цукру, алею і іншых прадуктаў. Але з сярэдзіны лета гэтыя пастаўкі рэзка зменшыліся. Магілёўская губерня ўжо не магла разлічваць на штогадовыя 3, 5 міль. пудоў жыта. Мінская губерня замест штомесячнай нормы хлеба ў 300 вагонаў атрымала толькі 50. 13 жніўня Віцебскі харчовы камітэт канстатаваў, што «...губерня ў бягучым годзе не можа разлічваць на прыток хлеба, і на мясцовы хлеб у нас адзіная надзея» [9].

Таму невыпадкова, што сяляне імкнуліся схаваць збожжа ад рэквізіцыі, каб пры выпадку прадаць яго тым, хто плаціў больш, чым нарыхтоўчыя службы. Натуральна, што рэалізацыя прадуктаў, дазволена для продажу (малако, яйкі, гародніна) на рынку адбывалася па высокіх цэнах для гараджан.

У такіх умовах рэквізіцыі новага ўраджаю ў кожнай з беларускіх губерняў набывалі свае асаблівасці, але ў цэлым іх стан пагоршыўся, нават нягледзячы на тое, што Часовы ўрад напрыканцы жніўня ўдвая павялічыў закупачныя цэны на жыта.

Заклучэнне. Харчовая палітыка Часовага ўрада на Беларусі мела агульнадзяржаўны надкласавы характар. Вясной 1917 г. сялянства

станоўча адгукнулася на ўрадавыя мерапрыемствы па забеспячэнню дзяржавы хлебам. У той жа час беларускія губерні не адносілася да вытворцаў хлеба і самі адчувалі патрэбу ў дапамозе. 3 чэрвеня па жнівень 1917 г. назіраецца

паступовае зніжэнне тэмпаў продажу хлеба. Мяркуем, што ў комплексе прычын зрыву хлебнай манаполіі пад восень 1917 г. вылучаецца не супадзенне гаспадарчых (карпаратыўных) і дзяржаўных інтарэсаў.

Літаратура

1. Рыжанкоў І. М. Беларускае сялянства і харчовая палітыка Часовага ўрада (сакавік – кастрычнік 1917 г.) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. гум. навук. 2006. № 3. С. 70–78.
2. Обязательное постановление Витебского губернского продовольственного комитета // Витебский листок. 1917. 9 июня. С. 1.
3. По России. О хлебе // Могилевская жизнь. 1917. 4 октября. С. 2.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. Ф. 5301 [Зборнік загадаў Штабу армій Заходняга фронту].
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 60. Воп. 3. Спр. 242. Л. 254.
6. НАРБ. Фонд 60. Воп. 3. Спр. 158. Л. 23.
7. НАРБ. Фонд 640. Воп. 2. Спр. 15. Л. 64–64 адв.
8. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. 487 с.
9. НАРБ. Фонд 624. Воп. 1. Спр. 59. Л. 142.

References

1. Ryzhankou I. M. Belarusian peasants and food policy of the Provisional Government (March – October, 1917). *Vestsi Natsyyanal'nay Akademii navuk Belarusi. Seryya humanitarnykh navuk* [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Series of humanitarian Sciences], 2006, no. 3, pp. 70–78 (In Belarusian).
2. Bound by the provisions Vitebsk Provincial Food Committee. *Vitebskiy listok* [Vitebsk sheet], 1917, 9 June, p. 1 (In Russian).
3. In Russia. About bread. *Mogilevskaya zhizn'* [Mogilev life], 1917, 4 October, p. 2 (In Russian).
4. National Historical Archives of Belarus. Fund 5301 [Zbornik zagadau Shtabu armiy Zakhodnyaga frontu].
5. The National Archives of the Republic of Belarus (hereinafter NARB). Fund 60. I. 3. F. 242. L. 254.
6. NARB. Fund 60. I. 3. F. 158. L. 23.
7. NARB. Fund 640. I. 2. F. 15. L. 64–64 adv.
8. Kondrat'ev N. D. *Rynok hlebov i ego regulirovanie vo vremya voyny i revolyutsii* [Bread market and its regulation in time of war and revolution]. Moscow, Nauka Publ., 1991, 487 p.
9. NARB. Fund 624. I. 1. F. 59. L. 142.

Інфармацыя пра аўтара

Рыжанкоў Ігар Міхайлавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: im@belstu.by

Information about the author

Ryzhankou Igar Mikhaylavich – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: im@belstu.by

Паступіў 23.03.2016

УДК. 338.45(476)«1914»

А. А. Райчонак

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ПРАМЫСЛОВАСЦЬ БЕЛАРУСІ НАПЯРЭДАДНІ
І Ў ПАЧАТКУ ПЕРШАЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ**

У дадзеным артыкуле разглядаецца стан прамысловасці Беларусі ў пачатку XX ст., яе галіновая спецыфіка і тэмпы росту. Закранаецца пытанне колькасці, структуры і сацыяльнага становішча працоўнага класа. Даецца ацэнка стану працэсу мадэрнізацыі беларускага грамадства і ступень яго прасоўвання ад аграрнага да індустрыяльнага грамадства. Разглядаецца месца і роля беларускай прамысловасці ў агульнарасійскім рынку. Даецца ацэнка змен, якія адбыліся ў структуры і аб'ёмах прамысловасці Беларусі з пачаткам Першай сусветнай вайны. Разглядаецца працэс пераходу прамысловасці на ваенныя рэйкі, мабілізацыі мужчынскага насельніцтва ў армію, а таксама пачатак працэсу эвакуацыі вытворчасці, што звязана з паспяховым нямецкім наступленнем 1915 г., даследуецца ўплыў, які зрабіла першая сусветная вайна на прамысловасць Беларусі, у прыватнасці і на эканоміку ў цэлым. Даследуюцца такія параметры, як узровень зароботнай платы, рост цэнаў, забяспечанасць грамадскага насельніцтва харчаваннем і таварамі першай неабходнасці. Даецца характарыстыка сацыяльных зменаў, якія адбыліся ў выніку пачатку Першай сусветнай вайны і перамяшчэння баявых дзеянняў на тэрыторыю Беларусі, а таксама іх уплыву на далейшае развіццё сацыяльнага, нацыянальнага і палітычнага руху ў Беларусі.

Ключавыя словы: прамысловасць, галіновая структура, рабочы клас, Першая сусветная вайна, мабілізацыя, узровень жыцця, эканамічны крызіс.

A. A. Raichonak

Belarusian State Technological University

**INDUSTRY IN BELARUS ON THE EVE AND AT THE BEGINNING
OF THE FIRST WORLD WAR**

This article discusses the state of the industry of Belarus at the beginning of the twentieth century, its industry-specific and growth. It raises issues of quantity, structure and social position of the working class. It is given an assessment of the process of modernization of the Belarusian society and the degree of progress from an agrarian to an industrial society. The place and role of the Belarusian industry in the national market is analyzed. The changes in the structure and volume of industry in Belarus with the beginning of the First World War were estimated. The process of the translation industry on a war footing, the mobilization of the male population in the army as well as the beginning of the evacuation process of production associated with the successful German offensive in 1915 are examined. The impact of the First World War on the Belarusian industry in particular and the economy in general is analyzed. Such parameters as the level of wages, the rise in prices of food security of the civilian population and essential commodities are investigated. The characteristic of the social changes that have occurred as a result of the First World War and the movement of the fighting on the territory of Belarus, as well as their influence on the further development of social, national and political movement in Belarus are characterized.

Key words: industry, industrial structure, the working class, the First World War, mobilization, standard of living, economic crisis.

Уводзіны. Вайна, якая распачалася ў жніўні 1914 г., вельмі хутка выявіла недахопы эканамічнага ладу і развіцця прамысловасці краін, што ў ёй удзельнічалі. Гэту вайну паспяхова маглі весці толькі краіны, якія валодалі дастатковым эканамічным патэнцыялам, мелі развітую прамысловасць, асабліва такія яе галіны, як паліўная, металургічная, машынабудаўнічая і хімічная. Расія, а разам з ёй і Беларусь вельмі хутка пасля пачатку вайны апынуліся ў цісках вострага гаспадарчага крызісу, перш за ўсё транспарту, недахопу паліва і металу, харчавання і кваліфікаваных рабочых кадраў, што выклікала сур'ёз-

ныя цяжкасці ва ўзбраенні і агульным матэрыяльна-тэхнічным забеспячэнні арміі, ва ўмовах жыцця насельніцтва краіны. Гэта пацягнула незадаволенасць грамадства і прывяло да ўзрастання рэвалюцыйных настрояў у краіне.

Асноўная частка. Агульная характарыстыка прамысловасці Беларусі, як галіны народнай гаспадаркі, напярэдадні Першай сусветнай вайны выглядае наступным чынам. У 1913 г. у Беларусі налічвалася 1282 цэнзавыя прадпрыемствы з 55 тыс. занятых на іх рабочых. Акрамя гэтага, было 98,5 тыс. дробнакапіталістычных прадпрыемстваў і саматужна-рамесных майстэрняў

з 94 тыс. рабочых. Яшчэ 40 тыс. рабочых былі заняты на чыгунцы, 86 тыс. у будаўніцтве, лесанарыхтоўцы і як чорнарабочыя, 44 тыс. у гандлі, сувязі, камунальным і бытавым абслугоўванні і 200 тыс. былі заняты ў якасці сельскагаспадарчых рабочых. Такім чынам, агульная колькасць сталых наёмных рабочых складала 519 тыс. чалавек.

Аналіз нацыянальнага складу рабочага класа Беларусі быў зроблены гісторыкам Бічом М. В. на падставе перапісу 1897 года. Згодна з яго дадзенымі, у прамысловасці, гандлі, на ўсіх відах транспарту і сродкаў сувязі, а таксама ў ролі хатняй прыслугі і падзёншчыкаў (гарадскіх) былі заняты 289,7 тыс. чалавек, з іх беларусаў – 49,7 тыс. (17,1%), рускіх – 29,4 тыс. (10,1%), палякаў – 29,6 тыс. (10,2%), яўрэяў – 173,5 тыс. (59,9%), літоўцаў – 2,3 тыс. (0,8%), латышоў – 3,6 тыс. (1,3%), украінцаў – 1,6 тыс. (0,6%). Далей ён піша: “Адсутнасць адпаведных крыніц для больш ранняга і больш позняга перыяду не дазваляюць прасачыць змены ў нацыянальным складзе прамысловага пралетарыяту Беларусі на працягу ўсёй эпохі капіталізму. Можна, аднак, сцвярджаць, што да 1917 г. значных змен не было, паколькі палітычныя і сацыяльна-эканамічныя ўмовы фарміравання мясцовага пралетарыяту захоўваліся ў аснове тых ж, што і ў канцы XIX ст” [1, с. 39].

Такім чынам, можна прыйсці да вываду, што к 1914 г. колькасць беларусаў-рабочых у гарадах і мястэчках складала прыблізна – 54,9 тыс. Прыбавіўшы да гэтай лічбы 200 тыс. сельскагаспадарчых рабочых, сярод якіх у сілу нацыянальнага складу вёскі было практычна не меней за 90% беларусаў, атрымаем агульную колькасць беларускага пралетарыяту – прыблізна ў 250 тыс. чалавек.

Трэба падкрэсліць, што хаця к другому дзесяцігоддзю XX ст. буйная прамысловасць абганяла дробную па тэмпах росту, апошняя па ліку прадпрыемстваў і занятых у ёй рабочых займала пераважнае становішча. Канцэнтрацыя пралетарыяту была не высокай: на адно прадпрыемства прыпадала 43 рабочыя. Большасць цэнзавых прадпрыемстваў (68%) знаходзілася ў сельскай мясцовасці, а колькасць рабочых, якія працавалі па-за горадамі, складала 51,4%. Частка рабочых працягвала захоўваць сувязь з зямлёй [2, с. 117].

У валавой прадукцыі доля дробнай і рамесна-саматужнай прамысловасці складала 53,5%, а буйной (цэнзавай) – 46,5%. Але для паўнаты карціны варта прывесці заўвагу гісторыка Ігнаценкі І. М., які лічыць, што нельга змешваць паняцці “буйная” і “цэнзавая” прамысловасць. Ён піша: “У перыяд імперыялізму, калі прамысловасць дасягнула высокага ўзроўню развіцця, да разрады буйных адносіліся прадпрыемствы з колькасцю рабочых звыш 200 чалавек на кожным. Такіх прадпрыемстваў у 1913 г. было 40

(18 364 рабочых)” [2, с. 32]. Калі прыняць да ўвагі дадзеную інфармацыю, то доля буйных прадпрыемстваў у валавой прадукцыі значна знізіцца.

Такім чынам, у Беларусі працягваў захоўвацца адносна нізкі ўзровень прамысловай вытворчасці і яе канцэнтрацыі. Да Першай сусветнай вайны Беларусь у прамысловых адносінах знаходзілася прыкладна на адным узроўні развіцця з іншымі не індустрыяльнымі раёнамі, з’яўляючыся, па сутнасці, сыравінным і аграрным рэгіёнам Расійскай імперыі.

Яшчэ больш ускладніла становішча прамысловасці Першая сусветная вайна, якая прывяла да значнага скарачэння колькасці прадпрыемстваў і падзення вытворчасці прадукцыі цывільнага прызначэння да 15–16% ад даваеннага ўзроўню.

Вайна легла цяжкім цяжарам на плечы працоўных, прынесла ім незлічоныя бедствы. Мясцовыя ўлады, буржуазія горада і вёскі скарысталі ваеннае становішча для значнага ўзмацнення палітычнага і эканамічнага прыгнёту. З першых дзён вайны заходнія губерні былі аб’яўлены на ваенным становішчы. У выдадзеных ва ўсіх губернях спецыяльных пастановах падкрэслівалася, што за “бунт супраць улады” вінаватыя “падлягаюць ваеннаму суду і па законах ваеннага часу да смяротнага пакарання ўключна”. Меры, якія прымаюцца ў “законным” парадку, узмацняліся дыктатарскімі паўнамоцтвамі, прадстаўленымі губернатарам міністрам унутраных спраў.

Пагаршэнне становішча рабочых перш за ўсё выявілася ў падаўжэнні працоўнага часу. Пасля абвешчэння вайны рушылі ўслед распараджэнні аб адмене абмежаванняў працягласці працоўнага дня, прымяненні жаночай і дзіцячай працы. Прадпрыемнікі пайшлі па шляху шырокага выкарыстання так званых «звышурочных» работ у выхадныя і святочныя дні, ад якіх рабочыя не мелі права адмаўляцца. Гэты від эксплуатацыі прыняў у гады вайны шырокія памеры. У большасці майстэрняў працоўны дзень, працягваючыся 15–16 гадзін у суткі. Рабочыя вымушаныя былі мірыцца са «звышурочнымі» працамі не толькі ў сілу іх абавязковасці, але і з-за інфляцыі, рэзкага росту коштаў на прадметы першай неабходнасці, кватэры, паліва і г. д.

Адзіным сродкам існавання асноўнай масы працоўных з’яўлялася заробная плата. Статыстыка фабрычнай інспекцыі не падзяляла рабочых па памерах атрыманага заробку і тым самым павялічвала сярэднегадавую зарплату за кошт невялікай групы высокаплатных працоўных. Так, у чэрвені 1916 г. з 1594 рабочых фабрыкі «Дзвіна» і акцыянернага таварыства Дняпроўскай мануфактуры 1345 чалавек, або 85%, атрымлівалі ў дзень ад 50 кап. да 1,5 руб. У той жа час заробкі невялікай групы рабочых (249 чалавек, ці 15%) даходзілі да 6 руб. у дзень. Змены

сярэднегадавога заробку рабочых у цэлым па Расіі і ў Віцебскай, Мінскай, Магілёўскай губернях характарызуюцца наступнымі дадзенымі фабрычнай інспекцыі: у 1913 г па Расіі ў цэлым ён складаў 264 руб., па 3 беларускіх губернях – 188,6 руб., у 1914 г. – адпаведна 271 і 169,6, у 1915 г. – 322 і 168,6 руб. У 1915 г. сярэдні намінальны заробак фабрычна-завадскіх рабочых у параўнанні з 1913 г. павялічыўся ў Расіі ў цэлым на 22%, а па трох беларускіх губернях зніўся на 10,7% і быў у гэты час ніжэй за агульнарасійскі ўзровень на 47,6 %.

На паніжэнні зароботнай платы адбілася таксама пашырэнне ў гады вайны эксплуатацыі больш таннай жаночай і дзіцячай працы. У Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай губернях на прадпрыемствах, падпарадкаваных нагляду фабрычнай інспекцыі, жанчыны, дзеці і падлеткі да 17 гадоў у час вайны складалі 58,4% агульнай колькасці рабочых. А зароботная плата ў іх была значна ніжэйшая, чым у дарослых мужчын. Напрыклад, на віцебскім дражджавым заводзе «Мізрох» у 1915 г. заробкі рабочых-мужчын складалі 23–25 руб. у месяц. У той жа час жанчыны, дзеці і падлеткі, якія складалі 2/3 працоўных гэтага прадпрыемства, пры 14-гадзінным працоўным дні атрымлівалі ў месяц толькі 6–12 руб.

Некалькі лепшым было становішча рабочых на тых прадпрыемствах, якія ў гады вайны былі забяспечаны палівам, сыравінай і матэрыяламі і не прыпынялі работ. Гэта былі пераважна прадпрыемствы, якія ў той ці іншай меры працавалі на вайну. Сярэднегадавая зароботная плата высокааплатаных катэгорый рабочых на гэтых прадпрыемствах складала ў 1913 г. – 255, у 1914 г. – 282, у 1915 г. – 364 руб., г. зн. вырасла за гэтыя гады на 42%. Узровень зароботнай платы ў іх у 1913 г. быў вышэйшы за сярэдні па Беларусі на 21%. Да 1917 г. ён павысіўся на 133%. Рост зарплат на гэтых прадпрыемствах, паколькі яны працавалі на вайну, быў больш хуткім, чым на іншых, не звязаных з абслугоўваннем фронту. Між тым рэальная зарплата рабочых Беларусі зніжалася з прычыны рэзкага росту коштаў на прадметы першай неабходнасці, а таксама за кошт розных вылікаў і штрафаў. Прычым магчымасць адпору з боку рабочых, асабліва на прадпрыемствах, якія працавалі на армію, значна паменшылася з прычыны дзеяння законаў ваеннага становішча. На фабрыцы «Дзвіна» ў 1914 г. было накладзена на працоўных: 3930 штрафаў на суму 1169 руб. 69 кап., а ў 1915 г. колькасць штрафаў ўзрасла да 4148 руб. 59 кап [4].

Нароўні са штрафамі і рознымі ўтрыманнямі павялічыліся размеры падаткаў на працоўных. У 1916 г. у параўнанні з 1913 г. прамыя падаткі выраслі ў 1,5 разу, а ўскосныя – амаль у 2 разы. Асноўны цяжар падаткаў клаўся на працоўных,

якія выплачвалі 92% агульнай сумы, і толькі 8% прыходзілася на заможныя класы.

З першых жа дзён вайны пачаўся хуткі рост цэн на прамысловыя і харчовыя тавары, на кватэры і паліва. Жыллёвыя ўмовы рабочых з прычыны перапаўнення гарадоў і мястэчак войскамі і бежанцамі вельмі пагоршыліся. Рэзка паднялася кватэрная плата. У жніўні 1915 г. домаўладальнікі Полацка павысілі плату за кватэры на 50–100 і больш працэнтаў. У Мінску цэны на хлеб ужо ў жніўні 1914 г. павялічыліся з 5 да 8 кап. за фунт. Да канца 1915 г. у Мінскай губерні цэны падняліся на 150–300%. Спекуляцыя таварамі першай неабходнасці асабліва ўзрасла ў 1916 г., калі рэзка скарацілася дастаўка прадуктаў харчавання ў гарады і стварылася спрыяльнае становішча для бессаромнай нажывы на патрэбах працоўных. Спекуляцыяй займаліся дробныя рознічныя гандляры і буйныя аптавікі, банкі і члены харчовых камісій, памешчыкі і кулакі. У Віцебску ўжо ўвесну 1915 г. зніклі з продажу цукар, соль, мука і іншыя прадукты. Насельніцтва, падазраючы, што гандляры прытрымліваюць тавары ў чаканні далейшага павышэння цэнаў, запатрабавала перападліку крам і складаў.

Уладальнікі фабрык і заводаў, нязначна павысілі намінальную зароботную плату працоўных, у той час атрымлівалі каласальныя прыбыткі дзякуючы выгадным ваенным заказам і рэзкаму павышэнню цэн на прамысловыя тавары. Так, прыбыткі ўладальнікаў Рэчыцкага дротава-цвіковага завода ўзраслі да 1916 г. у параўнанні з даваенным часам у 16 разоў, на Віцебскім аптычным заводзе – у 5, на Полацкім паравым млыне – у 8,8 разу.

З-за скарачэння пасяўных плошчаў, зніжэння ўраджайнасці, знішчэння пасеваў у выніку ваенных дзеянняў валавыя зборы збажыны ў Беларусі ў 1913–1917 гг. значна зменшыліся: жыта і пшаніцы – на 32%, ячменю і аўса – на 19, бульбы – на 7%. У той жа час з-за праблем з транспартам увоз хлебных грузаў ў Мінскую і Магілёўскую губерні ў 1915 г. у параўнанні з 1914 г. скараціўся на 40%. У Мінску недахоп прадуктаў стаў востра адчувацца ўжо са студзеня 1915 г. Улетку і ўвосень перабоі ў забеспячэнні Мінска таварамі першай неабходнасці пачасціліся.

Вывады. У выніку масавага прыцягнення прамысловых прадпрыемстваў да вырабу вайсковай прадукцыі ў прамысловасці адбыліся структурныя зрухі ў сэнсе змены суадносін асобных галін індустрыі. Падчас вайны цэнтр цяжару быў перанесены на галіны, якія выраблялі прадметы ваеннага забеспячэння. Гэтыя галіны хутка развіваліся. У той жа час галіны прамысловасці, слаба звязаныя з абслугоўваннем арміі, па прычыне змяншэння ў іх нормы прыбытку, недахопу сыравіны, кваліфікаваных рабочых, недахопу

грашовых сродкаў на капітальнае будаўніцтва, засталіся альбо ў стабільным становішчы, альбо рэзка скарацілі сваю вытворчасць. Усё гэта адмоўна адбілася на працэсе ўсёй вытворчасці, выклікала рэзкія дыспропорцыі ў народнай гаспадарцы, што прывяло да парушэння нармальных узаемаадносін паміж прамысловасцю і сельскай гаспадаркай, паміж прамысловасцю і транспартам, выклікала таварны голад і павялічыла патрэбу народных мас.

Вайсковыя дзеянні на тэрыторыі Беларусі не толькі прынеслі рэзкае пагаршэнне сацыяльна-эканамічнай сітуацыі, але і прывялі да таго, што галоўны арэал кансалідацыі беларускай

нацыі, які вызначаецца як тэрыторыя Паўночна-Заходняга і часткі Цэнтральнага рэгіёнаў, аказаліся адрэзаным лініяй фронту ад галоўнага нацыянальнага цэнтра, якім к таму часу становіцца Мінск. Акрамя гэтага, вайна прывяла да таго, што значная колькасць людзей, здольных падтрымаць намаганні па стварэнні беларускай дзяржаўнасці, былі адарваны ад Беларусі і знаходзіліся па-за яе тэрыторыяй. Наяўнасць нявырашаных эканамічных праблем, у першую чаргу зямельны крызіс, заняпад прамысловасці і ваенныя разбурэнні, выставілі на першы план эканамічныя патрабаванні, пры гэтым вайна не парадзіла, а абвастрыла гэтыя супярэчнасці.

Літаратура

1. Біч М. В. Нацыянальны склад прамысловага пралетарыяту Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1972. № 4. С. 32–40.
2. Панютіч В. П. Из истории формирования пролетариата Белоруссии, 1861–1914 гг. Минск: Наука и техника, 1969. 190 с.
3. Игнатенко И. М. Февральская буржуазно-демократическая революция в Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1986. 343 с.
4. НАРБ. Ф. 60. Воп. 3. Спр. 151. Арк. 203.

References

1. Bich M. V. National composition of Belarus' industrial proletariat in the late 19th – early 20th century. *Vesti AN BSSR. Seriya gramadskikh navuk* [Proceedings of the AS BSSR. Series of social Science], 1972, no. 4, pp. 32–40 (In Belarussian).
2. Panyutich V. P. *Iz istorii formirovaniya proletariata Belorussii, 1861–1914 gg.* [From the history of the formation of the proletariat of Belarus, 1861–1914]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1969. 190 p.
3. Ignatenko I. M. *Fevral'skaya burzhuzno-demokraticeskaya revolyuciya v Belarusi* [February bourgeois-democratic revolution in Belarus]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1986. 343 p.
4. NARB. Fund 60. I. 3. F. 151. L. 203.

Інфармацыя пра аўтара

Райчонак Аляксандр Аляксандравіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: raichenok@belstu.by

Information about the author

Raichonak Aliexander Aliexandravich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: raichenok@belstu.by

Паступіў 30.03.2016

УДК 94:7(476)«1918/1939»

В. У. Коваль

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**МУЗЫЧНАЕ І ТЭАТРАЛЬНАЕ МАСТАЦТВА БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯСПАРЫ
(1918–1939)**

Дадзены артыкул прысвечаны гістарычнаму даследаванню працэсаў фарміравання і развіцця музычнага і тэатральнага мастацтва беларускай дыяспары з 1918 па 1939 г. Матэрыял прадстаўляе тэатральнае жыццё беларускіх эмігрантаў як неад'емную частку нацыянальнай культуры ў кантэксце сусветнага культурнага развіцця. Беларускія тэатры ў Латвіі, Літве, Чэхаславакіі і Аргенціне станавіліся важным механізмам для дэманстрацыі нацыянальнай культуры ў агульнасусветным маштабе.

Асабліва ўвага нададзена аналізу супрацоўніцтва паміж беларускімі і ўкраінскімі эмігрантамі ў Чэхаславакіі і Канадзе. Культурная дзейнасць беларускіх эмігрантаў была важным фактарам іх адаптацыі да новых умоў жыцця. Аўтар артыкула прыходзіць да высновы, што культурнае жыццё замежных беларусаў мела важную ролю для дзейнасці дыяспары ў міжваенны перыяд. Матэрыял можа быць запатрабаваны не толькі сучаснымі гісторыкамі, але і спецыялістамі ў галіне мастацтва, музыкі і тэатра.

Ключавыя словы: беларуская дыяспара, беларуская эміграцыя, нацыянальная традыцыя, культура, тэатр, музыка, супрацоўніцтва.

V. U. Koval

Belarusian State Technological University

MUSICAL AND THEATRICAL ART OF BELARUSIAN DIASPORA (1918–1939)

The article is devoted to the historical study of the formation and development of the musical and theatrical art of Belarusian diaspora from 1918 till 1939. It presents the theater of Belarusian emigrants as a part of the national culture in the context of the world cultural development. Belarusian theaters in Latvia, Lithuania, Czechoslovakia and Argentina have become an important mechanism for the representation of national culture on the general world scale.

Particular attention is paid to the analysis of cooperation between Belarusian and Ukrainian emigrants in Czechoslovakia and Canada. The cultural activities of Belarusian emigrants' were the important factors for their adaptation to the new conditions of the life. The author concludes about an important role of the cultural life among the foreign Belarusians during the inter-war period. The material may be useful not only for contemporary historians, but also for authorities of art, music and theater.

Key words: Belarusian diaspora, Belarusian emigration, national tradition, culture, theater, music, cooperation.

Уводзіны. Музычнае і тэатральнае мастацтва беларускай дыяспары – адна з яркіх тэм гісторыі развіцця культурнай самабытнасці замежжа. Супольныя міжнародныя праекты эмігрантаў сведчаць пра актыўны міжкультурны дыялог у перыяд станаўлення і развіцця беларускай дыяспары. Факты стварэння тэатральных беларускамоўных цэнтраў дэманструюць патрэбу прадстаўнікоў міжваеннай эміграцыйнай хвалі ў захаванні нацыянальнай ідэнтычнасці на прасторы іншакультурнай супольнасці.

Асноўная частка. Сярод еўрапейскіх культурных асяродкаў замежжа вылучаюцца Латвія і Чэхаславакія, дзе на пачатку 1920-х гадоў асабліва плённа развівалася адукацыя, выдавецкая справа, музычнае і тэатральнае жыццё беларускай эміграцыі. Адметнай рысай дзейнасці беларусаў у Латвіі і Чэхаславакіі стала актыўнасць там прадстаўнікоў палітычнай беларускай эміграцыі.

Самым яркім тэатральным асяродкам беларускага замежжа ў міжваенны перыяд стала Латвія, дзе захапленне драматычным мастацтвам мела масавы характар, а гледачамі паставак станавіліся фактычна ўсе сацыяльныя слаі грамадства. З 1921 г. у Латвіі актыўна пачалі стварацца вандроўныя беларускія трупы, дзе акцёрамі станавіліся вучні і настаўнікі беларускіх школ і гімназій, звычайныя сяляне і працоўныя. У пачатку 1920-х гадоў аматарскія тэатры з'явіліся не толькі ў Рызе і Дзвінску, але і ў розных латышскіх вёсках, дзе кампактна пражывала беларускае насельніцтва. У 1921 г. у Дзвінску быў арганізаваны першы Беларускі драматычны гурток пры таварыстве “Бацькаўшчына”. Традыцыі і творчыя напрацоўкі гуртка былі выкарыстаны пры арганізацыі аматарскай трупы беларускай гімназіі ў Дзвінску.

Найбольш вядомай і прэстыжнай беларускай сярэдняй навучальнай установай у Латвіі стала дзяржаўная гімназія ў Дзвінску. Драматычны гурток установы ўзначальвала Паўліна Мядзёлка, якая з 1922 г. працавала там настаўніцай. Віленская прэса неаднойчы падкрэслівала педагогічныя здольнасці Паўліны Мядзёлкі, яе акцёрскі талент і самабытную манеру выканання беларускіх песень.

Рэпертуар беларускага тэатра Дзвінскай дзяржаўнай гімназіі быў дастаткова багаты. Трупавіла не толькі беларускія п'есы, але і драматычныя творы замежных аўтараў, якія выкладчыкі ўстановы перакладалі на беларускую мову. Сярод пастановак аматарскага тэатра гімназіі ў Дзвінску варта адзначыць п'есы "Паўлінка" Я. Купалы, "Хам" Э. Ажэшкі, "Птушка шчасця" Ф. Аляхновіча і г. д. Настаўнікі гімназіі разам са сваімі вучнямі выкарыстоўвалі ў пастаноўках розныя жанры: камедыі, драмы, аперэты і г. д.

Часам на сцэне гімназіі адбывалася святкаванне важных для беларускага грамадства юбілейных дат і падзей. Напрыклад, у 1925 г. настаўнікі разам са сваімі вучнямі зрабілі спецыяльную праграму ў гонар беларускага першадрука Францыска Скарыны, урачыста адзначаючы разам 400-годдзе друкаванага слова [1]. У юбілейнай праграме выступалі таксама артысты трупы і ўдзельнікі тэатральнага гуртка.

Асаблівацю беларускага тэатра гімназіі ў Дзвінску стаў выдатны хор з ліку настаўнікаў і вучняў, які рабіў уражанне не толькі на звычайных гледачоў, але і на прафесійных тэатральных крытыкаў. Сярод салістак хора таксама неабходна адзначыць талент Паўліны Мядзёлкі. "Не пагаснуць зоркі ў небе" – запявае П. Мядзёлка і ўсе, як адзін, зліваюць свае галасы ў агульны магутны хор" [2], – пісала беларуская прэса пра прэм'еру п'есы "Батлейка" і "Шчаслівы чырвонец", пастаўленых настаўнікам В. Пігулеўскім 1 студзеня 1924 г. у вялікай зале гімназіі.

Развіццё хору пры тэатры паступова дазволіла яму стварыць асобныя праграмы і выступы з цэлымі канцэртамі. "Хор складаецца з 35 асоб і мае ў сваім рэпертуары больш за 50 песень на 4 галасы – пераважна народных, ды і кампазіцыі Рыгоўскага, Тэрраўскага, Шымкуса, Манюшкі і інш., а да таго 20 песень солёвых і дуэтаў Глінкі, Чайковскага, Грччанінава, Манюшкі і др." [3], – пісалася ў віленскай газеце "Беларуская доля".

Люцынская беларуская гімназія была адчынена адначасова з Дзвінскай, пачала сваю працу з 1922/1923 навучальнага года. Гімназія мела ўласны тэатральны гурток, свой аматарскі тэатр і хор. Рэжысёрам навучальнай установы і кіраўніком тэатральнага гуртка стаў настаўнік гімназіі С. Казека.

Першы поспех аматарскага тэатра звязаны з пастаноўкамі п'есы "У Кавальскай Хаце" і "Пінская Шляхта", прэм'ера якіх адбылася 8 снежня 1923 г. [4] на сцэне гімназіі. Літаратурны густ рэжысёра і педагогаў Люцынскай гімназіі дэманструюць пастаноўкі класікаў беларускай літаратуры, такіх як В. Дунін-Марцінкевіч. Настаўнік С. Казека сапраўды адбіраў лепшыя беларускія п'есы для сваіх спектакляў у той складаны перыяд, калі толькі пачынаўся працэс станаўлення нацыянальнай драматургіі.

Згодна з творчай задумай педагогаў гімназіі, ролі ў спектаклях выконвалі самі вучні. Міжваенная беларускамоўная прэса адзначала п'есу "Ганэле", удала пастаўленую на беларускай вечарыне ў Люцыне ў 1925 г. [5]. Пospех спектакляў аматарскага тэатра гімназіі можна патлумачыць шчырым і неспрэдным жаданнем маленькіх акцёраў уразіць сваіх гледачоў.

У 1930-я гады сваімі педагогічнымі і творчымі пошукамі вызначаецца калектыў выкладчыкаў Рыжскай беларускай гімназіі. Прэса апублікавала станоўчыя рэцэнзіі на творчую вечарыну 29 кастрычніка 1932 г., якая была праведзена ў гімназіі з нагоды 50-годдзя Янкі Купалы і Якуба Коласа [6]. На юбілей паэтаў гучалі іх творы, вучні разам з выкладчыкамі і бацькамі спявалі беларускія песні, з урачыстай прадмовы выступіў дырэктар гімназіі А. Родзька. Ватра адзначыць, што юбілей беларускіх класікаў урачыста і шырока адзначалі ўсе асноўныя культурныя цэнтры Латвіі, у тым ліку і беларускія навучальныя ўстановы.

Асаблівацю тэатральнай дзейнасці беларусаў у Латвіі стала стварэнне аматарскіх сялянскіх вандроўных труп. Самым вядомым стаў аматарскі тэатр вёскі Шнёкава Прыдруйскай гміны, пра які пазітыўныя рэцэнзіі рэгулярна публікавала віленская прэса. "Артыстамі-аматарамі Шнёкаўскай трупы на новы год рабілася бясплатная вечарына, на якой было шмат гасцей. Прайшла дужа добра" [7], – пісала беларускамоўная газета "Змаганьне". Свабодны ўваход на пастаноўкі дазваляў даліку публіцы далучаць нават небагатых сялян, а рэпертуар выклікаў зацікаўленасць асоб рознага ўзросту і статусу. Кіраўніком аматарскага тэатра стаў вясковы настаўнік Мікола Талерка, таму ў спектаклях у якасці акцёраў прымалі актыўны ўдзел вучні Шнёкаўскай школы.

Тэатральнае жыццё беларусаў у Латвіі стала самым насычаным у параўнанні з іншымі асяродкамі беларускай дыяспары. У 1927 г. было створана Беларускае тэатральнае таварыства ў Латвіі, а ў 1928 г. па ініцыятыве таварыства быў адчынены Рыжскі беларускі народны тэатр. Тэатральнае таварыства аб'ядноўвала аматарскія беларускія тэатры і дзіця-

чыя тэатральныя трупы гімназій у Латвіі, праводзіла беларускія вечарыны, ладзіла юбілей і творчыя сустрэчы.

Адкрыццё тэатра ў Рызе мела прынцыповае значэнне для кансалідацыі беларускай дыяспары. Эмігранцкі часопіс “Беларуская школа ў Латвіі” падкрэсліваў: “У дзень аткрыцця Беларускага Народнага Тэатру ў Рызе, 24 сакавіка г. г., пастаўлена была вядомая п’еса Янкі Купалы “Паўлінка”. П’еса прайшла з добрым поспехам: яна цёпла спаткана латвійскай прэсай, якая апрача рэцэнзіяў зьмясціла яшчэ і фатаграфіі артыстаў і асобныя сцэны” [8]. Першым рэжысёрам Рыжскага беларускага тэатра стаў артыст Латышкага нацыянальнага тэатра Ян Шабэрт, які вучыўся тэатральнаму мастацтву ў знакамітага К. С. Станіслаўскага. Вядома, што рэжысёры тэатра хутка мяняліся па прычыне матэрыяльных цяжкасцей трупы. Рыжскі беларускі народны тэатр рэгулярна сутыкаўся з праблемай недахопу грошай, што негатыўна ўплывала на творчыя пошукі рэжысёраў.

Матэрыялы міжваеннай эмігранцкай прэсы дазваляюць адсачыць развіццё Беларускага тэатральнага таварыства ў Латвіі. Вядома, што 9 красавіка 1932 г. у Рызе адбылося ўрачыстае святкаванне 5-гадовага юбілею арганізацыі, на якім выступалі артысты Рыжскага беларускага народнага тэатра са спектаклем “Змагары за ідэю” І. Тагабочнага [9]. Кіраўніцтва таварыства знаходзілася ў Рызе, але арганізацыя мела свае аддзелы ў іншых гарадах краіны. Сярод рэгіянальных тэатраў асаблівай папулярнасцю вызначаўся Дзвінскі беларускі народны тэатр, які адносіўся да Дзвінскага аддзела Беларускага тэатральнага таварыства ў Латвіі.

Такім чынам, Латвія стала важным палітычным і культурным цэнтрам для беларускай дыяспары ў пачатку міжваеннага перыяду, аднак ужо ў 1930-я гг. найбольш актыўныя палітычныя дзеячы выязджаюць з краіны ў пошуках лепшых умоў жыцця і працы, па гэтай прычыне заціхае і тэатральнае жыццё.

Менавіта 1930-я гады сталі часам развіцця музычнага і тэатральнага мастацтва ў Літве, што тлумачыцца спрыяльнымі палітычнымі ўмовамі для культурных працэсаў у вызначаным эмігранцкім асяродку. З 1932 г. пачало дзейнічаць Беларускае культурна-асветнае таварыства ў Літве. Беларускія эмігранты мэтанакіравана арганізавалі нацыянальнае таварыства ў Коўна, каб праз культурную дзейнасць кансалідаваць прадстаўнікоў дыяспары. У тым жа 1932 г. Беларускае культурна-асветнае таварыства ў Літве адчыніла ў Коўна свой клуб, які меў назву “Беларуская хатка”.

Пастановаўкі драматычнага гуртка пачаліся таксама з 1932 г. Найбольшы поспех мелі ка-

медзі, рэжысёр Караліна Плескачэўская таксама звярталася ў сваёй творчасці да аднаго з самых папулярных аўтараў у асяродку міжваеннай беларускай эміграцыі – Францішка Аляхновіча. Аматырская трупа спрыяла міжнацыянальным кантактам дыяспары, удзельнічала ў дабрачынных акцыях па збору грошай для беларусаў на Бацькаўшчыне. Напрыклад, 4 лістапада 1933 г. у памяшканні “Беларускай хаткі” адбылася беларуска-ўкраінская вечарына па збору сродкаў для беспрацоўных суайчыннікаў у Другой Рэчы Паспалітай, на якой прайшла прэм’ера спектакля [10]. Эмігранты спрабавалі аб’ядноўваць палітычныя і культурныя мэты ў сваіх мерапрыемствах і акцыях, што можна было яскрава зрабіць у музычным і тэатральным мастацтве.

Яшчэ адным асветніцкім і палітычным праектам у Літве стаў Беларускі народны ўніверсітэт, у рамках якога таксама развівалася сцэнічнае майстэрства. 22 студзеня 1933 г. народны ўніверсітэт быў адчынены ў Коўна таксама ў памяшканні клуба “Беларуская хатка” [11]. Беларускі народны ўніверсітэт дзейнічаў як набор кароткатэрміновых курсаў для беларусаў Літвы, ён не даваў вышэйшай адукацыі. Праект быў разлічаны таксама на беларусаў у сельскай мясцовасці, каб мэтанакіравана развіваць нацыянальную культуру, а сцэнічнае мастацтва магло стаць асновай гэтай працы. “Прадбачаецца ў кожным беларускім раёну працаваць два тыдні, зрабіць тэатральную пастаноўку і перасунуцца далей” [12], – пісалася пра метады асветніцкай працы арганізацыі. Фактычна Беларускі народны ўніверсітэт стаў курсамі для дарослых, таму яго праграма лёгкая аб’ядноўвала тэатральнае мастацтва і заняткі пра сельскую гаспадарку.

Адметны ўклад у творчыя ідэі беларусаў Літвы змэглі ўнесці студэнты. Прыблізна 15 беларускіх студэнтаў з розных факультэтаў Універсітэта Вітаўта Вялікага аб’ядналіся ў гурток пад кіраўніцтвам студэнта Д. Рудзь – Аб’яднанне студэнтаў-беларусаў Універсітэта Вітаўта Вялікага. Актыўная дзейнасць арганізацыі пачалася летам 1933 г., калі аб’яднанне зрабіла вечарыну з прэм’ерай п’есы Я. Башкіра “Гурток”, на мерапрыемстве таксама дэкламаваліся беларускія вершы, а пасля хор выконваў народныя песні [13]. Вечарына мела не толькі культурнае, але і палітычнае значэнне, бо праводзілася з мэтай літоўска-беларускага збліжэння.

Культурныя ўзаемасувязі спрыялі фарміраванню сталых кантактаў з іншымі дыяспарамі, мова і традыцыі якіх былі блізкімі і падобнымі. У міжваенны час беларуская эміграцыя развіла актыўнае і сталае супрацоўніцтва з буйнымі цэнтрамі ўкраінскай дыяспары. Яскравым

прыкладам тэатральных узаемакантактаў з'яўляецца дзейнасць беларускага Музыкальна-драматычнага гуртка ў Чэхаславакіі, створанага ў 1923 г. Прэм'ерай драматычнага гуртка стала апера Ф. Аляхновіча «Птушка шчасця», якую паказалі ў 1924 г. на сцэне тэатра ўкраінскага лагера для эмігрантаў у Йозэфове.

У асяродку беларускай палітычнай эміграцыі ў Празе перыядычна ўзнікала патрэба арганізаваць прафесійны хор з ліку эмігрантаў-беларусаў, каб нацыянальныя песні гучалі на сходах арганізацый, спецыяльных вечарынах і ўрачыстасцях. Пра праблему стварэння прафесійнага акадэмічнага хору пісала газета «Родны край» у 1934 г.: «На жаль, беларускага хору ў Празе няма, дык тамтэйшыя беларусы зварачаюцца да грамадзянства нашага ў Заходняй Беларусі, Латвіі і Літве з заклікам прыслаць туды ў вялікай лічбе сваіх сьпявакоў. Калі ж зрабіць гэтага ня ўдасца (пэўне-ж: на гэта патрэбны вялікі грошы, а ў нас народ пухне ад голаду!), дык беларускія песні згаджаецца пяць украінскі хор!» [14]. Самі эмігранты лічылі, што беларускія і ўкраінскія песні моўна вельмі блізкія, таму іх выкананне ўкраінцамі шчыра захапляла слухачоў.

Прыкладам папулярнага калектыву ў Чэхаславакіі, які супрацоўнічаў з беларускімі эмігрантамі, стаў Украінскі акадэмічны хор. Акадэмічны хор быў створаны ў 1922 г., калектыв адрозніваўся вызначыўся за мяжой не толькі сваімі нацыянальнымі спевамі, але і чудаўным выкананнем «Цыганкі Азы», пастаноўкамі для сваіх вечарын цэлых оперных партый [15].

Культурнае жыццё беларускага замежжа развівалася не толькі ў краінах Еўропы, яго адметныя рысы можна вылучыць у дзейнасці беларусаў ЗША, Канады, Аргенціны і Бразіліі. Засталіся звесткі пра музычнае і тэатральнае мастацтва ў асяродку беларусаў Аргенціны. У 1936 г. у Буэнас-Айрэсе ўзнікла таварыства «Культура», якое ладзіла спектаклі на беларускай мове пра жыццё сялянства.

Станаўленне беларускага тэатральнага мастацтва дзяспары ў міжваенны перыяд з'яўляецца лагічнай і заканамернай з'явай. Фарміраванне аматарскіх труп і адкрыццё прафесійных тэатраў стала тыповай карцінай для нацыянальных меншасцей і дзяспар у розных краінах свету. У пэўных эмігранцкіх асяродках, дзе тэатральнае і музычнае мастацтва не аформілася ў папулярныя калектывы і аматарскія трупы, беларусы далучаліся да культурнага жыцця тых дзяспар, мова і ментальнасць якіх здавалася блізкай і зразумелай.

Актыўным культурным жыццём вызначыліся ўкраінцы Канады, да дзейнасці якіх далучаліся таксама беларусы. З 1920 г. у Канадзе дзейнічала Драматычна-харавое таварыства пры Украінскім рабочым доме, а з 1928 па 1934 г. былі спробы стварыць прафесійны ўкраінскі тэатр у горадзе Вінніпег пад кіраўніцтвам Піліпа Астапчука [16]. Беларусы Канады і ЗША жылі і працавалі побач з украінцамі, наведвалі іх канцэрты і вечарыны. Мастацкае слова, акцёрскі талент і мелагучная песня станавіліся сапраўднай тэрапіяй для тых асоб, якія праходзілі складаны перыяд псіхалагічнай адаптацыі за мяжой.

Заклучэнне. Станаўленне беларускага тэатральнага мастацтва ў міжваенны перыяд з'яўляецца сведчаннем працэсу фарміравання дзяспары. Менавіта ў міжваенны час актыўнае развіццё атрымала масавае мастацтва, якая пачынае фарміраваць густы і зацікаўленасці грамадства. Спектаклі і канцэрты беларусаў замежжа не толькі выклікалі шчырае захапленне публікі, а яшчэ выконвалі важную кансалідуючую ролю, спрыялі захаванню нацыянальнай адметнасці ў прымаючым грамадстве. Найбольш выразна культурнае жыццё беларусаў замежжа аформілася ў краінах, дзе сфарміраваліся буйныя палітычныя цэнтры дзяспары – Латвія, Літва, Чэхаславакія, Аргенціна, Канада, ЗША. Мастацтва дазваляла эмігрантам паспяхова развіваць сталыя кантакты з іншымі народамі і дзяспарамі.

Літаратура

1. Treci wyпуск Dźwinskaje Belaruskaje Himnazii // Krynica. 1925. № 32. S. 7.
2. Гуль. Беларусы ў Латвіі // Змаганьне. 1924. № 10. С. 4.
3. Падарожны. Мастацкая праца // Беларуская доля. 1925. № 2. С. 4.
4. Вечарыны Люцынскай Гімназіі // Змаганьне. 1924. № 3. С. 4.
5. Беларуская вечарына ў Люцыне // Беларуская доля. 1925. № 36. С. 4.
6. Адраджэнец К. Святкаваньне 50-тых угодкаў Янкі Купалы і Якуба Коласа ў Рызе // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 6. С. 230.
7. Гэндаляў. Вясковы тэатр // Змаганьне. 1924. № 5. С. 4.
8. Кастусёнак. Беларускі Народны Тэатр у Рызе // Беларуская школа ў Латвіі. 1928. № 8. С. 122.
9. Тэатрал. Да пяцігодзьдзя Таварыства Беларускага Тэатру ў Латвіі // Беларуская школа ў Латвіі. 1932. № 1. С. 157.
10. Беларуска-ўкраінскае супрацоўніцтва // Родны край. 1933. № 24. С. 6.
11. Беларускі Народны Універсітэт // Родны край. 1933. № 7. С. 6.

12. Гусарэвіч У. Адчыненне Беларускага Народнага Універсітэту ў Літве // Беларуская школа ў Латвіі. 1933. № 2. С. 287.
13. З студэнцкага жыцця // Родны край. 1933. № 16. С. 6.
14. “Іскры Скарыны” // Родны край. 1934. № 3. С. 5.
15. Archiv hlavního města Prahy. F. Spolkový katastr. Sygn. XII/0233.
16. Ревуцький В. З історії українського театру в Канаді // Західньо-канадський збірник. 2000. Ч. 4. С. 31.

References

1. Third release of the Belarusian gymnasium in Dvinsk. *Krynitsa* [Source], 1925, no. 32, p. 7 (In Belarusian).
2. Gul. Belarusians in Latvia. *Zmagan'ne* [Struggle], 1924, no. 10, p. 4 (In Belarusian).
3. Passer. Art work. *Belaruskaya dolya* [Belarusian fate], 1925, no. 2, p. 4 (In Belarusian).
4. Gymnasium parties in Lyutin. *Zmagan'ne* [Struggle], 1924, no. 3, p. 4 (In Belarusian).
5. Belarusian party in Lyutin. *Belaruskaya dolya* [Belarusian fate], 1925, no. 36, p. 4 (In Belarusian).
6. Adradzhenets K. Celebration of 50-year anniversary of Janka Kupala and Jakub Kolas in Riga. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no. 6, p. 230 (In Belarusian).
7. Gendalyau. Rural theater. *Zmagan'ne* [Struggle], 1924, no. 5, p. 4 (In Belarusian).
8. Kastusyonak. Belarusian National Theater. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1928, no. 8, p. 122 (In Belarusian).
9. Theatergoer. To the 5 anniversary of Association of Belarusian Theater in Latvia. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1932, no. 1, p. 157 (In Belarusian).
10. Belarusian-Ukrainian cooperation. *Rodny kray* [Native land], 1933, no. 24, p. 6 (In Belarusian).
11. Belarusian Public University. *Rodny kray* [Native land], 1933, no. 7, p. 6 (In Belarusian).
12. Gusarevich U. Opening of Belarusian Public University in Lithuania. *Belaruskaya shkola u Latvii* [Belarusian school in Latvia], 1933, no. 2, p. 287 (In Belarusian).
13. From the student's life. *Rodny kray* [Native land], 1933, no. 16, p. 6 (In Belarusian).
14. “Sparks of Skaryna”. *Rodny kray* [Native land], 1934, no. 3, p. 5 (In Belarusian).
15. Archive of Prague city. F. Spolkový katastr. Sygn. XII/0233 (In Czech).
16. Revutskiy V. From the history of Ukrainian theater in Canada. *Zakhidn'okanad'skiy zbirnyk* [West-Canadian collected articles], 2000, part 4, p. 31 (In Ukrainian).

Інфармацыя пра аўтара

Коваль Вольга Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: koval@belstu.by

Information about the author

Koval Volha Uladzimirauna – PhD (History), Senior Lecturer, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., Minsk, Republic of Belarus). E-mail: koval@belstu.by

Пасмыніў 09.03.2016

УДК 355.41(476)

В. М. Кривчиков

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ КРАСНОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

Рассмотрены аспекты обеспечения продовольствием войск Красной Армии, дислоцировавшихся на территории Беларуси в начале 1920-х гг. Показано, что основные объемы продовольствия воинские части получали за счет реквизиций у сельского населения. Для сбора сельскохозяйственной продукции из деревни в Беларуси была создана система реквизиционных органов, позволившая с применением силы изымать у крестьян излишки продовольствия по твердым государственным закупочным ценам. Проанализирован ход проведения реквизиций в интересах Красной Армии и показаны проблемы в организации полноценного питания красноармейцев. Освещены первые шаги по созданию и развитию подсобных хозяйств в воинских частях и соединениях Западного военного округа и Западного фронта, что позволило частично компенсировать недостаток поставлявшегося продовольствия по линии централизованных поставок и проводимых реквизиций.

Ключевые слова: Западный военный округ, Западный фронт, реквизиции продовольствия, подсобные хозяйства, Красная Армия.

V. M. Krivchikov

Yanka Kupala State University of Grodno

SOME ASPECTS OF FOOD RED ARMY ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE EARLY 1920'S

Aspects of food security of the Red Army, stationed in the territory of Belarus in the early 1920's. It is shown that the bulk of the food military requisitions received by the rural population. For the collection of agricultural products from the village in Belarus has established a system of requisition, which allowed the use of force to seize the peasants' food surpluses at fixed state purchase prices. It analyzed the progress of the requisitions for the benefit of the Red Army, and shows the problems in the organization of nutrition of the Red Army. Covered the first steps in the creation and development of farms in the military units and formations of the Western Military District and the Western Front, which has partially offset the lack of food supplied under the centralized supply and held requisitions.

Key words: Western Military District, western front, requisition food, farms, the Red Army.

Введение. Обеспечение войск продовольствием всегда было делом важным и довольно проблематичным. Ненакормленного, голодного солдата, несомненно, можно на короткий период заставить потерпеть, заставить выполнить боевую задачу. Однако совершенно невозможно в долгосрочном периоде мотивировать выполнение своих обязанностей на голодный желудок. Для того чтобы качественно накормить военнослужащих, необходимо выстроить целую систему продовольственного обеспечения: через различных поставщиков получить продовольствие, оплатить его, иметь развитую материально-техническую базу продовольственной службы, высококвалифицированный поварской состав и т. д. Одними из важнейших составляющих являются поставки качественных и, главное, разнообразных продуктов питания. Все это имело место и в начале 1920-х гг. Решение данной задачи могло быть достигнуто лишь в результате

постоянного и стабильного поступления сельскохозяйственных продуктов из деревни.

Основная часть. В начале 1920-х гг. положение с обеспечением воинских частей, расквартированных на территории Беларуси, продовольствием и фуражом оставалось очень напряженным и сложным. Сказывалась непростая экономическая обстановка в республике и ведение боевых действий с белополяками. Вот как, например, характеризовал положение дел с обеспечением продовольствием воинских частей Пинский уездный продовольственный комитет: «...упродком находится в самом безысходном и критическом положении. Хлеба и других продуктов совершенно нет. Центр ничего не высылает, равно нет никаких средств для закупок. Картофеля совершенно нет» [1, л. 51].

Основные объемы продовольствия воинские части получали за счет реквизиций у сельского населения. Практика реквизиций берет начало

с лета 1918 г., когда в стране была установлена фактически продовольственная диктатура, позволившая с применением силы изымать у крестьян излишки продовольствия по твердым государственными закупочным ценам. На местах были организованы губернские учетно-реквизиционные комиссии, уездные комиссии (по одной на уезд). Во всех волостях губерний организовывались учетно-реквизиционные продовольственные комиссии из двух человек, задачами которых являлись:

- производство учета хлеба и фуража, изъятие излишков;
- сбор сведений о числе нуждающихся в хлебе и участие в распределении;
- контроль работы мельниц;
- участие в товарообмене и распределении продуктов первой необходимости;
- контроль за всяким движением продуктов [2, л. 34].

Причем контроль за движением продуктов был тотальным. Так, например, Минский губернский военно-революционный комитет в целях прекращения массовой покупки продовольствия спекулянтами, закупщиками разрешал продажу продуктов исключительно на рыночной площади городов и поселков и в количестве, не превышавшем месячную потребность каждого потребителя [3, л. 72].

Учетно-реквизиционные комиссии (отделы) на своих складах собирали реквизируемое продовольствие, которое затем распределялось по различным организациям, в том числе и воинским частям. Хочется отметить, что в обязанности реквизиционных комиссий не входило непосредственное довольствие воинских частей. Как правило, продовольствие передавалось дивизионным интендантам, от которых оно по требованиям и заявкам получалось воинскими частями [4, л. 3, 13, 26].

Однако были и исключения. Гражданским столовым иногда приходилось из-за складывавшейся обстановки организовывать питание красноармейцев и их командиров. Так, например, в Лунинце действовала столовая, которая ежедневно кроме советских служащих довольствовала около 50–70 человек военнослужащих, по тем или иным причинам временно проживавших в Лунинце. Столовая снабжалась продуктами непосредственно из продовольственного отдела. Как отмечалось в документах столовой, Лунинец, как узловый узел, всегда был заполнен воинскими частями и многие небольшие части совершенно не имели возможности самостоятельно организовать питание. Благодаря этому, все они обращались с требо-

ваниями в продовольственный отдел о выдаче им довольствия. Некоторым из них отказывали, но многих приходилось кормить. Например, главврач перевязочного сводного отряда отношением от 20 августа 1920 г. за № 154 сообщил, что на основании боевого приказа он должен был отправиться на фронт, а 88 человек больных и раненых оставил на полное продовольственное содержание в столовой. Такие действия сильно осложняли организацию работы столовой, да и в целом работу продовольственного отдела [5, л. 16–17].

Продовольствие реквизировалось у крестьян по твердым заготовительным ценам (таблица), которые были ниже рыночных, поэтому крестьяне с неохотой расставались с собранным урожаем, что приводило к проблемам с его сбором.

Список твердых заготовительных цен на зерновые по Минской губернии по состоянию на 20.03.1919 [4, л. 22]

Продовольствие	Цена
Рожь	16 руб. 25 коп.
Пшеница	21 руб. 50 коп.
Овес	16 руб. 50 коп.
Ячмень	14 руб. 50 коп.
Просо	16 руб. 50 коп.
Гречиха	19 руб. 50 коп.
Горох	21 руб. 50 коп.

Была и другая проблема в организации работы реквизиционных органов – воинские части в пределах уездов производили беспощадные реквизиции у населения хлеба, скота и другого продовольствия, иногда «не считаясь с населением и без ведома продотдела» [4, л. 14]. Вот, например, что отмечалось в письме из продовольственного отдела Пинского уездного ревкома от 21.03.1919: «Часто в селениях уезда производятся реквизиции как воинскими частями, так и разными другими лицами продовольственных продуктов и предметов, не имея на то законных полномочий, причем зачастую совершенно бесплатно или по очень низкой цене. Такие действия вызывают негодование со стороны местного населения» [6, л. 127].

Власти уездных ревкомов и продовольственных отделов часто обращались к начальникам гарнизонов с просьбами отдать распоряжение о прекращении воинскими частями производить самовольные реквизиции в пределах уездов, за исключением лишь в особо крайних случаях и то с ведома продовольственного отдела [4, л. 14].

Противостояние продовольственных отделов и воинских частей, которым не хватало продовольствия, к 1920 г. обострилось и стало напоминать настоящую «войну».

Показательным в этом отношении можно считать Приказ командующего Западным фронтом для 16-й Армии № 175/95 от 31 января 1920 г. В приказе, ввиду наблюдающихся случаев в столкновении и трении между особыми комиссиями по снабжению Красной Армии продовольствием и предметами первой необходимости и командным комиссарским составом особых продовольственных комиссий, объявлялось следующее:

1. Было разъяснено, что все дело снабжения армии продовольствием и предметами первой необходимости, согласно Постановлению ВЦИК от 10 августа 1919 г. № 1356 и Приказу РВСР от 15 сентября 1919 г., подчинено Народному комиссариату продовольствия и выделенному им Главному Управлению по снабжению Красной Армии продовольствием (Главснабпродарму).

2. Задачей особых продовольственных комиссий считалось создание сети военно-продовольственных органов для своевременного снабжения армии, исключая попытки самоснабжения. Вся ответственность за несвоевременное и неполное снабжение армии возлагалась на особую продовольственную комиссию. Органом особой комиссии в частях и полках являлись уполномоченные. Перед ними стояла задача – организация снабжения и борьба с самоснабжением.

Интересным является тот факт, что уполномоченный в полку не являлся лицом, подчиненным командиру и комиссару, но который должен был поддерживать с ними тесную связь, осведомляя их о продовольственном состоянии части и требуя от них поддержки и содействия. Уполномоченные не могли быть арестованы за те или иные дефекты в работе (бездействие, поставки негодных продуктов). Командир обязан был отправить рапорт по команде в особую продовольственную комиссию бригады.

Начальники хозяйственных частей обязаны были допускать уполномоченных особых продовольственных комиссий для ознакомления и проверки дел в полку по продовольственному снабжению.

Этим приказом было определено, что «для успешных заготовок особым продовольственным комиссиям предоставляется вооруженный красноармейский отряд не более 200 красноармейцев» [5, л. 72].

К 1921 г. положение с обеспечением продовольствием Западного фронта усугубилось. Вот что, например, отмечали в телеграмме № 7884/14466

командующий Западным фронтом Захаров И. Н. и начальник продовольственного снабжения фронтов Стриевский К. К. в июне 1921 г.: «Советская Республика вступила в полосу тяжелого продовольственного кризиса. Это в сильной степени отразилось на продовольственном снабжении Западного фронта. Наличные запасы фронта самые ничтожные. За 5 дней июня поступил с центра один вагон хлеба. Улучшение положения по сообщению центра возможно ожидать не ранее 4-х недель. Все принятые фронтом чрезвычайные меры не гарантируют возможности продержаться этот период. Во избежание осложнений в воинских частях на почве продовольственной нужды Западному фронту необходима реальная помощь местных парторганов, в соответствии с телеграммой Предсовнаркома Ленина от 28 мая 1921 г. № 503. Продовольственное положение фронта диктует необходимость проявления максимальной инициативы и бдительности местных органов и их работников, дабы меры были приняты своевременно в целях избежания перерыва в снабжении» [7, л. 101].

И. Н. Захаров предлагал созвать совещание представителей Уездисполкомов, Уездпарткомов, уполномоченных Упродгубов и Уездпродкомов и «все наличные средства обратить на нужды Красной Армии хотя бы в ущерб прочим категориям потребителей». Как видно из письма, из-за создавшегося продовольственного положения командование пыталось перенести центр тяжести реальной помощи Красной Армии непосредственно на уезды. Все уездные власти заставляли оказывать всемерное содействие воинским частям [7, л. 101].

В сложившейся ситуации представляют определенный интерес предложения командования Западным фронтом по использованию хлебопродуктов, чтобы продержаться 4 недели:

– при необходимости весь наличный овес предлагалось перемолоть на хлеб, оставляя минимально до 5 фунтов (2,3 кг) для группы лошадей ветеринарных частей и ломовых лошадей. Для остальных лошадей отпускались отруби;

– устанавливалась норма хлеба – один фунт (0,45 кг) для частей, входящих в состав полевых стрелковых дивизий и бригад;

– переменному строевому и преподавательскому составу военно-учебных заведений дача хлеба сохранялась – 1,5 фунта (0,68 кг);

– для остальных норма хлеба снижалась до $\frac{3}{4}$ фунта (0,34 кг), служащим штаба фронта, управлениям заведений и учреждений, несущих канцелярскую работу, персоналу, обслуживающему канцелярии, – 0,5 фунта (0,23 кг) [7, л. 105].

На фоне сложной обстановки с обеспечением дислоцировавшихся на территории Беларуси войск продовольствием, начиная с 1919 г. руководством Западного военного округа и Западного фронта была организована работа по обустройству подсобных хозяйств в воинских частях.

В целях наилучшего обеспечения свежими овощами все части, управления, учреждения и заведения, подчиненные Западному военному округу, обязаны были в районе расквартирования организовать войсковые огороды из расчета сбора на каждого положенного по штату служащего, военнообязанного или вольнонаемного по 8 пудов картофеля (131 кг) и 4 пуда (66 кг) остальных овощей (капусты, лука, моркови, свеклы, петрушки). Осуществление означенных мероприятий считалось делом огромной государственной важности.

Для проведения в жизнь указанных мероприятий образовывались в Смоленске, Витебске, Гомеле и при губвоенкоматах, уездвоенкоматах особые сельскохозяйственные комиссии. Указанные комиссии взаимодействовали с местными земотделами по вопросам безвозмездного отвода свободных земельных участков, получения за плату семян, проката сельскохозяйственных орудий.

Согласно приказу по Западному военному округу № 282 от 20 февраля 1920 г. в воинских частях на особый учет были взяты все специалисты по сельскому хозяйству, как агрономы, так и огородники. Председателем окружной сельско-хозяйственной комиссии был назначен некто Русанов [8, л. 1].

В целях реализации поставленных задач, приказом Командующего Западным военным округом № 298 от 28 февраля 1920 г. (разделом 3 «О подготовительных курсах техников по огородному делу») в конце марта были организованы одномесячные курсы по огородничеству и луговодству на 50–60 человек слушателей. Слушатели командировались из числа «грамотных красноармейцев», изъявивших желание быть огородниками и по возможности знакомых с делом. Для чтения лекций каждая комиссия при Губвоенкоме приглашала трех лекторов-специалистов по огородничеству и луговодству.

Прослушавшим теоретические курсы и прошедшим курс практических работ выдавались в конце летнего сезона соответствующие удостоверения на получение звания техника по огородничеству [8, л. 2].

Для работ на огородах использовались только конский штатный состав и обоз частей. Прибегали к найму только в исключительных случаях [8, л. 6].

Действительно занятым огородными работами красноармейцам предоставлялся паек, который был установлен сельскохозяйственным рабочим. Норма сельскохозяйственного пайка при восьмичасовом рабочем дне составляла (фунтов в месяц): хлеба – 30 (13,6 кг), овощей – 30 (13,6 кг), картофеля – 80 (36,3 кг), мяса – 7,5 (3,4 кг), крупы – 7,5 (3,4 кг), масла – 1 (0,45 кг), соли – 2 (0,9 кг). При увеличении рабочего дня соответственно увеличивался и паек [8, л. 21].

Определенную проблему представляло обеспечение воинских частей хозяйственным инвентарем для работы на огородах. Схема получения была довольно сложной. Воинские части, ведущие огородные хозяйства, должны были немедленно сообщать о потребном инвентаре соответствующим Уездсельхозкомам, последние, проверив правильность заявлений, представляли требования на инвентарь Уездземотделам, которые обязаны были удовлетворить нужды сельхозкомов в первую очередь. Получение инвентаря из Губземотделов, т. е. из центра, практически не осуществлялось. Поэтому воинским частям часто рекомендовали «использовать все местные источники» [8, л. 29].

Картофель, собранный с огородов, после сортировки и перед закладкой на хранение разделяли на две части: годный для посева и годный для питания. Семенной картофель отбирали в полном объеме из расчета 100–120 кг на десятину [8, л. 57].

Кроме организации работ на огородах, воинские части стали откармливать маловесных свиней и поросят. Первоначально свинополовье отпускалось Губпродкомом Западного военного округа. В дальнейшем животные откармливались воинскими частями. При этом решались две проблемы: утилизируются пищевые отходы и на довольствие личного состава шло мясо. Причем последнее было очень важно, т. к. поставки мяса воинским частям проходило с переборами [8, л. 54].

Беларусь всегда была богата яблоками, полезные свойства которых пытались сохранить и пустить на довольствие красноармейцев. При этом ощущалась одна проблема – отсутствие достаточного количества сахара. Поэтому воинские части изготавливали без сахара яблочную пастилу, повидло, уваривая яблоки и просушивая полученные продукты.

Подготовленное яблочное сырье сушили «на сильном духу русских печей». Причем привлекали к такой работе сельское население в лице отдельных крестьянских артелей и целых обществ, заключая с ними соглашение на условиях натурального вознаграждения.

При выходе из одного пуда яблок шести фунтов сушеного фрукта, одну треть выдавали крестьянам за работу [8, л. 52].

Показательным в этом отношении было решение, принятое Мстиславской уездной военной сельскохозяйственной комиссией 7 июня 1920 г. «Об оборудовании сушилки для сушения фруктов и овощей и приспособления печей». По этому решению были взяты на учет все большие хлебопекарные печи, как государственные, так и частные. Их осматривала специально созданная комиссия. Кооперативному союзу было предложено немедленно приступить к приобретению необходимого для переработки плодов и овощей инвентаря, а также необходимого материала для оборудования большой, постоянной сушилки [9, л. 7].

21 сентября 1920 г. этой же комиссией было принято решение «Об организации бондарной мастерской», по которому организовывалась заготовка тары для хранения и укупорки заготавливаемых для войск продуктов. 5 октября было рекомендовано «использовать фрукты для сушения, раздав населению» [9, л. 21, 23].

Изучая приведенные выше решения, можно сделать вывод, что задача по обеспечению воинских частей продуктами переработки яблок и овощей серьезно решалась на уровне уездных властей.

Заключение. В целом можно отметить, что конце 1919 г. – начале 1920-х гг. обеспечение войск, дислоцировавшихся на территории Беларуси, продовольствием было сложным и проблематичным. Реквизиция продовольствия у сельского населения проходила с большими трудностями. Учетно-реквизиционные структуры были не в состоянии в полном объеме обеспечить воинские части провиантом. Поэтому зачастую воинские части самостоятельно прибегали к реквизиции продовольствия у местного населения, вызывая его недовольство. На фоне недостатка централизованных поставок продовольствия в воинских частях начали создаваться подсобные хозяйства. Их создание обуславливалось также желанием руководства Беларуси и Западного военного округа хотя бы частично компенсировать недостаток продовольствия произведенной продукцией подсобных хозяйств.

Литература

1. Переписка с Народным комиссариатом продовольствия ССРБ, волостными исполкомами, военными учреждениями, кооперативными организациями об отпуске и перевозке продовольственных товаров // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 495. Оп. 3. Д. 35.
2. Положение Пинского уездного продовольственного отдела от 22.03.1919 «Об организации продовольственных отделов при волостных исполнительных комитетах» // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 497. Оп. 3. Д. 4.
3. Приказы Минского губернского военревкома, Пружанского уездного военревкома, переписка отдела здравоохранения военревкома с другими отделами // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 495. Оп. 4. Д. 4.
4. Приказ начальника гарнизона Лунинецкого боевого участка от 20.03.1919 г. № 8 «О создании реквизиционно-закупочной комиссии для заготовки продовольственных продуктов и припасов войскам» и др. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 495. Оп. 3. Д. 21.
5. Документы о работе продовольственного отдела Лунинецкого уездного военревкома (приказы, протоколы, переписка и др.) за 1920 г. // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 495. Оп. 2. Д. 1.
6. Переписка с Пинским уездным военревкомом по административно-хозяйственным вопросам // Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 497. Оп. 3. Д. 5.
7. Приказы по Западному военному округу и Горецкому уезду и сведения на предмет обозного довольствия // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 81.
8. Приказы реввоенсовета и Западного военного округа об организации особых военных сельскохозяйственных комиссий, циркуляры об обеспечении рабочей силой и заготовке продуктов для армии // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 8.
9. Протоколы заседаний Мстиславской уездной военной комиссии // Государственный архив Могилевской области (ГАМО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 9.

References

1. Correspondence with the People's Commissariat for Food SSRB, volost executive committees, military institutions, co-operative organizations of holidays and transport of food products. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 495. I. 3. F. 35.
2. The position of Pinsk county food department from 22. 03. 1919 «On the organization of the food department at the township executive committees». *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 497. I. 3. F. 4.

3. Orders Minsk provincial voenrevkoma, Pruzhany county voenrevkoma correspondence voenrevkoma health department with other departments. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 495. I. 4. F. 4.

4. Order of the garrison Luninets combat area from 03.20.1919, no. 8 «On creation of requisition and procurement committee for the procurement of food products and supplies troops» and others. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 495. I. 3. F. 21.

5. Documents about the food department Luninets county voenrevkoma (orders, reports, correspondence, etc.) for 1920. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 495. I. 2. F. 1.

6. Correspondence with Pinsk county voenrevkomom on administrative and economic issues. *Gosudarstvennyy arkhiv Brestskoy oblasti (GABO)* [State Archives of Brest Region]. Fund 497. I. 3. F. 5.

7. Orders for the Western Military District and Gorki county and information on the subject of notation allowances. *Gosudarstvennyy arkhiv Mogilevskoy oblasti (GAMO)* [State Archives of Mogilev Region]. Fund 234. I. 1. F. 81.

8. Orders and the Revolutionary Military Council of the Western Military Region for the organization of agricultural special military commissions, circulars on ensuring labor and procurement of military products. *Gosudarstvennyy arkhiv Mogilevskoy oblasti (GAMO)* [State Archives of Mogilev Region]. Fund 234. I. 1. F. 8.

9. Minutes of meetings of the county Mstislav military commission. *Gosudarstvennyy arkhiv Mogilevskoy oblasti (GAMO)* [State Archives of Mogilev Region]. Fund 234. I. 1. F. 9.

Информация об авторе

Кривчиков Владислав Михайлович – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры тылового обеспечения. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230006, г. Гродно, ул. Фолыш, 15/219, Республика Беларусь). E-mail: k.vlad68@mail.ru

Information about the author

Krivchikov Vladislav Mikhaylovich – PhD (History), Assistant Professor, Professor, the Department of Logistic Support. Hrodna Yanka Kupala State University of Grodno (15/219, Folyush str., 230006, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: k.vlad68@mail.ru

Поступила 12.01.2016

УДК 821.161.3«1920/1930»

І. У. Каляда

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**БЕЛАРУСКІ КІНЕМАТОГРАФ:
ЗАРАДЖЭННЕ І ПЕРШЫЯ ЭТАПЫ СТАНАЎЛЕННЯ (1920–1930-Я ГГ.)**

1920-я гг. у нашай краіне адзначаны правядзеннем палітыкі беларусізацыі, у рэчышчы ажыццяўлення якой была звернута ўвага на стварэнне свайго нацыянальнага кінематографа. У артыкуле разглядаецца пытанне аб тым, як зараджалася беларускае кіно, якія праблемы ўзніклі, як вырашаліся, чаму былі прысвечаны першыя беларускія кінастужкі. Звяртаецца ўвага на тэматыку першых беларускіх мастацкіх фільмаў. Разглядаюцца сродкі і метады прапаганды твораў кінематографа сярод насельніцтва.

Ключавыя словы: нацыянальная культура, палітыка беларусізацыі, нацыянальны кінематограф, мастацкі фільм, беларускае кіно, прапаганда.

I. V. Koleda

Belarusian State Technological University

**BELARUSIAN CINEMA: THE BIRTH AND EARLY STAGES OF DEVELOPMENT
(1920–1930'S)**

1920's in our country marked belorussizatsii conduct policy, in line with the implementation of which has been paid attention to the creation of the national cinema. The article deals with the question of how the Belarusian cinema was conceived, what problems occur, how to decide what the first Belarusian movies were dedicated. Attention is drawn to the theme of the first Belarusian feature films. The article consider ways and means of propaganda cinema works among the population.

Key words: national culture, Belarusization policy, the national film, feature film, the Belarusian cinema, propoganda.

Уводзіны. 1920-я гг. ў гісторыю Беларусі ўвайшлі як перыяд адраджэння, росквіту беларускай культуры і мовы. Па сутнасці, унікальнай з'явай гэтага часу стала палітыка беларусізацыі, праграма якой уключала перавод на беларускую мову справаводства партыйнага, дзяржаўнага, прафсаюзнага і кааператыва апаратаў, вылучэнне беларусаў на партыйную, савецкую, прафсаюзную і грамадскую работу, арганізацыю школ, сярэдніх і вышэйшых навучальных устаноў з выкладаннем на беларускай мове, развіццё беларускай літаратуры, навукова-даследчай працы па ўсебаковым вывучэнні Беларусі, пашырэнне беларускага друку. Разгортвалася дзейнасць культурна-асветных устаноў. Усё большая ўвага ўдзялялася прапагандзе сярод насельніцтва твораў кінамастацтва.

Асноўная частка. На Беларусі да 1920-х гг. кінавытворчасці не было. Першыя дакументальныя кіназдымкі былі зроблены аператарамі-кінахранікёрамі Петраграда і Масквы. Існаваў таксама пракат замежных кінастужак нямога кіно.

Пасля Кастрычніка 1917 г. кінавытворчасць паступова пераходзіла да дзяржавы. Так, у 1922 г. было створана Упраўленне па справах кінематографіі – «Кінорэспубліка» (Кіно Рэспубліка Беларусі) (тут трэба заўважыць, што ўжо праз год яно было распушчана, таму што не мела трывалай матэрыяльнай базы, а ўсю яе маёмасць і адміністрацыйна-

гаспадрчыя функцыі перадалі Мінскаму гарадскому аддзелу народнай адукацыі).

Новая арганізацыя – Беларускае пралеткіно – пачала сваё існаванне ў маі 1924 г. Аднак і для яе многія праблемы, звязаныя з вытворчасцю кіно, аказаліся невырашальнымі. Таму ў снежні 1924 г. быў прыняты дэкрэт СНК БССР аб утварэнні пры Наркаме асветы Дзяржаўнага ўпраўлення па справах кінематографіі і фатаграфіі (Белдзяржкіно), якое ў хуткім часе атрымала права на манополію кінапракату ў межах рэспублікі. Вытворчая дзейнасць Белдзяржкіно пачынаецца з 1926 г., калі быў створаны першы мастацкі фільм «Лясная бэль», прысвечаны барацьбе беларускіх партызан у 1920-я гг. (пастаўлены па аповесці пісьменніка М. Чарота «Свінапас», сааўтарам з'яўляўся рэжысёр Ю. Тарыч). За даволі кароткі час свайго існавання гэтая маладая арганізацыя не толькі стварыла кіно ў гарадах і надала яму адпаведныя формы, але і пачала дзейнічаць на вёсцы, дзе працавалі кінаперасоўкі. У 1920-х гг. 25 першых кінамеханікаў, выпускнікоў спецыяльных курсаў, выехалі ў аддаленыя вёскі з такімі кінаперасоўкамі.

Для таго каб прасунуць кіно на вёску, упраўленне Белдзяржкіно стварыла спецыяльны аддзел «Кіно – вёсцы», да працы ў якім былі прыцягнуты не толькі кінаўправы, але і акруговыя выканкамы, Наркамзем і кааператывы.

Трэба адзначыць, што першапачаткова беларуская кінастудыя была створана і працавала ў Ленінградзе, таму што ў Беларусі не знайшлося матэрыяльнай базы і кадраў кінаробнікаў для правядзення здымак. У далейшым была пераведзена ў Мінск. Хутка на новай кінастудыі, якая атрымала назву «Савецкая Беларусь» (1928 г.), пачаліся работы па стварэнню новых мастацкіх фільмаў. Кінавытворчасць у краіне пачалася з кінахронікі. Першыя кіназдымкі адбыліся 1 мая 1925 г. у Мінску – гэта былі дэманстрацыя працоўных, ваенны парад, народныя гуляння (над першымі хранікальна-дакументальнымі фільмамі працаваў аператар М. Лявонцьеў).

Такія стужкі, як «Такая наша Беларусь», «Заваяваная зямля», «3 багны балот», «Беларуская вёска», паказалі маляўнічыя мясціны, працавітага беларуса, які змагаецца за лепшую долю.

Разам з тым адзначым, што пры значным развіцці дакументальнага кіно ў 1920-я гг., яно не змагло выйсці на ўсесаюзны экран ні з адным дакументальным ці навукова-папулярным фільмам.

Першыя беларускія мастацкія фільмы па сваёй тэматыцы падзяляліся на фільмы, прысвечаныя грамадзянскай вайне («Лясная бэль» (1926), «Хвоі гамоняць»), гісторыка-рэвалюцыйным падзеям («Кастусь Каліноўскі» (1928)), барацьбе ў Заходняй Беларусі («Да заўтра» (1929)), мірнаму будаўніцтву («У вялікім горадзе» (1928), «Песня вясны» (1929)). Так, у сваёй кінакарціне «Да заўтра» Ю. Тарыч на прыкладзе жыцця вучняў Першай беларускай гімназіі ў Заходняй Беларусі паказаў складаную праблему таго часу – жыццё беларусаў у Заходняй Беларусі, іх жаданне аб'яднацца ў адзіную дзяржаву, якая была разарвана Рыжскім дагаворам 1921 г.

Звярталіся беларускія майстры кіно і да гісторыі свайго народа. У 1928 г. выходзіць у пракат кінастужка «Кастусь Каліноўскі» (рэжысёр У. Гардзін), дзе кіраўнік паўстання паказаны як рамантычны персанаж авантурна-крымінальнай гісторыі. Фільм карыстаўся поспехам у глядача, хаця аўтарам і не ўдалося паказаць сацыяльныя прычыны паўстання, ролю Каліноўскага як важнага, сапраўднага карціну жыцця народа.

У 1930 г. выйшла на экран першая работа маладога беларускага рэжысёра У. У. Корш-Сабліна «У агні народжаная», прысвечаная 10-годдзю Савецкай Беларусі, дзе ў вобразна-метафарычнай форме былі адлюстраваны гістарычныя падзеі мінулага беларускага народа, які дарэмна стагоддзямі шукаў папараць-кветку, сцвярджалася, што Савецкая Беларусь, народжаная ў агні рэвалюцыі, стала сімвалам кветкі шчасця.

Важным этапам у развіцці беларускага кінамастацтва з'явіўся пераход да гукавога кіно, што значна пашырала яго магчымасці. У жніўні 1929 г. на кінастудыі Белдзяржкіно была створана спе-

цыяльная гукавая лабараторыя, якая займалася канструяваннем гуказапісваючай апаратуры.

Першая гукавая кінапраграма «Пераварот» была створана Ю. Тарычам у 1930 г. Яна складалася з прамовы старшыні Саўнаркама БССР М. Галадзеда, канцэртных нумароў у выкананні беларускіх артыстаў і інш. Дэманстравалася праграма ў першым гукавым кінатэатры рэспублікі «Чырвоная зорка» у Мінску і выклікала вялікую цікавасць у глядачоў.

У кінакамедыях У. Корш-Сабліна «Шукальнікі шчасця» (1936) і «Маё каханне» (1940) загучала музыка І. Дунаеўскага.

Разам з тым пасля стварэння на Беларусі гукавога кіно ўзнікла пытанне яго мовы. З гэтай нагоды Белдзяржкіно паставіла перад Саюзкіно пытанне аб неабходнасці дэманстрацыі кінафільмаў на беларускай мове і мовах іншых нацыянальнасцяў. Было таксама прапанавана выпускаць карціны на рускай і беларускай мовах з тым, каб зрабіць магчымай іх дэманстрацыю ў іншых рэгіёнах краіны. Аднак Саюзкіно рэкамендаваў ствараць кінафільмы «толькі на рускай мове» [1].

У дачыненні да мастацкага кіно праблема нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў беларускай культуры набывала асаблівае значэнне, таму што яно, па-першае, адразу стала выходзіць на шырокую аудыторыю, а значыць, уплываць не толькі на мастацкае, але і на нацыянальнае развіццё асобы, а па-другое, у значнай ступені адрывава карэннае насельніцтва Беларусі ад духоўнай спадчыны, таму што многія кінафільмы выходзілі на экраны без дубліравання на беларускую мову і былі прысвечаны розным праблемам гісторыі і культуры іншых народаў.

Першым з такой нагоды забіў трывогу пісьменнік М. Зарэцкі. Яго артыкул у газеце «Савецкая Беларусь» «Два экзамены. Да пытання аб тэатральнай крытыцы» (18 студзеня 1928 г.) і «Чым пагражае нам Дзяржкіно. Да крытыкі тэматычнага плана» (2 і 3 лістапада 1928 г.) паказвалі, якім шляхам ішоў на Беларусь гэты адносна новы для яе від мастацтва. М. Зарэцкі перасцярагаў ад неразумных тут запазычанняў з любых культур, у тым ліку і рускай, і лічыў, што ўсё лепшае ў беларускім кіно павінна «арганічна вырастаць з глебы нашай беларускай культуры» [2, с. 204].

Адзначым таксама наступнае: калі ў 1920-я гг. у беларускім кіно дамінавала тэма Кастрычніцкай рэвалюцыі, то ў 1930-я гг. у многіх фільмах побач з галоўным героем абавязковымі персанажамі становяцца «ворагі народа», дыверсанты, шпіёны. Паступова героіка-романтычная натхнёнасць змяняецца афіцыйнай параднасцю і прапагандай, дзе цэнтральным героем становіцца камісар («Першы ўзвод» (рэжысёр У. Корш-Саблін, 1933), «Балтыйцы» (рэжысёр А. Файнцмер, 1938), «Адзінаццатае ліпеня» (рэжысёр Ю. Тарыч, 1938)).

У 1920-х гг. у рабоце беларускіх кінематаграфістаў меліся значныя недахопы. Адаленасць кінафабрыкі ад Беларусі ўплывала на распрацоўку нацыянальнай тэматыкі, падрыхтоўцы нацыянальных кадраў.

Тым не менш тут плённа працавалі рэжысёры Ю. Тарыч, У. Гардзін, У. Корш-Саблін, група аператараў. На пачатку творчай дзейнасці кінастудыі працавалі і многія вядомыя майстры савецкага кіно: кампазітары І. Дунаеўскі, А. Ту-

ранкоў, акцёры Л. Кміт, М. Чаркасаў, М. Сіманяў і інш.

Заклучэнне. Беларускае кіно з'яўлялася і з'яўляецца летапісам гісторыі свайго народа, бо ў дакументальных і мастацкіх стужках захавала экранную спадчыну (вобразы, твары, постаці гістарычных асоб, важныя моманты гістарычных падзей). Кінематограф як частка мастацкай культуры народа адлюстроўваў у сваім развіцці ўсе складанасці гістарычнага лёсу Беларусі.

Літаратура

1. НАРБ. Ф. 4. Воп. 21. Спр. 322. Арк. 34.
2. Лыч Л. Беларусізацыя 20-х гадоў // Маладосць. 1995. № 11. С. 187–211.
3. Альшэўская С. І., Касовіч В. Ф., Шульга Л. А. Нацыянальна-дзяржаўнае будаўніцтва на Беларусі (1917–1927 гг.). Мінск: БДУ, 2000. 240 с.
4. Беларусізацыя: 1920-я гады: Дакументы і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. Платонава, У. Коршака. Мінск: БДУ, 2001. 270 с.
5. Практычнае вырашэнне нацыянальнага пытання ў БССР. У 2 ч. Ч. 1. Беларусізацыя. Мінск: Выд-ва Нацкамісіі ЦВК БССР, 1928. 152 с.

References

1. NARB. Fund 4. I. 21. F. 322. L. 34.
2. Lych L. Belarusizatsyya 20's. *Maladosts'* [Maladosts'], 1995, no. 11, pp. 187–211 (In Belarusian).
3. Al'sheuskaya S. I., Kasovich V. F., Shul'ga L. A. *Natsyyanal'na-dzyarzhauunaye budauitstva na Belarusi (1917–1927 gady)* [Nation-building in Belarus (1917–1927)]. Minsk, BDU Publ., 2000. 240 p.
4. *Belarusizatsyya: 1920-ya gady: Dakumenty i materyyaly* [Belarusizatsyya: 1920's: Dokuments and materials]. Minsk, BDU Publ., 2001. 270 p.
5. *Praktychnaye vyrashenne natsyyanal'naga pytannya u BSSR. U 2 chastkakh. Chastka 1: Belarusizatsyya* [The practical solution of the national question in BSSR. In 2 parts, part 1: Belarusizatsyya]. Minsk, Vydatvstva Natskamisii TsVK BSSR Publ., 1928. 152 p.

Інфармацыя пра аўтара

Каляда Іна Уладзіміраўна – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і паліталогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь).

Information about the author

Koleda Inna Vladimirovna – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus).

Паступіў 28.03.2016

УДК 636.74:351.746.1«1923/1939»

Л. И. Шанец

Центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов
«Центр специальной подготовки»

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СЛУЖЕБНОГО СОБАКОВОДСТВА В ПОГРАНИЧНОЙ ОХРАНЕ БССР В 1923–1939 ГГ.

В статье на основе нормативных правовых документов, а также архивных источников рассматриваются вопросы зарождения и становления служебного собаководства в пограничной охране на территории БССР. Автором освещены положительные стороны применения служебных собак в охране границы, затронуты основные недостатки возникавшие при подготовке проводников, а также в дрессировке и содержании служебных собак. Сделан вывод, что применение служебных собак в сочетании с современными техническими средствами и в настоящее время является актуальным и действенным способом охраны государственной границы.

Ключевые слова: Государственное политическое управление, Западный пограничный округ, пограничная охрана, служебная собака, инструктор.

L. I. Shanets

Special Training Centre for Professional Advancement
of Executive Employees and Specialists

BECOMING AND DEVELOPMENT OF OFFICIAL DOG-BREEDER IN BOUNDARY GUARD OF BSSR IN 1923–1939

In the article on the basis of normative legal documents, and also archived sources the questions of origin and becoming of official dog-breeder are examined in a boundary guard on territory of BSSR. An author is light up the positive sides of application of official dogs in the guard of border, the basic failings are affected arising up at preparation of explorers, and also in training and maintenance of official dogs. A conclusion is done, that application of official dogs in combination with modern hardwares and presently is actual and by the deystven-nym method of guard of state boundary.

Key wods: State Political Administration, Western Border District, border security, war-dog, trainer.

Введение. С мая 1918 г. до осени 1922 г. руководством пограничной охраны советского государства осуществлялся поиск наиболее оптимальных организационных форм и способов охраны Государственной границы. 27 сентября 1922 г. Совет Труда и Оборона (далее – СТО) принял решение о передаче охраны сухопутной и морской границ РСФСР в ведение Государственного политического управления при Народном Комиссариате Внутренних Дел РСФСР и о создании для этой цели Отдельного пограничного корпуса войск Государственного политического управления (далее – ГПУ). В составе корпуса было создано семь округов – Петроградский, Украинский, Северо-Кавказский, Закавказский, Туркестанский, Сибирский и Западный пограничный округ, который охранял границу на белорусском участке. 30 декабря 1922 г. с образованием СССР Белоруссия вошла в него на правах одной из союзных республик. В короткое время были осуществлены мероприятия по реорганизации структуры советской пограничной охраны, которая с 31 января 1923 г. стала подчиняться непосредственно заместителю председателя ГПУ. К февралю 1923 г. окончательно определились пункты дислокации

пограничных округов, частей, подразделений пограничной охраны страны.

Основная часть. Начало применения служебных собак в охране границы на отдельных ее участках относится к 1923 г., но это были только отдельные случаи. Со временем подготовка личного состава и служебных собак стала приобретать организованный, планомерный характер. В 1923 г. в Москве при отделе погранохраны и войск ГПУ были организованы Центральная школа и питомник служебных собак, позднее переименованные в Центральные курсы инструкторов по применению собак в погранслужбе (далее – ЦКИ) [1, с. 253].

Основой для применения служебных собак в охране государственной границы стал приказ ГПУ № 197/80/26 от 12 мая 1923 г. «Об организации службы сторожевых собак на границе». В развитие его 31 мая 1923 г. приказом ГПУ № 229/319 «Об образовании для пограничной охраны войск ГПУ специального отделения на открывающихся курсах подготовки специалистов по дрессировке собак при Центральном питомнике Управления Уголовного розыска Республики и штаты этого отделения» были созданы курсы инструкторов служебных собак,

на которые отобрали 7 курсантов из лиц младшего начальствующего состава Западного округа пограничной охраны (г. Минск). В состав отделения входили также 2 инструктора-специалиста и один преподаватель. Для первого набора курсантов 4 собаки закупили в г. Волоколамске, а в сентябре 1923 г. – 31 собаку в Германии. Впоследствии немецкие овчарки также закупались для школы в Германии, а для передачи опыта дрессировки приглашались немецкие специалисты-дрессировщики.

Работа по обучению курсантов и дрессировке собак первоначально шла на ощупь, так как не было ни специалистов-дрессировщиков, ни знания методов дрессировки собак работе по следу и их надлежащего содержания, не было литературы по этим вопросам. Первый выпуск проводников и собак ЦКИ состоялся в июне 1924 г., часть выпускников была направлена в Западный пограничный округ [2, с. 85].

В течение первых месяцев были выявлены недостатки в дрессировке собак, заставивших изменить как методы, так и программу подготовки собак к розыскной работе на границе. Наряду с недостатками первого применения собак на границе были и положительные моменты. В архивных материалах сохранились имена первых следопытов, которые вместе со своими овчарками не раз отличались в поиске и задержании нарушителей. На западной границе широкой известностью пользовался проводник розыскной собаки Савва Карпович Чуб. С помощью овчарки Зенты он задержал десятки бандитов, контрабандистов, иностранных агентов [3, с. 31].

В апреле 1925 г. в Москве состоялось Всеююзное совещание начальников частей пограничной охраны Объединенное Главное Политическое Управление (далее – ОГПУ), после которого было ускорено решение многих вопросов становления и развития пограничной кинологии. На совещании начальник частей пограничной охраны Западного округа С. И. Кондратьев сообщил, что «в округе имеется 12 собак, которые сосредоточены на участке одного активного отряда; младший командный и красноармейский состав вначале на работу их смотрел с недоверием, но после произведенных задержаний собаками контрабанды и перебежчиков этот взгляд изменился, и собаки приобрели свой авторитет». Существенное значение имеет замечание С. И. Кондратьева о том, что «слишком молодой инструкторский состав мало имеет практического опыта в работе на границе, а собаки немного разложились, нужна новая подготовка и освежение их знаний. С этой целью часть собак вместе с инструкторским составом будут оттянуты в окружной питомник для до-

полнительной подготовки» [4, с. 59]. Для реализации проблемы развития пограничной кинологии в округах пограничной охраны в 1925–1927 гг. начали создаваться окружные питомники служебного собаководства. 15 марта 1925 г. в Западном пограничном округе в г. Минске, одним из первых, был организован «Питомник собак при Белорусской окружной пограничной школе ОГПУ Западного края». Основной задачей питомника было разведение собак для охраны границы.

В ноябре 1926 г. Западный пограничный округ был переименован в Белорусский. В ходе организации служебного собаководства в пограничной охране совершенствовалась и нормативная правовая база применения собак. Если в первом Временном уставе службы пограничной охраны ОГПУ, утвержденном приказом № 289 от 12 июля 1924 г., указывалось, что «при преследовании по следам значительную пользу могут принести собаки», то во Временном Уставе службы пограничной охраны ОГПУ, утвержденном в 1927 г., в статье 202 было записано, что пограничным нарядам «при преследовании по следам необходимо в полной мере использовать розыскных собак». 12 января 1928 г. были утверждены «Положение о применении розыскных и сторожевых собак в службе по охране границ СССР», «Положение о Центральном питомнике служебных собак погранохраны при Главном управлении погранохраны и войск ОГПУ» и «Положение об окружных курсах при питомниках служебных собак при управлениях пограничной охраны ПП ОГПУ». В них впервые определены организация подготовки кадров инструкторов и порядок использования собак в службе по охране границ СССР. В Положении об окружных курсах при питомниках служебных собак при управлениях пограничной охраны отмечалось, что окружной питомник является органом, осуществляющим разведение, подготовку и применение собак в округе.

Принятие нормативно-правовых документов по служебному собаководству повлекло за собой штатные изменения в окружных питомниках. 30 января 1928 г. начальник управления пограничной охраны БССР издал приказ № 37/14 «О реорганизации окружного питомника собак по новым штатам», в соответствии с которым курсантов должны были набирать 15 человек, количество собак: розыскных – 38, сторожевых – 15, племенных – 10, резервных – 10, щенков – 30. Розыскные собаки прикреплялись персонально к проводнику и инструктору, а сторожевые – использовались сторожевым нарядом. В конце 20-х – начале 30-х гг. количество служебных собак в округах увеличилось. Основной породой служебных собак, применявшейся на

границе в Беларуси, являлась немецкая овчарка. Для несения сторожевой службы разрешалось использовать собак местных пород, пригодных к несению этой службы. Но на питомниках не хватало розыскных и строевых собак. Поэтому приказом Полномочного Представителя ОГПУ по Белорусскому округу пограничной охраны № 98/32 от 9 сентября 1929 г. была объявлена новая «штатная положенность собак» окружного питомника, которая предусматривала всего 50 розыскных и 20 строевых собак, 10 производителей, 10 резервных и 30 щенков.

В охране государственной границы служебные собаки занимали все большее место, повышая надежность повседневной службы пограничников. Так, 23 марта 1931 года нарядом пограничников 1-й заставы 12-го Бигосовского пограничного отряда был обнаружен след нарушителя границы СССР. Для преследования начальника заставы выслан дозор в составе проводника розыскной собаки Усатенко и красноармейца Кононыкина. Они настигли нарушителя, завязалась перестрелка. При помощи прибывшего с заставы наряда нарушитель был задержан. Приказом по ОГПУ СССР проводник розыскной собаки Усатенко и красноармеец Кононыкин за смелые, решительные и настойчивые действия по преследованию вооруженного нарушителя границы награждены ценными подарками [5, л. 1].

Имевшие место недостатки в подготовке проводников служебных собак, выявлялись в ходе проводившихся проверок и обследований курсов при окружных питомниках. Их результаты отражались в периодических обзорах о службе и применении служебных собак, в тезисах к совещаниям начальников управлений пограничной охраны, в специальных циркулярах Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ (далее – ГУПОиВ ОГПУ). Руководство ГУПОиВ ОГПУ с учетом донесений с мест внимательно изучило данную проблему и 23 мая 1929 г. направило начальникам управлений пограничной охраны Полномочных Представительств ОГПУ Ленинградского, Белорусского округов, Сибири, Дальневосточного края и начальникам управлений пограничной охраны ГПУ Украины и Закавказья Циркуляр № 1284053 «О руководстве учебной работой курсов проводников при окружных питомниках». В нем отмечалось, что обследованиями окружных питомников по применению собак в погранохране установлено, «наиболее слабым местом их работы, наряду с заводской частью, является учебно-методическая работа на курсах при них по подготовке проводников». Предлагалось в ходе проверок курсов при окружных питомниках,

прежде всего, проверять простоту, ясность и четкость изложения материала, степень усвоения курсантами вопросов курса обучения. Подобные документы способствовали совершенствованию подготовки специалистов служебного собаководства в пограничных войсках, подготовки собак к несению службы на границе, повышению эффективности охраны Государственной границы СССР.

В связи с развитием служебного собаководства и появлением опыта работы в 1932 г. началась реорганизация окружных питомников. Приказом Полномочного Представительства ОГПУ по БССР от 29 июня 1932 г. окружной питомник с 1 июня реорганизован в окружную школу-питомник погранохраны ОГПУ БССР.

Массовое использование служебных собак значительно повышало эффективность охраны государственной границы. Так, в 1932 г. количество задержанных с помощью собак нарушителей границы составило 4,7% от их общего числа. В Белорусском округе за 1932 г. с помощью собак задержано 8%, а в 1933 г. – 10,1% от общего числа нарушителей границы. Эта тенденция была характерна для пограничных войск в целом. Так, в 1932–1934 гг. количество нарушителей границы, задержанных с помощью собак, составило 2902, 7310 и 5174 человека, что соответственно составляло 4,7%, 6,9% и 8,9% от общего числа задержанных. Таким образом, использование служебных собак в значительной мере способствовало усилению эффективности охраны государственной границы. На 1 января 1933 г. в девяти пограничных округах СССР насчитывалось 1275 розыскных и сторожевых собак. В Белорусском пограничном округе числилось 188 служебных собак, из них 58 розыскных и 130 сторожевых.

В 1933 г. продолжались преобразования питомников, расширялись их штаты, увеличилось количество курсантов и служебных собак. Количество курсантов в школах-питомниках постоянно росло. Если в 1926–1929 гг. на курсах в питомниках готовили от 5 до 15 проводников, то в 30-х гг. их численность увеличилась до 30–40 человек. В Белорусском округе в 1938 г. было направлено на границу 117 подготовленных проводников служебных собак.

По мере накопления опыта дрессировки служебных собак определенные изменения претерпевала и тактика охраны государственной границы. В начале 30-х гг. появился пограничный наряд «дозор» по проверке контрольной полосы, в состав которого входил инструктор розыскной или вожатый сторожевой собаки. На участках пограничных застав стали оборудоваться тропы инструкторов розыскных собак. В 1933–1934 гг. в штаты пограничных отрядов

были введены команды служебных собак, предназначенные для решения внезапно возникающих задач.

Количество задержаний нарушителей государственной границы при помощи служебных собак в различных округах и в различные годы не было стабильным. Только в Белорусском округе пограничной охраны рост числа задержаний нарушителей государственной границы с помощью служебных собак имел устойчивый характер.

Несмотря на положительные результаты, в применении служебных собак в охране государственной границы в Белорусском округе пограничной охраны в эти годы отмечались и существенные недостатки. В приказе заместителя полномочного представителя ОГПУ по БССР от 14 июля 1934 г. «О результатах обследования 12, 13 пограничных отрядов и окружной школы-питомника служебных собак по вопросам использования, подготовки и сбережения служебных собак» указывалось, что при работе в частях и подразделениях начсостав строевого, политического и хозяйственного аппаратов как Управления пограничной охраны полномочного представителя ОГПУ по БССР, так и управлений пограничных отрядов, вопросами использования, тренировки и содержания служебных собак не интересуется. Отмечены случаи недооценки начсоставом значения службы собак в деле охраны госграницы. Планы тренировки служебных собак составлялись без достаточного учета особенностей участков пограничных отрядов и подготовленности собак. Систематической командирской учебы с инструкторским составом в окружной школе-питомнике не проводилось. Теоретические и практические занятия по подготовке проводников и розыскных собак имели ряд недочетов организационно-методического характера. Причиной недостатков указывалось то, что командование пограничных частей не уделяют должного внимания служебному собаководству, как одному из важных средств в охране государственной границы. Приказ сыграл определенную мобилизующую роль: состояние дел со служебным собаководством в округе стало улучшаться. Об этом свидетельствует тот факт, что 4 октября 1934 г. в окружной школе-питомнике были успешно проведены проверочные испытания курсантов. В программу их подготовки были включены: политическая подготовка, знание техники, оперативно-тактическая подготовка, специальная пограничная подготовка собак, теория и техника дрессировки, организация подготовки вожатых, практические навыки в подготовке собак, строевая подготовка.

Следует отметить, что совершенствованию создаваемой системы пограничного служебного собаководства в 30-х гг. XX в. способствовало обследование службы собак и подготовки проводников в 47 частях пограничной охраны, которое было проведено по инициативе НКВД СССР в 1934–1935 гг. По результатам этой проверки 23 июля 1935 г. был подписан приказ Наркома внутренних дел СССР «О недочетах использования служебных собак в частях пограничной и внутренней охраны НКВД», в котором руководитель ведомства отметил, что «...служебная собака в системе охраны границ... заняла прочное место. Розыскные, сторожевые... собаки при умелом их использовании в значительной степени облегчают работу и службу наряда, усиливая бдительность и боеспособность бойцов при несении ими службы».

Важно отметить, что недоверие к практике применения специальных собак при несении службы по охране Государственной границы СССР постепенно исчезало. Это было отмечено в приказе НКВД от 23 июля 1935 г. В нем подчеркивалось, что «начальствующий и, в особенности, рядовой состав частей в массе своей чрезвычайно ценит хорошо подготовленную собаку и стремится целесообразно сочетать службу людского наряда со службой собаки... . Правильное использование и овладение техникой управления служебными собаками повысило результаты применения собак и качество службы сторожевого наряда». Так, в 1932 г. с помощью собак было задержано 2902 нарушителя государственной границы, в 1933 г. – 310, в 1934 г. – 174. При этом было подчеркнуто, что за этими цифрами скрывалось «много характерных случаев задержаний, часто совершенно невыполнимых для человека...».

Несмотря на все успехи, в приказе было обращено внимание и на ряд серьезных недочетов в подготовке, использовании и сбережении служебных собак, главные из которых состояли в том, что на момент проверки собака еще не стала повсеместно обязательным элементом охраны границы; при проведении операций часто забывали использовать служебную собаку; начсостав не проявлял должного внимания к изобретательности и изысканию новых способов применения служебных собак. Отметим, что данные недостатки не были характерными для пограничных отрядов Белорусского пограничного округа. В управлениях округов руководящему составу было доведено содержание приказа и намечены меры по выполнению требований Наркома.

На границе не прекращался поиск наиболее оптимальных и эффективных организационных форм школ-питомников. Главным направлением

в этой сфере деятельности стало преобразование в 1936–1938 гг. окружных школ-питомников в окружные школы младшего начальствующего состава служебного собаководства. На основании распоряжения ГУПВВ НКВД СССР от 8 июля 1938 г., приказом Наркома внутренних дел БССР от 15 июля 1938 г. школа-питомник служебного собаководства была переформирована во 2-ю окружную школу младшего начсостава служебного собаководства пограничных и внутренних войск НКВД Белорусского округа. Приказом НКВД СССР от 19 апреля 1940 г. введен новый штат. До 1936–1937 гг. в отделениях школ-питомников руководство подготовкой курсантов осуществляли инструкторы служебного собаководства (средне-начальствующий состав), а затем подготовка курсантов в отделениях была возложена на младших командиров. Подготовка инструкторов службы собак была увеличена с 6 до 9 месяцев, причем

один месяц отводился на стажировку на границе. В период стажировки курсанты не только совершенствовали свои теоретические знания и практические навыки, но и вносили реальный вклад в охрану Государственной границы страны.

Заключение. Таким образом, применение служебных собак для охраны Государственной границы, получившее распространение в 1920–1930 гг., навсегда вошло в служебно-боевую деятельность пограничных войск. Как показывает современный опыт, несмотря на постоянный рост технического оснащения органов пограничной службы, служебные собаки по-прежнему являются важным средством усиления пограничных нарядов для охраны границы. Умелое их применение в рациональном сочетании с техническими средствами охраны границы позволяет задерживать нарушителей пограничного законодательства в короткие промежутки времени.

Литература

1. Пограничные войска СССР 1918–1928: сборник документов и материалов. М.: Наука, 1973. 928 с.
2. Летопись пограничных войск КГБ СССР. М.: Воениздат, 1981. 576 с.
3. Дозорные западных рубежей. Документальные очерки по истории войск Краснознаменного Западного пограничного округа. Киев: Политиздат Украины, 1972. 443 с.
4. Пограничная кинология России: 110 лет на службе по охране государственной границы / К. Н. Маслов [и др.]; ФСБ Российской Федерации, Центр оперативно-пограничных исследований. М.: Издат. дом «Граница», 2005. 448 с.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7653. Л. 1.

References

1. *Pogranichnyye voyska SSSR 1918–1928: sbornik dokumentov i materialov* [Frontier troops of the USSR 1918–1928: collection of documents and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 928 p.
2. *Letopis' pogranichnykh voysk KGB SSSR* [Annals of the border troops of the KGB]. Moscow, Voenizdat Publ., 1981. 576 p.
3. *Dozornye zapadnykh rubezhey. Dokumental'nyye ocherki po istorii voysk Krasnoznamennoye Zapadnogo pogranichnogo okruga* [Sentinel western borders. Documentary essays on the history of the Red Armies of the Western Border District]. Kiev, Politizdat Ukrainy Publ., 1972. 443 p.
4. Maslov K. N., Kashlev Yu. F., Tereshchenko V. V. *Pogranichnaya kinologiya Rossii: 110 let na sluzhbe po okhrane gosudarstvennoy granitsy* [Border cynology of Russia: 110 years in the service of the Border Guards]. Moscow, Granitsa Publ. house, 2005. 448 p.
5. NARB. Fund 4p. I. 1. F. 7653. L. 1.

Информация об авторе

Шанец Леонид Игоревич – заместитель начальника по материально-техническому обеспечению. Центр повышения квалификации руководящих работников и специалистов «Центр специальной подготовки» (220138, г. Минск, ул. Карвата, 85, Республика Беларусь). E-mail: shanes@tut.by

Information about the author

Shanets Leonid Igorevich – deputy Head of Logistics. Special Training Centre for Professional Advancement of Executive Employees and Specialists (85, Karvata str., 220138, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shanes@tut.by

Поступила 28.03.2016

УДК 314:303.7

В. Н. Ракачев

Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ БЕЛОРУССКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
НА КУБАНЬ И СТАВРОПОЛЬЕ В 1930-Х ГГ.**

Статья посвящена истории организованного переселения красноармейцев Белорусского военного округа на земли Кубани и Ставрополя, опустевшие в результате депортаций местного населения и голода начала 1930-х гг. Раскрыты причины переселений красноармейцев, прошедших службу в Белорусском военном округе, механизмы организации переселенческих процессов. На основе архивного материала, значительная часть которого введена в научный оборот впервые, рассмотрены вопросы организации жизни и быта переселенцев, их взаимоотношения с местным населением, степень адаптации переселенцев к новым условиям. В статье убедительно показано, что задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере также не была реализована. Административный подход оказался малоэффективным, поскольку не учитывал многих факторов, прежде всего субъективного характера. Противоречия в отношениях местного населения и переселенцев осложняли хозяйственно-экономическую адаптацию и деятельность. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Кубани и Ставрополье хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Ключевые слова: переселение, Кубань, Беларусь, депортация, миграции.

V. N. Rakachev

Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

**ON THE RELOCATION OF THE RED ARMY
BELARUSIAN MILITARY DISTRICT IN THE KUBAN AND STAVROPOL
TERRITORY IN THE 1930'S**

The article is devoted to the history of the organized relocation of the Red Army of the Belarussian Military District in the Kuban and Stavropol land, empty as a result of the deportations of the local population and the famine of the early 1930's. The reasons of migrations of the Red Army, who served in the Belarussian Military District, mechanisms of resettlement processes. On the basis of archival material, much of which was put into scientific circulation for the first time, the issues of organization of life and living conditions of immigrants and their relationship with the local population, the degree of migrants adapt to new conditions. The article clearly shows that the task of restoring the demographic balance in the region by the planned relocations in full just has not been implemented. Administrative approach proved ineffective because it does not take into account the many factors-primarily subjective. The contradictions in the attitude of the local population and migrants complicated economic-economic adjustment and operation. In general stabilization of the socio-political and economic situation in the Kuban and Stavropol although it was achieved, but through significant sacrifices and deprivations.

Key words: relocation, Kuban, Belarus, deportation, migration.

Введение. Решению политических и народнохозяйственных задач, стоявших перед СССР в 1930-х гг., способствовала активизация миграционных потоков. Это отвечало марксистским идеям, согласно которым крестьянин-архаик, включаясь в миграционные процессы, изменялся, обретая новые качества, необходимые для перехода от традиционного общества к индустриальному, от сельского к городскому. Огромные массы людей оказываются вовлеченными в добровольную и вынужденную «индустриальную миграцию», которая с конца 1920-х гг. переходит под жесткий контроль со стороны государства. Тем не менее этим проблемам в историографии уделено мало внимания. А пе-

реселенческий опыт заслуживает более глубокого изучения.

Основная часть. В советский период сложилась особая практика управления миграциями, основанная на идеях так называемого административного подхода, согласно которому индивид в любой момент времени в соответствии с политическими решениями может быть переселен в любую точку доступного географического пространства, причем необязательно насильственным путем. Стимулирование таких переселений может осуществляться с помощью самых разных средств – моральных, идеологических, политических и экономических [1, с. 88]. 1930-е гг. являются ярким примером

использования данного подхода на практике. Наиболее широкое распространение получили массовые депортации «кулаков» в ходе коллективизации и крестьян, обвиненных в срыве и саботаже хлебозаготовок. В такие перемещения были вовлечены значительные массы населения ряда регионов России, в том числе Кубани и Ставрополья. Опустевшие в ходе голода 1932–1933 гг., депортаций, бегства населения, эти территории, важные для власти, с точки зрения производства товарного зерна как для внутреннего, так и для внешнего рынка, необходимо было заселить политически лояльным населением. Этим критериям отвечали военнослужащие Красной Армии, за годы службы получившие соответствующую политическую и идеологическую подготовку. Был в этом и стратегический интерес – регион относился к приграничным территориям и такое переселение в условиях противостояния СССР и западных стран способствовало обеспечению безопасности государства.

Начало этим процессам положило постановление Реввоенсовета СССР от 30 января 1930 г. «Об участии Красной Армии в колхозном строительстве страны» [2, с. 201]. 11 сентября 1933 г. утверждается предполагаемая разнарядка переселяемых красноармейских семейств по районам и станицам Азово-Черноморского края – 12 000 чел. [3]. Большую часть переселенцев составили военнослужащие Московского и Белорусского военных округов (МВО и БелВО). Эти же округа дали наибольшее число переселенцев с семьями: Московский – 4720 семейств (19 264 чел.), Белорусский – 4714 семейств (18 231 чел.). Причем изначально из БелВО планировалось к переселению 4100 семейств красноармейцев [4].

Завербованные красноармейцы снабжались обмундированием, дополнительным окладом, 100 руб. подъемных и питанием на время следования. Расходы на переселение красноармейцев БелВО составили 543 469 руб., в том числе: сторублевые пособия – 471 400 руб., командировочные расходы – 21 666, почтово-телеграфные расходы – 12 574, наем подвод – 921, политико-просветительские расходы – 8588, банно-прачечные расходы – 214, покупка железнодорожных билетов – 95, канцелярские расходы – 214, продовольствие и фураж на дорогу – 3896, премирование – 2500, разные организационные расходы – 11 401, расходы, возникшие в округах после представления ими отчетов (отправка оставшихся и т. п.) – 10 000 руб. [5].

Переселяемым выделялось жилье, в основном за счет домов репрессированных в ходе хлебозаготовок. Причем особо отмечалось: «Необходимо обеспечить ремонт жилья для

вселяемых, кухонными плитками, гвоздями, стеклом, а также поставить вопрос о долгосрочных кредитах для вселяющихся на хозяйственное обустройство исходя из 300 руб. на каждое семейство и 100 руб. – на приобретение скота и птицы» [6].

Уделялось большое внимание продовольственному и хозяйственному вопросам обеспечения переселенцев. Колхозам и МТС вменялось в обязанность первоочередное обслуживание красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных условиях. Кроме того, колхозы должны были обеспечить вселяющихся овощами, картофелем, подсолнечным маслом и пр. [7]. Переселенческие красноармейские хозяйства, помимо прочего, получали льготы от выдачи кредитов и выделений специальных фондов, освобождались от налоговых поставок молока, мяса, картофеля на ближайшие два года [8]. Одновременно усиленно среди переселенцев велась идеологическая подготовка. Среди них распространялись брошюры, объяснявшие, что выселение местных жителей связано с их враждебной и вредительской работой [9].

Все эти мероприятия, с одной стороны, усиливали лояльность переселенцев к властям, но с другой, выстраивали определенный барьер между переселенцами-красноармейцами и местными жителями, затрудняя процессы социальной адаптации, что осложнялось исторически сложившимся здесь противостоянием: «казаки – иногородние», «казаки – кацапы» и т. п.

В итоге переселенцы воспринимаются местными жителями не только как чужаки, прибывшие по решению и при поддержке власти, но прежде всего как «не казаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей.

Переселенцы наделялись такими негативными качествами, как лень, бесхозяйственность, безынициативность, пьянство. Частыми были такие высказывания в их адрес: «... а северный народ выпивать любит и вместо того, чтобы жить культурно, люди в свободную минутку пьяны и драки происходят...» [10].

Красноармейцы же в свою очередь пытались противопоставить себя местным жителям. «Наша задача не только построить образцовые колхозы на Кавказе, а доказать всем трудящимся, как мы, красноармейцы, умеем работать. В условиях Кавказа всего можно добиться. Нужно иметь только старание и желание работать» [11]. «Колхозники Кубани голодали потому, что не хотели работать. Они сами виноваты в этом. На Кубанской земле мы быстро разбогатеем, покажем ударные темпы и добьем кулака» [12].

Адаптация переселенцев осложнялась не только за счет субъективных, но и вследствие

объективных причин: многие из них столкнулись с хозяйственными проблемами. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у переселенцев отрицательные настроения, не редкими были такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет» [13]. «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно» [14].

В отдельных случаях ситуация действительно была критической, переселенцы терпели лишения и голод наряду с местными жителями. Красноармейцы уже не просто жалуются, а обвиняют власти в сложившейся ситуации. Показательными являются письма красноармейцев из станицы Уманской: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошадей в бригаде 17, посеяли 60 га, лошади стали, не ходят, приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день. Эх, знал бы, что я помру здесь от голода и скоро, то покончил бы сам себя. За что нас сюда выгнали. По крайней мере, я в армии отслужил два года, не имел ни одного взыскания, а сейчас приходится сидеть почти голодным... от голода десятки помирают каждый день» [15, с. 472–474].

Вместе с тем переселенческая политика к концу 1933–1934 гг. принимает более масштабные формы. К середине декабря 1933 г. на Кубань «прибыло 105 эшелонов с общим числом переселенцев 38 504 чел., из них мужчин – 19 499 чел., женщин – 11 388 чел., детей – 7617 чел. В числе прибывших: коммунистов – 4201 чел., комсомольцев – 3527 чел.» [16]. Однако с ухудшением положения нарастает недовольство и волна беглецов. Появляется такой феномен, как «обратничество» (социальная практика возвращения/бегства переселенцев с новых мест проживания на территорию исхода), которое на Кубани и Ставрополье принимает масштабные формы.

В 1933 г. с мест переселения бежало 1084 чел., из них 90,5% – одиночки и 9,5% – семейные переселенцы, 554 побега были предупреждены [17]. Согласно сведениям контрольных органов о количестве красноармейских переселенческих хозяйств, вселенных в плановом порядке в Азово-Черноморский край осенью 1933 г. и оставшихся в наличии по состоянию на 20 ноября 1936 г., «возвратники» составили 55% [18].

В то же время более успешно адаптировались на новом месте семейные переселенцы. Прежде всего потому, что семье работать и жить было проще, а кроме того, отъезд или побег с места переселения для семейного был значительно сложнее, чем для одиночки.

Подстегивали бегство и негативные настроения местного населения, которое постепенно развернуло против переселенцев активные практики запугивания и деморализации. Переселенцам угрожали, подбрасывали записки, известны случаи нападения и насилия по отношению к ним.

В записках и разговорах их пытались убедить, что жизни на новом месте им не будет. «...Вы занимаете дома высланных, они возвратятся и выгонят вас отсюда силой». «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно» и т. п. «Хорошей жизни Вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно (ст. Тимашевская, ст. Поповическая)» [19]. «Мы тут подышаем с голода и от малярии, и с вами то будет» [20]. «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно» и т. п. [21].

Осознавая сложность сложившейся ситуации, власти начинают разработку комплекса мер по борьбе с бегством переселенцев и хозяйственного укрепления их в колхозах и МТС [22].

Однако со временем местное население смиряется с необходимостью мигрантов, в условиях запустения и хозяйственной разрухи они начинают восприниматься как неизбежность и даже как некоторая необходимость. По воспоминаниям И. Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, приезд переселенцев спас станицу от гибели: «Станица немного ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [23, с. 51–61].

Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями сходят на нет. Это заметно по газетным публикациям, сводкам и донесениям. Краевые газеты за 1934–1935 гг. практически не упоминают о конфликтах между казаками и переселенцами-красноармейцами, большая часть материалов сообщает о выполнении планов красноармейскими колхозами, выдвижении бывших переселенцев на руководящие должности и т. д. «Переселенческие колхозы имени Гамарника, Шеболдаева и Белорусского военного округа, – сообщала газета «Молот», – в числе передовых колхозов района закончили сев колосовых, перевыполнив план... Соседние старые колхозы сеют хуже переселенческих, но последние своим примером сумели и их повести за собой» [24].

В газете «Социалистический труд» отмечается отличная работа старшей доярки колхоза

имени Ворошилова станицы Красноармейская А. В. Савеленко, приехавшей на Кубань со своим мужем-красноармейцем П. Савеленко из Белоруссии [25].

«Три года назад лучшие ударники колхозного строительства, демобилизованные красноармейцы, прибыли в станицу Полтавскую, чтобы навести большевистский порядок на богатых кубанских полях. Теперь уже нет станицы Полтавской, а есть обновленная большевистским трудом зажиточная станица Красноармейская» [26].

Стабилизация обстановки способствовала возвращению беглецов, о чем свидетельствуют донесения ОГПУ. «Основная масса переселенцев в станицах успешно хозяйственно закрепляется, – сообщает сводка. – Отдельные бригады переселенцев дают образцы трудовой дисциплины и хорошие производственные показате-

ли, вызывая своим энтузиазмом в работе симпатии колхозников...» [27].

Заключение. Таким образом, переселение лояльного населения на Кубань и Ставрополье столкнулось с большими трудностями, прежде всего адаптационного характера. Задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере также не была реализована. Административный подход оказался малоэффективным, поскольку не учитывал многих факторов, прежде всего субъективного характера. Противоречия в отношениях местного населения и переселенцев осложняли хозяйственно-экономическую адаптацию и деятельность. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Кубани и Ставрополье хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Литература

1. Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология: учеб. пособие для вузов. М.: Артекс, 1998. 325 с.
2. Платунов Н. И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 1976. 284 с.
3. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
4. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.
5. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–10.
6. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
7. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 14.
9. Радин А., Шаумян Л. За что жители станицы Полтавской выселяются с Кубани в северные края. Ростов н/Д: Партиздат, 1932.
10. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 19.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.
13. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.
14. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
15. Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / отв. составитель В. В. Кондрашин. М., 2012.
16. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.
17. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 22.
18. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53–54.
19. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.
20. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 80691. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
21. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 20.
22. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.
23. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 51–61.
24. Молот. 1933. 5 мая.
25. Социалистический труд. 24 июля 1935 г. № 135 (438).
26. Социалистический труд. 21 авг. 1935 г. № 154 (457).
27. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23.

References

1. Arutyunyan Yu. V., Drobizheva L. M., Susokolov A. A. *Etnosotsiologiya: ucheb. posobie dlya vuzov* [Etnosociology: train aid for higher education institutions]. Moscow, Artek Publ., 1998. 325 p.

2. Platonov N. I. *Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i yee osushchestvleniye v SSSR (1917 – iyun' 1941 goda)* [Resettlement policy of the Soviet state and her implementation in the USSR (1917 – June, 1941)]. Tomsk, Tomskiy universitet Publ., 1976. 284 p.
3. Russian State Archive of Economy (RSAE). Fund. 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
4. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 63. L. 9–10.
5. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 63. L. 9–10.
6. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
7. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 13.
8. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 39. L. 14.
9. Radin A., Shaumyan L. *Za chto zhiteli stanitsy Poltavskoy vyselyayutsya s Kubani v severnyie kraia* [For what residents of the village Poltava are moved from Kuban to northern regions]. Rostov on Don, Partizdat Publ., 1932.
10. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 76. L. 19.
11. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 27.
12. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 23.
13. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 36.
14. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 22.
15. *Golod v SSSR. 1929–1934. V 3 tomakh. Tom 2: Iyul' 1932 – iyul' 1933* [Hunger in the USSR. 1929–1934. In 3 vol. Vol. 2: July, 1932 – July, 1933]. Moscow, 2012.
16. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 26.
17. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 22.
18. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 95. L. 53–54.
19. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 37.
20. Center of Documentation of the Contemporary History of Krasnodar Krai (CDCHKK). Fund 80691. I. 1. F. 4. L. 280.
21. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 32. L. 20.
22. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 24.
23. *Dnevniky Ivana Lazarevicha Polezhaeva (30-e gody stanitsa Umanskaya)* [Native Kuban (literary and historical magazine)], 2002, no. 3, pp. 51–61 (In Russian).
24. *Molot* [Hammer], 1933. May 5.
25. *Sotsialisticheskiy trud* [Socialist work], 1935, July 24, no. 135 (438).
26. *Sotsialisticheskiy trud* [Socialist work], 1935, Aug. 21, no. 154 (457).
27. RGAE. Fund 5675. I. 1. F. 43. L. 23.

Информация об авторе

Ракачев Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии. Кубанский государственный университет (350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, Российская Федерация). E-mail: midav.sf@rambler.ru

Information about the author

Rakachev Vadim Nikolaevich – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Sociology. Kuban State University (149, Stavropol'skaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation). E-mail: midav.sf@rambler.ru

Поступила 25.03.2016

УДК 930:23.316:303.01

А. В. Денисов

Белорусский национальный технический университет

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ И ВЛАСТИ В БССР
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА**

В статье проведен анализ основных направлений и работ по истории взаимодействия между интеллигенцией и властью в отечественной историографии в БССР второй половины XX века. Определены основные тематические направления и результаты исследований. Несмотря на богатый фактологический материал и большой исследовательский опыт, результаты исследований находились в жестких рамках идеологического диктата. Для дальнейшего изучения истории отечественной интеллигенции необходима преемственность старых наработок с современными методами исторической науки.

Ключевые слова: интеллигенция, БССР, историография, совестская власть, марксистско-ленинская методология, идеологический диктат, политика, критика стереотипов.

A. V. Denisov

Belarusian National Technical University

**HISTORIOGRAPHICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE STUDY
RELATIONS BETWEEN THE INTELLECTUALS AND GOVERNMENT
IN BSSR DURING THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY**

The article analyzes the main trends and works on the history of interaction between intellectuals and power in the national historiography in BSSR the second half of the twentieth century. The author has identified the main thematic areas and research results. Despite the wealth of factual material and a large experience in research, research results are within strict ideological dictatorship. To further explore the history of the intelligentsia as a necessary continuity of the old developments with modern methods of historical science.

Key words: intellectuals, BSSR, the historiography, the Soviet government, the Marxist-Leninist methodology, ideological dictatorship, politics, criticism of stereotypes.

Введение. В советский период деятельность профессиональных историков была подчинена определенному заказу со стороны власти и тесно связывалась с идеологией коммунистической партии. Пристальный контроль со стороны руководящих органов выражался в цензуре всех сфер интеллектуальной жизни. Это особенно заметно на примере исследований отечественной истории XX века, для которой были обозначены четкие границы тематик и направлений, методам и возможностям интерпретаций.

Именно в этот период история интеллигенции Беларуси стала предметом специального изучения. Нужно отметить, что период 1920-х годов практически не рассматривался самостоятельно и, как правило, изучался вместе с темой Октябрьской революции, периодом 1930-х годов и послевоенным.

Несмотря на некоторые особенности национального, социально-культурного и государственного строительства, послевоенное развитие БССР проходило как в рамках общесоюзных процессов, так и в общемировых тенденциях эпохи Модерна.

Актуальность данной темы заключается в первую очередь в важности характера отношений

между представителями власти (чиновниками, управлениями) и интеллигенцией (общественным слоем людей, занимавшихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры). Традиционно генератором идей, лозунгов, концепций в обществе выступала интеллигенция. В разные периоды стратегии взаимоотношений власти и интеллигенции варьировались от плодотворного сотрудничества до скрытого явного противостояния.

Двадцатые годы XX века стали своеобразным полигоном экспериментов, в рамках которых утвердившаяся советская власть разными способами пыталась встроить в социально-классовую структуру советского общества такую группу, как интеллигенция. В свою очередь, интеллигенция также искала способы не только существования, но и развития в новой реальности.

Сейчас можно говорить о необходимости критического подхода к советской историографии в области изучения процессов становления и развития белорусской интеллигенции.

Основная часть. Исследования взаимодействия интеллигенции и власти в советский период

активно осуществлялись в 1960-х. Общепринятым являлся подход, по которому фактически проводилась параллель между профессионалами и интеллигенцией. При этом не учитывалась духовная, этическая и культурная нагрузка термина «интеллигенция», которая активно использовалась как в повседневном употреблении, так и в самоидентификации части самой интеллигенции.

Несмотря на объективные сложности, с которыми сталкивались исследователи, проблематика исследований постепенно расширялась. Работы П. Дедюли, А. Иванисова, А. Лабудько, В. Швайко затрагивали проблемы развития сельской интеллигенции и ее вклад в советское строительство [6]. Эти работы выполнены на высоком профессиональном уровне и содержат интересные данные. Одни занимались описанием инженерно-технической интеллигенции, другие – производственно-технической интеллигенции, кадровой политики и ее интеграции в рабочий класс [3, 14].

Следует отметить, что в 1960–1980-х гг. в отечественной исторической науке доминировал классовый подход и соответствующие ему методы. Поэтому интеллигенция автоматически делилась по «отраслевому» принципу: на «пролетарскую» (так называемую «новую»), «рабоче-крестьянскую», «народную», «трудовую». Кроме этого, существовала классификация и по выполняемым ею функциям: «научная» интеллигенция, «учительская», «инженерно-техническая», «творческая», «партийная» и т. д. [7, 9, 16]. При исследовании структуры советского общества использовались более точные термины: «кадры», «специалисты» и «служащие» [3, 10]. Изучение интеллигенции проводилось в коллективной работе Академии наук БССР и в работах и диссертациях Е. Новика, А. Первачука, Н. Шавельской [11, 17].

Идеологический диктат ставил перед историками задачу постоянно подчеркивать заслуги коммунистической партии и комсомола в воспитании интеллигенции в марксистско-ленинском ключе, в формировании «советской» интеллигенции и раскрытии ее творческого потенциала и ее мобилизации на строительство социализма [1, 2, 12].

В коллективной монографии «Повышение творческой активности молодой научно-технической интеллигенции» был сделан вывод о том, что в БССР сформированная группа интеллигенции была очень многочисленной, а сама интенсивность процессов ее формирования была одной из самых высоких по сравнению с аналогичными процессами в других союзных республиках. Впрочем, сама работа отличается высокой схематизацией, преобладанием количественных статистических показателей. Исследователь И. Зми-

трович в диссертации «Критика «советологических» концепций роли интеллигенции в политической жизни СССР» осуществил попытку анализа вопросов интеллигентоведения с позиций философии. Однако в ней автор придерживался жестких рамок марксистско-ленинской методологии [11].

Во второй половине 1980-х, когда в обществе начались процессы деидеологизации исторической науки, произошли первые попытки «переоценки ценностей». В своих трудах историки высказывали собственное мнение по поводу политики в отношении интеллигенции, роли рабочего класса и крестьянства в социально-политических процессах различных периодов советского общества и БССР [9, 20]. По отношению к изучению интеллигенции применялись методы изучения истории КПСС, что делало эти исторические исследования в достаточной степени однобокими и тенденциозными.

Коллективная работа «Великий Октябрь и социальная структура советского общества: Интеллигенция» под редакцией Е. Бабосова затронула такой важный вопрос, как идейное размежевание в среде интеллигенции после Октябрьской революции и в ходе социально-культурного строительства Советской Беларуси. Исследователи обратили внимание на то, что процесс размежевания проходил как между социальными группами, так и внутри самих групп [4].

На это большое влияние оказали такие факторы, как различие в происхождении, образовании и воспитании. Также было показано, что создание новой «советской» интеллигенции проходило не по качественному, а по количественному пути: расширение среды рекрутирования, появление новых отраслей и специализаций, увеличение темпов подготовки специалистов, активная государственная поддержка науки и культуры и т. д.

Заключение. Таким образом, можно выделить основные направления тематики исследований советского периода: проблема интеллигенции в советской литературе; идейно-политическое воспитание интеллигенции; совместная деятельность интеллигенции с рабочим классом и крестьянством; интеллигенция и процессы коммунистического строительства; социальный состав интеллигенции; управление интеллигенцией со стороны руководства и т. д. Исследование проблем интеллигентоведения проводилось в основном в рамках философских и исторических научных специальностей. Большинство полученных результатов было заключено в жестких рамках советской идеологии и марксистско-ленинской методологии. Эти результаты, на наш взгляд, нуждаются в переосмыслении и деконструкции ряда прежних исследовательских стереотипов.

В целом в работах данного периода преобладала абсолютизация политики партии по формированию нового и «перевоспитанию» старого поколения интеллигенции в ущерб другим факторам (экономическим, демографическим, социокультурным). Практически не показана реакция и отношение самой интеллигенции к политике власти. Кроме этого, основное внимание уделялось идеолого-политическим ценностям и их роли в системе ценностных ориентаций советской интеллигенции. Утверждалась их доминанция над всеми прочими (профессиональными, этическими, национальными, религиозными). Еще одним характерным стереотипом являлась схематизированная оценка состава интеллигенции, ее места в социальной структуре и системе ценностей советского общества.

В европейской историографии, начиная с 1960-х годов, сложилось направление, которое делает методологические установки на историю ментальностей, повседневности и психологии, индивидуальное восприятие действительности субъектом и междисциплинарный подход. Кроме этого, произошел процесс совмещения истории со смежными общественными науками.

На стыке гуманитарных наук возникли такие направления, как историческая демография во Франции и Великобритании, историческая психология в Германии, Франции и США. В основе культурно-антропологического подхода основной акцент ставился на изучение человека в его взаимосвязях с обществом, государством и микросредой. Некоторые подходы успешно применяются белорусскими исследователями [5, 16].

В современной российской историографии сложилась новая самостоятельная отрасль – интеллигентоведение, с начала 90-х гг. проходят

крупные научные конференции, издаются статьи и монографии, появились диссертационные исследования.

Тем не менее любой исследователь, который будет осуществлять применение вышеперечисленных методологических схем к проблеме истории взаимоотношений отечественной интеллигенции и власти, столкнется с определенными сложностями.

Сюда входят время на исследование, погружение в материал, без которого нельзя ориентироваться в чужих историографических контекстах, отражающих специфику национальных (и региональных) пресуппозиций, не совпадающих с отечественной проблематикой.

Каждая национальная историография отражает специфическую проблематику той страны, где происходят исследования. В частности, слово «интеллигенция» не употребляется в европейской исторической науке в том смысле, который принят в странах СНГ. Как подчеркивает Кристоф Шарль, термин «intelligentsia» выступает очень приблизительным синонимом французскому «intellectuels» [17, с. 20–21].

Наконец, проблема связана с той эволюцией, которую прошли научные исследования в сфере социальной и культурной истории в конце XX – начале XXI века. Европейские историки пришли к отказу от макросоциальных подходов и старых объяснительных парадигм. Чтобы производить сравнительный анализ на микросоциальном уровне, требуется серьезное исследование широкого круга материалов и адаптация разноразличных особенностей и школ к белорусскому контексту.

Все это представляется вполне возможным и сможет вывести изучение истории отечественной интеллигенции на новый уровень.

Литература

1. Антонишин В. Н. Марксистско-ленинское воспитание советской интеллигенции в период завершения строительства социализма и постепенного перехода к коммунизму в послевоенные годы (1938 г. – июнь 1941 г.): автореф. дис. канд. истор. наук. Минск, 1960. 22 с.
2. Бинкевич Н. И. Комсомол Белоруссии – помощник партии в развитии творческой активности молодой научно-технической интеллигенции (1971–1980 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Минск, 1986. 21 с.
3. Василевская Н. В. Формирование кадров производственно-технической интеллигенции БССР в период строительства социализма (1921–1937 гг.): автореф. дис. канд. истор. наук. Минск, 1982. 19 с.
4. Великий Октябрь и социальная структура советского общества: Интеллигенция / Л. А. Агеева [и др.]; под ред. Е. М. Бабосова. Минск: Наука и техника, 1988. 296 с.
5. Вирская В. П. Интеллигенция Минска в публикациях 1920-х гг. // Мінск і мінчане. 10 стагоддзяў гісторыі (да 940-годдзя горада): матэрыялы навук.-практ. канф.), Мінск, 7–9 верасня 2007 г. / рэд. А. А. Каваленя [і інш.]. Минск: Беларус. навука, 2008. С. 263–270.
6. Дедюля П. В. Сельская ителлигенция и ее роль в коммунистическом воспитании трудящейся деревни (на материале БССР): автореф. дис. ... канд. философ. наук. Минск, 1971. 24 с.
7. Змитрович И. О. Критика «советологических» концепций роли ителлигенции в политической жизни СССР: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Минск, 1981. 22 с.
8. Крючков В. П. Стирание существенных различий между рабочим классом и инженерно-технической интеллигенцией в процессе перерастания социализма в коммунизм (на материалах Белорусской ССР): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Минск, 1983. 21 с.

9. Кузнецов Ю. С. Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917–1925 гг.): на материалах партийных организаций Белоруссии. Минск: Беларусь, 1982. 172 с.
10. Повышение творческой активности молодой научно-технической интеллигенции: по материалам социальных исследований / А. М. Пустоход [и др.]. Минск: Бел НИИТИ, 1981. 42 с.
11. Новик Е. К. Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917–1941 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. 1981. 24 с.
12. Силиванчик П. П. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по осуществлению культурной революции в республике (1919–1937 гг.). Минск: Изд-во БГУ, 1961. 233 с.
13. Структура совесткой интеллигенции: по материалам БССР / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии и права. Минск: Наука и техника, 1970. 278 с.
14. Тавлай А. В. Научно-техническая интеллигенция в условиях развитого социалистического общества: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Минск, 1972. 21 с.
15. Старовойтов М. И. Интеллигенция белорусско-российско-украинского пограничья в 1920–1930-е гг. (этнокультурный аспект) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Гродно, 2010. Сер. 5: Гісторыя, Філасофія, Паліталогія, Сацыялогія. Вып. 1 (91). С. 52–58.
16. Шавельская І. С. Народная інтэлігенцыя Беларусі. Минск: Дзярж. выд. БССР, 1959. 72 с.
17. Шарль, К. Интеллектуалы во Франции: вторая половина XIX века. М.: Новое изд-во, 2005. 328 с.

References

1. Antonishin V. N. *Marksistsko-leninskoe vospitanie sovetskoy intelligentsii v period zaversheniya stroitel'stva sotsializma i postepenno perekhoda k kommunizmu v poslevoennye gody (1938 g. – iyun' 1941 g.): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [The Marxist-Leninist education of the Soviet intelligentsia during the completion of the construction of socialism and the gradual transition to communism in the post-war years (1938 – June, 1941). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1960. 22 p.
2. Binkevich N. I. *Komsomol Belorussii – pomoshchnik partii v razvitii tvorcheskoy aktivnosti molodoy nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii (1971–1980 gody): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Komsomol of Belarus – assistant roles in the development of creative activity of young scientific and technical intelligentsia (1971–1980). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1986. 21 p.
3. Vasilevskaya N. V. *Formirovaniye kadrov proizvodstvenno-tekhnicheskoy intelligentsii BSSR v period stroitel'stva sotsializma (1921–1937 gody): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Framing industrial and technical intelligentsia in BSSR during the construction of socialism (1921–1937). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1982. 19 p.
4. Ageeva L. A., Adulo T. I., Babosov E. M. [i dr.]. *Velikiy Oktyabr' i sotsial'naya struktura sovetskogo obshchestva: Intelligentsiya* [The Great October Revolution and the social structure of Soviet community: Intellectuals]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1988. 296 p.
5. Virskaya V. P. Intellectuals of Minsk in publications of the 1920's. *Materyyaly navukova-praktychnay kanferentsyi "Minsk i minchane. 10 stagoddyau gistoryi (da 940-goddyau gorada)"* [Materials of scientific-practical conference "Minsk and Minsk dwellers. 10 centuries of history (to the 940 anniversary of the city)"]. Minsk, 2008, pp. 263–270 (In Belarusian, Russian).
6. Dedyulya P. V. *Sel'skaya intelligentsiya i ee rol' v kommunisticheskom vospitanii trudyashchey sya derevni (na materiale BSSR): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Rural itelligentsiya and its role in the communist education of the people of the village (on the material of the Byelorussian SSR). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1971. 24 p.
7. Zmitrovich I. O. *Kritika "sovologicheskikh" kontseptsiy roli itelligentsii v politicheskoy zhizni SSSR: Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Criticism "Sovietological" concepts itelligentsii role in the political life of the USSR. Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1982. 22 p.
8. Kryuchkov V. P. *Stiranie sushchestvennykh razlichiy mezhdu rabochim klassom i inzhenerno-tekhnicheskoy intelligentsiyey v protsesse pererastaniya sotsializma v kommunizm (na materialakh Belorusskoy SSR): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Erasing a significant difference between the working class and engineering intelligentsiye during the transition from socialism to communism (in the Byelorussian SSR materials). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1983. 21 p.
9. Kuznetsov Yu. S. *Vovlechenye intelligentsii v sotsialisticheskoye stroitel'stvo (1917–1925 gody): na materialakh partiynykh organizatsiy Belorussii* [Involvement of intellectuals in socialist construction (1917–1925): On materials of the Party organisations in Belarus]. Minsk, Belarus' Publ., 1982. 172 p.
10. Pustokhod A. M., Men'sikov V. V., Morova L. P. *Povyshenye tvorcheskoy aktivnosti molodoy nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii: po materialam sotsial'nykh issledovaniy* [Enhancing creativity of young scientific and technical intelligentsia: on materials of sociological research]. Minsk, Bel NIINTI Publ., 1981. 42 p.

11. Novik Ye. K. *Formirovaniye kadrov narodnogo obrazovaniya Belorussii (1917–1941 gody): Avtoref. dis. kand. istor. nauk* [Framing of Public Education of Belarus (1917–1941). Abstract of thesis cand. of hist. sci.]. Minsk, 1981. 24 p.

12. Silivanchik P. P. *Deyatel'nost' Kommunisticheskoy partii Belorussii po osushchestvleniyu kul'turnoy revolyutsii v respublike (1919–1937 gody)* [Activities of the Communist Party of Belarus to implement the Cultural revolution in republic (1919–1937)]. Minsk, Izdatel'stvo BGU Publ., 1961. 233 p.

13. *Struktura sovetstvoy intelligentsii: po materialam BSSR* [The structure of the Soviet intelligentsia: according to the materials of BSSR]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1970. 278 p.

14. Tavlay A. V. *Nauchno-tekhnicheskaya intelligentsiya v usloviyakh razvitogo sotsialisticheskogo obshchestva: Avtoref. dis. kand. filosof. nauk* [Scientific and technical intelligentsia in the developed socialist society. Abstract of thesis cand. of philosoph. sci.]. Minsk, 1972. 21 p.

15. Starovoytov M. I. The intelligentsia of the Belarusian-Russian-Ukrainian border in 1920–1930's. (Ethno-cultural aspect). *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhavnaga universiteta imya Yanki Kupaly* [Bulletin of the Yanka Kupala State University of Grodno], 2010, ser. 5: History, Philosophy, Political Science, Sociology, issue 1 (91), pp. 52–58 (In Russian).

16. Shavel'skaya I. S. *Narodnaya inteligentsiya Belarusi* [People's intelligentsia of Belarus]. Minsk, Dzyarzhavnaye vydavetstva BSSR Publ., 1959. 72 p.

17. Sharl' K. *Intellektualy vo Frantsii: vtoraya polovina XIX veka* [Intellectuals in France: The second half of the 19th century]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. 328 p.

Информация об авторе

Денисов Антон Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, социологии и социального управления. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: dzianisau_s@tut.by

Information about the Author

Denisov Anton Vladimirovich – PhD (History), Assistant Professor, the Department of Political Science, Sociology and Social Management. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: dzianisau_s@tut.by

Поступила 11.03.2016

УДК (001+37):9(476)

В. А. Острога

Белорусский государственный университет

**РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ
ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ В БЕЛОРУССКОЙ ССР.
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМЫ**

В статье рассматривается отечественная и зарубежная историография развития научных и образовательных центров в области Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. Отмечается, что фундаментальных исследований в этой сфере фактически не проводилось. Существуют историографические публикации, но они не раскрывают все стороны развития Новой и Новейшей истории в Беларуси. Среди основных авторов – Л. М. Шнеерсон, Д. Б. Мельцер и В. Е. Снапковский. В историографии не имеется обобщающих трудов по развитию всеобщей истории и ее отраслей. Исследования в этой сфере носят эпизодический, несистемный характер. История развития белорусской исторической науки остается малоисследованной сферой.

Ключевые слова: историография, историческая наука, всеобщая история, Новая и Новейшая история, научный центр.

V. A. Astroga

Belarusian State University

**THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTERS
IN NEW AND CONTEMPORARY HISTORY IN THE BELARUSSIAN SSR.
HISTORIOGRAPHIC ANALYSIS OF THE PROBLEM**

The article discusses the belarusian and foreign historiography of the development of scientific and educational centers in the field of modern and contemporary history in the Belarussian SSR. It is noted that basic research in this area was done. There are historiographical publications, but they do not reveal all aspects of the development of modern and contemporary history of Belarus. Among the major authors are L. M. Shneerson, D. B. Meltzer and V. E. Snapkovsky. In historiography there are no general works on the development of universal history and its industries. Research in this area was incidental, not systematic. The history of development of Belarussian historical science is unexplored sphere.

Key words: historiography, historical science, General history, Modern and Contemporary history, science center.

Введение. Уровень развития национальной исторической науки обычно определяется степенью исследованности проблем отечественной истории, но это не отражает полностью ее реального состояния. Поэтому современная национальная историография немыслима без развитых отраслей всеобщей истории. Анализируя лишь ее историографические обзоры, можно сделать вывод, что особых фундаментальных исследований практически не проводилось. Исследования в этой сфере носили и носят эпизодический, несистемный характер. История развития белорусской исторической науки остается и по сей день малоисследованной сферой.

В этой связи рассматриваемая проблема, несомненно, носит актуальный характер и отличается новизной.

Основная часть. Развитие Новой и Новейшей истории в БССР – многоаспектный процесс. Для того чтобы раскрыть его, необходимо решить широкую задачу – проанализировать влияние на науку партийно-государственной политики, изучить процесс формирования и раз-

вития научно-образовательных центров, рассмотреть подготовку и повышение квалификации кадров, внутрисоюзные и международные научные связи белорусских советских историков, провести анализ результатов исследований в области Новой и Новейшей истории зарубежных стран в БССР и т. д.

Необходимо подчеркнуть, что как в СССР, так и в БССР достаточного корпуса работ в области анализа развития Новой и Новейшей истории зарубежных стран не сложилось. Особое место занимают диссертации. Но ни одна из них не посвящена непосредственно проблемам изучения Новой и Новейшей истории в Беларуси, в них только в той или иной степени затрагиваются отдельные вопросы. Вместе с тем имеется особый блок кандидатских диссертаций, подготовленных в советский и постсоветский периоды, полностью закрывших все этапы развития исторической науки Советской Беларуси с 1919 по 1990-е гг. Но фактически во всех этих работах есть оговорка, что проблемы всемирной истории в них не рассматриваются, так как

это требует специального изучения, хотя ряд работ предполагает анализ всех отраслей исторической науки. Это исследование Л. П. Храпко, Л. А. Моторовой, В. Т. Леоновец, И. И. Шевчук, П. А. Матюш, А. П. Минич. Среди других диссертаций стоит выделить работы Н. В. Токарева, А. А. Савича, А. В. Гурина, Е. В. Барановой, П. К. Кравченко, В. А. Космача, И. П. Примачук и Н. Е. Дядичкиной. Говоря о докторских диссертациях, отметим следующих белорусских ученых – В. Н. Михнюка, Е. К. Новика, Г. В. Корзенко и И. И. Шевчука. В итоге мы вынуждены констатировать достаточно скромный интерес диссертантов к анализу историографии всеобщей истории в БССР. А это значимый индикатор развитости национальной исторической науки. Ведь если развита всеобщая история, то и в целом национальная историческая наука успешна. Сегодня всесторонний анализ истории развития белорусской историографии Нового и Новейшего времени является в большой степени «белым пятном».

Вместе с тем нельзя утверждать, что за прошедшее столетие проблемы развития Новой и Новейшей истории в Беларуси не становились объектом исследования. Изучение истории развития советской исторической науки, в нашем случае новой и новейшей истории, началось еще в 1920-х гг. и было продолжено в последующие десятилетия. Институциональная система и тематический диапазон исследований в рассматриваемой области знаний в республике изначально формировался как составная часть изучения этой науки во всесоюзном масштабе, на которой отражались все ее проблемы и достижения. Однако в историографических публикациях советского периода мало встречается критических материалов, они в целом отражают лишь положительные в развитии науки, что вписывалось в идеологическую концепцию характеристики советской науки, как поступательно и успешно развивающейся в отличие от наполненной «фальшью» капиталистической. Среди крупных работ отметим исследования Г. Д. Алексеевой и А. И. Алаторцевой.

Белорусская историография имела те же характеристики, что и общесоюзная и, несмотря на определенные недостатки, часть ее не потеряла свою научную ценность и сегодня. Но эти работы, имея богатый фактический материал, часто обходили проблемные вопросы, несли на себе отпечаток замалчивания. Большую историографическую ценность имеют статьи Д. Б. Мельцера, Л. М. Шнейерсона, В. Е. Снапковского, где детально характеризовалось развитие Новой и Новейшей истории как направления белорусской науки, освещавшие в первую очередь работу в БГУ, однако в постсоветский период эта традиция периодического анализа развития науки была

прервана [1]. После 1985 г., особенно с 1991 г., важнейшие вопросы истории белорусской науки стали рассматриваться с более объективных и деидеологизированных позиций. Но в 1990-х гг. в новой Беларуси интерес к всеобщей истории не пробудился. Буквально считанные публикации касались истории развития новистики в БССР.

Отражением в литературе влияния партийно-государственной политики на историческую науку в СССР постоянно находилось в поле зрения исследователей. В довоенный период в основной массе публикаций обсуждались задачи, которые ставила перед наукой компартия. Выделяются специальные работы, написанные по проблемам изучения в СССР т. н. истории Запада, которые в значительной мере страдают односторонним анализом, догматизмом, безапелляционностью оценок. В белорусской довоенной историографии внимание акцентировалось на вопросах республиканского масштаба, авторы изучали текущие задачи научной работы (исследования И. Г. Корниенко и В. К. Щербаква о классовой борьбе в исторической науке). С середины 1950-х гг. начинают изучаться широкие аспекты научного развития страны, происходит своеобразное обновление советской исторической науки. Серьезным заделом стал выход в свет «Очерков по истории исторической науки в СССР». В БССР с 1949 г. в сборниках, посвященных республиканской науке, нашел свое место и анализ проблем всеобщей истории. В 1970 г. впервые вышла книга о достижениях историков БССР. Среди обобщающих работ особую ценность представляет монография В. Н. Михнюка о становлении и развитии исторической науки БССР. Хотя и в ней автор отмечает, что вопросы становления научных знаний по всеобщей истории составляют предмет отдельных специальных исследований [2, с. 15]. Отдельный историографический корпус представляют публикации об анализе руководящих решений компартии в области исторической науки. Литература, изданная до 1985 г., односторонне характеризовала сложную и противоречивую научную жизнь в СССР 20–30-х гг. XX в. Идеологические запреты, закрытые архивы не давали возможности подойти к объективному исследованию влияния на ее решения партийных органов. Только с началом перестройки постепенно публикуются более объективные работы о положении науки. Началось изучение политических репрессий. С 1991 г. в Беларуси историю науки стали рассматривать более взвешенно. Значительный вклад в процесс смены «парадигм» внесла Первая всебелорусская конференция историков 1993 г., на которой были актуализированы многие белые пятна науки. О новых условиях и перспективах ее развития

писали В. С. Кошелев, А. Мясников, Н. В. Токарев и др. Детальным анализом истории науки отличаются исследования Г. В. Корзенко. Историографические аспекты научной политики БССР в 1950–1970-х гг. изучил А. И. Вашкевич. Серьезным вкладом в исследования гуманитарной области знания в Беларуси стали работы И. И. Шевчука. Представляют интерес труды В. Г. Шадурского о международных культурных связях БССР. Важный вклад в анализ тенденций развития исторической науки в Беларуси вносили работы А. Н. Нечухрина и Д. В. Карева. Своеобразной вехой осмысления стала историографическая конференция НАН Беларуси в 1999 г., но выступлений по всеобщей истории на ней было мало, что свидетельствовало о низком уровне развития этой области историографии.

Основными центрами изучения Новой и Новейшей истории в БССР являлись вузы, поэтому важным является анализ историографии их деятельности. Несмотря на относительно обширный комплекс публикаций, в нем содержится незначительный объем информации о работе вузовских ученых в сфере всеобщей истории. Анализ выпусков научных трудов всех высших учебных заведений БССР и Республики Беларусь свидетельствует, что данная тема на их страницах представлена крайне скупо. Лишь небольшой ряд работ был посвящен развитию вузовской исторической науки в СССР. Имеются публикации о научной работе непосредственно кафедр Новой истории советских университетов. Из комплекса белорусских публикаций отметим работы В. И. Пичеты. Среди ключевых исследований проблем развития высшей школы и исторической науки Беларуси – Н. Л. Евдокименко, Г. М. Кованцева, А. П. Минич, И. И. Шевчук, П. А. Мацюш, В. Т. Леоневец, Л. А. Моторовой.

В сравнительном плане наиболее изучена деятельность в этой области БГУ. В советский период и в последующие годы вышли в свет работы, посвященные его истории, но в них не содержится систематизированной информации о развитии всеобщей истории. В постсоветский период значительный вклад в изучение истории университета внес О. А. Яновский. Раскрывали историю БГУ в годы Великой Отечественной войны работы А. И. Кожушкова, М. Ф. Чудаева и А. И. Котова. Аспекты изучения Новой и Новейшей истории в университете затрагивались в статьях А. П. Пьянкова, В. Е. Снапковского, Ф. М. Нечая, П. З. Савочкина, Л. М. Шнеерсона, Д. Б. Мельцера. Достижения преподавателей исторического факультета БГУ в научной работе на рубеже 1980–1990-х гг. осветил В. С. Глинка. Уже в начале 2000-х гг. к истокам кафедры истории Нового и Новейшего времени обра-

щался В. С. Кошелев. В 2010 г. было издано подготовленное им в соавторстве редкое по жанру издание – история кафедры [3].

История изучения Нового и Новейшего времени в других университетах и институтах БССР изучена значительно меньше. В целом активная работа по истории белорусских вузов начала осуществляться только со 2-й половины 1990-х гг. Работы часто были подготовлены к юбилеям учебных заведений и носили справочный характер, в них не всегда отражались трудности становления науки, хотя содержался богатый эмпирический материал. В некоторой степени исследован факультетский уровень работы в области истории. Историко-Гомельского университета изучали А. Коробочко, А. И. Зеленкова, М. П. Савинская, историю Гродненского университета (до 1974 г.) осветил Б. М. Фих, а развитие исторической науки – И. П. Крень. Отметим статью А. Н. Нечухрина о формировании центра историографических исследований. Большую ценность представляют работы А. М. Петкевича, С. А. Габрусевича, Н. Л. Ягнешки. Публикации по истории педагогических институтов также практически не содержат информации об изучении Новой и Новейшей истории. Работы по истории Минского пединститута позволяют сформировать лишь общее представление о развитии исторической отрасли в ведущем педагогическом вузе. Выделяется статья В. В. Тугая о развитии исторического факультета. История развития исторической науки в Могилевском ГПИ разработана глубже. Тут активно работали П. Ф. Дмитрачков и А. Г. Агеев. Интерес представляет монография (2010), посвященная 75-летию исторического факультета, где содержится материал по истории кафедры всеобщей истории. Истории Витебского ГПИ посвящено несколько работ (статьи Л. А. Моторовой и О. В. Шидловской). Фактически не исследованы учительские институты. Нет практически публикаций о работе кафедр специализированных и ведомственных вузов в области всеобщей истории.

Историография изучения Новой и Новейшей истории в академических структурах БССР значительно беднее. Большинство работ было посвящено общей истории академии. После войны исследования по истории академии усилились. Первым значительным трудом стала книга В. Ф. Купревича. С 1970-х гг. к этой теме обратились В. Н. Михнюк, В. А. Полуян, П. Т. Петриков, Н. В. Токарев. Наиболее глубокие публикации по истории Института истории АН БССР увидели свет в 1990-х гг. Фундаментальный характер имеет коллективная монография «Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.)». Несмотря на то, что

вопросы изучения Новой и Новейшей истории там освещаются на порядок более детально, чем в любом другом издании, ее характеристика далеко не полная [4]. Значительный интерес представляет справочник «Институт истории Национальной академии наук Беларуси в лицах». О работе одного из специализированных в области Новейшей истории отделов института писал В. Е. Снапковский.

Важным историографическим блоком являются публикации о персоналиях историков-новистов БССР: В. И. Пичете, В. Н. Перцеву, П. О. Горину, Л. М. Шнеерсону. Представляет историографический интерес статья В. В. Яновской и О. А. Яновского о В. И. Пичете, В. Н. Перцеве и Л. М. Шнеерсоне [5]. Ряд публикаций характеризует известного белорусского востоковеда В. С. Кошелева.

Существует историографический комплекс о подготовке кадров историков высшей квалификации и повышении квалификации научно-педагогических кадров. Это монографии В. А. Ульяновской, Е. В. Чуткерашвили о формировании советской научной интеллигенции. Из белорусской довоенной историографии отметим статьи В. Щербакова, Я. Ракова, К. Паходни, А. Стульбы. Крупным исследователем советского периода является В. К. Новик. Его монография «Формирование кадров народного образования Белоруссии» – одна из фундаментальных работ в этой области. Известны своими изысканиями В. Г. Корзенко, И. И. Шевчук, П. А. Мацюш, Н. Л. Ягнешка и др. Специальных исследований, посвященных подготовке историков-всеобщников, нет.

Исследования внутрисююзных научных связей в области Новой и Новейшей истории представляют анализ проведенных научных конференций различных сфер исторической науки, межреспубликанского научного сотрудничества. Международные научные связи исследованы глубже, чем внутрисююзные (А. Е. Иоффе и Е. А. Дудзинской). Публикации о международном научном сотрудничестве историков стали появляться во 2-й половине 1950-х гг. и были связаны с темой сотрудничества с социалистическими странами (Г. Г. Сергеева, А. А. Лашкевич). О развитии международного сотрудничества высшей школы Советской Беларуси в 1959–1975 гг. писал И. П. Примачук. Среди современных исследований выделяется работа В. Г. Шадурского.

Характеризуя состояние исследований в области изучения узловых проблем Новой и Новейшей истории в БССР, отметим, что в историографии наиболее разработаны проблемы развития славяноведения, европейской истории, американистики и востоковедения. Здесь выделяются работы А. И. Мальдиса, Г. Г. Сергеевой, П. Т. Пе-

трикова и В. Н. Михнюка о состоянии развития славяноведения в БССР. Генезис белорусской исторической болгаристики анализировал Д. Б. Мельцер. Значительное внимание в БССР уделялось истории Западной Беларуси межвоенного периода (А. А. Савич, В. Т. Леоновец, В. Н. Михнюк, Г. В. Вахтомов, И. П. Ховратович и А. Н. Вабищевич). Одной из первых работ в области изучения историографии истории США и Латинской Америки была статья С. С. Михайловой. Представляют интерес работы Н. Н. Болховитинова и Г. Н. Севастьянова. В 1976 г. вышло специальное исследование в области изучения в СССР Латинской Америки. Изучение истории стран Западной и Центральной Европы начало проводиться в 1920-х гг. (статья О. Л. Вайнштейна). Активную работу в этом направлении проводили В. А. Дунаевский и В. П. Смирнов. М. Г. Елисеев и О. Г. Радькова исследовали проблемы германистики. Как попытку анализа изучения британской истории на белорусских землях можно упомянуть статью И. Р. Чикаловой. В 1960-х гг. началось обобщение исследований Востока, раширившееся в 1980-х гг. В ряду современных авторов можно отметить Л. Б. Алаева и А. Б. Давидсона.

Что касается зарубежных исследований по истории научной жизни в СССР и Советской Беларуси, то они немногочисленны и представляют незначительный интерес. В условиях, когда отечественные историки в малой степени интересовались проблемами развития всемирной истории, оторванные от реальных процессов в советской исторической науке зарубежные исследователи на эту сферу внимание фактически не обращали. Наиболее фундаментальным исследованием является монография современного немецкого исследователя Р. Линднера «Историки и власть: нациосозидательный процесс и историческая политика в Беларуси XIX–XX вв.» [6]. Интерес представляют эмигрантские публикации, где размещен значительный фактический и аналитический материал по общему положению культуры и науки в республике. Но о состоянии исследований Новой и Новейшей истории практически никакой информации не имеется. Эти работы являются наиболее политизированными и требуют к себе критического подхода, некоторые даже имеют фактические ошибки и некорректные выводы.

Заключение. Таким образом, анализ всего комплекса отечественной и зарубежной историографии свидетельствует о том, что не имеется достаточного количества исследований, в том числе обобщающих, по проблеме изучения Новой и Новейшей истории зарубежных стран в БССР в 1919–1991 гг., в связи с чем она, как научная проблема, нуждается в глубокой разработке.

Литература

1. Шнеерсон Л. М. Исследование проблем новой и новейшей истории в Белоруссии // Новая и новейшая история. 1973. № 1. С. 205–211; Шнеерсон Л. М., Мельцер Д. Б., Гусакова Н. А. Изучение проблем всеобщей истории в БГУ имени В. И. Ленина // Вопросы истории. 1982. Вып. 12. С. 28–40; Снапковский В. Е. Исследование проблем новой и новейшей истории в Белорусской ССР // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 168–179.
2. Михнюк В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Минск: Навука і тэхніка, 1985. 286 с.
3. Кошелев В. С., Острога В. А. Кафедра истории Нового и Новейшего времени БГУ. Минск: БГУ, 2010. 287 с.
4. Институт истории Национальной академии наук Беларуси (1929–2009 гг.) / А. А. Коваленя (рук.) [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2009. 628 с.
5. Яновская В. В., Яновский О. А. Три источника о трех историках в трех периодах эпохи: В. И. Пичета, В. Н. Перцев, Л. М. Шнеерсон // Российские и славянские исследования: науч. сб. / А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.). Минск, БДУ, 2009. Вып. 4. С. 338–349.
6. Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. СПб.: Невский проспект, 2003. 540 с.

References

1. Shneerson L. M. Study of the problems of modern and contemporary history in Belarus. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1973, no. 1, pp. 205–211 (In Russian); Shneerson L. M., Mel'tser D. B., Gusakova N. A. The study of the problems of General History at BSU Lenin. *Voprosy istorii* [Questions of history], 1982, issue 12, pp. 28–40 (In Russian); Snapkovskiy V. Ye. Study of the problems of modern and contemporary history of the Byelorussian SSR. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 1984, no. 2, pp. 168–179 (In Russian).
2. Mikhnyuk V. N. *Stanovlenie i razvitie istoricheskoy nauki Sovetskoy Belorussii (1919–1941 gody)* [Formation and development of the historical science Sovetskaya Belorussia (1919–1941)]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1985. 286 p.
3. Koshelev V. S., Ostroga V. A. *Kafedra istorii Novogo i Noveyshego vremeni BGU* [Department of History of Modern and Contemporary BSU time]. Minsk, BGU Publ., 2010. 287 p.
4. *Institut istorii Natsional'noy akademii nauk Belarusi (1929–2009 gody)* [The Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (1929–2009)]. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2009. 628 p.
5. Yanovskaya V. V., Yanovskiy O. A. Three sources of three historians in three age periods: V. I. Picheta, V. N. Perthev, L. M. Schneerson. *Rossiyskiye i slavyanskiye issledovaniya: nauchyy sbornik* [Russian and slavic studies: scientific collection]. Minsk, BGU Publ., 2009, issue 4, pp. 338–349 (In Russian).
6. Lindner R. *Gistoryki i ulada: natsyyatvorchy pratses i gistarychnaya palityka u Belarusi XIX–XX stst.* [Historians and power: natsio creative process and the historical policy in Belarus 19th–20th century]. St. Petersburg, Nevskiy prospect Publ., 2003. 540 p.

Информация об авторе

Острога Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой таможенного дела. Белорусский государственный университет (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 20, Республика Беларусь). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Information about the author

Astroga Viktor Aleksandrovich – PhD (History), Assistant Professor, Head of the Department of Customs Affairs. Belarusian State University (20, Leningradskaya str., Minsk, 220030, Republic of Belarus). E-mail: ostroga.v@mail.ru

Поступила 28.03.2016

УДК 323.17(476)(470+571)

В. Е. Козляков

Белорусский государственный технологический университет

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕЙ
КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНОГО АВТОНОМИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ
УСЛОВИЯХ (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ И РОССИИ)**

В статье рассматриваются отдельные аспекты реализации идей культурно-национального автономизма в Беларуси и России в постсоветский период. Если в Беларуси национально-культурный автономизм воплощен в организации и функционировании общественных объединений, учебных школ (в т. ч. воскресных) национальных меньшинств, то в Российской Федерации национально-культурная автономия чаще всего трактуется в качестве одной из форм национально-культурного самоопределения народов. Анализируется деятельность Федеральной национально-культурной автономии «Белорусы России», отдельных ее филиалов.

Ключевые слова: этнос, национальные отношения, культура, автономия, общественные объединения.

V. Ye. Kozlyakov

Belarusian State Technological University

**ABOUT SOME ASPECT OF THE IMPLEMENTATION OF THE IDEAS
OF CULTURAL-NATIONAL AUTONOMY IN MODERN CONDITIONS
(ON MATERIALS OF BELARUS AND RUSSIA)**

Some aspects of the implementation of the ideas of cultural-national autonomy in Belarus and Russia in the post-Soviet period are discussed in the article. While the national-cultural autonomism is embodied in the organization and functioning of public associations, educational schools in Belarus (including Sunday) of national minorities, the national-cultural autonomy in the Russian Federation is interpreted as a form of national and cultural self-determination of the people. The activity of the Federal National Cultural Autonomy "Belarusians of Russia" and its individual branches is analyzed.

Key words: ethnicity, national relation, culture, autonomy, public associations.

Введение. Решение проблем межнациональных отношений нередко связывают с реализацией идей национально-персонального автономизма, трактуемых в современных условиях, чаще всего, в формах национально-культурной автономии. Следует иметь в виду, что к началу XX в. национально-персональный автономизм, основу которого впервые сформулировали идеологи австро-марксизма, в России был представлен в двух вариантах: 1) национально-экстерриториальной автономии, включавшей в себя самые широкие политические, экономические, социальные права для этносов, в т. ч. и для национальных меньшинств, в рамках будущего федеративного государства; 2) культурно-национальной автономии, предполагавшей предоставление прав нациям и их союзам в вопросах культуры (подобные идеи разделяли многие национальные партии, как правило, социал-демократического и неонароднического толка). Как известно, большевики вначале резко критиковали идеи национально-персональной автономии (при этом они сводили ее к культурно-национальной), считая данный вариант «проявлением буржуазного национализма». Тем не менее после победы Октябрьской революции

партия рабочего класса была не прочь воспользоваться элементами программы «утонченного национализма», что нашло воплощение в создании национальных комиссариатов (отделов), национальных секций РКП(б), формировании национальных советов, других учреждений национального характера. Однако догматическое толкование коммунистами принципов интернационализма, игнорирование национальных проблем, боязнь так называемых «рецидивов буржуазного национализма» привели к тому, что многие учреждения, призванные прежде всего реализовывать интересы национальных меньшинств, были просто упразднены.

После распада СССР, возникновения национальных независимых государств на постсоветском пространстве, дальнейшего обострения межнациональных отношений усилился поиск регуляторов взаимоотношений между этносами. Это заставило многих новых государственных деятелей и политиков обратиться к идеям национально-культурной автономии. Однако опыт реализации таких идей требует глубокого изучения.

Основная часть. Республика Беларусь стала одной из первых среди независимых государств постсоветского пространства, старавшихся во-

плотить автономизм культурной направленности. В ноябре 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь принял Закон «О национальных меньшинствах Республики Беларусь». Изменения и дополнения в данный Закон были внесены в январе 2004 г. и мае 2007 г. Национальным собранием Республики Беларусь.

Статья 6 этого Закона предоставляет широкие права национальным меньшинствам, в том числе: права на получение помощи со стороны государства в деле развития национальной культуры и образования; право пользоваться родным языком, право выбора языка общения, а также право на свободу выбора языка воспитания и обучения; право на учреждение средств массовой информации, издательскую деятельность соотечественниками за пределами Республики Беларусь; право на установление культурных связей с соотечественниками за пределами Республики Беларусь; право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов на родном языке; право на сохранение своего историко-культурного наследия, свободного развития культуры, в т. ч. профессионального и самодеятельного искусства; право на создание общественных объединений и вступление в действующие общественные объединения; право избирать и быть избранными в государственные органы Республики Беларусь на основе всеобщего, равного, прямого или косвенного избирательного права при тайном голосовании; право равного доступа к любым должностям в государственных органах Республики Беларусь. А статья 7 утверждает, что «при местных Советах депутатов могут создаваться и действовать на общественных началах совещательные органы из представителей национальных меньшинств» [1].

В самом тексте Закона нет упоминания о национально-культурных автономиях. Однако право национальных меньшинств на создание общественных объединений с широкими полномочиями дает практическую возможность реализовывать такой вид национально-культурной автономии.

Обретение Республикой Беларусь независимости, происходившие в обществе изменения активизировали процессы консолидации национальных меньшинств. Ряд их объединений был создан в Беларуси еще в конце 80-х гг. XX в., но особенно они стали активно создаваться с 1991 г. Так, в 1991 г. были организованы татарское, еврейское, азербайджанское, корейское объединения, в 1992 г. – русское, молдавское, в 1994 г. – литовское.

В начале 90-х гг. XX в. активно стали развиваться просвещение и образование этнокуль-

турного характера для национальных меньшинств. С каждым годом возрастало количество детей, изучающих польский язык. Если в 1990/1991 учебном году более чем 9 тыс. учеников в 207 школах Гродненской, Брестской, Минской областей и г. Минска изучали польский язык, то в 1993/1994 учебном году этот язык изучали уже 14,3 тыс. учеников в 310 школах Беларуси. Также началось изучение литовского языка в местах компактного проживания граждан литовской национальности Гродненской области. В г. Минске возникли классы, где изучали иврит [2].

К 2004 г. было организовано 65 школ выходного дня, в которых обучалось до 5 тыс. учеников. Эти школы созданы для представителей армянской, азербайджанской, грузинской, греческой, еврейской, корейской, латышской, литовской, молдавской, польской, немецкой, татарской и украинской национальностей [3].

Многие проблемы, касающиеся национальных меньшинств, призваны решать Уполномоченный по делам религии и национальностей, его аппарат. Среди задач этой важной государственной структуры: охрана и содействие в реализации прав граждан Республики Беларусь различных национальностей в сферах культуры, образования, языка, информационного обеспечения, оказание помощи в просветительской деятельности общественных объединений граждан, относящих себя к национальным меньшинствам [4].

Взаимодействию национальных объединений Беларуси способствует созданный в 1994 г. Республиканский центр национальных культур. Он призван оказывать организационно-методическую и практическую помощь национально-культурным объединениям в Беларуси и белорусским общественным объединениям за рубежом. В республике проживают представители около 140 национальностей, функционирует 212 общественных объединений и их филиалов от 26 национальностей. Центр занимается подготовкой и проведением фестивалей, творческих проектов и концертов, оказывает помощь самодеятельным коллективам, тем самым укрепляет межнациональное согласие на белорусской земле, создает условия для практической реализации прав граждан, относящихся к национальным меньшинствам. Регулярно в г. Гродно проходят фестивали национальных культур Беларуси. Эти фестивали становятся значительными событиями в духовной и культурной жизни страны. В яркой художественной форме воплощается главная идея фестиваля – показ самобытности народов, населяющих Беларусь, их культурных ценностей, достижений в возрождении и развитии художественно-исторического наследия предков [5, с. 10].

Характеризуя ситуацию, связанную с положением национальных меньшинств в Беларуси, необходимо отметить ее стабильность и уникальность. Это выражается в отсутствии каких-либо столкновений и конфликтов на этнической и конфессиональной основе. Такое устойчивое положение объясняется эффективной национальной политикой, проводимой руководством республики, менталитетом граждан страны, историческими традициями мирного межэтнического взаимодействия, давними и прочными связями между этническими группами, проживающими на территории Беларуси. Немалый вклад в межнациональное согласие в Республике Беларусь вносит вдумчивая реализация идей национально-культурной автономии.

Более сложные процессы, связанные с реализацией проектов национально-персонального автономизма, наблюдаются в Российской Федерации. Многие законодательные проекты, принятые в России в 90-х гг. XX в., сводились к праву этносов на национально-культурную автономию, причем сам термин получал разное толкование, в т. ч. в официальных документах.

Разные точки зрения выявились и при разработке Концепции государственной национальной политики Российской Федерации. Понимание российской нации как гражданской нации и многокультурной политической общности отстаивал директор Института этнологии и антропологии РАН Тишков В. А. При этом он считал, что удовлетворение этнических интересов через экстерриториальную национально-культурную автономию не противоречит развитию общей лояльности к гражданской нации, а, наоборот, укрепляет ее.

Несколько другую точку зрения отстаивал Абдулатипов Р. Г., занимавший одно время должность председателя Совета национальностей Верховного Совета России. Он придавал этносам в составе России более значимую роль, настаивал на их субъектности в национально-государственном развитии России. В его понимании можно было говорить о нации-этноре и нации-государстве как двух самостоятельных феноменах, которые не должны взаимоисключать друг друга, а дополнять их.

Утвержденная Президентом России Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (15.06.1996), несмотря на отдельные разногласия ее разработчиков, закладывала основную цель – сохранение и укрепление единой российской государственности, а терминологические нюансы сохраняли определенный эклектизм концепций гражданской нации и этнонации. При этом следует отметить, что целый раздел Концепции был посвящен такому направлению в национальной политике,

как национально-культурная автономия, которая рассматривалась в качестве одной из форм национально-культурного самоопределения народов, как «экстерриториальное общественное формирование», «самоуправление общественного образования в местах компактного проживания национальных и этнических групп». Посредством различных форм национально-культурного самоопределения, говорилось в Концепции, граждане Российской Федерации независимо от территории проживания реализуют свои многие права, в т. ч. «получать поддержку со стороны органов государственной власти, органов местного самоуправления и представлять свои национально-культурные интересы» [6, с. 657]. Утвержденную Концепцию конкретизировал Закон «О национально-культурной автономии» (от 17.06.1996).

Многие эксперты сразу стали обращать внимание на несовершенство принятого Закона. Причем некоторые из них воспринимали идею национально-культурной автономии как «образованную по этническому признаку вертикально интегрированную корпорацию, встроенную в систему государственного управления». Другие стали относить к национально-культурной автономии неправительственные (негосударственные и немунципальные) организации, созданные по этническому признаку. Наконец, третья группа экспертов стала предлагать строить национально-культурные автономии по широкому спектру национально-персонального автономизма путем создания единых советов для каждой нации (этноре) по всей стране с неограниченными финансовыми возможностями.

В итоге правительство внесло свой проект, связанный с дополнениями в Закон. Третье чтение Закона прошло 17 октября 2003 г., и после одобрения Советом Федерации и подписи Президента поправки вступили в силу в ноябре. Закон в новой редакции допускает существование только одонациональных национально-культурных автономий и только национально-культурных «этнических общностей, находящихся в состоянии национального меньшинства на соответствующей территории». Несколько упрощен порядок создания местных национально-культурных автономий (теперь их могут образовывать сходки и собрания граждан, а не только общественные объединения), но затруднено образование федеральных национально-культурных автономий: они могут учреждаться не менее чем половиной зарегистрированных региональных национально-культурных автономий соответствующей национальности. Ограничены возможности получения финансовой поддержки со стороны государства и местного самоуправления: поддержка, по

новой редакции, стала возможной только в рамках «целевых программ национально-культурного развития народов Российской Федерации» [7, с. 156–158].

Указанные документы дали возможность активно развивать в России национально-культурные автономии. К концу 2003 г. в стране было зарегистрировано 15 федеральных национально-культурных автономий, общее число региональных национально-культурных автономий достигло почти сотни, а местных – превысило 200. В 1999 г. при активном участии Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации была создана Федеральная национально-культурная автономия «Белорусы России». В ее состав входят 11 региональных и 20 местных организаций. Функционирует 3 областных национально-культурных центра, 5 музеев белорусской направленности и более 20 неформальных объединений [8].

Реализация Концепции государственной национальной политики Российской Федерации 1996 г. способствовала сохранению единства и целостности России. Достигнуты существенные результаты в обеспечении политической стабильности на Северном Кавказе, созданы правовые гарантии прав коренных малочисленных народов, сделаны существенные шаги по развитию национально-культурной автономии, по обеспечению прав граждан и национальных (этнических) общностей в сферах образования и развития национальных языков.

Вместе с тем в сфере межнациональных отношений имелись нерешенные проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. Сохраняют актуальность проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма.

Преодоление указанных негативных факторов связано с возникновением новых задач и приоритетных направлений в сфере государственной национальной политики, решать которые предполагается, на основе утвержденной в декабре 2012 г. Указом Президента Стратегии государственной национальной политики на период до 2025 г.

Документ ставит важные цели и формулирует многие задачи по реализации государственной национальной политики. Стратегия указывает на необходимость поддержки деятельности межнациональных общественных объединений, ассоциаций, фондов, национально-культурных автономий как важного средства выявления и удовлетворения этнокультурных запросов граждан, достижения стабильности межнациональных отношений.

Вместе с тем в задачах по формированию системы социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов Стратегия указывает не только на необходимость содействия в процессе их социальной и культурной адаптации и интеграции, развитию речевого взаимодействия, межкультурному общению, но и противодействия формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку [9].

Заключение. Таким образом, несмотря на разные трактовки и подходы в реализации идей национально-культурной автономии в Беларуси и России (масштабы территорий и этническое многообразие сопоставимы), этот принцип в своей основе доказал жизнеспособность и перспективность. Главное для обоих государств заключается в том, чтобы, во-первых, в области внутренней политики обеспечить четкое соблюдение своих законодательств, защищать права человека, независимо от его этнической принадлежности (как в России, так и в Беларуси). Во-вторых, деятельность различных структур этнических общностей в наших государствах, должна способствовать межнациональному взаимодействию культур и этносов, а не их обособлению и превращению в отдельные анклавы.

Литература:

1. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.levonevsky.org> (дата обращения: 27.09.2015).
2. Макрушич Е. Н. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1991–1994 гг.). URL: http://www.rusnauka.com/N10_2008/istoria.doc.htm (дата обращения: 30.09.2015).
3. Положение национальных меньшинств в Беларуси стабильно и уникально. URL: <http://news.tut.by/society/44722.html> (дата обращения: 01.10.2015).
4. Положение об Уполномоченном и его аппарате. Постановление Совета Министров Республики Беларусь. 15.07.2006, № 891. URL: <http://belarus21.by/Articles/1417433557> (дата обращения: 02.10.2015).
5. Рыбаков Михаил. Культура воздвигает и укрепляет мосты дружбы между представителями разных национальностей // Навіны тыдня. 2013. 4–9 февраля. С. 9–11.

6. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации // Национальная политика России: история и современность. М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1997. С. 647–662.

7. Осипов А. Г. Национально-культурная автономия в России: идея и реализация // Этнокультурное многообразие – потенциал развития общества в странах Центральной Азии (практика, концепции, модели, перспективы): материалы Междунар. сем. / под ред. Н. Багдасаровой, М. Глушковой, Н. Асылбековой. Бишкек, 2004. С. 151–184.

8. В Московском доме национальностей состоялся VI съезд общественной организации «Федеральная национально-культурная автономия белорусов России». URL: <http://www.soyuz.by/news/soyuz/16800.html> (дата обращения: 23.05.2015).

9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://base.garant.ru170284810> (дата обращения: 25.11.2015).

References

1. *O natsional'nykh men'shinstvakh Respubliki Belarus': Zakon Respubliki Belarus'* [About national minorities in the Republic of Belarus: Law of the Republic of Belarus]. Available at: <http://www.pravo.levonevsky.org> (accessed 27.09.2015).

2. Makrushich Ye. N. *Etnokul'turnaya politika v otnoshenii natsionalnykh men'shinstv v Respublike Belarus' (1991–1994 gody)* [Ethnocultural policy towards national minorities in the Republic of Belarus (1991–1994)]. Available at: http://www.rusnauka.com/N10_2008/istoria.doc.htm (accessed: 30.09.2015).

3. *Pologeniye natsional'nykh men'shinstv v Belarusi stabil'no i unikal'no* [The situation of national minorities in Belarus is stable and unique]. Available at: <http://news.tut.by/society/44722.html> (accessed 01.10.2015).

4. *Pologeniye ob Upolnomochennom i ego apparate. Postanovleniye Soveta Ministrov Respubliki Belarus'. 15.07.2006, № 891* [The position of the Commissioner and his staff. Council of Ministers of the Republic of Belarus. 15.07.2006, № 891]. Available at: <http://belarus21.by/Articles/1417433557> (accessed 02.10.2015).

5. Rybakov Mikhail. Culture builds up and strengthens the bridges of friendship between people of different nationalities. *Naviny tidnya* [News of week], 2013, 4–9 February, pp. 9–11 (In Russian).

6. The concept of the state national policy of the Russian Federation. *Natsional'naya politika Rossii: isroiya i sovremennost'* [The National Policy of Russia: history and modernity]. Moscow, Russkiy mir Publ., 1997, pp. 647–662 (In Russian).

7. Osipov A. G. National-Cultural Autonomy in Russia: the idea and realization of the set. *Materialy mezhdunarodnogo seminara: Etnokulturnoe mnogoobrazye – potencial razvitiya obshestva v stranakh Tsentralnoy Azii (praktika, kontseptsii, modeli, perspektivy)* [Materials of the International seminar: Ethnocultural manifold – the potential development of society in the countries of Central Asia (practice, concepts, models, prospects)]. Bishkek, 2004, pp. 151–184 (In Russian).

8. In the Moscow House of Nationalities, the VI congress of the public organization "Federal National Cultural Autonomy of Russian Belarusians". Available at: <http://www.soyuz.by/news/soyuz/16800.html> (accessed 23.05.2015).

9. Russian Federation State National Policy Strategy for 2025. Available at: <http://base.garant.ru170284810> (accessed 25.11.2015).

Информация об авторе

Козляков Владимир Егорович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Information about the author

Kozlyakov Vladimir Yegorovich – DSc (History), Professor, Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlyakov-ve@mail.ru

Поступила 31.03.2016

УДК 355. 42.424

А. А. Зайцев¹, Н. В. Зайцева²¹ Военная академия Республики Беларусь² Белорусский национальный технический университет**АНАЛИЗ ВАЖНЕЙШИХ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ США**

В статье рассмотрены важнейшие концептуальные документы администрации Б. Обамы, определяющие военно-доктринальные взгляды военно-политического руководства США в настоящее время, раскрыто их содержание и принципы разработки. Анализ содержания Стратегии национальной безопасности, Национальной оборонной стратегии и Национальной военной стратегии подтверждает, что администрация Соединенных Штатов следует принятому военно-политическому курсу на удержание лидирующего положения страны в мире в качестве политической, военной и экономической сверхдержавы. Главная целевая установка этих документов – адаптировать вооруженные силы (ВС) США к новым реалиям с учетом меняющегося характера войны, накопленного опыта военных действий за последние годы, стирающейся грани между войной и миром через повышение боевых возможностей ВС и их организационную трансформацию.

Ключевые слова: стратегия национальной безопасности, военная доктрина, национальные интересы, дипломатия.

A. A. Zaytsev¹, N. V. Zaytseva²¹ Military Academy of Republic of Belarus² Belarusian National Technical University**THE ANALYSIS OF THE MOST IMPORTANT CONTEMPORARY CONCEPTUAL DOCUMENTS OF THE NATIONAL SECURITY OF THE USA**

In article the major conceptual documents of administration of B. Obama, sights of a military-political management of the USA defining military-doktrinalnye are considered now, their maintenance and working out principles is opened. The analysis of maintenances of Strategy of national safety, National defensive strategy and National military strategy confirms, that the administration of the United States follows the accepted military-political course on deduction of in the lead position of the country in the world as a political, military and economic superstate. The main purpose of these documents – to adapt armed forces the USA for new realities taking into account varying character of the war, the saved up experience of military actions for last years, an erased side between war and peace through increase of fighting possibilities Armed forces and their organizational transformation.

Key words: national security strategy, military doctrine, national interests, diplomacy.

Введение. Системообразующими документами, определяющими военно-доктринальные взгляды США, являются Стратегия национальной безопасности, Национальная оборонная стратегия и Национальная военная стратегия. Уточняют и расширяют их положения Четырехгодичные оборонные обзоры, концепции применения видов ВС и некоторые другие документы, действующие в настоящее время [1].

Особенностью формирования военных стратегий и проектов доктринальных документов США является участие в их разработке, помимо администрации президента и оборонного ведомства, государственных и негосударственных «мозговых центров», имеющих альтернативные взгляды и по-своему трактующих видение американских национальных интересов.

По ряду характеристик «мозговые центры» значительно превосходят государственный аппарат за счет отсутствия бюрократического дав-

ления, использования творческой атмосферы, открытости и коммуникабельности, свободы в подборе сотрудников и гибкости при выборе предмета исследования. Поэтому американские военно-доктринальные документы всегда отличаются новизной и нестандартными подходами.

Основная часть. Стержнем всей системы концептуальных документов по военной политике государства является Стратегия национальной безопасности США. Она разрабатывается Советом по национальной безопасности при непосредственном участии главы американского государства. Данный документ определяет основные подходы к использованию дипломатической, экономической и информационной мощи страны совместно со своими ВС в мирное и военное время. Последним таким документом стала принятая в феврале 2015 г. обновленная Стратегия национальной безопасности [2], провозглашающая американское «лидерство с позиции

силы». Во вступлении к документу президент Б. Обама утверждает, что его страна сейчас «сильнее», что она «лучше готова использовать благоприятные возможности» нового столетия и «защищать свои интересы от рисков, существующих в небезопасном мире».

В стратегию, кроме введения, включены разделы, посвященные «безопасности», «благополучию», «ценностям» и «международному порядку».

В первом разделе «Безопасность» речь идет об укреплении национальной обороны и внутренней безопасности США, борьбе с угрозой терроризма, наращивании потенциала предотвращения конфликтов, борьбе с изменением климата, укреплении глобальной безопасности.

Во втором – «Благополучие» – об экономической и энергетической безопасности, научно-техническом прогрессе и инновациях, формировании глобального экономического порядка, борьбе с нищетой.

В третьем разделе документа «Ценности» содержатся, в частности, призывы строить в соответствии с ними собственную жизнь, а также «поддерживать формирующиеся демократии» и «предотвращать массовые злодеяния».

Четвертый раздел о международном порядке построен по региональному признаку: Азия и Тихий океан, Европа, Ближний Восток, Африка, Северо-американский континент.

В заключении подчеркнута, что «укреплять и поддерживать американское лидерство» планируется «инициативно и с позиции силы». «Мы сдержим и разгромим любого противника, угрожающего национальной безопасности США и наших союзников», – заявляют авторы документа, добавляя, что «та международная система, которая формировалась при нашем лидерстве после Второй мировой войны, будет и далее хорошо служить Америке и всему миру». Согласно стратегии, США будут стремиться к предотвращению международных конфликтов и для достижения этой цели намерены опираться на свою «дипломатию и лидерство, подкрепленные мощной военной силой».

В числе ныне существующих международных конфликтов в документе упомянута ситуация в Украине, среди потенциальных – обстановка на Корейском п-ове и положение в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, где КНР продолжает территориальные споры со своими соседями. По поводу России утверждается, что она «нарушает суверенитет и территориальную целостность Украины» и придерживается «воинственного подхода к другим соседним странам», ставя под угрозу международные нормы.

Однако главной угрозой безопасности Соединенных Штатов авторы обновленной стратегии, как и прежде, считают террористические

группировки, и в первую очередь «Аль-Каиду» и «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ). В последнее время «угроза террористических нападений на США с катастрофическими последствиями уменьшилась, но не исчезла», говорится в документе. В нем подтверждается намерение администрации США продолжать борьбу с террористическими организациями, в том числе в Ираке и Сирии, а также оказывать помощь в подготовке иракской армии и отрядов умеренной сирийской оппозиции. При этом отмечается, что последняя вынуждена противостоять одновременно боевикам из ИГ и войскам президента Б. Асада. В то же время указано, что «гражданская война в Сирии может быть прекращена только политическим путем при условии передачи власти в стране с участием всех политических сил и выполнения законных требований сирийского народа».

Стратегия также подтверждает намерение Белого дома продолжать укрепление американских ВС, «которые должны быть меньше по численности, но при этом все равно оставаться самыми сильными в мире по всем показателям». Кроме того, в документе говорится о необходимости противодействия распространению оружия массового поражения и ядерных материалов и готовности добиваться всеобъемлющего соглашения с Ираном по его ядерной программе. Отмечается, что США продолжат сокращение своих ядерных арсеналов на основании Договора по стратегическим наступательным вооружениям с Россией и «в соответствии со своей собственной стратегией».

Авторы стратегии подчеркивают, что при решении всех этих задач Соединенные Штаты, как и прежде, будут опираться на своих союзников, и в первую очередь на страны НАТО.

В целом весь документ пропитан мыслью об американском превосходстве, лидирующем положении США в мире при поддержке существующей военной силы.

Другим важным концептуальным документом США является Национальная оборонная стратегия США [3] – это документ, издаваемый министром обороны в развитие Стратегии национальной безопасности, в котором формулируются основные задачи в сфере обороны страны. Они определяют общую направленность деятельности военного ведомства по обеспечению безопасности государства и служат основой и связующим звеном для организации взаимодействия с другими министерствами (агентствами) при реализации национальных интересов. Кроме того, Национальная оборонная стратегия устанавливает основные параметры Национальной военной стратегии США.

Установки Национальной оборонной стратегии конкретизируются в Национальной военной

стратегии США. Она разрабатывается Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ) при участии начальников штабов видов ВС и командующих объединенными командованиями. Национальная военная стратегия закладывает основу для разработки концепций совместных операций, в соответствии с которыми начальники штабов видов ВС и командующие объединенными командованиями в регионах проводят расчет необходимых для ведения военных действий сил и средств.

Национальная военная стратегия США, вышедшая в свет в июне 2015 г., поддерживает Стратегию национальной безопасности США по провозглашению лидерства США в мире с позиции силы.

В предисловии к ней председатель Объединенного комитета начальников штабов М. Демпси говорит: «Международная обстановка в сфере безопасности сегодня – самая непредсказуемая за все 40 лет моей службы. С тех пор как в 2011 г. была опубликована последняя Национальная военная стратегия, порядок в мире значительно ослабел, и наши военные преимущества начали уменьшаться... В будущем конфликты будут возникать быстрее, длиться дольше, и происходить они будут на гораздо более сложном в техническом плане поле боя. А это будет иметь серьезные последствия для США».

Структурно военная стратегия состоит из четырех разделов.

В первом разделе «Стратегические условия» говорится, что характерными чертами сегодняшней стратегической среды являются глобализация, распространение технологий, демографические сдвиги.

Главным для глобализации является распространение новых технологий, позволяющих развивать мировую информационную среду и дающих людям возможность больше создавать, больше обмениваться информацией и знаниями, и гораздо быстрее, чем раньше, организовываться.

Распространение технологий, касаемых военных систем, бросает вызов преимуществам США в таких областях, как ранее предупреждение и высокоточные удары.

В области демографии – миллионы людей во всем мире перебираются из сельской местности в города в поисках работы, и там они сталкиваются с культурными различиями, отчуждением и болезнями. Они также во все больших количествах пересекают государственные границы и моря, идя на огромные риски и усиливая нагрузку на принимающие их страны.

К государствам и организациям, которые пытаются провести ревизию ключевых аспектов международного порядка и создающих угрозу интересам национальной безопасности США,

в стратегии отнесены Россия, Иран, Северная Корея и Китай, а также боевые экстремистские организации (БЭО), которые возглавляют «Аль-Каида» и ИГИЛ.

Во втором разделе стратегии «Обстановка в сфере безопасности» говорится о том, что США – это самая сильная нация в мире, имеющая уникальные преимущества в технологиях, энергетике, в вопросах альянсов и партнерств, а также в сфере демографии. Это преимущество оспаривается распространением баллистических ракет, высокоточного оружия, беспилотных систем, космических и кибернетических сил и средств, а также оружия массового уничтожения.

Вероятность участия США в межгосударственной войне с крупной державой в стратегии оценивается как низкая, но не исключается. БЭО, напротив, оцениваются как создающие прямую и непосредственную угрозу трансрегиональной безопасности, объединяющие вполне доступные технологии со своей экстремистской идеологией. Участники конфликта, БЭО и государства объединяют и смешивают методы, силы, средства и ресурсы, чтобы достичь своих целей. В таких «гибридных» конфликтах могут участвовать военные, отрицающие свою причастность к государству, как это сделала Россия в Крыму. А БЭО могут применять зачаточные элементы общевоинского боя, что ИГИЛ продемонстрировал в Ираке и Сирии.

В третьем разделе «Комплексная военная стратегия» уточнены национальные интересы, интересы национальной безопасности, общенациональные военные цели США.

В подразделе «Сдерживание, недопущение и разгром государственного противника» подчеркивается, что сдерживание прямого нападения на США и их союзников – это первоочередная задача. При этом основным сдерживающим фактором является ядерный арсенал. Регулярные войска, национальная гвардия и силы резерва, готовые к ведению боевых действий, достаточного для выполнения задач масштаба и продолжительности, силы передового базирования ВС общего назначения также являются сдерживающим средством. Если агрессию не удастся предотвратить методами сдерживания, американские военные готовы перебросить войска в любую точку земного шара и методом устрашения не дать противнику добиться своих целей, либо решительно разгромить любого, кто угрожает США.

В подразделе «Подрыв, ослабление и уничтожение БЭО» говорится о том, что «Соединенные Штаты возглавляют обширную международную коалицию, которая борется с БЭО, оказывая на них мощное давление. Эти усилия

прилагаются в увязке со всеми элементами национальной военной мощи и международных партнерств. Они направлены на срыв процесса планирования и проведения операций БЭО, на ослабление их структур обеспечения, на устранение руководства, воспрепятствование финансовым операциям и наплыву иностранных боевиков, на противодействие подрывному влиянию, освобождение захваченных территорий и в конечном счете на их уничтожение».

В подразделе «Укрепление глобального сообщества союзников и партнеров» сообщается о стремлении США укреплять альянсы с Австралией, Японией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом, углублять отношения в сфере безопасности с Индией, Новой Зеландией, Сингапуром, Индонезией, Малайзией, Вьетнамом и Бангладеш, в Европе – сохранять и поддерживать свои обязательства перед союзниками по НАТО, на Ближнем Востоке – поддерживать безопасность Израиля, помогать в деле укрепления оборонного потенциала Иордании, Саудовской Аравии, Кувейту, Катару, Бахрейну, ОАЭ, Египту и Пакистану. Считается, что сотрудничество в сфере безопасности составляет основу усилий США по обеспечению стабилизирующего присутствия на передовых театрах.

В подразделе «Проведение глобально интегрированных операций» определены восемь ключевых компонентов глобально интегрированных операций: оперативное командное руководство миссией; овладение, удержание и использование инициативы; глобальная мобильность; партнерство, гибкость в создании объединенных сил; совершенствование взаимодействия во всех сферах, дающего повышение эффективности; использование маневренных и малозаметных сил и средств; развитие распознавательных навыков с целью минимизации непреднамеренных последствий.

Проводя глобально интегрированные операции, ВС США работают в тесном взаимодействии с зарубежными партнерами и другими американскими ведомствами, вырабатывая варианты действий.

Давая рекомендации руководству страны, военное командование США расставляет приоритеты в военных задачах следующим образом: поддержание безопасных, надежных и эффективных сил ядерного сдерживания; обеспечение защиты территории страны; разгром противника; обеспечение глобального стабилизирующего присутствия; борьба с терроризмом; противодействие оружию массового уничтожения, реагирование на кризисы и проведение ограниченных операций в особой обстановке; военные контакты и сотрудничество в вопросах безопасности; проведение операций по обеспечению ста-

бильности и борьбе с повстанцами; оказание поддержки гражданским властям; гуманитарная помощь и помощь при массовых бедствиях.

В подразделе «Обеспечение стратегии» сказано, что для реализации данной стратегии ВС США нужен достаточный объем инвестиций в силы и средства, а также для обеспечения их готовности к ведению боевых действий.

В четвертом разделе национальной военной стратегии «Инициативы объединенных сил» говорится о необходимости подготовки военных профессионалов, использовании для повышения эффективности действий инноваций и разработке программ для сохранения военного превосходства.

В заключении документа признается нарастающая сложность международной обстановки, движущей силой которой являются быстрые и глубокие изменения в ней, а также демонстрируется преданность нормам международного права, подчеркивается важность союзников и партнеров США.

В документе сообщается также, что Соединенные Штаты будут добиваться равного и справедливого использования всеми государствами «общих пространств» – киберпространства, космоса, Мирового океана и воздушного пространства. Кроме того, говорится о необходимости международных усилий в борьбе с опасными инфекционными заболеваниями в мире. Анализ документов показывает, что они, как правило, разрабатываются на основе определенных принципов, которые в том или ином виде отражены практически во всех доктринальных документах. К таким принципам можно отнести следующие: США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета; США намерены применять военную силу, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на страну в данный момент не готовятся или невозможно; США намерены оставаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются, и не позволят другим нациям использовать превентивную защиту как оправдание для агрессии.

Заключение. Таким образом, в действующих концептуальных документах администрация Соединенных Штатов подтверждает неизменность военно-политического курса на удержание лидирующего положения страны в мире в качестве политической, военной и экономической сверхдержавы. Главная целевая установка этих документов – адаптировать ВС США к новым реалиям с учетом меняющегося характера войны, накопленного опыта военных действий за последние годы, стирающейся грани

между войной и миром через повышение боевых возможностей ВС и их организационную трансформацию (изменение базирования, корректировку соотношения между видами ВС, между действующими войсками, резервом и национальной гвардией, между боевыми и обеспечивающими подразделениями и частями в ходе выполнения задач). При этом в документах деклари-

руется, что ВС остаются основой безопасности США. Они, во взаимодействии со специальными службами и правоохранительными органами, призваны обеспечить надежную защиту американского населения от внутренних и внешних угроз.

Важная роль в деле отстаивания национальных интересов США за рубежом отводится также дипломатии и разведке.

Литература

1. Удерживая глобальное американское лидерство. Приоритеты военного строительства в XXI веке в 2012 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.ID=167144> (дата обращения: 12.03.2016).

2. Стратегия национальной безопасности США [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (дата обращения: 12.03.2016).

3. Национальная военная стратегия [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150703/228922858.html#ixzz3oQZ91RZD (дата обращения: 12.03.2016).

References

1. *Uderzhivaya global'noe amerikanskoye liderstvo. Prioritety voennogo stroitel'stva v XXI veke v 2012 godu* [Hold the global American leadership. The priorities of military development in the XXI century in 2012]. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.ID=167144> (accessed 12.03.2016).

2. *Strategiya national'noy bezopasnosti SSHA* [The US National Security Strategy]. Available at: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (accessed 12.03.2016).

3. *Natsional'naya voennaya strategiya* [National Military Strategy]. Available at: http://inosmi.ru/op_ed/20150703/228922858.html#ixzz3oQZ91RZD (accessed 12.03.2016).

Информация об авторах

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220057, Минск, пр-т Независимости, 220, Республика Беларусь).

Зайцева Надежда Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политологии. Белорусский национальный технический университет (220013, Минск, пр-т Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the authors

Zaytsev Aleksander Aleksandrovich – PhD (Military), Assistant Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of Republic of Belarus (220, Nezavisimosti Ave., 220057, Minsk, Republic of Belarus).

Zaytseva Nadezhda Viktorovna – PhD (History), Assistant Professor, Assistant Professor of the Department of Politology. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 28.01.2016

УДК 355.42.424

А. А. Зайцев

Военная академия Республики Беларусь

**КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ ВАШИНГТОНА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

В статье на основе важнейших концептуальных документов, определяющих военно-доктринальные взгляды военно-политического руководства США в настоящее время, раскрыты ключевые направления военной политики Вашингтона, которые определены с учетом современных угроз национальной безопасности США. К ним относятся: борьба с терроризмом; доступ к мировым ресурсам; ставка на участие в коалициях, не отказываясь полностью от права одностороннего применения силы; перенос усилий из Европы в Азиатско-Тихоокеанский регион; определение новых задач вооруженным силам – переход от концепции «двух больших региональных войн» к доктрине «полутора больших региональных войн», отказ от участия в длительных и масштабных операциях по стабилизации, строительство ЕвроПРО; расширение сферы ведения боевых действий вооруженных сил за счет включения в нее киберпространства. По мнению Вашингтона, реализация этих направлений обеспечит глобальное лидерство США в мире.

Ключевые слова: военная политика, национальная безопасность, региональные войны, глобальное лидерство, военная стратегия.

A. A. Zaytsev

Military Academy of Republic of Belarus

**THE KEY DIRECTIONS
OF MILITARY POLICY OF WASHINGTON
IN MODERN CONDITIONS**

In article on the basis of the major conceptual documents defining military-doktrinalnye sights of a military-political management by the USA now, key directions of a military policy of Washington taking into account modern threats of national safety of the USA are opened. Them concern: struggle against terrorism; access to world resources; the rate on participation in coalitions, not refusing completely from the right of unilateral application of force; carrying over of efforts to Asian-Pacific region; refusal of participation in long and scale operations on stabilisation; transition of armed forces from the concept of two big regional wars to the doctrine of one and a half big regional wars; expansion of sphere of conducting operations of armed forces at the expense of inclusion in it cyberspaces. According to Washington, realisation of these directions will provide global leadership of the USA in the world.

Key words: military policy, national security, regional war, global leadership, military strategy.

Введение. Получивший по результатам окончания «холодной войны» значительное преимущество и ставший в конце прошлого века единоличным мировым лидером, Вашингтон наряду с попытками реформирования своих вооруженных сил, проводит мероприятия по адаптации концепций их применения с учетом сложившихся реалий [1]. Для определения ключевых направлений военной политики в современных условиях в США пересматриваются концептуальные основы применения вооруженных сил, разрабатываются концептуальные документы, реформируется военная организация государства.

Основная часть. Системообразующими документами, определяющими военно-доктри-

нальные взгляды США, в настоящее время являются Стратегия национальной безопасности, Национальная оборонная стратегия и Национальная военная стратегия. Уточняют и расширяют их положения Четырехгодичный оборонный обзор, концепции, наставления, уставы по применению видов и родов вооруженных сил и некоторые другие документы, действующие в настоящее время. Главная целевая установка этих документов – адаптировать вооруженные силы США к новым реалиям с учетом меняющегося характера войны, накопленного опыта военных действий за последние годы, стирающейся грани между войной и миром через повышение боевых возможностей вооруженных сил и их организационную трансформацию

(изменение базирования, корректировку соотношения между видами вооруженных сил, между действующими войсками, резервом и национальной гвардией, между боевыми и обеспечивающими подразделениями и частями в ходе выполнения задач). Документы разрабатываются на основе *определенных принципов* в области обеспечения военной безопасности, которые в том или ином виде отражены практически во всех доктринальных документах: США не допустят достижения какой-либо страной военного паритета; США намерены применять военную силу, чтобы предупредить враждебные действия, даже если нападение на страну в данный момент не готовится или невозможно.

США намерены оставаться единственной в мире страной, имеющей право на применение силы против угроз прежде, чем они полностью сформируются, и не позволят другим нациям использовать превентивную защиту как оправдание для агрессии; основные угрозы безопасности США исходят от государств-изгоев и террористических сетей. Государства-изгои и террористические сети стремятся получить оружие массового уничтожения. Этим мотивируется переход от политики нераспространения оружия массового уничтожения к борьбе с распространением.

При определении концептуальных направлений военной политики, кроме документов, названных выше, Вашингтон руководствуется решениями саммитов НАТО, указаниями военно-политического руководства государства. При этом Вашингтон традиционно исходит из характера и степени *угроз национальной безопасности* США, к основным из которых в настоящее время он относит следующие: международный терроризм; распространение оружия массового поражения и средств его доставки; сохранение конфликтного потенциала в различных районах мира; развитие региональных держав в качестве новых центров влияния; усиливающуюся борьбу за доступ к мировым ресурсам и энергетическую зависимость США от импорта углеводородного сырья; транснациональные проблемы, включая незаконную торговлю оружием и наркотиками, пиратство, неконтролируемые глобальные миграционные процессы, ухудшение состояния окружающей среды [2].

Главным направлением деятельности Белый дом продолжает рассматривать *борьбу с международным терроризмом* как одной из главных угроз национальной безопасности.

Согласно оценкам американских экспертов, основную террористическую угрозу для

Соединенных Штатов представляют «транснациональные экстремистские организации, сообщества и отдельные лица, а также поддерживающие их государственные и частные структуры. Наряду с этим, отмечается повышение уровня угрозы применения террористами ОМП против США, как на континентальной части страны, так и в удаленных зонах, а также против союзных и дружественных Вашингтону стран. В то же время терроризм стал тем виртуальным противником, против которого Соединенные Штаты использовали военную силу в Ираке и Афганистане, а также оправдания своего присутствия на Ближнем Востоке.

Особенность борьбы с терроризмом в настоящее время выражается в отказе от «глобальной войны против терроризма». Теперь ставится более узкая задача – борьба против «Аль-Каиды» и ее союзников.

Другим направлением деятельности Вашингтона является *доступ к мировым природным ресурсам*. Можно с уверенностью сказать, что одной из основных причин, по которым США прямо или косвенно участвовали в военных конфликтах последних двух десятилетий, является борьба за доступ к энергоносителям, полезным ископаемым и другим мировым ресурсам. Об этом говорит география этих конфликтов. Это же подтверждается и военно-доктринальными документами, согласно которым США намерены обеспечить себе и своим союзникам свободный доступ к жизненно важным природным ресурсам, а также безопасность морских и воздушных торговых путей. Речь идет о так называемых «зонах глобальной значимости». Любой государственный или негосударственный игрок, который создает помехи в этих «зонах», автоматически становится источником угрозы национальной безопасности США и попадает в разряд тех, против кого допустимо применение военной силы. Рассмотренные выше положения в том или ином виде сохранялись в военно-доктринальных документах на протяжении нескольких последних десятилетий. Как известно, в то время США уверенно занимали позицию первой и единственной мировой сверхдержавы. Их военно-политическая мощь являлась ключевым элементом международной политики. Главной идеологической установкой было то, что именно Америка определяет направление движения человечества, и нет никакой альтернативы американской гегемонии и роли США как незаменимого компонента глобальной безопасности. Формулиро-

вание на основе такой идеологии доктринальных установок и их последовательная реализация на практике в конечном счете привели к тяжелым последствиям для экономики и авторитета Соединенных Штатов на международной арене.

Поэтому администрации Барака Обамы, не отказываясь от глобального лидерства в принципе, все-таки пришлось пересмотреть некоторые ключевые положения военной политики. Прежде всего, произошел отказ от так называемой концепции «превентивной войны», согласно которой США должны были иметь общее военное и технологическое превосходство над любым противником. Но вместе с тем оставляли за собой право наносить превентивные удары и вести предупредительные войны. Также американские вооруженные силы должны были иметь способность самостоятельно вести две большие войны одновременно.

Переход к *ведению войн в составе коалиции* является одним из направлений в военной политике США. В новых военно-доктринальных документах встречается тезис, что ни одна страна не в состоянии нести бремя ответственности за весь мир в одиночку. Поэтому сохраняя лидерство, Вашингтон основной упор делает на так называемый мультилатералистский метод принятия глобальных решений, который подразумевает активное взаимодействие в рамках международных институтов, находящихся под влиянием США, прежде всего, в рамках НАТО.

Не отказываясь полностью от права одностороннего применения силы, американская администрация делает ставку на участие в коалициях. Практически это выразилось в ограниченном участии в ливийской операции, основная нагрузка в которой легла на европейские страны. В то же время опыт военной кампании в Ливии и развитие ситуации вокруг Сирии показывает, что традиционные союзники США едва ли готовы увеличивать свои расходы на проведение коалиционных операций, а также втягиваться в новые конфликты с сомнительными шансами на успех.

Еще одно новшество – перенос усилий в Азиатско-Тихоокеанский регион, поскольку он приобретает все большее экономическое значение, растет его военная мощь, в азиатских государствах происходят серьезные политические перемены. По существу, в единое целое увязывается сразу несколько регионов: Ближний и Средний Восток, Персидский залив, Южная Азия и Азиатско-Тихоокеанский район. В связи с этим намечается сокращение

военного присутствия в Европе. Конечно, это не отменяет ранее принятых Вашингтоном обязательств по поддержанию стабильности в других регионах мира. Напротив, указывается, что США намерены сохранять свое доминирующее положение в глобальном масштабе, качественно улучшая оперативные и стратегические возможности своих вооруженных сил за счет их технологического переоснащения, совершенствования организации, взаимодействия и пр.

Что касается непосредственно американских вооруженных сил, то их основные задачи не сильно изменились по сравнению с предыдущими доктринальными документами. Новыми являются лишь несколько моментов: переход от концепции «двух больших региональных войн» к доктрине «полтора больших региональных войн», т. е. возможности ведения одной большой войны и сдерживании агрессивных действий противника в других регионах планеты, а также о проведении меньших по масштабам гуманитарных, антитеррористических и прочих операций; отказ от участия в длительных и масштабных операциях по стабилизации (из-за неудачного опыта войн в Ираке и Афганистане); повышенное внимание к возможностям Китая и Ирана по блокированию развертывания армии США на удаленных театрах военных действий [3].

Доктрина Барака Обамы (т. е. существующие ныне документы) не конкретизирует планы Вашингтона по развертыванию системы противоракетной обороны (далее – ПРО) в Европе, хотя в Четырехгодичном обзоре по обороне за 2010 год прямо указывается, что США продолжают создание ЕвроПРО. Это, в свою очередь, не может не вызывать опасения у России, так как она справедливо считает, что данная система направлена на ослабление ее стратегического потенциала. В то же время ряд специалистов отмечают, что сама по себе евроатлантическая система ПРО в том виде, в каком она строится, не сможет эффективно противостоять российским ракетным войскам стратегического назначения.

Проблему американской ПРО нельзя рассматривать в отрыве от так называемой концепции «*глобального молниеносного удара*», о которой вновь стали заявлять высокопоставленные чиновники военного ведомства США. Она подразумевает создание систем вооружения, в том числе межконтинентальных баллистических ракет в обычном оснащении и гиперзвукового оружия, способных уничтожить цель в любой точке планеты в течение не-

скольких десятков минут после принятия решения об атаке с одновременным выведением из строя компьютерных сетей противника, созданием помех интегрированным системам обороны, в частности противовоздушной обороны (ПВО) и ПРО. То есть в случае нанесения подобного удара по объектам российского ядерного щита американская система противоракетной обороны может быть использована для уничтожения уцелевших стратегических ракет на начальном участке траектории, тем самым сведя к минимуму вероятность нанесения ответного ядерного удара.

Еще одна ключевая тенденция, характерная для военно-доктринальных взглядов США в XXI веке, – расширение сферы ведения боевых действий за счет включения в нее киберпространства, наряду с сушей, морем, воздухом и космосом.

Масштаб американского военного использования компьютерных систем и систем передачи данных обширный. Есть 15 000 сетей Министерства обороны с семью миллионами устройств (4000 установок в 88 странах). Эти системы просматриваются и исследуются миллионами потенциальных агрессоров каждый день. Между октябрем 2008-го и апрелем 2009-го года Пентагон официально потратил свыше 100 млн долл. на восстановление повреждений, вызванных кибератаками. Фактически эти расходы значительно выше.

Наступательное действие в кибервойне легче, быстрее и дешевле, чем защитное. Согласно одному американскому кибераналитику безопасности, для того чтобы подготовить кибератаку, которая выведет из строя компьютеры и парализует США, потребовалось бы два года и менее 600 человек, а стоило бы это меньше чем 50 млн долл. в год. Следует добавить, что, помимо компьютерных систем вооруженных сил, США в огромной степени зависят от космической связи, наведения, ориентирования, что также предопределяет их уязвимость, так как этот космический компонент может быть нейтрализован путем создания соответствующих помех.

Несмотря на то, что в доктринальных документах провозглашаются в основном намерения защитить информационную инфраструктуру

и повысить ее устойчивость, заявления высокопоставленных американских политиков и недавние события на иранских ядерных объектах наглядно демонстрируют, что США не намерены ограничиваться исключительно оборонительными действиями. Подчеркивается необходимость глобального доминирования в киберпространстве, вплоть до применения военной силы в ответ на кибератаки на объекты критической инфраструктуры [4].

Заключение. Таким образом, из вышеприведенного анализа видно, что основой политики Вашингтона является борьба за глобальное лидерство.

При определении ключевых направлений военной политики Вашингтон традиционно исходит из характера и степени угроз национальной безопасности, при этом основными из них являются: борьба с терроризмом; доступ к мировым ресурсам, что являлось основной причиной прямого или косвенного участия США в военных конфликтах последних двух десятилетий; ставка на участие в коалициях, не отказываясь полностью от права одностороннего применения силы; перенос усилий в Азиатско-Тихоокеанский регион, поскольку он приобретает все большее экономическое значение, растет его военная мощь и возможности Китая и Ирана по блокированию развертывания армии США на удаленных театрах военных действий.

В связи с этим намечается сокращение военного присутствия в Европе; определение новых задач вооруженным силам: переход от концепции «двух больших региональных войн» к доктрине «полтора больших региональных войн»; отказ от участия в длительных и масштабных операциях по стабилизации (из-за неудачного опыта войн в Ираке и Афганистане); продолжение строительства ЕвроПРО; расширение сферы ведения боевых действий вооруженных сил за счет включения в нее киберпространства, наряду с сушей, морем, воздухом и космосом.

По мнению Вашингтона, реализация ключевых направлений военной политики обеспечит США глобальное лидерство в мире и возможность диктата своей воли другим государствам с позиции силы.

Литература

1. Печуров С. Эволюция взглядов руководства США на реформирование вооруженных сил после «холодной войны» // Заруб. воен. обозрение. 2014. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://biblioteka.ru/browse/doc/40795758> (дата обращения: 12.03.2016).
2. Микрюков В. Тяжелое бремя Америки // Независ. воен. обозрение. 2015. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biblioteka.ru/browse/issuetext?issue...> (дата обращения: 12.03.2016).

3. Тимохин П. Военная сила в политике национальной безопасности США // Заруб. воен. обозрение. 2015. № 2. С. 3–10 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43289852> (дата обращения: 12.03.2016).

4. Стратегия национальной безопасности США [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (дата обращения: 12.03.2016).

References

1. Pechurov S. *Evolyutsiya vzglyadov rukovodstva SSFA na reformirovanie vooruzhennykh sil posle "Kholodnoy voyny"* [The evolution of views of US leadership in the reform of the armed forces after the "Cold War"]. *International Military Review*. 2014, no. 4. Available at: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/40795758> (accessed 12.03.2016).

2. Mikryukov V. *Tyazheloe bremya Ameriki* [Heavy burden America]. *Independent Military Review*. 2015, no. 1. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/issuetext?issue> (accessed 12.03.2016).

3. Timokhin P. *Voennaya sila v politike natsional'noy bezopasnosti SShA* [Military force in US national security policy]. *International Military Review*. 2015, no. 2, pp. 3–10. Available at: <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/43,289,852> (accessed 12.03.2016).

4. *Strategiya natsional'noy bezopasnosti* [The US National Security Strategy]. Available at: http://inosmi.ru/op_ed/20150213/226255885.html#ixzz3oQYMCf1x (accessed 12.03.2016).

Информация об авторе

Зайцев Александр Александрович – кандидат военных наук, доцент, профессор кафедры военной стратегии. Военная академия Республики Беларусь (220013, Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь).

Information about the author

Zaytsev Aleksandr Aleksandrovich – PhD (Military), Assistant Professor, Professor, the Department of Military Strategy. Military Academy of Republic of Belarus (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus).

Поступила 20.03.2016

УДК 33.06.43

И. А. Мещерякова

Белорусский национальный технический университет

**ТРУДОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ИНТЕРЕСЫ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ
В СОВЕТСКОЙ И РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Статья посвящена комплексному исследованию и рассмотрению вопросов изменения трудовых ценностей и интересов наемных работников в советской и рыночной экономике. Проанализированы проблемы трудовой мотивации и стимулирования труда в эти исторические периоды, определены понятия мотива, отношения к труду и основные факторы воздействия на работников через мотивацию и стимулирование труда, рассмотрены изменения трудовых интересов начиная с советского периода, основной акцент сделан на интересах работников и их важности для повышения производительности труда. На основании исследования сделаны краткие выводы и предложения.

Ключевые слова: трудовая мотивация, стимулирование труда, трудовые ценности, трудовые интересы, наемные работники, советская и рыночная экономика.

I. A. Meshcheryakova

Belarusian National Technical University

**LABOUR VALUES AND INTERESTS OF THE HIRED WORKERS IN SOVIET
AND MARKET ECONOMY**

The article is sanctified to complex research and consideration of questions of change of labour values and interests of the hired workers in a soviet and market economy. The problems of labour motivation and stimulation of labour are analysed in these historical periods, the concepts of reason, attitudes toward labour and basic factors of affecting, are certain workers through motivation and stimulation of labour, the changes of labour interests are considered, since a soviet period, a basic accent is done on interests of workers and their importance for the increase of the labour productivity. On the basis of research short conclusions and suggestions are done.

Key words: motivation of personnel, Economy and sociology of labour, stimulation of labour, labour values.

Введение. Проблема эффективного использования трудовых ресурсов всегда являлась и является актуальной для общественных систем, у которых приоритетная цель состоит в долгосрочном самостоятельном экономическом развитии. Основной фактор, обеспечивающий устойчивый экономический рост, – мотивация к высокопроизводительному труду, повышению трудовой активности, высокая трудовая мораль и качество труда.

Актуальность и значимость проблемы повышения трудовой мотивации определяется радикальными преобразованиями экономической системы общества. В связи с этим появляется интерес к тому, как люди относятся к своему труду и к своим достижениям в труде.

Существенные социально-экономические сдвиги, начавшиеся с развитием рыночной экономики, не смогли бы начаться без высокой трудовой морали и этики.

В условиях трансформации социально-экономических отношений с включением национальной экономики в глобальную мировую экономику усилился интерес к проблеме мотивации и стимулирования труда. В советское время проблематике труда и трудовых отноше-

ний было посвящено много работ. Они исследовали труд как таковой, его интенсивность и производительность, соревновательные отношения в труде, потребности, интересы, ценности работника. В политэкономии социализма развивался тезис о непосредственном соединении работников со средствами производства, что, в свою очередь, практически полностью исключало вопросы и проблемы мотивации и стимулирования труда, так как предполагало полное объединение интересов наемных работников и фирмы.

Белорусскими учеными в современной литературе делаются выводы о появлении новой системы мотивации и стимулирования труда, которая сочетает в себе материальные и нематериальные стимулы. Огромное количество литературы по проблемам стимулирования и мотивации труда говорит не только о существенном интересе к данной проблеме, но и показывает разброс во мнениях по поводу природы проблем.

Предпринимаются новые попытки выявить потребности наемных работников, нехарактерные для них, а также мотивы наемного труда в условиях перехода к рыночной экономике. На первый план выходит признание индивидуальных

результатов труда, творческой деятельности в расширении функций и др.

Предметом исследования являются трудовые интересы и трудовые ценности наемных работников в советской и рыночной экономике.

Цель данной статьи – определить, изучить основные факторы воздействия на работников через мотивацию и стимулирование труда в советской и рыночной экономике и рассмотреть трудовые ценности и интересы в эти исторические периоды.

Основные задачи:

– определить понятие мотива, отношения к труду;

– проанализировать изменение трудовых интересов, начиная с советского периода;

– сделать краткие выводы и предложения по результатам исследования.

В основе лежат концепции классической политэкономии о центральном значении труда и трудовых отношений в развитии общества, веберовский подход, обосновывающий необходимость высокой трудовой морали для развития рыночной экономики.

Основная часть. Весь трудовой процесс основан на взаимодействии людей друг с другом и на социальных отношениях, в которые они вступают. Основными являются отношения человека к труду и межличностные отношения.

Отношение к труду подразумевает человеческое стремление либо же его отсутствие максимально проявить свои способности.

Отношение к труду – сложное социальное явление, оно представляет собой единство трех элементов: 1) мотивов и ориентации трудового поведения; 2) реального или фактического трудового поведения; 3) оценку работниками трудовой ситуации – вербального поведения.

Первый элемент отношения к труду связан с трудовыми мотивами и установками, которыми руководствуется работник в трудовой деятельности. Они являются побудителями трудового поведения и в совокупности образуют мотивационное ядро.

Второй элемент отношения к труду – это трудовая активность работников, проявляющаяся в таких формах поведения, как степень выполнения норм выработки; качество выполняемой работы; дисциплинированность; инициативность; овладение передовыми методами и приемами труда; экономное расходование сырья и материалов и т. д.

Третий элемент отношения к труду – субъективное переживание работников. Он связан с их внутренним состоянием, вызванным выполняемой работой. Без оценки самого субъекта труда любая деятельность предстает неполной, незавершенной [1].

Отношение к труду в любой исторический период основан на фундаментальном вопросе «ради чего я работаю?», то есть ключевым вопросом была мотивация к труду.

Мотивация (как процесс) – есть процесс эмоционально-чувственного сопоставления образа своей потребности с образом внешнего предмета (претендента на предмет потребности). Мотивация (как механизм) – это внутренний психический механизм человека, который обеспечивает опознание предмета, соответствующего потребности, и запускает направленное поведение по присвоению этого предмета (если он соответствует потребности).

Основные функции мотивации:

– побуждение к действию;

– направление деятельности;

– контроль и поддержание поведения.

Советская модель организации труда была направлена на достижение макроэкономических целей, в ее основу были положены принципы стимулирования труда, которые опирались на тарифные ставки и разряды. Такая модель обеспечивала социальную защищенность наемных работников. Тем не менее отсутствие здоровой конкуренции, скрытая инфляция и соответственно замораживание цен привели к тому, что реальные потребности людей были занижены. Такое положение дел исключало творческую инициативу и самостоятельность в принятии решений, самовыражение не имело значения, не учитывалось, что каждый человек хочет получить от работы разные вещи. Это не только деньги, но и признание, удовлетворение амбиций, принадлежность, дружный коллектив, возможность карьерного роста и даже желание приносить пользу обществу в целом [2].

Трудовая деятельность в советский период была почетной обязанностью. Государство предоставляло каждому гражданину гарантированную работу с оплатой труда, исходя из его способностей, профессиональной подготовки, образования и с учетом потребностей общества. Плановый характер организации социалистического труда – его важная особенность и преимущество перед трудом при капитализме. К концу 1930 г. в результате коренных социально-экономических преобразований была полностью и окончательно ликвидирована безработица. Возникла и утвердилась важнейшая особенность образа жизни советских людей – уверенность в завтрашнем дне.

Основной потребностью людей, которая удовлетворялась практически полностью, была потребность в безопасности и защищенности. Работники были уверены в том, что у них всегда будет работа. Законодательство гарантировало право на труд, тем не менее такая

безбоязненность потерять работу способствовала низкой производительности и интенсивности труда. Работники имели полную гарантию пенсионного обеспечения и гарантии социального характера, отпуск, оплату временной нетрудоспособности, значительные социальные льготы. Предприятия обучали и повышали квалификацию сотрудников за свой счет, они выплачивали стипендии за весь период обучения. Денежные средства брались из социальных фондов развития и потребления предприятия.

Государство удовлетворяло все социальные потребности на достаточно высоком уровне.

Организации проводили различного рода собрания, на которых обсуждались вопросы как общественно-политического, так и внутрипроизводственного характера. Подобные мероприятия способствовали тому, что работники чувствовали себя причастными к руководству предприятиями, что повышало самооценку и самоуважение. Помимо всего проводились коммунистические субботники, политинформации, оказывалась помощь колхозам и совхозам во время сбора урожая, работники участвовали в народных добровольных дружинах, праздничных демонстрациях. Подобные мероприятия сплачивали коллектив [3].

Активисты награждались почетными грамотами, всевозможными знаками отличия, представлялись к орденам и медалям, их фотографии вывешивались на Доске Почета.

Усиление хозяйственной мотивации и стимулов эффективного, высокопроизводительного труда – одна из главных задач перехода к рыночной экономике. Человеку всегда был необходим стимул для работы и принятия определенных решений. Именно поэтому проблема стимулирования и мотивации труда актуальна на сегодняшний день. Конечным пунктом осуществления любых реформ является предприятие (фирма), где и происходит соединение рабочей силы и средств производства и осуществляется процесс трудовой деятельности.

В Республике Беларусь процесс формирования систем стимулирования и мотивации происходит в достаточно сложных социально-экономических условиях. В стране не так много успешных и прибыльных предприятий. На каждом пытаются создать свою модель с учетом реальных условий экономической среды. При этом некоторые менеджеры создают свои модели, основываясь на советском прошлом, многие ориентированные на Запад предприятия внедряют соответственно западные технологии. Имеются и те, кто создают новые модели, не имеющих аналогов в мире.

В качестве основы в современном менеджменте чаще всего используются модели Маслоу и Мак-Грегора, которые объясняют некоторые

«отклонения» в поведении людей. К примеру, теория Маслоу поясняет, почему в случае, если не удовлетворены потребности физиологического характера, не стоит ждать высокопроизводительного труда от работника. А теория Мак-Грегора объясняет, зачем работники ломают высокотехнические станки вместо того, чтобы ударно на них работать [4].

Таким образом, изучив данные модели можно сделать вывод о том, что в общем случае профессиональная деятельность работников направлена на достижение следующих целей:

- материальные блага;
- власть;
- знания и творчество;
- духовное совершенствование.

Цели сугубо индивидуальны и имеют свойство меняться с течением жизни и под влиянием различных факторов.

В настоящее время трудовые ценности белорусского народа подвергаются радикальным изменениям, а это позволяет утверждать, что идет процесс создания новой трудовой идеологии.

В результате идеологических сдвигов резко сократился разрыв между трудовыми ценностями населения и ценностями официальной идеологии, который был характерен для последних 15–20 лет социалистического развития Беларуси.

Любая система стимулирования труда должна быть привязана к стратегическим целям, что подразумевает ориентацию системы на достижение долгосрочных целей: усиление стратегического потенциала предприятия, формирование дополнительных инвестиционных ресурсов, усиление внешней и внутренней гибкости производственного аппарата фирмы, развитие маркетинговых исследований, развитие программ по повышению квалификации [5].

Привязка систем стимулирования к местным условиям должна осуществляться с учетом различий интересов, возникающих на разных этапах производственного процесса. Причиной этих различий является разный характер деятельности и, следовательно, разные ценностные ориентации осуществляющих эту деятельность работников.

Система стимулирования должна быть конкретизирована на уровне средств стимулирования. Эти средства должны быть направлены на возбуждение интереса для того, чтобы работник был удовлетворен своей работой.

Работа должна создавать внутреннюю мотивацию, ощущение личного вклада. Человек – существо социальное, а отсюда следует, что ему свойственно чувство сопричастности, которое позволяет осознать себя как личность.

Заключение. В данном исследовании основной акцент сделан на интересах работников и их

важности для повышения производительности труда. Эти вопросы претерпели кардинальные изменения в связи с переходом к рыночной экономике. Одной из важнейших задач исследования стало не столько обобщение сведений и представлений по проблемам развития ин-

тересов в советской и рыночной экономике, сколько постановка новых задач и развитии этого вопроса. Изучение данной проблематики поспособствует решению основных задач по реализации трудового потенциала Республики Беларусь.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции // Проблемы развития психики. М., 1971. С. 121.
2. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. М., 2001. С. 248.
3. Мумладзе Р. Г. Экономика и социология труда. М.: КНОРУС, 2011. С. 328.
4. Мотивация персонала в современной организации / под общ. ред. С. Ю. Трапицына. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. С. 394.
5. Герчиков В. И. Нематериальное стимулирование персонала // Мотивация и оплата труда. 2005. № 1. С. 2–10.

References

1. Leont'yev A. N. Necessities, reasons, emotions. *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of psyche]. Moscow, 1971, p. 121 (In Russian).
2. Genkin B. M. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economy and sociology of labour]. Moscow, 2001. P. 248
3. Mumladze R. G. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economy and sociology of labour]. Moscow, KNORUS Publ., 2011. P. 328.
4. *Motivatsiya personala v sovremennoy organizatsii* [Motivation of personnel in modern organization]. St. Petersburg, Knizhnyy dom Publ., 2007. P. 394.
5. Gerchikov V. I. Non-material stimulation of personnel. *Motivatsiya i oplata truda* [Motivation and remuneration of labour]. 2005, no. 1, pp. 2–10 (In Russian).

Информация об авторе

Мещерякова Ирина Александровна – преподаватель кафедры экономических теорий. Белорусский национальный технический университет (220013, г. Минск, пр. Независимости, 65, Республика Беларусь). E-mail: meshcheriakovairina@mail.ru

Information about the author

Meshcheryakova Irina Aleksandrovna – lecturer, the Department of Economic Theories. Belarusian National Technical University (65, Nezavisimosti Ave., 220013, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: meshcheriakovairina@mail.ru

Поступила 17.03.2016

УДК 371-057.875

Т. Г. Каленникова

Белорусский государственный технологический университет

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются особенности поздней юности, показана роль куратора в эмоциональной поддержке первокурсников, уделяется внимание таким характеристикам студенческого возраста, как самоопределение и самореализация. Делается упор на формирование в учебном процессе базовых способностей, необходимых будущему профессионалу: способность к рефлексии; способность учиться и переучиваться; способности воображения и др. Подчеркивается роль духовно-нравственного воспитания в становлении личности студента. Раскрываются возможности курса «Основы психологии и педагогики» в формировании таких качеств личности, как гуманизм, честность, великодушие, сострадание. Содержание предмета направлено на оказание помощи студентам: разобраться в самом себе, в умении строить отношения с другими людьми, развивать в себе рефлексивные способности, правильно воспитывать своих детей, корректно разрешать конфликтные ситуации и реализовывать свои творческие способности. Приводятся примеры использования классической литературы на семинарских занятиях и кураторских часах.

Ключевые слова: поздняя юность, воспитание, социализация, возрастные особенности, куратор группы, базовые способности, позиция промедления.

T. G. Kalennikova

Belarusian State Technological University

TOPICAL ISSUES OF EDUCATION STUDENTS

The article discusses the features of late adolescence, the role of a curator in emotional support of first-year students, pays attention to such characteristics of college age, as self-determination and self-realization. It is focusing on the formation of the learning process of basic abilities required future professionals: the ability for reflection; ability to learn and re-learn; the ability of imagination, and others. It is noted the role of spiritual and moral education in the development of the individual student. It is Disclosed the possible course “Foundations of Psychology and Pedagogy” in the formation of personality traits such as humanism, honesty, generosity, compassion. The content of the subject is aimed at helping students to: understand yourself, the ability to build relationships with others, to develop a reflexive ability to properly educate their children properly resolve conflict and to realize their creative abilities. Examples of the use of classical literature in seminars and curatorial hours are given.

Key words: late adolescence, education, socialization, age features, curator group, basic skills, delay position.

Введение. ВУЗ является одним из важных социальных институтов становления студенческой молодежи, которое осуществляется как в ходе организации учебного процесса, так и в процессе целенаправленной воспитательной работы. Педагогический смысл образования – постепенное возрастание человека, что предполагает: формирование у обучающихся общей картины мира, в которой особый акцент делается на прогноз перспектив развития мира, различных аспектов человеческой жизнедеятельности; достижение понимания смыслов передаваемых знаний через создание ситуаций понимания, особенно в областях знания, связанных с обществом, человеком, природой; формирование знаний и умений приобретать новые знания, осмыслять их с позиции не только профессии и личной перспективы, но и в контексте общественного развития; развитие личности с целью повышения ее творческих способностей.

Основная часть. К психологическим факторам, стимулирующим развитие познавательного потенциала студентов, можно отнести доминирующие показатели, характеризующие их возрастные особенности: социальную ситуацию развития личности в изучаемый период; ведущий вид деятельности; важнейшие психические новообразования.

Социальная ситуация развития студентов во многом определяется особенностями адаптации их к новым условиям жизни на 1-м курсе. Вчерашние школьники робко вступают в новый социум ВУЗа, они впервые оторвались от семьи, не готовы к самостоятельной жизни, не приобрели новых друзей; у них появляется чувство тревожности, неуверенности в себе, сомнение в правильном профессиональном выборе. К основным видам деятельности в этот период относятся: труд и учение. Активное включение первокурсника в учебный процесс,

ознакомление их с правилами внутреннего распорядка ВУЗа способствует совершенствованию таких личностных качеств, как самостоятельность, инициативность, целеустремленность, умение владеть собой. К концу 1-го курса у студентов должна сформироваться направленность на свое становление как субъекта собственного развития. Большая роль в этом процессе отводится куратору группы. Руководство студенческой группой – это единство организаторской работы куратора с его духовным влиянием. Сила этого влияния определяется личностными качествами самого куратора. Организация жизни студенческой группы невозможна без всестороннего изучения каждого студента и группы в целом. С этой целью изучение состава академической группы считается исходным этапом в организации коллектива и создании четкой системы воспитательной работы.

Студенческую группу можно назвать коллективом лишь тогда, когда в ней отчетливо проявляются товарищеская взаимопомощь, взаимная требовательность, ответственность и инициативность не только в учебной деятельности, но и во всем многообразии общественной жизни. Поведение первокурсников отличается высокой степенью конформизма и отсутствием дифференцированного подхода к своим ролям, поэтому опытные кураторы проводят в группах беседы: «О культуре поведения», «О психологической норме и патологии», «Характер и его роль в становлении личности», «Духовное богатство человека», раскрывая такие важные для студентов вопросы, как адекватность реакций на окружающие явления; умение уживаться с товарищами и самим собой; критический подход к обстоятельствам жизни; способность к самокоррекции поведения в соответствии с нормами морали; чувство ответственности за потомство и близких членов семьи; самоутверждение в коллективе без ущерба для остальных его членов; способность планировать и осуществлять свой жизненный путь.

Следует отметить, что трудности возникают в работе с первокурсниками, у которых не сформированы такие умения, как планировать свою деятельность; анализировать проблему с разных точек зрения; способность признавать свои ошибки, преодолевать обиду, уметь уступать; отсутствие самоконтроля. Эти студенты часто находятся в позиции промедления: «успею», «не хочу торопиться», «еще много времени впереди»; они несерьезно относятся к учебе (таких студентов 7–9%). Эти недостатки с большей силой проявляются накануне экзаменов, когда за короткий срок студент не может усвоить большой объем материала, что приводит к проявлению несдержанности, вспыльчивости,

неумению сконцентрироваться на главном. Поэтому студенты младших курсов остро нуждаются в психолого-педагогической поддержке, которую им может оказать куратор. В этот период в организме могут происходить такие процессы, как замедление сердечного ритма, улучшение работы иммунной системы, снижение депрессивного состояния.

Сегодня в стенах ВУЗа готовятся специалисты, которые будут жить в другое время – новое, обновляющееся, поэтому они должны быть конструктивными и креативными, им придется активно включаться в жизнь общества, в политическую жизнь, уметь влиять на других людей, достигать компромисса или консенсуса. Для этого им потребуются базовые способности, которые формируются в учебном процессе. К ним относятся: способности воображения, способности к рефлексии (умение анализировать, делать выводы, принимать решения); способность учиться и переучиваться, заниматься самообразованием; креативные способности, необходимые для практического воплощения новых идей и представлений; коммуникативные способности; способность к духовной навигации (самоопределение, осознание своей обусловленности и своих ценностей, преодоление себя, идентификация с другой личностью).

Практика показывает, что одни студенты много и охотно работают над получением знаний, а возникающие трудности только добавляют энергии и желания добиться поставленной цели, а другие все делают «из-под палки» и при появлении препятствий их активность резко снижается. Психологи объясняют причину такого положения индивидуальными особенностями личности – это уровень интеллекта, креативности, учебная мотивация, высокая самооценка. Так, высокая самооценка считается важным положительным фактором успешной учебы. С ней связана уверенность в себе и высокий уровень притязаний. Неуверенные в своих силах и способностях студенты часто просто не берутся за решение трудных заданий, заранее думая, что не справятся. Для того чтобы высокая самооценка была адекватной и побуждала к дальнейшему развитию, хвалить студентов надо не за объективно хороший результат, а за степень усилий, которые они приложили для преодоления препятствий [5].

Большое влияние на формирование личности студента оказывает весь университетский социум. Участие студентов в научной работе способствует развитию у них исследовательских задатков – памяти, наблюдательности, воображения, самостоятельности суждений, выводов, творческого мышления. Воспитывается потребность и умение применять теоретические

знания на практике. Формируется чувство личной сопричастности к общественно значимым делам, ответственное отношение к своей жизненной позиции. Психологи отмечают, что к концу 2-го курса обучения юношество начинает сознательно стремиться к профессиональному развитию. Меняется внутренняя позиция субъекта: он активно адаптируется в социуме, ведущей деятельностью является труд, профессионализм. Самоопределение и переход к самореализации – ключевые понятия в развитии людей позднего юношеского возраста, что требует внимания со стороны педагогов [2].

В числе важнейших проблем воспитания серьезную тревогу вызывают вопросы духовного и нравственного воспитания молодежи. Духовно-нравственное воспитание – это содействие нравственному становлению молодого человека, формированию у него системы базовых гуманитарных ценностей, ориентированных на приоритет прав и обязанностей человека, межкультурному диалогу, активному участию в общественной жизни, готовности к свободному выбору пути своего развития и ответственности за него.

Процесс учения в ВУЗе предполагает включение студентов в систему общественных отношений и усвоения ими социальных ценностей общества, к которым мы относим:

1. Земля – общий дом человечества, вступающего в новую цивилизацию XXI в., Земля людей и живой природы.

2. Отечество – единственная уникальная для каждого человека Родина.

3. Семья – начальная структурная единица общества, естественная среда развития ребенка, закладывающая основы личности.

4. Труд – основа человеческого бытия, наиболее полно характеризующая сущность человека.

5. Знания – результат разнообразного, прежде всего, творческого труда. Знания студента – критерий труда многих преподавателей.

6. Культура – великое богатство, накопленное человечеством как в материальной, так и в духовной жизни.

7. Мир – покой и согласие между людьми, народами и государством, главное условие существования Земли и человечества.

8. Человек – абсолютная ценность, «мера всех вещей», цель, средство и результат воспитания [4].

Значительное место в формировании активной жизненной позиции личности студента, его духовного наполнения отводится предмету «Основы психологии и педагогики». Содержание курса направлено на оказание помощи студентам разобраться в самом себе, развивать в себе рефлексивные способности, эффективно осуществлять будущую профессиональную деятельность, умение корректно разрешать кон-

фликтные ситуации и реализовывать свои творческие способности, быть патриотами своей Родины. Изучая тему «Характер», мы обращаем внимание на развитие у личности таких качеств, как требовательность к себе, самооценка, самокритичность, выдержка, решительность, смелость. Разбираем эти качества и делаем вывод – они должны быть у каждой личности. При изучении темы «Интеллект и его развитие» знакомим студентов с основными показателями интеллекта: счетная способность, вербальное восприятие, вербальная гибкость, память, ориентация в пространстве, умение рассуждать, умение сравнивать. Цель развития интеллектуальной сферы студента – обладание различными видами и типами мышления. По мнению ученых, мышление начинается с удивления, недоумения либо с противоречия. Развивать мышление, значит, развивать интеллектуальные способности и умения [5]. Делаем вывод, что интеллект – это структура способностей человека, среди которых мыслительные способности играют самую важную роль.

С большим вниманием слушают студенты письма Д. С. Лихачева к молодежи, которые обсуждаются на кураторских часах. Он считал, что для восприятия красоты окружающего мира человек должен сам быть духовно красив, глубок, стоять на правильных жизненных позициях. В письмах раскрываются вопросы дружбы, воспитанности человека, верности определенным принципам, человеческой мудрости, интеллигентности и т. д. Через все письма проходят мысли «об уважении к человеку» («чти отца своего и мать свою и долголетен будешь на Земле»): «приветливость и доброта делают человека не только физически здоровым, но и красивым» и др. Каждое письмо – это кладезь человеческой мудрости, тонкости людских отношений и обязательно – нравственности [3].

Определенный интерес для студентов составят и письма Ф. Честерфильда. Будучи личностью незаурядной и мудрой, он хорошо понимал, как важны для человека знания, помогающие понять ему другого человека, установить с ним дружеские отношения. Честерфильд считал, что эти знания необходимо заложить в личность до 18 лет. «Знания, – писал он, – это убежище и приют, удобные и необходимые нам в преклонные годы, и, если мы не посадим дерево пока мы молоды, то когда мы состаримся, у нас не будет тени, чтобы укрыться от солнца» и далее:

«Есть также и еще кое-какие качества, которые необходимо» выработать в себе для того, чтобы справиться с практической стороной дела. Это – полное владение собой: чтобы никакое чувство ни при каких обстоятельствах не могло вывести из себя. **Терпение** – для того,

чтобы выслушивать суждения легкомысленные, бесосновательные и даже наглые. **Такт** – чтобы уметь отвергнуть их и вместе с тем никого не обидеть, а если ты с чем-то соглашаешься, то сделать это в такой манере, чтобы человек почувствовал себя вдвойне тебе обязанным. **Гибкость** – чтобы уметь скрыть правду и при этом не прибегать ко лжи. **Проницательность** – чтобы читать написанное на лицах других и т. д. Вот те основные качества, которые должны быть у каждого деятеля, лидера, руководителя [3].

Включение студентов в активную мыслительную работу на занятиях и воспитательных мероприятиях способствует расширению их интересов, убеждений, взглядов, формированию направленности личности на самопознание себя. Через эти приемы и методы работы ведется поиск подходов к уму и душе студента, что помогает обратить его внимание на свое «Я»,

на вопросы, связанные с самореализацией и самоактуализацией своей личности, на свою жизненную позицию и на свои установки. Так формируется духовность личности – высшая нравственная способность человека отождествлять себя со всем человечеством.

Заключение. Студенческий возраст, по утверждению Б. Т. Ананьева, является сенситивным периодом для развития основных социогенных потенций человека. Высшее образование оказывает огромное влияние на развитие всех уровней студента. Они определяют направленность ума человека, т. е. формируют склад мышления, который характеризует профессиональную основу личности. Для успешного обучения в ВУЗе необходим довольно высокий уровень общего интеллектуального развития, в частности восприятия, представлений, памяти, мышления, внимания, эрудированности, широты познавательных интересов.

Литература

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1980. С. 52–84.
2. Бодалев А. А. Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 97–99.
3. Каленникова Т. Г. Воспитание в студенческой группе (воспитательные технологии). Пособие для кураторов. Минск: БГТУ, 2006. 88 с.
4. Караковский В. А. Стать человеком. Общечеловеческие ценности – основа целостного учебно-воспитательного процесса. М.: Творческая педагогика, 1993. 80 с.
5. Яновская Н. Б. Саморазвитие интеллектуальной сферы студента как цель обучения // *Almamater*. 2015. № 7. С. 39–45.

References

1. Anan'yev B. G. *Izbrannyye psikhologicheskiye trudy: v 2 t. T. 2.* [Selected psychological works : in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Pedagogika Publ., 1980, pp. 52–84.
2. Bodalev A. A. *Psikhologiya lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 1988, pp. 97–99.
3. Kalennikova T. G. *Vospitanie v studencheskoy grupe (vospitatel'nye tekhnologii). Posobie dlya kuratorov* [Education in the student group (educational technology). Allowance for supervisors]. Minsk, BGTU Publ., 2006. 88 p.
4. Karakovskiy V. A. *Stat' chelovekom. Obshchchelovecheskiye tsennosti – osnova tselostnogo uchebno-vospitatel'nogo protsessa* [Become a man. Human values – the basis of a holistic educational process]. Moscow, Tvorcheskaya pedagogika Publ., 1993, pp. 52–84.
5. Yanovskaya N. B. Self-development of intellectual sphere of the student as a learning objective. *Almamater* [Almamater], 2015, no. 7, pp. 39–45 (In Russian).

Информация об авторе

Каленникова Таисия Григорьевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры истории Беларуси и политологии. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kalenikova@belstu.by

Information about the author

Kalennikova Taisiya Grigor'yevna – PhD (Pedagogics), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of History of Belarus and Political Science. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kalenikova@belstu.by

Поступила 25.03.2016

УДК 0.88

Т. Захарук

Естественно-гуманитарный университет (Сиедльце, Республика Польша)

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРОФИЛАКТИКА
КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ**

В статье рассматриваются методы профилактики (опекунская, школьная, оздоровительная, общественная и другие), применяемые к учащимся в особых случаях общественной непригодности. Профилактика общественной деморализации рассматривается как система рациональных действий, которые предупреждают выступление и распространение разных общественных нарушений норм поведения. Столкновения, которые ведут к увеличению девиации (отклонениям), могут быть патологическим фактором.

Терапия ознакомления (глубокая) объединяет все формы психотерапии, цель ее – постоянная реструктуализация и изменение в механизмах, регулирующих поведение человека. Терапия поддержки – это терапевтическое воздействие, в котором терапевт уговаривает пациента к выражению чувств. Терапевт выступает в роли постоянного духовного экскурсовода, который «ухаживает» за психическим равновесием человека.

Психотерапия служит полному уравниванию отдельных потребностей человека: росту чувства счастья и спонтанности действия, чувства и мышления. Психотерапия оказывает значительное влияние в лечении нервных отклонений.

Ключевые слова: профилактика, предупреждение, экспрессия, психотерапия, девиация, терапия поддержки.

T. Zakharuk

Natural Humanities University (Siedlce, Republic of Poland)

**PREVENTION COMMUNITY AS A MEANS OF SOLVING THE PROBLEMS
OF INDIVIDUAL TEACHING**

The article discusses methods of prevention (trustees, school, health, social and other) that apply to students in special cases of public environments. Prevention of public demoralization is considered as a system of rational action that prevents the distribution and performance of different public misconduct. Collisions that lead to an increase in the deviation (variance) can be a pathological factor.

Therapy guidance (deep) brings together all the thoughtful form of psychotherapy, the goal of which is constant restructuralisation and changes in the mechanisms governing human behavior. Support therapy is a therapeutic effect, where the therapist persuades the patient to express feelings. The therapist acts as a constant spiritual guide who cares for the mental equilibrium of man.

Psychotherapy is full calm human needs: growth in feelings of happiness and spontaneity of action, feelings and thinking. Psychotherapy has a significant impact in the treatment of nervous disorders.

Key words: prevention, expression, psychotherapy, deviation, support therapy.

Введение. В разговорном понимании профилактика – это воздействие, которое предупреждает нежелательные явления. Каждая разновидность профилактики выполняет свою функцию (например, опекунская, школьная, оздоровительная, общественная профилактика и т. д.). Профилактика – это система действий. Цель практики не допустить появления таких положений, которые имели бы негативную оценку и могли выступить в начальных формах деморализации.

Основная часть. Профилактика общественной деморализации, другими словами, – это система рациональных действий, которые предупреждают выступление и распространение разных общественных деморализаций (общественной непригодности). Общественную деморализа-

цию нужно понимать как одно из изменений общественной патологии, которая расстраивает функционирование общественной системы. Она выражается в разных формах поведения членов системы или таких подсистем, как семья, школа, группа развлечения и т. п., эффекты которых очень вредны для общественной системы. Примерами общественной деморализации, из которых складывается, прежде всего, обыкновенная и преступная деморализация, – это употребление алкоголя, бродяжничество (уход ребенка из дома), проституция, наркомания, хулиганство, воровство или преступность в целом.

Мы предполагаем, что общество – это система, которая остается в состоянии динамического равновесия, несмотря на множество сфер,

которые имеют внутренний и внешний характер, то есть те, которые происходят из самой системы или ее окружения.

Если выше указанные расстройства выходят за границы приспособления способностей общественной системы, то личности грозит ряд дисфункций, дезорганизирующих ее действие, до момента распада начальных структур, создающих множество механизмов, которые противостоят растущим колебаниям динамического равновесия (гомеостаза). Также и общественные системы создают разного рода механизмы и подсистемы, которые возвращают их равновесие, создают трансформации, дающие веру в выдержку. Или такие модификации, в решении которых система не может дальше развиваться в направлении лучших приспособлений, даже при уже существующих изменениях в кругу системы. Общественная система регулирует свое функционирование благодаря введению таких механизмов, как элиминация расстройств недопуска их проявлений (например, цензура, изолирование и т. д.). Или благодаря выравниванию девиации (например, путь лечения, терапевтическая помощь и т. д.), или благодаря компенсации проявляющихся девиаций (например, через разрушение системы общественной опеки, применение льгот и привилегий и т. д.).

Общественная патология и общественная деморализация как одна из разновидностей появляется во множестве противоречивых предметов между элементами и подсистемами общественной системы. Столкновения, которые ведут к увеличению девиации (отклонениям), – с каждым разом все более расстраивающие функционирование системы – могут быть патологическим фактором.

С кибернетической точки зрения они имеют вид столкновений дополнительного возрастания, однако столкновения, ослабляющие расстройство, выравнивающие уже существующую патологию (забранные столкновения), можно понимать как правильные, так называемые непатологические.

Общественные системы создают организации и институты, цель которых заключается в нейтрализации возрастающей энтропии (хаоса, беспредела) общественной системы, а также стабилизации ее функционирования, через намеренную, рациональную систему действий предупреждения. В этом же понятии общественная профилактика была бы также системой рациональных действий, которые стабилизируют общественную систему и укрепляют ее адаптационные способности. Профилактические действия имеют адаптационный характер, заключаются в предупреждении показа тех состояний, которые могли быть оценены как нежелательные.

Главные разновидности профилактики общественной деморализации выделены из взгляда на вид действия, которое интернационально решается. Цель его – уменьшение правдоподобности заострения ненужных позиционных положений. Это:

1. Профилактика симптомов – заключается в возможности раннего нахождения и раннего реагирования первых проявлений общественной деморализации, между иными через допуск к эскалации уже существующих прилагаемых состояний.

2. Профилактика предупреждения – ее цель нейтрализация вредного действия факторов, которые увеличивают шансы личности на общественную деморализацию, например, через блокаду действия факторов. Или через действие, цель которого увеличение противостояния личности на влияние тех же факторов.

3. Профилактика воздержания – она разными средствами делает невозможным, затрудняет принятие решения. Или затрудняет введение решения в жизнь, которое касается предосудительного действия, или его серии. Эти средства очень дифференцированы (например, замок на двери магазина, который не дает возможности совершить воровство, но также, например, воздействие на мотивированного потенциального злодея с целью разубеждения его в воровстве).

В индивидуальной психотерапии предметом терапевтического воздействия является один человек. Его лечение происходит благодаря использованию эмоционального понимания между ним и терапевтом.

В групповой психотерапии предметом терапевтических операций выступает обычно целая группа пациентов вместе с ее психолого-общественной динамикой. Это значит, что в групповой психотерапии используется лечение сообщества, а также разговоры, происходящие между пациентами и терапевтом, которые складываются из динамики и структуры терапевтической группы.

В зависимости от роли, которую играет терапевт в процессе лечения, можно выделить два следующих раздела терапии: направленная психотерапия (директива), а также ненаправленная (недирективная).

Направленная психотерапия заключается в непосредственном воздействии на пациента (воспитанника), конкретизирующих его эмоций, а также воспитании. Терапевт исполняет роль учителя, консультанта, советчика, использует явное или гипнотическое внушение. Его роль, как видно, является первоплановой и ведущей.

Психотерапия не оказывает влияние на организационные действия и состояние психологической атмосферы. Этот климат помогает выявить проблемы и конфликты внутри человека.

Присутствие терапевта активирует процесс, который открывает эмоциональные поучения пациента, направленные стереотипы и стандарты воспитания. Терапевт удерживается от каких-либо советов и подсказок.

Ведущей целью психотерапии является ликвидация патологических (приносящих страдание человеку или его общественному окружению) проявлений. Противопоставляется ему другой более глубокий род терапии, который называется причинной психотерапией, направленной, прежде всего, на обнаружение, а также элиминацию причин и травм, которые ведут к усилению негативных черт поведения и расстройству.

С особым усилием, однако, нужно подчеркнуть то, что несмотря на конкретные достоинства причинной терапии в сравнении с психотерапией симптомов, не всегда возможно предоставление настоящих причин данного расстройства, а также правильная его элиминация.

Отличаются также и два других рода психотерапии, которые употребляются в терапевтической практике, а именно психотерапия воздержания, а также систематическая психотерапия.

Этот раздел возникает из того, что когда-то психотерапевтическое воздействие исполняют разную роль, например, в опекуновом, воспитательном, оздоровительном воздействии.

Систематическая психотерапия очень хорошо показывает точный план, а также упорядоченные методы, возникающие из применения определенных теоретических концепций и реализации последствия долгого периода до того времени, пока не будут достигнуты поставленные цели.

Психотерапевтическая процедура в рациональном воспитании тесно связана с проблематикой становления рационалистического диагноза. В зависимости от распознавания диагностического исходного положения общественного приспособления, а также исходной ситуации социального педагогического воспитанника, предложены разнообразные дифференциальные уровни рационалистической терапии.

1. Модификация поведения – (Behaviour Modification), целью которого является реформирование, переквалификация актуальных форм поведения принятых из каких-нибудь неправильных взглядов. Здесь, прежде всего, говорится о простых и сложных антиобщественных и преступных видах поведения. Этот подход возникает из теоретических правил так называемой бихевиоральной терапии, «если разного рода формы приспособления возникают из присвоения неправильных целей рефлексов. И благодаря соответственным упражнениям можно убрать эти неправильные способы поведения, а на их место сотворить новые реакции, ценные с общественной точки зрения».

2. Советы (Counseling), то есть консультация, которая концентрируется на конкретной проблеме отдельного человека или группы, требуют принятия квалифицированного решения. Совет – это интеракционный процесс, в котором советчик (терапевт) оказывает помощь, дает совет, осуществляет поддержку личности. Цель более эффективного и реалистического функционирования ее в общественной жизни и собственном общественном окружении. Обычно этот род терапии ограничивается только несколькими встречами с терапевтом.

3. Терапия поддержки (Supportive Therapy), то есть терапевтическое воздействие, в котором терапевт влияет на эмоциональное состояние личности. Принимается предположение, что сама их экспрессия уже является оздоровительным фактором. Терапевт выступает в роли постоянного духовного экскурсовода (le guide spiritual), который следит за психическим равновесием человека, не допускает ухудшения форм поведения и жизненной ситуации подопечного. Это возможно благодаря положительному эмоциональному фону атмосферы, который проявляется во время терапевтических встреч, в которых терапевт оказывает уважение, правдивость и эмоциональное тепло по отношению к пациенту (воспитаннику).

Терапия ознакомления (глубокая) (Insight Therapy) объединяет все формы психотерапии (прежде всего индивидуальной), цель которой постоянная реструктуализация и изменения в механизмах, регулирующих поведение человека. Объединяет модификацию реформации поведения, общественных ролей, а также выбранных личностных структур. Самый глубокий род психологической интервенции, изменяющийся в требованиях терапевта, структуры «я», сети ценности и предпочтения (иерархии ценности), познавательной и т. д., выбранных элементов или эмоциональных, мотивированных систем. Этот уровень психотерапии отвлекает от конкретных, особенных проблем приспособленного человека, и конструируется на коррекции и совершенствовании предметных механизмов реализации поведений, чувств и действий человека.

В каждом виде психотерапии ознакомление со званием, с обязывающим условием терапевта, возрастает так называемый уговор пациента к «раскрытию себя», к непредвиденной экспрессии собственных чувств совместно с чувствами зла к терапевту. В результате выражения, разблокировки эмоций, когда-то собранных у пациента, происходит рост чувств собственного достоинства, более адекватного постижения себя, а также наступает исправление в способах общения (расширение репертуара). Эти процессы ведут к коллекции индивидуального и общественного функционирования. Однако в случае групповой

терапии доходит до благополучных изменений в сфере групповой динамики и взаимной акцептации участников данного тренинга.

Заключение. Психотерапия по правилам служит полному успокоению потребностей человека: росту чувства счастья и открытости действия, чувства и мышления.

Воспитательная психотерапия отличается от классических терапевтических методов, которые применяются, прежде всего, в лечении нервных отклонений.

В ней выступают элементы, которые характерны для классической психотерапии, как и характерно для наиболее важной формы воздействия на человека, которая и есть воспитание [1–4].

Если в психотерапии классического смысла подчеркивается общение между терапевтом и пациентом, здесь должна быть оказана трепетная «материнская любовь» и «отцовская любовь», которая основывается на педагогических воздействиях [4, с. 380].

Литература

1. Czapow Cz. Wychowanie resocjalizujace. Elementy metodyki i diagnostyki. Warszawa: PWN, 1978. 235 s.
2. Pytka L. Pedagogika resocjalizacyjna. Warszawa: APS, 2000.
3. Pytka L., Zakharuk T. Zaburzenia przystosowania spotecznego dzieci i mlodziezy. Aspekty diagnostyczne i terapeutyczne. Siedlce: AP, 1998.
4. Jankowski K. Moj Sainbhaia. Warszawa: NK, 1978.

References

1. Czapow Cz. Wychowanie resocjalizujace. Elementy metodyki i diagnostyki. Warsaw, PWN Publ., 1978. 235 p.
2. Pytka L. Pedagogika resocjalizacyjna. Warsaw, APS Publ., 2000.
3. Pytka L., Zakharuk T. Zaburzenia przystosowania spotecznego dzieci i mlodziezy. Aspekty diagnostyczne i terapeutyczne. Siedlce, AP Publ., 1998.
4. Jankowski K. Moj Sainbhaia. Warsaw, NK Publ., 1978.

Информация об авторах

Тамара Захарук – профессор, доктор хабилитованный педагогических наук, ректор Естественно-гуманитарного университета (08-110, г. Сидельце, ул. Конарского, 2, Республика Польша). E-mail: rektor@uph.edu.pl

Information about the authors

Tamara Zakharuk – Professor, habilitated Doctor of Pedagogical Sciences, Rector. Natural and Humanitarian University (2, Konarskiego str., 08-110, Siedlce, Republic of Poland). E-mail: rektor@uph.edu.pl

Поступила 30.04.2016

УДК 378.1

Э. Рангелова

Софийский университет «Св. Климент Охридски» (Республика Болгария)

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ – СТУДЕНТ»
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ УНИВЕРСИТЕТА**

В статье поднимаются вопросы взаимодействия между преподавателем и студентом, которые занимают особое место в гуманизации учебного процесса в высшей школе. Оно является одним из решающих условий и основным средством процесса гуманизации в высшей школе.

Автор указывает, что взаимодействие «преподаватель – студент» эффективно, если учитывать и реализовать некоторые специфические характеристики, а именно: оно имеет всегда конкретно поставленную цель, которая направлена на профессиональное развитие студента. Взаимодействие «преподаватель – студент» рассматривается как два самостоятельных фактора, две относительно самостоятельные социальные системы. Эти системы входят одна в другую, не теряя свою идентичность; устанавливаются отношения партнерства, взаимоуважения и учета «Я» другого; создаются субъект-объектные и субъект-субъектные отношения.

Ключевые слова: гуманизация обучения, открытые проблемы, субъект-субъектные взаимоотношения, толерантность, доброжелательность, сопереживание, эмпатия.

E. Rangelova

Sofia University “St. Kliment Ohridski” (Republic of Bulgaria)

**INTERACTION “TEACHER – STUDENT”
IN THE EDUCATIONAL SPACE OF UNIVERSITY**

The article raises questions about the interaction between the teacher and the student, who has a special place in the humanization of the educational process in high school. It is one of the crucial conditions and the primary means of humanization process in higher education.

The author points out that the interaction “teacher – student” effectively given and to implement some of the specific characteristics, namely: it is always exactly the goal, which is directed to the professional development of students. Interaction “teacher – student” is treated as two separate factors, two relatively independent social systems. These systems include one to another without losing their identity; established partnership, mutual respect and taking into account the “I” of the other; are subject-object and subject-subject relationship.

Key words: humanization of education, open issues, subject-subject relationships, tolerance, kindness, empathy, empathy.

Введение. Проблема взаимодействия «преподаватель – студент» имеет особую стоимость и значимость для качества университетского образования. Она лежит в основе гуманизации взаимоотношений в университете, в гуманизации целостного образовательного и формирующего процесса. Она органически связана со стилем работы преподавателя и имеет непосредственное отношение к качеству специфического учебно-воспитательного процесса, который реализуется в высшей школе. Взаимодействие «преподаватель – студент» мы рассматриваем как целенаправленный, организованный процесс взаимопроникновения двух относительно самостоятельных социальных систем, конечной целью которого является качественное формирование современного специалиста. Это обстоятельство входит в целостную организацию его реализации внутри университета.

Основная часть. Проблему взаимодействия «преподаватель – студент» мы анализируем

в поле зрения исследованных 418 болгарских студентов.¹ Проведенное репрезентативное исследование позволяет не только очертить значимость проблемы, но и выявить ряд открытых вопросов, которые показывают взаимодействие «преподаватель – студент» в отношении гуманизации и демократизации университетского образования.

Большинство студентов включают в сущность гуманизации «позитивное отношение между преподавателями и студентами» (17,7%), что это «гуманное, либеральное, демократическое отношение» между участниками процесса (13,2%).

¹Исследование проведено со студентами единственного классического университета в Республике Болгарии – СУ «Св. Климент Охридски» и со студентами государственных университетов в городах Бургас, Габрово, Стара Загора.

В процессе взаимодействия, по мнению 41,1% студентов, преподаватели стремятся создавать условия для студентов выразить свободно свои мнения. Другие 41,4% подчеркивают, что преподаватели вызывают активную позицию студентов и создают спокойную обстановку общения. Иными словами, большая часть исследованных студентов подчеркивают, что преподаватели уделяют особое место свободе общения, что является одним из условий гуманизации отношений в высшей школе. В этой связи им помогает, по мнению 43,3% студентов, и использование разнообразных жизненных примеров, и связь преподаваемого учебного материала с будущей профессией (44,5%). По мнению студентов, большую роль в организации педагогического процесса оказывают: содержание учебной дисциплины (37,2%); цель обучения (21,3%); стимулирование ответственности студентов (13,5%) и др.

Интерес вызывают и мнения студентов относительно способов, с помощью которых преподаватели гуманизируют свое взаимодействие с ними. 24% из исследованных студентов считают, что это осуществляется в процессе создания преподавателями доверительной обстановки общения. 19,3% студентов думают, что преподаватели часто исследуют мнения студентов и учитывают их. 4,7% подчеркивают, что необходимо использовать все возможные педагогические технологии, а 2,7% думают, что преподаватель должен внушать уважение. У большей части исследованных студентов (49,3%) однако нет ответа на этот вопрос. Данное обстоятельство, само по себе показывает, что есть ряд открытых, нерешенных проблем взаимодействия между преподавателями и студентами в современной высшей школе в Республике Болгарии.

Открытая проблема взаимодействия «преподаватель – студент» – это качество общения между ними. Исследование показывает, что в процессе общения со студентами, преподаватели не всегда проявляют толерантность, уважительное отношение, доброжелательность, корректность, внимание, терпимость, вежливость, сопереживание. По мнению студентов, только 12,1% преподавателей проявляют всегда толерантность; 20% из них проявляют всегда уважительное отношение к студенту; 13,3% проявляют всегда доброжелательность; 17,9% всегда корректны со студентами; 18,9% всегда внимательны в общении со студентами; 14% проявляют всегда терпимость к студентам; 18% проявляют всегда вежливость в отношении со студентами и 6,1% сопереживают студентам. Самые низкие показатели – проявление сопереживания. Это качество является составной частью эмпатии и гуманности. Отсутствие его (качества) порождает проблемы во взаимоотношениях преподавателя и студента (см. табл. 1).

Анализ этих результатов показывает, что существуют открытые проблемы взаимодействия между преподавателями и студентами, которые мешают гуманизации общения в университетах.

Это и одна из причин, по которой 70,7% исследованных студентов испытывают приятные чувства общения только с некоторыми преподавателями конкретного факультета.

Анализ взаимодействия показывает, что существуют и другие открытые проблемы, связанные с содержанием общения, преодоление которых позволило бы оптимизировать взаимодействие «преподаватель – студент» (см. табл. 2).

Таблица 1

Характер общения «преподаватель – студент»

В общении со студентами преподаватели проявляют:	Оценка, %				
	Всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
толерантность	12,1	33,6	39,0	12,6	2,7
уважительное отношение	20	39,4	27,6	10,0	2,9
доброжелательность	13,3	35,7	36,2	11,8	3,0
корректность	17,9	31,5	38,0	9,7	3,0
внимание	18,9	32,9	33,2	11,5	3,4
терпимость	14,8	32,6	34,6	14,5	3,5
вежливость	17,0	32,2	31,7	15,2	3,8
сопереживание	6,1	14,0	33,8	31,8	14,2

Таблица 2

Содержание общения «преподаватель – студент»

В процессе общения со студентами преподаватели:	Оценка, %				
	Почти всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
воспринимают студентов как личности	25,1	27,4	26,2	16,2	4,6
создают психологический контакт между обучающимися и обучаемыми	13,2	27,0	33,8	21,1	4,8
интересуются направленностью своих студентов	8,5	19,0	28,2	35,9	8,2
дают возможность студентам узнать свои сильные и слабые стороны	11,2	22,6	26,1	31,7	7,6
предлагают студентам активную образовательную деятельность	9,9	22,0	26,3	33,9	7,8
ставят акцент на компетентность	14,3	26,8	31,6	23,0	4,1
уделяют внимание формированию социальных умений студентов	13,6	22,4	32,1	28,3	3,6

Посмотрев на табл. 2, в которой отражены мнения студентов по отношению содержания общения, следует подвести итоги об открытых проблемах взаимодействия «преподаватель – студент», преодоление которых позволит стимулировать гуманизацию взаимодействия.

Утверждение субъект-субъектных взаимоотношений в процессе взаимодействия требует создания условий проявления активной позиции как преподавателя, т. е. ведущего взаимодействие, так и студента. В связи с этим необходимо уделять особое внимание личности студента; характеру контакта между обучаемыми и обучающими; самовоспитанию студента; формированию компетентности студента и социальным умениям и др.

Исследование показывает, что у большинства студентов есть ощущение, что преподаватели воспринимают их как личности, осознают их значимость в микро- и макросреде. В то же время, однако, подчеркивают, что есть недостаток контакта между преподавателями и студентами. Поэтому почти 50% из них заявляют, что преподаватели общаются со студентами иногда или редко. Это говорит о скрытой проблеме – «общение не всегда доступно», следовательно, у студента появляется недопонимание, нервозность, скованность перед преподавателем. Очевидно, что использованные формы и методы общения не позволяют реализовать существенные характеристики общения.

Исследование показывает, что значимая часть преподавателей (35,9%) редко интересуется теми проблемами, которые непосредственно связаны с благополучием студентов. А это проблемы, связанные с бытом и личной

жизнью студента, это повседневные, сугубо человеческие проблемы, которые должен решать студент и которые иногда оказываются особо значимыми для его полноценной реализации в высшей школе и в жизни.

В содержании общения «преподаватель – студент» намечается и другая открытая проблема – помочь студентам реально оценить собственное «Я», разграничить собственные сильные и слабые стороны. И поэтому 31,7% исследованных подчеркивают, что редко в общении со студентами преподаватели учат студентов, каким образом обнаруживать свои сильные и слабые стороны. А это, со своей стороны, оказывается существенной помехой стимулирования студента к собственному самосовершенствованию.

Нерешенной содержательной проблемой взаимодействия является и компетентность будущего специалиста. Только 14,3% исследованных студентов считают, что преподаватели ставят всегда компетентность как цель и результат взаимодействия. Этот факт весьма тревожен, так как он непосредственно связан с качеством подготовки будущего специалиста.

Тревожным оказывается еще один результат исследования – формирование социальных умений студентов во время их обучения. Только 13,6% исследованных студентов подчеркивают, что преподаватели всегда уделяют необходимое внимание формированию социальных умений студентов, что ставит под вопрос и полноценную реализацию в жизни.

Разрешение этих открытых проблем взаимодействия «преподаватель – студент» требует сосредоточить специальное внимание на некоторые

организационные вопросы в университете, в высшей школе: соответствие изучаемых учебных дисциплин потребностям; права и ответ-

ственности студентов и преподавателей; взаимодействие между различными общностями в высшей школе и другие (табл. 3).

Таблица 3

Организация деятельности в высшей школе

Проблемы, связанные с организацией деятельности в высшей школе	Оценка, %				
	Почти всегда	Часто	Иногда	Редко	Никогда
Достаточно ясно дефинированы правила в университете	20,2	24,8	25,1	21,5	8,4
Существует адекватная система поощрения и наказания	10,5	19,7	25,1	32,6	12,1
Студенты соблюдают правила внутреннего распорядка в университете	10,4	18,1	36,0	27,2	8,3
Преподаватели соблюдают правила внутреннего распорядка в университете	13,8	25,8	35,8	19,1	5,5
Осуществляется адекватный контроль соблюдения правил внутреннего распорядка в университете	11,9	18,6	28,6	27,8	13,2
Организация работы в университете удовлетворительна	10,7	21,1	36,6	20,1	11,5
Существует коммуникация между университетом и соответствующими общностями	10,9	22,8	38,6	20,5	7,3
Университет имеет руководящую роль в работе общности	9,2	26,1	32,4	23,9	8,4
Обеспечиваются возможности свободного выбора учебных дисциплин студентами	11,5	22,2	2,2	24,8	12,0

Анализ мнений студентов по некоторым проблемам, связанным с организацией жизни и деятельности в высшей школе, показывает, что и в этом существует ряд нерешенных проблем, которые мешают гуманизации и демократизации отношений. Они касаются прежде всего оформления ясных правил, связанных с правами и ответственностями преподавателей и студентов, всех структур университета. Только 20,1% из исследованных студентов считают, что правила организации жизни в университете всегда ясно сформулированы. Это может быть и причиной тому, что только 10,4% из студентов и 13,8% из преподавателей соблюдают всегда правила внутреннего распорядка университета. Поэтому, когда следует ответить на вопрос, удовлетворительна ли организация работы в университете, только 10,7% из студентов

дают положительный ответ. Причины этого имеют разный характер: неадекватность системы поощрения и наказания; отсутствие контроля соблюдения правил внутреннего распорядка; отсутствие свободного выбора учебных дисциплин студентами.

Заключение. Проведенный анализ мнений болгарских студентов показывает существование ряда открытых проблем взаимодействия «преподаватель – студент». Среди них умение: общаться; понимать другого человека; сочувствовать другим и прийти им на помощь; уступать и уважать в каждом человеке личность. Их своевременное диагностирование позволило бы найти адекватные решения для оптимальной гуманизации и демократизации педагогического процесса в современной высшей школе.

Информация об авторе

Рангелова Эмилия – доктор педагогических наук, профессор, председатель ассоциации профессоров славянских стран. Софийский университет «Св. Климент Охридски» (пл. Освободителей, 15, 1504, София, Республика Болгария). E-mail: erangelova@abv.bg

Information about the author

Rangelova Emilia – DSc (Pedagogics), Professor, Chair of the Association of Professors of Slavonic Countries. Sofia University “St. Kliment Ohridski” (15, Osvoboditeley Blvd., 1504, Sofia, Republic of Bulgaria). E-mail: erangelova@abv.bg

Поступила 15.03.2016

УДК 001.98;165.12

П. А. Водопьянов¹, Ч. С. Кирвель²

¹Белорусский государственный технологический университет

²Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИУМА: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРИНЦИПЫ

В статье раскрыты основные направления рациональности жизнедеятельности общества в условиях глобализации, обозначены ведущие пути управления социальными процессами, обоснованы главные причины достижения указанной цели, среди которых особое значение имеют нарастающая угроза экологического кризиса, опасность неконтролируемого применения ядерного оружия, разрастание межнациональных и межгосударственных конфликтов.

Особое внимание уделено обоснованию формирования новой динамической концепции общественных отношений социального проектирования, учитывающего специфику социального детерминизма и необходимость утверждения гуманистической рациональности.

Ключевые слова: мировоззрение, утопия, рационализм, общество, жизнедеятельность, ценности, действительность, управление, цивилизация, конфликты, коэволюция, гуманизм, прогнозирование.

P. A. Vodop'yanov¹, Ch. S. Kirvel'²

¹Belarusian State Technological University

²Yanka Kupala State University of Grodno

RATIONALIZATION OF COMMUNITY LIFE: OPPORTUNITIES AND PRINCIPLES

The article deals with the main directions of the rationality of social activity in the context of globalization. Authors identify the main social processes control ways and substantiate the main reasons for achieving this goal, among which is of particular importance – growing threat of ecological crisis, the danger of the uncontrolled use of nuclear weapons, proliferation of international and interstate conflicts. Particular attention is given to the justification of forming a new dynamic concept of public relations of social planning that takes into account the specificity of social determinism and the need to strengthen the humanistic rationality.

Key words: ideology, utopia, rationalism, society, society, values, reality, management, civilization, conflict, co-evolution, humanism.

Введение. Рационалистическая система ценностей, со становлением и развитием которой связаны величайшие достижения западноевропейской цивилизации, к началу XXI столетия оказалась исчерпанной. Обнаружилось, что рационалистический подход к действительности содержит в себе, наряду с созидательным, разрушительное, деструктивное начало. Есть все основания утверждать, что абсолютизация рационалистического метода постижения и преобразования действительности в рамках прежде всего западноевропейской техногенной цивилизации сплошь и рядом приводит к явно иррациональным результатам. Поэтому однобокая ориентация на рациональную организацию жизни представляется нам тупиковой.

Основная часть. В реальности сегодня мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: сти-

хийно-спонтанное развитие общества уже невозможно, а вездесущее рациональное управление социальными процессами опасно, часто принимает деструктивный характер. Наверное, парадоксальностью этой ситуации и порождены разные, порой прямо противоположные, точки зрения по вопросу о необходимости сознательного управления социальными процессами. В поисках ответа на него существует, по крайней мере, три подхода.

Первый – сознательное управление социальными процессами и контроль за всем и вся в жизни людей необходимы. На практике такие устремления ведут к тоталитаризму.

Второй – все беды идут именно от попыток самонадеянного субъекта регулировать социальные процессы. Это либеральный подход.

Он опирается на принцип саморегулирования: пусть общество развивается само по себе, так сказать, самотеком.

Ни первый, ни второй подход в том виде, как они здесь представлены, вряд ли можно признать обоснованными. В этой связи целесообразно осмыслить третий, синтетический вариант, суть которого можно свести к следующему.

Необходимость и неизбежность в условиях современности сознательного управления социальными процессами диктуются, в первую очередь, нарастающей угрозой экологического кризиса, опасностью неконтролируемого применения ядерного оружия, возможностью разрастания разрушительных межнациональных и межгосударственных конфликтов и т. д. Однако сознательность не синоним «проектной логики», «проектности», стремящейся подчинить развитие общества заранее заданной схеме. Сознательность заключается в том, чтобы уметь вовремя подключать волю и разум к стихийному процессу общественного развития, не ломая и не насилуя этот процесс, помогать ему, устранять преграды на его пути, препятствовать деструктивным устремлениям отдельных лиц и групп и т. д.

Сегодня, когда человечество вплотную подошло к возможности разного рода катастроф (антропологической, демографической, экологической и т. д.), когда предельно ясны все опасные последствия утопических претензий на тоталитарное управление социальными процессами, судьба гуманистического идеала связана с отказом от идеи овладения, подавления и господства. Гуманистическому измерению соответствует не идеал антропоцентризма (человек – царь природы, венец творения и т. д.), а идеал коэволюции, совместной эволюции человека и его окружающей природной и социальной среды, установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными и социальными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры и т. д. [1].

Понимание и учет указанных особенностей общественного развития диктуют необходимость разработки принципиально новой, противоположной господствующей ранее концепции социального проектирования и регулирования. Для последней, как известно, было характерно стремление к безальтернативному планированию будущего, постоянно воспроизводящиеся попытки предписать и указать, каким это будущее должно быть и в какие сроки достигнуто. На практике это означало попытку навязать естественно-историческому развитию общества искусственно-рациональный проект, подчинить жизнь заранее заданной схеме, строить будущее на основе

изначально принятого плана, подобно тому, как это имеет место при строительстве домов, заводов и фабрик. В данных устремлениях проявился своеобразный инженерный, технократический подход к общественной жизни, ставящий, по сути дела, знак равенства между социальными и чисто техническими процессами. Согласно такому подходу, общество – это некая машина («Мега-машина»), а отдельный человек – «винтик», который сам по себе не имеет никакой ценности и поэтому в любой момент может быть заменен другим таким же винтиком. Общество в таком случае лишалось активно-творческой силы, которая делает его субъектом исторического процесса и обуславливает способность к самоорганизации, и превращалось в своеобразный механизм, объект для внешнего манипулирования. Но общество не механизм, которым можно управлять извне, разбивать на составные части и снова собирать, а органическая целостность, ни одну из частей которой нельзя без вреда произвольно устранить и заменить другой. Прежде чем что-либо в нем менять, необходимо «проиграть» на модели всевозможные последствия различных вариантов предполагаемого изменения, а не экспериментировать непосредственно на людях, на «живом теле» народа.

Новая динамическая концепция общественных изменений вообще и социального прогнозирования и проектирования в частности предполагает осознание общих перспектив и возможных альтернатив разумного выбора. При разработке данной концепции необходимо обязательно учитывать специфику социального детерминизма, тот получивший уже чуть ли не всеобщее признание факт, что развитое общество не имеет окончательного предопределения, а осуществляется в соответствии с принципом многовариантности, носит нелинейный характер. В этом развитии мало что можно точно предугадать, а тем более спроектировать. Здесь можно только прогнозировать, учитывая столкновение и противоборство различных тенденций и сил. Это значит, что на смену директивному планированию, волонтаристическому крупномасштабному социальному экспериментированию должно прийти мысленное экспериментирование вариативного, гибкого типа, которое будет осуществляться исходя из наличных условий и реальных возможностей практики, органически вырастать из самой действительности, «проигрывая» при этом все имеющиеся в ней тенденции и направления дальнейшего развития. Иначе говоря, на смену теории-предписанию, жестко однозначному прогнозу должен прийти метод косвенного регулирования социальных процессов, когда каждое решение будет

определяться ситуацией, а точнее, тем, что из этой ситуации можно извлечь на благо человечеству.

Деструктивные потенции рационального сознания, опасность притязаний разума на тотальное мироизмерение отмечены и осмыслены уже давно. Напомним в этой связи рассуждение И. Канта о возможностях человеческого разума. Кант отмечал, что слишком ограничен разум, слишком он привязан к миру явлений и ко множеству частных ситуаций, чтобы выступать основой, программой переустройства мира. В своей философской системе Кант вынужден был ограничить разум верой, противопоставить теоретическому разуму практический. А многие русские философы пытались, к примеру, соединить рациональное знание с совестью, любовью, виной и т. д.

Стремление организовать жизнь общества чисто рационально неизбежно оборачивается экспансией утопизма, утопического сознания. Неслучайно первым из наиболее известных представителей утопической мысли был крупнейший рационалист Платон. Рационалистичность, идея построения общества на принципах разума – неотъемлемая черта утопизма как такового. В своем стремлении понять человеческое бытие исключительно на основе разума и устроить общественную жизнь всецело на его принципах, утопизм раскрывается как расширение и абсолютизация философского рационализма. Философские представления о возможности рационального устройства мира принимаются в утопизме за аксиому. В сущности, утопизм – это рационализм, доведенный до своего завершения, до логического конца [2]. Это уже не просто рационализм, а сверхрационализм, абсолютный рационализм, неявно предполагающий наличие некоторого сверхразума, для которого нет тайн.

Существует внутреннее единство рационализма как мировоззренческо-методологического, социально-политического и социально-психологического феномена с утопизмом. Причем именно в данном единстве наиболее зримо обнаруживаются деструктивные потенции рационального сознания. Это обусловлено самой сущностью утопии, ее родовыми характеристиками.

В своей действительности утопия выступает как модель усовершенствования общества на основе устойчивых организационных принципов, посредством идеально отлаженного организационного механизма. Она является логически жесткой конструкцией совершенного общественного устройства, подчиненного вездесущему планированию и регулированию. В ней так или иначе всегда заложено стремление подчинить органическое, спонтанно-естественное движение социума искусственно-рациональному плану, проекту,

изменить человека и общество методами целевого усилия.

Утопизм, несмотря на свое неизменное тяготение к ценностному образно-художественному восприятию действительности, в основе своей есть явление крайне лого-центрическое и рационалистическое. Парадокс утопического сознания состоит в том, что в нем открытое воображение сплавлено в единое целое с глубинными рационалистическими установками, с жесткими рациональными схемами. Будучи ориентированным на целенаправленное внедрение тотальной рационализации жизни социума, утопизм невольно дает санкцию на осуществление всеохватывающего контроля над личностью, рассматривает человека как существо исключительно рациональное, поддающееся исчерпывающему объяснению и описанию. В этом смысле утопию можно квалифицировать как некий рационально-логический универсум, ориентированный на подавление всякого спонтанно-творческого, иррационально-стихийного проявления личности.

Говоря о внутреннем единстве рационализма с утопическим сознанием, имеет смысл напомнить известную мысль ряда представителей французской «социологии утопии» о том, что и для западноевропейского рационализма, и для марксизма, поскольку последний, согласно им, является логическим продолжением и высшей точкой развития первого, характерна «единая тоталитарно-утопическая природа» [3, 4].

И в самом деле, рациональное сознание – сознание преобразующее. Его целью является не приспособление к окружающему миру, а изменение, ускоренное преобразование объектов. Марксизм в этом смысле вполне укладывается в традиции классической западноевропейской рациональности. Как марксизму, так и рационализму в целом внутренне присуща идея мироизменения, трактовка человека и мира как чужеродных, противоборствующих начал. Причем в марксизме речь идет не о каких-то частичных, конкретных преобразованиях, а об изменении мира вообще, в его основаниях. Здесь уже феномен изменения мира приобретает тотальный, ничем не ограниченный характер, явно гипертрофируется и абсолютизируется. Правы те авторы, которые подчеркивают, что ряд особенностей тоталитарного режима власти, в том числе и того тоталитарного аппарата, который возник в СССР, своим происхождением обязан идее возможности и необходимости разумного управления социальными процессами, является продуктом рациональной гордыни, «проектной логики», стремящейся подчинить движение социума умозрительной, заранее заданной цели.

Трагедия истории заключается в том, что нарастающая сила целенаправленного воздействия на природную, общественно-политическую и социокультурную жизнь народов сплошь и рядом принимает деструктивный характер, грозит разрушением фундаментальных основ человеческого бытия. Факты свидетельствуют, что там, где господствовал в отношениях между людьми «теоретический разум» (И. Кант), «инструментальный разум» (Ю. Хабермас), человек всегда превращался в средство, инструмент достижения тех или иных целей, что все крупномасштабные попытки «разумного», «рационального» преобразования мира заканчивались трагически: достигнутые результаты всегда были противоположны первоначальным целям.

Вот почему в наши дни гуманистическому измерению соответствует не идеал социотризма, а осознание того, что человек – союзник природы, ее соучастник, сотворец.

При этом в той мере, в какой исторический выбор необратим и не может быть просчитан, в той же мере необходимо знание запретов на некоторые социальные действия, потенциально содержащие в себе возможность катастрофических последствий. Пора, наконец, понять, что не рациональные модели и внешние схемы, не стремление извне «осчастливить» других, а жизнь в соответствии с совестью и человеческой нравственностью, с чувством собственного долга и собственной ответственностью за совершаемый выбор и поступок есть условие гуманизации и совершенствования общества.

Современная ситуация наглядно продемонстрировала, что полная рационализация мировоззрения эмоционально опустошает человека, обращаясь даже психическими и физическими расстройствами. Людям невозможно жить одним расчетом, так как реальность безнадежно демонстрирует бессилие этих расчетов. Парадоксальность ситуации заключается в том, что цивилизация, построенная в строгом соответствии с требованиями разума, систематически демонстрирует факты едва ли не абсолютной несовместимости с провозглашенными от имени (разума) антропологическими, геополитическими и образовательными идеалами [5].

Разумеется, все сказанное вовсе не означает, что необходимо отказаться от прогресса, разума,

от стремления к совершенству. Это в принципе невозможно и не нужно: стремление к трансценденту, к идеалу внутренне присуще природе человека, имеет онтологическую укорененность в его бытии. Речь идет лишь о том, чтобы направить прогрессистские устремления в гуманистическое русло, сообразовать их с природой и потребностями живого и действующего человека, с возможностью его полноценного развития и устроенностью в этом мире, т. е., в сущности, речь идет о нравственных «противовесах» к «ограничителям» умозрительно-радикальных проектов преобразования мира.

Закключение. Человечеству необходима не просто рациональность как таковая, а гуманистически ориентированная рациональность. Сегодня пришло время расстаться с иллюзорными упованиями на безусловный приоритет рационального сознания перед всеми иными формами дорационального, внерационального восприятия реальности, отказаться от рационалистической «гордыни» и связанной с ней внеисторичности и европоцентризма в подходе ко всем другим культурам, где рациональность не выступила доминирующей формой отношения к миру. Теперь, в начале 3-го тысячелетия, перед человечеством со всей остротой встала грандиозная по своим масштабам задача – сформировать целостное мировоззрение, в фундаменте которого будет лежать как рационально-научное, так и внерациональное (включая и образное) восприятие действительности, выработать цельное знание, где «мир», «космос», «человек» воспринимались бы как органическая живая целостность. Поэтому гуманистическая рациональность только в том случае будет соответствовать современным потребностям, если она сможет воплотить в себе и другие, внерациональные формы освоения мира, признать их разнообразие и равноправие, перейти от рациональной к рационально-образной картине мира. В наше время лишь синтез «философии разума» и «философии сердца» может дать достойное человека отображение мира в его сознании, быть надежной основой для поведения. Как у гармонически развитых людей рациональное и внелогическое восприятие реальности находятся в известном равновесии, так и в человеческом познании в целом оба эти источника знания должны органически сочетаться и дополнять друг друга.

Литература

1. Лекторский В. А. Идеалы и реальность гуманизма // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 27.
2. Теория познания. В 4 т. Т. 4. М., 1995. С. 313–314.
3. Ellul J. Franison de l Occraent. Paris, 1975. P. 172.
4. Gluckmann A. La cuisiniere et le mangeur d'hommes: Essai sur les rapports entre l'etat, le marxisme et les camps de concentration. Paris, 1975. P. 112, 194–195.
5. Мелихов А. Можно ли умыться после Освенцима? // Новая газета. № 69. 25.06.12.

References

1. Lektorskiy V. A. Ideals and reality of humanism. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 1994, no. 6. P. 27 (In Russian).
2. *Teoriya poznaniya* [Epistemology]: in 4 vol. Vol. 4. Moscow, 1995. Pp. 313–314 (In Russian).
3. Ellul J. *Franison de l'Occraent*. Paris, 1975. P. 172.
4. Gluckmann A. *La cuisiniere et le mangeur d'hommes: Essai sur les rapports entre l'etat, le marxisme et les camps de concentration*. Paris, 1975. P. 112, 194–195.
5. Melikhov A. Whether it is possible to wash after Auschwitz? *Novaya gazeta* [New Newspaper], no. 69, 25.06.12 (In Russian).

Информация об авторах

Водопьянов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: pva1940@bk.ru

Кирвель Чеслав Станиславович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, г. Гродно, ул. Ожешко, 23, Республика Беларусь). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Information about the authors

Vodop'yanov Pavel Aleksandrovich – DSc (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: pva1940@bk.ru

Kirvel' Cheslav Stanislavovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Yanka Kupala State University of Grodno (23, Ozheshko str., 230023, Grodno, Republic of Belarus). E-mail: gfilosof(a)mail.ru

Поступила 14.03.2016

УДК 1:316.32

П. М. Бурак

Белорусский государственный технологический университет

**ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА
И ТЕНДЕНЦИИ СПОНТАННОЙ КОЭВОЛЮЦИИ**

В статье раскрываются сущностные проявления взаимосвязанных вызовов, складывающихся в современных условиях развития западной цивилизации, которые транслируются посредством ее глобального лидерства в основные сферы жизни ряда обществ в других цивилизациях. Охарактеризованы вызовы: глобального стремления к метацивилизационному, надрыночному регулированию и доминированию; агрессивной репрессивности массового сознания; расточительного консюмеризма; расширения воспроизводства отчужденного, «частичного» человека; релятивизации высшего образования и другие, образующие в совокупности общий вызов депрессивности современного западного мироустройства. В соответствии с характером вызовов выявлены неконтролируемые тенденции коэволюции, распространяющей риски и угрозы по всему миру.

Ключевые слова: вызов, цивилизация, депрессивность, хаос, коэволюция.

P. M. Burak

Belarusian State Technological University

**THE CHALLENGES OF MODERN SOCIETY AND THE TENDENCY
OF SPONTANEOUS COEVOLUTION**

The article reveals the essential manifestation of interrelated challenges that are emerging in modern conditions of development of Western civilization, which are broadcast with its global leadership in the main areas of life of a number of societies in other civilizations. We characterize the challenges: the global commitment to metacivilization, supermarket regulation and domination; aggressive repression of the mass consciousness; wasteful consumerism; alienated expansion of reproduction, “partial” person; relativization of higher education and other challenges, forming together a common challenge to the depression of the modern Western world order. In accordance with the nature of the challenges. It is identified uncontrollable tendency of co-evolution, spreading risks and threats worldwide.

Key words: challenge, civilization, depression, chaos, coevolution.

Введение. Ситуация, складывающаяся под воздействием процессов глобализации во всех важнейших сферах жизни современного общества и на уровне человеческой цивилизации в целом, характеризуется заметным ростом напряженности, неопределенности, непредсказуемостью, социально-психологическим дискомфортом, разнообразием рисков и увеличением масштабов негативных последствий их проявления. Происходит разрушение созданных в прежние десятилетия механизмов поддержания общей, коллективной стабильности. Все более заметным фактором развития внутрисоциальных и международных отношений становится глобализация процессов обострения и экспансии в поведении и деятельности некоторых субъектов современной истории. Вызывает беспокойство трагическая частота «инъекций», агрессии, ее превращение в тотальное средство дегуманизации общества. Расширяется спектр тревожных субъективных ожиданий хаотического, неконтролируемого, катастрофического развития событий и социальных конфликтов, что все острее переживается множеством людей как некая неотвратимая, метафи-

зическая данность бытия человека в современном мире. Наблюдаются спонтанные и спорадические поиски трудносогласуемых решений по отдельным проблемам практического обеспечения некоторой стабильности и предсказуемости локальных порядков в отдельно взятых, выходящих из-под контроля, нишах нынешней потребительской цивилизации в целях ее сохранения. С учетом всех отмеченных процессов складывается устойчивое впечатление о доминировании в современном мире тенденций разобщения в сравнении с тенденциями интегрирования или согласованной, сопряженной деятельности субъектов исторического процесса на основе единой перспективы и волевого конструирования стабильного будущего и общей безопасности. Однако развитие цивилизации, осуществляющееся «самотеком», посредством стихии глобальной самоорганизации и неизбежной, в таком варианте, хаотизацией отношений на всех социальных уровнях, может быть также свидетельством дефицита пассивности в управляющих подсистемах наиболее могущественных государств и во влиятельных международных организациях. Наиболее

развитые и влиятельные субъекты современной истории, как конструкторы системы международных отношений, экономической, политической и культуротранслирующей глобализации, оказываются способными потреблять энергию процессов разобщения, рассогласования и распада в экономике, политике, науке, образовании и в других сферах с наибольшей эффективностью для себя. Они получают дополнительные средства воспроизводства собственной системы, сохранения ее природы и осуществления влияния на формирование приемлемого миропорядка. Доминирование разобщения, расхождения, разбалансированности, нарастания рисков хаотизации и угроз общей безопасности в соотношении с интегрированием, сопряженностью, согласованностью, упорядочением связей в мировом масштабе фактически представляет собой одно из фундаментальных противоречий или глобальный вызов современной цивилизации. Он обуславливает перспективы ее существования, включая все народы и государства. Сотни миллионов и миллиарды людей не имеют представления о существовании данного вызова, рационально не осмысливают его глобальные риски и последствия. Данный вызов для них не является предметом повседневных тревог, а общее фундаментальное знание о нем не допускается в их актуальное сознание повседневными тяготами жизни, потребностями и заботами о практическом сведении «концов с концами». Некоторые слои общества заражены «болезнью» престижа и удовольствий от обладания вещами, подчинены установкам ожидания непосредственного потребления и слишком ограничены в своем кругозоре. Кратко говоря, глобальный вызов усиления разобщенности в мире является для самых различных слоев общества сугубо теоретическим конструктом, слишком абстрактной величиной и неопределенной опасностью и они не могут сравнить его с каким-либо конкретно осязаемым явлением бедственного характера (цунами, землетрясением, войной и т. п.). Поэтому они не активизируются для принятия конкретных мер с тем, чтобы обеспечить безопасность своей жизни в таком глобальном масштабе и неопределенной перспективе. Проинтерпретируем сущность вызова как социального явления, подразумевая и рассматриваемый общецивилизационный вызов в рамках бинарной оппозиции «плохо – хорошо». Для прояснения вопроса обратимся к авторитетным оценкам английского мыслителя, специалиста в области философии истории Тойнби А. Дж. (1889–1975). «...Рост цивилизаций, – подчеркивает А. Тойнби, – по своей природе является поступательным движением. Цивилизации развиваются благодаря порыву, который влечет их

от вызова через ответ к дальнейшему вызову; от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации. Этот процесс не имеет пространственных координат, ибо прогресс, который мы называем ростом, представляет собой кумулятивное поступательное движение, и кумулятивный характер его проявляется как во внутреннем, так и во внешнем аспектах» [1, с. 214].

Согласно приведенным утверждениям А. Тойнби, вызовы в развитии цивилизации не являются каким-то внешним, случайным или нежелательным явлением. Вызов – это внутренний органический механизм саморазвития цивилизации, являющийся итогом завершающихся, состоявшихся ее изменений и важнейшим фактором перехода к новым преобразованиям, условиям движения к новому состоянию общества. Это возможно благодаря соединению вызова (или проблемы) с творческой энергией организации и действия (порыв) тех групп людей, которые способны и стремятся на деле решать проблему. Важнейшими мыслями А. Тойнби, имеющими продуктивное методологическое значение для понимания влияния тенденций развития западной цивилизации на весь остальной мир, являются его утверждения о единстве внутренних механизмов прогресса цивилизации и его внешних проявлений, а также об изменении цивилизации в циклическом процессе «от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации» на переходе от вызова к вызову. Если считать разобщенность формой дифференциации, имеющей место в современных развитых странах и ее распространение в международных отношениях под их влиянием, то следующим этапом человеческой цивилизации, согласно логике А. Тойнби, должна быть интеграция усилий по строительству наиболее гуманного и безопасного для всех стабильного мироустройства. Однако явные признаки наступления такого периода только зарождаются. Процесс интегрирования не является преобладающим, а как бы откладывается на будущее. Поэтому нынешний глобальный вызов доминирования процессов разобщения мы характеризуем как задержанный, угрожающий рисками спонтанной самоорганизации человеческой цивилизации и возможными социально-гуманитарными катастрофами.

Основная часть. В нашем представлении наступление периода формирования интеграционных процессов в цивилизационном развитии человечества будет происходить в условиях довольно длительной эпохи социальной и социоприродной нестабильности, если только хаос либо глобальные экстраординарные и быстрые изменения жизнеопределяющих оснований общества не вызовут всеобщий резонанс цивилизационной консолидации во имя спасения жизни.

Временная растянутость формирования интеграционных механизмов может быть обусловлена различными причинами. К ним относятся: нежелание и сопротивление тех слоев общества, социальный статус которых формировался благодаря разобщенности и поддерживается ее сохранением; сложившаяся инерционность и стандартизация воспроизводства социальных институтов, отношений, идеологических и политических доктрин, стратегий управления; селекция социальных изменений со стороны элит общества как системы в целом. Важнейшим фактором динамики разобщенности является тенденция репликации и укрепления позиций господствующих слоев общества посредством изменения внешней среды (других обществ и государств), что расширяет границы устойчивости и сохранения природы социальной системы благодаря внешней коммуникации. Одной из причин сохранения социальной разобщенности, как фактора воспроизводства того или иного государственного устройства, является активность деятельности в сфере перестройки внешней среды (других государств и обществ) по образу и подобию своему с тем, чтобы сформировать у реципиентов потребность в своеобразном наставничестве со стороны «доноров» и осуществлении выгодных для последних изменений. Подобная фрактализация мироустройства, приносящая позитивные результаты и новые проблемы, есть путь к образованию определенного единства мира на основе одной или нескольких подобных моделей. Это продлевает существование цивилизации – донора, но вместе с тем означает и глобальный рост нестабильности, поскольку проблемы и последствия ее внутренней разобщенности и неравенства транслируются в глобальном масштабе. Возникают новые опасности катастрофических изменений в мире, о чем свидетельствует новейшая история международных отношений. Руководствуясь принципом объективной взаимосвязи разобщенности и интеграционной сопряженности, мы рассматриваем эти процессы в контексте взаимообусловленности явлений прогресса и регресса. Фрактальное распространение мироустройства западной цивилизации неизбежно вовлекает другие общества и государства в русло воспроизводства вызова доминирования разобщенности на уровне глобальной проблемы, решение которой должно быть заботой человечества в целом. Подобное развитие событий предвидел А. Тойнби задолго до начала XXI столетия. Он писал следующее: «Будет ли новая социальная мощь индустриализма и демократии использована в великом созидательном деле превращения вестернизированного мира в экуменическое общество или же эти новые силы будут играть разрушитель-

ную роль, обслуживая такие древние и бесчеловечные институты, как Война, Трайбализм, Рабство, Собственность? В этом состоит нынешняя проблема западной цивилизации и ее глубинной духовной сути» [1, с. 249–250].

Пример США и ряда стран Западной Европы, достигших высокого уровня социально-экономического, научно-технического развития, эффективной, высокопроизводительной организации труда, несомненных успехов в жизнеобеспечении и уровне потребления является притягательным, а соответствующий опыт поучительным для десятков миллионов граждан других государств и их элит. Поток мигрантов, направляющийся в Западную Европу и значительно возросший за последние два года, является подтверждением желания многих людей воспользоваться позитивными плодами западной цивилизации. Вместе с тем вызов доминирования разобщенности вместе с экспансией и предпочтением социально-экономических, политических и организационных механизмов стран Запада в странах-реципиентах, превращается из внешней для них проблемы в мощный внутренний фактор риска или в «добавленную стоимость» заимствованных моделей развития. Этот фактор взаимодействует с национально-культурными механизмами и духовными традициями саморазвития стран, преобразуемых по внешним моделям, что частью их населения воспринимается как угроза или вызов суверенитету, стимулирует противодействие и кризисное развитие ситуации в целом. Привнесенный извне вызов превращается во внутреннюю проблему, сопрягается с внутренним противоборством различных социальных сил и значительно ослабляет жизнеспособность, устойчивость и суверенитет стран-реципиентов в условиях глобализации. Финансовые, экономические, политические и духовные механизмы неравенства и разобщенности в США, являющиеся причинами внутренних кризисов и вызовом стабильности развития общества, негативные результаты их трансляции в экономику других стран и создание финансово-экономического кризиса, анализирует в своих новейших книгах нобелевский лауреат по экономике американский ученый Джозеф Юджин Стиглиц [2, 3], который убедительно показывает, что сложившаяся система рыночных отношений в США и мире в целом постоянно воспроизводит и углубляет социальное неравенство. Сугубо рыночные механизмы неспособны дать продуктивный ответ на вызов доминирования и усиления разобщенности в региональном и глобальном масштабах. В этой связи выявляется все более острая необходимость надрыночной регуляции социально-экономического развития и формирования соответствующих

институтов, что требует возрастания роли государства и расширения адекватных функций правительств. Методы создания наднациональных структур – различных объединений, союзов, международных валютно-финансовых формирований, санкционных регламентаций принимаемых на односторонней или многосторонней основе и другие подобные мероприятия используются в международных отношениях в качестве инструментария для сохранения и укрепления позиций развитых стран и продвижения монопольного права на их собственный проект мироустройства. Транслируемые мировым рынком неравенство и разобщенность закрепляются действиями ряда ведущих стран западной цивилизации в создании наднациональных метацивилизационных механизмов регуляции отношений в различных сферах жизни современных обществ в целях формирования и сохранения выгодного им миропорядка. Такого рода практика не содержит под собой никакого научно обоснованного взгляда на общие объективные закономерности сопряженного устойчивого развития современных цивилизаций. Вызов разобщенности трансформируется в вызов противостояния части западной цивилизации всему остальному миру. Перспективы стабильности и безопасности человечества обусловлены его готовностью ответить на данный вызов. Подобная возможность связана с изучением целого комплекса других вызовов (проблем), распространяющихся по всему миру и образующих более конкретные проявления вызова разобщенности, неравенства и метацивилизационного доминирования. Вызов агрессивной репрессивности массового сознания проявляется в самых разнообразных вариантах: в форме молчаливого сопротивления неравенству и разобщенности; в виде крайне радикальной индивидуальной агрессивности – лишения жизни коллег по работе как конкурентов; в качестве массовой миграции жителей развивающихся стран в богатые страны; как организованная террористическая борьба под флагом грубого насаждения «правильной духовности» жизнеустройства. Основой данного вызова является разрушение и устранение духовного единства людей как самой главной ценности их совместного, гармоничного сосуществования. Агрессивность подпитывается массовым формированием потребительской, всеохватывающей наступательности западной цивилизации, поработавшей сотни миллионов людей развитием внутрииндивидуальной агрессивности человека как добытчика и потребителя всевозможных благ, посвящающего этому делу свою жизнь. Характером, условиями и участием в организации современного производства человеческая жизнь поставлена в зависимость от необ-

ходимости постоянного приобретения короткоживущих вещей, выпускаемых намеренно. Благодаря этому над человеком постоянно нависает угроза утраты имущества и нищеты. Поэтому расточительное потребление в развитых странах является условием избавления от угрозы нищеты и страха утраты жизни, выживания сотен миллионов людей. Расточительство базируется на оппозициях «достаток – нищета», «жизнь – небытие», «успех – поражение» и т. д. Эти тенденции глубоко исследовал Ж. Бодрийяр на примере общества потребления, сложившегося во Франции в 60-х годах XX столетия [4]. Расточительное потребление в актуальном плане сохраняет общество потребления. В стратегическом измерении оно представляет собой вызов относительно превращения человека в самый главный объект потребления, т. е. человека-функцию, в «одномерного» или «частичного» человека, в расходный материал для процесса производства и целей обогащения. Кроме того, расточительное потребление наносит двойной ущерб природе, увеличивая расход материалов и производство мусора. Если человек превращается в основной объект потребления, то рациональное, экономически эффективное его использование в процессе производства обусловлено его ценностью, как знающего и выполняющего производственные функции, приспособленные к рыночной конъюнктуре смены технологий и производимых продуктов. В этой связи происходит замена оснований образования специалиста как потребляемого субъекта. Фундаментальная подготовка в области естественных и гуманитарных наук, культуuroобразующие функции университета, формирование целостной, разносторонне образованной, творческой личности и способного профессионала, а также стратегические проекты развития всех этих оснований подлинного образования заменяются преходящими условиями и требованиями. К ним относятся: соответствие подготовки учащегося конкретным функциональным компетенциям и умение заменять их другими; стандартизация бесконечной смены форматов и профилей прикладного знания; приоритетность текущих заказов бизнеса и расчетливых вложений финансов в подготовку конкретного узкого функционера; превращение человека в манипулируемого работника; рекламная аргументация непродуктивности долгосрочной стратегии развития вузов. Релятивизация образования является вызовом развитию его творческого потенциала общества, его консолидации, способности решать крупные проблемы социальных преобразований, сохранению суверенитета страны, обеспечению собственными кадрами стратегического уровня деятельности и развития.

Заключение. Рассмотрены актуальные вызовы, складывающиеся под воздействием процессов глобализации и тенденций доминирования западной цивилизации в современном мире. Отмечены различные риски, связанные с несвоевременными ответами на существующие вызовы. Подчеркнута необходимость формирования нового знания о комплексе вызовов, лежащих в основе явления депрессивности современной западной цивилизации и человечества в целом.

Новое знание о вызовах, обуславливающих состояние нестабильности в глобальном масштабе, необходимо для анализа складывающихся тенденций коэволюции в контексте бинарных оппозиций, в структуре содержания вызовов. К таким оппозициям относятся: «разобщенность – интегрирование – сопряжение»; «расточительство – нищета»; «конформизм – агрессивность»; «целостность – частичность человека»; «фундаментальность – функциональность образования».

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории / пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
2. Стиглиц Дж. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / пер. с англ. М.: Эксмо, 2011. 510 с.
3. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему / пер. с англ. М.: Эксмо, 2015. 512 с.
4. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция; Республика, 2006. 272 с.

References

1. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [Study of history]. Moscow, Progress Publ., 1991. 736 p.
2. Stiglits Dzh. *Krutoe pike: Amerika i novyy ekonomicheskiy poryadok posle global'nogo krizisa* [Freefall: America, Free Markets, and the Sinking of the World Economy]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 510 p.
3. Stiglits Dzh. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future]. Moscow, Eksmo Publ., 2015. 512 p.
4. Bodriyyar Zh. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika Publ., 2006. 272 p.

Информация об авторе

Бурак Петр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: burak1949@tut.by

Information about the author

Burak Petr Mikhaylovich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Head of the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: burak1949@tut.by

Поступила 30.03.2016

УДК 001.98;165.12

О. П. Пунченко

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (Украина)

**ПСЕВДОНАУКА В СТРУКТУРЕ ВНЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ
И СТРАТЕГИИ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ**

В статье анализируется структура вненаучного знания, раскрыто его отличие от научного. Обоснована сущность псевдонаучного знания, как особой «интеллектуальной активности», имитирующей науку и научную деятельность и которому придается статус объективно-истинного знания. Детерминирующим критерием демаркации научного и вненаучного знания выступает твердость установленных научных фактов. Псевдонаука замещает реальные научные знания символическими, феномены науки – фиктивно-теоретическими или ложно-эмпирическими. Показано, что занятие псевдонаукой – это одна из форм подключения псевдоученого к совокупному общественному интеллекту, идеи которого извращаются и преподносятся общественному сознанию как сенсационные, эксклюзивные. Вскрыто воздействие псевдонауки на сознание общества и индивида посредством СМИ, Интернета, издания книг, журналов, статей, что создает ей особый социальный статус. Акцентируется внимание на особенностях языка псевдонауки, в котором теория не подчиняется фактам, логике из-за своей завуалированности, неясности, что помогает псевдонауке манипулировать обыденным сознанием.

Ключевые слова: наука, вненаучное знание, псевдонаука, деятельность, интеллектуальная активность, совокупный общественный интеллект, стратегия, язык, обыденное сознание.

O. P. Punchenko

Odessa National Academy of Telecommunication named after O. S. Popov (Ukraine)

**PSEUDOSCIENCE IN THE STRUCTURE OF NON-SCIENTIFIC KNOWLEDGE
AND ITS STRATEGIES OF INFLUENCE ON THE PUBLIC CONSCIOUSNESS**

The article analyzes the structure of the non-scientific knowledge and disclosed its difference from scientific knowledge. In work substantiates the essence of the pseudo-science knowledge as an especial “intellectual activity” which imitates a science and research activity and which have the status of objectively-true knowledge. Predominant criterion of demarcation of scientific and non-scientific knowledge acts the hardness of the established scientific facts. Pseudoscience replaces the real scientific-knowledges at the symbolical, the phenomena of science – at the fictitious-theoretical, or false-empirical. It is shown that employment of pseudoscience is a one of the form of connections a pseudoscientist to the total social intelligence, whose ideas are distorted and presented as sensational, exclusive. In article is disclosed the impact of pseudoscience on the consciousness of the individual and society through the media, the Internet, the publication of books, magazines, articles, which creating a special social background. The attention is focused on the features of the language of pseudoscience which is not subjects the theory to the facts and logic due to of its furtiveness and ambiguity, that helps manipulate by the ordinary consciousness.

Key words: science, non-scientific knowledge, pseudoscience, activity, intellectual activity, the total social intelligence, strategy, language, ordinary consciousness.

Вступление. Вся история развития научного знания отражает сложный и противоречивый процесс ее отношения с системой вненаучного знания. Возникновение различных «измов» (догматизм, релятивизм, скептицизм, софизм, эклектизм) еще на заре становления науки показывает, что они появлялись, как реакция на отдельные незыблемые научные установки и часто были связаны с преднамеренным нарушением законов и принципов формальной логики, с попытками переосмыслить объективное содержание истины. И уже на этом этапе развития научного знания в эпоху рабовладения закладывается в противовес научному знанию

система вненаучного знания. Эта система сразу же очертила свой ареал исследования. Поскольку процесс систематизации накопленного человечеством обыденного знания в первобытном обществе был для науки сложным, а с позиции элиминации времени еще и медленным, то возникающие формы паранауки, как системы многообразных типов миропостижения и когнитивных практик, отклонялись от научной рассудочно-рациональной парадигмы. К типам паранауки относятся оккультизм, эзотермизм, теософия, герметизм, мистика. Паранаука занималась и занимается теми конструктами реальности, которые трудно, а часто и невозможно

объяснить принятыми методами и формами научного познания.

Однако паранаучное знание не единственное, составляющее систему псевдонаучного знания. Бурное раскрытие научного знания расширило содержание старых и породило новые формы внеучного знания. Сегодня в архитектуру внеучного знания входят: широкий класс паранаучного знания, донаучного, ненаучного, лженаучного, квазинаучного, антинаучного, псевдонаучного и народной науки.

Основная часть. Анализ системы внеучного знания показывает, что подходы к его классификации в современном философском знании неоднозначны. Общим выступает то утверждение, что внеучное знание не исследует явления природной действительности, а лишь размышляет о них и дает объяснения, которые несовместимы с разработанными наукой гносеологическими стандартами, в частности методологией научного познания, и не отвечает критериям научности. Различие же заключается в абсолютизации одной из форм внеучного знания и включение в ее содержание всех других. Это своеобразная «борьба за лидерство» внутри внеучного знания отражает позицию исследователя. Так, М. А. Казаков и А. С. Кравчик сводят всю систему внеучного знания к псевдонауке и развивают свои концепции без учета особенностей других видов внеучного знания, характеризуя их как составляющую псевдонаучного знания. В этом случае авторы отождествляют системы внеучного и псевдонаучного знания.

К системе внеучного знания прежде всего необходимо отнести донаучное знание. Этот тип знания выступает предпосылочной базой и истоком как научного, так и внеучного знания. Отмеченные выше формы паранаучного знания истоками уходят в структуру обыденного сознания. Из этой же структуры формировалось и научное знание. Донаучное знание развивалось как обыденно-практическое. Оно по характеру было стихийным, основой его развития выступало совершенствование процессов производства артефактов. Это была система каузального знания, в которой знания в практической деятельности передавались по принципу «делай как я и совершенствуй». Связи элементов в этом знании носили случайный, несистематизированный характер. «Особенностью обыденного сознания является то, – отмечает Т. Г. Лешкевич, – что оно не требует рефлексии, используется человеком неосознанно и в своем применении не нуждается в предварительной системе доказательства... Другая его особенность – принципиально бесписьменный характер» [1, с. 306].

Становление научного знания связано с преобразованием фундамента обыденно-практического знания. Новое знание носит закономерный, необходимый и планомерный характер, способами приобретения знаний выступают специально выработанные средства, а использование письменного языка для передачи выработанной научной информации последующим поколениям позволяет оставлять эту информацию «во вне наследственной памяти человечества» (М. С. Каган).

Ненаучное знание нельзя рассматривать и смешивать с донаучным. Оно находится в противоречии с общей картиной мира, несистематизировано, не формализуется, не использует открытые наукой законы в объяснении природной действительности, преднамеренно искажая эту картину мира.

Лженаучное знание – это преднамеренное искажение истинных знаний, выработанных наукой. Оно опирается на предрассудки, домыслы, репрезентируя себя как универсальное. «Симптомы лженауки, – отмечает Т. Г. Лешкевич, – малограмотный пафос, принципиальная нетерпимость к опровергающим доводам, а также претенциозность, чувствительность к злобе дня, сенсации» [1, с. 304].

Квазинаука – это особая форма внеучного знания, опирающаяся на принуждение, на идеологические методы насилия. Она пресекает всякую конструктивную критику, связанную с развитием научного знания, рамки которого жестко детерминированы идеологическими установками. Это выразилось и в борьбе с генетикой, кибернетикой, семиотикой, не вписывающихся в систему идеологии развития знания социализма 50-х годов XX века, «из-за их «буржуазного происхождения».

Антинаучное знание – это прежде всего утопическое знание, в котором предмет и методы исследования противоположны науке. В социальных науках оно связано с искажением реальности, непониманием законов общественного развития, оно формирует картину общественного бытия, уповая на психические особенности человека.

Особое место в системе внеучного знания принадлежит псевдонауке. С одной стороны, это «знание представляет собой интеллектуальную активность, спекулирующую на совокупности популярных теорий» [2, с. 305]. С другой стороны, псевдонаука в наиболее общей форме рассматривается как деятельность, имитирующая научную, но сама по себе такой не является. Псевдонаука – это совокупность убеждений о природе и человеке, которая ошибочно воспринимается как основанная на методологии научного познания или которой ошибочно

придается статус объективного, истинного знания. Псевдонаука в этом аспекте представляет собой различные предположения, научные гипотезы, которые противоречат твердо установленным научным фактам. Твердость установленных научных фактов – детерминирующий критерий демаркации науки и псевдонауки.

В научной литературе, посвященной исследованию псевдонауки, можно обнаружить различные трактовки ее сущности. Так, П. Тагард утверждает, что «теория или дисциплина скорее всего является псевдонаучной в том случае, если: 1) она менее прогрессивна, нежели альтернативные ей теории на протяжении длительного промежутка времени и сталкивается с рядом проблем, которые невозможно решить; 2) сообщество адептов данной теории не делает ничего для развития теории ради решения проблем, указывает на отсутствие усилий хотя бы каким-либо образом установить отношения теории с уже наличествующими; кроме того, сообщество выборочно относится к подтверждению и опровержению своей теории» [2]. Другой западный исследователь псевдонауки М. Шермер приводит более лаконичное утверждение, которое в полной мере совпадает с критериями П. Тагарда: «псевдонаука – это утверждения, которые выдаются за научные, но которым не хватает подтверждающих доказательств и правдоподобности» [3]. Данные определения очень зауживают проблемное поле псевдонауки: в них она отображается либо очень абстрактно, либо очень узко.

Становление псевдонаучных теорий не всегда порождено некомпетентностью и дилетантством. Поскольку псевдонаука содержит элементы интеллектуальной активности псевдоученого, она может пониматься как соединение научных данных с замысловатостью, фантазией, комбинацией науки и антинаучных теорий и схем, она формирует «кажимость» науки. «Кажимость» науки, благодаря особенностям псевдонауки, играет новую роль, действует «от своего имени», одновременно с этим пытается подвести собственные действия под научный дискурс. Так или иначе она предпринимает попытки стать самостоятельным институтом, деятельность которого не совпадает с наукой. В развитии псевдонауки происходит то, что можно обозначить замещением, например, замещение реальных научных знаний символическими, замещение феноменов науки фиктивно-теоретическими или ложно-эмпирическими, замещение научной картины мира псевдонаучной. При спекулировании на достижениях науки псевдонауке присущи фикция, мошенничество, имитация. Псевдонаука использует форму науки для прикрытия собственного отличия своей сущности

от науки с целью достижения некоторым образом выгоды.

Псевдонаука существует как целое образование, ее онтологическая сущность является формой ее истинности. Форма же ее существования выступает продуктом преобразования внутренних связей такой сложной системы, как наука.

Последствием преобразования этих связей является самостоятельное бытие псевдонауки как целостного явления.

В структуре псевдонауки можно выделить ряд свойств и черт, которые для нее являются атрибутивными и раскрывают ее как гносеологический феномен внеаучного знания. К ним можно отнести следующие.

Во-первых, характерною чертою является использование мифологических, религиозных и политических установок в научной практике. Во-вторых, использование понятий, категорий, теоретических систем или идеальных объектов, которые обозначают умозрительные конструкции, не имеющие места в реальной научной картине мира и никак не фиксируются наукой. В-третьих, отсутствие в исследованиях практического или теоретического результата, характеризующего приращение знаний, при декларации достижения их. В-четвертых, невозможность собственными методологическими установками опровергнуть или подтвердить существующую научную концепцию или теорию. В-пятых, использование в исследованиях ненаучных фактов и аргументов вне их предназначения; привлечение к научной деятельности людей, не имеющих отношения к науке; апеллирование к «авторитету личности», его регалий; использование внеаучных аргументов в своих исследованиях; нетерпимость псевдонаучного знания к альтернативным теориям. Почему же сегодня псевдонаука расцветает, каковы причины этого расцвета?

Занятие псевдонаукой – это одна из форм подключения псевдоученого к совокупному общественному интеллекту. «К науке, – отмечает С. П. Щавелев, – желают примазаться куда больше народа, чем, например, к искусству или бизнесу. Без голоса и слуха не получить консерваторского образования; без начального капитала не завести собственного дела. Куда легче представлять себя ученым. Не случайно довольно много особ, от науки далеких, в свободное время занимаются какими-то «исследованиями», пишут какие-то «труды», надеясь, что те в один чудесный день их прославят... Наихудшими для науки и общества есть те, что большинство псевдоученых имеют настоящие ученые степени, которые они просто купили или другим путем вытянули у своих недобросовестных, корыстных или слишком конформных коллег» [4, с. 4].

Совокупный общественный интеллект – это широконаучное поле деятельности для псевдонаучного. Это поле можно «перепахивать» по своему усмотрению. Не обязательно учитывать фактор объективности, что интеллект основывается на достижениях научной мысли, что это квинтэссенция общечеловеческого достояния, отражающая сам процесс научной деятельности, средства, условия и обязательно результат, как фактор приращения нового знания.

Личный вклад ученого в разработку различных идей и концепций на протяжении всего периода развития науки фиксировался в разных формах: от наименования (бином Ньютона, закон Ома и т. д.) до выдачи авторских прав, которые призваны защищать ученых. Их открытия можно использовать в научной деятельности другим субъектом, но обязательно со ссылкой на автора. Однако сегодня во всех ветвях научного знания – естественнонаучном, техническом, особенно в гуманитарном – часто сталкиваются с самой изменчивой формой внеученого знания – плагиатом. И добиться действенного наказания плагиатора практически невозможно, он находит через действующую систему права различные способы ухода от наказания: оплата, договор, угроза настоящему автору и его семье и другие, но плагиатор остается безнаказанным.

Беда современной науки заключается и в том, что возникший, помимо товарного, интеллектуальный рынок охватил духовное производство. Сегодня на этом рынке можно приобрести любую интеллектуальную собственность, поскольку она стала товаром: курсовые и дипломные работы, авторские права и патенты, научные открытия, технические изобретения, а также заказать монографию, диссертацию и т. д. Этот беспредел практически не пресекается государством. Эффективность работы экспертных комиссий низкая, поскольку члены этих комиссий часто втянуты в финансовый оборот, чем способствуют процветанию псевдонауки.

Помощь в развитии псевдонауки оказывают сегодня: Интернет, где псевдоученые выискивают для себя информацию; большое количество конференций (с грифом международные), от количества заявленных докладов и тезисов присутствует незначительное количество участников; свободное печатание литературы, статей, не обогащающих науку. Формы развития псевдонауки сегодня резко увеличиваются.

А какие стратегии можно выделить в воздействии псевдонауки на общественное сознание.

Во-первых, псевдонаука носит характер сенсационности и эксклюзивности, интереса, исключительности, неслыханные для науки результаты. С этой целью псевдоученый пытается привлечь внимание СМИ, вызвать медийный

и общественный интерес. Ориентируясь на быденное сознание, псевдоученый через систему СМИ, для которой предлагаемый материал – сенсация, распространяет свои идеи, приобретая известность и материальную выгоду. Сегодня можно уличить СМИ в том, что они представляют большое количество псевдонаучной информации по различным проблемам: медицины (реклама лекарств); уфологии; создание новых технических устройств, которые облегчат жизнь человечества. Сенсаций предлагается много и по различным сферам деятельности человека. Яркими примерами воздействия на быденное сознание народных масс постсоветского пространства выступали концепции «100 дней», «500 дней», в которых утопически обосновывался возврат к советскому обществу, при этом представители СМИ игнорировали старое утверждение, что «человечество идет вперед, постоянно осматриваясь на прошлое», а также игнорировали законы общественного развития.

Во-вторых, в зависимости от аудитории, с которой «работает» имитатор науки, им создается социальный фон собственного происхождения: это может быть ряд научных статей и званий, членство в несуществующих академиях; принадлежность к знаменитой традиции, что вызывает у слушателей больше доверия.

В-третьих, если научную теорию бывает трудно, а иногда и невозможно объяснить без специальных терминов, язык псевдонауки обходит эту проблему. Поскольку язык псевдонауки есть квазиязык, теория в нем не подчиняется ни фактам, ни логике, то и сами суждения данной теории легко подстраиваются под любую аудиторию. Язык псевдонауки из-за своей туманности, неясности помогает псевдоученому вводить в обман инвестора, особенно, если тот не является специалистом в рекламируемой теории.

Несомненно, форм воздействия псевдонауки на общественное и индивидуальное сознание в его быденном формате много и они широко реализуются, формируя ошибочное, а иногда и ложное, непоследовательное, близкое к мифологическому мировосприятие индивида, неадекватное отношение его к науке и окружающему миру.

Заключение. Анализ псевдонауки раскрывает ее содержание как особой «интеллектуальной активности» субъекта, спекулирующего на совокупности идей, концепций и теорий, обладающих повышенной популярностью. Псевдонаука – это тип знания, имитирующий научные достижения и паразитирующий на них. Анонсируя свои успехи широким народным массам, псевдонаука воздействует на быденное сознание, создавая при этом видимость науки.

На современном этапе развитию псевдонауки способствуют: создание интеллектуального рынка, на котором можно приобрести любую интеллектуальную собственность; широкое использование Интернета; материалов современных научных конференций и симпозиумов; создание собственных журналов, печатание сенсационных, эксклюзивных материалов, широкое использование СМИ для анонсирования достижений,

которые будут созданы в ближайшее время и способны удовлетворить потребности индивида и социума. С этой целью представителями псевдонауки создается собственный социальный фон, собственный квазиязык, помогающий из-за своей нечеткости, нелогичности решать проблемы манипулирования сознанием общества, используя и извращая содержание научных ценностей.

Литература

1. Лешкевич Т. Г. *Философия и теория познания*. М.: ИНФРА-М, 2013. 408 с.
2. Thagard P. What is Pseudoscience? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.psychologytoday.com/blog/hotthought/201205/what-is-pseudoscience> (дата обращения: 27.04.2015).
3. Shermer M. What is Pseudoscience? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scientificamerican.com/article/what-is-pseudoscience> (дата обращения: 27.04.2015).
4. Щавелев С. П. *Этика и психология науки. Дополнительные главы курса истории и философии науки*. М.: Флинта, 2011. 308 с.

References

1. Leshkevich T. G. *Filosofiya i teoriya poznaniya* [Philosophy and theory of knowledge]. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 408 p.
2. Thagard P. What is Pseudoscience? Available at: <http://www.psychologytoday.com/blog/hotthought/201205/what-is-pseudoscience> (accessed 27.04.2015).
3. Shermer M. What is Pseudoscience? Available at: <http://www.scientificamerican.com/article/what-is-pseudoscience> (accessed 27.04.2015).
4. Shchhavelev S. P. *Etika i psikhologiya nauki. Dopolnitel'nye glavy kursa istoriii filosofii nauk* [Ethics and psychology of science. Additional chapters of course in the history and philosophy of science]. Moscow, Flinta Publ., 2011. 308 p.

Информация об авторе

Пунченко Олег Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (65029, г. Одесса, ул. Пишоновская, 20, корп. 1, кв. 11, Украина). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Information about the author

Punchenko Oleg Petrovich – DSc (Philosophy), Professor, Head of the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (flat 11, 20, Pishonovskya str., 65029, Odessa, Ukraine). E-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua

Поступила 30.03.2016

УДК 57.024:301.152

Н. Е. Шилина

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (Украина)

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ И ЭКСТЕРНАЛИЗАЦИЯ КАК ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ
ЭВОЛЮЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЗЕМЛИ**

В статье автором проанализирован процесс человеческой эволюции. Описываются три теории эволюции: теория креационизма, эволюционная и космическая. Дается понятие и определение сознания, его роли в развитии человеческого разума. Охарактеризовано понятие деятельности, показаны отличия внешней и внутренней деятельности. Даются понятия интериоризации и экстериоризации.

Проанализированы исследования, которые утверждают и доказывают возможность существования такого мышления, которое качественно отличается от мышления человека. Речь идет о так называемом коллективном разуме, который обладает, в свою очередь, отдельным сознанием.

Ключевые слова: эволюция, социальная эволюция, сознание, интериоризация, экстериоризация, экстернализация, интеллект, интеллектуализация, коллективный разум, ноосферный разум.

N. E. Shilina

Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (Ukraine)

**INTELLECTUALIZATION AND EXTERNALISATION AS THE DRIVING FORCES
OF EVOLUTIONARY DEVELOPMENT OF THE EARTH**

The process of human evolution is analyzed by the author in the article. Three theories of evolution are described: the theory of creationism, evolutionary theory and space theory. The concept and definition of consciousness is given, its role in the development of the human mind is shown. The concept of activities, differences between external and internal activity are described. The notion of interiorization and exteriorization is given.

The research of is analyzed. They claim and prove the possibility of the existence of such a way of thinking that is qualitatively different from human thinking. This is so-called collective mind, which has, in turn, a separate consciousness.

Key words: evolution, social evolution, consciousness, the interiorization, exteriorization, externalization, intellect, intelligence, collective intelligence, the noospheric mind.

Введение. Эволюция человека – антропогенез – это, прежде всего, эволюция его сознания как механизма приспособления к условиям реального внешнего мира и способов влияния на окружающую среду.

Сегодня существуют три основные теории антропогенеза. Это теория креационизма, эволюционная и космическая теории.

Теория креационизма, самая древняя из существующих, утверждает, что человек является творением сверхъестественного существа. Например, христиане верят, что человек был сотворен богом в единовременном акте «по образу и подобию божьему». Схожие идеи присутствуют и в других религиях, а также в большинстве мифов.

Эволюционная теория утверждает, что человек произошел от обезьяноподобных предков в процессе длительного развития под воздействием законов наследственности, изменчивости и естественного отбора. Основания этой теории впервые предложил английский естествоиспытатель Чарльз Дарвин (1809–1882).

Космическая теория утверждает, что человек имеет внеземное происхождение. Он – или пря-

мой потомок инопланетных существ, или плод экспериментов внеземного разума. По мнению большинства ученых, это наиболее экзотическая и наименее вероятная из основных теорий.

При всем разнообразии точек зрения на антропогенез подавляющее большинство ученых придерживаются эволюционной теории, которая подтверждается рядом археологических и биологических данных.

Основная часть. Чем принципиально отличается человек от животного? Конечно же наличием сознания как специфической формы взаимодействия с окружающим миром. Сознание – это совершенно новый механизм адаптации, имеющий в своей основе принцип саморазвития, самосовершенствования в отличие от неизменяемых инстинктивных программ, лежащих в основе психики животных. Возможность осознать себя – это возможность отделить себя от природы, противопоставить себя ей с тем, чтобы привнести в нее необходимые для выживания изменения. Отделившись от природы, человек испытал и продолжает испытывать различные комплексы переживаний – от ощущения

своей божественности, уникальности и неповторимости до глубокого ощущения отчужденности и одиночества, желая вернуться к перво-материи. Пытаясь понять, кто он, проецируя эти переживания во внешний мир, человек выражает себя через мифологию, разнообразные культы и религии в идеализированном желании решить существующее противоречие. То есть в самом взаимодействии человека с миром лежит конфликт противоречия, противопоставления, который и задает необходимую динамику процесса эволюционирования. Конфликт с реальностью вынуждает постоянно искать способы снятия противоречия – или за счет подчинения внешних условий требованиям человека, или за счет совершенствования самого человека – его сознания и интеллекта.

Эволюционирующего человека отличает, прежде всего, другой вид деятельности – создающей, преобразовывающей, что отличает его от активности животных, выводя на новый этап развития. Внутренние мыслительные потенции опираются вначале на внешние объекты и полностью зависят от них, постепенно заменяясь внутренним планом действия и моделированием внешней среды. Появление внутреннего плана действия или внутренней деятельности, опирающейся на предыдущий опыт, стало возможным благодаря формированию новых форм мышления и воображения.

Что же такое «внутренняя деятельность» человека? Это не обязательно мыслительный процесс с решением интеллектуальных задач. Часто умственная работа носит характер размышлений, во время которых человек как бы проигрывает предстоящие действия. Он обдумывает алгоритмы действий, представляя какое-то действие уже свершившимся и глядит на его следствие. То есть функция внутренней работы заключается в том, что она подготавливает внешние действия, экономя условия и давая возможность субъекту выбрать нужные действия, избегая грубых ошибок.

Внутренняя деятельность, как и внешняя, побуждается эмоциональными переживаниями, имеет свой операционально-технический состав, то есть состоит из последовательности действий и реализующих их операций. Психофизиологические функции в организации внутренней деятельности выполняют ту же роль, что и во внешней деятельности.

Разница состоит в том, что в случае внутренней деятельности действия совершаются не с реальными предметами, а с их образами, а вместо реального материального продукта получается созданный в уме, воображаемый результат.

Во-вторых, внутренняя деятельность произошла из внешней практической деятельности путем процесса интериоризации.

Интериоризация – это формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом. Любое сложное действие, прежде чем стать достоянием разума, должно быть реализовано вовне. Всякая форма человеческой психики первоначально складывается как внешняя, социальная форма общения между людьми, как трудовая или иная деятельность, и лишь затем в результате интериоризации становится компонентом психики человека. В результате интериоризации внешние процессы подвергаются специфической трансформации – обобщаются, сокращаются и становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности. При этом отдельные действия и операции могут выпасть вовсе.

Внешняя и внутренняя деятельности тесно переплетаются между собой. И такое единение описывается не только понятием интериоризации внешней деятельности. Оно необходимо предполагает существование переходов в противоположном направлении от внутренней к внешней деятельности. Это процесс экстериоризации.

Экстериоризация – переход внутренних, психических актов во внешний план, в конкретные внешние реакции и действия человека. Это процесс, в результате которого внутренняя психическая жизнь человека получает внешне выраженную (знаковую и социальную) форму своего существования. Порождение внешней деятельности происходит на основе ряда внутренних структур, сложившихся в процессе интериоризации внешней деятельности человека.

Таким образом, человек – это организм, обладающий способностью к самоэкстернализации. Человек может существовать как внутри себя, так и вовне (то, что Гегель называл объективностью Бога или Духа, который может видеть глазами человека, есть проявление самоэкстернализации). Человек может ощущать себя в вещах, которые он создает, и может, наоборот, отчуждаться от этих вещей и становиться по отношению к ним чужаком. Человек может также «переносить свои собственные импульсы и моторные ощущения вовне, иными словами, обладает способностью проецировать свои внутренние периферические и моторные ощущения на внешние объекты» [4, с. 49].

Внутренняя деятельность, как и внешняя, складывается под влиянием внешних условий. Важнейшим этапом на пути превращения обезьяноподобных животных в древнейших людей было появление прямохождения, появление вида *homo erectus*. В связи с изменением климата и изреживанием лесов наступил переход

от древесного к наземному образу жизни. Чтобы лучше обозревать местность, где у предков человека было много врагов, им приходилось вставать на задние конечности. В дальнейшем естественный отбор развил и закрепил прямохождение, и, как следствие этого, руки освободились от функций опоры и передвижения.

Человек уже может опираться на свой внутренний чувственный опыт, экстернализируя его во внешний мир. При столкновении с природой, с опасными хищниками, пытаясь выжить, он хочет, чтобы ногти его пальцев, с помощью которых он рвет, раздирает и царапает, были твердыми и крепкими, он может использовать некоторые виды камней как своего рода ногти и с их помощью действовать даже более эффективно, чем посредством собственных ногтей. Вот почему некоторые камни стали для человека не менее важными, чем его внутренние органы; он может экстернализовать ощущения разрывания и разрезания на внешние объекты и таким образом превращать последние в орудия труда. Он может превратить палку в продолжение своей руки, увеличивая свою силу и возможности на охоте, наконечник стрелы – в коготь или впивающийся в жертву зуб и т. д. То есть человек может переносить на внешние объекты эмоциональный опыт, полученный при использовании своих двигательных органов. «Проецирование субъективных ощущений на внешние объекты наполняет эти объекты субъективностью; они начинают восприниматься как живые и наделенные импульсами и ощущениями» [4, с. 49]. Так, в процессе экстернализации у *homo habilis* появляется, во-первых, трудовая деятельность, в основе которой лежит изготовление орудий труда и работы, а во-вторых, возникают различные культы и верования: анимизм, тотемизм, поклонение Богу и идеологии.

Если рассматривать орудие труда как активизирующую побуждения или импульса, то выражающий эмоцию звук становится отображающим ее объектом. Многие эмоции и потребности экстернализируются определенными звуками, по которым их легко можно узнать. То есть на основе субъективно переживаемых потребностей и эмоций возникают звуки человеческого голоса, каждый из которых отражал тот или иной импульс или намерение, и вся система звуков превратилась в итоге в объекты, то есть слова, представляющие еще большее разнообразие эмоциональных смыслов. «Человек научился подчинять себе окружающую среду при помощи орудий труда и выражать свои потребности устно, общаясь посредством звуковых инструментов – звуковых объектов, – и затем разработал и усложнил их до уровня языка» [4, с. 53].

Homo sapiens, происходящий от рода кроманьонцев, уже обладал членораздельной речью, а по искусству изготовления разнообразных орудий из камня, кости и рога кроманьонцы ушли далеко вперед по сравнению с другими видами первых людей. Они приручили животных и начали осваивать земледелие, что позволило избавиться от голода и добывать разнообразную пищу. В отличие от предшественников эволюция кроманьонцев проходила под большим влиянием социальных факторов (сплочение коллектива, взаимная поддержка, совершенствование трудовой деятельности, более высокий уровень мышления).

Возникновение кроманьонцев – завершающий этап формирования человека современного типа. На смену первобытному человеческому стаду пришел первый родовой строй, завершивший становление человеческого общества, дальнейший прогресс которого стал определяться социально-экономическими законами. То есть мы можем говорить, что биологическая эволюция сменилась эволюцией социальной.

Человек в истории своего развития вышел из подчинения биологическим законам естественного отбора, его приспособление к жизни в разных условиях происходит путем активной их переделки. Однако эти условия в какой-то мере все же оказывают определенное влияние на организм человека.

Арнольд Джозеф Тойнби, исследуя возникновение, рост, развитие и упадок цивилизаций, признавая уникальность пути каждой цивилизации, анализирует факторы, задающие рост и развитие обществ. Одним из основных факторов автор называет «закон вызова-и-ответа». Человек достиг уровня цивилизации не благодаря высшему биологическому дару или географическому окружению, но в результате «ответа» на «вызов» в исторической ситуации особой сложности. Тойнби разделяет вызовы на две группы – вызовы природной среды и вызовы человеческие. Группа, относящаяся к природной среде, включает в себя стимулирующие воздействия природной среды, представляющие различные уровни сложности («стимул суровых стран»), и стимулирующие воздействия новой земли («стимул новой земли»). К вызовам человеческой среды Тойнби относит воздействие обществ или государств на своих соседей и воздействие одного социального класса на другой [2].

По мнению автора, «подлинный прогресс заключается в процессе, определяемом как «этерификация» – преодоление материальных обстоятельств, освобождающее энергию общества для ответов на вызовы, которые с этого времени становятся, скорее, внутренними, а не

внешними, духовными, а не материальными» [2, с. 659].

Это возвращает нас к высказанной выше идее о внутренней противоречивости человека и природы, внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, который представляет собой движущую силу развития сознания и интеллекта.

Переход от пассивности к динамическому развитию автор уподобляет движению от женского элемента инь к динамичному творческому янь. Растущие цивилизации, по Тойнби, отличаются от статичных примитивных обществ динамическим движением, происходящим в их социальных системах за счет индивидуальных творческих личностей. Эти творческие личности всегда составляют немногочисленное меньшинство, но именно они представляют собой

«дрожжи в массе обычного человечества» [2, с. 397]. Остальное большинство находится в том же застойном, неподвижном состоянии, что и члены статичного примитивного общества.

То есть творчество как функция интеллекта, порожденного творящим сознанием, и есть движущая сила социальной эволюции человека, не совпадающая с привычным нам понятием человеческого мышления [4].

Заключение. Процесс эволюции человека – это, прежде всего, эволюция сознания и интеллекта как рычагов управления внешним и внутренним миром человека как индивида и человечества в целом, отличающаяся взаимовлиянием и взаимопроникновением миров и оказывающая воздействие на эволюцию всей планеты как разумного существа.

Литература

1. Андриенко О. В., Максименко С. Д. Теория разума. Киев: ООО «3 Медиа», 2010. 510 с.
2. Тойнби А. Дж. Исследование истории. Том I: Возникновение, рост и распад цивилизаций / пер. с англ. К. Я. Кожурина. М., 2009. 676 с.
3. Франкл Джордж. Археология ума / под ред. В. М. Дудникова. М.: Астрель, 2007. 254 с.
4. Хаббард Л. Рон. Дианетика. Современная наука о разуме. М.: Изд-во Нью Эра, 2005. 590 с.

References

1. Andrienko O. V., Maksimenko S. D. *Teoriya razuma* [Theory of mind]. Kiev, ООО “3 Mediya” Publ., 2010. 510 p.
2. Toynbi A. Dzh. *Issledovanie istorii. Tom I: Vozniknovenie, rost i raspad tsivilizatsiy* [Research of history. Volume I: The appearance, growth and decay of civilizations]. Moscow, 2009. 676 p.
3. Frankl Dzh. *Arkheologiya uma* [The archaeology of mind]. Edited by V. M. Dudnikov. Moscow, Astrel’ Publ., 2007. 254 p.
4. Khabbard L. Ron. *Dianetika. Sovremennaya nauka o razume* [Dianetics. The modern science of mind]. Moscow, N’yu Era Publ., 2005. 590 p.

Информация об авторе

Шилина Наталия Евгеньевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории Украины. Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова (65020, Кузнечная, 1, Одесса, Украина). E-mail: natuccy@mail.ru

Information about the author

Shilina Nataliya Evgen'yevna – PhD (Pedagogics), Assistant Professor, the Department of Philosophy and History of Ukraine. Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov (1, Kuznechnaya str., 65020, Odessa, Ukraine). E-mail: natuccy@mail.ru

Поступила 14.03.2016

УДК608.1:001.891(476:470+571)

Н. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Республики Беларусь

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕХНОСФЕРЫ

Статья посвящена вопросам продолжения эволюции человека в связи с феноменом НБИКС-конвергентного развития нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных технологий. Данные технологии обеспечивают возможность искусственного воспроизведения и создания принципиально новых биоорганических материалов, позволяют исследовать и воспроизводить многообразные информационные связи, процессы передачи и преобразования информации в объектах и явлениях живой природы, особенно на высших уровнях ее структурной организации. Утверждается, что сейчас эти области человеческой деятельности достигли такого уровня развития, при котором они должны вступить в синергетическое взаимодействие. Результатом чего явится становление качественно новой технонауки, открывающей перед человеком и человечеством новые горизонты эволюции. Реализация уже осуществленных крупных программ в рамках развития данных технологий позволяет осознать возможность существования новой техникобиологической реальности в таких областях, как образование, спорт, военное дело и др. Использование этих технологий будет нарастать, а вызванные ими проблемы потребуют гуманитарной оценки перспектив и рисков их реализации.

Ключевые слова: техносфера, биосфера, нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, когнитивные технологии, социально-гуманитарные технологии, эволюция человека, технобиоэволюция, НБИК, НБИКС, социогуманитарные технологии.

N. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

BASIC DIRECTIONS OF HUMAN EVOLUTION AND TECHNICAL SPHERE

The article is devoted to the issues of evolution continuation connected with the NBICS phenomenon (convergent development of nano-, bio-, info-, cogno-, and social-humanitarian technologies). These technologies help to reproduce artificially and create the brand new bioorganic materials, to research and reproduce diverse information links, the processes of information transmission and transformation in objects of nature, especially at the highest levels of its structural organization. It is stated that now these areas of human activity reached the level of development when they should interact synergistically. As a result the brand new technical science is formed, which opens new horizons of evolution in front of the humankind. Implementation of several large programs within development of these technologies lets to realize the possibility of existence of the new technical-biological reality in such spheres as health care, education, sport, military sphere and so on. Use of these technologies will grow, and the problems caused by them will need humanitarian assessment of prospects and risks of their implementation.

Key words: technical sphere, biosphere, nanotechnology, biotechnology, information technology, cognitive technologies, social and humanitarian technologies, human evolution, techno-bio-evolution, converging technologies, NBIC, NBICS, socio- and humanities-based technologies.

Введение. В научной литературе все чаще стали возвращаться к вопросам эволюции человека. Это связано с тем, что в последние десятилетия стало очевидным: вопрос об эволюции человека приобретает новое звучание и связан с возникновением технологий, меняющих самого человека и его среду обитания. Примером таких технологий являются конвергентные нано-, био-, информационные, когнитивные и социогуманитарные технологии. Развитие конвергирующих технологий открывает перед человечеством возможность создания принципиально новых инструментов техноэволюционного процесса. Позволяет изменить мир живой природы, в том

числе биологии человека, на самом фундаментальном уровне.

Основная часть. Идея эволюционного развития биологического мира наиболее полно представлена в теории Ч. Дарвина, включающей убедительные доказательства исторического развития живых организмов и впервые объяснившей движущие силы и пути эволюции, которые заключаются в действии отбора наиболее приспособленных. В XX веке в связи с развитием генетики были разработаны и уточнены многие положения эволюционной теории. Основными чертами биологической эволюции является, во-первых, – преемственность. С момента

возникновения жизни новое возникает в живой природе не из ничего, а из старого. Нас и первые примитивные организмы, возникшие около 4 млрд лет тому назад, связывает непрерывная цепочка поколений. Вторая особенность – возникновение в эволюционном процессе целесообразности. Все организмы, населяющие Землю, приспособлены к условиям, в которых они существуют. Все структуры их тел таковы, что они обеспечивают существование организма и воспроизводство потомства, чтобы продлить цепочку поколений в будущее. Не менее характерная черта эволюции – усложнение и совершенствование структур организма от одной геологической эпохи к другой. Все вышеназванные черты сформировались в результате приспособительного отбора изменений как постепенных, длящихся миллионы лет, так и быстрых.

Упрочение независимости человека от воздействия окружающей природы, создание искусственной среды, возникновение общества привели к тому, что для человека отбор, казалось бы, перестал быть фактором эволюции. Однако человеческое общество полностью не избавилось от биологических закономерностей. Даже после завершения формирования современного человека действие естественного отбора не прекратилось. Например, в результате его в ряде районов земного шара выработалась стойкость к эндемичным заболеваниям. Не прекратился у современного человека и мутационный процесс. В ряде стран и районов он даже увеличился из-за загрязнения биосферы мутагенными веществами. Поэтому действие эволюционных факторов в настоящее время тоже необходимо учитывать, как и тот факт, что понимание процесса эволюции значительно дополнилось в результате привлечения к объяснению этого процесса, кроме классического дарвинизма, генетики и молекулярной биологии. Важной их заслугой является установление того факта, что для эволюции имеет значение только наследственная (генеративная, по Дарвину – неопределенная) изменчивость.

На современном этапе развития науки и технологий человечество вступает в процесс надорганизменной эволюции. Составной частью такой эволюции в настоящее время является развитие техники и связывается с перспективами развития конвергентных нано-, био-, инфо- и когнитивных наук и технологий, для обозначения которых сегодня используется аббревиатура «НБИК». Определение «конвергенция» – от латинского слова *converge* – приближаюсь, схожусь [1, с. 135]. В биологии – это сходство признаков у несходных организмов, возникающее в ходе эволюции. Новые научные направления, опреде-

ляемые как конвергентные, характеризуются стиранием граней, разделяющих различные отрасли науки, образованием интегрирующих отраслей науки, взаимным обменом методами, принципами, понятиями и т. д.

Главной отличительной чертой таких технологий является их максимальная близость к естественным, природным процессам. Как выразился директор НИИ «Курчатовский центр» М. Ковальчук, «природоподобие», способность включаться в единство и взаимосвязи, наподобие природным процессам. Долгое время развивая науки и технологии, человечество копировало живые системы, их принципы, механизмы в виде простых модельных систем. На определенном этапе научились создавать органические материалы, не существующие в природе, но с близкими ей свойствами. Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать, созидать природоподобные системы.

Существует ряд направлений, которые, учитывая возможности таких технологий, предлагают пути будущего развития человечества. Наиболее известные – транс- и постгуманизм. Они предлагают варианты от улучшения до конструирования, модификации и трансформации природы человека до прихода на его место готового заменить его принципиально нового вида. Трансгуманистическая концепция при этом базируется на идее улучшения данных природой качеств человека и предлагает использовать новейшие (нано-, био-, информационные и когнитивные) технологии для расширения его физических, биологических и интеллектуальных возможностей. «Улучшение» человека и его способностей – как физических, так и интеллектуальных – велись задолго до появления НБИК-конвергенции. В первую очередь такое улучшение было связано с собственно медицинскими проблемами болезни и восстановления здоровья, с проблемами допинга в спорте, косметической хирургии.

НБИК-конвергенция формирует новые подходы к улучшению. Наиболее привлекательное и «удобное» качество этих технологий заключается в возможности прямого манипулирования атомами и молекулами с целью получения принципиально новых веществ, материалов, структур и систем, имеющих заданные свойства. Именно нанотехнологии (в виде технологий атомно-молекулярного конструирования материалов) с качественно новыми свойствами «под заказ» создают фундамент принципиально нового технологического уклада и нового уровня организации науки и научных технологий [2]. Базой такого объединения является не только знание атомарной

структуры материи, но и способность человека целенаправленно влиять на эту структуру, конструируя невиданные ранее объекты.

Примером, иллюстрирующим использование подобных технологий, является англичанин Роберт Спенсер, потерявший правый глаз и вместо него имеющий телекамеру, которая преобразует энергию света в энергию нервного импульса и благодаря особой конструкции позволяет видеть. Особенностью ее является то, что сетчатка не связана с головным мозгом, т. е. обычная схема передачи нервного импульса через рецепторы, далее нервные отростки в головной мозг и обратно к глазу, в данном случае не работает. Бионический глаз собирает все элементы – камеру и микропроцессы – на вживленные электроды (датчики) и позволяет видеть «напрямую». В целом же технологии становятся «все более миниатюрными, все более умными и все более персонализированными». Например, слепой человек с нейро(видео)-интерфейсом может обрести возможность видеть дополнительно в инфракрасном или ультрафиолетовом диапазоне [3, с. 199]. «Улучшение» оказывается многофункциональным и обеспечивает качественно новые способности. «Улучшение» даст значительные преимущества тем, для кого эти технологии станут доступными.

Мозер Ной с помощью лазерного луча устранил недостатки роговицы глаза – получил искусственно отточенную роговицу, которая увеличивает остроту зрения в 10 раз. Алан Чоу – изобретатель кремниевой сетчатки – кремниевый чипа (1 × 1 см), толщиной меньше человеческого волоса. Научились создавать также искусственный хрусталик, разрешающая способность которого выше, чем естественного (400–800 терагерц), – 130 000 000 терагерц. Таким образом, конвергентные нано-, био-, инфо-, когнитивные науки и технологии (НБИК-технологии) открывают возможность адекватного воспроизведения систем и процессов живой природы. Это делает их практическим инструментом формирования качественно новой техносферы, которая станет органичной частью природы.

О важности технологий, применимых не только к самому человеку, но и среде его обитания, – так называемые «разумные среды» (включая умный дом и умный город), свидетельствует принятие соответствующих стратегических программ развития, всесторонняя поддержка соответствующих исследовательских проектов во всех техноло-

гически развитых странах. Подобные разумные среды позволяют осуществлять мониторинг (и записывать) показателей здоровья хронических больных и пожилых людей (артериальное давление, пульс, глюкоза крови, холестерин, маркеры заболеваний), усовершенствовать систему скорой медицинской помощи (когда пациент не может сам позвонить, при изменении комплекса показателей жизнедеятельности автоматически посылается сигнал в диспетчерский пункт), наладить систему удаленной консультации специалистов, улучшить качество жизни людей с ограниченными возможностями, повысить эффективность фармакотерапии. «Умные» пузырьки для таблеток содержат в своей крышечке сенсоры, чипы, передатчик. Когда человек забывает выпить таблетку, пузырек звонит ему на мобильный телефон, собирает и отправляет на электронную почту (как хозяина пузырька, так и врача) статистику приема препарата [4]. Напрашивается вывод о конвергентном соединении материи и информационного программирования.

Нанотехнонаука представляет собой качественно новый уровень конструирования реальности, который, как и этап биотехнологический, требует этической оценки результатов своей деятельности. Так, на проходившей в Страсбурге (Франция) 4–5 мая 2015 года Международной конференции «Эмерджентные технологии и права человека», подготовленной и организованной Комитетом по биоэтике Совета Европы, прозвучавший доклад профессора университета Нимвеген (Нидерланды), философа Хуба Зварта (Hub Zwart), был назван как «Судьба человеческого субъекта в век интимных технологий и больших данных». Он отметил, что до последнего времени технологии работали в качестве своеобразных протезов человека, завоевывая внешнее пространство. Сейчас за счет стремительно растущего числа имплантов как в тело, так и в мозг человека, внешняя экспансия преобразуется в экспансию технологий вовнутрь человеческого существа [3, с. 203]. Одновременно отмечается большая угроза зависимости от внешнего контроля, от параметров функционирования этих средств.

Заключение. Эволюция природы человека в контексте становления нанотехнонауки связана с тем, что человек впервые в своей истории получил инструменты для трансформации себя как вида. Результатом может стать открытие перед человечеством новых путей собственной эволюции.

Литература

1. Энциклопедический словарь. М.: Педагогика, 1986. 352 с.
2. Ковальчук М. В., Нарайкин О. С., Яцишина Е. Б. Конвергенция наук и технологий – новый этап научно-технического развития // Вопросы философии. № 3. 2013. С. 3–103.

3. Тищенко П. Д., Юдин Б. Г. Звездный час философии // Вопросы философии. № 12. 2015. С. 198–203.

4. Алексеева И. Ю., Аршинов В. И., Чеклецов В. В. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека // Вопросы философии. № 3. 2013. С. 13–18.

References

1. *Entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopaedic dictionary]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986. 352 p.

2. Koval'chuk M. V., Naraykin O. S., Yatsishina Ye. B. Convergence of sciences and technologies is the new stage of scientific and technical development. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 3, pp. 3–103 (In Russian).

3. Tishchenko P. D., Yudin B. G. Finest hour of philosophy. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2015, no. 12, pp. 198–203 (In Russian).

4. Alekseeva I. Yu., Arshinov V. I., Chekletsov V. V. "Technical people" against "post-people": NBICS-revolution and future of man. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2013, no. 3, pp. 13–18 (In Russian).

Информация об авторе

Лазаревич Наталья Александровна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра социально-философских и антропологических исследований. Институт философии Национальной Академии наук Республики Беларусь (220072, г. Минск, ул. Сурганова, 1, к. 2, Республика Беларусь). E-mail: natalazarevich@tut.by

Information about the author

Lazarevich Natal'ya Aleksandrovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Senior Researcher of the Center of Philosophical and Anthropological Research. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1, k. 2, Surganova str., 220072, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: natalazarevich@tut.by

Поступила 15.03.2016

УДК 1(091)+101.1:316

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет

ТОТАЛЬНАЯ ВОЙНА: ФЕНОМЕН XXI ВЕКА

В статье осуществляется анализ трансформации и сущности современной войны. В качестве причин возникновения такого нового феномена, как тотальная война, называются следующие: становление общества модерна, глобализация, деконвенционализация, ослабление суверенитета национального государства, подмена политики экономикой. Существенные изменения, связанные с трансформацией современной войны, заключаются в том, что война из преступления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности, которая в принципе не может быть завершена мирным договором. В статье в качестве основного вывода утверждается, что современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект.

В статье отмечается необходимость осмысления процесса трансформации современной войны, анализа таких ее сущностных свойств, как тотальность и гибридность, не только в пространстве военной теории, но и в сфере социально-гуманитарного знания. В качестве методологической базы исследования феномена тотальной гибридной войны автор статьи приводит современные концепции войны М. Хардта, А. Негри, К. Шмитта, М. Калдор.

Ключевые слова: тотальная война, гибридная война, конвенционализация, мир, глобализация, империя, множество, партизан, терроризм.

I. N. Sidorenko

Belarusian State University

THE TOTAL WAR: THE PHENOMENON OF THE 21TH CENTURY

The article analyses the transformation and the nature of modern war. There are the reasons for the emergence of such new phenomenon as the total war: the formation of modern society, globalization, de-conventionalization, the weakening of the sovereignty of the national state, the substitution of politics by the economy. Significant changes have connected with the transformation of modern war are that war from a crime turns into a police action; separate manifestations of terrorism are transformed into global terrorism; the borders of the national States are disappeared, that, in turn, deprives them of the right to national sovereignty; the regular war, was based on the principles of Public European law, has become a new “just war” and a total war. This total war in principle cannot be concluded with a peace Treaty. The author of this article argues that the modern world order is based on the total war, and the guerrilla will have been transforming into a terrorist until he is not recognized as the political subject

The author of this article notes the necessity of understanding the process of transformation of modern war, analysis of its essential properties as totality and hybridity, not only in space military theory, but also in the sphere of socio-humanitarian sciences. The author of this article gives the modern concepts of war of M. Hardt, A. Negri, C. Schmitt, M. Kaldor as the methodological base of research of a phenomenon of total hybrid war.

Key words: total war, hybrid war, conventionalization, peace, globalization, Empire, multitude, guerrillas, terrorism.

Введение. Современный мир стремительно меняется, что непосредственно сказывается как на политической сфере, так и на войне, которая из средства политики превращается в саму политику, из средства достижения мира – в сам мир, из ограниченных военных конфликтов – в тотальную войну. Существенные изменения, связанные с трансформацией современной войны, заключаются в том, что война из преступ-

ления превращается в полицейскую акцию; разрозненные проявления терроризма трансформируются в глобальный терроризм; происходит размывание границ национальных государств, что, в свою очередь, лишает их права на национальный суверенитет; регулярная война, основанная на принципах Публичного европейского права, превращается в новую «справедливую войну», стремящуюся к тотальности. В силу

этого назрела необходимость осмысления процесса трансформации современной войны, анализа таких ее сущностных свойств, как тотальность и гибридность, не только в пространстве военной теории, но и в сфере социально-гуманитарного знания. Для анализа феномена современной войны как тотальности обратимся к современным концепциям войны М. Хардта, А. Негри, К. Шмитта, М. Калдор.

Основная часть. Опираясь на осуществленную П. Вагнером реконструкцию эволюции модерна и концепцию современности В. Н. Фурса, можно конкретизировать переживаемую сегодня трансформацию как «завершение организованного модерна» и становление общества постмодерна [1, с. 208–209]. Для общества «организованного модерна» была характерна конвенционализация во всех сферах его жизнедеятельности. Вместе с тем конвенционализация являлась также средством уменьшения общественной неопределенности. Таким образом, до начала 80-х годов XX века социальный мир был, в большей степени, управляемым; тотализация социального надзора вела к исчезновению непрозрачных социальных пространств, а стандартизация поведения обеспечивала укрепление социальной стабильности. В силу этого, войны обществ «организованного модерна» также соответствовали принципу конвенциональности, а их ведение было детерминировано международными нормами и правилами. Это же касается и «холодной» войны, в которой ядерное оружие выступало в качестве противовеса и основания для определенного рода соглашений. Однако сегодня общество «завершенного модерна» трансформируется в общество постмодерна, а зыбкое равновесие мира, основанное посредством конвенциональности, рушится. Отсюда логично предположить, что разменяется мир, то, следовательно, происходит и трансформация войны. Война начинает рассматриваться как «новая конвенция», призванная спасти этот расшатавшийся мир и, в целом, стать самим миром.

Современный глобализирующийся мир М. Хардт и А. Негри определяют как складывающуюся глобальную Империю, в которой происходит размывание границ национальных государств, потеря ими суверенитета и монополии на власть и насилие. Разрастающаяся Империя трансформирует и стратификационную систему обществ. Так, на мировую арену выходят два «класса»: господствующий глобальный класс и множество, организующее само себя и не сводимое ни к массе, ни к народу, ни к толпе. Основная причина трансформаций современного общества заключается в том, что на смену индустриальному труду пришел

«неовещественный» труд, обеспечивающий создание нематериальных благ и эмоциональных реакций. Главной особенностью этого труда стала его способность приобретать общественную форму сетей, основанных на сотрудничестве, коммуникации и эмоциональной привязанности. Нематериальный труд приводит также к созданию новой «неовещественной» собственности, которая может бесконечно воспроизводиться и поэтому способна находиться повсеместно. Однако неовещественная собственность порождает новый вид отчуждения и глобальное подавление. Таким образом, вечный конфликт между угнетателями и угнетенными переносится на пространство глобальной Империи. Против такого тотального порабощения и восстает множество, демократичное по своей природе. Таким образом, согласно мнению М. Хардта и А. Негри, борьба множества с диктатурой господствующего глобального класса превратилась в «войну все против всех», которая обретает всеобщий характер и навязывает свой собственный политический порядок.

Современная всеобщая война происходит в период «межвременья», в ходе которого устанавливаются новые глобальные правила и наблюдается избыток новых властных структур. Множество для таких властных структур, стоящих теперь исключительно на стороне капитала, выступает как опасный класс, в силу чего и повседневная жизнь, и реализация властных функций пронизываются ощущением угрозы и ожесточением, присущими военному конфликту. Таким образом, взаимоотношения между политикой и войной, характерные для обществ модерна, превратились в свою противоположность. Период «межвременья» выгоден для глобального господствующего класса, так как открывает перед ним новые возможности. Этот период характеризуется тем, что в современных условиях война с внешним противником ничем не отличается от борьбы с внутренним врагом. В силу этого возможности ограничения свобод расширяются, а современная война обретает черты, ранее присущие гражданской войне.

Вслед за М. Хардтом и А. Негри можно отметить несколько характерных черт нового политического порядка, конструируемого всеобщей войной. Во-первых, в современных обществах наблюдается переход в политике от «обороны» к «безопасности», что в итоге приводит к стиранию различий между внешней и внутренней сферами, между армией и полицией. Во-вторых, в современных условиях власть, стремящаяся к безопасности, во главу угла ставит не легитимность и лояльность граждан к ней, а порядок, установленный силой. Однако достигнутая так называемая «стабильность» должна

быть опять нарушена, иначе возникает вопрос о необходимости самой силы, обеспечивающей этот порядок. В силу этого состояние многих современных обществ можно сравнить с функционированием ядерного реактора, т. е. система действует до тех пор, пока воспроизводится угроза. В-третьих, «война с террором» приводит к оправданию насилия, к которому власти готовы прибегнуть в любой момент и в любой точке земного шара. Таким образом, современная всеобщая война порождает новый мировой порядок, который М. Хардт и А. Негри считают глобальной Империей, стремящейся управлять миром не посредством прямого насилия в крайних ситуациях, как это делалось в эпоху модернизации, а посредством страха, вызываемого угрозой насилия.

Однако, как замечают М. Хардт и А. Негри, Империя, представленная западным миром, и в первую очередь США, не так всемогуща, как кажется. Желание доминировать во что бы то ни стало и выкачивать ресурсы из периферии приводит к стремительному росту территорий, где развиваются процессы, угрожающие Империи и наносящие по ней асимметричные удары. Современная всеобщая война ведется в «серой» зоне и имеет сетевую природу. Несомненно, правы М. Хардт и А. Негри, когда утверждают, что «в мире, где насилие не будет считаться легитимным, в принципе допустимо называть всякое насилие терроризмом» [2, с. 43]. В мире Империи войну нельзя выиграть, она тотальна. Единственной альтернативой всеобщей войне в пространстве Империи, с точки зрения М. Хардта и А. Негри, является мир Множества, который способен заменить имперскую фрагментарность серых зон войны и силовой порядок творческим взаимодействием «сингуляриев», составляющих множество. Однако на пути преобразования Империи в мир Множества есть препятствие: множеству «нужно трансформировать свое сопротивление в какую-то форму конституирующей силы, создающей общественные взаимоотношения и институты нового социума» [2, с. 420].

В настоящее время сопротивление множества больше похоже на действие «глобального террориста», ведущего тотальную партизанскую войну. Иная трактовка современной войны как тотальной представлена в концепции К. Шмитта. Так, К. Шмитт отмечает, что в рамках классического военного права партизан мог быть лишь периферийным явлением, представляющим собой либо вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда; либо преступника, стоящего вне норм права, по существу подрывающего правила ведения войны, по отношению к которому не действуют никакие юридические нормы

и конвенции [3]. Однако уже в рамках событий Великой французской революции появляется фигура партизана и феномен «тотальной войны», хотя окончательно утверждаются на практике они только в эпоху позднего Модерна. Своеобразная легализация «партизанской войны» и «тотальной войны» происходит уже в эпоху Постмодерна. В частности, современная международная ситуация, события в Ливии, Сирии, Украине демонстрируют усиление «партизанских» и, как следствие, террористических тенденций в ответ на новую волну глобализационных процессов и атлантистской экспансионистской политики.

Рассматривая основные характеристики партизана, Шмитт выделяет, прежде всего, его нерегулярность. Кроме того, для партизана характерна интенсивная политическая ангажированность (приоритет именно политического), что позволяет отличать его от разбойника и преступника, чьими мотивами, прежде всего, выступает личная корысть. Еще одна особенность партизана — повышенная мобильность, позволяющая наносить неожиданные удары по врагу и быстро скрываться от преследования. Партизан, как говорится, «носит фронт с собой»; военные действия разворачиваются и сворачиваются, где угодно, что ставит противника в тупик. Одновременно с этим в партизане очень силен теллурический момент, связь с почвой, с автохтонным населением и географическим своеобразием страны. Именно оборонительный и почвеннический характер партизанских действий создает своеобразную легитимность этому движению [3]. Партизан защищает свой мир и свою землю, поэтому он прав. В практике действий партизана срабатывает особая логика: будучи «вне закона», с точки зрения государства, партизан ссылается на Идею (почву, нацию), как более высокую форму легитимности, в противоположность обычной законности. В этом смысле, по мнению К. Шмитта, если партизан не легален, то он действительно легитимен.

В современную эпоху информационно-идеологических и сетевых войн фигура партизана обнажает и свою противоположную сторону, превращаясь, зачастую, в фигуру террориста, возможность и негативные последствия чего К. Шмитт также предвидел. В качестве характеристик современного глобального терроризма отметим следующие: безграничность и тотальность; детерриторизация и сетевая природа; смешение военных и полицейских задач, что позволяет трансформировать войну в полицейскую акцию под видом «гуманитарной интервенции»; стирание различий между войной и миром, что в принципе, не дает войне завершиться мирным договором. Таким

образом, современная война – это тотальная война, и она будет сохранять свой тотальный характер до тех пор, пока партизан или глобальный террорист будут рассматриваться как преступники и, соответственно, выводиться за границы политического. Это не означает, что теракты не являются преступлениями. Задача К. Шмитта заключается в том, чтобы подчеркнуть, что это политические преступления.

Двойственная и антиномичная природа войны лучше всего, на наш взгляд, отражается в такой характеристике тотальной войны, как ее гибридный характер. Цели тотальной гибридной войны уже не являются политическими в традиционном смысле, они связаны с «политикой идентичности» в большей степени, чем с идеологически или геополитически детерминированным «национальным интересом». В обществе постмодерна происходит распадение прежних прочных форм социальной идентичности – класса и нации – и переход к более гибким и открытым формам. В обществе раннего модерна конструирование социальной идентичности являлось достоянием, прежде всего, интеллектуальной и коммерческой элит, представлявших себя «двигателями прогресса»; в период организованного модерна основные формы социальной идентичности – класс и нация – представляли как квазинатуральная данность. Деконвенционализация социальных практик обуславливает расширение социального пространства для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз общественной функциональности, социальная идентичность приобретает свободный игровой характер театральной самопрезентации личности, становится высокоиндивидуализированной, неустойчивой и текучей. Тотальная гибридная война во многом стала возможна благодаря легитимации игры в идентичности, так как предполагает гибридность самой самоидентификации. Так, например, на стороне так называемого «Исламского государства» (ИГ) воюют представители разных национальностей и выходцев из разных стран, т. е. в ИГ реализуются новые правила гражданства. «Солдаты» ИГ – это люди со смешанной гибридной идентичностью, для которых ислам выступает лишь внешним фоном, а не основанием для выстраивания собственного идентификационного проекта. В силу этого практически невозможно четко определить ценности и установки «солдата». Маска и черный цвет стали единственными маркерами идентификации.

Гибридный характер тотальной войны предполагает размытость территории боевых действий, фрагментарность сетевого пространства. В силу этого, как ведение боя, так и контроль территории перестают быть главным средством

войны. Гибридная война предполагает возможность военных действий как на линии фронта, так и на удаленных от места активных действий территориях. Наглядным примером образования теневого «серых» зон войны в настоящее время становится Европа, а ИГ представляет собой сеть с подвижной территориальностью, которая все время меняет свои границы.

Размытость территории и мозаика идентичности высветили еще одну особенность тотальной гибридной войны – это смещение комбатанта и не комбатанта. Поэтому гибридную войну можно определить как войну с мирным населением. Все это, в свою очередь, приводит к потере «чувства боевого пространства»: гибридный «солдат» может скрываться среди мирного населения, быть не похожим на типичного врага (вспомним, что и сам типаж врага теперь с трудом определим) и использовать «электронное убежище». Сегодня одновременно с массовым потоком мигрантов, спасающихся от ИГ, проникают в Европу и «невидимые бригады», чью логистику можно сравнить с челночным движением. Таким образом, территориальность и субъектность современной войны изменчивы и практически неопределимы.

Ведение тотальной гибридной войны осуществляется за счет специфической военной экономики, которая децентрализована, зависит как от внешних источников (гуманитарная помощь, участие диаспор, торговля нефтью, золотом, хлопком и т. д.), так и от криминальных доходов. Таким образом, гибридная война – это не только острая форма столкновения цивилизаций Востока и Запада. Само ее ведение возможно за счет использования гибридных технических средств разных типов обществ: доиндустриального, индустриального и постиндустриального. Так, одновременно используется как самодельная взрывчатка, так и разработки информационного общества, что, в целом, делает проблематичным как контроль за ситуацией, так и прогнозирование последующих атак. Новая война – это совмещение реальной атаки и символического насилия. Символический терроризм как одно из самых эффективных средств тотальной войны нацелен не на максимальное количество жертв, а на специфический эффект от максимально семиотического ущерба.

Гибридная война предполагает также смещение угроз, т. е. национальные государства в современном глобализирующемся мире сталкиваются как с внешней, так и с внутренней угрозой. Другими словами, как справедливо отмечает М. Кадор, новые войны в обществе постмодерна стали одним из эффективных средств свержения политических режимов, ведения партизанских войн, развязывания гражданских войн.

Тотальная гибридная война «стирает границы между военными действиями, вооруженным восстанием, массовым нарушением прав человека и организованной преступностью» [4, с. 124]. Таким образом, тотальную войну, вслед за М. Калдор, можно определить как «мягкую силу»: когда социальная система находится в критическом положении, точке бифуркации, тогда даже малое воздействие на нее может привести систему в иное состояние и получить искомым переход. Гибридная война подпитывается страхом перед насилием, поэтому достаточно лишь угрозы или демонстрации казни заложников для того, чтобы расшатать общество.

Заключение. Таким образом, общество пост-модерна, утратившее конвенциональность и девальвировавшее базовые принципы международного права, но сохранившее ядерное оружие, породило такой косвенный путь действия, как тотальную гибридную войну, осмысление и противодействие которой является на сего-

дняшний день одной из главных задач как военной теории, так и социально-гуманитарного знания. Противодействовать тотальности новой войны весьма сложно потому, что она, согласно М. Калдор, реализуется в век бифуркации посредством «мягкой силы» и осуществляется в «серых зонах» глобализационного мира. В концепции М. Хардта и А. Негри тотальность всеобщей войны предстает как утопия, с другой стороны, К. Шмитт акцентирует реальность тотальной войны с терроризмом, которую по определению невозможно ни выиграть, ни проиграть. Вывод однозначен: современный мировой порядок базируется на тотальной войне, а партизан, отражая все характеристики Множества, будет трансформироваться в террориста до тех пор, пока не будет признан как политический субъект. Только тогда, согласно мысли К. Шмитта, можно противостоять терроризму как тотальной войне в мирное время и найти решение прекращению этой войны.

Литература

1. Фурс В. Н. *Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса*. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
2. Хардт М., Негри А. *Множество: Война и демократия в эпоху империи* / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 508 с.
3. Шмитт К. *Теория партизана*. URL: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (дата обращения: 23.03.2015).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized violence in a global era*. Cambridge: Polity, 2012. 268 с.

References

1. Furs V. N. *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Habermasa* [Unfinished modern philosophy of Jurgen Habermas]. Minsk, Ekonompress Publ., 2000, 224 p.
2. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: Voyna i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of Empire]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2006. 508 p.
3. Shmitt K. *Teoriya partizana* [The theory of the partisan]. Available at: <http://gosuslugi.kck.ru/documents/10147/14901/KarlShmidt.pdf> (accessed 23.03.2015).
4. Kaldor M. *New and Old Wars: Organized violence in a global era*. Cambridge, Polity Publ., 2012. 268 p.

Информация об авторе

Сидоренко Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и методологии науки. Белорусский государственный университет (220050, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Республика Беларусь). E-mail: irina2000@rambler.ru

Information about the author

Sidorenko Irina Nikolaevna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Philosophy and Methodology of Science. Belarusian State University (9, Kal'variyskaya str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: irina2000@rambler.ru

Поступила 15.03.2016

УДК 001.4:008

В. П. Шалаев, Л. П. БухареваПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ЯЗЫКОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ
В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

В статье исследуется феномен языкового поведения и языкового планирования в системе современного общества. В качестве главного предмета исследования выступает модернизационный подход. Авторы исходят из убеждения, что современное общество находится в ситуации масштабной модернизации. Модернизирующемуся обществу свойственны процессы ускорения темпов общественных процессов, деформации и разрушения традиционных социальных структур общества. В этих условиях языковое поведение и языковое планирование становятся важными факторами социальной стабильности и национальной безопасности больших обществ. Адекватная языковая политика в модернизирующихся обществах становится условием их устойчивого развития в глобализованном и западофицированном мире.

Ключевые слова: языковое поведение, языковое планирование, модернизационный подход, общественная безопасность, устойчивое развитие.

V. P. Shalaev, L. P. Bukhareva

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**LANGUAGE BEHAVIOUR AND LANGUAGE PLANNING
IN THE MODERNIZED SOCIETY OF THE ERA OF GLOBALIZATION**

In article the phenomenon of language behaviour and language planning in system of a modern society is investigated. As the main object of research the modern approach acts. Authors start with belief that the modern society is in a situation of scale modernisation. Processes of acceleration of rates of public processes, deformations and destructions of traditional social structures of a society are peculiar to a modernised society. In these conditions, the language behaviour and language planning become important factors of social stability and national safety of the big societies. The adequate language policy in modern modernised societies becomes a condition of their sustainable development in the globalized and westernized world.

Key words: language behaviour, language planning, a modernist style the approach, public safety, a sustainable development.

Введение. Модернизационные процессы современности (ускорение социального времени, деформация социального пространства и т. д.) выступают в качестве дополнительной детерминанты научного интереса к взаимодействию языкового поведения и языкового планирования в современном обществе. Модернизационный подход представлен нами в двух аспектах. Первый заключается в исследовании теоретических основ языковой реальности и представлен направлениями лингвонатурализма, лингвосинергетики и лингвозоологии. Второй аспект модернизационного подхода позволяет рассматривать процессы взаимодействия факторов языкового поведения и языкового планирования в непрерывном процессе их изменчивости и деформаций в быстро меняющемся мире. Мы характеризуем модернизационный подход как обновление, изменение феномена языкового поведения, в условиях интенсивно трансформирующегося общества.

Основная часть. В призме модернизационного подхода мы рассматриваем языковое поведение и языковое планирование в качестве фак-

торов общественного развития. Компонентами языкового планирования в данном исследовании выступают языковая деятельность, мышление, образование, этнокультурные характеристики в процессе формирования коммуникационных межъязыковых отношений в обществе. Компоненты языкового поведения (ценностные ориентации, мотивы, личностные качества, нормы и формы проявления языковой активности субъектов поведения) влияют на сознание и мышление, духовную культуру индивидов, их общественный статус и ролевые характеристики в результате формирования этнокультурных отношений.

Термин «языковое планирование» в современной гуманитарной науке нередко используется как синоним термину «языковая политика» и «языковое строительство» и трактуется как сознательное влияние на развитие социального языка (как *сконструированного*, так и *естественного*) [2].

Под содержанием языкового планирования А. Ильзия понимает ту или иную языковую политику и приверженность авторов конкретной

идеологии в области языка (лингвистическая ассимиляция, лингвистический плюрализм и лингвистический сепаратизм) [4].

Исходя из сказанного, функциональной стороной языковой политики, как важнейшего механизма государственного регулирования этнокультурным регионом, в известных пределах, может служить сознательное влияние государственного законодательства на языковую структуру. Функционирование языкового планирования сводится к целенаправленному осуществлению государственными органами мер, направленных на: 1) изменение языковой структуры, кодификацию языковых норм, подготовку нормативной орфографии, грамматики, словаря и методов проведения языковой политики; 2) обеспечение общего средства коммуникации для данной территориальной единицы; 3) сохранение и развитие каждого языка в соответствии с потребностями и интересами его носителей. Главной целью лингвокультурной политики является работа с национально-культурным и языковым материалом <...> [5]. Несомненный интерес здесь для нас представляет идея Д. Белла о значимости культурных ценностей, которые должны базироваться на эстетических и моральных устоях, на неких традициях, продолжающихся от эпохи к эпохе и в этом отношении несущих элементы преемственности [1].

Социокультурная ситуация в современном глобализированном обществе, насаждающем западную систему ценностей, в том числе в псевдолиберальной, масскультурной, потребительской форме [10], как на локальном национальном, так и на общечеловеческом уровне характеризуется мощными процессами разрушения традиционных ценностей, размытостью духовно-нравственных ориентиров, деградацией нравственного уровня населения. При этом нет сомнения, что последствия этих разрушений могут иметь и уже имеют негативные для социума последствия. Также нет сомнения и в том, что «высший, ценностный уровень мировоззрения, объясняющий народам и поколениям смыслы и цели их жизни, всегда был базисным социокультурным словом...» [6, 7, 8, 9].

Тема языковой политики, в этом смысле, это важная практическая проблема, связанная с вопросами социальной стабильности и национальной безопасности. Тот или иной тип языкового поведения, находясь в эпицентре общественного развития, особенно в условиях социальных деформаций, в переходные периоды развития социума, в том числе условиях социально-экономических и социально-политических напряжений, способен пробуждать противоположные тенденции (центростремительные или центробежные), как это было в постперестроечный период, например, в тюркских и финно-

угорских регионах России. Мы встречаем эти процессы и в других полиэтнических регионах мира (хорошо известен пример Северной Ирландии в составе Великобритании или движения басков и каталонцев в Испании и т. д.).

Существующие отличия в языковом поведении различных национальных слоев общества в таких условиях способны стать проводниками социальных конфликтов. Иначе говоря, от планирования языкового поведения, на общенациональном и региональном уровнях зависит функционирование общества, его стабильность или нестабильность, национально-культурное и государственное развитие. Именно здесь мы фиксируем тесную связь языковой культуры и языкового поведения с языковой политикой и ее практикой, которая впоследствии отражается на региональных уровнях жизни больших обществ.

Важным фактором выработки языковой политики в современном полиэтническом, динамично развивающемся обществе является единство государственного (общенационального) видения и видения различных общественных этнокультурных организаций, объединений и движений, отражающих интересы отдельных этнокультурных групп в обществе. Носителям малых языковых групп в ситуации глобализации и связанной с ней унификацией культур и языков действительно есть что выбирать. Альтернатива такова: замкнутое культурно-языковое существование, вне социализации в большое общество или цивилизационная, профессиональная, практическая социализация, которая неизбежно ведет к жертвам унификации и фольклоризации малых народов в больших обществах. Действительно, если представитель малых народов захочет осуществлять свою профессиональную деятельность лишь в среде своего языка, то он намеренно обрекает себя на местное существование и развитие, закрывая путь к более широкой социализации. Несомненно, для современного большого общества, в особенности полиэтнического многонационального или поликультурного, важны оба контекста: и регионально-культурный, и общецивилизационный. Но на этом пути невозможно без компромиссов.

Итоги проведенного нами исследования показывают, что язык в современном обществе перестал быть значимым маркером этничности у представителей национальных меньшинств, более устойчивым оказался культурный компонент их этничности, нежели языковой. В этом есть как положительные, так и отрицательные моменты. Но поменять сложившуюся тенденцию в жизни малых народов вряд ли представляется возможным в ближайшей перспективе, тогда, как и большие народы несут все возрастающие потери перед натиском глобализации в ее западофицированной

форме, оскудевая своими культурными и интеллектуальными ресурсами [7, с. 132–144]. Несомненно, компромисс выгоден и для малых народов, и для большого общества. Например, большое общество, заинтересовано в трудовом, культурном и интеллектуальном потенциале малых народов. С другой стороны, утверждаясь в большом обществе, российском например, представители малых народов получают реальный шанс для масштабной самореализации своих культурно-цивилизационных потенциалов на путях более устойчивого цивилизационного развития.

Сохранение национально-культурного фермента в обществе, «вживание» малого общества в большое устраивает участников этого процесса с обеих сторон. Например, культурно-национальная мозаика России является ее важнейшим стратегическим ресурсом, «вкладчину», позволяя России быть великой державой, дающей малым народам (культурно-цивилизационный ресурс которых ограничен) избежать поглощения и сохраниться в форме компромисса (например, культурного).

Заключение. Этнокультурные вопросы и этнокультурная и языковая политика сегодня ключевые темы для многих многонациональных стран и регионов мира. «Слишком тесен стал мир, силь-

на миграция, интенсивно смешение рас и народов, взаимозависима экология. Современные народы вынуждены жить рядом и вместе, поэтому они вынуждены уживаться друг с другом – вырабатывать в каждом человеке терпимость к «инаковости», уважение к правам живущих рядом людей другого языка и другой культуры» [3, с. 98].

Этнокультурное и языковое планирование и адекватная языковая политика регулирования – важный фактор сохранения и укрепления этнокультурного мира в полиэтническом обществе. Авторы убеждены, что неадекватная государственная языковая политика может привести к деструктивным языковым процессам в обществе, способным дестабилизировать его процессы. И наоборот, взвешенная, научно обоснованная языковая политика способна гармонизировать отношения этнокультурных и этноязыковых групп в обществе, испытывающем мощные модернизированные процессы. Роль модернизационных подходов к все более модернизационным этнокультурным процессам, по мнению авторов, будет возрастать и по причине новых вызовов, и по причине все более протестных ответов оригинальных культурно-языковых общностей против глобализирующего, унифицирующего мира западофикации [7, 8, 9, 10].

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Academia, 1999. С. 11, LVI – LVIII.
2. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. 391 с. URL: <http://vwww.durov.com/sop-tent7books.html37> (дата обращения: 11.03.2016).
3. Ильзия А. Мультилингвистическое общество: языковая политика и образование на языке национальных меньшинств (пример Эстонии) // Вопросы культурологии, 2006. № 10. С. 49–51.
4. Кузнецов С. Н. Языковая политика и языковое планирование [Электронный ресурс]. URL: genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml (дата обращения: 12.03.2016).
5. Хилханова Э. В. Факторы языкового сдвига и сохранения миноритарных языков: дискурсивный и социолингвистический анализ (на материале языковой ситуации в этнической Бурятии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Барнаул, 2009. С. 35. [Электронный ресурс]. URL: www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a481.php (дата обращения: 08.03.2016).
6. Шалаев В. П. Актуальная синергетика: человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
7. Шалаев В. П. Бифуркационный человек как базовый социальный тип эпохи глобализации // Восьмые Вавилонские чтения. Мировоззрение современного общества в фокусе научного знания и практики: сб. материалов / под общей ред. проф. В. П. Шалаева. В 2 ч. Йошкар-Ола: МарГТУ, 2004. Ч. 1. 366 с.
8. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2014. 201 с.
9. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: вызовы, метаморфозы, перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
10. Шалаев В. П., Шалаева С. Л. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time / Социальное время. 2015. № 2. С. 112–122.

References

1. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The coming post-industrial society]. Moscow, Academia Publ., p. 11, LVI–LVIII.

2. Espersen O. *Filosofiya grammatiki* [The philosophy of grammar], Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury Publ., 1958. 391 p. Available at: <http://www.durov.com/sop-tent7books.html37> (accessed 11.03.2016).
3. Il'ziya A. Of multilingual society: language policy and education in the language of national minorities (for example in Estonia). *Voprosy kul'turologii* [Questions of Cultural Studies], 2006, no. 10, pp. 49–51 (In Russian).
4. Kuznetsov S. N. *Yazykovaya politika i yazykovoie planirovanie* [Language Policy and Planning]. Available at: http://genhis.philol.msu.ru/article_195.shtml svobodnyj (accessed 12.03.2016).
5. Khilkhanova Ye. V. *Faktory yazykovogo sdviga i sokhraneniya minoritarnykh yazykov: diskursnyy i sotsiolingvisticheskiy analiz (na materiale yazykovoy situatsii v etnicheskoy Buryatii): Avtoref. dis. ... d-ra filolog. nauk*: 10.02.19. Barnaul, 2009. P. 35. Available at: <http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filologiya/a481.php> svobodnyj (accessed 08.03.2016).
6. Shalaev V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epohu global'nykh transformatsiy* [Actual synergetics: human being and society in global transformations]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2013. 184 p.
7. Shalaev V. P. *Vos'mye Vavilovskie chteniya. Mirovozzrenie sovremennogo obshchestva v fokuse nauchnogo znaniya i praktiki: sb. Materialov: v 2 ch. Ch. 1* [The man of bifurcation as the basic social type of globalization: in 2 p. P. 1]. Yoshkar-Ola, MarGTU Publ., 2004. 366 p.
8. Shalaev V. P. *Mirovozzrenchesko-obrazovatel'naya zapadofikatsiya kak ugroza innovatsionnoy bezopasnosti i innovatsionnomu razvitiyu Rossii v global'nom mire (filosofskie zametki)* [Educational westernization as the threat for innovational safety and development of Russia in globalized world (philosophical issues)]. *Problemy sotsiogumanitarnogo obespecheniya innovatsionnykh protsessov na evraziyskom prostranstve*. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2014. 201 p.
9. Shalaev V. P. *Chelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: vyzovy, metamorfozy, perspektivy* [Man and society in globalized world: challenges, metamorphoses, perspectives]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2015. 288 p.
10. Shalaev V. P., Shalaeva S. L. [Liberal (pseudo liberal) culture as global westernization and domination factor]. *Sotsial'noe vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).

Информация об авторах

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: Shalaevvp@volgatech.net

Бухарева Людмила Петровна – аспирант кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: milab@inbox.ru

Information about the authors

Shalaev Vladimir Pavlovich – DSC (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Bukhareva Lyudmila Petrovna – PhD student, the Department of Social Sciences and Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: milab@inbox.ru

Поступила 15.03.2016

УДК 140.8

А. В. Шалаева

Высшая школа экономики (Российская Федерация)

О ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ В КОНТЕКСТЕ TOPOLOGISCHE WENDE

В статье пространство мифа определяется на границе концептуальных оснований онтологии и теории познания. Предпринимается диагностика исследовательского поля на предмет возможности сформулировать эвристический потенциал ресурсов «топологического поворота» для концептуального основания определения мифологического мышления.

Статья посвящена понятию мифологического мышления и его существенной характеристике – мифологическому пространству. Категория пространства рассматривается как заданная мифической историей и порядком онтологическая категория. Вводится топологический метод как метод исследования мифологического пространства, частично заимствованный из отрасли математики, – топологии, частично почерпнутый из опыта использования топологии в гуманитарных исследованиях.

Ключевые слова: мифологическое мышление, мифологическое пространство, топологический поворот, топологический анализ, онтология мифа, гносеология мифа.

A. V. Shalayeva

Higher School of Economics (Russian Federation)

ON THE NOTION OF SPACE IN THE HUMANITIES IN THE CONTEXT OF TOPOLOGISCHE WENDE

In the paper the mythological space is defined on the boundary of the conceptual foundations of ontology and epistemology. Research undertakes the diagnostics of the field for the possibility to formulate a heuristic potential of the research of space within the “topologische wende” to define the conceptual bases of mythological thinking.

The paper is devoted to the concept of mythological thinking and its special characteristic – mythological space. The category of space is considered as ontological and stated in mythological history and order of myth. We introduce the topological method as a method for studying the mythological space, partly borrowed from the branch of mathematics – topology, partly drawn from the experience within the scholarship.

Key words: mythological thinking, mythological space, topologische wende, topological analysis, ontology of myth, epistemology of myth.

Введение. С начала XX в., и особенно в последние десятилетия (с 80-х гг.), в работах исследователей гуманитарного профиля обозначается тенденция к использованию топологии как метода. Некоторые исследователи описывают эту ситуацию как «*топологический поворот*» (нем. «spatial turn», «topologische wende» – обозначивший в конце 1980-х гг. в Германии новый виток смены парадигм в науках о культуре и обществе, для которого характерно рассматривать географическое пространство как измерение культуры), который выделяется наряду с «лингвистическим поворотом» и «иконическим поворотом» и связывается с работами таких авторов, как Кассирер, Больнов, Бёме, Дёринг и др.

Представители самых разных дисциплин все чаще стали говорить о том, что пространство имеет значения для понимания множества социальных и культурных феноменов. Это сказалось в постоянном увеличении массива публикаций по социальной и культурной географии, исследова-

нии пространства в различных его аспектах. Важнейшей особенностью «топологического поворота» является постановка в рамках социально-научных исследований такого рода вопросов и проблем, которые традиционно относятся к ведению философии. Вопрос о понятии и статусе пространства становится для ряда исследователей (Зиммель, Беньямин, Хайдеггер) философским: не прояснив, как понимать пространство, они не могут двигаться дальше в своих исследованиях.

В современном мире понятие пространства изменилось, оно сжимается. Новые средства сообщения и передвижения дали возможность покрывать за единицу времени несравненно большие расстояния, нежели несколько десятков лет назад, не говоря уже о более отдаленном прошлом. В результате мир стал гораздо меньше. В человеческой деятельности огромное значение приобрела категория скорости, объединяющая понятия пространства и времени. Коренным образом изменился ритм жизни.

Укорененность мифа в пространстве культурного сознания – это не только топологическая организация культурного сознания, но и особенность вписанности в него мифа, как не изменяющейся точки при непрерывных преобразованиях пространства и ландшафта сознания. Специфика мифологического пространства в том, что оно присуще любому сознанию и любой культуре как топологическая сингулярность. Топология мифа, во-первых, это интерпретация мифа в пространстве культурного сознания, и, во-вторых, взаимодействие точек (топологических сингулярностей) в мифологическом пространстве.

Основная часть. *Какую задачу приписывает топологии математика и, уже, геометрия?* Точные науки, построенные по образцу классической рациональности, первые из которых – математика и физика, очерчены пределами области своей предметной применимости. Во-первых, по теореме Курта Геделя о неполноте формальных систем, наука не может объяснить своего исходного положения, точнее, Гедель доказал наличие в каждой достаточно формализованной теории таких утверждений, которые нельзя ни доказать, ни опровергнуть в рамках этой теории. Во-вторых, в науке обнаруживаются противоречия, попытки объяснения которых выявляют лакуны в системе знания. В-третьих, метод науки хорош только по отношению к ее собственному предмету. Наметившийся на рубеже XIX–XX вв. и утвердившийся в середине XX в. кризис естественных наук свидетельствует не об их несостоятельности в целом, но о несостоятельности их методов по отношению к социально-культурной реальности, в частности к общественным потрясениям, которые принес прошедший век.

В качестве примера расширения горизонта познания можно в первую очередь сказать об изменении представлений о делимости материи: открытие делимости атома, открытия, связанные с изучением элементарных частиц. Именно открытия на микроуровне дают возможность полнее понять специфику организации жизненных систем (в том числе и, особенно, – социальных систем) на макроуровне. Наряду со многими попытками разрешения разноуровневых вопросов и кризисов внутри науки, в конце XIX в. передовыми математиками и физиками была разработана *топология*, в качестве раздела науки она была наиболее развернуто утверждена Анри Пуанкаре. На рубеже XIX–XX вв. активно развивается теоретическое и практическое изучение *мифологии*.

Как указывает Листинг около 1848 г., «мысль о создании качественной науки о пространственных образованиях наряду с геометрией

как наукой количественной была внушена ему самим Гауссом, работавшим в том же Геттингене» [3]. Отсюда следует, что топология утверждалась как наука, однопорядковая геометрии, но занимающаяся не количественными измерениями фигур, а качественными.

Предпосылки таким образом понимаемой топологии были заложены еще Лейбницем, полемизировавшим с Ньютоном по вопросам о сущности пространства и времени. В противоположность так называемой субстанциальной концепции (ее поддерживал Ньютон), согласно которой пространство и время рассматриваются как особые субстанции, существующие сами по себе, независимо от объектов, Лейбниц разрабатывал концепцию реляционную, где пространство и время предстают как особые отношения между объектами и процессами, а вне их не существуют.

Предмет топологии более популярно указывает Феликс Клейн в своей «Эрлангенской программе» (1872): это геометрия инвариантов произвольных непрерывных преобразований, своего рода качественная геометрия. «Основная идея топологии – это отвлечение от положения, величины и формы геометрических фигур: изучаются лишь те их свойства, которые сохраняются при... непрерывных преобразованиях их...» [2]. Известные примеры топологических преобразований можно наблюдать на «ленте Мебиуса», «бутылке Клейна» и т. д.

Топология как концепт гуманитарных наук. Топологию в своих исследованиях используют и представители гуманитарных дисциплин, и это «происходит вопреки мнению, что философский ресурс науки уже исчерпан, что опыт ее не продуктивен для понимания постсовременности...» [3, 131].

О топологии и основаниях ее применимости можно говорить в следующих областях знания: нейрофизиологии, литературоведении, географии, физике, математике, теории информации, психологии, философии, общественнознанию и т. д. Поскольку термин «топология» был введен и обоснован в широких научных кругах во второй половине и, особенно, в конце XIX в., его распространение в междисциплинарном пространстве началось ближе ко второй половине XX в. Таким образом, именно на рубеже веков, спустя сто лет после обоснования топологии как раздела математики (и как наиболее общей геометрии) в интересующей нас области философии и гуманитарных наук обнаруживается и раскрывается ресурс термина «топология». Одно из свидетельств экспансии продуктивности понятия «топология» – недавно опубликованная книга Савчука «Топологическая рефлексия». В ней «топологическая рефлексия –

это рефлексия разумного тела из определенного топоса; она есть результат их состояния, включающего все оттенки взаимодействия: и противостояние, и полемос, и *hybris*, и сострадание, и сожжение, и многое другое. Топологическая рефлексия не вне места, она всегда уместна» [5, 138]. Топологическая рефлексия проявляет отказ от трансцендентального субъекта, выражающего всеобщее, «однокачественное» в пользу человека, собираемого уникальным образом здесь и сейчас, как человека архаического, так и современного: «Топологическая рефлексия, создавая образ мира, не измеряет его с абстрактной единицей, для которой равнозначественны, едино- и однообразны все миры, но косвенно сообщает о присутствии, хотя инвариантной, но неметризуемой структуры. Результатом ее являются не идеальные объекты, но концепты, которые есть продукт в равной мере и теоретического самопознания, и познания природы, и художественного обобщения, и эстетического опыта, и экологической и этической ответственности за топос» [5, 153]. Субъект топологической рефлексии превращается в «выразителя интересов (идеолога) топоса», причем акт и итог такой рефлексии указывают и обеспечивают процесс непрерывных трансформаций в напряженном диалоге составляющих, актуализируя проблему «соотносимости несоизмеримого» – мысли о мысли, включающей топос мысли [5, 183]. Рассмотрим интерпретацию терминов «топология» и «рефлексия» в понятии топологической рефлексии.

Рассмотрим понятие «хронотоп», введенное Ухтомским, опирающимся на идеи Эйнштейна и Минковского. Под «хронотопом» он понимал «закономерную связь пространственно-временных координат» [6, 347]. Хотя Ухтомский ввел этот термин в контексте своих физиологических исследований, в нем имеется и философский ресурс: «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [6, 342]. Хронотоп – действительное, случившееся соединение пространства и времени, то, в котором мы живем здесь и сейчас: «И траектория электрона в атоме, и траектория Земли в отношении созвездия Геркулеса, и траектория белковой молекулы в сернокислой среде до превращения ее в уголь, и траектория человека через события его жизни до превращения в газы и растворы – все это мировые линии, которые предстоит детерминировать в науке» [7, 185].

В эстетическом отношении понятие «хронотоп» в литературоведение вводит Бахтин. Его хронотоп можно понимать как типологическую или личностную схему всякий раз специфического соединения в осмысленном и кон-

кретном целом пространственных и временных координат, которые дают возможность вхождения субъекта в сферу культурных смыслов. Время раскрывается в пространстве, а пространство осмысляется и измеряется временем. Бахтин отличает свое понимание пространства и времени от кантовского, то есть понимания их как априорных форм чувственности. Пространство и время – «формы самой реальной действительности», чью роль автор стремится раскрыть в художественном познании в романном жанре. Система хронотопов как организационных центров смысла, скажем, художественного произведения образуется в процессе смены слияний и разрывов пространства и времени. Необходимо отметить, что именно благодаря работам М. М. Бахтина понятие «хронотоп» стало известным и даже «ходовым» в гуманитарной сфере. Он переносил это понятие в литературоведение «почти как метафору» [1].

Многие современные теоретики географии и физики, по наблюдению Савчука, приходят к тому, что пространство не гомогенно, но «каждая точка уникальна» в этом пространстве, имеет «свое лицо» [5, 116], и возникают геометрические (или шире – топологические) модели описания физических процессов, в которых обнаруживаются реальные свойства нелинейности и сингулярности [4], [5, 17].

В контексте гуманитарных наук уместно говорить именно о термине «топология», а не о понятии: «в отечественной гуманитарной литературе термин “топология” употребляется в качестве оператора особенности места, о котором идет речь. Однако его применение далеко от естественнонаучной строгости, которая при экстраполяции на гуманитарный объект утрачивается. ...Топология не покрывается и тем более не сводится к ландшафту, географии и топографии, особенности места. В гуманитарном дискурсе топология отсылает к более строгому значению, которое обретается онтологическим ее прочтением» [5, 136]. Хюбнер выделяет свойства топологии в гуманитарной сфере: «...Если использовать язык современной математики и физики, то можно сказать, что исторические архэ представляют собой как топологические, так и метрические сингулярности в профанном времени. Они являются топологическими сингулярностями, поскольку порядок и направление времени могут быть в них перевернуты так, что они в качестве прошлого способны оказывать влияние на настоящее без каких-либо промежуточных звеньев; метрическими сингулярностями их делает то обстоятельство, что никакой определенный отрезок длительности не является конститутивным фактором их идентичности» [8, 316]. С онтологическим прочтением

топологии возникают сложности, поскольку как ни сложны измерения и исчисления инвариантов математической топологии, онтологические характеристики ее измерить еще сложнее.

Заключение. Мы рассмотрели специфику архэ (вновь и вновь воспроизводящего себя в настоящем первособытия), метрических и топологических характеристик (в данном пассаже они фигурируют как сингулярности), а также сакрального и профанного пространства и времени. Интересует нас здесь методологическая позиция топологического и метрического рассмотрения мифологического пространства-времени во взаимосвязи сакрального и профанного порядков. Эта позиция обуславливает возможность существования воспроизводящего себя

единства прошлого-настоящего-будущего времени в неизмеримом (сакральном) порядке пространства и времени архэ, а также возможность существования несовпадения этого события, происходящего в настоящем, с закономерным профанным порядком. Это истолкование топологического в гуманитарных науках в очередной раз приближает нас к топологическому истолкованию мифа, которое проявляется в топологическом анализе природных и исторических архэ. Именно при таком соотнесении становится ясно, что исторические (или мифологические) архэ представляют собой топологическую сингулярность, то есть единичность, особенность, не регулярное событие, но индивидуальное, выходящее из упорядоченного ряда событий.

Литература

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году.

1. Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* // Вопросы литературы и эстетики: сб. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.
2. Кольман Э. Предисловие // Листинг И. Б. *Предварительные исследования по топологии*. М.; Л., 1932.
3. Листинг И. Б. *Предварительные исследования по топологии*. М.; Л., 1932.
4. Мандельброт Б. *Фрактальная геометрия природы*. М.: Изд-во Института компьютерных исследований, 2002.
5. Савчук В. В. *Топологическая рефлексия*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.
6. Ухтомский А. А. *Доминанта*. СПб.: Питер, 2002.
7. Ухтомский А. А., Платонова В. А. *Эпистолярная хроника*. СПб., 2000.
8. Хьюбнер К. *Критика научного разума*. М., 1994.

References

This work is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE), 2016.

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [Questions of literature and aesthetics]. St. Petersburg; Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1975. Pp. 234–407.
2. Kol'man E. *Predislovie* // Listing I. B. [Preliminary studies on the topology]. Moscow; Leningrad, 1932.
3. Listing I. B. *Predvaritel'nye issledovaniya po topologii* [Preliminary studies on the topology]. Moscow; Leningrad, 1932.
4. Mandel'brot B. *Fraktal'naya geometriya prirody* [Fractal Geometry of Nature]. Moscow, Izd-vo Instituta komp'yuternykh issledovaniy Publ., 2002.
5. Savchuk V. V. *Topologicheskaya refleksiya* [Topological reflection]. Moscow, "Kanon" ROOI "Reabilitatsiya" Publ., 2012.
6. Ukhtomskiy A. A. *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg, Piter Publ., 2002.
7. Ukhtomskiy A. A., Platonova V. A. *Epistol'yarnaya khronika* [Epistolary chronicle]. St. Petersburg, 2000.
8. Khyubner K. *Kritika nauchnogo razuma* [Criticism of the scientific mind]. Moscow, 1994.

Информация об авторе

Шалаева Анастасия Владимировна – преподаватель Школы философии факультета гуманитарных наук, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полегаева (ИГИТИ). Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20, Российская Федерация). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Information about the author

Shalayeva Anastasiya Vladimirovna – lecturer at the School of Philosophy, Faculty of Humanities, research intern at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities (IGITI). National Research University Higher School of Economics (20, Myasnitckaya str., 101000, Moscow, Russian Federation). E-mail: anastasiashalaeva@gmail.com

Поступила 15.03.2016

УДК 008(1-15):316.3

С. Л. Шалаева¹, В. П. Шалаев²¹Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)²Поволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**ПСЕВДОЛИБЕРАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ГЛОБАЛЬНОЙ
ЗАПАДОФИКАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ДЕСТРУКЦИИ ОБЩЕСТВА**

В статье исследуется проблема социальных последствий влияния (насаждения) западной либеральной культуры на систему ценностей, отношения и поведение человека в российском, постсоветском и незападном обществе в целом. Вводится и обосновывается понятие псевдолиберализации, анализируются различные ее проявления и негативное влияние на различные группы населения, прежде всего на молодежь. Псевдолиберализация рассматривается в качестве превращенной формы либерализма, то есть такого либерализма, который подавляет и разрушает другие мировоззрения и философии общества, культивируя ложные, внеисторические, внациональные, а главное внеэтические ценности, которые на уровне глобальных процессов подчинены большому и сверхбольшому капиталу и бизнесу. Социально-деструктивному влиянию псевдолиберализации, по мнению авторов, способствуют процессы глобализации и префигурации в современном обществе. Псевдолиберализация обосновывается в качестве культурного фактора глобальной западофикации и глобального управления миром, его человеческими и природными ресурсами, со стороны западной цивилизации и культуры, в интересах запада.

Ключевые слова: глобализация, псевдолиберализация, префигурация, мировоззрение, социальная деструкция, западофикация, глобальное управление.

S. L. Shalayeva¹, V. P. Shalayev²¹Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation)²Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)**FALSE LIBERAL CULTURE AS FACTOR OF THE GLOBAL WESTERNISATION
AND SOCIAL DESTRUCTION OF SOCIETY**

In article the problem of social consequences of influence (planting) of the western liberal culture on system of values, the relations and behavior of the person in the Russian, Post-Soviet and not western society, in general is investigated. The concept of false liberalization is entered and locates, its various manifestations and negative influence on various groups of the population, first of all on youth are analyzed. False liberalization is considered as the turned liberalism form, that is such liberalism which suppresses and destroys other outlooks and philosophies of society, cultivating false, out of historical, out of national, and, above all out of ethical values which at the level of global processes are subordinated to the big and superbig capital and business. Social destructively influence of false liberalization, according to authors, is promoted by processes of globalization and a prefiguration in modern society. False liberalization locates in quality of a cultural factor of a global westernisation and global management of the world, its human and natural resources, from the western civilization and culture, in interests of the West.

Key words: globalization, false liberalization, prefiguration, outlook, social destruction, westernisation, global management.

Введение. Проверенные исторической судьбой народов моральные ценности и социальные нормы – важный фактор стабильной общественной жизни людей. Несомненно, что между ценностями и нормами существует диалектическая взаимосвязь: моральные ценности влияют на формирование общественных норм, а общественные нормы стоят на страже моральных ценностей, сохраняя, укоренения и распространяя их в обществе. В науке исследуются конструктивные и деструктивные функции общественных норм. К конструктивным относятся нормы, поддерживающие базовые моральные ценности, к

деструктивным – нормы, влияющие на капилляризацию (разобщение) и разрушение общества.

Во всяком обществе деструктивные нормы существенным образом ассимилированы в их ценностно-нормативную структуру. Рассмотрим эти процессы на примере недавней истории России. В нравственном сознании российского общества 90-х годов можно зафиксировать длительную тенденцию деструктивного поведения населения, подпадающую под понятие «аномии» (разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом). Эта тенденция была прервана в постельцинский

период истории и, по нашему мнению, была свойственна для всего постсоветского пространства. Аномия стала заменителем гиперномии – сверхнормированности советского строя. По мнению А. В. Юревича, аномия и «моральная деградация» стали в это время статистической нормой этих обществ [8]. В массовом сознании постсоветских стран проявили себя в качестве доминирующих ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения [1, с. 28]. На место советских ценностей и норм поведения, подобных процессам «испарения морали» (Э. Гиденс), в пространство образовавшегося экзистенциального вакуума (В. Франкл) и хаоса переходного времени вторглись низкосоциальные агенты социализации, в основном пришедшие извне (антисоветский трафик, «нормы» улицы, неконтролируемые и слабо контролируемые с моральной точки зрения СМИ и кинематограф, потребительская реклама и т. д.). Эти агенты в качестве альтернативы выдвигали мораль и эстетику, близкую отрицанию здорового образа жизни, провоцируя опасные для здоровья нормы поведения.

Экзистенциальный вакуум стал питательным бульоном массовой социальной девиации. В 90-х годах XX века законопослушное поведение российских граждан превращается в аномалию. Опросы тех лет свидетельствовали, что до 90% россиян решали (были готовы решать) «спорные вопросы» с помощью криминала, а сам криминал занял третье место после семьи и церкви, по авторитетности, как социальной институт. Экзистенциальный вакуум постсоветского периода интенсивно заполнялся и идеями либерального характера, идущими с запада, в том числе в форме масскультуры. Важным показателем происходящих деформаций стали, например, метаморфозы свободы в массовом общественном сознании. Важно понять, что свобода – это всегда высвобождение не только лучшего, но и худшего в человеке, а высвобождение лучшего непременно должно сопровождаться жесткими ограничениями на высвобождение худшего.

Существует и другая сторона свободы, которую зафиксировал Э. Фромм в своей работе «Бегство от свободы». Будучи по своей сущности общественным, он (человек), попадая в ситуацию либеральной, гипертрофированной индивидуализации, бежит от одиночества назад, к коллективным формам существования. Тем самым, такую либерализацию можно было бы назвать процессами псевдолиберализации, скорее разрушающими человека и его жизненный мир, чем помогающими ему. Идеи псевдолиберализации в постсоветский период в превращенной форме нашли свое отражение в болезнях всего постсоветского пространства.

В постсоветской России псевдолиберальное понимание свободы нашло отражение в повсеместном несоблюдении моральных запретов, разнузданности и безответственности, весьма охотно ассимилируемых, прежде всего молодежью. Последствиями распространения такого понимания свободы на фоне дефицита внешнего и внутреннего контроля стали многие социальные болезни. Так, в постперестроечный период, в момент распада СССР и разрушения советских социальных институтов, количество убийств на 100 тыс. жителей в России почти в 4 раза обогнало США и примерно в 10 раз превысило распространенность убийств в большинстве европейских стран. Индекс нравственного состояния Российского общества в период после распада СССР уменьшился 2 раза по сравнению с 1990 годом [8, с. 19]. Таковы факты по диагнозу «экзистенциального вакуума» и вторжения псевдолиберальных ценностей и моделей поведения.

Среди наиболее разрушительных для человека и общества псевдолиберальных ценностей, способных повлиять на народы мира необратимым образом, можно отнести и ситуацию с гомосексуализмом. Согласно внедряемому международному классификатору болезней (МКБ-10), гомосексуализм – это один из конституциональных вариантов психической нормы [3]. Оправдание и правовая защита этого неоднозначного феномена, несомненно, важный фактор, стимулирующий деформацию репродуктивного поведения населения стран. Низкоморальное понимание свободы и ее бесконтрольное, а точнее сказать управляемое, в определенных интересах, распространение формируют в значительной части современного мира совершенно новый тип личности, характеризуемый психологами как «развязно-агрессивный» [2]. Этот тип является продуктом любых переходных процессов, подобных 1990-м годам в России и странах бывшего СССР. Наиболее значимые тенденции этого процесса нашли также свое отражение и в феномене префигуративной культуры (деформации отношения поколений в обществе) [7].

Под влиянием глобализации процессы псевдолиберализации активно распространяются и внедряются в социальные институты современного общества (семью, образование, мораль, право, институты управления и т. д.), порождая их деформацию, а значит, ослабляя человека перед вызовами дальнейшего исторического пути развития. Они скорее разъединяют, чем объединяют, людей перед вызовами человеческой истории [7].

Вместе с катком глобализационной западофикации в мир пришла не только ускоренная динамика практического развития (стимулирование развития производства и потребления

в мире), но и повышенные риски развития мира, его бифуркационность. Вращиваемая западом иерархичная система социальных статусов стран и народов все чаще оборачивается протестными движениями незападного мира, как наиболее эксплуатируемой и униженной части глобальной системы массового производства и массового потребления, создаваемой западным капиталом и политикой. Эти протестные движения уже нашли свое отражение в религиозном фундаментализме и экстремизме, терроризме и продолжают нарастать, подогреваемые ростом национального самосознания [5–7].

В принципе, ситуация достаточно диалектична. Унифицирующее давление однополярного западофицированного мира неизбежно порождает протесты поливариантного культурного и цивилизационного мира, каким он на самом деле является. При этом такое унифицирующее влияние запада порождает и обратную прогрессию своего распространения и развития, а именно: чем оно сильнее и масштабнее, тем у него на самом деле меньше потенциального ресурса развиваться дальше, так как это развитие только и возможно за счет свободных ресурсов поливариантного мира. Процессы, происходящие в системе образования, воспитания подрастающих поколений, состоянии мировоззрения современных обществ играют здесь, на наш взгляд, центральную роль.

С нашей точки зрения, влияние западофицированной формы глобализации на мир и мировоззренческо-образовательные процессы в нем можно описать в следующих положениях:

1. Ситуация глобализации может быть рассмотрена как распространение общества массового производства и массового потребления в форме западной системы ценностей, целей и образцов организации общественной жизни, внедряемых в форме западофикации (приобретение и подчинение). В основе западофицированного глобального проекта развития мира, несомненно, находится превращенный фактор западного капитала, его потребностей, интересов и целей (по К. Марксу). Эта превращенная форма, становясь самостоятельной силой, подминает под себя все другие социальные институты, в том числе мораль, право, религию, семью, замещая их своими эрзацами.

2. Глобальная западофикация проявляет себя, прежде всего, в распространении либерально-потребительского мировоззрения и потребительской системы ценностей. Западофикация, несомненно, является модусом и мягким инструментарием капитала и бизнеса по созданию стабильной и управляемой общемировой системы организации и контроля над жизнедеятельностью стран и народов мягкими гумани-

тарными технологиями (правовое образование, СМИ, Интернет, кинематограф, индустрия развлечений и т. д.), нацеленных на переделку сознания человека на потребительских принципах [4].

3. Необходимо подчеркнуть двойственную сущность либерально-потребительских ценностей. Провозглашаемая западом деидеологизация образования и воспитания, разделение идеологии и воспитания в школах и вузах на самом деле стала лишь технологией наращивания этой идеологизации через внешние по отношению к институтам образования и воспитания системы (либерально-потребительские СМИ, «свободный» Интернет, кинематограф и т. д., в значительной степени западного происхождения и идейной начинки). При этом надо иметь в виду и цену такой борьбы. Ведь именно молодежь способна стать наиболее действенной ударной силой по деформации и разрушению традиционных ценностей и отношений, замещаемых западофикацией. И это вполне подтверждает эмпирика современной истории. Постсоветская, сербская, арабская, сирийская, украинская и другие «революции» являются яркими примерами управляемого извне социального хаоса.

4. Все это говорит о том, что здоровая, национально ориентированная идеология и традиционная мораль должны быть незамедлительно возвращены в отечественное образование на всех его ступенях (школа, университет, прежде всего) в качестве важного фактора национальной безопасности и исторической состоятельности постсоветских стран в глобальном конкурентном обществе. Здесь есть и еще один диалектический контекст. Он заключается и в том, что готовящаяся в наших школах и университетах поневоле аполитичная, западофицированная молодежь, согласившаяся с истиной западных либеральных (псевдолиберальных) ценностей и потребительским пониманием «счастья», – это еще и лояльный, послушный Западу массовый потребитель и фактор воспроизводства внешних ценностей и стилей жизни с соответствующим им пониманием «счастья», политики, экономики и отечества. Круг замкнулся, мировой западофицированный цивилизационно-культурный бизнес-проект заработал. Организованное массовое производство товаров и услуг соединилось со своим массовым организованным потребителем [5–7].

В попытке противостоять разрушающему влиянию псевдолиберализации мы видим только одну альтернативу – возвращение патриотического, национального самосознания, традиционной морали, национально ориентированной идеологии в нашу культуру.

Литература

1. Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 27–34.
2. Специфика агрессии в Интернет-среде / С. Н. Ениклопов [и др.] // Психологический журнал. 2006. № 6. С. 65–72.
3. Красильников Г. Т. О психической норме и патологии (клиническая лекция) // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2007. Т. XIII. № 3. С. 34–40.
4. Шалаев В. П. Актуальная синергетика. Человек и общество в эпоху глобальных трансформаций: монография. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2013. 184 с.
5. Шалаев В. П. Мировоззренческо-образовательная западофикация как угроза инновационной безопасности и инновационному развитию России в глобальном мире (философские заметки) // Проблемы социогуманитарного обеспечения инновационных процессов на евразийском пространстве / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито Центр, 2014. С. 132–145.
6. Шалаев В. П. Человек и общество в глобализированном мире: вызовы, метаморфозы, перспективы. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2015. 288 с.
7. Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Либеральная (псевдолиберальная) культура как фактор глобальной западофикации и глобального управления // Socio Time. 2015. № 2. С. 112–122.
8. Юревич А. В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 17–24.

References

1. Boykov V. Ye. Social-political value attitudes of Russians: content and realization possibilities. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Case Studies], 2010, no. 6, pp. 27–34 (In Russian).
2. Enikopolov S. N., Kuznetsova B. N., Tsibul'skiy N. P., Chudov N. V. Specifics of Internet aggression. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological magazine], 2006, no. 6, pp. 65–72 (In Russian).
3. Krasil'nikov G. T. About mental health and disease (clinical lecture). *Voprosy mental'noy meditsiny i ekologii* [Proceedings in mental medicine and ecology], 2007, vol. XIII, no. 3, pp. 34–40 (In Russian).
4. Shalaye V. P. *Aktual'naya sinergetika: chelovek i obshchestvo v epokhu global'nykh transformatsiy: monografiya* [Actual synergetics: human being and society in global transformations]. Yoshkar-Ola, PGTU Publ., 2013. 184 p.
5. Shalaye V. P. Educational westernization as the threat for innovational safety and development of Russia in globalized world (philosophical issues). *Problemy sotsiogumanitarnogo obespecheniya innovatsionnykh protsessov na evraziyskom prostranstve* [Problems of social and humanitarian support for innovative processes in the Eurasian space]. Moscow, Kogito-Centr Publ., 2014. Pp. 132–145.
6. Shalaye V. P. [Problems of social and humanitarian support for innovative processes in the Eurasian space]. *Chelovek i obshchestvo v globalizirovannom mire: vyzovy, metamorfozy, perspektivy* [Man and society in globalized world: challenges, metamorphoses, perspectives]. Yoshkar-Ola: PGTU Publ., 2015. 288 p.
7. Shalaye S. L., Shalaye V. P. Liberal (pseudo liberal) culture as global westernization and domination factor. *Sotsial'noe vremya* [Socio Time], 2015, no. 2, pp. 112–122 (In Russian).
8. Yurevich A. V. Greek gift: the freedom phenomenon in modern Russia. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2010, no. 10, pp. 17–24 (In Russian).

Информация об авторах

Шалаева Светлана Леонидовна – кандидат философских наук, доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики. Марийский государственный университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 1, Российская Федерация). E-mail: Chalaewp@volgatech.net

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: Chalaewp@volgatech.net

Information about the author

Shalaye S. L., Shalaye V. P. – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Preschool and Social Pedagogics. Mari State University (1, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: Chalaewp@volgatech.net

Shalaye V. P. – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: Chalaewp@volgatech.net

Поступила 15.03.2016

УДК 316.42; 304.9; 659.1

В. В. Хренков, В. П. ШалаевПоволжский государственный технологический университет
(Йошкар-Ола, Российская Федерация)**СОЦИАЛЬНО-ДЕСТРУКТИВНЫЙ СИМБИОЗ БИЗНЕСА И РЕКЛАМЫ
В РЫНОЧНОМ ОБЩЕСТВЕ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)**

Статья посвящена анализу рекламной деятельности коммерческих организаций в условиях современной капиталистической системы. Реклама рассматривается как важный и действенный фактор возрастания прибылей и в том числе как эффективное средство конкурентной борьбы и захвата бизнес-субъектами сегментов рынков для сбыта товаров и услуг. В то же время реклама характеризуется как инструмент продвижения экономической и идеологической власти бизнеса в современном обществе. Уделяется внимание вопросам, связанным с применением рекламы как инструмента управления поведением и сознанием людей, как средства формирования и поощрения неограниченных потребностей, манипулирования запросами и устремлениями индивидов. Деятельность в сфере бизнеса и рекламы рассматривается и в аспекте того, что она представляет потенциальную или реальную опасность для психологического, физического или духовного состояния человека, для его безопасности как полноценного существа. В фокусе данной статьи находится проблема особенностей симбиотического союза бизнеса и рекламы, являющегося как следствие, фактом роста прибылей бизнес-субъектов в рыночном обществе, подчинения ими своему влиянию различных сфер социального пространства и вместе с тем фактом деформирования и оскудения гуманистических и нравственно-интеллектуальных ориентиров и смыслов в обществе.

Ключевые слова: реклама, капитализм, рыночное общество, бизнес, прибыль, человек, потребности, социальный контроль.

V. V. Khrenkov, V. P. Shalayev

Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russian Federation)

**SOCIAL-DESTRUCTIVE NATURE OF BUSINESS AND COMMERCIAL
IN MARKET SOCIETY (THE SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)**

Article is devoted to the analysis of advertizing activity of the commercial organizations in the conditions of present capitalist system. Commercial is considered as an important and effective reason of increase of profits and as an effective remedy of competitive fight and capture by business of segments of the markets for sale of goods and services. At the same time advertizing is characterized as the tool of advance of the economic and ideological power of business in present society. The attention is paid to the questions connected with advertizing application as the tool of management of behavior and consciousness of people and as the tool of formation and encouragement of unlimited needs, of manipulation with desires and aspirations of people. Activity in the sphere of business and commercial is considered also in aspect of the fact that she constitutes potential or real danger to a psychological, physical or spiritual health of the person, to its safety as a full-fledged being. In focus of this article there is a problem of features of the symbiotic union of the business and advertizing having the consequences the fact of growth of profits of business in market society, submission by them to the influence of various spheres of social space and at the same time the fact of deformation and impoverishment of humanistic and moral and intellectual reference points and meanings in society.

Key words: commercial, capitalism, market society, business, profit, human being, needs, social control.

Введение. В своем исследовании мы исходим из тезиса о том, что основы социальной структуры современного общества и его процессов определены доминирующими капиталистическими принципами и ценностями. В центре внимания статьи симбиоз бизнеса и рекламы как деструктивный фактор развития человека в рыночном обществе.

Основная часть. Цели бизнеса в современном обществе определяются задачами, связанными с оперативным сбытом продукции, с занятием все более обширной доли рынка, погони за

ростом прибыли. В решении этих задач непосредственными помощниками бизнеса выступают потребители его товаров и услуг, нередко навязываемых тем же бизнесом в мягкой, угодливо-искусной форме потребностей – искусственно им порождаемых либо провоцируемых в индивидах. Основой этого являются существенные свойства самого человека. Как отмечал З. Бауман, человек находится в состоянии поиска смысла своего существования непрерывно (то есть спрос на удовлетворение этой потребности является стабильным), а потому возможности

у капитала получать доходы в этой области обширны [2, с. 5]. В связи с этим реклама представляет для капитала значимое средство воздействия на поведение, вкусы и нужды людей. Неудивительно, что коммерческие фирмы активно используют телевидение и интернет как средство для реализации своих стремлений. Ими производится оплата, спонсирование разнообразных телетрансляций (подробнее см. о контроле со стороны крупного бизнеса средств массовой информации, напр. [5, с. 79; 13]), а также прав размещения своей рекламы на многочисленных интернет-сайтах. В последнем случае, как характеризует свое наблюдение Д. Неведимов, «оцифрованной собственностью» является сам человеческий мозг.

Кооперация владельцев массмедиа и рекламодателей объясняется их совместным стремлением к получению прибыли. Реклама как раз тот способ, который позволяет реализовывать это стремление с большим успехом как для одних, так и для других. Поэтому большинство из средств массовой информации наших дней используются во многом и прежде всего как инструмент подчинения сознания реципиентов в их интересах; тогда как просветительская задача реализуется только в тех случаях, когда она конгруэнтна с названным выше стремлением. Хуже того, эта кооперация, определенная нормами рыночного общества, обуславливает интеллектуальную и духовную ущербность существенной части массмедийной продукции, а также утверждает господство рекламодателей на информационно-коммуникативном рынке и их контроль над СМИ, ставшими ресурсом для вовлечения аудитории в ограниченный соображениями получения выгоды, дискурс работодателей.

Описываемые процессы позволяют функционировать, что условия и механизмы функционирования рыночного общества предопределяют повсеместность ситуации несамостоятельности медиапространства, нацеленного на обеспечение притоков финансовых средств и потому подчиненного интересам бизнеса. А эти интересы связаны с ориентацией на мобилизацию как можно большего числа потребителей медиапродуктов и вследствие того продиктованы, по мысли П. Бурдьё, стремлением подладиться под запросы этих потребителей; в результате чего производятся передачи, предопределенные рейтинговыми показателями, а значит, низкопробные по своей сути [3, с. 131, 159].

По тем же причинам извлечения и увеличения прибылей и заботы о рейтинге используют различные способы обращения к аудитории как к объекту воздействия с наибольшим эффектом. Это, в частности, и маскировка рекламы под официальную информацию (некоторые но-

востные репортажи или статьи, например) либо под рекомендации персон, мимикрирующих под «незаинтересованных» субъектов [5, с. 72–95]; и вещание разнообразных специфических и эпатажных передач, приковывающих к себе множество реципиентов [1, с. 15]). Чтобы существовать в условиях тотальности рыночных отношений медиаканалы становятся выразителями интересов спонсоров любой ценой, не гнушаясь прибегать ни к цинизму, ни к пошлости. Впрочем, по мнению Бурдьё, доля вины здесь лежит и на самих потребителях медиапродукции, отстраняющихся от каких бы то ни было действий по выправлению такой безрадостной ситуации и использующих в качестве противодействия только лишь практику регулярного переключения телевизора с канала на канал [3, с. 159].

Иную грань разбираемого феномена подмечает С. А. Зелинский, заостряющий внимание на том, что воздействие на человека не прекращается даже при включенном фоновом состоянии телевизора; в таких случаях воздействие оказывается еще более осуществимым, поскольку цензурные ограничители психики предстают при данных условиях более ослабленными. Озабоченность рейтинговыми показателями тем самым сказывается негативным образом на сознании адресатов информационно-рекламных посылов и порождает их подвластность низкокачественной телепродукции [9].

Нахождение медиапространства (а также, к примеру, и спорта, и кинопродукции, и много другого) под контролем крупного капитала знаменует главенство коммерческого интереса как такового, следствием чего стало масштабное ухудшение и устранение в пространстве всей современной массовой культуры нравственно-интеллектуальных ориентиров и смыслов, а также установление практики регулирования потребления и общественного мнения.

В современном обществе доминирует идеология, нацеливающая коммерческие субъекты на разработку и выполнение стратегии по продвижению на рынке не товаров самих по себе, а их основательно представляемых образов с одновременной привязкой их к определенным ценностям и идеям. Корпорации транснационального и иных, менее значимых масштабов в своей борьбе за рынок, а следовательно и за социальное пространство продвигают повсеместно с помощью рекламных технологий свой «образ-товар».

Насыщенность мира рекламой детерминирует развитие сверхагрессивной, масштабной и высокорасходной бренд-рекламы, являющейся действенным способом экономического и идеологического господства на значительных пространствах мира, реализуемого в условиях

возрастающей борьбы с конкурентами. Вообще, такая деятельность нам представляется логическим продолжением и завершением того, что, по замечанию К. Гэлбрейта, предстает как факт подвижности предпринимателей инстинктивной волей к борьбе с конкурентами, что в итоге объясняет и то, почему реклама создается именно в агрессивной форме [6, с. 226].

Рассматривая другое неотъемлемое звено отношений в рыночном обществе – собственно, потребителя, – немаловажно указать на то, что, несмотря на приписываемую ему свободу выбора неисчислимых товаров и услуг (позиционируемую капитализмом как его достоинство), он, тем не менее, на наш взгляд, не выступает в роли субъекта, актора, а поставлен в зависимые условия от бизнеса. Диктат многообразных факторов, в том числе рекламы, в обществе потребления определяет всеобщность ситуации, когда человек не являет собой существо субъектное, а используется в роли «ёмкости для содержания желаний», по определению Т. Веблена [9, с. 61]. Ведь именно благодаря рекламе индивид различает, какого поощряемого системы вкуса и стиля поведения он должен придерживаться. Согласно Т. Адорно и М. Хоркхаймеру, в этом заключается диктат, исходящий от современного общества, и диктат этот становится тем больше, чем более многообразным оказывается количество изготавливаемых для людей объектов потребления [11, с. 12]. При этом декларируемая бизнесом и капитализмом свобода потребительского выбора, на самом деле оказывается «видимостью» [10, с. 200]. И это, как нам представляется, адекватная характеристика ситуации; ведь если взять необъятные примеры рекламы соперничающих между собой брендов в том или ином сегменте рынка, то эти бренды в действительности порой оказываются порожденными одной и той же корпорацией, а в тех случаях, когда бренды принадлежат именно конкурирующим бизнес-субъектам, эти бренды нередко только преподносятся в качестве уникальных и самобытных, воплощая в себе отличия только в части дизайна и характеристик поверхностного толка.

Репрессивность рыночного общества, среди всего прочего, выражается и в том, что средствами рекламы и маркетинга реализуется привязка потребителей к наиболее значительным и влиятельным фирмам. Товары и услуги таких фирм приобретают огромное преимущество в конкуренции за армии потребителей, что объясняется их финансовым могуществом, обращаемым в результате и в могущество поистине идеологическое. Данная степень власти позволяет им занимать доминирующие позиции в медийном пространстве в целях продвижения

собственных брендов и, что более злокачественно для человека и общества, оказывать влияние на содержимое потоков информации, популяризируя в современных обществах негуманистические, бездуховные параметры глобализации и стандартов общества потребления. Именно этот фактор борьбы за сознание и поведение многочисленных потребителей, в том числе будущих, фиксируется в функциях рекламы, в качестве предмета национальной безопасности современных обществ, в частности, В. П. Шалаевым. И уж самой безобидной в данных обстоятельствах видится стандартизированная практика мимикрии пропагандируемых брендов под бренды национальные (российские, в частности), которые на деле принадлежат западным держателям акций или инвесторам [12].

Что касается самого рекламного дела, то оно во все большей степени сращивается с транснациональными корпорациями в качестве их функции самоутверждения и развития. Корпорации имеют возможности рекрутировать к себе на работу большое число высококлассных специалистов из сферы дизайна, изобразительного искусства, социологии, психологии. Производство крупномасштабной, высокоэффективной рекламы обеспечивает компаниям способность управления общественным сознанием. В добавление к этому они реализуют активную пропаганду тех ценностей и стилей жизни, что концентрируют в себе, мягко говоря, сомнительные в духовном и интеллектуальном плане характеристики, в значительной степени порожденные западным капиталом и бизнесом в интересах растущего гешефта (прибыли). Рост этого гешефта оказался невозможен без роста управления сознанием и потребительским поведением миллионов, путями потребительского, низменно-гедонистического и лишенного здоровых нравственных ориентиров способа существования. Синтезом больших компаний и рекламных агентств воспроизводится, как высказался Т. ван Дейк, «производство убеждающего дискурса для публичного потребления», а также приобретение рычагов для установления отвечающего их собственным интересам влияния; при всем при том путем различных рекламных технологий вуалируется фактичность корпоративной власти [7, с. 84].

В борьбе за господство на потребительском рынке и монополию повсеместной предстаёт практика сговора нескольких корпораций по стандартизации высоких цен, перемещающая конкуренцию из сферы производства в сферу рекламирования, при этом проблема качества товара остается на периферии этих процессов. Как итог, грандиозные затраты фирм на рекламу, обеспечивающие их победу над конкурентами,

компенсируются увеличением цен и тем самым перераспределяются между потребителями товаров этих фирм [9, с. 93–94, 102]. По замечанию Ф. Котлера, активно реализуемое стимулирование сбыта, в том числе посредством рекламы, приводит к возрастанию цен на рекламируемый товар, который по качеству часто не уступает идентичному, но только не продвигаемому в массы товару [8, с. 659]. Это имеет отношение, например, и к такому товару первой необходимости, как аспирин. Приобретение раскрученного продукта оборачивается для потребителей дополнительной платой за издержки, имевшие место при создании и раскрутке фирмой этого товара, то есть за торговую марку и построенный за счет рекламы «уникальный» образ товара.

Но и это еще не все ухищрения со стоимостью товаров, возлагаемых «на плечи» потребителей. Поскольку взращивание в представителях современного общества потребительских установок (взращивание прежде всего за счет внедрения множества фиктивных, излишних и неестественных потребностей) сопровождается установлением высоких цен на товары и услуги, реализующие эти потребности, – то это вызывает и автоматическое повышение цен и на те товары, что удовлетворяют естественные потребности.

Кажется верным признать вслед за Г. И. Герасимовым то, что одновременно при рекламировании товара зачастую рекламируется также доброта самой корпорации, предлагающей этот товар, или даже всей общественной системы капиталистического типа [4, с. 181, 182]. И, как подчеркнул П. Сети, упор в рекламе такого ти-

па делается на усилении статуса рекламодателей и на отыскании источников содействия их интересам, «что вовсе не обязательно хорошо для экономики или для общества» [4, с. 182–183].

Не только для коммерческих компаний реклама представляет опору для извлечения выгод, но и для таких финансовых институтов, как банки, стремление каковых связано с привлечением как можно большего числа потребителей их кредитных предложений. Испытывающие (по разным причинам) необходимость в материальных благах потребители представляют, таким образом, источник прибылей как для коммерческих, так и для финансово-кредитных организаций.

Заключение. В заключении нельзя не констатировать всю противоречивость деструктивного симбиоза бизнеса и рекламы. На этом заострил свое внимание Э. Фромм, называя способствование человеческому развитию «активизацией» людей, а обратное указанному влиянию – их «пассивизацией» [10, с. 136]. В деятельности, направленной на реализацию небескорыстных целей одних людей за счет других, общество капиталистического, рыночного типа и государство, обслуживающие такое общество и управляемые в том числе (или прежде всего) порочными представителями властвующих элит, деформируют большинство его участников по своему образу и подобию, не обращая особого внимания на вопросы подлинного, нравственного, гуманистического характера. Неудивительно поэтому, что реклама, маркетинг, брендинг являются сегодня собой яркий пример обусловленности господствующими в капиталистическом обществе отношениями.

Литература

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление; пер. с англ. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 384 с.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество; пер. с англ. М.: Логос, 2005. 390 с.
3. Бурдьё П. О телевидении и журналистике; пер. с фр. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002. 160 с.
4. Герасимов Г. И. Общество потребления: мифы и реальность. М.: Знание, 1984. 232 с.
5. Говард М. Мы знаем, что вам нужно. Как они влияют на ваше сознание; пер. с англ. Екатеринбург: Ультра: Культура, 2007. 192 с.
6. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество; пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. 480 с.
7. Дейк Тён ван А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
8. Котлер Ф. Основы маркетинга; пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Е. М. Пеньковой. М.: Прогресс, 1990. 736 с.
9. Феофанов О. А. США: реклама и общество. М.: Мысль, 1974. 264 с.
10. Фромм Э. Революция надежды. Избавление от иллюзий; пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. 352 с.
11. Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты; пер. с нем. М.: Медиум; СПб.: Ювента, 1997. 312 с.
12. Шабурова О. Мужик не суетится, или Пиво с характером // О муже(N)ственности: сборник статей / сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 532–555.

References

1. Aronson E., Pratkanis E. R. *Age Of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion*. W. H. Freeman and company, New York, 2001 (Russ. ed.: *Epokha propagandy: Mekhanizmy ubezhdeniya povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotrebleniye*. SPb., Praym-EVROZNAK Publ., 2002. 384 p.).
2. Bauman Z. *The Individualized Society* (Russ. ed.: *Individualizirovannoe obshchestvo*. Moscow, Logos Publ., 2005. 390 p.).
3. Burd'ye P. (Russ. ed.: *O televidenii i zhurnalistike*. Moscow, Fond nauchnykh issledovaniy "Pragmatika kul'ury" Publ.: Institut eksperimental'noy sotsiologii Publ., 2002. 160 p.).
4. Gerasimov G. I. *Obshchestvo potrebleniya: mify i real'nost'* [Consumer society: myths and reality]. Moscow, Znanie Publ., 1984. 232 p.
5. Govard M. *We Know What You Want: How They Change Your Mind* (Russ. ed.: *My znaem, chto vam nuzhno. Kak oni vliyayut na vashe soznanie*. Ekaterinburg, Ul'tra, Kul'tura Publ., 2007. 192 p.).
6. Gelbreyt Dzh. *The New Industrial State* (Russ. ed.: *Novoe industrial'noe obshchestvo*. Moscow, Progress Publ., 1969. 480 p.).
7. Deyk Ten van A. *Discourse and Power* (Russ. ed.: *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii*. Moscow, Knizhnyy dom "LIBROKOM" Publ., 2013. 344 p.).
8. Kotler F. *Marketing Essentials* (Russ. ed.: *Osnovy marketinga*; obshch. red. i vstup. st. E. M. Pen'kovoy. Moscow, Progress Publ., 1990. 736 p.).
9. Feofanov O. A. *SShA: reklama i obshchestvo* [USA: advertizing and society]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 264 p.
10. Fromm E. *The Revolution of Hope, toward a humanized technology* (Russ. ed.: *Revolyutsiya nadezhdy. Izbavlenie ot illyuziy*. Moscow, Ayris-press Publ., 2005. 352 p.).
11. Khorkkhaymer M., Adorno T. V. *Dialektik der Aufklärung* (Russ. ed.: *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Moscow, St. Petersburg, Medium Publ., Yuventa Publ., 1997. 312 p.).
12. Shaburova O. *Muzhik ne suetitsya, ili Pivo s kharakterom* [The man doesn't fuss, or Beer with character]. O muzhe(N)stvennosti: sbornik statey. Sost. S. Ushakin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, pp. 532–555.

Информация об авторах

Хренков Вадим Владимирович – магистр, ассистент, аспирант кафедры социальных наук и технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: vad042@yandex.ru

Шалаев Владимир Павлович – доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных технологий. Поволжский государственный технологический университет (424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Российская Федерация). E-mail: Shalaevvp@volgatech.net

Information about the authors

Khrenkov Vadim Vladimirovich – Master, assistant, Lecturer PhD student, the Department of Social Studies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: vad042@yandex.ru

Shalaye Vladimir Pavlovich – DSc (Philosophy), Professor, Dean of the Faculty of Social Technologies. Volga State University of Technology (3, Lenina Sq., 424000, Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: shalaevvp@volgatech.net

Поступила 15.03.2016

УДК 316.74:001+930.1

О. А. Матусевич

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ**

В статье анализируются особенности формирования социальных представлений о прошлом. Автор анализирует концепцию французского ученого Сержа Московичи и его последователей применительно к исследованию образа прошлого, создаваемого в социуме. Рассматриваются особенности функционирования и создания, значения социальных представлений о прошлом, а также их структура. Автор предпринимает попытку сравнить основные положения концепции социальных представлений с популярными идеями теории социальной / культурной / исторической памяти, а также определить, исходя из концепции социальных представлений, взаимосвязь и взаимовлияние обыденного исторического знания и исторической науки в рамках формирования исторического сознания. Автор приходит к выводу, что концепция социальных представлений значительно обогащает социально-гуманитарную теорию памяти, имеет большой потенциал инструментального использования при изучении образа прошлого, формируемого в обществе, а также дает возможность аргументированно объяснить происходящие изменения в историческом сознании населения стран постсоветского региона.

Ключевые слова: обыденное знание, научное знание, историческое сознание, социальные представления, образ прошлого, история.

О. А. Matusevich

Belarusian State Technological University

FORMATION FEATURES OF SOCIAL REPRESENTATIONS OF HISTORY

The article is devoted to the peculiarities of social representations of the past. The author examines the concept of the French scientist Serge Moscovici and his followers that is applied to the study of the representation of history created by community. Features of functioning and creation, importance of social representations of the past as well as their structure are discussed in the article. The author makes an attempt to compare the basic concept of social representations with popular ideas of the theory of social / cultural / historical memory and to determine the relationship and interaction between common historical knowledge and historical science within the framework of historical consciousness. The author concludes that the concept of social representations greatly enriches the theory of memory and has a great potential for the instrumental use in the research of the representation of the past formed by society and also makes possible to convincingly explain the changes which are taking place in historical consciousness of the population of post-Soviet region.

Key words: common sense, scientific knowledge, historical consciousness, social representations, the representation of the past, history.

Введение. Прошлое нам не доступно в настоящий момент, его образ опирается на выработанные в социуме символы прошлого, историческое знание, социальный опыт и зависит от социальной реальности. Поэтому изучение формирования образа прошлого в общественном сознании на основе теории социальных представлений дает возможность раскрыть механизмы создания и эволюции картины прошлого, проследить динамику исторического сознания в обществе и объяснить многие современные процессы, так называемого «бума памяти».

Основная часть. Теория социальных представлений еще недостаточно разработана, поэтому существуют некоторые затруднения с определением предмета исследований. С. Московичи

под социальными представлениями понимал обыденное знание, здравый смысл: «будем считать представления духовными мыслительными конструкциями, соотнося их с коллективными эмоциями, которые их сопровождают или которые они порождают» [1, с. 5]. Социальные представления можно определить как «способность субъектов создавать когнитивную репрезентацию какого-либо факта... окружающего его мира на основе имеющейся у него информации о мире и интегрировать эту репрезентацию в уже имеющуюся когнитивную картину мира» [2]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что социальные представления – это содержание обыденного уровня общественного сознания, например, обыденного исторического сознания.

В теории присутствует четкое различие между понятием «коллективное представление» и «социальное представление». Считается, что коллективные представления характерны для традиционных обществ и обладают тотальным характером регуляции поведения. В современных обществах, где доминирующую позицию занимают наука и СМИ, социальные представления утрачивают тотальный характер и становятся динамическими образованиями. Помимо социальных и коллективных различают следующие типы представлений в зависимости от характера внутригрупповых отношений:

1. Руководящие – разделяемые всеми членами группы, они единообразны и принудительны, характерны для авторитарных отношений, так как не создаются группой, а навязываются социальными институтами.

2. Эмансипированные представления возникают в результате развития науки и обмена знаниями, вырабатываемыми разными группами общества.

3. Полемические представления не разделяются всеми членами группы и характеризуют конфликтные группы, являются предметом общественной дискуссии [3, с. 10; 4, с. 70].

Данная типология, на наш взгляд, является весьма продуктивной для анализа социальных представлений о прошлом, так как дает возможность проследить истоки, способ распространения и социальную роль этих представлений с учетом специфики функционирования групп и общностей.

Опираясь на теорию социальных представлений, можно четко сформулировать общественное значение представлений о прошлом и ответить на сакраментальный для историков вопрос «зачем изучать историю». Можно выделить следующие функции социальных представлений о прошлом:

1) конструирование и поддержание идентичности;

2) познавательная функция (построение непротиворечивой картины мира и объяснение происходящих перемен);

3) легитимация социальных отношений;

4) детерминация поведения (создание системы координат для ориентации социальной активности и наложение определенных нормативных ограничений);

5) стабилизация эмоционального состояния общества, особенно в условиях трансформации общества [3, с. 10];

6) защита в условиях групповой дискриминации и межгруппового конфликта (в то же время социальные представления доминирующей группы могут выполнять функцию оправдания дискриминации и репрессий против дискриминируемых групп) [4, с. 70, 96];

7) коммуникативная функция предполагает, что социальные представления обеспечивают определенность коммуникативного поля (при ее отсутствии социальное взаимодействие значительно затрудняется).

Анализ функций социальных представлений объясняет актуализацию исторических знаний в кризисные периоды развития общества.

Относительно структуры и характеристик социальных представлений среди ученых нет единства. Социальные представления включают в себя и когнитивные, и эмоциональные характеристики. Они обладают принудительной силой, организуя не только поведение человека, но и ментальное содержание, и когнитивные формы общественного сознания. При этом они имеют внеинституциональный характер регуляции, они безличны по своей природе и функционируют на основе свободной детерминации. Еще одной особенностью социальных представлений является их ценностно-эмоциональный характер. В социальном представлении спаиваются воедино знания и ценности, придавая социальным представлениям оценочный характер и вызывая у носителей определенные эмоции. Социальные представления носят образный и символический характер, объединяя в одно целое образ и значение. Именно поэтому научные исторические знания «перекочевав» в быденное сознание, чтобы закрепиться, должны быть увековечены в камне, названии улиц, празднике или любом другом символическом виде. Социальные представления, с одной стороны, ригидны и консервативны, с другой стороны, непрерывно изменяются. Можно предположить, что скорость этих изменений в современном обществе будет только увеличиваться, вызывая значительную неопределенность коммуникационного поля и осложняя взаимодействие вплоть до социальных конфликтов, что можно наблюдать в современных «войнах памяти». К тому же социальные представления конструктивны, они не являются чистым отражением реальности существующей или прошлой. Социальные представления – это мыслительный конструкт. Еще одной характеристикой является их социальность, и не только в силу того, что социальные представления появляются в результате взаимодействия и носят надиндивидуальный характер, но и потому, что конструируются на основе языка и категорий, которые существуют в культуре.

Особый интерес для исследователей представляет контекстуальный характер социальных представлений. Изучение социального контекста, который формирует социальные репрезентации, является весьма перспективным направлением исследований и может быть

осуществлено на основе сочетания количественных и качественных методов.

Социальное представление имеет два аспекта – концептуальный и иконический. Концептуальный аспект отражает связь с языком и знанием, иконический связан с образом и подчиняется концептуальному. Массам, в том числе посредством СМИ, доступен преимущественно иконический аспект, а элите, главным образом интеллектуальной, – концептуальный [3, с. 6].

Выделяют следующие составляющие социального представления:

1) информация – сумма знаний об объекте представления;

2) поле представления – иерархическая структура элементов представления, его внутренняя организация;

3) установка – система принципов, взглядов, ценностей и убеждений, определяющих отношение к объекту представления. Установка обычно существует при недостаточной информированности и нечеткости поля представления [4, с. 111].

В рамках современной когнитивистики различают три типа структурированности поля представления:

1) глобальная структурированность характерна для религии и тоталитарным политическим идеологиям;

2) фрагментарная структурированность свойственна научному и обыденному знанию;

3) диффузная структурированность приводит к объединению в представлении сведений, относящихся к различным областям реальности (например, объединение религиозной и научной картины мира) [2].

Поле представления состоит из ядра и периферии. Ядро представления стабильно, сформировано убеждениями, основано на социальном консенсусе, не признает вариаций и в меньшей степени связано с социальным контекстом. Ядро исторически, культурно и идеологически сформировано, характеризуется высокой степенью абстракции. На наш взгляд, в большей степени соответствует понятию Я. Ассмана «культурная память». Периферия включает в себя знания, актуальную информацию, личный опыт. Эта часть поля представления подвержена изменениям, является связующим звеном между социальным представлением и действительностью. Периферия призвана защищать устойчивость ядра, приспосабливая существующие социальные представления к новой информации и изменениям реальности. Периферия образуется в большей степени на основе индивидуальной памяти. И с этой точки зрения соответствует коммуникативной памяти (по теории Я. Ассмана).

Динамические процессы социальных представлений определяются их структурой и социальным значением, а также особенностями функционирования группы, которая разделяет эти социальные представления. Когда социальное представление неспособно выполнять свои функции, периферия не может адаптировать поступающую информацию к устойчивым элементам ядра и социальное представление перестает объяснять действительность, может происходить деформация ядра или же его разрушение, за которым следует смена социальных представлений. В формировании социальных представлений участвуют процессы объективации и внедрения. Объективация предполагает трансформацию абстрактного в конкретное, например, превращение понятия в образ, который приобретает еще и оценочную нагрузку. Объективация предполагает отбор и деконтекстуализацию, в нашем случае, событий прошлого или научно-исторических фактов; перевод информации в образную форму; натурализацию, или онотологизацию полученных образов (образ начинает восприниматься как реально существующее явление). Именно последним объясняется тот факт, что радикальное изменение социальных представлений воспринимается населением как крушение реальности, поскольку в сознании образы отождествлены с действительностью. В результате этих процессов происходит упрощение и изменение, а иногда примитивизация вплоть до искажения исходной информации. Выделяют три формы изменения информации: искажение (определенные характеристики объекта преувеличиваются или преуменьшаются), дополнение (объект наделяют атрибутами, имеющими косвенное к нему отношение), сужение (стирание некоторых свойств объекта) [4, с. 67].

Процесс закрепления интегрирует новые элементы социального представления в уже имеющиеся. Социальные представления создаются на основе предшествующих символов, значений, образов. В силу этого идея создания абсолютно новой картины прошлого не реализуема, поэтому в советской историографии, несмотря на первоначальные установки, вынуждены были «вернуть» и «реабилитировать» часть старой имперской истории (отдельные сюжеты, трактовки и персоналии). Поэтому призывы в постсоветских государствах отказаться от советского исторического канона утопичны, а национальные исторические нарративы, построенные исключительно на досоветской или антисоветской истории, занимают маргинальное положение. Наиболее эффективной является модель «креативной» модификации советского образа прошлого в соответствии

с потребностями ставших суверенными государствами. При этом необходимо заметить, что о фальсификации истории в данном случае речь не идет, поскольку такой термин, как «фальсификация», к социальным представлениям не применим. Иной вариант развития событий возможен в тех странах, где советский образ прошлого не вписывался в ранее существующие социальные представления и по сему не был принят обществом либо носил фасадный характер (например, в Польше). В кардинально изменившихся после распада СССР условиях существования общества советский образ прошлого не может остаться неизменным, так как не отвечает потребностям постсоветских государств, советские социальные представления о прошлом не выполняют ни одной из выше рассмотренных функций.

В процессе трансформации социальных представлений большое значение имеет референтность источника. Если транслятор новых

социальных представлений обладает большим общественным авторитетом, то эти социальные представления будут разделяться другими членами общества и наоборот. Этот аспект динамики социальных представлений объясняет конфликт памяти в нашем регионе. В постсоветских странах, где власть имеет большой кредит доверия у населения, предлагаемая властью картина прошлого принимается обществом, а социальные представления о прошлом, продуцируемые оппозицией, не находят положительного отклика в общественном сознании.

Заключение. Концепция социальных представлений значительно обогащает социально-гуманитарную теорию памяти, имеет большой потенциал инструментального использования при изучении образа прошлого, а также дает возможность аргументированно объяснить происходящие изменения в историческом сознании населения стран постсоветского региона.

Литература

1. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. С. 3–18.
2. Баксанский О. Е. Современные когнитивные репрезентации о мире // Институт философии Российской академии наук. URL: <http://iph.ras.ru/page49682148.htm> (дата обращения: 18.03.2016).
3. Бовина И. Б. Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
4. Минигалиева М. Социальные представления: структура и характеристика // Humanitarium. Центр социально-гуманитарных технологий. URL: <http://gumanitarium.ru/staff/minigalieva-mariyam-ravil-evna/sotsial-ny-e-predstavleniya-struktury-i-harakteristiki/> (дата обращения: 18.03.2016).

References

1. Moscovichi S. Social Representation: an historical look. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1995, no. 1, pp. 3–18 (In Russian).
2. Baksanskiy O. E. *Sovremennye kognitivnye reprezentatsii o mire* [Modern cognitive representation of the world]. Available at: <http://iph.ras.ru/page49682148.htm> (accessed 18.03.2016).
3. Bovina I. B. The theory of social representations: the history and modern development. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology], 2010, no. 3, pp. 5–20 (In Russian).
4. Minigalieva M. *Sotsial'nye predstavleniya: struktura i kharakteristika* [Social representations: the structure and characteristics]. Available at: [http://gumanitarium.ru/staff/minigalieva-mariyam-ravil-evna/sotsial-ny-e-predstavleniya-struktury-i-harakteristiki\](http://gumanitarium.ru/staff/minigalieva-mariyam-ravil-evna/sotsial-ny-e-predstavleniya-struktury-i-harakteristiki/) (accessed 18.03.2016).

Информация об авторе

Матусевич Ольга Александровна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Information about the author

Matusevich Olga Aleksandrovna – PhD (History), senior lecturer, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: matusevich.olga@gmail.com

Поступила 23.03.2016

УДК 1:281.9(476)

Н. М. Кожич

Белорусский государственный технологический университет

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье речь идет о социальной роли и статусе религии в современном белорусском обществе. Показано, что религия как форма общественного сознания и как социальный институт выступает одним из структурных компонентов национальной безопасности Беларуси, поскольку, являясь репродуктивным элементом духовной культуры, религия теснейшим образом связана с различными сферами общественной жизни. По этой причине христианские ценности рассматриваются в качестве определенной аксиологической системы в рамках государственной идеологии. Автор подчеркивает, что в первую очередь православные ценности на протяжении многих веков способствовали формированию социокультурного пространства и тем самым определили специфику менталитета белорусского народа. Религия в настоящее время чаще всего воспринимается в качестве способа преодоления духовно-нравственного кризиса, возникшего в результате смены ценностных ориентаций в начале 90-х гг. XX в. Отмечается, что современная религиозность носит поверхностный характер в силу рационализации мышления, а также широкого мировоззренческого выбора. Кроме того, духовный кризис обусловлен стремлением общества к идеологии и практике техногенно-потребительской стратегии развития, которая основана на росте материальных потребностей и социальной конкуренции. Делается вывод о том, что в целях национальной безопасности необходимо формирование патриотического сознания; внедрение в массовое сознание высоких духовных смыслов, уважение к своим национальным и цивилизационно-историческим традициям.

Ключевые слова: православие, культура, религиозность, мировоззрение, традиция, духовный кризис.

N. M. Kogich

Belarusian State Technological University

ORTHODOX VALUES AS A SPIRITUAL AND IDEOLOGICAL ASPECTS OF NATIONAL SECURITY

In this article we are talking about the social role and status of religion in the modern Belarusian society. It is shown that religion as a form of social consciousness and as a social institution is one of the structural components of the national security of Belarus, since, as the reproductive element of spiritual culture, religion is closely related to the various spheres of public life. For this reason, Christian values are considered as a specific axiological system in the state ideology. The author emphasizes that the first Orthodox values for centuries contributed to the formation of social and cultural space and thereby determined the mentality of the Belarusian people. Religion is often seen as a way to overcome the spiritual and moral crisis which has arisen as a result of the change of value orientations in the early 90s. Twentieth century. It is noted that modern religiosity is superficial due to the rationalization of thinking, as well as a broad ideological choice. In addition, the spiritual crisis due to the desire of society to the ideology and practice of man-caused consumer development strategy, which is based on the growth of material needs and social competition. The conclusion is that for national security we must form the patriotic consciousness; the introduction into the mass consciousness of high spiritual meaning, respect for its national and civilizational and historical traditions.

Key words: orthodox, culture, religion, philosophy, tradition, spiritual crisis.

Введение. Религия представляет собой сложнейшее явление общественного бытия и человеческой культуры. Как форма общественного сознания она является совокупностью представлений, основанных на вере в сверхъестественное. Как социальный институт религия – это устойчивая форма организации общественной жизни, которая способствует удовлетворению различных, в первую очередь духовных, потребностей, обеспечивает стабильность обществен-

ной жизни. Она выполняет социально-политические функции, способствует интеграции людей через определенные мировоззренческие ориентиры, выступает в качестве регулятора общественных отношений. В целом, религия – целостное духовно-материальное образование, включающее в себя различные по своему содержанию составляющие: это представления, эмоции, намерения и действия людей, а также отношения к окружающему миру, к себе

и обществу. Из всех социальных институтов религия наиболее консервативна: основные догматические положения объявляются единственно истинными, а потому вечными и неизменными. Таким образом, религия является репродуктивным элементом духовной культуры; она теснейшим образом связана с другими структурными компонентами социокультурной реальности, т. е. с искусством, моралью, политикой и т. д. В этой связи религию можно рассматривать как составляющую национальной безопасности современного белорусского общества.

Основная часть. Специфика функционирования современного общества определяется главным образом светскими ценностями. Несмотря на процессы секуляризации религия все же занимает особое положение в жизни людей. С конца 80-х – начала 90-х гг. XX в. можно говорить о возникновении религиозного ренессанса в нашей стране. Активизируется конфессиональная деятельность традиционных религий для нашей культуры, а также получают распространение так называемые некульты часто деструктивной направленности. Важно отметить, что демократизация общественной жизни привела к изменению отношения государства и общества к религии и церкви. В настоящее время «религиозная жизнь в Беларуси представляет собой сложную систему отношений, которые включены в общую структуру общественной жизни и развиваются под влиянием социально-экономических и политических процессов. Усиление роли и влияния религии в обществе в целом, ее внедрение в ту или иную общественную сферу прямо связано с политикой и идеологией государства» [1, с. 126]. Исходя из духовно-мировоззренческих аспектов национальной безопасности христианские ценности признаются одним из стабилизирующих компонентов в структуре государственной идеологии. Они рассматриваются в качестве определенной аксиологической системы, поскольку на протяжении многих веков способствовали формированию социокультурного пространства и тем самым определили специфику менталитета белорусского народа. Именно на христианском вероучении и морали строилась вся система образования и воспитания. В первую очередь эта культурно-формирующая роль принадлежит Православию. Многие черты национального характера формировались под влиянием этой конфессии. К ним можно отнести открытость, сострадательность, жертвенность и соборность. Православие способствовало становлению государственности, укреплению восточнославянского единства. Искусство, политическая и философская мысль развивались под мощным влиянием православной традиции.

В настоящее время отношения религии и государства в Беларуси регламентируются Законом «О свободе вероисповедания и религиозных организациях». Этот документ провозглашает свободу мысли, совести, дает право каждому гражданину определять свое отношение к религии, исповедовать любое вероучение. Подчеркивается, что государство не вмешивается во внутренние дела и деятельность религиозных организаций, если она не носит противоправного характера. При этом в Республике Беларусь деятельность ряда некультурных образований, возникших в США и странах Западной Европы в середине XX в., запрещена ввиду их негативного влияния на здоровье и социальное поведение верующих. Фактически современное законодательство предусматривает равенство всех религий перед законом. Однако юридическое равенство не тождественно равенству в культурно-историческом смысле. Государство подчеркивает приоритет социальных статусов традиционных конфессий исходя из их определяющей роли в развитии белорусской культуры. Православие стало символом национальной идентичности, оно претендует на общественное мнение, вызывает уважение большинства граждан.

Важно отметить, что в целом вся система образования и воспитания в стране носит светский характер, но тем не менее государство использует возможность сотрудничества с религией в целях защиты белорусской государственности, возрождения национальных традиций и стабилизации общественной жизни. Социальная доктрина Русской православной церкви, которая была разработана в 2000 г., предполагает возможность участия религии в политической жизни. Это находит выражение в таких формах деятельности, как миротворчество, нравственное и патриотическое воспитание, благотворительность, охрана и восстановление исторического и культурного наследия, охрана окружающей среды и т. д. Православная церковь модернизирует методы взаимодействия с современным обществом. При этом предпринимается попытка содействовать решению социальных проблем и одновременно осуществляется поиск новых возможностей влияния на ценностные ориентации людей. Церковь видит свое предназначение в сохранении нравственности и традиционных ценностей белорусского народа.

Вся эта деятельность в массовом сознании оценивается как гарант стабильности и общественного порядка. Религия не только на уровне государственной идеологии, но и в массовом сознании также воспринимается в качестве способа преодоления духовно-нравственного кризиса, возникшего в результате резкой смены

системы ценностных ориентаций в начале 90-х гг. XX в. После распада СССР произошло усиление духовно-нравственного кризиса в обществе. Это проявилось в росте преступности, наркомании, меркантильных интересов, агрессивности, разрушении института семьи и брака и т. д. Как пишет А. И. Осипов, «консюмеристско-гедонистическая жизненная установка оказалась привлекательной для значительной части нашей молодежи. Стремление получить от жизни максимум разнообразных удовольствий, пожить для себя, не обременяясь обязательствами и ответственностью перед другими людьми, подрывает семейно-брачные отношения, делая их поверхностными и непрочными» [2, с. 100]. В то же время чисто формально значение религиозных ценностей в массовом сознании стало возрастать. Правда, современная религиозность имеет свою специфику: в большинстве случаев она носит синкретичный и поверхностный характер в силу мировоззренческого плюрализма. Кроме того, культура человечества в целом развивается по линии десакрализации. Это значит, что влияние религии на общественную жизнь постепенно ослабевает по мере развития науки и распространения знаний, поэтому религиозная вера в меньшей степени распространена среди образованных людей. В современном обществе область сверхъестественного сокращается, происходит рационализация мышления, появляется вера в науку и логику. Люди осмысливают мир и организуют собственную жизнь без помощи религии. В XX в. происходит отделение церкви от государства, создается система светского образования, в искусстве реже используются религиозные сюжеты.

Важно отметить, что духовный кризис обусловлен также и тем, что белорусское общество стремится к идеологии и практике техногенно-потребительской стратегии развития, которая основана на росте материальных потребностей и социальной конкуренции. Многие исследователи подчеркивают, что данная стратегия совершенно исчерпала себя к концу XX в.; приходит осознание того, что, как отмечает О. А. Романов, «Иррационально высокие стандарты жизни стран "золотого миллиарда" поддерживаются сегодня за счет низкого уровня жизни остального мира. Эгоистическое потребление техногенной цивилизации вступило в неразрешимое противоречие с возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами биосферы, а механизмы природного самовосстановления не справляются с потоками отходов человеческой деятельности» [3, с. 94]. Все чаще мыслители говорят о необходимости реабилитации культурных ценностей незападных культур, а также о равноправном диалоге культурных традиций. По этой

причине в контексте современной социально-политической обстановки необходимо стремиться к достижению мировоззренческой безопасности белорусского общества. Задача образования должна сводиться к формированию патриотического сознания; представляется крайне важным внедрять в массовое сознание высокие духовные смыслы, уважение к своим национальным и цивилизационно-историческим традициям. Как известно, для восточнославянской цивилизации характерен именно диалоговый принцип, который является основой межэтнического взаимодействия. Важными принципами восточнославянской культуры являются натурфилософский органицизм, синтез теоретического и практического разума. Истоком органицистского космоцентричного мировоззрения является религиозная традиция. Западноевропейское христианство всегда отстаивало тезис о греховности материи. Как пишет О. А. Романов, «Такое принижение означает омертвление природы, возникновение пафоса ее преобразования и переустройства. Непонимание реальной сложности и одухотворенности материального мира ведет к технократическому нигилизму и экологическому кризису. Восточнохристианское мировоззрение придает материи совершенно иной статус: она выступает как светлое жизненное начало, в котором сокрыта необыкновенная глубина и гармония. Задача человека, как ее видит православное христианство, заключается не в борьбе с материей, не в третировании ее как греховного и низкого начала, влекущего человека ко злу, но в просветлении и творческом преображении природы, выведении ее на качественно иной уровень... Православное христианство утверждает идею «нераздельности» и одновременно «неслиянности» земного и божественного миров, их актуального присутствия в человеческой жизни. Идея синергии, т. е. органического согласования разнородных начал, выработанная православной патристикой, на несколько веков опередила коэволюционные стратегии и прямо соответствует требованиям современной экологической науки» [3, с. 96]. Тем не менее следует признать, что в настоящее время «глубинный экологизм» восточнославянской культуры выступает в качестве идеала, т. к. в XX ст. Россия шла по пути отказа от принципов самобытной культуры. Именно «западнические модели общественного развития привели к формированию социальной системы, воспроизводящие худшие стороны техногенной цивилизации – хищнически эксплуативный характер отношения к природе, энерго- и материалоемкость производства, бездумное потребление» [3, с. 96]. В этой связи важно понимать, что национальная безопасность должна

предполагать отстаивание интересов восточнославянских народов, а также отказ от бездумного заимствования западных ценностей и стереотипов поведения.

Заключение. Таким образом, в современных условиях одним из элементов национальной безопасности белорусского государства является отношение к религии со стороны общества и государства. Это предполагает формирование навыков компетентного анализа в первую очередь идеологии, религиозной философии и социальной практики православия, что выражается в расширении духовно-культурного кругозора подрастающего поколения, углублении знаний по религиоведению в контексте социально-политического развития белорусского

общества, формировании навыков всестороннего объективного анализа социальной роли религии. Одновременно необходимо делать акцент на преодолении негативных явлений в духовной сфере общественной жизни через приобщение людей к самобытным традиционным ценностям, в том числе и религиозным. Особое значение в этом отношении имеет православная традиция как генетически первая христианская конфессия, повлиявшая на становление восточнославянского мировоззрения и культуры в целом. Также необходимо внедрять в массовое сознание представление о том, что проблемы современного общества заключаются не только в экономической и научно-технической сфере, но и в духовной.

Литература

1. Котляров И. В., Земляков Л. Е. Республика Беларусь в конфессиональном измерении. Минск: МИУ, 2004. 231 с.
2. Осипов А. И. Эрозия души // Беларуская думка. 2013. № 2. С. 98–101.
3. Романов О. А. От чистого истока – в прекрасное далеко // Беларуская думка. 2013. № 12. С. 93–100.

References

1. Kotlyarov I. V., Zemlyakov L. E. *Respublika Belarus' v konfessional'nom izmerenii* [The Republic of Belarus in the confessional dimension]. Minsk, Izd-vo MIU Publ., 2004. 231 p.
2. Osipov A. I. Erosion of the soul. *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2013, no. 2, pp. 98–101.
3. Romanov O. A. From a pure source on a beautiful far. *Belaruskaya dumka* [Belarusian thought], 2013, no. 12, pp. 93–100.

Информация об авторе

Кожич Наталья Михайловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Kogich@belstu.by

Information about the author

Kogich Natalia Michailovna – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Kogich@belstu.by

Поступила 15.03.2016

УДК 347.214.2

Е. М. Сергеева

Белорусский государственный технологический университет

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ТРУДА ОТДЕЛЬНЫХ
КАТЕГОРИЙ НАЕМНЫХ РАБОТНИКОВ**

Кадровое обеспечение административно-государственного управления реализуется через государственную кадровую политику. Цель государственной кадровой политики – формирование дееспособных трудовых коллективов, рациональное использование человеческих ресурсов страны, создание благоприятных условий для их всемерного развития. Работники государственных органов – государственные служащие – это профессионально подготовленные специалисты разносторонней квалификации, способные по своим личным, деловым качествам и образованию компетентно выполнять функции административно-государственного управления. В статье рассматриваются основные законодательные акты, регулирующие статус государственных служащих в Республике Беларусь.

Ключевые слова: государственный служащий, правовое регулирование, Беларусь, статус.

E. M. Sergeeva

Belarusian State Technological University

**FEATURES OF REGULATION OF LABOR CERTAIN CATEGORIES
WAGE EARNERS**

Staffing administrative governance is realized through the state personnel policy. The goal of personnel policy – the formation of capable labor collectives, the rational use of human resources of the country, creation of favorable conditions for their full development. Employees of state bodies – public servants – a professionally trained specialists versatile skill that can in their personal, professional qualities and education competently perform the functions of administrative governance. In the article the basic laws governing the status of civil servants in the Republic of Belarus.

Key words: civil servant, legal regulation, Belarus, status.

Введение. Кадровое обеспечение государственного управления и его эффективное использование ведется на уровне законодательной и исполнительной власти, которые оказывают влияние на формирование рынка труда страны и регионов, на миграционные процессы через политику занятости населения, организации системы общего и специального образования, профессиональной подготовки кадров и повышения квалификации и т. д.

Основная часть. Работники государственных органов – государственные служащие – это профессионально подготовленные специалисты разносторонней квалификации, способные по своим личным, деловым качествам и образованию компетентно выполнять функции административно-государственного управления.

Кадровое обеспечение административно-государственного управления реализуется через государственную кадровую политику. Эта политика охватывает совокупность социально-экономических и политических задач, решение которых осуществляется на правовой основе и ведется по трем основным направлениям:

1) в области государственных предприятий, учреждений, организаций;

2) в системах государственной службы на республиканском, региональном и местном уровне;

3) в области негосударственных предприятий (акционерных, частных, арендных, компаний, фирм и т. д.).

На основе государственной кадровой политики в каждом государственном органе, на государственном или частном предприятии может выработаться своя конкретная кадровая политика. Вопросы государственной кадровой политики Республики Беларусь находят свое отражение в законодательных и других правовых актах, содержащих нормы и положения, регулирующие те или иные кадровые аспекты. К ним относится Конституция Республики Беларусь, законы, декреты, указы и распоряжения Президента Республики Беларусь, постановления, программные и методические документы Правительства Республики Беларусь, а также другие нормативные правовые акты, относящиеся к данной сфере.

Особая роль принадлежит кадрам, занятым на государственной службе.

Государственная служба представляет собой необходимый и важный элемент государства. Закон «О государственной службе в Республике Беларусь» (14 июня 2003 г.) определяет

государственную службу следующим образом: «...это профессиональная деятельность лиц, занимающих государственные должности, осуществляемая в целях реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов».

Цели государственной службы состоят в упорядочении и повышении эффективности процессов формирования и реализации государственной власти и государственного управления, а также в соединении ответственности за исполнение государственной должности с социально-экономическими гарантиями государственной службы.

Главный критерий выделения ее сущности заключен в ее основном предназначении – профессионально выполнять и компетентно реализовывать функции государственного управления по организации и регулированию общества.

Государственная служба выполняет функции обеспечения, исполнения и реализации государственной власти, которая должна служить обществу: функции социальной организации, планирования и прогнозирования, разработки и исполнения решений, социальной коммуникации, координации, контроля, информирования. В последние годы особо значимым является обеспечение государственных социальных услуг – образовательных, воспитательных, правовой защиты, безопасности и здравоохранительных. Государственное управление приобретает все большее значение для развития общества, обуславливает необходимость притока в него лучших людей. Важным является непрерывное развитие государственных служащих, обусловленное темпами роста научного знания, динамикой обновления технологий, т. е. человек должен всю свою жизнь напряженно развиваться в интеллектуальном отношении.

Государственная служба представляет собой сложную систему, что требует создания соответствующих структур и процедур управления ею. К ним относятся стандарты, реестры, нормативы исполнения государственных должностей, содержание экзаменов на замещение государственных должностей, правила аттестации, квалификационные характеристики различных категорий государственных служащих.

Государственная служба всегда связана с властью. В ней много необходимого, обязательно того, что следует осуществлять независимо от желания лица, находящегося на службе. В этом и заключается отличие государственной службы от иных видов трудовой деятельности.

В Республике Беларусь государственная служба строится на принципах, установленных Законом «О государственной службе в Республике Беларусь» (14 июня 2003 г.).

Действие закона о госслужбе Республики Беларусь не распространяется на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета госконтроля Республики Беларусь.

Правовой статус госслужащего определяется законодательством в связи с замещением государственной должности, т. е. в отличие от рабочих, крестьян (фермеров), предпринимателей служащие – это лица, занимающие должности. Под должностью понимается первичная организационная единица в структуре управления, характеризующая роль и полномочия лица, занимающего ее. В Законе «О государственной службе в Республике Беларусь» государственная должность определяется как штатная единица госоргана с определенным для занимающего ее лица кругом обязанностей по исполнению и обеспечению полномочий данного государственного органа, это элементная (базовая) штатная единица государственного управления.

Должностное лицо – это государственный служащий, который постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляет функции представителя власти, т. е. наделен распорядительными полномочиями в отношении органов, не находящихся у него в подчинении, и лиц, не находящихся в служебной зависимости от него. Эти должностные лица выполняют организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Их властные полномочия распространяются на граждан и юридических лиц, не подчиненных им по службе. Таковы, например, прокуроры, работники разного рода государственных инспекций, работники милиции, таможи. Должностные лица могут относиться к классифицированной государственной службе, а могут не принадлежать к ней. Замещение должности на классифицированной государственной службе происходит путем назначения по усмотрению вышестоящего органа или должностного лица (это всегда относится к высшим должностям), аттестации лиц, уже занимающих должность (обычно аттестация проходит один раз в пять лет), конкурса (для вакантных должностей).

Правовое положение государственного служащего в Республике Беларусь определено законом «О государственной службе в Республике Беларусь».

В большинстве стран мира к государственным служащим относятся только лица, занимающие государственные должности в государственных органах. Служащие государственных вузов, музеев, библиотек, медицинских

учреждений и т. д. не считаются государственными служащими.

При поступлении на государственную службу действует принцип равного доступа к ней. На государственную службу могут быть приняты граждане данного государства, достигшие определенного возраста, обладающие профессиональным образованием, владеющие государственным языком (в некоторых странах их может быть несколько: например, два – в Финляндии, четыре – в Швейцарии). Не могут быть приняты на государственную службу лица, признанные судом недееспособными или ограниченно дееспособными. Препятствует принятию на государственную службу наличие определенного заболевания (это должно быть подтверждено заключением медицинского учреждения), близкое родство или свойство с другими непосредственно подчиненными государственными служащими, иностранное гражданство, отказ от прохождения процедуры допуска к государственной тайне (если работа связана с этим), отказ от представления сведений о доходах и имуществе.

После ознакомления с вышеназванными сведениями издается приказ о назначении лица на государственную должность.

Заключение. В государственном управлении участвуют государственные служащие, имеющие классные чины, ранги, звания, от которых в определенной степени зависят их полномочия и материальное положение. «Простые» государственные служащие, если им не предоставлены полномочия государственных органов и государственных должностных лиц, государственным управлением не занимаются. Лица, находящиеся на высших государственных должностях (премьер-министр, председатели палат парламента, министры и др.), могут быть выделены в особую категорию. Они занимают свою должность не в результате назначения, а путем выборов или иным способом и, как правило, к собственно государственной службе не относятся.

Классность государственных служащих в Республике Беларусь определена в ст. 11 Закона «О государственной службе в Республике Беларусь».

Литература

1. Об усилении требований к руководящим кадрам и работникам организаций: Декрет Президента Республики Беларусь от 15.12.2014 № 5 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь, Минск, 2014. № 6/21283.

2. Трудовой кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. с изменениями и дополнениями от 8.01.2014 // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 80. 2/70, № 2/2123.

References

1. Presidential Decree no. 5, 15.12.2014, "On strengthening the requirements for the leading cadres and workers or organizations". *Nats. reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus'* [Nat. Register of the Republic of Belarus]. Minsk, 2014, no. 6/21283 (In Russian).

2. Labour Code of the Republic of Belarus adopted by the House of Representatives, June 8, 1999 year: approved by the Council of the Republic, June 30, 1999 year, with changes and additions, 01.08.2014. *Nats. reestr pravovyykh aktov Respubliki Belarus'* [Nat. Register of the Republic of Belarus]. Minsk, 1999, no 80, 2/70, no. 2/2123 (In Russian).

Информация об авторе

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: sergeeva@belstu.by

Information about the author

Sergeyeva Yevgeniya Mikhaylovna – assistant, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: sergeeva@belstu.by

Поступила 22.03.2016

УДК 0.88

В. В. Криворотько

Белорусский государственный технологический университет

**ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В КОНТЕКСТЕ ПОИСКА
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ
НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

В статье предпринята попытка анализа роли и места географической парадигмы в решении проблем преодоления нарастающей глобальной нестабильности. В таком понимании, насущно необходимым становится поиск объективных оснований социально-гуманитарной безопасности человечества, в частности, ее геоэкологической составляющей. Анализируется сущность планетарной нестабильности геосферума и вскрываются некоторые ее причины. В контексте вышеизложенного в статье декларируется, что природа глобальной неустойчивости по своей сути двойственна, противоречива. С одной стороны, она несет негативные аспекты для самой цивилизации, а с другой – позитивность, которая связана с широким вектором выбора путей к устойчивому развитию. Такой путь возможен в рамках коэволюции природы и общества. Для перехода к этому этапу развития очевидным становится сохранение первичных геосистем как «стволовых клеток» геосферума и мониторинг за превышением воздействия на них со стороны социума.

Ключевые слова: универсум, геосферум, социобиосфера, географическая картина мира, парадигма, географическая парадигма.

V. V. Krivorot'ko

Belarusian State Technological University

**GEORGAPHICAL PARADIGM IN THE CONTEXT OF SEARCH
OF THE THEORETICAL BASES OF OVERCOMING OF GLOBAL INSTABILITY**

The article analyzes a role and the place of a geographical paradigm in the solution of problems of overcoming of the increasing global instability is made. In such understanding, it becomes essential necessary search of the objective bases of social and humanitarian safety of mankind, in particular, it geo ecological component. The essence of planetary instability of a geoversum is analyzed and some of its reasons are opened. Within these ideas it is obviously possible to describe process of interaction of a geosphere and the anthroposphere (society) of a geoversum which reproduces various types and forms geobiotechnosystems, during a technogenesis. On the one hand, it bears negative aspects for the civilization, and with another – positivity which is connected with a wide vector of the choice of ways to steady development. Such way is possible within a coevolution of the nature and society. For transition to this stage of development necessary is a preservation primary geosystems as “stem cells” of a geoversum and monitoring of excess of impact on them from society.

Key words: universum, geoversum, sociobiospher, geographic pattern of the world, paradigma, geographical paradigm.

Введение. В современном мире ускоряющийся процесс глобализации сопровождается постепенным переходом к новой планетарной социально-экономической реальности (целостности) – постиндустриальному обществу.

По мнению большинства исследователей, и в частности американского социолога-урбаниста Гидденса Э., неравномерность и противоречивость глобализации становится своеобразным аттрактором фундаментальных сдвигов в развитии современной техногенной цивилизации [1, 2]. Очевидно, что такая социодинамика отражает поступательный характер постепенно нарастающей планетарной нестабильности. Результатами этой нестабильности становятся разнообразные социально-экономические, социально-политические, военные и, в особенности,

экологические последствия. Этот мегатренд всеобщего развития приводит к резкому обострению процессов взаимодействия между природой и обществом. В результате отчетливо вырисовываются все новые вызовы человечеству, которые можно сформулировать как усиление глобальной нестабильности современной биосферы. В таком контексте насущно необходимым становится поиск объективных оснований социально-гуманитарной безопасности человечества, в частности, ее геоэкологической составляющей.

Отсюда вытекает необходимость поиска путей достаточного устойчивого развития современной цивилизации и биосферы, а также разработка наиболее адекватного пути перехода к ноосферной организации. В ходе поиска

и обоснования коэволюционной стратегии как механизма стабилизации социобиосферных процессов возросла методологическая значимость не только пересмотра исторически сложившихся норм научной рациональности некоторых традиционных концепций развития науки, но и инновационной переоценки аксиологичности некоторых идей и принципов тех научных дисциплин, которые составляют ее биосферный блок.

В первую очередь это касается переосмысления места и роли геосферной парадигмы в преодолении усиливающейся глобальной нестабильности геOVERSUMA и поиска оснований экологической безопасности цивилизации.

Основная часть. Прежде всего следует уточнить содержание некоторых ключевых понятий и терминов, которые используются в анализе вышепоставленной проблемы.

ГеOVERSUMA (*geoverse*) от лат. – географическая реальность (геопространство). В качестве объекта познания в целом идентичен термину «географическая оболочка (геосфера, или ландшафтная сфера) Земли». Основной целью общегеографических исследований является познание законов развития географической реальности. Предметом этих исследований становится географическая картина мира, отражающая научные представления о динамике геOVERSUMA в целом.

Постепенное углубление наших представлений о системно-структурной и динамической организации бытия, которое сегодня еще усложнено самим процессом глобализации, позволили взглянуть на геOVERSUMA как на системное пространство Земли, включающее не только территориальные системы, но и абиотические, биотические, биокосные и социально-технические (техногенные). Последние являются продуктами социобиосферного общества, которое сформировалось в ходе развития индустриального, а затем и постиндустриального социума

В современных условиях глобальной нестабильности нелинейность функционирования геOVERSUMA и его социобиосферы ведет к флуктуациям, которые приводят к эмерджентным изменениям, предсказать которые с определенной долей вероятности невозможно. Возникают всевозможные сценарии (вектора) развития, которые формируют новые формы и качества современной социобиосферы и геOVERSUMA в целом. В этих условиях социобиосфера приобретает эффект асимметрии, приводящий ее к ярко выраженной полиморфности и многослойности. Биосфера как особый сложнодинамический объект современного научного исследования все более позиционирует себя не как стабильная и устойчивая целостность в классическом понимании равновесия, а как квазиравновесная (нелинейная) система, в которой

постоянно функционируют процессы необратимого характера.

В нынешних условиях с особой рельефностью стали проявляться эмерджентные изменения в динамике самого геOVERSUMA, и в частности социобиосферы. Увеличилось количество флуктуаций, изменились пороги возмущений и многое другое. Условия крайнего неравновесия, в которых пребывают эти целостности, приводят к увеличению случаев выходов их из-за пределов своих емкостей, что стимулирует необратимость процессов развития и возникновение новых качественных состояний (характеристик) геOVERSUMA.

Постоянное усиление влияния социальной, а сегодня техногенной подсистемы геOVERSUMA на ее природную составляющую ускоряет обратимость и непредсказуемость этого развития. В результате цивилизация в своем развитии столкнулась с появлением так называемого социобиосферного эффекта. Суть этого эффекта, по мнению ряда специалистов, состоит в том, что геOVERSUMA с его составляющими подсистемами – социумом и биосферой – приобретает новую форму целостности, все более тяготеющую к геотехногенной или антропосферной организации [3]. Другими словами, наблюдается трансформация современной социобиосферы в сторону замещения первой крайне неустойчивыми геотехносистемами. В их структуре отмечается убывание естественно-природных компонентов и увеличение количества искусственных, которые поддерживаются и функционируют закономерностями развития социотехногенной цивилизации.

Разворачивающийся процесс социотехногенеза в геOVERSUMA конструирует новую конфигурацию планетарного социотехнического пространства земной поверхности. Эти пространственно-территориальные системы имеют новые свойства, которые отражают динамику преобразования природных геобиосистем (ландшафтов) в окультуренные формы, также зависящие от скорости протекания процесса социогенеза. Перерождение природных геобиосистем в геотехногенные ведет к подрыву их устойчивости функционирования и могут поддерживаться и развиваться только при постоянном контроле со стороны социума. Эти процессы повышают уровень энтропии социобиосферы, ведущие к дестабилизации динамики геOVERSUMA. Поэтому логично предположить, что в ходе дальнейшего развертывания процесса социогенеза в масштабах нынешней социобиосферы с большой вероятностью произойдут серьезные структурные подвижки в сторону менее стабильных, неустойчивых элементов антропосферной организации геOVERSUMA.

Подтверждением этого тезиса является обьективный процесс универсальной эволюции Вселенной, в которой этап геонотомогенеза сформировал геосферу как географическую реальность. Первоначально в его структуре сформировалась «дообщественная» геоболочка, которая является основным атрибутом физико-географической «модели» мира. До становления биосферы «дообщественная» геоболочка функционировала достаточно устойчиво и стабильно, т. к. еще не испытывала влияния со стороны биосистем.

С появлением биосферы, а затем и антропо-сферы геосфера нашей планеты стал испытывать структурное усложнение, которое привело к становлению социосферы и в ее рамках техносферы. Становление, а затем и влияние антропогенного фактора на географическую оболочку Земли ускорили и углубили процессы социодинамики. Последняя, в свою очередь, способствовала трансформации биоэкосистем и природных ландшафтов в антропогенно-технологические геосистемы, которые базировались на социоприродных закономерностях развития.

В целом все эти новообразования геосферы, становление «общественной» геоболочки стали центральным звеном уже социально-географической реальности, устойчивости которой была существенно подорвана процессом социодинамики. В результате стали углубляться негативные последствия, которые отражали тенденцию нарастания глобальной нестабильности и актуализировали проблему социально-гуманитарной безопасности цивилизации в целом.

В рамках решения вышепоставленных проблем становится необходимым критический анализ ряда фундаментальных теорий, гипотез и идей географической науки в целях поиска путей преодоления глобальной нестабильности геосферы. В таком понимании речь может идти о формировании концепции «географической парадигмы». Сегодня в философско-методологической литературе большое внимание уделяется всестороннему анализу и аргументированному толкованию понятия «парадигма», и в частности ее разновидности – «географическая парадигма» как весьма продуктивному современному инструменту методологического исследования.

«Парадигма» – одно из основных понятий современной философии науки. Этот термин впервые вводится позитивистом Г. Бергманом, однако наиболее целостно и всесторонне исследуется в работе Т. Куна «Структура научных революций», вышедшей в 1962 г.

В прямом переводе с греч. (*παράδειγμα*) означает «пример, модель, образец». В предельно широком значении термин стал преимущественно использоваться в философии

науки и социологии науки для обозначения исторически целостной совокупности идей, концепций, теорий, гипотез, понятий, моделей, постановки проблем и подходов к их решению, а также методов исследования, господствующих в течение определенного исторического периода в научном сообществе.

Нам представляется, что в узком смысле слова термин «парадигма» отражает исторически сложившуюся систему фундаментальных теорий, норм и правил научного исследования, а также аксиологических установок конкретного этапа функционирования науки. Таким образом, термин географическая парадигма отражает вышеотмеченный перечень тех атрибутов, которые в конечном счете направлены на формирование общенаучной географической картины мира.

Основной задачей критического анализа фундаментальных теорий, гипотез и идей географии видится в осмыслении динамики развития географической реальности и ее научной интерпретации в современной географической картине мира.

Это, в свою очередь, предполагает по-новому переоценить предыдущие достижения теоретического наследия географического знания, в частности, тех концептуальных подходов и идей, которые в результате определенных ценностно-мировоззренческих установок не получили достойного внимания и последующего развития. Это, прежде всего, касается тех положений и теорий, которые обладают сквозным, проникающим характером, имеющим интегративный потенциал. В таком контексте понятие «географическая картина мира» занимает центральное место в структуре географической парадигмы.

В истории развития географических идей особое внимание отводилось поиску единых методологических оснований для последующих широких теоретических обобщений. Так, в середине XX в. отмечается интерес к номотетическим идеям в географии. На их основе были предприняты попытки установить общие закономерности функционирования географической реальности.

Какие фундаментальные теории могут быть положены в основу географической парадигмы взаимодействия природы и социума? Какие из них в первую очередь могут претендовать на формирование географической картины мира? Это, прежде всего, концепция «географической оболочки Земли» как область взаимопроникновения и взаимодействия атмосферы, литосферы, гидросферы и биосферы, также «географической формы движения» (А. А. Григорьева), «математической географии» (Ю. Г. Саушкина), «конструктивной географии» (И. П. Герасимова)

и «территориализации» общественной практики (Б. М. Ишмуратова). Далее последовали разработанные теории «модельной парадигмы» (Т. Куна, П. Хаггета, Р. Чорли), затем «системной парадигмы» (Д. Харвея) и «теоретической географии» (В. Бунге).

Вышеперечисленные теоретические подходы серьезным образом обогатили и углубили теорию географии. Однако по разным причинам они не смогли стать в полной мере теоретическим основанием для поиска единого объекта изучения географии и обоснования общегеографической картины мира. Некоторое несовершенство (неполнота) проявилось как в концептуальном (законы и понятия), так и в чувственно-образном (наглядные представления о геOVERСУМЕ и модели геОПРОСТРАНСТВА) аспектах.

В процессе поиска возможных путей выхода геOVERСУМА из планетарной нестабильности следует обратить внимание и на фундаментальные идеи и принципы синергетики. ГеOVERСУМ как объект исследования всецело соответствует объектам постнеклассической науки, так как характеризуется саморазвитием, открытостью, неравновесностью, нелинейностью и «человекаразмерностью». В таком понимании в процессе взаимодействия геОСФЕРЫ и антропоСФЕРЫ (социума) он воспроизводит разнообраз-

ные виды и формы геОБИОТЕХНОСИСТЕМ, которые в ходе социотехногенеза могут быть отображены для достаточного устойчивого развития в будущем.

Природа глобальной неустойчивости по своей сути двойственна, противоречива. С одной стороны, она несет негативные аспекты для самой цивилизации, а с другой – позитивные, которые связаны с широким вектором выбора путей последующего развития. Поэтому феномен глобальной неустойчивости имеет и продуктивный аспект, так как предоставляет возможность человечеству перейти к осознанному регулированию социобиосферы. Такой путь возможен в рамках коэволюции природы и общества. Для перехода к этому этапу развития становится необходимым сохранение первичных природных геОСИСТЕМ как «стволовых клеток» геOVERСУМА. А также поддержание такого уровня воздействия на них со стороны социума, который бы не привел к выходу их за пределы собственной емкости.

Заключение. Поиск объективных оснований социально-гуманитарной безопасности человечества, в частности ее геОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ составляющей, сопряжен с переосмыслением места и роли геОСФЕРНОЙ ПАРАДИГМЫ в преодолении усиливающейся глобальной нестабильности геOVERСУМА.

Литература

1. Гидденс Э. Последствия современности. Кембридж, 1990. С. 175.
2. Панарин А. С. Стратегическая нестабильность XXI века. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
3. Шальнев В. А., Ляшенко Е. А. Общая география: миф или реальность. Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2009. Т. 7(21). С. 15–24.

References

1. Giddens E. *Posledstviya sovremennosti* [The consequences of modernity]. Kемbridzh Publ., 1990. P. 175.
2. Panarin A. S. *Strategicheskaya nestabil'nost' XXI veka* [Strategic instability of the 21th century]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 560 p.
3. Shal'nev V. A., Lyashenko E. A. General geography: myth or reality. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki* [Questions of modern science and practice]. Universitet im. V. I. Vernadskogo Publ., 2009. V. 7(21). P. 15–24.

Информация об авторе

Криворотко Виктор Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Krivorotko@belstu.by

Information about the author

Krivorot'ko Viktor Vasil'yevich – PhD (Philosophy), Assistant Professor, the Department of Philosophy and Law. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Krivorotko@belstu.by

Поступила 31.03.2016

УДК 342.9:343.351

В. А. Зенькович

Белорусский государственный экономический университет

**К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВИЛ ПЕРЕВОЗКИ ДЕТЕЙ
В АВТОМОБИЛЕ-ТАКСИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ**

В статье рассматривается актуальная проблема: безопасность перевозки пассажиров – детей легковыми автомобилями-такси. Автором проведен анализ действующих Правил дорожного движения, других нормативно-правовых актов в части, касающейся перевозки пассажиров – детей легковыми автомобилями-такси. В заключении делается вывод о необходимости совершенствования п. 178 Главы 23 Правил дорожного движения Республики Беларусь.

Ключевые слова: дорожное движение, безопасность дорожного движения, правила дорожного движения, дорожно-транспортное происшествие, административная ответственность.

V. A. Zen'kovich

Belarusian State Economic University

**TO THE QUESTION OF IMPROVING THE RULES OF TRANSPORTING
CHILDREN IN THE CAR-TAXI IN THE REPUBLIC OF BELARUS**

In this article a problem of high priority is under consideration: safe transportation of passengers – children in the car-taxi. The author has analyzed current Road Traffic Rules, other acts of legislation regarding transportation of passengers – children in the car-taxi. At the end the author comes to conclusion that it is the car-taxi necessary to improve Clause 178 of Chapter 23 of Road Traffic Rules of the Republic of Belarus.

Key words: road traffic, safety of road traffic, road traffic rules, road accident, administrative responsibility.

Введение. Общеизвестно, что транспортное средство является источником повышенной опасности, которое представляет реальную угрозу жизни или здоровью для всех участников дорожного движения. В статье третьей Закона Республики Беларусь: «О дорожном движении» сказано, что одним из участников дорожного движения является пассажир, в статусе которого бывают и дети [1].

Стремительное увеличение в последние годы в республике численности легкового и грузового автотранспорта приводит к увеличению интенсивности движения на дорогах и соответственно к повышению вероятности совершения дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) с гибелью людей.

Публикуемые Министерством внутренних дел Республики Беларусь (далее – МВД) данные о количестве погибших на дорогах в Республике Беларусь это подтверждают [2].

В 2014 году на дорогах страны погибло 757 человек, из них 9 детей.

В 2015 году в дорожно-транспортных происшествиях погибло 658 человек, из них 12 детей (все погибшие дети были пассажирами).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что ситуация с безопасностью дорожного движения в республике остается довольно сложная.

И, несмотря на то, что на дорогах республики отмечается общее снижение числа погибших в ДТП, однако в сравнении с развитыми европейскими странами этот показатель у нас значительно выше [2].

В зарубежных странах одним из направлений, способствующих минимизации тяжелых последствий в ДТП с участием детей в качестве пассажиров, является использование автолюбителями в обязательном порядке для перевозки детей специальных удерживающих устройств.

Так, по данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), использование детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, снижают смертность среди детей в ДТП, примерно на 70–80% [3].

Основная часть. Правила перевозки детей в легковом автомобиле автолюбителя (далее – автолюбителя) и легковом автомобиле-такси регламентированы пунктом 178 Правил дорожного движения Республики Беларусь (далее – ПДД) [4].

Однако действовавшие с 2006 года правовые нормы пункта 178 ПДД не были для водителя обязательными, а носили рекомендательный характер: «При перевозке детей до двенадцати лет на заднем сиденье легкового автомобиля рекомендуется использовать специальное детское удерживающее устройство (сиденье)» [4].

Такая редакция статьи предоставляла возможность автолюбителю самостоятельно принимать решение, как перевозить на заднем сиденье детей до двенадцати лет.

В целях минимизации тяжелых последствий в ДТП с участием пассажиров-детей Президентом Республики Беларусь был издан 13 октября 2014 года Указ № 483 [5].

В часть первую пункта 178 ПДД были внесены следующие безальтернативные требования:

«Перевозка детей в легковом автомобиле, оборудованном ремнями безопасности, должна осуществляться с использованием: детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, – в возрасте до пяти лет; детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, иных средств (бустеров, специальных подушек для сидения, дополнительных сидений), позволяющих безопасно пристегнуть ребенка с помощью ремней безопасности, предусмотренных конструкцией транспортного средства, – в возрасте от пяти до двенадцати лет».

А вот часть вторая настоящего пункта изложена с альтернативным вариантом: «Допускается перевозить детей в возрасте до двенадцати лет без использования указанных в части первой настоящего пункта устройств в случае, если рост ребенка превышает 150 сантиметров, а также в автомобиле-такси» [5].

Видно, что часть вторая пункта 178 ПДД предоставляет возможность автолюбителю при перевозке ребенка принятия альтернативного решения только тогда, когда «...рост ребенка в возрасте до двенадцати лет превышает 150 сантиметров, то допускается перевозить детей в легковом автомобиле без использования указанных в части первой настоящего пункта устройств» [5].

Водитель же легкового автомобиля-такси получил аналогичное право на перевозку всех детей до двенадцати лет без детских удерживающих устройств. На наш взгляд, внесенные изменения в пункт 178 ПДД носят весьма актуальный и своевременный характер, за исключением части второй данного пункта, редакция которого вызывает у нас возражение.

Речь идет о разрешении перевозить детей «...в автомобиле-такси без детских удерживающих устройств» [5].

Наше возражение базируется на следующих аргументах. Во-первых, можно согласиться, видимо, с тем, что многие автолюбители страны сами работают по найму на всех видах механических транспортных средств, некоторые работают в качестве водителя-инструктора учебного автомобиля, инструктора по экстремальному вождению.

Многие автолюбители имеют высокие спортивные звания по автоспорту, большой и безупречный водительский стаж. Их отличает уважительное отношение ко всем участникам дорожного движения, а также нетерпимое отношение ко всем нарушителям правил дорожного движения.

И, кроме того, всех их объединяет одна общая цель – обеспечение безопасности при перевозке как своих пассажиров (и детей в особенности!), так и других участников дорожного движения.

К этому еще можно добавить то, что профессиональные навыки многих автолюбителей по

вождению легкового автомобиля не уступают, а может быть и значительно выше, чем у некоторых водителей легкового автомобиля-такси.

Постановлением Правительства Республики Беларусь установлено, что водителем легкового автомобиля-такси может быть лицо не моложе двадцати лет, имеющее водительское удостоверение на право управления автомобилем категории «В» и общий стаж управления автомобилем не менее двух лет или стаж работы в качестве водителя автомобиля не менее одного года [6].

К этому надо добавить, что к водителю автомобиля-такси предъявляются, конечно, повышенные требования к его физическому состоянию и к техническому состоянию его автомобиля. Тем не менее мы видим, что получить право на перевозку пассажиров, в том числе и детей, автомобилем-такси вполне доступно любому автолюбителю, отвечающему вышеперечисленным требованиям.

Думается, что принятое решение, разрешающее водителю легкового автомобиля-такси перевозить детей без детских удерживающих устройств, не вызвало бы нареканий, если бы оно базировалось на том, что он (водитель такси) априори обладает достаточно большим и безупречным водительским стажем (например, не менее пяти лет) и мастерством, это во-первых.

А во-вторых, его автомобиль-такси оборудован многочисленными подушками безопасности и другими защитными системами, которыми укомплектованы, например, автомашины, применяемые для перевозки VIP-персон. Ведь если бы это было так, то многие автолюбители перестали бы перевозить своих малолетних детей водителю такого легкового автомобиля-такси, например, в период сложных погодных условий. Однако, по мнению автолюбителей, лучше перевозить своего ребенка в своем автомобиле самому с применением детских удерживающих устройств, чем в автомобиле-такси того же класса, но под управлением водителя со стажем водительским чуть больше двух лет, да еще без детских удерживающих устройств. Нам оппоненты могут возразить, что и в зарубежных странах автомобили-такси детей перевозят без детских удерживающих устройств.

На этот аргумент можно привести данные МВД, где говорится о том, что число погибших в ДТП на сто тысяч населения у нас в два раза выше, чем в развитых странах Европы [2].

Заключение. Таким образом, завершая рассмотрение данного вопроса, мы полагаем, что проведенный анализ действующих Правил дорожного движения Республики Беларусь, других нормативных актов, позволил выявить некоторые противоречия.

Прежде всего, речь идет о разрешении водителю легкового автомобиля-такси перевозить пассажиров-детей в легковом автомобиле без детских удерживающих устройств, что, никак не способствует повышению безопасности перевозок детей, а также противоречит требованиям пункта 9.7 ПДД «обеспечить безопасные условия перевозки пассажиров» [4].

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сформулировать предложение, принятие

которого даст возможность устранить выявленные противоречия.

С этой целью часть вторую пункта 178 ПДД необходимо изложить в следующей редакции: «Допускается перевозить детей в возрасте до двенадцати лет без использования указанных в части первой настоящего пункта устройств в случае, если рост ребенка превышает 150 сантиметров», т. е. без слов: « а также в автомобиле-такси» [4].

Литература

1. О дорожном движении: Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2008 г., № 313-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2014 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015. Дата доступа: 20.02.2016.
2. Министерство внутренних дел Республики Беларусь. Режим доступа: www.mdv.gov.by/main.aspx. Дата доступа: 20.02.2016.
3. Всемирная организация здравоохранения. Ремни безопасности и детские удерживающие устройства. Режим доступа: www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/ru/. Дата доступа: 20.02.2016.
4. О мерах по повышению безопасности дорожного движения: Указ Президента Респ. Беларусь, 28 нояб. 2005 г. № 551 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2015. Дата доступа: 20.02.2016.
5. О внесении изменений и дополнений в Указ Президента Респ. Беларусь от 28 ноября 2005 г. № 551: Указ Президента Респ. Беларусь от 13 октября 2014 г. № 483 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2014. Дата доступа: 20.02.2016.
6. Правила автомобильных перевозок пассажиров: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 июня 2008 г. № 972 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2008. Дата доступа: 20.02.2016.

References

1. About road traffic: Act of legislation of the Republic of Belarus, January 5th, 2008, no. 313-Z: in ver. of the Act of legislation of the Republic of Belarus dated July 11th, 2014. ConsultantPlus. Minsk, 2015 (accessed 20.02.2016).
2. Ministry of internal relations of the Republic of Belarus. Available at: www.mdv.gov.by/main.aspx. (accessed 20.02.2016).
3. World Health Organization. Safety belts and child restraints. Available at: www.who.int/mediacentre/factsheets/fs358/ru/ (accessed 20.02.2016).
4. About the means of safer road traffic: Bill of the President of the Republic of Belarus, November 28th, 2005 no. 551. ConsultantPlus. Minsk, 2015 (accessed 20.02.2016).
5. About bringing amendments and additions into the Bill of the President of the Republic of Belarus dated November 28th, 2005 no. 551: Bill of the President of the Republic of Belarus dated October 13th, 2014 no. 483. ConsultantPlus. Minsk, 2014 (accessed 20.02.2016).
6. Rules of road transportation of passengers: Decision of the Government of the Republic of Belarus dated June 30th, 2008 no. 972. ConsultantPlus. Minsk, 2008 (accessed 20.02.2016).

Информация об авторе

Зенькович Владимир Адамович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Белорусский государственный экономический университет (220070, г. Минск, Партизанский пр-т, 26, Республика Беларусь). E-mail: shkliareuski_a@bseu.by

Information about the author

Zen'kovich Vladimir Adamovich – PhD (Juridical), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Civil Law Disciplines. Belarusian State Economic University (26, Partizanskiy Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: shkliareuski_a@bseu.by

Поступила 21.03.2016

УДК 82.09-1+82.0

Я. А. Гарадніцкі

Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы
Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі

ТЭМА ЛЕСУ Ў БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Прадметам даследавання ў артыкуле з'яўляецца ўвасабленне тэмы лесу ў творах беларускіх аўтараў. Дадзеная тэма рэалізуецца ў шматстайнасці вобразаў і матываў, якія звязаны з уяўленнямі пра лес як важнейшую сферу існавання чалавека. Беларускія пісьменнікі заўсёды праяўлялі павышаную цікавасць да ўсяго, што датычыцца прыроднага асяроддзя. Тэма лесу была адной з самых актуальных на працягу ўсяго гістарычнага развіцця нацыянальнай літаратуры.

Вобразы лесу і яго насельнікаў выяўляюцца ў творах беларускай літаратуры ў рэалістычным, міфалагічным і сімволіка-алегарычным плане. Важную ролю ў мастацкай сістэме літаратуры адыгрываюць сімвалічныя вобразы дуба, сасны, бярозы і інш. Звяртаючыся да тэмы лесу, беларускія пісьменнікі выяўляюць грамадзянскую заклапочанасць пра яго захаванне для нашчадкаў. Асабліва выразна матывы абароны лесу гучаць у паэзіі П. Панчанкі. Глыбокі філасофскі змест характэрны для лясных вобразаў і матываў у творах Якуба Коласа, А. Куляшова, А. Пысіна, А. Разанова і іншых беларускіх паэтаў. У беларускай прозе тэма лесу таксама мае важнае значэнне. Апісанні ляснога пейзажу складаюць істотную частку сюжэтаў праявітых твораў.

Ключавыя словы: літаратура, тэма, вобраз, сімвал, прыроднае асяроддзе, лес, дрэва.

Ya. A. Haradnitski

Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala, Research Center of the Belarusian
Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus

THE FOREST THEME IN BELARUSIAN LITERATURE

The subject of research in the article is the embodiment of the forest theme in the works of Belarusian authors. This theme is implemented in a variety of images and motifs that are associated with the concept of the forest as an important sphere of human existence. Belarusian writers have always shown an increased interest in everything that concerns the environment. Forest theme was one of the most important throughout the historical development of the national literature.

Forest image and its inhabitants are identified in the work of Belarusian literature in a realistic, mythological, symbolic and allegorical plan. Important role in the artistic system of literature play symbolic images of oak, pine, birch etc. Referring to the theme of the forest, Belarusian writers show their civil concern about its preservation for future generations. More emphatically forest protection motives sound in P. Panchanka's poetry. Deep philosophical content inherent to the forest images and motifs in the works of Yakub Kolas, A. Kulyashou, A. Pysin, A. Razanau and other belarusian poets. In Belarusian prose forest theme also has an important meaning. Descriptions of the forest landscape are an essential part of plots in prose works.

Key words: literature, theme, image, symbol, environment, forest, tree.

Уводзіны. Тэма лесу – адна з самых асноўных, найбольш распаўсюджаных у беларускай літаратуры. Яе можна супаставіць па значнасці з тэмай зямлі, якая для нацыянальнай літаратуры, асабліва класічнай, з'яўляецца прадметам асаблівай увагі. Зямля, лес, поле, луг, рака – гэта тыя асноўныя вобразы-топасы прыроднага асяроддзя, з якімі неад'емна спалучана экзістэнцыйнае існаванне герояў літаратурных твораў самых розных жанраў. Кожны чалавек, нягледзячы на тое, высковец ён ці гараджанін, судакранаўся неаднойчы ў жыцці з гэтымі

праявамі прыроднага свету. Цяжка, мабыць, знайсці і аўтара, які б не звяртаўся ніколі ў сваёй творчасці да тэмы лесу і лясных вобразаў і матываў.

Даследаванне шырока прадстаўленай у нацыянальнай літаратуры тэмы лесу магчыма праводзіць у некалькіх кірунках. Нам уяўляюцца перспектыўнымі наступныя падыходы: 1) аналіз вобразаў-сімвалаў (такіх, напрыклад, як вобраз дуба) і іх значэння ў агульнай мастацкай сістэме; 2) вызначэнне функцыянальнай ролі лясных вобразаў і матываў у развіцці сюжэта літаратурнага твора;

3) выяўленне аўтарскага аўтабіяграфічнага падтэксту ў раскрыцці тэмы лесу, абумоўленасці звароту да дадзенай тэмы жыццёвымі акалічнасцямі і светапогляднымі прыярытэтамі пісьменніка.

Асноўная частка. Тэма лесу з яго таямнічасцю, загадкаваасцю, неспазнанасцю і, разам з тым, душэўнай блізкасцю настроям і менталітэту беларуса ўзнікае яшчэ ў даўнія часы. Да яе працоўкі мае непасрэдныя адносіны фальклор, у творах якога лясному жыццю і лясным жыхарам надаецца істотнае значэнне. Прысутнасць тэмы лесу выразна заяўляе пра сябе ў творах старажытнай беларускай літаратуры. У XVI ст. Міколам Гусоўскім была напісана на лацінскай мове паэма «Песня пра зубра», у якой выведзены ва ўсёй велічы вобраз магутнага волата беларускіх пушчанскіх абшараў. У гэтым творы, які атрымаў новае жыццё ў беларускамоўных перакладах напрыканцы XX ст., лес паўстае як вобраз глабальнага значэння, сімвалічнае ўвасабленне прыроднай стыхіі.

Асабліва шырока і шматстайна прадстаўлена лясная тэма ў беларускай літаратуры, пачынаючы з XIX ст., калі пісьменнікі сталі арыентавацца на дэмакратычную чытацкую аўдыторыю, а ў творах з'явіўся герой – прадстаўнік народнага асяроддзя. Значны ўклад у працоўку дадзенай тэмы ўнёс Янка Лучына, аўтар вядомай паэмы «Паляўнічыя акварэльні». Я. Лучына, паэт, які пісаў на трох мовах – беларускай, рускай і польскай, скончыў Пецябургскі тэхналагічны інстытут. Тэма лесу знайшла таксама шматбаковае ўвасабленне ў творчасці класікаў беларускай літаратуры – Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча і інш. У многіх творах беларускай літаратуры лес выяўляецца рэалістычна, паказваецца як працяг жыццёвага асяроддзя чалавека. Аднак даволі часта вобразы і матывы, звязаныя з лясной тэматыкай, мастацка трансфармуецца, метафарычна і міфалагічна пераўтвараюцца, выступаюць у якасці паэтычных сімвалаў. У паэмах Купалы «Магіла льва», «Сон на кургане» лес сімвалізуе сабой рамантызаваны, міфалагічна трансфармаваны свет, які супрацьстаіць волі індывідуума.

У міфалагічным вобразным увасабленні прадстаўлены лясны свет у паэзіі М. Багдановіча. У вершы «Чуеш гул? – Гэта сумны, маркотны лясун...» з цыкла «У зачарованым царстве» рэалізуецца антыномія *прыроднага – душэўнага*. Пачынаецца верш з акцэнта на гукавых з'явах. Спачатку гэта суцэльны, адзіны «гул» – гранне лесуна, якое сімвалізуе сабой цэласнасць міфалагічнага светаўспрымання. Пры гэтым лесунова гранне выяўляецца праз пластыку зрокава ўяўляемай вобразнасці: гэта гучанне – самараскрыццё самой прыроды, сосен – «тысячаў крэпка нацягнутых струн».

Лес, як блізкая чалавеку прыродная стыхія, яскрава і маштабна выяўлены ў паэме Коласа

«Новая зямля». Дзеянне гэтага твора адбываецца ў лесніковай пасадзе і ў навакольных лясных абшарах. «Новая зямля» – твор аўтабіяграфічны. Паэт, які нарадзіўся ў сям'і лесніка, апісвае лясныя краявіды дэталёва і маляўніча, як свет, для яго родны і блізкі. І ў жыцці Колас заўсёды быў адданы лясному свету, нават і ў паважным узросце вельмі любіў, напрыклад, паходы ў грыбы.

Асаблівую значнасць выяўленаму ў «Новай зямлі» Я. Коласа свету прыроды і жыцця чалавека ў суладнасці з ёю надае адкрытасць выявы перад касмічна-быццёвай перспектывай. Усё, што адбываецца ў жыцці герояў у яго звыклым кругабегу і прадвызначанасці, не абмяжоўваецца паказам толькі прадметнага. Над рэчыўным і прыродным у паэме узносіцца ў недасяжныя вышыні нябесная прастрань, і менавіта яна сімвалічна прадстаўляе вышэйшы духоўны пачатак. Істотным момантам у апісанні лесніковай пасады і бліжэйшага да яе наваколля з'яўляецца не толькі выяўленае на зямлі, тое, што трывала звязанае з адвечным сялянскім побытам, але і тое, што ўзвышаецца над ім, даючы магчымасць паўней далучыцца да Боскага, універсальнага, анталагічнага. «Святое аддаленне» – такое паняцце, такое духоўнае вымярэнне ўводзіць аўтар паэмы ўжо на самым пачатку яе, пры апісанні лесніковай пасады. Такі ракурс бачання (з аддалення, ад нейкага пункту Абсалюту) надае гарманічную ўраўнаважанасць і завершанасць карціне быцця, спалучаючы рэчыўнае і духоўнае ва ўзаемазвязанае цэлае.

А хвоі, елкі векавыя
Пад зыкі песень маладыя
Маўчком стаялі ў нейкай думе,
І ў іх ціхусенечкім шуме
Няслось вячэрняе маленне
Ўгару, святое аддаленне [1, с. 7].

Лясныя вобразы з'яўляюцца своеасаблівымі «персанажамі» многіх твораў-прытчаў з «Казак жыцця» Я. Коласа. Адлюстраваліся яны і ў лірыцы класіка беларускай літаратуры. Хрэстаматыйным творам стаў верш «Дуб» – хваласпеў паэта ў гонар магутнага волата беларускіх лясоў.

Па-асабліваму загучала лясная тэма ў гады Вялікай айчыннай вайны, калі шырока разгарнулася партызанскае змаганне супраць нямецка-фашысцкіх захопнікаў. «Лясная песня» кампазітара Уладзіміра Алоўнікава, створаная на словы Адама Русака, стала мастацкім помнікам як беларускім партызанам, так і іхняму ахоўніку і прытулку – беларускаму лесу.

У беларускай паэзіі другой паловы XX ст. тэма лесу (і шырэй: адносін чалавека з прыродным светам, жыцця на зямлі) становіцца прадметам філасофскага асэнсавання ў лірыцы Аркадзя Куляшова. Трывогай і заклапочанасцю паэта і грамадзяніна наконт зберажэння цывілізацыі

прасякнуты вершы з яго кнігі паэзіі «Сасна і бяроза». Сімвалічныя вобразы сасны і бярозы, якія ўтрымліваюць сваімі каранямі свет, знаходзяцца ў адным шэрагу з такімі маштабнымі вобразамі-канцэптамі выдатнага паэта, як хуткасьць, шлях, акіян і інш.

Публіцыстычным паэтычным словам становіцца на абарону лесу ад людскай прагавітасці і нядбалства П. Панчанка. Верш П. Панчанкі «Лясныя воблакі», змешчаны ў аднайменным зборніку, уяўляе сабой пафаснае спалучэнне лірычнага выказвання з публіцыстычнай завостранасцю слова. Пачынаецца твор з прасякнутага пшчотай любавання малюнкам ляснаго прыволля: Сонца праз лісце – / Сонца праз лісце – / Хораша лес мой зялёны шуміць [2, с. 18]. Аднак тут жа, у той самай страфе паяўляецца нота, якая сведчыць пра паварот думкі паэта ў іншым кірунку. Ва ўяўленні аўтара лясная прыгажосць асацыюецца з адсутнасцю ў чалавека прагматычнага, карыслівага стаўлення да прыроды. Пра гэта ўспомнена невыпадкова. Выяўленне лірычнай ідыліі перарываецца раптоўна змрочным відовішчам варварскага знішчэння.

Ссечаны ельнік,
Бярэзнік знявечаны,
Нават рабінку –
Лязом папалам.
Можа, канчаецца
Род чалавечы?
Дзікае, хамскае
Смецце і хлам [2, с. 19].

Супастаўленне дзвюх кантрасных выяў эмацыйна ўздзейнічае на свядомасць чытача, выклікае ў яго рэакцыю нязгоды, пратэсту. Рытарычныя сродкі паэтычнага выражэння скіраваны на ўзмацненне сугестыўнага ўздзеяння, перакананне ў згубнасці для прыроды і самога чалавека спажывецкай ідэалогіі.

Імкненне абараніць лес ад зламных пасяганняў адчувальна ў вершах А. Пысіна, паэта, у творчасці якога тэма лесу займае значнае месца. Адзін з вершаў на гэтую тэму пачынаецца з такога прызнання:

І чаму не стаў я лесніком,
Лес мой, брат мой...
Быў бы я тваім замком
І тваёю брамай [3, с. 107].

Неажыццёўленая мара аб прафесіі ахоўніка лясных скарбаў пакінула трывалы след у свядомасці паэта, выявілася ў яго асаблівай прыхільнасці да вобразаў і матываў лясной тэматыкі. Для філасофска-элегічнай паэзіі А. Пысіна характэрна своеасаблівая сістэма вобразаў, праз якую раскрываюцца погляды аўтара на лес. У большасці вершаў дадзенай тэматыкі лясныя краявідныя выяўляюцца ў непасрэднасці паэтычнага ўспрымання, у прадметна адчувальных выніках сузірвання. У той жа час лірычная рэфлек-

сія паэта ўздываецца да філасофскага абагульнення, скіроўваецца да разгадкі таямніц быцця. А. Пысін валодаў здольнасцю выявіць у лірычным вершы асобнае імгненне існавання, надзяліўшы яго адчуваннем значнасці, далучанасці да вечнага. Тое, з чым адбывалася непасрэднае пачуццёвае судакрананне, пэўным чынам судносілася з неабсяжнасцю, з усім універсумам.

Лясная тэма трывала паяднана ў паэзіі А. Пысіна з галоўнай для яго ваеннай тэмай. У вершах паэта сустрэнем нямаля запамінальных вобразаў, у якіх духоўны і эмацыянальны вопыт паэта-франтавіка перадаецца праз судакрананне з лясным асяроддзем. Лес прадстае як сімвалічнае ўвасабленне адвечнасці прыроды. Суцукненне вечнага і ўстойлівага з трагічнымі абставінамі ваеннага часу выклікае пачуццё, якое пазначаецца характэрным для пысінскай паэтыкі словам *рэквіем*. Памяць паэта пра палеглых у змаганні з ворагам сяброў-аднапалчан канкрэтызуецца праз пэўныя вобразныя прыкметы і адзнакі. Зварот да лясных вобразаў надае гучанню твораў А. Пысіна асаблівую элегічную ўрачыстасць рэквіемнага характару. «Байцам спявае рэквіем сасоннік, / Карэннем дол сплятаючы гусцей» [3, с. 13] – гэтыя радкі паказальныя ў плане ўзаемадзеяння ў вершах паэта двух істотных для яго тэматычных пластоў. Адвечны спакой прыроды і катаклізмы ваеннага ліхалецця, якія закранаюць і самую прыроду – гэтая антыномія раскрываецца ў творах А. Пысіна якраз праз лясныя вобразы. У вершы «Асвейскія ручнікі» рэаліі бою перадаюцца аўтарам праз вобразныя выявы, у якіх драматычна пераўвасабляецца прыроднае наваколле: «І выбухі ўстаюць бязліста, / Як марсіянскія кусты» [3, с. 28].

Анталагічная паяднанасць прыроднага і чалавечага ў паэзіі А. Пысіна выяўляецца праз вобразы-сімвалы дрэў. Глыбокай змястоўнасцю пазначаны верш пра «сірацінку-рабінку», якая вырасла наўзбоч ледніковага валуна. Яе выява пададзена не ў стыцы, а ў дачыненнях з жыццём чалавека. Лірычны герой верша праносіць дарагі для яго вобраз праз усё сваё жыццё, і нават за мяжой зямнога існавання не жадае раставання з тым, што ўяўляецца яму ўвасабленнем ўсеагульнай наканаванасці.

Па пяску, па суглінку
З вясны у вясну
Сірацінку-рабінку
Нясу і нясу.
Лёгка нёс бы, хоць колы
Павыбілі шлях, –
Ды валун ледніковы
Ў яе на нагах.
На апошнім прыпынку
Ў суровай жалбе
Апушчу я рабінку
На грудзі сабе [4, с. 96].

Углядаючыся ў пачатак свайго жыцця, які хаваецца дзесьці ў змроку часовай аддаленасці, лірычны герой прыкмячае невыразныя для яго цяпер абрысы. «Пакалыхваюцца сілуэты: / Дрэвы, дрэвы ці мае гады» [5, с. 7]. Калі чалавек адыходзіць назаўжды, адзнакі пражытага ім жыцця застаюцца не толькі ў яго справах, здзяйсненнях, але быццам пакідаюць след і на аб'ектах прыроднага асяроддзя. Лірычны герой А. Пысіна імкнецца адшукаць гэтыя прыкметы, разгледзець працяг сваіх палеглых пабрацімаў у красаванні вечна жывой прыроды. «Зразумець мы хочам мову / Вешчых траў і светлых дрэў: / Можа, ў іх ёсць тыя словы, / Што сказаць хтось не паспеў» [5, 11].

Актуальнасць лясной тэматыкі, цесна пераплеценай з іншымі вобразами і матывамі, адлюстроўваецца ў саміх назвах кніг. Дадзеная тэндэнцыя датычыцца не толькі паэзіі. Можна згадаць, напрыклад, раманы «Сасна пры дарозе» і «Вецер у соснах» з ваеннай трылогіі Івана Навуменкі, раман «Пушча» Віктара Карамазова і інш. Лес – адзін з важнейшых прыродных асяродкаў, істотнейшых топасаў прыроднага свету ў творчасці І. Навуменкі. Тэма лесу займае значнае месца ў раманнай трылогіі І. Навуменкі («Сасна пры дарозе», «Вецер у соснах», «Сорак трэці»). Звяртае на сябе ўвагу адметнасць прасторавых вобразаў раманаў «ваеннай» трылогіі пісьменніка, якія вызначаюцца сваёй выразнай прадметнай адчувальнасцю, набліжанасцю да рэалій паўсядзённага жыцця, выяўленнем праз іх практычнага вопыту асваення чалавекам рэчаіснасці. Разам з тым важна падкрэсліць і іх сімвалічны і канцэптуальны сэнс. Адным з важнейшых пунктаў назірання ў першым рамане з'яўляецца ўзгорак ля чыгуначнай будкі, з якога адкрываецца панарама мястэчка, і сасна на ім – як арыенцір у прасторы. Менавіта тут, пад сасной на чыгуначным пераездзе, ля будкі абходчыка, чытач упершыню сустракаецца з галоўным героем трылогіі – Міцем Птахам і яго школьнымі сябрамі.

Вобраз сасны неаднойчы ўзнікае на старонках усіх трох «ваенных» раманаў І. Навуменкі. Гледзячы на сасну, Міця Птах успамінае іншыя абставіны, мірнае жыццё, поўнае спадзяванняў і надзей. Вобраз гэтага дрэва спалучае сабою не толькі прасторавыя абсягі; вакол яго канцэнтруецца ў памяці юнака ўсё тое, што зусім нядаўна было такім блізкім і зразумелым.

У творах І. Навуменкі пазнейшага часу, у 1990-я гады лясная тэма знаходзіць свой працяг. Сярод разнастайнасці дрэў варта вылучыць вобразы дубоў. Сімволіка гэтых вобразаў, абярэгаў мястэчка ды і ўсяго Палесся, успрымаецца скрозь прызму экалагічных трывог, якія характарызуюць светаўспрыманне аўтара-апавадальніка: «На дальніх і блізкіх пагорках узвышаюцца дубы. Усё меней і меней становіцца гэтых прыгожых волатаў у ваколіцах мястэчка» [6, с. 187].

У аповесці М. Купрэева «Палеская элегія» герой-апавадальнік знаходзіць у лясным гушчары часовы прыпын сваім вандраванням. Твор пачынаецца з выявы пня, на якім сядзіць герой, назіраючы за лясным жыццём навокал. Гэты, здавалася б, зусім нязначны прадмет у агульным прасторавым асяроддзі мастацкага свету на самой справе выконвае ролю сімвалічнага знака. Гэта пункт у прасторы, з якім асацыіруецца лакалізацыя героя як назіральніка; тое месца, дзе ён, інтэнсіўна ўспрымаючы навакольнае, пагружаецца разам з тым у свой унутраны свет, засяроджваецца на перажыванні пэўных істотных для яго самаўсведамлення момантаў мінулага. З гэтага «свайго пня» герою адкрываюцца далёкія быццёвыя далягляды. «Па цёплым, мяккім імху босы пайшоў на ўзлесак, да свайго пня, сеў на ім, звесіў ногі, бачыў перад сабой разбіты асфальт, за ім – пажоўклую атаву, чорны бераг Бобрыка...» [7, с. 215]. Так непрыкметна адбываецца ў свядомасці героя пераход ад рэальнасці ў свет уявы, каб пасля зноў вярнуцца да рэальных экзістэнцыйных абставін.

Своеасабліва вырашаецца тэма лесу ў філасофскай паэзіі А. Разанава. У яго першым зборніку вершаў «Адраджэнне» (1970) было змешчана некалькі твораў, у якіх аўтар разглядае лес як адну з важнейшых быццёвых сфер, з якой непасрэдна звязана існаванне чалавека. Гэтыя разгорнутыя ў сваёй нарматыўнай перспектыве вершы названы паэтам лаканічна: «Лес», «Дрэвы». У такім падыходзе выявілася характэрная рыса паэтыкі А. Разанава. У дадзеным зборніку большасць вершаў названа менавіта такім чынам – лаканічна, адным словам. Паэт засяроджваецца на нейкай пэўнай, канкрэтна абазначанай з'яве, аднак уключае яе ў шырокі быццёвы кантэкст.

У вершы «Лес» прадметам паэтычнай рэфлексіі становіцца дыхатамія блізкага-далёкага, прадметнага-трансцэндэнтнага. Уласціваецца зроку ўспрымаць аддаленыя прадметы, у прыватнасці лясны відарыс, у зменлівым каляровым увасабленні дае аўтару падставы для роздуму над дыялектычнай сутнасцю быцця. Тое, што падаецца блізкім і звыклым, што акружае чалавека ў яго паўсядзённым жыцці, пры пэўных умовах можа пераўтварыцца ў незвычайнае, прадстаць у новым святле як невядомае і неспазнанае. «Там – лес / блакітны па лісці. / Ён задумёны, / незнаёмы... / Мне ў лес блакітны / не ўвайсці, / калі ўвайсці – / ўвайсці ў зялёны» [8, с. 12]. Гэтыя дзве грані быцця прадстаюць перад лірычным героем у сваёй асобнасці («іх між сабой не прыміру, / яны не хочуць прымірэння») [8, с. 12] і разам з тым яны неабходны чалавеку для выяўлення паўнаты быцця. Розны – у залежнасці ад пункту гледжання героя – паўстаў адзін і той жа аб'ект увасаблення – лес,

рэальны і ў той жа час мройліва-запаветны. Менавіта слова *запавет* (як удакладненне прыродных законаў з боку духоўнасці) паэт выбірае ў якасці завяршальнага акцэнта верша:

І, не ствараючы законаў,
але стварыўшы запавет,
падыдзе блізка свет зялёны,
адыдзе ўдалы блакітны свет [8, с. 14].

У вершы «Вытокі» з таго ж самага зборніка А. Разанава лясны свет пададзены ў гістарычнай рэтраспектыве, як асяродак існавання старажытнага чалавека. «Праз лясны сцяжына тчэцца – / каляіна, / капыток... / Там маленства чалавецтва. / Там пачатак. / Там выток» [8, с. 32].

У міфалагізаваным ракурсе ўспрымання ўвасабляецца вобраз лесу ў паэзіі А. Сыса. Адна з першых кніг паэта атрымала характэрную назву «Пан Лес». Аналіз вершаў, змешчаных у ёй, дае падставы для сцвярджэння, што А. Сус, выяўляючы ў яркавых паэтычных вобразах міфалагемах лясны свет, прадаўжае традыцыі, закладзеныя М. Багдановічам. Лес паўстае ў яго творах сакральнай тэрыторыяй, своеасаблівым храмам прыроды. Ён надзелены ўласнай мовай,

праз якую чалавеку даецца адчуванне быццёвай шматстайнасці. «Лес не нямы: і ўлісточку, / і ў кволенкай жылцы / мова тчэцца лясная / з мільярдаў лясных галасоў» [9, с. 55]. Вобразы жыхароў лясных абшараў у міфалагічна пераўвасобленым свеце паэтычнай уявы ўспрымаюцца істотамі, з якімі чалавек паяднаны драматычнай сувязцю братэрства-змагання. Воўк з аднайменнага верша А. Сыса – у пэўным сэнсе двойнік лірычнага героя. «Куды ні пайду: і ў полі, і ў лесе, і ў лаўжох за вёскаю цікуе за мною воўк. Мы звыкліся і палюбілі адзін аднаго нянавісцю. А мая стрэльба ахоўвала нас» [9, с. 38].

Заклучэнне. Тэма лесу ўвасабляецца ў творах беларускай літаратуры ў шматстайнасці жанравых і стылявых форм. Яна спалучаецца ў творчасці беларускіх аўтараў з многімі іншымі тэмамі і матывамі. Асаблівае месца ў мастацкай сістэме нацыянальнай літаратуры займаюць вобразы-сімвалы, якія ўвасабляюць адвечнасць прыроднага свету. У творах беларускіх аўтараў выяўляецца занепакоенасць станам зберажэння ляснога багацця, гучыць заклік да ашчаднага стаўлення да прыроды.

Літаратура

1. Колас Я. Збор твораў: у 20 т. Мінск: Беларус. навука, 2009. Т. 8. 347 с.
2. Панчанка П. Лясныя воблакі: Вершы. Мінск: Маст. літ., 1985. 78 с.
3. Пысін А. Мае мерыдыяны: Лірыка. Мінск: Беларусь, 1965. 128 с.
4. Пысін А. Да людзей ідучы: Вершы. Мінск: Маст. літ., 1972. 112 с.
5. Пысін А. Твае далоні: Вершы і паэмы. Мінск: Беларусь, 1967. 136 с.
6. Навуменка І. Збор твораў: у 10 т. Мінск: Маст. літ., 2014. Т. 4. 846 с.
7. Купрэеў М. Палеская элегія: аповесці. Мінск: Літаратура і искусство, 2007. 312 с.
8. Разанаў А. Адраджэнне. Мінск: Беларусь, 1970. 48 с.
9. Сус А. Пан Лес: Вершы. Мінск: Маст. літ., 1989. 111 с.

References

1. Kolas Y. *Zbor tvorau: u 20 t.* [Collected Works: in 20 v.]. Minsk, Belarus. navuka Publ., 2009. Vol. 8. 347 p.
2. Panchanka P. *Liasnyya voblaki: Vershy* [Forest Clouds: Poems]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1985. 78 p.
3. Pysin A. *Maye merydyany: Liryka* [My Meridians: Lyrics]. Minsk, Belarus Publ., 1965. 128 p.
4. Pysin A. *Da lyudzey iduczy: Vershy* [Coming to People: Poems]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1972. 112 p.
5. Pysin A. *Tvae daloni: Vershy i paemy* [Your Palms: Poems]. Minsk, Belarus Publ., 1967. 137 p.
6. Navumenka I. *Zbor tvorau: u 10 t.* [Collected Works: in 10 v.]. Minsk, Mast. lit. Publ., 2014. V. 4. 846 p.
7. Kupreyeu M. *Paleskaya elegiya: Apovestsi* [Elegy of Palesye: Story]. Minsk, Literatyra i iskusstvo Publ., 2007. 312 p.
8. Razanau A. *Adradzhenne* [The Revival]. Minsk, Belarus Publ., 1970. 48 p.
9. Sys A. *Pan Les: Vershy* [Pan Forest: Poems]. Minsk, Mast. lit. Publ., 1989. 111 p.

Інфармацыя пра аўтара

Гарадніцкі Яўген Андрэевіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, намеснік дырэктара. Інстытут літаратуразнаўства імя Янкі Купалы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі (220072, г. Мінск, вул. Сурганова, 1, корп. 2, Рэспубліка Беларусь). E-mail: jaharad@mail.ru

Information about the author

Haradnitski Yauhen Andreevich – PhD (Philology), Assistant Professor, vice-director. Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala, Research Center of the Belarusian Culture, Language and Literature of the National Academy of Sciences of Belarus (1, k. 2, Surhanava str., 220072, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: jaharad@mail.ru

Паступіў 25.03.2016

УДК 82-343.4(476):811.162.4

В. М. Ляшук

Універсітэт імя Мацея Бела ў Банскай Быстрыцы (Славацкая Рэспубліка)

**БЕЛАРУСКІЯ І СЛАВАЦКІЯ КАЗКІ:
ЛІНГВІСТЫЧНАЯ І ТЭКСТАВАЯ СПЕЦЫФІКА ЎЗАЕМАПЕРАКЛАДУ**

Народная казка мае выразныя рысы ўніверсальнасці ў перадачы падзейнасці, ролевай суб'ектнасці і фальклорнага стылю. У адносінах славянскіх казак узровень універсальнасці павышаецца за кошт блізкароднасці моў, што знаходзіць адлюстраванне ў інтэнсіўнасці і спецыфіцы ўзаемаперакладу. Беларускія і славацкія казкі выконваюць падобную ролю пры фарміраванні нацыянальных літаратурных моў і ў станаўленні канцэпцыі кадыфікацыі. У якасці ўзорных тэкстаў яны аказвалі ўплыў на стылістычныя параметры абедзвюх разглядаемых моў. Пры асваенні тэкстаў казак як культурнай каштоўнасці і культурнай спадчыны выкарыстоўваўся ўнутраны і паміжмоўны пераклад. Узаемапераклад беларускіх і славацкіх казак актывізаваўся ў другой палове XX стагоддзя і адрозніваецца асіметрычнасцю ў тэкставым плане: на славацкую мову перакладзены два зборнікі беларускіх казак, а на беларускую – выбраныя славацкія казкі, часцей у зборніках, радзей асобнай кнігай. Разам з прамым перакладам выкарыстоўваюцца і мовы-пасрэднікі (руская для беларускіх і славацкіх перакладчыкаў, украінская – для славацкіх).

З лінгвістычнага пункту гледжання пры ўзаемаперакладзе беларускія і славацкія народныя казкі характарызуюцца значнай лексічнай і граматычнай агульнасцю, а таксама эмацыянальнай азначнасцю моўных сродкаў. Адлюстроўваючы ў сваёй мове размоўныя сродкі, беларускія і славацкія казкі пры ўзаемаперакладзе захоўваюць гэтую асаблівасць стылю. Пераклад пры гэтым утварае розныя канфігурацыі з апрацоўкай, закранае зыходныя і мэтавыя тэксты.

Ключавыя словы: культурны тэкст, моўны ўзор, літаратурная апрацоўка, лексічная агульнасць, размоўныя сродкі.

V. M. Liashuk

The Faculty of Humanities of Matej Bel University in Banská Bystrica (Slovak Republic)

BELARUSIAN AND SLOVAK FOLK TALES: THE LINGUISTIC AND TEXTUAL SPECIFICS OF RECIPROCAL TRANSLATION

Folk tales manifest certain distinctive features, such as the universality of conveying event sequences, role-related subjectiveness and folklore style. The level of universality of Slavic tales is raised due to the close relation between the languages, which is reflected in the intensity and the specifics of reciprocal translation. Belarusian and Slovak tales played similar roles in the formation of national standard languages and the emergence of codification concepts. Being exemplary texts, they had an impact on the stylistic parameters of the two languages. In the acquisition of tales as a cultural value and heritage, internal and cross-language translation was used. The reciprocal translation of Belarusian and Slovak tales intensifies in the second half of the 20th century and is characterized by asymmetry of textual aspect: two collections of Belarusian tales were translated into Slovak, but only selected Slovak tales were translated into Belarusian, more often within collections and rarely as separate books. Alongside direct translation, intermediary languages were used (Russian for Belarusian and Slovak translators and Ukrainian for Slovak translators).

From a linguistic perspective, Belarusian and Slovak tales translated reciprocally are characterized by a significant lexical and grammatical affinity and the emotional colouring of linguistic means. Reflecting the colloquial means in their language, Belarusian and Slovak tales preserve this stylistic feature. Here, translation forms various configurations with processing and is linked to both source and target texts.

Key words: cultural text, linguistic exemplar, literary processing, lexical affinity, colloquial means.

Уводзіны. Народныя казкі належаць да выразных прэзэнтантаў нацыянальных моў. Іх пераклад выкліканы культурна-гістарычнымі, адукацыйнымі, эстэтычнымі, навуковымі і іншымі, істотнымі для ўнутрыкультурнай і міжкультурнай камунікацыі фактарамі. Беларускія і славацкія казкі адыгралі падобную ролю пры станаўленні нацыянальных літаратурных моў і ў распрацоў-

цы арыентаванай на жывую мову і фальклор канцэпцыі моўнай кадыфікацыі. У час нацыянальнага адраджэння (XIX – пачатак XX стагоддзя) яны ў беларусаў і славакаў былі прызнаны класічнай мастацкай літаратурай і выступалі сведчаннем старажытнасці і самабытнасці гэтых народаў, якія імкнуліся да ўласнай дзяржаўнасці. Яны перадавалі свае казкі з пакалення

ў пакаленне, захоўваючы адначасова і самую сваю народную мову, узнятую затым да статусу нацыянальнай і літаратурнай.

У абодвух народаў (славакаў і беларусаў) праявіліся фальклор у падобе разнастайных паводле жанраў і сюжэтаў казак аказаў непасрэднае ўздзеянне на моўнае ўнармаванне, вызначыў многія істотныя асаблівасці кадыфікаванай мовы. Зафіксаваныя публікацыяй класічныя версіі народных казак, выбраныя ў абедзвюх культурах паводле крытэрыяў эстэтычных і культурна-этнічных у якасці моўна-літаратурнага архетыпу інтэрпрэтуюцца і перакладаюцца.

Асноўная частка. Узаемапераклад беларускіх і славацкіх казак адбываецца ў выглядзе тэкстаў, прызначаных для чытацкай аўдыторыі. Пераклад навуковых выданняў народных казак намі не выяўлены. Вопыт перакладу казак і назіранне за іх спецыфікай прывяло рускага пісьменніка Дз. Нагішкіна да высновы, якую падкрэслівае складальнік фальклорных зборнікаў, і рэдактар народных казак, і адначасова перакладчык народных казак М. А. Булатаў, што «па-за нацыі не існуе казка ўвогуле» [1, с. 59]. Арыентаваны на чытальніцкую аўдыторыю (культурна-эстэтычную каштоўнасць), ён пераклад інтэрпрэтуе як пераказ іншамоўных народных казак на сваю мову, што пацвярджаецца і аналізам узаемна перакладзеных беларускіх і славацкіх народных казак. Моўны аспект спецыялісты вызначаюць за выключна важны: «Праца над мовай – адзін з найбольш цяжкіх і адказных этапаў працы пісьменніка-перакладчыка» [1, с. 58].

Моўны аспект на пачатку публікатарскай дзейнасці арыентаваўся на існуючыя літаратурныя мовы суседніх народаў. Таму беларускія казкі публікаваліся на польскай мове з рэдуцыраваннем этнічнай прыналежнасці ў зборніку «*Bajaty polski*» А. Ё. Глінскага (Вільня, 1853) або на дыялекце ў складзе «Народных русских сказок» (разам з украінскімі казкамі), выдадзеных А. М. Афанасьевым і ў падрэдкавых зносках дапоўненых шматлікімі паслоўнымі перакладамі спецыфічнай беларускай лексікі [2, с. 65, 73]. Славацкія народныя казкі па-чэшску выдала Бажэна Нямцова – «Славацкія казкі і аповесці» (Прага, 1858). Два беларускія тэксты ў чэшскім перакладзе, прычым з рознай тэрытарыяльнай ідэнтыфікацыяй змясціў у зборніку славянскіх казак («іншых галін славянскіх»), гэта значыць, без уключэння выдадзеных асобна чэшскіх і славацкіх казак Карл Ярамір Эрбен (1869) – «*Štěstí a neštěstí*» (блр. «Доля і нядоля», з Заходняй Русі) і «*Kulihrášek*» (блр. «Пакацігарошак», з Бelay Русі). Такім чынам, носьбіты славацкай мовы пазнаёміліся з беларускімі тэкстамі ў перакладзе на чэшскую мову, якая ў той час была іх пісьмовай мовай. У межах іншых славянскіх моў

сваёй сям’і і іншых сем’яў як беларуская, так і славацкая культура не мелі высокай ступені прэзентатыўнасці, не былі вядомымі, не мелі агульнай тэрытарыяльнай граніцы, таму доўгі час не мелі і прамой міжкультурнай камунікацыйнай праз узаемапераклад.

У навучальных і культурна-азнаямленчых мэтах на арыгінальнай мове славянскіх казкі Карл Ярамір Эрбен выдаў на 5 гадоў раней. Яго выданне «Сто простанародных казак і аповесцей славянскіх у зыходных дыялектах» (Прага, 1864) суправаджаецца тлумачэннем (перакладам) незразумелых слоў, яно акрэслена жанрава і метадычна – «Хрэстаматыя славянская с высьвятленнем слоў».

Амаль адначасова з К. Я. Эрбенам на славацкай мове свае народныя казкі выдалі Я. Рымаўскі ў 1845 г., А. Г. Шкультэты і П. Добшынскі ў 1858–1863 гг., П. Добшынскі ў 1880–1883 гг. На беларускай – Е. Раманаў (1887–1891), А. К. Сержпутоўскі (1911, 1926), рускі збіральнік П. В. Шэйн (1893), польскі збіральнік М. Федароўскі (1897–1903) і інш. Моўны аспект быў істотным менавіта з улікам адраджэнцкіх і кадыфікатарскіх, а таксама адукацыйных мэт заваення роднай мовы.

У казках беларускіх і славацкіх адраджэнцы знаходзілі ўзор чыстай гаворкі, якая вызначалася асновай канцэпцыі моўнага адраджэння і культуры літаратурнай мовы. Збіранне казак было звязана з рэдагаваннем і апрацоўкай іх тэкстаў для публікацыі, пры якой ці захоўвалася зыходная мова (беларускія і ўкраінскія тэксты ў зборніках рускіх народных казак А. М. Афанасьева), мадэляваўся ўзор мовы для двух роднасных суседніх народаў (славацкія тэксты, трансфармаваны Янам Коларам у славакізаваную чэшскую мову і ўключаныя ім у зборнік народных славацкіх песень) або выданне ў перакладзе на роднасную славянскую мову (славацкія казкі, выдадзеныя пісьменніцай Бажэнай Нямцовай на чэшскай мове, або беларускія казкі, выдадзеныя ў літаратурнай апрацоўцы па-польску Антоніем Ёзэфам Глінскім з дакладна вядомай арэальнай прыналежнасцю да беларускіх вёсак Шчорсы і Нягневічы былога Навагрудскага павета [3].

У якасці ўзорных тэкстаў казкі беларусаў і славакаў паўплывалі на стылістычны рэгістр і параметры функцыянальных стыляў адпаведна кожнай з названых моў. Выкарыстанне тэкстаў народных казак як праявы жывога маўлення вызначыла тыпалагічную блізкасць беларускай і славацкай літаратурных моў паводле спецыфікі, умоў і фактараў кадыфікацыі і працэсу павышэння статусу мовы праявіўшага фальклору да пісьмовай шляхам публікацыі сабраных ад інфарматараў тэкстаў – як у Беларусі, так і ў Славакіі. Гэта акалічнасць з’яўляецца

імпліцтнай асновай агульнасці моўна-стылістычных сродкаў беларускіх і славацкіх народных казак, іх эмацыянальна-ацэначнага ладу, іх ролі ў масіве тэкстаў кожнай з названых нацыянальных культур і акрэсліваюць як лінгвістычныя, так і тэкставыя асаблівасці ўзаемаперакладу.

Народная казка ўвогуле мае выразныя рысы ўніверсальнасці ў перадачы падзеяў (сюжэты і матывы), ролевай суб'ектнасці (суб'екты дзеяння) і фальклорнага стылю (сістэма паўтараў, градацыя, агульныя месцы і да таго). У дачыненні да славянскіх казак ступень універсальнасці павышаецца за кошт блізкароднасці моў, што знаходзіць адлюстраванне ў інтэсіўнасці, традыцыйных і спецыфічных ўзаемаперакладу. Універсальнымі выступаюць і некаторыя моўныя асаблівасці, адзначаныя славацкім спецыялістам па літаратуры для дзяцей і моладзі Эвай Тучнай: «Мова казак, нягледзячы на прастату кампазіцыйнай будовы казкавага тэксту, багатая на параўнанні, метафары, персаніфікацыю і сінекдаху. Выяўленчая кантраснасць праяўляецца ў выкарыстанні аксюмарона і эпітэтаў, якія звычайна размяшчаюцца ў папарным супрацьпастаўленні добры – дрэнны, вялікі – малы, прыгожы – непрыгожы. Са слоўнага фонду часта выкарыстоўваюцца дэмініватывы» [4, с. 33].

Пры засваенні грамадствам тэкстаў казак у якасці культурнай спадчыны і этнічнай асновы для духоўна-культурнага развіцця шырока выкарыстоўваўся і выкарыстоўваецца ўнутраны і міжмоўны пераклад. Этнічная спецыфіка найбольш выразна раскрываецца менавіта пры параўнанні з этнічнай спецыфікай іншага народа [5]. Менавіта таму перакладчыцкай праблемай і дыскусійным пытаннем з'яўляецца асэнсаванне паняцця і сутнасці нацыянальнага каларыту, адлюстраваная і аналізаваная М. А. Булатавым на матэрыяле казак народаў СССР у артыкуле «Письменник і нацыянальная казка» [6]. Пытанні беларуска-славацкага ўзаемаперакладу народных казак уключаюць сферу перакладу жанрава разнастайных і стылістычна аформленых фальклорных тэкстаў [7] і сферу перакладу дзіцячай літаратуры [8].

Узаемапераклад беларускіх і славацкіх казак актывізаваўся ў другой палове XX стагоддзя, прычым больш інтэнсіўна пры мэтавай мове славацкай. Прычынай гэтага выступае з'яўленне ў Савецкім Саюзе найперш на рускай мове зборнікаў фальклорных казак народаў гэтага дзяржаўнага ўтварэння, сярод якіх абавязкова прысутнічаюць казкі ўсіх усходніх славян. Праз пераклад такіх зборнікаў ці выкарыстанне іх у якасці крыніцы для складання новага зборніка беларускія казкі ўвайшлі ў славацкі літаратурны кантэкст. Таму спецыфікай беларуска-славацкага ўзаемаперакладу казак выступае тэкс-

тавая асіметрычнасць: акрамя асобных тэкстаў у зборніках славянскіх і сусветных казак, на славацкую мову перакладзена дзве кнігі беларускіх казак, а на беларускую мову – выбраныя славацкія казкі, часцей у зборніках еўрапейскіх казак, і ў асобных выпадках кніжкай малога аб'ёму.

Прамы пераклад дапоўнены і перакладам праз мовы-пасрэдніцы. Як беларускія, так і славацкія перакладчыкі звяртаюцца да пасрэдніцтва рускай мовы (славацкая пісьменніца, вядомая таксама апрацоўкамі славацкіх казак і перакладамі казак розных народаў Марыя Дзюрычкова, беларускі пісьменнік і перакладчык казак Віктар Гардзеі). Да пасрэдніцтва ўкраінскай мовы звярнуўся славацкі перакладчык беларускіх казак Юрай Андрычык).

Славацкія казкі на Беларусі вядомыя па рускіх перакладах – як у зборніках, так і ў асобных выданнях, беларускія казкі ў славацкім літаратурным і культурным кантэксте прэзентуюцца таксама ў чэшскіх перакладах – як працяг традыцыі К. Я. Эрбена. Хаця ўзаемапераклад у дачыненні да гэтых моў адзначаецца пачынаючы з другой паловы XX стагоддзя, аднак апасродкаваная сувязь праз іншыя усходне- і заходнеславянскія мовы акрэсліваецца дзякуючы агульным ці падобным казковым варыянтам, сюжэтам, матывам і нават слоўным формулам (*стаць ў прыгодзе* 'дапамагчы ў патрэбны час' – у беларусаў, украінцаў і славакаў і да таго). На аснове падабенства выяўляецца лінгвістычная і тэкставая спецыфіка.

Для тэкставай селекцыі значную ролю адыгралі пераклады беларускіх казак на ўкраінскую і рускую мову, а славацкіх – на рускую. Славацкія выданні зыходзяць з выбару беларускіх тэкстаў перакладчыкамі і спецыялістамі з іншых славянскіх краін.

З беларускіх арыгінальных тэкстаў перакладаў Мілан Одран зборнік з 30 беларускіх казак «Kocúrik – zlatá labka» (блр. даслоўна: «Каток – залатая лапка»; 1-е выд. 1967, 2-е выд. 1977; паводле назвы перакладзенай беларускай казкі «Каток – залаты лабок»). У кнізе пералічаны і арыгінальныя крыніцы перакладзеных тэкстаў, якія ўключаюць навуковыя (выдадзеныя Акадэміяй навук кнігі «Беларускі эпас», 1959, і «Казкі і легенды роднага краю», 1960) і папулярнае («Бацькаў дар» – беларускія народныя казкі ў перакладзе і апрацоўцы Алеся Якімовіча) выданні. Адметным момантам у выбары тэкстаў і складанні зборніка з'яўляецца ўдзел балгарскага фалькларыста Георгія Влчава.

Другі перакладчык Юрай Андрычык карыстаўся ўкраінскімі перакладамі (зборнік «Саgovná riš'ala», 1983 – паводле назвы перакладзенай казкі «Чароўная дудка»). На славацкую мову ён пераклаў 25 з 27 тэкстаў са зборніка «Білоруські

народні казкі» (Кіеў, 1975; калектыў перакладчыкаў Р. Піўтарак, Б. Чайкоўскі, І. Выхаванец і М. Жарнасекава, якія звярнуліся да тэкстаў, апрацаваных беларускім дзіцячым пісьменнікам Алесем Якімовічам, г. зн. да шырокавядомых класічных варыянтаў) [падрабязней гл. 9].

У Славакіі беларускія казкі, як правіла, з рускамоўных перакладаў уключаліся ў зборнікі казак народаў Савецкага Саюза: у перакладзе Марыі Дзюрычковай кнігі «*Krásna nevidaná*» (1977, 1983; з рус. *краса ненаглядная*; гэта і характарыстыка перакладзеных казак) і «*Zázračná breza*» (1982; даслоўна «Цудоўная бяроза»), якія змяшчаюць 2 беларускія казкі. Адна належыць да жанру казак пра жывёл і мае кампазіцыйно кумулятыўнай структуры, у якой паўтараецца сітуацыя спробы выгнаць казла з аўсянага поля – «*Сар – sklené oči a zlaté rohy*» (даслоўна: «Казёл – шклянныя вочы і залатыя рогі»). Другая мае жанр сацыяльна-бытавой казкі, добра вядомай па шматлікіх беларускіх выданнях «*Ako sedliak s ránom obedoval*» (у беларускім арыгінале «Як мужык з панам абедваў»). Першая з іх набыла яшчэ адну славацкамоўную версію ў пераказе Маргіты Прыбусовай (сярод перакладчыкаў зборніка называюцца пры гэтым М. Дзюрычкова, А. Ферэнчыкова і інш.) – «*Сар s očami sklenými a rohami zlatými*» (даслоўна: «Казёл з вачамі шкляннымі і рагамі залатымі»). Яна змешчана ў зборніку еўрапейскіх казак «*Ako šla rozprávka do sveta*» (1983; даслоўна: «Як казка пайшла ў свет»).

Гэта казка вызначаецца гумарам і выразным размоўным ладам, перадаючы семантыку шкадлівасці, упартасці і здэрскасці казла і спробы яго выгнаць з засеянага поля. У арыгінале выкарыстаны звычайны выраз, якім выганяецца казёл, і традыцыйны для такога маўленчага дзеяння зварот да казла рэдукаваным (дзіцячым) словам *кызя*. Назва казкі – «Казёл» – простая і будзённая, а пачатак змяшчае рэалістычныя дэталі сялянскага жыцця і клопатаў. Традыцыйны зачын пра дзеда і бабу, якая скіроўваецца на пошук памочніка пасля страты дзеда:

Жыў дзед з бабай. Разараў дзед ляда, пасеяў на лядзе аўса. Дзед скоро памёр, засталася бабка адна. Пайшла бабка на ляда свайго аўса глядзець: бачыць – у аўсе казёл. Падышла яна й кажа:

– Кызя, вон! Кызя, вон!

А казёл не ідзе:

– Не лезь, кажа, – бабішча-дурнішча! У мяне вочы шклянныя, рогі залатыя: калі парну, дык і кішкі вон!

Нечага бабе дзелаць: пайшла і плача. Аж ідзе мядзведзь:

– Чаго, аб чым, бабка, гаруеш? <...> («Казкі пра жывёл і чарадзейныя казкі», 1971, с. 203).

Абодва славацкія пераклады ўзмацняюць эмацыянальнае напружанне, актуалізуюць гульнё-

вы лад, дынаміку руху і зачын абмяжоўваюць адной асобай, якая ў выніку выконвае мужчынскую працу:

Bola raz jedna starenska. Zorala si kúsok poľa a zasiala ovos. Ovos narástol krásny – vysoký, hustý.

Vybrala sa starenska pozrieť svoj ovos. Pride na pole a čo nevidí! Po ovse behá cap, obhryza ho a mliaga. Pribehne k nemu starenska a kričí:

«Ber sa, cap, z ovsa! Ber sa z môjho ovsa!»

A cap jej na to:

«Daj pokoj, starenska, traslavé kolená! Ja mám sklené oči a mám zlaté rohy: ak ťa bodnem, zaraz bude po tebe!»

Čo mala starenska robiť? Zvrtla sa a s plačom ide preč.

Ide, ide, stretne ju medveď.

«Čo plačeš, starenska, čo ti je?» <...> («Zázračná breza», 1982, с. 17).

Другі славацкі пераклад вызначаецца большай ступенню фалькларызацыі – выкарыстоўваецца фальклорны паўтор (*žerie ovos, dlávi ovos*), сталы эпітэт *utešený*, найменне фальклорнага персанажа *striga* (бел. ведзьма) – у парнай рыфмоўцы з эмацыянальна-ацэначным словам, утвораным ад караня *stap*(ы):

Zila raz starká-starenska. Zorala poľe a zasiala na pole ovos. Utešený ovos jej narástol krásny – hustý a vysoký.

Vybrala sa starenska na pole obzrieť ovos. A čo vidí – na jej poli sa poneviera cap, žerie ovos, dlávi ovos. Pribehla starenska k nemu a vraví mu:

– Von, cap, z ovsa! – Von, cap, z ovsa!»

A cap sa ani nehne:

– Nepribližuj sa, striga-stariga! – hovorí. – Ja som cap s očami sklenými a rohami zlatými. Keď ťa durknem, hneď dušu vypustíš!

Čo mala starenska robiť? Odišla a plače.

Oproti nej ide medveď.

– A čo ty, starká nariekaš? («Ako šla rozprávka do sveta», с. 26–27).

У традыцыйх распрацаванай Янам Колаграм ідэі славянскай узаемнасці Петэр Врлік і Петэр Мішак склалі пад сваім аўтарствам сучаснае выданне славянскіх казак «*Rozprávky spod slovanskej lipy*» (2013; даслоўна: «Казкі з-пад славянскай ліпы»), дзе ў радзеле «Усходнія славяне» па-славацку пераказваюцца тры беларускія казкі асноўных жанравых тыпаў, узятыя са зборніка «*Kocúrik – zlatá labka*». Аўтары-складальнікі гэтага выдання згрупавалі казкі паводле моўных сем'яў, даючы характарыстыкі носбітам кожнай славянскай мовы, ствараючы агульны славянскі казачны кантэкст праз метафарызацыю культурнага кода дрэва *lipa* – у супастаўленні з другім славянскім сімвалічным дрэвам *dubam*: «Больш за дзвесце гадоў, аднак, існуе наша славянская ліпа, і з-пад яе ўзыходзяць і казкі, якія мы для вас назбіралі і пераказалі» [10, с. 8].

На беларускай мове асобнай кнігай у перакладзе Алеся Якімовіча выйшла славацкая народная казка «Дванаццаць месяцаў» (1956; у арыгінале – «O dvanástich mesiačkoch») з класічнага выдання Паўла Добшынскага паводле запісаў Бажэны Нямцовай.

У арыгінале тэкст змяшчае больш дэталей, мае апавадальныя і апісальныя рэалістычныя фрагменты – мачыха кожны раз хмурылася, як глядзела на прыгожую падчарку, якая і не ведала пра сваю прыгажосць; яе зводная сястра толькі красавалася; пералічваецца праца, якую рабіла падчарка, стаўленне мачахі, якая падчарку толькі кляла і ляяла:

Bola jedna matka a mala dve dievky: jednu vlastnú a druhú pastorkyňu. Svoju veľmi rada mala, ale na pastorkyňu ani hladiet nemohla, a to preto, že Maruška bola krajšia ako jej Holena. Maruška ale nevedela o svojej kráse; nuž nemohla i ani pomysliet, prečo mater čelo zmraštiť, kedykoľvek pozrie na ňu. Myslela si, že je azda macoche v dačom nie po vôli. Nuž kým Holena iba fintila a strojila sa, dotiaľ ona v dome všetko riadila, upratúvala, varila, prala, šila, priadla, tkala, trávu nosila, kravy dojila, všetku robotu robila, a iba čo ju macocha za to každý deň kliala a hrešila («Prostonárodné slovenské povesti», т. 2, 1966, с. 381).

Беларускамоўны пераклад узбудзіў асобныя дэталі, больш выразным падае кантраст аблічча і паводзін абедзвюх дзяўчат:

Было ў маткі дзве дачкі: родная дачка Алена і падчарыца Марушка. Сваю дачку яна любіла, а падчарыцу цярдзец не магла.

Алена толькі хараша прыбіралася ды цяльмі днямі каля люстэрка круцілася. А Марушка і хату

падматала, і есці варыла, і шыла, і мыла і ўсю работу рабіла. І калі што не так зробіць – злая мачаха накрычыць на яе ды і з кулакамі накінецца.

А тут яшчэ і зайздрасць грызе мачыху: Марушка красуняй расце, усе суседзі з яе цашацца, а на брыдкую гультайку Алену ніхто і глядзець не хоча («Дванаццаць месяцаў», с. 3).

У аналагічным беларускім выданні «Хрустальны калодзеж» (Мінск, 1996) – 2 славацкія казкі з выдання П. Добшынскага, перакладзены Віктарам Гардзеям з рускамоўнага зборніка «Сказки народов Европы» (Мінск, 1990), у якім тэксты значна перапрацаваны.

Заклучэнне. На беларуска-славацкі ўзаемапераклад уплываюць пазалінгвістычныя фактары, залежныя ад культурна-гістарычнага развіцця народаў, іх этнічных культур і мовы. Гэтыя фактары акрэсліваюць і селекцыю класічных народных тэкстаў у публікаванай версіі, якія выбіраюцца для перакладу. Тыпалагічная блізкасць беларускай і славацкай літаратурных моў, у значнай ступені звязаная з уплывам на кадэфікацыю тэкстаў народных казак, мае значэнне ў лінгвістычным плане: беларускія і славацкія народныя казкі характарызуюцца значнай лексічнай і граматычнай агульнасцю, а таксама эмацыянальнай ацэннаснасцю моўных сродкаў. Адлюстроўваючы ў сваёй мове размоўныя сродкі, беларускія і славацкія казкі пры ўзаемаперакладзе захоўваюць такую асаблівасць стылю. Пераклад пры гэтым утварае разнастайныя канфігурацыі з апрацоўкай і пераказам, тычыцца зыходных і мэтавых тэкстаў, больш распрацаваны славацкай мовай у якасці мэтавай.

Літаратура

1. Об изданиях сказок для детей. М.: Дом детской книги, 1955. 424 с.
2. Gašuková V. (Ляшук В. М.) Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka. Prešov: FF PU, 2009. 308 s.
3. Ляшук В. М. Обработка и перевод фольклорных текстов в Беларуси и Словакии // В поисках эквивалентности II.: сб. науч. докл. Междунар. конф. 17–19 июня 2004. Прешув: FF PU, 2004. С. 547–557.
4. Kopál J., Tučná E., Preložníková E. Literatúra pre deti a mládež. Bratislava: SNP, 1987. 208 s.
5. Slivková I. Úvod do interkultúrnej komunikácie. Prešov: FF PU, 2015.
6. Булатов М. А. Писатель и национальная сказка // Об изданиях сказок для детей. М.: Дом детской книги, 1955. С. 46–67.
7. Ляшук В. М. Специфика перевода прозаических фольклорных текстов на белорусский язык (на бел. яз.) // Vzťahy a súvislosti v umeleckom preklade: Zborník materiálov z medzinárodnej vedeckej konferencie (15–17 januára 2007). Прешув: FF PU, 2007. С. 150–162.
8. Keníž A. Preklad detskej literatúry // O interpretácii umeleckého textu 26. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, konanej pri príležitosti nedožitého jubilea prof. PhDr. Jána Kopála, CSc. Nitra: FF UKF, 2011. S. 306.
9. Ляшук В. М. Образно-стилистические особенности белорусских и словацких народных сказок // Slavica Slovaca. Т. 36, 2001, № 1. С. 13–22.
10. Vrlík P., Mišák P. Rozprávky spod slovanskej lipy. Martin: Matica slovenská, 2013. 152 s.

References

1. *Ob izdaniyakh skazok dlya detey* [On the publication of folk tale for children]. Moscow, Detskiy dom knigi Publ., 1955. 424 p.

2. Lašuková V. (Liashuk V. M.) Folklórny vektor v kodifikácii bieloruského a slovenského jazyka [The folklore vector in the codification of Belarusian and Slovak languages]. Prešov, FF PU Publ., 2009. 308 p.
3. Liashuk V. M. [Processing and translation of folklore texts in Belarus and Slovakia]. *Sbornik nauchnykh dokladov Mezhdunarodnoy konferentsii (V poiskakh ekvivalentnosti II)* [Proceedings of the international scientific conference (In search of equivalence II)]. Prešov, 2004, pp. 547–557 (In Russian).
4. Kopál J., Tučná E., Preložníková E. Literatúra pre deti a mládež [Literature for children and youths]. Bratislava, SNP Publ., 1987.
5. Slivková I. Úvod do interkultúrnej komunikácie [Introduction to cross-cultural communication]. Prešov, FF PU Publ., 2015.
6. Bulatov M. A. *Pisatel' i natsional'naya skazka* [A writer and a national folk tale]. *Ob izdaniyakh skazok dlya detey* [On the publication of folk tale for children]. Moscow, Dom detskoj knigi Publ., 1955. Pp. 46–67 (In Russian).
7. Liashuk V. M. *Spetsifika perevoda prozaicheskikh fol'klornykh tekstov na belorusskiy yazyk* [The specifics of prose folklore texts translation into the Belarusian language]. *Vzt'ahy a súvislosti v umeleckom preklade* [Relations and connections in literary translation]: Zborník materiálov z medzinárodnej vedeckej konferencie (15–17.01.2007) [Proceedings of the international scientific conference]. Prešov, FF PU Publ., 2007. Pp. 150–162 (In Belarus).
8. Keníž A. Preklad detskej literatúry [Translation of literature for children]. *O interpretácii umeleckého textu 26* [On the interpretation of a fiction text 26]. Zborník z medzinárodnej vedeckej konferencie, konanej pri príležitosti nedožitého jubilea prof. PhDr. Jána Kopála, CSc. [Proceedings of the conference dedicated to the anniversary of J. Kopal]. Nitra, FF UKF Publ., 2011. 306 p.
9. Liashuk V. M. *Obrazno-stilisticheskiye osobennosti belorusskikh i slovatskikh narodnykh skazok* [Image and stylistic features of Belarusian and Slovak folk tales]. *Slavica Slovaca*, vol. 36, 2001, no. 1, pp. 13–22.
10. Vrlík P., Mišák P. Rozprávky spod slovanskej lipy [Tales from under the Slav lime tree]. Martin, Matica slovenská Publ., 2013. 152 p.

Інфармацыя пра аўтара

Ляшук Вікторыя Марленаўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры славацкіх моў. Універсітэт імя Мацея Бела (97401, г. Банска Быстрыца, вул. Таёўскага, 40, Славацкая Рэспубліка). E-mail: vmlasuk@yandex.by

Information about the author

Liashuk Viktoria Marlenovna – PhD (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Slavonic Languages. Matej Bel University (40, Tajovského str., 97401, Banská Bystrica, Slovak Republic). E-mail: vmlasuk@yandex.by

*Работа выканана ў рамках гранта
VEGA 024PU-4-2011 Slovanské jazykovedné štúdie*

Пасмыніў 28.03.2016

УДК 82-91:398.5(476)

І. Сліўкова

Прэшаўскі ўніверсітэт (Славацкая Рэспубліка)

**МІЖКУЛЬТУРНАЯ КАМУНІКАЦЫЯ – КУЛЬТУРНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ:
НАРОДНЫЯ СТЭРАТЫПЫ Ў БЕЛАРУСКІМ КАНТЭКСЦЕ**

Кампаратыўны аналіз элементаў нацыянальнай ідэнтыфікацыі і самаідэнтыфікацыі беларусаў уключае папарна звязаныя прыкметы дзяржаўнай і культурнай прыналежнасці: Беларусь – Расія і Беларусь – Польшча. Яны ўваходзяць у інтэрпрэтацыю характару і культуры беларусаў у назіраннях П. Васючэнкі, В. Акудовіча, А. Смаленчука і інш. На аснове работ беларускіх, чэшскіх і славацкіх сучасных аўтараў прасочваецца і інтэрпрэтуецца акцэнтаванне паказчыкаў нацыянальнай спецыфікі (непрыкметны народ, нязлосны, спакойны, незлапамятны, вынаходлівы, самаіранічны, выкарыстоўвае гумар як тэрапію і г. д.). У сучаснасці нацыянальныя асаблівасці не толькі адлюстроўваюцца і асвятляюцца сродкамі масавай інфармацыі, але праз пасрэдніцтва гэтага замацоўваюцца і ўкараняюцца, у тым ліку ў якасці міфаў. Станоўчыя і нейтральныя рысы ў самахарактарыстыцы беларуса дапаўняюцца крытычнымі характарыстыкамі з боку суседніх народаў. Народныя стэратыпы ў міжкультурнай камунікацыі вызначаюць і ўзаемнае параўнанне. Дыяхронна-сінхронны падыход раскрывае адносна стабільныя фактары тэрыторыі. У самаідэнтыфікацыі беларусаў важную ролю адыгрывае еўрапейскі кантэкст. Культурна-гістарычныя падзеі ў еўрапейскім маштабе ў значнай ступені паўплывалі на фарміраванне беларускай культурнай ідэнтычнасці і адлюстроўваюцца ў міжкультурнай камунікацыі.

Ключавыя словы: нацыянальная мадэль, этнічны стэратып, беларусы, калектыўныя паводзіны, ацэначны кампанент.

I. Slivková

University of Prešov (Slovak Republic)

**CROSS-CULTURAL COMMUNICATION – CULTURAL IDENTITY:
NATIONAL STEREOTYPES IN BELARUSIAN CONTEXT**

The comparative analysis of the elements of the Belarusians' national identity and self-identification encompasses the paired features of state and cultural affiliation: Belarus – Russia and Belarus – Poland. These form part of the interpretation of the Belarusians' character and culture in insights by P. Vasiuchenko, V. Akudovich, A. Smalianchuk and others. The works by contemporary Belarusian, Czech and Slovak authors serve as a basis for tracing and interpreting the way of emphasizing national indicators (a nation that is inconspicuous, placid, calm, forgiving, inventive, self-ironic, using humour as a therapy etc.). Currently, national features are reflected in the mass media and are thus getting fixed and deeply rooted, in particular as myths. Positive and neutral features in the Belarusians's self-description are complemented by critical characteristics by their neighbouring nations. National stereotypes in cross-cultural communication also determine the reciprocal comparison. Overcoming prejudice for the sake of successful communication and empathy are then taken as a basis for cross-cultural communication. Diachronic and synchronic approach reveals relatively stable area factors. The European context plays an important role in the Belarusians' self-identification. Cultural and historical events on a European scale have had a significant influence on the formation of Belarusian cultural identity and are reflected in cross-cultural communication.

Key words: national model, ethnic stereotype, the Belarusians, collective behaviour, evaluative component.

«(...) Культуры агрэсіўнейшыя, чым іх носьбіты – народы. У войнах паміж народамі настане хоць некалі перамір'е, у войнах культур перапынку не бывае. Таму ў войнах культур загінула больш культур, чым ва ўзброеных канфліктах народаў» [1, с. 124; тут і далей у нашым перакладзе з чэшскай мовы; далей у спасылцы на гэта выданне ўказваецца толькі старонка].

Уводзіны. Жыццё ў грамадстве прадвызначае, што чалавек уключаецца ў шматлікія адно-

сіны і прымушаны падтрымліваць больш цесныя і больш шырокія асобныя кантакты, якія называюцца сацыяльна інтэракцыя. Пад гэтым паняццем хаваецца стракатасць і разнастайнасць чалавечых дачыненняў, пасрэдніцтвам якіх мы будзем свой сацыяльны статус, кажучы прасцей, наша праяўленне робіць з нас таго, кім мы ёсць, г. зн. мы такія, якімі нас бачаць іншыя (не толькі як гаворым, але і як сябе паводзім, якія погляды прэзентуем у грамадстве ці ў прыватным жыцці

або ў сацыяльных сетках, як выконваем свае абавязкі і г. д.). Падставай камунікацыі выступае спазнанне самога сябе. Падставай міжкультурнай камунікацыі як камунікацыі ўнавага праяўлення дзвюх або некалькіх культур выступае веданне не толькі замежнай мовы, але і больш шырокіх культурных сузалежнасцяў. Напрыклад, іншаземец не зразумее славацкае слова *Kocúrko* ('абсурднае і бязглуздае вядзенне і вырашэнне спраў афіцыйнымі асобамі'), чэшскае *švejkovina* ('паводзіны ў стылі літаратурнага героя Швейка') ці беларуска-польскія выразы *tutejšyja* (*tutejšyja*) і *людзі на балоце* (*ludzi na baloce*), калі не ведае славацкай, чэшскай ці беларускай літаратуры. Сваю адметнасць і адрознасць іншых мы заўважаем найперш у міжкультурнай камунікацыі.

Асноўная частка. Міжкультурная камунікацыя – гэта камунікацыя дзвюх ці некалькіх культур не толькі на падставе валодання замежнай мовай, але і ведання розных тыпаў культурнай спецыфікі, зыходзячы з чаго ажыццяўляецца выбар паводзін. Ад гэтага залежыць неабходнасць не толькі як мага болей ведаць пра іншую культуру, але ў першую чаргу спазнаць сябе самога. Робячы кампаратывны аналіз успрымання нацыянальных культур папарна: Беларусь – Расія і Беларусь – Польшча, мы зыходзілі з матэрыялаў эсэ В. Акудовіча і А. Смалянчука.

В. Акудовіч, акрамя іншага, піша, што Расія з'яўляецца натуральным складнікам у асобе індывідуумаў Беларусі: «Мы беларусы. Іншымі словамі, нечым вельмі істотным адрозніваемся ад усіх астатніх (як і ўсе астатнія адрозніваюцца паміж сабой). А складнік «Расія» уяўляе ў асобе беларуса менавіта адзін з фактараў іх адрознення. Між іншым адрознення ў першую чаргу ад самой Расіі» [1, с. 113]. Ва ўспрыняцці цытаванага аўтара ацэнка сувязяў Беларусі і Расіі прыводзіць да разваг у інтэнцыях: набытак або страта. Падобным чынам з гістарычнага ракурсу апісвае сувязі Беларусі з Польшчай А. Смалянчук. Польская прысутнасць, паводле яго меркаванняў, з'яўляецца істотным фактарам беларускай гісторыі. Ужо ў першых працах гістарычнага характару К. Каліноўскі адкрыта выступае супраць рускіх, але адносіны да палякаў адкрыта не выказвае – піша пра іх як пра «сваіх», дарэчы ў творы «Лісты з-пад шыбеніцы» заклікае беларусаў супрацоўнічаць з «кваршаўскімі братамі» супраць Расіі. Акудовіч і Смалянчук сыходзяцца ў тым, што ўплыў суседніх краін на беларускую народнасць быў значны і істотны. Смалянчук прыводзіць досыць радыкальны погляд: «Палітыка гвалтоўнасці практыкавалася стагоддзямі. Пачалася ўладарствам Польшчы і дасягнула вяршыні ў абдымках маскоўскага абсалютызму» [2, с. 131].

Калектыўныя меркаванні і паводзіны вызначаюцца культурнымі стандартамі, г. зн. сістэмай

такіх формаў паводзін, якімі скіроўваецца дадзенае культурна-моўнае ўтварэнне (напр., якія яно мае каштоўнасці і маральную арыентаванасць, якія мае законы, якія ў яго традыцыі, што лічыцца сацыяльным табу). Камунікацыі ўнавага паводзіны пры гэтым у значнай меры суб'ектыўныя, іх у вялікай ступені акрэслівае наша асоба, у прыватнасці – уласцівасці характару, тэмперамент, уроджаныя здольнасці і здатнасці, якія характарызуюць нас як індывідуальнасць, адрозную ад астатніх. Культурныя стандарты і ўспрыняцце беларусаў вачамі беларусаў інтэрпрэтуем паводле тэксту П. Васючэнкі: «Як незаўважны народ беларусы не імкнуцца да таго, каб іх вельмі любілі. Мы не амерыканцы і не рускія, для якіх чужая любоў жыццёва неабходная. Для беларусаў істотней, каб іх пакінулі ў спакоі. Беларусы і не адчуваюць вялікай любові да іншага народу або этнікума» [3, с. 88]. Да асноўных характарыстык беларусаў належаць, паводле П. Васючэнкі: ціхмянасць, згода, немагчымасць ненавідзець, гумар (тэрапія смехам), самаіронія (ахоўны панцыр), прагматызм, кемлівасць, трываласць, вынаходлівасць, схаваная экзистэнцыя. Да характарыстык, якія складаюць аснову беларускай народнасці, паводле Акудовіча, належыць спонтанны фаталізм беларусаў, праблематыка адсутнасці нацыянальна арыентаванай інтэлігенцыі ў перыяд складвання нацыянальнасці, але і высакароднасць іх паводзін і так званы партызанскі міф. У большасці аналізаваных аўтараў заўважаюцца некалькі аднолькавых, паўтораных назіранняў: фаталізм, пацыфізм, гумар і трываласць. Усе гэтыя адзнакі можна аднесці да т. зв. нацыянальных стэрэатыпаў, істотных для спяховай міжкультурнай камунікацыі (гл. [4], [5]).

Стэрэатып становіцца прыладай інтэрпрэтацыі свету, на падставе чаго мы затым фарміруем погляды і меркаванні. Падобныя культурныя стэрэатыпы ўзнікаюць на базе энкультурацыі і сацыялізацыі, прычым іх можна лічыць пэўнымі формамі міфаў і сімвалаў. Значную ролю пры пашырэнні стэрэатыпаў адыгрывае, акрамя іх перадачы з пакалення ў пакаленне, і непасрэднае назіранне за імі, а ў сучаснасці таксама і ўплыў медый. Такім чынам укарэнення стэрэатыпы (кадыфікаваныя – паводле Кашцяловай [6] часта выкарыстоўваюцца пры тлумачэнні т. зв. культурных узораў, якія характарызуюць пэўную культуру.

Этнічны стэрэатып – гэта схематычны спосаб глядзець на іншых, гэта спрошчанае ўяўленне пра іншы народ. Гэты феномен прыводзіць да класіфікацыі рэчаіснасці паводле пэўных структур і абагульненняў (ацэнка калектыву, ігнараванне індывідуума). Такі стэрэатып выступае складнікам нацыянальнай міфалогіі, вылучае і ўзвышае ўсталяваныя характарыстычныя рысы. Ён можа быць пазітыўны (французы, гаралы...), але

і негатыўны (варварства, алкагалізм, глупства...). Часцей за ўсё мы і тыя, іншыя, адрозніваемся менавіта пазітыўнымі і негатыўнымі прыметамі, як гаварылася вышэй – наша сукупнасць ацэньваецца станоўча, а тая іншая (не наша) – негатыўна. Гэта справядліва і ў дачыненні да ўказанай камбінацыі культур – беларусы самі сабе прыпісваюць пераважна пазітыўныя ці хаця б нейтральныя характарыстыкі, прычым прадстаўнікі чужых культур – як рускія, так і палякі заўважаюць негатыўныя бакі. У такім выпадку стэрэатыпы ўключаюць, акрамя апісальнага аспекту, і ацэначны кампанент. Стэрэатып можа быць рацыянальным (узнікае ў працэсе пазнання) або ірацыянальным (сфармаваным эмоцыямі). Прагматычна ён выкарыстоўваецца ў першую чаргу як прылада прапаганды, напрыклад, пры прэзентацыі Славакіі звычайна акрамя акцэнтавання прыгажосці прыроды і гістарычнай культурнай спадчыны, падкрэсліваецца і прыгажосць славацкіх жанчын, добрасардэчнасць і гасціннасць славакаў, выдатны смак славацкіх страў альбо напоў і да таго. Аднак стэрэатыпныя ўяўленні пра іншых дазваляюць нам вызначыць межы свайго асяроддзя. Яны функцыянуюць як адзін з аўтаматычных спосабаў класіфікацыі вонкавага свету, што для нас небяспечна, і таму іх трэба прымаць пасля сур’ёзнага разважання і ўзважвання іншых магчымасцяў. Часта гэта акалічнасць выступае прычынай міжкультурнай насцярожанасці і не падтрымлівае базавыя міжкультурныя кампетэнцыі. Як указвае Кашцялова, перанятая стэрэатыпы маюць значныя кагнітыўныя, эмацыянальныя і свядомасныя (біхэварыяльныя) імплікацыі як для асобных членаў сукупнасці, так і для ўсёй сукупнасці. Самым простым спосабам пераадолець стэрэатыпы з’яўляюцца, акрамя адукацыі, атрымання вопыту міжкультурнага дыялогу, пастаянны кантакт з іншасцю (эмпатыя, выслухванне іншых і г. д.). Стэрэатып неабходна адрозніваць ад прымхі, якая выступае вузейшым паняццем і змяшчае апырэры негатыўную і суб’ектыўную ацэнку іншых. Прымхі – гэта адмоўнае і нават варожае стаўленне да чалавека, які належыць да пэўнай сукупнасці, толькі за тое што ён уключаны ў гэту сукупнасць, а таму мяркуецца, што мае непрымальныя ўласцівасці, якія гэтай сукупнасці прыпісваюцца [7, с. 23]. Напрыклад, быццам кожны мігрант – тэрарыст. Быццам кожны чэх – атэіст. Быццам кожны рускі – п’яніца і да таго. У міжкультурнай камунікацыі, ды не толькі ў ёй, стэрэатыпы часта становяцца прыладай узаемагонага параўнання.

Стэрэатыпнае этнічнае і культурнае ўспрыняцце адлюстроўваецца таксама ў беларускапольскіх і беларуска-рускіх адносінах. Напрыклад, падкрэслена адрознага сацыяльнага статусу

беларусаў і палякаў. Як піша Смалянчук: «Беларускі народ складаўся як этнакультурная адзінка, і для яго ідэолагаў у першую чаргу было важным захаванне і развіццё этнічных і культурных знакаў беларускасці. Аднолькава важную ролю адыгрыў і сацыяльны канфлікт на беларускай вёсцы, які часта пераходзіў да нацыянальнага выступлення «беларускага мужыка» супраць «польскага пана» [2, с. 133]. Тыповыя супраць палякаў выпадкі, якія сфармуляваліся ў гістарычным працэсе ў тагачасных і літаратурных крыніцах і дасюль не поўнасьцю пераадолены – гэта паланізацыя вышэйшых слаёў беларускага грамадства, аслабленне беларуска-літоўскай дзяржавы, палітыка нацыянальнай асіміляцыі ў Заходняй Беларусі ў 20–30 гг. XX ст.

Аднак гэтыя стэрэатыпы пашыраюцца яшчэ на адну характарыстыку. Паводле Акудовіча, з перамогі рускай культуры на Беларусі была зроблена бессэнсоўная выснова (стэрэатып і нават прымха), што беларусы і рускія падобныя «ямаль як двойняты» [1, с. 125].

Культура мае ў рамках міжкультурнай камунікацыі ключавое значэнне, таму важна інтэрпрэтаваць тэрмін *культура* і выбраць прыдатнае для дадзенай сітуацыі значэнне. З псіхалагічнага пункту погляду культура выступае вынікам паводзін людзей у мінуласці і адначасова кіраваннем іх паводзін у будучым. Гэта значыць, што людзі культуру ствараюць, і пры гэтым адначасова прытрымліваюцца яе правіл, падпадаюць пад яе кіраванне. Калі зыходзіць з пададзенай вышэй дэфініцыі, то базавымі асновамі культуры павінны быць мова, ментальнасць, этнічная прыналежнасць і сістэма каштоўнасцяў у пэўнай сукупнасці людзей, у такім выпадку гаворым пра т. зв. этнічную культуру, альбо нацыянальную культуру (паводле [8, с. 31]). З гэтым цесна звязаны тэрмін *этнічная прыналежнасць* (этніцыта). Яе асноўнымі дэтэрмінантамі, якія забараняюць асіміляцыю этнасу, лічацца мова, рэлігія, сацыяльная структура, тэрыторыя, праявы матэрыяльнай культуры і калектыўная памяць (паводле [6, с. 32]). Аднак гісторыя шматлікімі прыкладамі паказвае, што ніводзін з пералічаных знакаў не мае такой стабільнасці, каб сваёй адсутнасцю быў здольным змяніць уяўленне чалавека наконт сваёй прыналежнасці да пэўнай этнічнай сукупнасці. Напрыклад, адсутная тэрыторыя ці дзяржаўнае ўтварэнне не перашкодзілі палякам, беларусам ці яўрэям і да таго адчуваць сябе адпаведна палякамі, беларусамі, яўрэямі; у аднолькавай меры спрэчная і наяўнасць мовы, напрыклад, калі ў гістарычным аспекце фармулююцца доказы самастойнасці славацкай мовы ў дачыненні да чэшскай або македонскай мовы ў адносінах да балгарскай і да таго. Дарэчным прыкладам у гэтай сувязі можа быць таксама эміграцыя –

эмігранты ў большасці выпадкаў хоць і пакідаюць краіну, але захоўваюць сваю этнічную прыналежнасць. І таму этнічная прыналежнасць дэфінуецца праз існаванне ва ўзаемным кантакце з іншымі, у дачыненні *мы і тыя іншыя* (адрозныя ад нас). У рамках такіх дачыненняў дэфінуюцца і базавыя прынцыпы адрознення; з якіх усеагульнымі з'яўляюцца мова, калектыўная памяць і тэрыторыя. Як, напрыклад, феномен т. зв. Тутэйшасці у беларусаў, калі людзі вызначаюць сябе як насельнікаў пэўнай тэрыторыі, людзей, якія тут жывуць (беларускае слова *тут* і стала асновай прыведзенага тэрміна). Гэта азначэнне ўпершыню з'явілася ў час народнага адраджэння ў творчасці класіка беларускай літаратуры Янкі Купалы (рубеж XIX і XX стст.), але ў выглядзе розных сімвалаў праходзіць праз беларускую культуру аж да сучаснасці (як назва літаратурнага аб'яднання, як метафарычны вобраз у творчасці сучасных аўтараў, у тэкстах песень і г. д.). Усе тры аналізаваныя аўтары Акудовіч, Смалянчук і Васючэнка таксама апрыраюць тэрмінам «тутэйшыя» як устойлівым складнікам беларускай культуры (і ідэнтычнасці). Ідэя цеснай сувязі з прасторай жыцця да нашага часу вельмі актуальная: «Таму і сёння беларусы ўспрымаюць Беларусь як кансалідаваную цэласнасць толькі (і выключна) праз інстынкт тэрыторыі, а не праз ідэю калектыўнага «я» [1, с. 115], аднак такая асаблівасць прасочваецца не толькі ў беларускім кантэксце. І паводле вынікаў назірання Еўрабарометра (2010), большасць насельнікаў еўрапейскіх краін атаясамлівае сябе са сваёй роднай краінай: «Нацыянальная ідэнтычнасць у такім выпадку ў першую чаргу звязана з пэўнай тэрыторыяй, культура стаіць на другім месцы» [9].

Яшчэ больш складаная дэфініцыя ідэнтычнасці, таму што яна сведчыць не толькі пра адносіны да іншых, але і да сваіх, і ў першую чаргу да сябе самога. Ідэнтычнасць можа быць індывідуальная, калектыўная, асобная, грамадская і г. д. Чалавек у часе свайго жыцця не належыць адной супкупнасці, але пасрэдніцтвам розных сацыяльных дачыненняў уваходзіць у розныя супкупнасці, правілы, а таксама і каштоўнасці якіх прымае, у выніку чаго асновы яго ідэнтычнасці ў працэсе гэтага мяняюцца. Такім чынам, як

і этнічная прыналежнасць, ідэнтычнасць можа мець нацыянальныя або культурныя асаблівасці, у вялікай меры вызначаць пазіцыю чалавека ў грамадстве.

У ракурсе гістарычных падзей знаходзім адказ на пытанне дэфінавання беларускай ідэнтычнасці: «Цэлымі стагоддзямі Беларусь, якую не абмінуў ніводны вялікі еўрапейскі канфлікт, захоплівалася і ўціскалася <...>. Каб у такой сітуацыі выжыць і захаваць свой род, нашым людзям не заставалася нічога іншага, як з партызанскага спосабу жыцця зрабіць паўсядзённую норму, незалежна ад таго, ці хаваліся яны ў лясах альбо – на вачах у чужынцаў – самі ў сябе» [1, с. 123].

Ролю беларусаў пры фарміраванні еўрапейскай культуры ўзнялі і Акудовіч, і Смалянчук. А калі ўлічваць, што ў кожным міжкультурным дачыненні гаворка ідзе пра ўзаемны працэс, неабходна канстатаваць, што і еўрапейская культура мае вялікую заслугу ў тым, якую культурную ідэнтычнасць маюць беларусы: «Нарэшце мусім сваю шматмоўнасць, мультикультурнасць і мультиканфесійнасць зразумець не як хібу, якую неабходна выправіць дзеля гамагеннай Беларусі (замкнутаі у якімсьці адзіным геапалітычным маштабе), але як аграмадную каштоўнасць. Бо менавіта гэта мнагастайнасць, якую мы прэзентуем, – гэта не субежжа выпадковых акалічнасцяў, але плод мноства падзей, якія адбыліся на нашай зямлі на працягу мінімальна аднаго тысячагоддзя» [1, с. 127].

Заклучэнне. Дыяхранна-сінхронны падыход да вывучэння міжкультурнай камунікацыі і культурнай ідэнтычнасці ў сувязі з народным стэрэатыпам шырока абмяркоўваецца, асэнсоўваецца і асвятляецца беларусамі ў еўрапейскім культурна-гістарычным кантэксце. Прасочваецца адносна стабільны фактар тэрыторыі. У самаідэнтыфікацыі беларусаў важную ролю адыгрывае менавіта еўрапейскі кантэкст, у якім выяўляюцца не толькі факты адрознення, але і падобнасці ў спосабах і формах нацыянальнай ідэнтыфікацыі. Культурна-гістарычныя падзеі ў еўрапейскім маштабе ў значнай меры паўплывалі на фарміраванне беларускай культурнай ідэнтычнасці і адлюстроўваюцца ў межкультурнай камунікацыі.

Літаратура

1. Akudovič V. My a Rusko // Neznáme Bělorusko. Praha: Nakladatelství Dokořán, 2005. S. 113–127.
2. Smalančuk A. My a Polsko // Neznáme Bělorusko. Praha: Nakladatelství Dokořán, 2005. S. 128–150.
3. Vasiučenka P. Bělorus očima Bělorusa // Neznáme Bělorusko. Praha: Nakladatelství Dokořán, 2005. S. 71–95.
4. Bouzek J. Jak se domluvit s jinými? Úvod do mezikulturní komunikace. Praha: TRITON, 2008. 175 s.
5. Slivková I. Úvod do interkulturnej komunikácie. Prešov: PU, 2015. 110 s.
6. Košťálová P. Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie. Praha: Sociologické nakladatelství SLON, 2012. 315 s.
7. Kosek J. Právo (n)a předsudek. Historické, filozické, sociálně psychologické, kulturní a právnické souvislosti stereotypů a předsudků. Praha: Dokořán, 2011. 351 s.

8. Průcha J. Interkulturní komunikace. Praha: GRADA, 2010. 200 s.
9. Pecníková J.: Sociologické a kultúrne aspekty interkulturnej komunikácie v kontexte francúzskej kultúrnej identity na základe vybraných literárnych diel // *Jazyk a kultúra* 16, 2013. Available at: www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/pecnikova.pdf (accessed: 20.05.2015).

References

1. Akudovič V. My a Rusko [We and Russia]. *Neznáme Bělorusko* [The unknown Belarus]. Praha, Dokořán Publ., 2005, pp. 113–127 (In Czech).
2. Smalančuk A. My a Polsko [We and Poland]. *Neznáme Bělorusko* [The unknown Belarus]. Praha, Dokořán Publ., 2005, pp. 128–150 (In Czech).
3. Vasiučenko P. Bělorus očima Bělorusa [Belarus through the eyes of a Belarusian]. *Neznáme Bělorusko* [The unknown Belarus]. Praha, Dokořán Publ., 2005, pp. 71–95.
4. Bouzek J. Jak se domluvit s jinými? Úvod do mezikulturní komunikace [How to make terms with others? Introduction to cross-cultural communication]. Praha, TRITON Publ., 2008. 175 p.
5. Slivková I. Úvod do interkulturnej komunikácie [Introduction to cross-cultural communication]. Prešov, PU Publ., 2015. 110 p.
6. Košťálová P. Stereotypní obrazy a etnické mýty. Kulturní identita Arménie [Stereotype images and ethnic myths. Cultural identity in Armenia]. Praha, Sociologické nakladatelství. SLON Publ., 2012. 315 p.
7. Kosek J. Právo (n) a předsudek. Historické, filozofické, sociálně psychologické, kulturní a právnické souvislosti stereotypů a předsudků. Praha, Dokořán Publ., 2011. 351 p.
8. Průcha J. Interkulturní komunikace [Cross-cultural communication]. Praha, GRADA Publ., 2010. 200 p.
9. Pecníková J. Sociologické a kultúrne aspekty interkulturnej komunikácie v kontexte francúzskej kultúrnej identity na základe vybraných literárnych diel [Sociolinguistic and cultural aspects of cross-cultural communication in the context of French cultural identity on the basis of selected works of fiction]. *Jazyk a kultúra* [Language and Culture], 16, 2013. Available at: www.ff.unipo.sk/jak/16_2013/pecnikova.pdf (accessed 20.05.2015).

Инфармацыя пра аўтара

Сліўкова Івана – доктор філософії, магістар, викладчик кафедри центральноєвропейських досліджень філософського факультета. Прэшаўскі ўніверсітэт (08001, г. Прэшаў, вул. 17 Лістапада, 1, Славацкая Рэспубліка). E-mail: ivana.slivkova@unipo.sk

Information about the author

Slivková Ivana – DSc (Philosophy), Master of Arts, lecturer, the Department of Central European Studies. The University of Prešov (1, 17 Listapada str., 08001, Prešov, Slovak Republic). E-mail: ivana.slivkova@unipo.sk

Паступіў 28.03.2016

УДК 801.82:821.162.3-3

А. У. Вострыкава

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

**АПАВЯДАЛЬНЫЯ СТРУКТУРЫ Ў РАМАНЕ БАГУМІЛА ГРАБАЛА
«Я АБСЛУГОЎВАЎ АНГЛІЙСКАГА КАРАЛЯ»**

У артыкуле даецца аналіз апавядальных структур рамана «Я абслугоўваў англійскага караля» чэшскага пісьменніка ХХ ст. Багуміла Грабала. У рамане адсутнічае лагічная структура аповеду. Чэшскі пісьменнік выкарыстоўвае аўтаматычны метада, характэрны для сюррэалізму. Тэкст рамана можа быць успрыняты як плынь свядомасці або як унутраны маналог галоўнага героя Яна Дзіце. У артыкуле разглядаецца вобраз гэтага персанажа. У творы прасочваюцца элементы аўтабіяграфізму, асабліва ў вобразе Дзіце. Раман вылучаецца сваімі філасофскімі, метафізічнымі тэмамі. Вялікае месца ў мастацкай тканцы тэксту займаюць іронія і гумар. Іронія ў рамане можа быць суаднесена з постмадэрнісцкай іроніяй. Адначасова яна з'яўляецца яркай праявай такога феномена, як «пражская іронія». Значэнне і сэнс гэтага паняцця дастаткова падрабязна абмалёўваюцца ў прадстаўленым даследаванні. Грабал называецца спадчыннікам традыцыі Яраслава Гашака. Агульнасць гэтых пісьменнікаў бачыцца перш за ўсё ў іх прыналежнасці стыхія «пражскай іроніі» і выкарыстанні аднолькавых апавядальных структур, у прыватнасці «тракцірнай іроніі» і чыстага маналога-апаведу, якія ўяўляюць сабой часта гумарыстычна і іранічна афарбаваны каментарый падзей паўсядзённага жыцця.

Ключавыя словы: аўтаматычны метада, плынь свядомасці, унутраны маналог, аўтабіяграфізм, іронія, «пражская іронія».

E. V. Vostrikova

Belarusian State University

**NARRATIVE STRUCTURE IN THE NOVEL BOHUMIL HRABAL
“I SERVED THE KING OF ENGLAND”**

The article analyzes the narrative structure of the novel “I Served the King of England” of the twentieth century Czech writer Bohumil Hrabal. In the novel, there is no logical narrative structure. Czech writer uses an automatic method, typical of surrealism. The text of the novel can be seen as a stream of consciousness or interior monologue of the protagonist of the novel of Jan Dite. The article deals with the image of this character. The product can be traced autobiographical elements, especially in the form of Dite. The novel stands out for its philosophical, metaphysical themes. A great place in the artistic fabric of the text take the irony and humor. The irony in the novel can be correlated with the post-modern irony. At the same time it is a clear manifestation of this phenomenon as the “Prague irony”. The significance and meaning of this concept outlines in some detail in the present study. Hrabal called the heir to the tradition of Jaroslav Hasek. The commonality of these writers is seen primarily in their accessory elements “Prague irony” and use the same narrative structure, in particular the “tavern of history” and the pure-monologue narration, which is a commentary of daily life events, often humorous and ironic painted.

Key words: automatic method, the stream of consciousness, interior monologue, autobiographism, irony, “Prague irony”.

Уводзіны. Раман лічыцца вяршыняй творчасці чэшскага празаіка ХХ ст. Багуміла Грабала (1914–1997). Быў напісаны ў 1971 г. за васемнаццаць летніх дзён. Афіцыйна быў надрукаваны толькі ў 1989 г. Прычын таму нямала, паколькі пісьменнік у сваёй кнізе асэнсоўвае таталітарныя рэжымы, адмаўляецца ад чорна-белага бачання Другой сусветнай вайны і яе наступстваў, што ў часы «нармалізацыі», калі ствараўся раман, было недапушчальна. Акрамя таго, у творы шмат прыгожых эратычных сцэн. Напэўна, і гэта стала перашкодай для друку ў тыя савецкія часы. У 2006 г. рэжысёрам Іржы Мензалема па кнізе

быў зняты вельмі паспяховы фільм. Беларуская багемістка Ірына Шаблюўская зазначае, што «Феномен Багуміла Грабала – унікальны для жыцця сацыялістычнай рэчаіснасці: пісьменнік ствараў сябе і выстаў, адбыўся як творца насуперак рэчаіснасці, дзякуючы мастацкай волі. Ён абраў лёс аўтсайдара і абараніў сваё права мастака на ідэнтычнасць, на свабоду мастацкага самавыяўлення» [4, с. 93].

Асноўная частка. Як і большасць сваіх тэкстаў 1970–1980-х гг., гэты раман аўтар надрукаваў на пачатку ў неафіцыйных самвыдатавых выдавецтвах. Твор чэшскага празаіка арганічна звязаны

з яго апавяданнямі і навэламі 1960-х гг. і першымі тэкстамі-ўспамінамі («Пастрыжэнне» 1971 і «Мястэчка, дзе спыніўся час» 1973). З імі раман «Я абслугоўваў англійскага караля» збліжае постаць апавядальніка-пабітэля, які ўяўляе сабой пэўны тып людзей, дзівакоў, гаваруноў, «здатных на трапнае слова, якія атрымліваюць асалоду ад самога працэсу маўлення» [4, с. 94]. Раманная ж форма твора вымагае ад аўтара больш складанага сюжэта, апісання грамадскай і гістарычнай сітуацыі ў параўнанні з названымі тэкстамі.

Твор у арыгінале парадаксальна пазначаны аўтарам, як «ровідка», што азначае «апавяданне» альбо «апавесць». Ён складаецца з пяці глаў: «Келіх грэнадыны», «Гатэль «Ціхота», «Я абслугоўваў ангельскага караля», «А галавы я так і не знайшоў», «Як я зрабіўся мільянерам», а таксама аўтарскага каментарыя наконт аўтаматычнага метаду ўзнікнення тэксту. «Тэксты пісаліся ў святле рэзкага летняга сонца, якое награвала машынку так, што яна некалькі разоў за хвіліну заядала й вохкала. Было немагчыма глядзець на сьляпучыя аркушы паперы, я не кантраляваў таго, што пісаў, і таму я пісаў у сьветлавай запамароцы аўтаматычным пісьмом, сьвятло сонца так асьляпала мяне, што я бачыў толькі абрысы зіхотклай друкаркі, бляшаны корпус за некалькі гадзінаў так награвалася, што надрукаваныя старонкі скручваліся ў трубочкі. А падзеі, якія зваліліся на маю галаву цягам леташняга году, такія, што я нават не меў часу аформіць сьмерць маёй маці, дык вось, гэтыя падзеі прымушаюць мяне пакінуць тэкст у ягонай першаснай рэдакцыі й спадзявацца, што пасля я буду мець час і адвагу тэкст як след адшліфаваць, перапрацаваць яго ў бок праўдывай клясічнасці, або – пад настрой, пераканаўшыся, што я змог бы захаваць гэтую першасную спантаннасць вобразаў, з дапамогай нажніцаў пад настрой выстрыгчы зь яго тья вобразы, якія не страцілі яшчэ сваёй свежасці. А калі мяне ўжо ня будзе на свеце, няхай гэта зробіць нехта з маіх таварышаў. Хай яны выстрыгуць з гэтага невялічкую апавесць ці вялікае апавяданьне. Неяк так.

Р. С. У той летні месяц, калі я пісаў гэты тэкст, я жыў пад уражаннем ад “мастацкага ўспаміну” Сальвадора Далі і Фройдавага “ўшчэмленага эфекту, які рэалізуецца ў маўленні”» [2, с. 254]. Вось гэтая падкрэсленая Грабалам аўтаматычнасць пісьма праяўляецца перш за ўсё ў метафарычнай падачы эпізодаў. Многія часткі тэкставай тканіны вылучаюцца лірычным апісаннем, ідылічнасцю ўспамінаў. З аўтаматычнага тэксту рамана нараджаюцца вобразы і мастацкія кантэксты. Грабал цяжка суадносіцца са звыклымі рамкамі гісторыі літаратуры.

Усе главы аднолькава пачынаюцца («Ну то слухайце, што я вам цяперака раскажу» [2, с. 5]) і аднолькава заканчваюцца («Ну што, досыць вам? На гэтым сёння ўсё» [2, с. 45]). У творы шмат тыпова грабалаўскіх рыс. Напрыклад, у рамане адсутнічае лагічная структура апаведу, паколькі герой прамаўляе тое, што прыйшло ў галаву. Расказвае пра свае настрой і адчуванні. Чэшскі творца свядома выкарыстоўвае аўтаматычны метады, тыповы для сюррэалізму. Увесь тэкст рамана можа быць успрыняты як плынь свядомасці, хаця тут хутчэй прадстаўлена плынь размовы, бо герой распавядае пра тое, што знаў у сваім жыцці. Перад намі мазаіка, збор асобных эпізодаў. Такая форма кампазіцыі пасуе да тэматычнага плана рамана, у якім уздымаецца вельмі шмат праблем.

Некаторыя чэшскія даследчыкі, напрыклад Збінер Фішак, звязваюць гэты раман з традыцыямі пікарэскага рамана нямецкага барока, а таксама сацыяльнага рамана XX ст. [7, с. 135]. Ёзаф Шкворацкі, вядомы чэшскі пісьменнік, называў Грабала «вялікім наватарам чэшскай прозы». Другі знакаміты чэшскі раманіст XX ст., Мілан Кундэра, неаднойчы казаў пра тое, што Багуміл Грабал з’яўляецца яго любімым пісьменнікам. Рускі літаратуразнаўца А. Краўчук пісаў: «В творчестве Богумила Грабала самым естественным образом сочетаются искрометный гашековский юмор и утонченное лирическое чувство, глубокие философские размышления и натуралистические сцены, сюрреалистическая техника и неподдельный интерес к банальностям обыденной жизни. И эти, казалось бы, несовместимые черты объединяет чувство радостного, в чем-то даже детского восхищения миром, которое и придает прозе Грабала особое очарование» [3].

Раман апісвае жыццёвы шлях афіцыянта і потым гатэльева Яна Дзіце на шырокім фоне гістарычных і палітычных падзей XX ст., дакладней у 1920–1950-я гг. Галоўны герой расказвае нам сваю жыццёвую гісторыю. Апавед вядзецца ад першай асобы. У Дзіце комплексы ад таго, што ён маленькага росту і ён робіць усё, каб стаць паспяховым, стаць мільянерам. Пачынае герой з продажу сасісак на вакзале, потым служыць афіцыянтам у гатэлях «Злата Прага», «Ціхота», «Парыж». Малады чалавек пачынае вучыцца ў рэстаранах гатэляў сваёй прафесіі, ён пазнае вялікі свет вакол сябе, назірае за гасцямі гатэляў, за вандроўнікамі. Ад абісінскага караля выпадкова ён атрымлівае ордэн, паколькі кароль таксама быў малога росту і мог дастаць толькі да нізкага Дзіце. Потым з-за адкрытых сімпатый да немцаў, а да гэтага яго прывяло каханне маленькай немкі Лізы, Дзіце пазбаўляецца працы, паколькі чэхі асуджаюць

калабарацыянізм Яна. У часы акупацыі і Другой сусветнай вайны галоўны герой працуе ў нямецкіх рэстарациях і гасцініцах то ў якасці афіцыянта, то проста прыслугаю. Пашаны ад нацыстаў Дзіце не дачакаўся, нават пацвердзіўшы сваё арыўскае паходжанне і ажаніўшыся з немкай Лізаю. Яна ж хутка пасля нараджэння ненармальнага дзіцяці ад'язджае ў якасці медыцынскай сястры на фронт, кінуўшы сына на свайго бацьку. Пазней Ліза гіне пры налёце. Аднак Ян Дзіце за нарабаваныя падчас вайны Лізаю паштовыя маркі набывае люксусны гатэль і становіцца мільянерам. Калегі гатэльеры не прынялі Дзіце ў сваю кампанію нават пасля лютаўскага перавароту 1948 г., калі ён разам з імі быў інтэрніраваны з Прагі і пасаджаны ў турму. Фінал жыцця героя – гэта праца па ўпарадкаванні дарог у глухім кутку чэшскай краіны, поўная самота з казой, катом і сабакам, запісанне сваіх успамінаў.

Герой уяўляе сабой тып вечна незаспакоенага жыццём чалавека. Як толькі ён дасягае аднаго, пачынае марыць пра іншае. З аднаго боку, ён імкнецца да нечага вышэйшага, да прыгажосці (тут трэба ўспомніць, як Дзіце абкладваў жываты прастытутак прыгожымі кветкамі, а таксама яго словы пра тое, што «за грошы можна купіць ня толькі прыгожую дзяўчыну, за грошы можна купіць паэзію» [2, с. 19]), а з другога – стараецца прытасавацца да пэўнай грамадска-гістарычнай сітуацыі. Часам Дзіце паказаны вельмі простым, з маленства вынаходлівым і прадпрымальным чалавекам, які свае поспехі і няўдачы тлумачыць збегам знешніх абставін. Ён прыстаюваецца і выжывае ў гэтых абставінах, каб пераадолець свае фізічныя і сацыяльныя комплексы. Ян Дзіце ў сваім жыцці шмат разоў адчувае, як ім пагарджаюць людзі – з-за малага росту, з-за сімпатый да немцаў, з-за таго, што ён чэх, што народжаны не ў шлюбе альбо з-за яго жыццёвай філасофіі. Аднак герой ніколі нікога не ненавідзіць, нікому не помсціць. Ён марыць пра багацце, пра каханую жанчыну, пра прызнанне ў сваёй прафесіі. І ўсяго гэтага ён дасягае, але толькі на кароткі жыццёвы момант. Ён аказваецца непрызнаны жыццём і грамадствам ні як арыец, ні як муж, ні як бацька, ні як гатэльер і мільянер. Яго заўсёды суправаджае адзінота, якая ў канцы становіцца проста татальнай і літаральнай, калі ён пачынае жыць у лесе разам з жывёламі. Тэма адзіноты ў рамане становіцца яскравай праявай экзістэнцыяльнай праблематыкі, якая напаўняе твор як скразны пласт. Але фінал рамана «Я абслугоўваў англійскага караля» не падаецца трагічным, паколькі герой пачынае па-філасофску ставіцца да жыцця. Менавіта самота дазваляе Яну Дзіце пазбавіцца ад тугі па багаццю, людскому прыз-

нанню. Самотай ён плаціць жыццю за магчымаць быць свабодным і цешыцца прыгажосцю.

Свае жыццёвыя ўражанні, пачуцці, падзеі апавядальнік толькі апісвае, але ніяк іх не ацэньвае. Гэта вельмі характэрна для апавядальніцкіх структур твора. Мова Яна Дзіце вельмі простая. Тым не менш трэба падкрэсліць, што апавядальнік карыстаецца літаратурнай мовай. Хаця сустракаецца па тэксце і прафесійная лексіка, і германізмы, шмат ужываецца гутарковай гаворкі. У рамане суіснуюць розныя пласты мовы, што адначасова надае твору і літаратурныя, і нелітаратурныя характарыстыкі. Грабал піша раманы «Я абслугоўваў англійскага караля» доўгімі сказамі і сінтаксічнымі перыядамі. У творы шмат гіперсказаў – радкоў на дваццаць. Часта выкарыстоўваецца чэшскім праяікам злучнік «і», што стылёва стварае якраз ілюзію рэальнага прамаўлення.

У творы відавочна аўтабіяграфічнасць. І Грабал, і яго галоўны герой былі пазашлюбнымі дзецьмі. Ян Дзіце забавляецца тым, што корміць цэлыя чароды галубоў і разважае пры гэтым пра розныя метафізічныя рэчы. Вядома, што Грабал выпаў з вакна клінікі, калі карміў галубоў. Ён змяніў шмат «ручных» прафесій да таго, як стаў пісьменнікам. Яго герой таксама чалавек такога роду заняткаў. Увогуле, вядома, што аўтар шмат чаго чэрпаў у сваім жыццёвым вопыце для сваёй пісьменніцкай практыкі. Ён часта наведваў тракціры, слухаў розныя гісторыі, а потым выкарыстоўваў іх у сваіх кнігах. Галоўным імкненнем аўтара было ствараць «размоўныя» рэчы.

Чэшскі славіст і літаратурны крытык Томаш Гланц гаворыць, што «Грабал феноменальным, неповторимым способом балансирует между почти противоположными позициями литературного и вообще художественного творчества: между высокой культурой модернизма довоенной эпохи, с которой он был очень хорошо знаком и на основе которой сформировал свое мировоззрение, с одной стороны, и низкой культурой «пивной кружки», с другой стороны. Он балансирует между сюрреализмом и пивным фольклором. Он балансирует между официальной культурой и культурой самиздата, начиная с 1960-х годов, но, особенно в 1970–80-е годы, когда Грабал вышел за рамки даже этого внешнего культурно-политического деления. Он балансирует между модернизмом и постмодернизмом, а в позднем творчестве балансирует между художественной прозой и публицистикой, между стилем, который мы обозначим как фикшн, между художественной литературой и документализмом. Во всех этих случаях проявляется мощная сила его таланта, Грабал просто поверх самых разных барьеров» [1].

Хаця сам Багуміл Грабал і назваў свой твор «апавяданнем» альбо «апавесцю», але ж трэба заўважыць, што ён цалкам адпавядае раманным патрабаванням, паколькі мае добра прапрацаваныя характары і значны грамадска-гістарычны складнік, завязку з развітым сюжэтам. Акрамя таго, твор вылучаецца сваімі філасофскімі, метафізічнымі гарызонтамі. Грабалаўская кніга ўяўляе сабой раман у класічным разуменні гэтага слова з вялікім ахопам матэрыялу (чатыры дзесяцігоддзі ХХ ст.), з завязкай – тугой па багаццю, з цэнтральным героем – вучнем афіцыянта, жыццё якога праходзіць перад намі, пачынаючы з дзяцінства аж да сталага ўзросту, што дае магчымасць даць твору і такое жанравае азначэнне, як раман-выхаванне. Цікавым з’яўляецца аўтарскае стаўленне да свайго героя: Грабал не выступае з пазіцыі маральнага асуджэння свайго персанажа (афіцыянта-гатэльера-калабаранта), нават калі той паступае нягодна і нізка. Для яго найвышэйшай маральнай інстанцыяй становіцца само жыццё, якое ўсё расстаўляе на свае месцы. Былы гатэльер і мільянер у канцы свайго шляху становіцца дрыва-секам і будаўніком дарогі, самотнікам і нават філосафам, які ўрэшце рэшт знайшоў сваё шчасце, зямны спакой і многа зразумеў у жыцці. Цяпер ён толькі ўспамінае. І перад намі раман – суцэльны ўнутраны маналог Яна Дзіце. Мы таксама не можам судзіць гэтага чалавека.

Значнае месца ў рамане займае іронія і гумар. Чэшскі даследчык Вацлаў Чэрны пісаў пра раман: «Грабал на сваіх апошніх творчых этапах паўстае як татальны гумарыст у нашай сучаснай прозе; у сваім апавяданні, які ператвараецца ва ўнутраны маналог, ён паўстае таксама як ідылічны эпік лірычных успамінаў» [5, с. 129]. Беларуская багемістка Ірына Шаблоўская зазначае: «У рамане “Я абслугоўваў англійскага караля” іронія выкарыстана шматбакова: у сюжэтнай лініі, вобразе галоўнага персанажа, які намагаўся стаць вялікім, у абрысе дзяржаўнай палітыкі, пабудаваным на тым самым імкненні да ўлады і моцы, нарэшце, у паэтыцы рамана, выкарыстанні розных прыёмаў, адмаўленні прыярытэтных адных з іх над іншымі, у спалучэнні неспалучальнага і прыёме гульні. Іронія Грабала таму і можа быць аднесена да іроніі постмадэрнісцкай, што яна нясе ўніверсальны падтэкст, калі амаль усе каштоўнасці і нарматывы ёй падуладныя» [4, с. 98].

На нашу думку, іронія Грабала ў рамане з’яўляецца таксама яскравым праяўленнем такога цікавага феномена, як «пражская іронія». «Пражская іронія» – гэта паняцце, якое ахоплівае шырокую вобласць і тычыцца гісторыі і ментальнасці чэшскага народа. Пра яе феномен і ўплыў на творчасць Багуміла Грабала

пісаў чэшскі літаратуразнаўца Радка Пытлік [6, с. 7–23]. Пражская іронія мае гістарычныя і філасофскія карані. Яе востра з’яўляецца штодзённым жыццём народа, які існаваў ва ўмовах пастаяннай небяспекі. Трывалае пачуццё дэзільюзіі, безнадзейнасці, часовасці вызначала яго існаванне. У выніку адсутнасці магчымасці выказаць свой уласны погляд – хаця б у афіцыйных сродках масавай інфармацыі – пражскае грамадства стварыла ананімную публічную думку, якая істотна падзяляла людзей на «мы ўнізе» і «яны наверху». Такая маральная пазіцыя вядзе, з аднаго боку, да прыстасавальнасці ў грамадстве, але, з іншага боку, можа прывесці да стварэння сваесабытнай сферы мыслення, якая супрацьстаіць сістэме каштоўнасцяў афіцыйнай культуры і дэсакралізуе нормы і прынцыпы, усталяваныя пануючай ідэалогіяй. Гэта сфера характарызуецца вялікай разняволенасцю, дзе гісторыя ўспрымаецца як сукупнасць забаўляльных расповедаў і анекдотаў і раздрабляецца на выпадкі, што адбываюцца з персанажамі.

Менавіта такая канцэпцыя і паўстае перад намі ў рамане. Гэта вядзе да абсалютызацыі жыццёвага вопыту, які выступае супрацьлегласцю афіцыйных міфаў. Так адбываецца з Янам Дзеце. Можна сказаць, што Грабал у творы паказвае звычайнага, нават «маленькага чалавека» (вобраз якога праходзіць праз усю літаратуру ХІХ ст.), які не прымае пусты пафас, пампезнасць, які ў маральнай нестабільнасці захаваў здольнасць самавызначыцца. Ён кажа толькі тое, што думае, не баіцца выказацца. Аднак робіць гэта не дэманстравальна, а схавана, карыстаючыся спосабам іранічных намёкаў і незвязаных урывкаў, якія нават могуць ствараць уражанне вар’яцтва і зневажэння ўласнай асобы. Дзіце іранічна кажа пра сябе і сваё жыццё: «Маё шчасце заўсёды было ў тым, што са мной здаралася нейкае няшчасце» [2, с. 87].

Дзіце з яго стаўленнем да жыцця таксама належыць свету «пражскай іроніі». Ён успрымае афіцыйныя ўрачыстасці, «вялікія» гістарычныя падзеі як скандальны фарс, але свет дробных падзей, наадварот, успрымае сакральна, як святочныя ўрачыстасці. Менавіта так галоўны герой распавядае нам пра штодзённыя падзеі, пра размовы падчас піцца п’іва і віна, пра прастытутак і іх прыгажосць. Усё гэта ён дасціпна камэнціруе. Такім чынам, акцэнтаванне ўвагі на звычайным становіцца імкненнем схваць свой уласны ўнутраны свет і адначасова іранічна паставіцца да катастрафічных падзей рэчаіснасці. З рамана відавочна, што асяроддзем «пражскай іроніі» становіцца карчма, рэстарация, вуліца, дзе людзі адчуваюць сябе разняволенымі, а таму схільныя да гульні слоў, гутаркі, дзе

адчуваецца радасны настрой і жыццялюбства. Дастаткова ўспомніць такіх персанажаў з раманна, як пузатага гандлёвага агента, які раскладваў грошы па нумары ў гатэлі і сцвярджаў, што «...жыцьцё, калі крыху пашэнціць, яно цудоўнае, яно такое цудоўнае...» [2, с. 28] альбо метрдатэля Скршыванэка, які абслугоўваў англійскага караля і вучыў маладога нявопытнага Яна Дзіце разбірацца ў людзях з першага позірку.

У сваім рамане Грабал паказвае, што заслуга «пражскай іроніі» у тым, што яна вычляняе звычайнага чалавека з масы, ён успрымаецца як асоба, якая здзіўляе сваёй здольнасцю ствараць. Тут трэба згадаць тыя моманты кнігі, дзе праявіліся апісвае, як сапраўды па-мастацку, панаатарску «ствараў» свой уласны гатэль «Каменяломня» і яго інтэр'еры Ян Дзіце, як гэты гатэль наведваў і палюбіў амерыканскі пісьменнік Джон Стэйнебек і нават прапаноўваў купіць яго. Грабал дэманструе нам, што ў «быцці»

звычайнага чалавека ёсць не толькі выпіўка і недахоп волі, але і здольнасць пераадольваць абмежаванасць усталяваных норм і прынцыпаў, здольнасць усталёўваць свае стасункі са светам.

Заклучэнне. У рамане «Я абслугоўваў англійскага караля» Грабал выступае спадчыннікам Я. Гашака, што адзначаецца многімі даследчыкамі творчасці чэшскага творцы (Радка Пытлік, Ірына Шаблоўская і іншыя). Нам падаецца, што пераемаецца, агульнасць гэтых аўтараў назіраецца перш за ўсё ў прыналежнасці абодвух стыхій «пражскай іроніі» і скарыстанні аднолькавых апавядальных структур, менавіта «тракцірнай гісторыі» і чыстага маналога-аповеда, якія ўяўляюць сабой каментарый да падзей штодзённага жыцця, часта гумарыстычна і іранічна афарбаваны. І Грабал, і Гашак бачаць свет як трагікамедыю і адначасова любяць яго, а тракціры і шынкі становяцца для іх творчымі майстэрнямі.

Літаратура

1. Гланц Т. Богумил Грабал как голубь вне рамок [Электронный ресурс]. URL: <http://www.svo boda.org/content/article/25313196.html> (дата обращения: 21.10.2014).
2. Грабал Б. Я абслугоўваў англійскага караля. Пер. з чэш. Марыі Мартысевіч. Мінск: Логвінаў, 2013. 258 с.
3. Кравчук А. Богумил Грабал. Зачин [Электронный ресурс]. URL: http://literature.prag.ru/Bohumil_Hrabal%20-%20Zachin.htm (дата обращения: 21.10.2014).
4. Шаблоўская І. Сусветная літаратура ў беларускай прасторы. Мінск: Радыёла-плюс, 2007. 304 с.
5. Černý V. Eseje o české a slovenské proze. Praha, 1994.
6. Pytlík R. Bohumil Hrabal. Praha: ČS, 1990.
7. Slovník české prozy 1945–1994. Praha: Sfinga Ostrava, 1994. 491 s.

References

1. Glants T. *Bogumil Grabal kak golub' vne ramok* [Bohumil Hrabal as a dove outside]. Available at: <http://www.svo boda.org/content/article/25313196.html> (accessed 10.21.2014) (In Russian).
2. Grabal B. *Ya abslugouvau angel'skaga karalya* [I served the King of England]. Minsk, Logvinov Publ., 2013. 258 p.
3. Kravchuk A. *Bogumil Grabal. Zachin* [Bohumil Hrabal. Intonation]. Available at: http://literature.prag.ru/Bohumil_Hrabal%20-%20Zachin.htm (accessed: 10.21.2014).
4. Shablouskaya I. *Susvetnaya litaratura u belaruskay prastory* [World literature in the Belarusian space]. Minsk, Radiola-plus Publ., 2007. 304 p.
5. Cherny V. *Eseje o české a slovenské proze* [Essays on Czech and Slovak prose]. Prague, 1994.
6. Pytlík R. Bohumil Hrabal. Prague: ČS Publ., 1990.
7. Slovník české prozy 1945–1994 [Czech dictionary prose 1945–1994]. Prague, Sfinga Ostrava Publ., 1994. 491 p.

Інфармацыя пра аўтара

Вострыкава Алена Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры славянскіх літаратур філалагічнага факультэта. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. К. Маркса, 34, Рэспубліка Беларусь). E-mail: vostrikova72@mail.ru

Information about the author

Vostrikova Elena Vladimirovna – PhD (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of Slavic literatures of philological faculty. Belarusian State University (34, K. Marksa str., 220006, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: vostrikova72@mail.ru

Пасмыніў 28.03.2016

УДК 82-193.3

Т. М. Федарцова

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**КАНЦЭПТАСФЕРА НЕБА Ў ТВОРАХ
М. БАГДАНОВІЧА, М. ТАНКА, Р. БАРАДУЛІНА**

Неба – адна з фундаментальных існасцяў матэрыяльнага свету, якая займае цэнтральную частку ў свядомасці чалавека, становіцца неад’емным кампанентам духоўнай культуры нацыі. Ва ўсе часы чалавек з надзеяй і хваляваннем узіраўся ў нябесную высь, шукаючы ў нябёсаў абароны, аховы, спагады, парады і дапамогі ў вырашэнні складаных жыццёвых задач. Таму не дзіўна, што канцэпт неба заўсёды прысутнічаў у творчасці мастакоў прыгожага пісьменства, пачынаючы ад антычнасці да нашых дзён. З пашырэннем інфармацыйнага поля канцэптасфера неба значна ўзмацняе сілавое поле духоўнасці, павялічвае інтэлектуальны пласт, нараджае новую, нязнаную да гэтага часу вобразнасць, натхняе на выпрацоўку адмысловых творчых прыёмаў.

Дадзенае даследаванне прысвечана вызначэнню асаблівасцей канцэптуалізацыі неба і нябесных цел у паэтычных тэкстах. Бясспрэчна тое, што канцэптуалізацыя адносіцца да ліку ключавых паняццяў кагнітыўнай лінгвістыкі, навукі, якая актыўна развіваецца ў межах антрапацэнтрычнага падыходу сучаснага мовазнаўства і літаратуразнаўства. Працэс канцэптуалізацыі – адзін з базавых працэсаў кагнітыўнай дзейнасці чалавека. Ён заключаецца ў асэнсаванні чалавекам усё новай і новай інфармацыі, вынікам чаго становіцца фарміраванне ўяўленняў пра сапраўднасць быцця ў выглядзе ментальных адзінак – канцэптаў (у нашым выпадку – неба, зоркі, месяц, сонца). Вывучэнне канцэптаў у мастацкім творы дапамагае зразумець светапогляд не толькі самога аўтара, але і цэлай эпохі, і нават ментальнасць цэлага народа.

Ключавыя словы: кагнітыўны падыход, канцэпт, канцэптасфера, нябесныя аб’екты, метафара, парадыгма, лексема.

T. M. Fedartsova

Belarusian State Technological University

**CONCEPTUAL SPHERE OF THE SKY IN THE WORKS
OF M. BAGDANOVICH, M. TANK, R. BARADULIN**

Sky – one of the fundamental essences of the material world, which occupies the central part of human consciousness, is becoming an integral component of the spiritual culture of nation. At all times, people with hope and excitement peered into the heavenly heights, seeking protection from the sky as well as sympathy, advice and assistance in dealing with difficult life challenges. It is therefore not surprising that the concept of heaven is always present in the works of masters of artistic expression, ranging from antiquity to the present day. With the expansion of information field sphere of concepts about sky significantly increases spiritual field, enlarges intelligent layer, generates new imagery unknown until that time, inspires the development of new methods for personal authorial creativity.

The research dwells upon the definition of conceptualizing features of the sky and celestial bodies in the poetic texts. There is no doubt that the conceptualization is one of the key concepts of cognitive linguistics, science, which is actively developing within the boundaries of anthropocentric approach to modern linguistics and literary studies. The process of conceptualization is one of the basic cognitive processes of human activity. It comprises the interpretation of all new information resulting in the formation of ideas about the reality of life in the form of mental units - concepts (in our case – the sky, the stars, the moon, and the sun). The study of concepts in fiction helps to understand the world of the author himself as well as the whole epoch, and even the mentality of an entire nation.

Key words: cognitive approach, concept, conceptual sphere, celestial bodies, metaphor, paradigm, lexeme.

Уводзіны. На мяжы двух тысячагоддзяў у сучасным літаратуразнаўстве адбываецца заканамерная змена навуковых парадыгм: XIX ст. увайшло ў гісторыю як параўнальна-гістарычнае літаратуразнаўства, XX ст. нарадзіла сістэмна-структурны метады, а ў XXI ст. складваецца антрапацэнтрычная парадыгма.

Асноўная мэта даследавання заключаецца ў разглядзе асаблівасці канцэптасферы неба.

Асноўная частка. Максім Багдановіч, напрыклад, імкнуўся сваёй творчасцю выхоўваць нацыянальную самасвядомасць, каб праз яе больш актыўна і творча ўспрымаць агульначалавечыя ідэалы. Гэтай мэце служыць хрысціянская міфалогія,

шырока ўведзеная паэтам у разнастайныя творы. Паэт па-мастацку ўвасабляе біблейскія архетыпавыя вобразы і матывы, народныя паданні і прытчы. Таму самыя актыўныя апазіцыі яго творчасці – Жыццё і Смерць, а таксама канцэпты Зямля і Неба. Прычым канцэптасферы неба паэт удзяляе значную ўвагу. Асабліва гэта заўважна ў першай частцы знакамітага «Вянка», паэтычна названай аўтарам «Малюнк і спевы». Зачараваны маўклівай таямніцай памежжа вечара і ночы аўтар назірае свяшчэнназдзейства перадачы ўлады над зямлёй маўклівай, на першы погляд, касмічнай стыхіі, якая выводзіць на паэтычную арэну канцэпты *месяц, зоркі, сонца, аблогі і інш.*

У творчасці Максіма Багдановіча прыём увабленняй найчасцей здзяйсняецца шляхам актыўнага ўключэння ў прэдыкальную аснову сказа назоўніка, які называе нябесны аб'ект, і дзеяслова (найчасцей дзеяслова руху: *устаў, падае, плыве, аглядае*):

Сумна *плыве* маладзік бледна-сіні

Ў небе вячэрнім, зялёным, як лёд;

Іскрацца зорак сняжынкі маркотна [1, с. 65]

ці:

Месяц круглы *устаў* на небе [1, с. 85].

Пры стварэнні вобраза зорнага неба намі адзначаны таксама рух да спалучэння рэальнага і фантазіянага (зямнога і небнага):

Блішчыць у небе зор *пасеў*;

У полі – рунь і ў небе – рунь [1, с. 61].

Для стварэння вобраза зорнага неба аўтар выкарыстоўвае не толькі множны лік (*зоркі*), але даволі часта ўжывае і лексему сузор'е, або індывідуальна аўтарскія спалучэнні з лексемамі мноства: безліч, грамада, харавод, вянок, пацеркі. Дзякуючы такому аўтарскаму прыёму падкрэсліваецца вялікая колькасць зорак, іх важнасць у вячэрнім або начным небе:

Ззяе серабром іголак

Зор *грамада* [1, с. 60]

ці:

Патроху праз цмень выглядалі

Зорак дрыжачых *вянк* [1, с. 64].

Лексема *зорка* ў шматлікіх вершах Максіма Багдановіча даволі часта ўжываецца ў складзе нечаканай метафары. Письменнік кожны раз знаходзіць для яе новыя вобразныя адпаведнікі: «Іскрацца *зорак сняжынк* маркотна», «Блішчыць у небе *зор пасеў*», «у небе ціха *зоркі расцвілі*» і г. д. Ды і вечар, як дбайны хлебароб «*пылам зор* небасхіл *абсявае*». Самыя частотныя параўнанні зорак адзначаны з лексемамі, якія ўваходзяць у змест канцэпту «Чалавек». Гэта лексемы *вочы, грудзі, слёзы, думкі* і інш.

Упалі з грудзей Пана бога,

Парваўшыся, пацеркі зор [1, с. 106].

Іншым часам паэт робіць нябесныя аб'екты саўдзельнікамі падзей. Раманс «Зорка Венера»

прысвечаны палымянаму каханню, якое не можа здзейсніцца з-за хуткай ростані, але закаханыя не застаюцца ў адзіноце, бо іх пагляды сустрэнуцца і зліюцца на далёкай планеце, таму сабе ў дапамогу яны і бяруць апякунку кахання – зорку Венеру, дзе ў глыбокай цішы ночы і адбудзецца сумоўе іх сэрцаў. Тонкае адчуванне незваротнасці для паэта радасці кахання на зямлі вымушае творцу падняць палымянасць пачуцця да касмічных высяў, ён быццам хоча схваць яго не толькі ад прагнага чужога вока, але і ад наканававання няўмольнага лёсу.

З дапамогай канцэпту *месяц* паэт часта стварае пераважна эмацыянальна афарбаваныя малюнк, імкнучыся перадаць адпаведную настраёвасць і пачуццёвую дынаміку.

Так, цікавы і незвычайны вобраз месяца падаецца ім у кварцэльным трыялеце «Вечар», бо асноўнае месца ў дадзеным творы займаюць выразныя зрокавыя, пластычныя замалёўкі, апісальныя рэаліі:

На небе месяц *устаў* зялёны

І хутка стане снегавым.

Над лесам, дзе шапочуць клёны,

У небе месяц *устаў* зялёны...

Усё спіць. Не бачыць свет стамлёны,

Што, свецячы праз хмарак дым,

У небе месяц *устаў* зялёны

І хутка стане снегавым [1, с. 222].

Трыялет, дарэчы, датаваны 1910 г., і таму яго можна лічыць першай спробай Багдановіча ў жанравай разнавіднасці трыялета. На жаль, на гэты ўзор верша ўвага даследчыкаў не звярталася, мабыць, з-за «раскутасці» дадзенай цвёрдай вершаванай формы шляхам замены прасторавага прыназоўніка «на», ужытага пры пастаноўцы тэмы, на больш канкрэтызаваны (суб'ектыўны) прыназоўнік «у» пры яе развіцці і завяршэнні. Але з дапамогай гэтага прыёму паэт не толькі значна звужае прасторавую «разгорнутасць» нябёсаў, але і ўдакладняе месца дзеяння і дамагаецца пэўнага руху вобраза надыходзячых пераменаў у прыродзе.

Таму, як нам думаецца, менавіта варыянтнасць прыназоўнікаў паказвае рух думкі паэта і «вертыкальна» – ад матуных-зямлі да неба, і «гарызантальна» – у зямной і надземнай прасторы. Паэт шкадуе, што «стамлёны свет» так неабачліва можа праспаць найцікавейшую падзею – змену прыродных фармацый, якая адбываецца не сцішана-спакойна, а вірліва, жорстка, бо нават месяц рэзка змяніў сваю фарбу са звычайнай, супакоена-радаснай, жоўтай на больш жорсткую, можа, нават агрэсіўную, зялёную. Але і гэта толькі прамежжавы колер будучай падзеі, і ў развіцці тэмы верша ён замяняецца нечаканым эпітэтам «снегавы». Гэтым прыёмам аўтар паказвае як змена прыроднай фармацыі (памежжа восені

і зімы) асацыятыўна як бы падвоена вобразам памежжа вечара і ночы. На такім памежжы і адбываецца свяшчэннадзейнасць вялікіх зменаў у прыродзе. Але памежжа само па сабе катэгорыя няўстойлівая, таму яго пэўнай характарыстыкі ў вершы няма, час, у які адбываюцца падзеі, толькі мяркуецца. Тым не менш падтэкставасць трыялета дае магчымасць уявіць, як яно (памежжа) дадаткова ўносіць у асацыятыўнае ўспрыняцце прыроды, жыцця сваю адмысловую каляровую гаму. Дзякуючы яе імпульсіўнай замене, мы можам назіраць, як сімвалічна-прадметны знак ночы – месяц – уплывае на разгорнутасць падзей. Безумоўна, гэты трыялет медытатыўны, бо логіку думкі творцы можна ўявіць як панарамны паказ бясконца зменлівага жыцця.

Разгледзім як адбіліся агульнакультурныя ўяўленні аб прасторы неба ў свядомасці Рыгора Барадудзіна. Паэт даволі часта выносіць дадзеныя канцэпты ў загаловкі вершаў («Ішла над ціхім лесам поўня», «Рэгістрацыя шлюбу з небам», «Адхінуць небакры», «Босая зорка», «У бліжэйшым небе спавядаўся дым», «Сонцу кланяецца каравай», «Сонцакропка») і інш. У тэкстах актыўна прысутнічаюць лексічныя адзінкі, якія прама называюць неба, нябесныя аб'екты, або з'явы, звязаныя з небам. Але ў яго творчасці ўжо няма той Багдановічаўскай чароўнай замілаванасці зоркамі, вобраз месяца саступае сонцу, ды і неба для паэта «трывалая столь», створаная воляй боскай.

Нятрэба спісваць з рахунку і той відавочны факт, што ў XXI ст. для знакамітага гумарыста і перасмешніка Рыгора Барадудзіна стала канцэптуальна-праграмнай творчасць рэлігійна-духоўнага кірунку. Ён стварыў блізка па змесце да псалмоў цыкл «Пальновыя санеты». З яго нават па знешніх прыкметах ужо выразна бачна як аўтар «будзе» свой цыкл паводле біблейскіх канонаў: колькасць санетаў, а іх 33, сімвалізуе ўзрост Ісуса Хрыста.

Хрысціянскія матывы і вобразы цалкам запоўнілі твор, які можна ўспрымаць як жыццяпіс не толькі аўтара, але і кожнага чалавека. Таму і канцэптасфера неба ў яго творчасці значна мяняе акцэнты. Бо ў цэнтр светаўяўлення паэт ставіць не чалавека, а Усявышняга, да якога працінае ўсё сваё маленне, каб людзі на Зямлі не забываліся на сумленнасць, міласэрнасць, каханне, дабыню, шчырасць, дараванне, спагаду і шкадаванне.

Хрысціянскія матывы працягваюць паэтычны зборнік «Босая зорка», выдадзены ў 2001 г. Хаця ў аднайменным вершы, датаваным 1999 г., творца з басаногай зоркай параўноўвае сваю каханую жанчыну.

Канцэптасфера неба дапамагае аўтару ствараць і творы прычэпадобнага характару. Свет іх лірычна-драматызаваны, бо тут выяўляюцца пачуцці самоты, пакаяння, тугі, болю і горычы страт.

У творчасці Максіма Танка выяўляюцца першапрычыны і паслядоўнасці ў стрыжнёвых сімвалах, як «Зямля і людзі», «Зямля і чалавек-працаўнік», «Зямля, як зямная аснова, і Сусвет». Бо для такога народа, як беларусы, зямля была, па вобразным выслоўі Я. Коласа, «асновай усёй Айчыне». Само паняцце «ўлада зямлі» ў селяніна-працаўніка раскрываецца своеасабліва, яно падкрэслівае непарыўныя сувязі ўзаемаадносін з прыродай, і атрымліваецца, што лексема «зямля» з'яўляецца сінонімам слова «прырода». Максім Танк нават надае аднаму са сваіх зборнікаў назву «Перапіска з зямлёй».

Але цвёрда стоячы на зямлі, паэт па-філасофску ўзіраецца ў неба. Распаўсюджаным канцэптам з'яўляецца сонца. Салярная лексіка Танка заслугоўвае больш значнай увагі. Паэт афарыстычна дэкларуе, што самая сапраўднае пачуццё любові захоўваецца ў сонечнай усмешцы дзіцяці. Не выпадкова і зборнік вершаў «За маім сталом» адкрываецца одай сонцу. І гэта сімвалічна: адразу зроблена ўдалая запеўка і паклон таму, без чаго немагчыма існаванне ўсяго жывога.

Звернем увагу і яшчэ на адну акалічнасць: у дадзеным зборніку цэнтральнае месца займае гімнічны спеў роднай прыродзе і ўслаўленне вернасці і шчырага кахання, агульначалавечай, спрадвечнай сутнасці жыцця, звычайнаму, бытавому пачатку.

Паэт ідзе не ад агульнага да канкрэтнага, а наадварот – ад канкрэтнага да агульнага: з дажджоў «бруяцца бруі рэк», пчолы збіраюцца на квітнеючы луг, а сонца ззяе, каб не размінуліся каханьня – таму і хочацца чалавеку пакланіцца сонцу. Засяродзім увагу яшчэ на двух, думаецца, кульмінацыйных момантах, якімі характарызуюцца вершы Максіма Танка, што ўтрымліваюць ў сабе салярную лексіку – гэта інша-сказальнасць і прычэпадобнасць, менавіта яны выдуюць да ўзбуджэння ў лірычным творы думкі, узвышэння пачуцця сакральнасці, і перавазе ў ёй канкрэтнага над агульным.

Не на апошнім месцы ў творах паэта і канцэпт зорка. Возьмем да разгляду верш-прытчу «Кажуць, зоры ўсё знаюць...», у якім палемізм дасягае надзвычайнага напружання. М. Танк быццам разгадвае рэбус, закладзены ў аснове, здаецца, бяспрэчнага народнага выказвання, аспрэчвае аксіёматычнае – што зоры ўсё знаюць. Яго традыцыйны тэзіс не задавальняе. Ён ідзе глыбей і ў пошуку новай ісціны абапіраецца на навуковыя дасягненні: звесткі пра нас могуць даляцець толькі «праз мільёны гадоў светавых».

Аўтар пайшоў такім шляхам і сцвердзіў ісціну навішнюю і даражэйшую, чым народнае выслоўе: «Добра, што ёсць бліжэйшыя зоры ў нас – пад якімі мы ўбачылі свет». Таму ён заклікае суцішыць сваю адвечную мітусню і прыслушацца,

«што нам зоры прадкажуць». А прасцей, паэт дэ-кларуе навучыцца жыць у суладдзі з прыродай.

Адычны характар мыслення Максіма Танка грунтуецца не толькі на доказе прамым, але і на доказе ад процілеглага. Гэта выклікана, думаецца, перш за ўсё своеасаблівасцю мыслення паэта, яго пошукам не той праўды, што ляжыць на паверхні, не той ісціны, што зразумела кожнаму, а ўсяго таго, што ляжыць глыбей, што не адразу кідаецца ў вочы. Многае тут можна растлумачыць і метафарычнасцю, алегарызмам як выразнымі адзнакамі Танкавага пісьма, пастаянным зваротам паэта да сімвалікі, імкненнем у звычайным убачыць незвычайнае, будзённае ўзвесці ў ранг шматзначнага, велічнага, а часам, загадкавага.

Заклучэнне. Такім чынам, у беларускай паэзіі вялікая ўвага надаецца канцэптасферы неба. Але кожны аўтар гэту задачу вырашае з дапамогай індывідуальных мастацкіх прыёмаў.

Змест канцэптаў *неба, зоркі, сонца, месяца*, рэпрэзентаваных у паэтычных тэкстах Максіма Багдановіча, Рыгора Барадуліна, Максіма Танка фарміруецца як на падмурку ўніверсальных агульнакультурных ведаў, так і на аснове індывідуальна-аўтарскіх уяўленняў аб прасторы неба. Уплыў агульнакультурных ведаў у творах дадзеных аўтараў адлюстроўваецца ў наяўнасці міфалагічных (Багдановіч, Барадулін, Танк) і хрысціянскіх (Багдановіч, Барадулін – у большай меры) матываў.

Ядром кожнага канцэпту з'яўляецца зрокава-пачуццёвы вобраз. Максім Танк, напрыклад, выкарыстоўвае метафарычныя і метанімічныя намінацыі неба: «блакітная вышыня», «бязмежны блакіт», «сіняя даляч», «зорнае мора». А моцна захапіўшыся салярнай сімвалікай, часам параўноўваў сонца і са срэбным грошам, і карычневата-жоўтым боханам свежавыпечанага хлеба, і з новымі залаціста-жоўтымі чаўнамі на любімай Нарачы.

Дарэчы, салярную сімваліку Танк аздабляе адпаведна каляронімамі «яркі», «прамяністы», «сонечны», «іскрысты», «жоўты», «залаты», «чырвоны» і інш.

Максім Багдановіч адмыслова фіксуе каляровыя характарыстыкі месяца (залаты, срэбны, жоўты, зялёны, снежавы і г. д.).

Рыгор Барадулін выкарыстоўвае канцэпты неба для ўгрунтавання аўтарскай развагі пра веру і бязвер'е, часовае і вечнае.

Намі адзначана, што па частотнасці ўжывання ў творах дадзеных аўтараў пераважае канцэпт *зорка*. Але ў Багдановіча яна ўспрымаецца як жывая (у тым ліку антрапаморфная) істота, якая надзелена воляй, здольнасцю адчуваць і выражаць эмоцыі. У Танка зоркі як знакі ночы супрацьпастаўляюцца сонцу.

А ў Барадуліна зоркі ўспрымаюцца як агонь, або прадметы, на якія ўздзейнічае святло і цеплыня агню боскай ласкі і чалавечай душы.

Літаратура

1. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. Т. 1. 752 с.
2. Максім Багдановіч: энцыклапедыя; склад. І. У. Саламевіч, М. В. Трус; навук. рэд. М. В. Трус; рэдкал.: Т. У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. 608 с.

References

1. Bagdanovich M. *Pouny zbor tvorau: u 3 t.* [Complete Works: in 3 vol.]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1995. Vol. 1. 752 p.
2. *Maksim Bagdanovich: Entsiklapedyya* [Maksim Bagdanovich: Encyclopedia]. Minsk, BelEn Publ., 2011. 608 p.

Інфармацыя пра аўтара

Федарцова Тамара Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Fedortsova@belstu.by

Information about the author

Fedartsova Tamara Mikalaeuna – PhD (Philology), Assistant Professor, the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Fedortsova@belstu.by

Пасмуні 28.03.2016

УДК 821.161.3-1:81'25

М. В. Трус¹, К. Сібага²¹Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт²Універсітэт Васэда (Токіа, Японія)**ПАЭЗИЯ МАКСІМА БАГДАНОВІЧА Ў ПЕРАКЛАДЗЕ НА ЯПОНСКУЮ МОВУ**

У артыкуле разглядаюцца тры галоўныя тэмы: цікавасць М. Багдановіча да японскай культуры, падабенства і адметнасць беларускай і японскай паэзіі, праблематыка беларуска-японскага мастацкага перакладу.

Максім Багдановіч напісаў вершы пад назвай «Японскія», выкарыстоўваючы традыцыйную паэтычную форму. Паэт звярнуў увагу на «японскую забаўку» ў вершах «Пану Антону Навіне» і «Ёсць гэтка японская забаўка...». Гэтыя факты сведчаць пра цікавасць беларускага аўтара да японскай культуры.

Японскі паэт Арыакэ Камбара (1876–1952) паспрабаваў увесці ў японскую паэзію санетную форму. Максім Багдановіч пісаў санеты па-беларуску амаль адначасова з японскім аўтарам. У артыкуле параўноўваюцца санеты двух паэтаў. Праз гэтае параўнанне выяўляецца падабенства і спецыфіка развіцця японскай і беларускай паэзіі 20 ст.

Адзначаныя вышэй факты сведчаць на карысць актуальнасці перакладу твораў М. Багдановіча на японскую мову. Складанасцю з'яўляецца адсутнасць метадычнасці ў справе беларуска-японскага мастацкага перакладу. У артыкуле аналізуюцца некаторыя перакладчыцкія праблемы. На прыкладзе перакладу верша М. Багдановіча «Раманс» дэманструюцца асаблівасці перакладу вершаў з беларускай мовы на японскую. Гэта робіцца ўпершыню і з'яўляецца пачаткам справы перакладу паэзіі М. Багдановіча на японскую мову.

Ключавыя словы: японская паэзія, беларуская паэзія, паэзія 20-га стагоддзя, Максім Багдановіч, Арыакэ Камбара, пераклад, санет.

M. V. Trus¹, K. Shibata²¹Belarusian State Technological University²Waseda University (Tokyo, Japan)**POETRY M. BOGDANOVICH TRANSLATED INTO JAPANESE**

This article discusses three main topics: (1) Bahdanovich's research interest in Japanese culture, (2) the similarities in Belarusian and Japanese poetry, and (3) issues with Belarusian-Japanese translation.

Maksim Bahdanovich wrote the poems «Japanese», using traditional Japanese poetic form. Moreover, Bahdanovich paid attention to the «Japanese game» in his own poems. These facts testify to the poet's interest in Japanese culture.

Ariake Kambara (1876–1952), Bahdanovich's Japanese contemporary, tried to introduce the sonnet form into Japanese poetry. During the same time, Bahdanovich wrote sonnets in Belarusian, almost simultaneously with Kambara's work. This article compares the sonnets by these two poets to examine the similarity of Japanese and Belarusian poetry from the 20th century.

These two facts show the relevance of the translation of Bahdanovich's work into Japanese. However, the Belarusian-Japanese translation lacks methodology. Therefore, this article discusses the problems of translation. This article examines the features of translating poetry from Belarusian into Japanese with the example of the translation of Bahdanovich's «Romance».

Key words: Japanese poetry, Belarusian poetry, poetry of the 20th century, Maksim Bahdanovich, Ariake Kambara, translation, sonnet.

Уводзіны. Максіма Багдановіча (1891–1917), класіка беларускай літаратуры, цікавіла культура і паэзія розных краін, у тым ліку і Японіі. Паэт даследаваў японскую народную паэзію, напісаў вершы з традыцыйнай паэтычнай формай танка, якія з'яўляюцца сведчаннем дасканаласці яго майстэрства.

Нягледзячы на цікавасць М. Багдановіча да Японіі, на працягу амаль стагоддзя з дня смерці паэта пераклады яго вершаў на японскую мову

пакуль не былі надрукаваныя. У японскім літаратуразнаўстве адсутнічаюць даследаванні, прысвячаныя класіку беларускай літаратуры.

У артыкуле мы паспрабуем раскрыць наступныя тэмы: цікавасць М. Багдановіча да японскай культуры, падабенства і спецыфіка развіцця сучаснай японскай і беларускай паэзіі, асноўная праблематыка беларуска-японскага мастацкага перакладу. Асвятленне гэтых тэм бачыцца нам лагічным крокам у сцверджанні дасканаласці

творчай дзейнасці беларускага паэта і наспелай неабходнасці перакладу яго твораў на японскую мову.

Асноўная частка. Вядома, што М. Багдановіч цікавіўся японскай старажытнай літаратурай і напісаў вершы з выкарыстаннем японскай традыцыйнай паэтычнай формы танка. Вершы, вядомыя пад назвай «Японскія», былі апублікаваныя ў 1927 г., але лічыцца, што яны былі напісаныя ў 1915 г. У аналізе, зробленым К. Сібата ў ранейшай публікацыі, гэтыя вершы былі вызначаныя як набліжаныя да традыцыйнай японскай танкі [4, с. 227].

М. Багдановіч звярнуў увагу на «японскую забаўку» у вершах «Пану Антону Навіне» і «Ёсць гэтка японская забаўка...». У абодвух вершах уключаны наступныя тры радкі з апісаннем «японскай забаўкі»:

Ёсць гэтка японская забаўка, –
Кідаюць дробныя аскёпкі дрэва
Ў ваду – і робяцца яны цвятамі [1, с. 271].

Цяжка вызначыць, дзе паэт пазнаёміўся з «забаўкай» краіны далёкага ўсходу. Яе апісанне нагадвае нам «японскую гульню», якую прадставіў Марсель Пруст у першай кнізе «У пошуках страчанага часу»: «...как в японской игре, когда в фарфоровую чашку с водой опускают похожие один на другой клочки бумаги и эти клочки расправляются в воде, принимают определенные очертания, окрашиваются, обнаруживают каждый свою особенность, становятся цветами, зданиями, осязаемыми и опознаваемыми существами...» [3, с. 84].

Што тычыцца «японскай гульні», апісанай М. Прустам, гаворка ідзе пра цацку або выраб з Японіі [6, с. 347]. Гэтая цацка, якая называецца «кветка ў вадзе (суйццока 水中花)» – афарбаваныя і сціснутыя сцяблы керыі, стрыжаны араліі высокай або дробныя асколкі дрэва [8, с. 827]. У японскай літаратуры ўжо ў другой палове 17 ст. гэтая цацка ўпаміналася.

Пруст назваў матэрыял гэтай «гульні» кавалачкамі паперы. У адрозненне ад апісання Пруста, Багдановіч напісаў пра «дробныя аскёпкі дрэва». Варта сказаць, што апісанне «японскай забаўкі» Багдановічам бліжэй да сапраўднага аблічча японскай цацкі «кветка ў вадзе», чым Прустава «гульня», бо матэрыял гэтай цацкі не столькі проста папера, колькі «дробныя аскёпкі дрэва».

Такое правільнае апісанне «японскай забаўкі» паглыбляе наступную загадку: адкуль паэт так добра ведаў культуру краіны ўсходзячага сонца. Цяжка адгадаць гэтую загадку. Але можна сказаць, што апісанне «японскай забаўкі» сведчыць пра глыбокае даследаванне Багдановічам культуры іншых народаў.

Дагэтуль мы закраналі даследчую і мастацкую цікавасці беларускага аўтара да японскай культуры. А далей паспрабуем параўнаць творы Багдановіча і японскага паэта Камбары, каб

выявіць падабенства развіцця сучаснай паэзіі дзвюх краін.

Арыакэ Камбара (1876–1952) – вядомы паэт «японскага сімвалізму». Яго першы збор твораў выйшаў з друку ў 1908 г. А раней на год быў надрукаваны ў «Нашай ніве» дэбютны твор М. Багдановіча «Музыка». Арыакэ Камбара і Максім Багдановіч былі сучаснікамі. Абодва спрабавалі ўводзіць у сваю творчую практыку традыцыі еўрапейскай паэзіі. Адна з іх – санетная форма.

Максім Багдановіч не толькі пісаў санеты па-беларуску, але і ўпершыню ў беларускім літаратурнаўстве даследаваў санетную форму ў тэарэтычна-гістарычным нарысе «Санет». А Арыакэ Камбара спрабаваў пісаць санеты на японскай мове, свядома звяртаючы ўвагу на еўрапейскія паэтычныя формы.

Трэба адзначыць, што ўвод санета ў японскую паэзію быў цяжэй, чым тая самая спроба ў беларускай паэзіі, звяртаючы ўвагу на розніцы паэтычных традыцый і моўных сістэм. Насамрэч, японскаму паэту прыйшлося змяніць па-свойму еўрапейскую форму, санет. І сапраўды Арыакэ Камбара здолеў стварыць свой стыль з санетнай формай. Такі стыль можна называць эклектыкай еўрапейскай і японскай форм. У дадзеным артыкуле мы не будзем разглядаць гэтае пытанне падрабязна. Што да Багдановіча, то ён здолеў пісаць па-беларуску санеты, захоўваючы еўрапейскую традыцыйную форму.

Вядома, з пункту гледжання формы санеты японскага і беларускага паэтаў моцна адрозніваюцца. Але трэба сказаць, што гэта не столькі адрозненне меркаванняў паэтаў, колькі розніцы іх моў. І можна знайсці супадзенне меркаванняў двух аўтараў. Напрыклад, М. Багдановіч у нарысе «Санет» піша так: «апошняя канцоўка першага з іх і пачатковая другога павінны быць аднолькавымі».

Тут гаворка ідзе пра «першыя восем строк санета». Можна меркаваць, што гэта адно з правілаў санетнай формы Багдановіча, які свядома ўводзіў санет у беларускую паэзію, захоўваючы сапраўдную традыцыю гэтай формы. Так, апісаны Багдановічам нарыс санетнай формы можна прызнаць, напрыклад, у вершах «Паміж пяскоў Егіпецкай зямлі...», «На цёмнай гладзі сонных луж балота» або «У Вільні».

А ў вершах Арыакэ не выкарыстоўваецца метрыка. Таму, вядома, не магчыма знайсці сказанае Багдановічам правіла санетнай формы. Але Арыакэ здолеў перадаць іншым чынам меркаванне, падобнае на Багдановічава. Паглядзім на першыя восем радкоў нашага даслоўнага перакладу санета Камбары «Разумны варажбіт паглядзеў на мяне 智慧の相者は我を見て [7, с. 2–3]» на беларускую мову:

Разумны варажбiт паглядзеў на мяне і сказаў:
Твой выгляд цямнее з прадвесцям бяды,
З неба, дзе кахаеш чалавека слабым сэрцам,
Пакуль воблака, шпаркі вецяр не нападае,
бяжы.

Ах «бяжы» з гiбкага вашага берагу
Чым зялёны луг, калыханне поля,
Хваля больш пяшчотных чорных валасоў –
Як гэта вы зразумеце?

Гэты верш вядомы як сiмвалiсцкi. У дадзеным выпадку нас цікавіць больш форма, чым змест гэтага верша. Варта звярнуць увагу на тое, што ў 4-м і 5-м радках паўтараецца iмператыў «бяжы». Гэты паўтор працуе як ланцуг памiж радкоў. Так, Максім Багдановiч таксама напісаў пра «ланцуг» для таго, каб «пачатак верша не расслаiўся на два зусiм незалежных куплеты» [2, с. 194]. Менавіта гэта сведчыць пра паэтычную агульнасць паэтычных падыходаў абодвух паэтаў.

Можна сказаць, што гэтыя паэты ўдала ўводзілі санетную форму ў сваю творчую практыку, маючы падобныя меркаванні. Уплыў М. Багдановiча на сучасную беларускую паэзію несумненны. А што тычыцца А. Камбары, то iснуюць розныя меркаванні пра ўплыў яго творчасцi на японскую паэзію. Але можна лiчыць, што яго спроба, увод санетнай формы ў японскую паэзію, адыграла значную ролю ў развіццi сучаснай японскай паэзіі.

Такiм чынам, паэтычныя спробы Максіма Багдановiча і Арыакэ Камбары сведчаць пра адзiн бок падабенства развіцця сучаснай паэзіі Беларусі і Японіі. Вядома, гэта з'яўляецца толькi адным з аспектаў падабенства вялікіх паэтаў дзвюх краiн. Гэта падабенства выклiкае асаблівую цікавасць і неабходнасць перакладаць творы М. Багдановiча на японскую мову.

Каб прааналiзаваць праблемы беларуска-японскага мастацкага перакладу, мы разгледзiм верш «Раманс» і прапануем свой пераклад гэтага верша на японскую мову.

«Раманс» ужо быў перакладзены на некалькi еўрапейскіх моў. Вядома, можна знайсцi нейкiя ключы для яго перакладу на японскую мову ў гэтых спробах.

Але перш чым абмяркоўваць праблемы яго перакладу на японскую мову, спраўдзiм правiла паэтычнага перакладу. Рускi лiнгвіст Раман Якабсон у сваiм артыкуле напісаў, што «Поэзия по определению является непереволимой. Возможна только творческая транспозиция» [5, с. 24]. Так, звычайна нам прыходзiцца рабiць тое, што Якабсон назваў «творческой транспозицией», і гэта называць перакладам. Але можна сказаць і так, што еўрапейскія мовы, на якія быў перакладзены верш «Раманс», прынамсi, маюць падобныя паэтычныя традыцыі. Сярод iх рыфмоўка і метрыка.

У адрозненне ад паэзіі на еўрапейскіх мовах, японская паэзія не мае ні рыфмоўкi, ні метрыкi.

Замест гэтых выразных сродкаў у японскай паэзіі традыцыйна выкарыстоўвалiся падобныя на танiчнае вершаскладанне формы, так названыя «танка 短歌», «хайку 俳句» і г. д. А пасля таго, як сучасная японская паэзія зведала ўплывы еўрапейскай паэзіі, японскія паэты пачалi пісаць вершы нетрадыцыйнай формы. Такія сучасныя японскія вершы можна называць верлібрамі або свабоднымі вершамі. На сённяшнi дзень для перакладу еўрапейскіх вершаў на японскую мову таксама ў асноўным выкарыстоўваюцца верлібры.

Выдатны японскi паэт, бацька сучаснай японскай паэзіі Сакутаро Хагiвара (1886–1942) адзначаў, што «Пры ўнясеннi замежных культур пераклад абсалютна не магчымы, а, насамрэч, можа быць толькi пераробка» [9, с. 97].

Варта адзначыць, што сэнс гэтай «пераробкi» супадае з «творческой транспозицией», вызначанай Раманам Якабсонам. Мы мяркуем, што трэба рабiць «пераробку», або «творческую транспозицию», калi перакладаем і паэзію Максіма Багдановiча.

Верш «Раманс» – лiрыка каханьня, якая мае складаную кампазіцыю. Напрыклад, першы радок страфы паўтараецца ў якасцi чацвёртага з абсячэннем страфы, першы рыфмуецца з трэцiм, чацвёрты – з другiм.

На жаль, на японскай мове, у якой звычайна не выкарыстоўваецца рыфмоўка, цяжка адлюстроўваць цалкам гэтую кампазіцыю. Тут магчыма толькi паўтараць першы радок ў якасцi чацвёртага. Супаставiм верш «Раманс» з нашым перакладам на японскую мову:

Зорка Венера ўзышла над зямлёю,
Светлыя згадкi з сабой прывяла...
Помнiш, калi я спаткаўся з табою,
Зорка Венера ўзышла.
З гэтай пары я пачаў углядацца
Ў неба начное і зорку шукаў.
Цiхiм каханнем к табе разгарацца
З гэтай пары я пачаў.
Але расстацца нам час наступае;
Пэўна, ўжо доля такая у нас.
Моцна кахаў я цябе, дарагая,
Але расстацца нам час.
Буду ў далёкiм краю я нудзiцца,
Ў сэрцы любоў затаiўшы сваю;
Кожную ночку на зорку дзвiцца
Буду ў далёкiм краю.
Глянi ўншы раз на яе, – у расстаннi
Там з ёй злiём мы пагляды свае...
Каб хоць на мiг уваскрэсла каханне,
Глянi ўншы раз на яе... [1, с. 77].
明星が天に昇って、
輝かしい想い出を運んできた...
覚えているかい、僕が君と出会ったとき、
明星が昇ったのを。
そのときから僕はずっと
夜の空を見つめ星を探していた。

君への静かな恋に燃え始めた
 そのときから僕は。
 けれど別れのときが迫っている。
 きっと、それが僕らのさだめ
 強く君に恋していた、愛しい人よ
 けれど別れのときさ。
 遠い国で僕は想い焦がれるだろう、
 心に我が愛を隠して
 毎晩星に見とれるだろう
 遠い国で。
 時には星を見てごらん— 遠く離れて
 その時僕らはまなざしを一つにしよう...
 一瞬でも恋が甦るように。
 時には星を見てごらん...

(Варыянт на лацінцы)

Muōzyō ga ten ni nobotte,
Kagayakasi omoide o hakondekita...
 Oboeteirukai, boku ga kimi to deatta toki,
Muōzyō ga nobotta no o.

Sono toki kara boku wazutto

Yorunosoraomitumehosiosagasideita.

Kimienosizukanakoinimoe hazimeta

Sono toki kara boku wa.

Keredo wakare no toki gasemateiru.

Kitto, soregabokuranosadame

Tuyokukiminikoisideita, itosihitoyo

Keredo wakare no toki sa.

Tōi kuni deboku waomoikogarerudarō,

Kokoroni waga aiokakusite

Maibanhosinimitorerudarō

Tōi kuni de.

Tokiniwa hosi o mitegoran – tōkuhanarete

Sonotokibokurawamanazasio hitotu
nisiyō...

Issyundemokoigayomigaeru yōni.

Tokiniwa hosi o mitegoran...

Мяркуем, з гэтага прыкладу зразумела, што на японскай мове вельмі складана адлюстравіць Багдановічаву эўфанію гэтага верша акрамя рэфэрэнсу, які ўжо мы падкрэслілі вышэй. Вядома, нельга сцвярджаць, што ўдалося зрабіць найлепшы пераклад толькі з такой таўталагіяй. Наадварот, узнікла пытанне: ці не знішчылі мы гэты цудоўны верш недасканаласцю выяўлення?

Нам прыходзіцца шукаць уласныя выразныя сродкі японскай мовы, якія могуць адлюстравіць каштоўнасць гэтага верша, каб мы пераадолелі складанасць перакладу і перайшлі на наступны этап.

У японскай мове існуюць словы, якія пішуцца рознымі іерогліфамі, але маюць тыя самыя гучанні і падобныя значэнні (同訓異字). Гэтая асаблівасць японскай мовы выкарыстоўваецца як выразны сродак у літаратуры. Гэта

можна скарыстаць таксама і ў перакладзе паэзіі. Напрыклад, у цытаваным вышэй нашым перакладзе першай страфы верша «Раманс» ужо выкарыстаўся гэты сродак. Слова «згадка» было перакладзенае на «omoide (想い出)». У японскай мове слова «omoide» звычайна пішацца іерогліфам «思», а ў дадзеным перакладзе другім варыянтам «想». Варта звярнуць увагу на тое, што першы варыянт мае звычайны сэнс і перакладаецца на «ўспамін», а другі варыянт – больш паэтычнае слова, якое прадстаўляе канкрэтны аб'ект уяўлення. Можна меркаваць, што другі варыянт супадае з сэнсам «светлых згадак».

Акрамя таго, пры перакладзе яшчэ існуе магчымасць адлюстравіць сэнсавую асаблівасць верша. У японскай мове два словы, якія абазначаюць стаўленне да чалавека як да безумоўнай каштоўнасці. Гэта «ai (愛)» і «koi (恋)». Сэсавая розніца гэтых слоў супадае з розніцай беларусіх слоў «Любоў» і «Каханне». Значыцца, у японскай мове семантычна адрозніваюцца каханне і любоў так, як і ў беларускай мове.

У вершы «Раманс» выкарыстоўваюцца словы «любоў» і «каханне», і розніца гэтых слоў не толькі гукавая, але і сэнсавая. Таму пры перакладзе трэба выкарыстаць два словы «каханне – koi» і «любоў – ai», каб перадаць і не выкінуць тонкае адчуванне героя верша.

З гэтага нашага аналізу вынікае, што ў беларуска-японскім перакладзе сапраўды складана адлюстравіць «знешнасць» арыгінала. Але можна адлюстравіць сэнс арыгінальнага твора, выкарыстоўваючы ўласныя выразныя сродкі японскай мовы.

Нельга меркаваць, што спосабы, разгледжаныя намі вышэй, цалкам вырашаюць праблемы беларуска-японскага перакладу, бо яшчэ засталася галоўная задача – адлюстраванне гукавога багацця ў паэтычным перакладзе. Але разгляды праблем гэтага артыкула будуць карыснымі для далейшай працы ў сферы паэтычнага перакладу.

Заклучэнне. У дадзеным артыкуле былі разгледжаныя тры галоўныя тэмы, сувязі паміж паэзіяй М. Багдановіча і японскай паэзіяй. З нашай працы вынікае, што гэтыя сувязі не абмяжоўваюцца толькі наяўнасцю «Японскіх» вершаў М. Багдановіча, а маюць іншыя аспекты. Так, пры параўнанні вершаў Максіма Багдановіча і Арыакэ Камбары мы змаглі падкрэсліць падабенства і спецыфіку развіцця японскай і беларускай паэзіі 20 ст. Дзякуючы гэтаму падабенству японскім чытачам паэзія М. Багдановіча будзе цікавай і зразумелай. Сёння ўсё больш актуальным становіцца знаёмства з ёй.

Літаратура

1. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. Т. 1. 751 с.
2. Багдановіч М. Поўны збор твораў: у 3 т. Мінск: Навука і тэхніка, 1995. Т. 2. 599 с.

3. Пруст М. По направлению к Свану. Москва: Эксмо, 2005. 600 с.
4. Сібата К. Вершы Максіма Багдановіча як «япанізм» у беларускай літаратуры // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча: матэрыялы XII Міжнар. навук. канф., Мінск, 22–24 кастр. 2015 г. У 2 ч. Ч. I / пад рэд. Г. М. Бутырчык. Мінск: БДУ, 2016. С. 227–231.
5. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm> (дата обращения: 04.03.2016).
6. 井上究一郎. マドレーヌの一きれと日本の水中花: 井上究一郎文集 II プルースト編. 東京. 筑摩書房, 1999. 574 p.
7. 蒲原有明. 有明集. 東京. 日本近代文学館, 1974. 223 p.
8. 斎藤良輔. “水中花”. 日本大百科全書, 12 卷. 東京, 小学館, 1994. 943 p.
9. 萩原朔太郎. 詩の翻譯について: 萩原朔太郎全集, 9 卷. 東京. 筑摩書房, 1976. 638 p.

References

1. Bahdanovich M. *Pouny zbor tvorau: u 3 t.* [Complete Works: in 3 vol.]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1992, vol. 1. 751 p.
2. Bahdanovich M. *Pouny zbor tvorau: u 3 t.* [Complete Works: in 3 vol.]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1993, vol. 2. 599 p.
3. Prust M. *Po napravleniyu k Svanu* [Towards Swan]. Moscow, Eksmo Publ., 2005. 600 p.
4. Sibata K. [The poetry of Maksim Bahdanovich as “Japonism” in Belarusian literature]. *Slavyanskiya litaratury u kantekstse susvetnay: da 750-goddzya sa dnya naradzhennya Dante Alig'ery i 85-goddzya Uladzimira Karatkevicha* [Slavonic literatures within the world context: to the 750 anniversary from the birth of Dante Alighieri, and the 85th anniversary of Vladimir Karatkevich] scientific conference]. Minsk, BSU, 2016, pp. 227–231 (In Belarusian).
5. Jakobson R. [On Linguistic Aspects of Translation] *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda*. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm> (accessed 04.03.2016).
6. Kyuichiro Inoue. *Madorenu no hitokire to nihon no suichuka* [The collection of compositions of Kyuichiro Inoue]. Tokyo, Chikumashobo Publ., 1999. 574 p.
7. Ariake Kambara. Ariakeshu. Tokyo, Nihonkindaibungakukan Publ., 1974. 223 p.
8. Ryosuke Saito Suichyuka [Encyclopedia Nipponica]. Tokyo, Syogakukan Publ., 1994, vol. 12. 943 p.
9. Sakutaro Hagiwara. *Shi no hon'yaku ni tsuite* [Compete Works of Sakutaro Hagiwara]. Tokyo, Chikumashobo Publ., 1976, vol. 9. 638 p.

Інфармацыя пра аўтараў

Трус Мікалай Валянцінавіч – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: miktrus@tut.by

Кэн Сібата – студэнт. Універсітэт Васэда (169-8050, г. Токія, р-н Сіндзюку, Тацукамаці, 1-104, Японія). E-mail: sibaken@ruri.waseda.jp; sibaken.ikimono@gmail.com

Information about the authors

Trus Mikalai Valyantsinavich – PhD (Philology), Head of the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: miktrus@tut.by

Ken Shibata – student. Waseda University (1-104, Totsukamachi, 169-8050, Shinjuku-ku, Tokyo, Japan). E-mail: sibaken@ruri.waseda.jp; sibaken.ikimono@gmail.com

Пасмыніў 28.03.2016

УДК 882.6-09

І. М. Гоўзіч, М. С. Рак

Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка

ЖАНРОВАЯ СТРАТЭГІЯ ТВОРЧАСЦІ ЛЮДМІЛЫ РУБЛЕЎСКОЙ

Канец XX – пачатак XXI ст. – адзін з пераломных і размаітых у ідэйным, тэматычным, стыльвым і жанравым плане перыядаў у развіцці літаратуры. У гэты час нараджаюцца / рэаніміруюцца / трансфармуюцца такія з’явы і кірункі, як постмадэрнізм, неасентыменталізм, неарамантызм, авангардызм і поставангардызм, сюррэалізм, імпрэсіянізм, метарэалізм, сац-арт, канцэптуалізм і інш. Стракатая і разнастайная ў стыльвых адносінах літаратурная сітуацыя знайшла адлюстраванне ў першую чаргу ў жанравым сінкрэтызме найноўшай літаратуры, у якой, як нам думаецца, адначасова адбываецца сінтэз і раз’яднанне, перакрываўванне, сутыкненне і адштурхоўванне розных жанраў і жанравых форм, узмацненне ўзаемадзеяння паміж наяўнымі элементамі жанравай сістэмы, трансфармацыя жанраў, з’яўленне новых жанраў, міжродавых і міжжанравых утварэнняў, мадэрнізацыя аўтарскіх жанравых форм.

У творчасці Людмілы Рублеўскай спалучаюцца розныя стыльвыя плыні і кірункі (імпрэсіянізм, неарамантызм, натуралізм, рэалізм і інш.). Жанравы сінкрэтызм прозы Л. Рублеўскай, прадаўжальніцы традыцый У. Караткевіча, – сведчанне эвалюцыі спосабаў адлюстравання гістарычнай тэмы ў нацыянальнай літаратуры, арыгінальнасці творчага почырку пісьменніцы. Мастацкія набыткі Л. Рублеўскай прадстаўлены наступнымі жанрамі і міжжанравымі ўтварэннямі: міфічнымі / міфалагічнымі навеламі, «шляхецкімі апавяданнямі», гістарычнымі аповесцямі, пабудаванымі па прынцыпу «двусветавасці», гатычнымі раманам, містычнай аповесцю, раманам-інструкцыяй, раманам-лабірынтам і інш.

Ключавыя словы: жанравы сінкрэтызм, родава-жанравая дыфузія, міфічная / міфалагічная навела, «шляхецкае апавяданне», гістарычная аповесць, гатычны раман, містычная аповесць, раман-інструкцыя, раман-лабірынт.

I. M. Houzich, M. S. Rak

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank

GENRE STRATEGY OF LYUDMILA RUBLEVSKAYA CREATIVE WORK

The end of the twentieth century – the beginning of the twenty-first century is one of the turning points and the variety in the ideological, thematic, stylistic and genre terms periods in the development of literature. At this time there are born / reanimated / transform such phenomena and trends as postmodernism, neo-sentimentalism, neo-romanticism, avant-garde and postmodernism, surrealism, impressionism, metarealism, social art, conceptualism and others. A motley and varied stylistically literary situation is reflected primarily in the genre syncretism of modern literature, in which, as we think, at the same time the synthesis and separation, crossing, merging and repulsion of various genres and genre forms, strengthening the interaction between the existing elements of the genre system, the transformation of genres, the emergence of new genres, intergeneric types, modernization author genre forms are taking part.

In the Ludmila Rublevskaya work combined different stylistic trends and directions (Impressionism, Neo-Romanticism, Naturalism, Realism, etc.). The genre syncretism of L. Rublevskaya prose is the continuation of V. Karatkevich. is the traditions evidence evolution of ways to display the historical theme in the national literature, the originality of the creative handwriting of the writer. The artistic achievements of L. Rublevskaya are presented with the following genres and intergeneric types: the mythic / mythological novels, “the stories of nobility”, the historical novel, built on the principle of “two worlds”, the gothic novels, the mystical stories, the instruction novel, the maze novel and others.

Key words: genre syncretism, a generic genre-diffusion, mythic / mythological story, “the stories of nobility”, historical novel, gothic novel, mystical story, instruction novel, maze novel.

Уводзіны. Сучасная беларуская літаратура вызначаецца разнастайнымі жанрава-стыльвымі пошукамі, у складаным і вялікім «мацерыку» якой перакрываюцца набыткі розных пісьменніцкіх пакаленняў: старэйшага – пакалення шасцідзясятнікаў, сярэдзіннага, што заявіла пра сябе ў 1970–1980-я гг., і маладзейшага, – роз-

ных па манеры, стылістыцы, светапогляду пісьменнікаў: традыцыяналістаў, пострэалістаў, мадэрністаў, постмадэрністаў. Нельга не пагадзіцца з выказваннем І. Шаўляковай-Барзенкі, што «вызначальнай, характаралагічнай рысай беларускай прозы гэтага перыяду паўстае спалучэнне праблемна-тэматычнай, жанравай, стылявой

поліфанічнасці з дамінаваннем цэнтральнай ідэі – ідэі адраджэння (аднаўлення ў новай культурнай – няўстойлівай – сацыякультурнай парадыгме) *нацыянальнай самасці*. У фокусе мастацкай увагі ўсіх удзельнікаў беларускага літаратурнага працэсу (і «традыцыяналістаў», і «авангардыстаў») знаходзяцца анталагічна важныя для нацыянальнай культуратворчасці праблемы гістарычнай памяці, павязі эпох і пакаленняў, асэнсавання стасункаў асобы і грамадства ды інш.» [6, с. 8].

Асноўная частка. У сучаснай літаратуры склалася дастаткова складаная сітуацыя (у параўнанні з папярэднім перыядам развіцця літаратуры) з выпрацоўкай прынцыпаў жанравай класіфікацыі сучаснай літаратуры ў цэлым, бо, па словах В. Я. Халізева, «жанры з цяжкасцю паддаюцца сістэматызацыі і класіфікацыі (у адрозненне ад родаў літаратуры), упарта супраціўляюцца ім» [5, с. 319]. На сучасным этапе развіцця літаратуры, як нам думаецца, адначасова адбываецца сінтэз і раз'яднанне, перакрываўванне, сутыкненне і адштурхоўванне розных жанраў і жанравай формаў, традыцыйнае не толькі ўплывае, але і супернічае з наватарскім, вечнае спрабуе выпяцніць часовае і наадварот, пра што выказваюцца шматлікія тэарэтыкі літаратуры.

Адзінкі плённага пошуку ў рэчышчы жанравай разнастайнасці і жанравага «поліфанізму» выявіліся ў творчасці Людмілы Рублеўскай, дзякуючы якой нацыянальная гістарычная проза апошніх дзесяцігоддзяў стала яскравым прыкладам жанравай дыфузнасці і разамкнёнасці. Варта адзначыць яшчэ і тое, што ў апавяданнях, аповесцях і раманах пісьменніцы, нават сама «гісторыя» і «сучаснасць» знаходзяцца ў надзвычай цікавых стасунках: так, вызначальнай рысай многіх аповесцей, міфаў мастацкай інтэрпрэтацыя гісторыі заўсёды / амаль заўсёды пераплятаецца з сучаснасцю, выкарыстоўвае двусветнасць (а часам і шматсветнасць), як адзін з прынцыпаў арганізацыі тэкставай прасторы.

Яшчэ адным фактарам, што ўплывае на жанравы поліфанізм творчасці, выступае сімвалічная сутнасць канфліктаў у творах пісьменніцы, што знаходзіць заканамернае выяўленне праз мастацкую апазіцыю мінуўшчыны і сучаснасці (вечнага і часовага, гераічнага і меркантильнага).

На жанравую дыфузію прозы пісьменніцы ўплываюць таксама ўзаемаадносіны / узаемастасункі двух светаў – рэальнага і таямнічага, містычнага. У падобным ракурсе «варта гаварыць пра актуалізацыю традыцый рэнесанснай навілістыкі, еўрапейскага і беларускага рамантизму з выразна асветніцкімі мэтамі» [6, с. 31].

Да арыгінальнай спробы трансплантацыі міфалагічных сюжэтаў на нацыянальную глебу належаць навелы, аб'яднаныя часам і прасторай дзеяння з кнігі «Старасвецкія міфы горада Б*».

Знаёмыя антычныя міфалагічныя сітуацыі трансфармуюцца ў паўсядзённым жыцці правінцыйнага гарадка Б*, іх удзельнікамі становяцца не антычныя багі і героі, а звычайныя «*тубыльцы*»: сын уладарніка піваварні і «пакутны» жаніх Стась Гарбузік («Арфей і Эўрыдыка»); цнатлівая і лютуценная незамужняя панна Канстанцыя («Артэміда і Актэон»); шляхетна-местачковы пан Мікалай Шпадаровіч, які марыць пра «*рамантычную славу* <...> *Адама Міцкевіча*» і ненавідзіць «*кляймо свайго правінцыйнага паходжання*», «*свой тутэйшы акцэнт*» [4, с. 155], і закаханая ў яго дачка крамніка Ганулька («Нарцыс і Рэха»); таленавіты музыка-самародак Гірша («Апалон і Марсій») і інш. Звяртае на сябе ўвагу тая акалічнасць, што з героямі навел здараюцца незвычайна-выключныя выпадкі-метрэнгі, што здзіўляюць усіх гараджан і саміх герояў, але гэтая выключнасць хутка асімілюецца будзённасцю, і прывычна-звычайны і нетаропка-паўсядзённы жыццёвы ўклад жыцця горада Б* працягваецца.

У «Старасвецкіх міфах...» пісьменніца выкарыстоўвае элементы постмадэрнісцкай паэтыкі – інтэртэкст і гульню, якая носіць парадыйна-іранічны характар. Так антычная міфалогія становіцца пунктам адліку новай пісьменніцкай стратэгіі: Л. Рублеўская стварае ўласныя сюжэты (якія нясуць у сабе элементы алюзіі), з дапамогай іроніі і гумару паказвае дыялектыку нізкага і высокага, камічнага і трагічнага, агіднага і прыгожага. Так, у навеле «Апалон і Марсій» местачковы скрыпач Гірша, скрыпка якога была «*голасам горада Б*, ягоным духам і ягоным сумленнем*» [4, с. 142], праіграў у спаборніцтве з Мікалаем Паліванавым, музыкам-чужынцам, народжаным у Санкт-Пецярбургу, імя якога ўзгадваецца ў музычнай энцыклапедыі, а кожны з герояў-антаганістаў жыве і дзейнічае ў сваёй прасторы і мае ў ёй «*сваю ўладу над людзьмі*» [4, с. 142] і славу. Пісьменніца мэтанакіравана стварае прымусовае перасячэнне гэтых прастораў (губернатар горада вельмі хацеў пачуць гранне Паліванава і «*княўжо можна дапусціць, што з нейкай нядобрай задумай? – раскасаў заезджаму светачу пра старога габрэя Гірша і пра ягоную скрыпку*» [4, с. 142–143]). Фінал навелы прадказальны – гарадскі віртуоз-музыка паланяе сэрцы слухачоў-местачкоўцаў і перамагае Гірша, ад скрыпкі якога ўсяго толькі «*на сухіх галінках бэзу расцвіталі блакітныя кветкі*» [4, с. 142]. Нягледзячы на падобную канцоўку, выснова твора расчытваецца адназначна: ці варта забывацца на здабыткі свайго адметнага мастацтва дзеля ўслаўлення чужога? Невыпадковай з'яўляецца дэталі ў фінале твора: «*Цяпер горад Б* страціў свой голас...*» [4, с. 144]. Патрэба ў самабытным мясцовым мастаку-музыку абстраецца з ад'ездам чужынца: скрыпача «*шкадавалі, шукалі*», але

сапраўдны талент аднавіць няпроста, прасцей – забыць. Так непаўторны голас горада Б* і блакітныя кветкі «на сухіх галінках бэзу» зніклі назаўсёды.

Л. Рублеўская ў творах звяртаецца не толькі да сусветнай міфалогіі, але і да легендарна-гістарычнага мінулага Альбарутэніі – да часоў пасля паўстання 1863 г., працягваючы тым самым раматныя традыцыі літаратуры XIX ст. у цыкле «Шляхецкія апавяданні», якія атрымалі найменне не толькі па прычыне прыналежнасці герояў да шляхецкага саслоўя, але і таму, што «шляхецкі гонар», годнасць чалавека, здольнасць заставацца самім сабой у крытычных сітуацыях становяцца дамінантнымі праблемна-тэматычнымі лініямі ў цыкле. Паэтыка апавяданняў будзеца на апазіцыях «гонар і здрада», «воля і турма», «самаахвярнасць і страх», «помста і дараванне», «памяць і забыццё» і інш.

Да таго ж некаторыя творы («Хлебазоры», «Дом з драўлянымі львамі», «Экскурсавод», «Гайвароны») закранаюць пытанні павагі да гісторыі, мовы, культуры роднага краю: «Гісторыя ў кожнай нацыі крывава. Веліч і злчынства заўсёды побач... і злчынства заўсёды больш... але трэба ведаць сваю гісторыю, менавіта сваю, і ганарыцца ёю. Пажыццё самаго сябе, сваю культуру, сваю мову» [4, с. 251]. А ў некаторых – маюць месца праявы містычнага, жыццёва-рэальнае суіснуе са звышнатуральным («Лікантроп», «Экскурсавод»). Містыка, як ужо адзначалася, у падобных творах успрымаецца як сродак вобразнасці і працуе на раскрыццё праблем, закладзеных у падтэкставую аснову сюжэта.

Паэтыка твораў «Дзеці гамункулуса» і «Ночы на Плябанскіх Млынах», жанравае вызначэнне якім дае сама пісьменніца (*містычны дэтэктыў і містычная аповесць*), амаль цалкам пабудавана на выкарыстанні містычнага. Таемна-загадкавая, амаль татычна гісторыя пра гамункулуса ў першым творы (гамункулус – істота, створаная алхімікамі, а ў прыватнасці чарнакніжнікам панам Твардоўскім у XVI ст. (аналаг Франкенштэйн Мэры Шэлі XIX ст.)) перарастае ў асэнсаванне філасофскай і маральна-этычнай праблем: як застацца чалавекам, не ператварыцца ў «робата, аўтамат з адзіным інстынктам – самазахавання» [3, с. 43–44].

Сустрэча і гутаркі сяброў у вірлівы рэвалюцыйны час у старасвецкім доме ля Плябанскіх Млыноў, які апынуўся пасярод воднай стыхіі ў выніку паводкі Свіслачы і Нямігі, становіцца своеасаблівай рэканструкцыяй-рэцэпцыяй трох твораў беларускай літаратуры: «Шляхціца Завальні...» Яна Баршчэўскага, «Лабірынтаў» Вацлава Ластоўскага і «Дзікага палявання караля Стаха» У. Караткевіча. Л. Рублеўская выкарыстоўвае элементы постмадэрнісцкай паэтыкі ў мі-

стычнай аповесці – гульні і інтэртэкст: размова сяброў нагадвае начныя гутаркі падарожнікаў у хаце шляхціца Завальні і размовы аматараў беларускай гісторыі з «Лабірынтаў» В. Ластоўскага, а галоўны герой У. Караткевіча, фалькларыст Андрэй Беларэцкі «пераносіцца на старонкі «Ночы на Плябанскіх млынах». Падобнае перапляценне тэкставай прасторы класічных твораў з арыгінальным аўтарскім тэкстам, рэальнага і містычнага, звышнатуральнага дазваляе спадкаемніцы сапраўднага духу Беларушчыны скіраваць чытача-рэцыпіента на разважанні па праблемах нацыянальнай ментальнасці і самаідэнтыфікацыі, здрады і вернасці ідэалам, а гэта значыць, працягнуць адвечнае купалаўскае «Людзьмі звацца...».

У аснове аповесцей «Сэрца мармуровага анёла», «Пярсцёнак апошняга імператара» і раману «Золата забытых магіл», «Скокі смерці» – смелая мадэрнізацыя рэчаіснасці і, па сутнасці, адыход ад уласна гістарычных падзей і фактаў, спалучэнне і перакрываўванне сучаснасці з даўнінай, якая нагадвае пра сябе праз атрыманыя ці выпадкова знойдзеныя рэчы, лісты, артэфакты, пачутыя гісторыі і г. д. Да прыкладу, Магда Дарбут, гераіня аповесці «Пярсцёнак апошняга імператара», аказваецца спадчынніцай аднаго з нашчадкаў візантыйскага імператара з роду Палеалогаў.

Гісторыя, яе суадносіны з сённяшнім днём прыцягваюць увагу Л. Рублеўскай у паралельным рамане «Сутарэнні Ромула» і рамане-інструкцыі «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію», якія ўзнаўляюць трагічныя падзеі часоў сталінскіх рэпрэсій.

Раман Л. Рублеўскай «Сутарэнні Ромула» можна ў пэўнай ступені далучыць да твораў постмадэрнісцкай літаратуры, што знаходзіць пацверджанне ў выказванні І. Шаўляковай-Барзенкі. Гэта «раман-лабірынт, тэкст-сутарэнні, адметнасць жанравай структуры якога не выплываеца праз «калажавае» счупленне разнастайных элементаў. У дадзеным выпадку мы маем справу з міжжанравай раманнай паліформай. У адрозненне ад «паралельных» хранатопаў папярэдніх твораў Л. Рублеўскай, у «Сутарэннях Ромула» розныя часавыя пласты (XV і XVI ст., пачатак XIX, першая палова XX (1919 год, канец 1920-х – 1930-я гады, другая палова 1940-х), пачатак XXI ст.) не чаргуюцца па прынцыпе «чарапіцы», а як бы зрошчваюцца ў нераўнаважнае цэлае, прарастаюць адно ў адным – і «высечваюцца» адно праз аднаго» [6, с. 1080]. Адзначым, што менавіта ключавымі паняццямі і сімваламі постмадэрнізму з’яўляюцца калажавасць, кліпавасць сатварэння неарэчаіснасці; сімвал лабірынту; сумяшчэнне розных часавых «платформ» / светаў; гульня. Асноўным мастацкім прынцыпам архітэктонікі рамана становіцца «шматсвецце» («многамирие»), падобна булгакаўскаму ў «Майстры і Маргарыце»

з адным выключэннем: у класічным рускім творы падаюцца тры часавыя вымярэнні, а ў нашым іх значна болей.

Дзеянне рамана пачынаецца ў турэмнай бальніцы НКУС: яшчэ не стары лекар Вяжэвіч (такое вызначэнне прафесіі героя дае сама аўтарка, падкрэсліваючы сутнасць яго роду заняткаў) узгадвае свайго апошняга пацыента Варановіча, у сям'і якога продкі доктара служылі спакон веку.

Асноўныя ж падзеі адбываюцца на пачатку ХХІ ст. У рамане паўстае цэлая галерэя сучаснікаў, якія адначасна з'яўляюцца захавальнікамі традыцый сваіх слаўных прашчуряў: Ася (Арсенія) Вяжэвіч, стваральнік беларускага фэнтэзі Вячка Скрыніч (Славік Скрынін) і гісторык, графік і нашчадак Даніла Раманавіч Кorb-Варановіч. Сучаснасць у сваю чаргу неаднаразова перарываецца сюжэтнай лініяй, што разгортваецца ў гады сталінскіх рэпрэсій, у якой адлюстроўваецца канфлікт паміж Алесем Вяжэвічам (продкам Арсенія) і Апанасам Кorb-Варановічам (прадзедам Данілы), які ўзнік на нацыянальнай глебе.

Маладая літаратарка Ася Вяжэвіч ужо чатыры гады працуе рэдактарам у выдавецтве «Сокал-прынт», ненавідзіць сваю працу і марыць вызваліцца ад яе. І нарэшце мары гераніі спраўджаюцца, яна нібыта пераносіцца з цяперашняга часу ў пачатак мінулага стагоддзя, трапіўшы на выставу-алаверды, пазнаючы ў шэрагу твораў з калекцыі жывапісу ХІХ ст. сябе (партрэт Марыі Кorb-Варановіч. Невядомы мастак, пач. ХІХ ст.).

Пісьменнік-фантаст Вячка Скрыніч прапапоўвае дзяўчыне, у якую даўно закаханы, стаць гераніяй напісанага ім рамана, каб «пражыць» яго, дакладней, ён ставіць Асю перад фактам, што яна ўжо ўвайшла ў Вялікую гульню, зачытваючы для пацверджання ўрываек з рукапісу, дзе апісваюцца падзеі, якія толькі што перажыла дзяўчына.

Яшчэ адным прыкладам постмадэрнісцкага ў творы становіцца тое, што «шматслойная» рэальнасць, у якой існуюць героі рамана, аказваецца толькі адной з сюжэтных калізій Кнігі, якую піша-пражывае «вядомы аўтар беларускага фэнтэзі» Вячка Скрыніч <...> і дзейнымі асобамі якой становяцца Ася і Даніла» [6, с. 1080–1081]. Па выказванні самога Вячкі, яго раман – слаёны пірог з адлегласцю амаль у стагоддзе паміж слаямі, у поўнай меры словы героя датычацца і жанравага вызначэння рамана Л. Рублеўскай.

У рамане-інструкцыі «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» закранаецца трагічная для нашай гісторыі тэма – тэма сталінскіх рэпрэсій, пісьменніца імкнецца стварыць мастацкую «гісторыю выжывання самой нацыянальнай ідэі і беларушчыны як яе «ўрэчаўлення» падчас рэпрэсій 1920–1930-х гадоў» [6, с. 1079]. З гэтай мэтай Л. Рублеўская ўдала і плённа спалучае

ў межах аднаго твора адзнакі і прыкметы розных жанраў: «гатычнага» рамана, фантастыкі і фэнтэзі, дэтэктыву, меладрамы, квеста, кінарамана, твора пра альтэрнатыўную гісторыю. Пяцёра маладых людзей (Даліла-Дар'я, Генусь, Макс, Едрусь, Руслана) нечакана атрымалі ў спадчыну хату ў Мінску. У гэтым доме быў адзін сакрэт – партал, праз які можна было вандраваць у гады сталінскіх рэпрэсій. Героі-гульцы «фізічна» перамяшчаюцца з Мінска 2000-х у Менск 1933 г. праз гэты своеасаблівы «прагал» у часапрасторы і імкнучца змяніць гісторыю, выратаваць ахвяр сталінскіх рэпрэсій, але не ўсё так проста... Партал забірае жыццё ў гульцоў, якія «апынуўшыся ў эпіцэнтры сталінскага “палявання на беларушчыну”, не маюць шанцаў застацца “назіральнікамі”» [3, с. 1080], ды і не могуць гэтага зрабіць, нягледзячы на тое, што плата за перамяшчэнне ў часапрасторы высокая, як за знаходжанне ў любым чужародным асяроддзі, а хвіліны забіралі гады.

Наватарства пісьменніцы выявілася і ў жанравай адметнасці твора, які з'яўляецца раманам-інструкцыяй ці, па трапным выказванні І. Л. Шаўляковай-Барзенкі, «квестам», што складаецца з «канструктару-набору» нумараваных элементаў: «Уводзіны», «Удзельнік...» (5 гульцоў), «Абсталяванне для гульні», «Гульня» (6 «версій-гісторый»), «Па-за гульнёй» (8 «фрагментаў»), «Фінальная гульня» (2 «версіі-гісторыі»), «Эпілог» (6 «камбінацый»). Калі твор быў размешчаны ў інтэрнэце («Родныя вобразы» [Электронны рэсурс]. URL: <http://rv-blr.com/litaratura/view/2143>), чытач мог, карыстаючыся гіперспасылкамі, сам выбіраць пэўную версію гісторыі і развязкі твора, ствараць сваю альтэрнатыўную гісторыю.

Такім чынам, Л. Рублеўская не толькі плённа працуе ў стварэнні новых жанравых мадыфікацый, але і сама дае ім сутнасць-характарыстычныя найменні: «Старасвецкія міфы горада Б*» – *міфічныя навелы*, «Дзеці гамункулуса» – *містычны дэтэктыў*, «Ноч на Плябанскіх Млынах» – *містычная аповесць*, «Золата забытых магіл» – *паралельны раман*, «Скокі смерці» – *гатычны раман*, «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію» – *раман-інструкцыя*, «Сутарэнні Ромула» – *раман-інструкцыя*. Даследчыкі адзначаюць жанравы сінкрэтызм прозы пісьменніцы, знаходзячы ў ёй прысутнасць розных жанравых канонаў і сістэм: прыгод, дэтэктыва, меладрамы (А. Аўчарэнка), да авантурна-філасофскага гістарычнага рамана («Скокі смерці», В. Барысенка). Д. Бугаёў адзначае, што форма паралельнага рамана ў Л. Рублеўскай атрымалася: «паслядоўнае чаргаванне раздзелаў пра сучаснасць з раздзелаў гістарычнымі і праўда стварае двухпланавую раманную структуру са складаным, драматычна напружаным і займальным

сюжэтам, з мноствам большых і меншых загадак» [1, с. 208]. Як і А. Асіпенка («Святыя грэшнікі»), і Т. Бондар («Спакуса») у канцы 1980-х гг., «Л. Рублеўская ў новым стагоддзі працягнула традыцыю спалучэння ў адным творы розных часавых пластоў, распачатую ў нацыянальнай літаратуры У. Караткевічам («Чорны замак Альшанскі» – 1983)» [2, с. 182].

Заклучэнне. У сваёй прозе пісьменніца працягвае, нават у большай ступені, чым паспяхова, мастацкую рэканструкцыю мінуўшчыны, выкарыстоўваючы для сваіх мэт новыя, не ўласцівыя У. Караткевічу, прыёмы: увядзенне элементаў фантастыкі, містыкі, якія дапамагаюць героям змяніць гісторыю, двусветавасць як дамінантны хранатоп мастацкіх твораў.

Літаратура

1. Бугаёў Д. Беларускі дэтэктыў Людмілы Рублеўскай // *Полымя*. 2006. № 7. С. 207–212.
2. Грамадчанка Т. К. Сучасны беларускі раман: дынаміка жанру: манаграфія. Мінск, БДПУ. 2006. 234 с.
3. Рублеўская Л. Дзеці гамункулуса: аповесць // *Полымя*. 2000. № 7. С. 20–65.
4. Рублеўская Л. Сэрца мармуровага анёла: аповесці, апавяданні. Мінск: Мастацкая літаратура, 2003. 288 с.
5. Халізов В. Е. Теория литературы: учебник. Москва: Высшая школа, 2000. 397 с.
6. Шаўлякова-Барзенка І. Л. Проза // *Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя*. У 4 т. Т. 4, кн. 3. 2-е выданне. Мінск: Беларуская навука, 2015. 1319 с.

References

1. Bugaev D. Lyudmila Rublevskaya's Belarusian detective. *Polymya* [Fire], 2006, no. 7, pp. 207–212 (In Belarusian).
2. Gramadchanka T. K. *Suchasny belaruski raman: dynamika zhanru: managrafiya* [Modern Belarusian novel: genre dynamics: a monograph]. Minsk, BDFU Publ., 2003. 234 p.
3. Rublevskaya L. The children of homunculus: a story. *Polymya* [Fire], 2000, no. 7, pp. 20–65 (In Belarusian).
4. Rublevskaya L. *Sertsya marmurovaga anela: apovesti, apavyadanni* [The heart of the marble angel: novels, short stories]. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 2003. 288 p.
5. Khalizev V. E. *Teoriya literatury: uchebnik* [The theory of literature: a textbook]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2000. 397 p.
6. Shavlyakova-Barzenka I. L. Prose. *Gistoryya belaruskay litaratury XX stagoddzya*. U 4 t. T. 4, kn. 3. 2-e vydanne [History of the Belarusian literature of the 20th century]. In 4 vol. Vol. 4, 3d book, 2d edition. Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2015. 1319 p.

Інфармацыя пра аўтараў

Гоўзіч Ірына Мікалаеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры беларускай літаратуры і культуры. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка (220050, вул. Савецкая, 18, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: belfilolog@gmail.com

Рак Марыя Сяргееўна – студэнтка 3-га курса філалагічнага факультэта. Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка (220050, вул. Савецкая, 18, Мінск, Рэспубліка Беларусь). E-mail: belfilolog@gmail.com

Information about the authors

Houzhich Iryna Mikalaieuna – PhD (Philology), Assistant Professor, Head of the Department of Belarusian Literature and Culture. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18, Sovetskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: belfilolog@gmail.com

Rak Maryya Syargeeuna – the student of the third course. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (18, Sovetskaya str., 220050, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: belfilolog@gmail.com

Паступіў 16.03.2016

УДК 81'373.21(476.7)

В. М. Босак¹, А. А. Босак²¹Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт²Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт**НАЗВЫ АДЗЕННЯ Ў ГАВОРКАХ ВЕРХНЯГА НАД'ЯСЕЛЬДЗЯ**

На тэрыторыі Верхняга Над'ясельдзя выдзелены наступныя групы гаворак: гродзенска-баранавіцкія – на поўначы, паўночнабрэсцкія акаючыя – на захадзе, паўночнабрэсцкія акаючыя – у цэнтры, верхнясельдскія – у цэнтры, на ўсходзе і паўднёвым усходзе, малецкія – на паўднёвым усходзе, паўночназагародскія – на паўднёвым захадзе, сярэднезагародскія – на поўдні даследуемага рэгіёна.

Лінгвагеаграфічнае даследаванне назваў адзення гаворак Верхняга Над'ясельдзя паказала, што тут вылучаюцца найменні, розныя па характару лакалізацыі і пашырэння: агульнапашыраныя назвы; найменні, якія пашыраны на большай частцы ці ў асобных частках рэгіёна; назвы адзінкавай фіксацыі. Даследуемыя лексемы прадстаўлены нарматыўнымі ў літаратурнай мове і дыялектнымі формамі; у складзе намінацый адзначаны фанетычная, марфалагічная і словаўтваральная варыянтнасці.

Ключавыя словы: гаворка; назвы адзення; фанетычная, марфалагічная і словаўтваральная варыянтнасці.

V. M. Bosak¹, A. A. Bosak²¹Belarusian State Technological University²Belarusian State Economic University**CLOTHING LEXICON IN SUBDIALECTS OF VERKHNYAYE NADYASELDZE**

As a result to the conducted research in Verkhnyae Nadyaseldze district the following basic types of dialects are revealed: grodzenska-baranavitskaya – on the north, pauchnabrestskaya akayuchaya – on the west, pauchnabrestskaya okayuchaya – in the centre, verkhnyayaseldskaya – in the centre, on the east and southeast, maletskaaya – on the southeast, pauchnazagorodskaya – on the southwest, syarednezagorodskaya – on the south of the region researched.

The results of lingvogeographic analysis proved that generally spreaded names have been determined in the clothing lexicon of Verkhnyaye Nadyaseldze: lexical units spreaded on the main part of the investigated territory; names spreaded in the definite part of the region; names which find from time to time; names of single fixation. Lexical units have been presented as normative (in literary language) and dialectal forms in the investigated sub dialects. Phonetic, morphological and word-building variations have been presented in the structure of nominations.

Key words: subdialect; clothing lexicon; phonetic, morphological and word-building variations.

Уводзіны. Гаворкі Верхняга Над'ясельдзя (Пружанскі раён Брэсцкай вобласці і яго сумежжа) характарызуюцца значнай дыялектнай стратэгіяй. Усяго на тэрыторыі рэгіёна выдзелена сем груп гаворак: гродзенскабаранавіцкія, паўночнабрэсцкія акаючыя, паўночнабрэсцкія акаючыя, верхнясельдскія, малецкія, паўночназагародскія і сярэднезагародскія [1–3].

Даследаванне па вызначэнні лексічных асаблівасцей гаворак Верхняга Над'ясельдзя праводзілася ў форме апытвання па спецыяльна распрацаванай праграме, якая ўключала 102 пытанняў па лексіцы, у тым ліку па тэматычнай групе «адзенне» [1].

Асноўная частка. Пры вывучэнні лексічных асаблівасцей гаворак Верхняга Над'ясельдзя назвам адзення, яго часткам і рабоце з ім прысвечана дзесяць тэматычных груп: 'пінжак', 'асення паліто', 'штаны', 'манжэты', 'падол',

'скураны пасак', 'пасак з тканіны', 'рамантаваць адзенне', 'рамантаваць шкарпэткі', 'мыць бялізну'.

Для абазначэння 'пінжака' ўжываюцца лексічныя і фанетычныя варыянты: *каптан*, *пінжак* /*пінжак*/. На даследуемай тэрыторыі найбольш пашырана назва *каптан*. Яна характэрна для гаворак амаль усёй тэрыторыі рэгіёна. Слова *пінжак* утварае невялікі арэал на поўначы Верхняга Над'ясельдзя. Яго фанетычныя варыянт *пінжак* адзначаны ў маўленні жыхароў в. Боркі Кобрынскага раёна. Лексема *курцік* зафіксавана ў гаворцы г. п. Шарашова Пружанскага раёна.

Для абазначэння 'штаноў' у гаворках Пружанскага раёна і яго сумежжа існуюць фанетычныя варыянты: *нагавіцы* /*нагавіці*/, *нагавіцы*, *нагавіці* /*ганавіцы* /*ганавіці*/, *ганавіці* /*ганавіці*/. Найбольш пашыраным і агульна вядомым з'яўляецца слова *нагавіцы* /*нагавіці*/,

нагавы́цы, нагавы́ці/. Яно бытуе амаль ва ўсіх гаворках даследуемага рэгіёна. Фанетычны варыянт *ганавы́цы* /ганавы́ці, ганавы́ці^{pl}, ганавы́ці^{pl}/ сустракаецца ў гаворках на захадзе, поўначы, паўднёвым усходзе і на паўднёвым захадзе Верхняга Над'ясельдзя.

Для назвы 'манжэт' ужываюцца лексічныя, словаўтваральныя і фанетычныя варыянты: *апусцэ* /опусцэ, запусцэ/, *абшэўкі* /абшыўкі, ашэўкі, абшэўкі^{pl}/, *комні^{pl}рцы* /кумні^{pl}рцы, пудкумні^{pl}рцы/, *абшлэгі*, *манкэты* /манжэты/, *чохлы*, *рубі^{pl}жы*. Найбольш пашыраным сярод іх выступае найменне *апусцэ* /опусцэ/. Яно ахоплівае гаворкі цэнтральнай, заходняй, паўднёва-ўсходняй частак даследуемага рэгіёна. Словаўтваральны варыянт *запусцэ* зафіксаваны ў маўленні жыхароў г. п. Шарашова Пружанскага раёна. Назва *абшэўкі* /абшыўкі, ашэўкі, абшэўкі^{pl}/ утварае арэал на паўночным захадзе і мікраарэал на паўночным усходзе рэгіёна. Намінацыя *комні^{pl}рцы* /кумні^{pl}рцы, пудкумні^{pl}рцы/ характэрна для гаворак паўднёвага захаду Верхняга Над'ясельдзя. Слова *абшлэгі* ўжываецца ў гаворках паўночна-ўсходняй часткі рэгіёна. Найменне *манкэты* /манжэты/ сустракаецца спарадычна ў гаворках на поўначы даследуемай тэрыторыі. Лексемы *чохлы* і *рубі^{pl}жы* зафіксаваны як назвы адзінкавай фіксацыі.

Для назвы 'падолу' ужываюцца фанетычныя, марфалагічныя, лексічныя і словаўтваральныя варыянты: *пэлена* /пэлена, пьлена, палена, пэляна, пэлян, пэлен/, *падблэк* /подблэк, подбл/, *запул* /запіл/, *прыпёл*. Найбольш пашыраным з'яўляецца слова *пэлена* /пэлена, пьлена, палена, пэляна, пэлян, пэлен/. Яно ахоплівае гаворкі цэнтральнай, заходняй, паўночнай частак Верхняга Над'ясельдзя. Назва *падблэк* /подблэк, подбл/ утварае арэалы на поўначы (заходня частка) і на паўднёвым усходзе адзначанага рэгіёна, а таксама спарадычна сустракаецца ў гаворках усходняй часткі поўначы і ўжываецца паралельна з лексмай *палена* ў гаворках асобных населеных пунктаў захаду Верхняга Над'ясельдзя. Найменне *запул* /запіл/ бытуе ў гаворках паўднёва-заходняй часткі даследуемага рэгіёна; слова *прыпёл* занатавана ў гаворцы в. Гута Пружанскага раёна.

Для абзначэння 'скуранага паска' існуюць некаторыя фанетычныя, словаўтваральныя і лексічныя варыянты: *шыць* /шыцік, шытык/, *напруга* /попруга, напружка/, *пасок*. Найбольш пашыраным сярод іх выступае слова *шыць* /шыцік, шытык/. Яно ахоплівае гаворкі заходняй, цэнтральнай і паўднёва-заходняй частак рэгіёна. Назвы *напруга* і *напружка* бытуюць у гаворках паўночнай часткі Верхняга Над'ясельдзя; фанетычны варыянт *попруга* ўтварае мікраарэал у цэнтральнай частцы рэгіёна. Намінацыя

пасок характэрна для гаворак паўднёвага ўсходу рэгіёна.

Для назвы 'паска з тканіны' ужываюцца лексічныя, словаўтваральныя і фанетычныя варыянты: *побразок* /пуразок, порозок, поўразок, поўрозок, паўразак, побразоўка/, *праўзук* /проўзук, праўзак, провзук, прузук, прузак/, *матуз* /матузак/, *завязка* /зав'язка/, *паясок* /пояс/, *кічка*. Назвы *побразок* /пуразок, порозок, поўразок, поўрозок, паўразак, побразоўка/ пашыраны ў гаворках у цэнтры і на паўднёвым усходзе Верхняга Над'ясельдзя; гаворкам заходняй часткі рэгіёна характэрна лексема *праўзук* /проўзук, праўзак, провзук, прузук, прузак/. Лексема *зав'язка* ўжываецца ў гаворках на паўднёвым захадзе даследуемага рэгіёна; фанетычны варыянт *завязка* зафіксаваны ў гаворцы в. Верашкі Івацэвіцкага раёна. Найменне *матуз* /матузак/ пераважае ў гаворках на поўначы рэгіёна. Слова *паясок* утварае мікраарэал у паўночна-заходняй частцы Верхняга Над'ясельдзя; намінацыя *пояс* зафіксавана ў даследуемай гаворцы в. Боркі Кобрынскага раёна. Лексема *кічка* адзначана ў маўленні жыхароў в. Казлы Пружанскага раёна.

Словазлучэнне 'рамантаваць адзенне' перадаецца наступнымі варыянтамі: *лэпіць* /лэпіці, лэпіты/, *латэць* /латэці, латэты/, *стрэіць*, *правіць*. Самыя распаўсюджаныя словы *лэпіць* /лэпіці, лэпіты/. Яны ўжываюцца ва ўсіх гаворках даследуемай тэрыторыі, акрамя гаворак паўднёва-заходняй часткі рэгіёна. Лексема *латэты* ўласціва гаворкам паўднёва-заходняй часткі Верхняга Над'ясельдзя і гаворцы в. Боркі Кобрынскага раёна; лексема *латэць* спарадычна сустракаецца ў гаворках на поўначы даследуемага рэгіёна, *латэці* – на захадзе абследаванай тэрыторыі. Найменні *стрэіць* і *правіць* адзначаны спарадычна ў паўночнай частцы рэгіёна.

Словазлучэнне 'рамантаваць шкарпэткі' перадаецца шэрагам фанетычных варыянтаў, а таксама лексічнымі варыянтамі: *цыравіць* /цыравіці, цыравіты, цуравіці, цуравіты, цыраваты, цураваты/, *зарабляці*, *штэпаты*, *зашываты*. Слова *цыравіць* /цыравіці, цыравіты, цуравіці, цуравіты, цыраваты, цураваты/ выкарыстоўваецца ва ўсіх гаворках Верхняга Над'ясельдзя. Дзеяслоў *зарабляці* сустракаецца ў некаторых гаворках заходняй часткі даследуемага рэгіёна (вёскі Ліхасэлыцы, Котра, Клепачы Пружанскага раёна). Лексема *штэпаты* зафіксавана ў гаворках трох населеных пунктаў: вёскі Шчэрбы і Казакі Пружанскага раёна, в. Дымнікі Камянецкага раёна. Слова *зашываты* адзначана ў маўленні жыхароў в. Вітараж Пружанскага раёна.

Словазлучэнне 'мыць бялізну' перадаецца наступнымі фанетычнымі і лексічнымі варыянтамі: *мыць* /мыці, мыты/, *аджымэць*, *кутаці*, *беліці*

/бэліці, бэліты, бэлітыс, бэлітысь, бэлітыся/. Слова *мыць* /мыці, мыты/ характэрна для гаворак паўночна-заходняй і паўднёва-ўсходняй частак даследуемага рэгіёна, сустракаецца спарадычна на захадзе і ў цэнтры Верхняга Над'ясельдзя. Лексема *беліці* /бэліці, бэліты, бэлітыс, бэлітысь, бэлітыся/ пашырана ў гаворках на захадзе і на паўднёвым захадзе даследуемага рэгіёна. Слова *кутаці* ўтварае арэал у цэнтральнай частцы рэгіёна па р. Ясельдзе. Слова *аджыміць* характэрна для гаворак паўночна-ўсходняй часткі Верхняга Над'ясельдзя.

Для абазначэння 'асенняга паліто' ва ўсіх абследаваных пунктах зафіксавана лексема *ясён-*

ка з фанетычнымі варыянтамі *ісёнка* на паўднёвым захадзе рэгіёна і *осынка* ў гаворцы в. Боркі Кобрынскага раёна.

Заклучэнне. У складзе назваў адзення гаворак Верхняга Над'ясельдзя вылучаюцца найменні, розныя па характару лакалізацыі і пашырэння: агульнапашыраныя назвы; найменні, якія пашыраны на большай частцы ці асобных частках рэгіёна; назвы адзінкавай фіксацыі. Даследуемыя лексемны прадстаўлены нарматыўнымі ў літаратурнай мове і дыялектнымі формамі; у складзе намінацый адзначаны фанетычная, марфалагічная і словаўтваральная варыянтнасці.

Літаратура

1. Босак А. А., Босак В. М. Атлас гаворак Пружанскага раёна Брэсцкай вобласці і сумежжа (Верхняга Над'ясельдзя): лексіка. Мінск, 2006. 124 с.
2. Босак А. А., Босак В. М. Дыферэнцыяцыя гаворак Верхняга Над'ясельдзя. Мінск: БДТУ, 2010. 160 с.
3. Клімчук Ф. Д. Гаворкі Заходняга Палесся. Фанетычны нарыс. Мінск: Навука і тэхніка, 1983. 127 с.

References

1. Bosak A. A., Bosak V. M. *Atlas gavorak Pruzhanskaga rayona Brestskay voblastsi i sumezhza (Verkhnyaga Nad'yasel'dzya): lexica* [Atlas of subdialects of Pruzhany district of Brest region and boundary territory (Verkhnyaye Nadyaseldze): Lexicon]. Minsk, 2006. 124 p.
2. Bosak A. A., Bosak V. M. *Dyferentsyyatsyya gavorak Verkhnyaga Nad'yasel'dzya* [Differentiation of subdialects of Verkhnyaye Nadyaseldze]. Minsk, BGTU Publ., 2010. 160 p.
3. Klimchuk F. D. *Gavorki Zakhodnyaga Palelessya* [Subdialects of West Palesse]. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1983. 127 p.

Інфармацыя пра аўтараў

Босак Віктар Мікалаевіч – доктар сельскагаспадарчых навук, прафесар, загадчык кафедры бяспекі жыццядзейнасці. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: bosak1@tut.by

Босак Алёна Анатолеўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры нямецкай мовы. Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт (220070, г. Мінск, пр. Партызанскі, 26, Рэспубліка Беларусь). E-mail: bosaka@tut.by

Information about the authors

Bosak Viktor Mikalaevich – DSc (Agriculture), Professor, Head of the Department of Occupational Safety. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bosak1@tut.by

Bosak Alena Anatol'yeuna – PhD (Philology), Assistant Professor, Assistant Professor, the Department of the German Language. Belarusian State Economic University (26, Partyzanski Ave., 220070, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: bosaka@tut.by

Паступіў 20.01.2016

УДК 82(042.5)

В. У. Русак

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

**ФИГУРЫ РАЗМЯШЧЭННЯ І ПЕРАСТАНОЎКІ
ЯК СРОДКІ РЕАЛІЗАЦЫІ ЭМАТЫЎНАСЦІ МАСТАЦКАГА МАЎЛЕННЯ**

У артыкуле аналізуюцца сінтаксічныя сродкі рэалізацыі эматыўнасці мастацкага маўлення. У якасці аб'екта даследавання былі абраныя пражэічныя творы сучаснага беларускага пісьменніка Янкі Сіпакова – аўтара, характэрнай рысай ідыястылю якога з'яўляецца эмацыянальнасць, суб'ектывізацыя апавядання, імкненне да сумяшчэння ў межах выказвання эпічна-аб'ектыўнага з лірычна-суб'ектыўным.

Прадметам аналізу сталі сінтаксічныя прыёмы, якія ў навуковай літаратуры называюцца фігурамі размяшчэння і перастаноўкі, а іменна парцэляцыя, сегментацыя, парантэза. Раскрываецца сутнасць пералічаных прыёмаў, на шматлікіх прыкладах праілюстравана іх здольнасць выконваць у мастацкім кантэксце эмацыянальна-выдзяляльную функцыю, г. зн. служыць сродкам эмацыянальнай разрадкі аўтара.

Звяртаецца ўвага на тое, што парцэляцыя, сегментацыя, парантэза генетычна звязаныя са з'явамі гутарковага сінтаксісу. Іх выкарыстанне ў гутарковым маўленні, як правіла, з'яўляецца паказчыкам спантаннасці, непадрыхтаванасці выказвання. У мастацкім жа тэксце стылістычны профіль дадзеных канструкцый іншы. Дыяпазон эфектаў ад іх выкарыстання дастаткова шырокі. У прыватнасці, у маналогіх аўтара-апавядальніка яны ствараюць ілюзію ўсхваляванага маўлення, насычанага суб'ектыўна-мадальнай танальнасцю, выступаюць сродкам выражэння адкрытага асобнага пачатку, перадаюць настрой пісьменніка, з'яўляюцца спосабам яго псіхалагічнага самараскрыцця.

Ключавыя словы: эматыўнасць, фігуры размяшчэння і перастаноўкі, парцэляцыя, сегментацыя, парантэза, экспрэсіўны сінтаксіс, эмацыянальна-выдзяляльная функцыя адзінак мовы і маўлення.

V. U. Rusak

Belarusian State Technological University

**FIGURES OF PLACEMENT AND TRANSPOSITION
AS A MEANS OF REALIZATION OF EMOTIVE ARTISTIC SPEECH**

The article analyzes the syntactic means of realization of emotive artistic speech. As object of research were selected prose works of modern Belarusian writer Yanka Sipakou. The characteristic feature of his style is emotional, subjectivization of the narrative, the desire to combine in the borders sayings epic-lyrically with objective-subjective.

The subject of the analysis is syntactic techniques in the scientific literature called figures of placement and permutations, namely, parcelation, segmentation, paranteza. The article reveals the essence of the above techniques, in numerous examples to illustrate their ability to perform in an artistic context, emotional excretory function, serve as a means of emotional release author.

Draws attention to the fact that parcelation, segmentation, paranteza genetically associated with the phenomena of spoken syntax. Using of this figures in spoken language is usually an indicator of spontaneity, unpreparedness statements. In artistic text the stylistic profile of the structures is different. The range of effects is quite wide. In particular, when used in the monologues of the author-narrator they create the illusion of a wavy speech, contribute to the emergence of a direct effect orally-speaking, rich subjective modal tonality, are means of expression open personality, convey the mood of the writer, are a kind way of psychological self-revelation.

Key words: emotive component, figures of placement and transposition, parcelation, segmentation, paranteza, expressive syntax, emotionally-excretory function of units of language and speech.

Уводзіны. Адным з актуальных напрамкаў сучаснай лінгвістычнай навуцы з'яўляецца даследаванне моўных і маўленчых механізмаў выражэння эмацыянальных фактаў псіхікі, бо, як вядома, рацыянальнаму ў маўленні спадарожнічае эмацыянальнае як неад'емны кампанент чалавечага інтэлекту. Эмоцыі і пачуцці з'яўля-

юцца аб'ектам даследавання, перш за ўсё, псіхалогіі і фізіялогіі. Значнасць для моваведа, як слухна заўважыў Ж. Вандрыес, «яны набываюць толькі тады, калі выражаны лінгвістычнымі сродкамі» [1, с. 136]. На ўзроўні мовы псіхалагічная катэгорыя эмацыянальнасці презентуецца лінгвістычнай катэгорыяй эматыўнасці.

Эматыўнасць, як адзначаецца ў лінгвістычнай літаратуры, «забяспечвае моўцу эмацыянальную разрадку праз моўна-маўленчыя сродкі» [2, с. 103].

Найбольш багаты і змястоўны матэрыял для аналізу эматыўнасці даследчыкі знаходзяць у творах прыгожага пісьменства, бо, як вядома, у камунікатыўнай пазіцыі мастака слова сумяшчаецца некалькі пачаткаў: імкненне паведаміць пра пэўныя падзеі і з’явы і жаданне рэалізаваць свае эмоцыі, перажыванні і ўздзейнічаць на адрасата. Увагу вучоных найперш прыцягвае эматыўнасць лексікі і фразеалогіі. Наша ж даследаванне скіравана на аналіз эматыўнага патэнцыялу сінтаксісу.

Для навуковага аналізу былі абраны прازیчныя творы Янкі Сіпакова. Многія апавяданні, аповесці і асабліва нарысы, эсэ, мініяцюры гэтага аўтара насычаны ўспамінамі і перажываннямі, а таму прасякнуты імпрэсіяй, эмацыянальным выкладам. Літаратуразнаўцамі заўважана, што Янка Сіпакоў «на ўсё глядзіць з уласнага пункту гледжання, з суб’ектыўных пазіцый, вядзе к таму, што лічыць неабходным сказаць <...> Яго проза настраёвая, глыбока эмацыянальная, пластычная ў нюансах і адценнях перадачы зрухаў душы і характару паводзін персанажаў» [3, с. 44]. Імкнучыся перадаць свае ўражанні і пачуцці, вобразна расказаць пра тое, што радуе і баліць, яскрава перадаць падзеі і свае адносіны да іх, Янка Сіпакоў абірае тую форму, у тым ліку і сінтаксічную, якая дазваляе яму максімальна раскрыцца і самавыявіцца.

Асноўная частка. Да найбольш тыповых сінтаксічных сродкаў, здольных падкрэсліваць эмацыянальны характар маўлення, у творах Сіпакова адносяцца **стылістычныя фігуры размяшчэння і перастаноўкі** – канструкцыі, заснаваныя на незвычайнай расстаноўцы слоў і словазлучэнняў, а таксама на парушэнні граматычнага парадку і сінтаксічнай цэласнасці выказвання. Гэтыя мастацкія сродкі надаюць фразе своеасаблівую інтанацыю дзякуючы пазіцыйнаму акцэнтаванню найбольш важных элементаў. Як адзначаў даследчык В. І. Каралькоў, «разрознення часткі фразы набываюць павышаную значнасць, увага чытача ў такім выпадку арыентуецца не столькі на тое, як звязаны састаўныя элементы выказвання, колькі на тое, што яны ўяўляюць» [4, с. 950].

Фігуры размяшчэння і перастаноўкі генетычна звязаны з сінтаксічнымі сродкамі гутарковага маўлення. У гутарковым стылі так званыя «няглядкія» фразы – паказчык спантаннасці, непадрахтаннасці маўлення. Аднак ужытыя ў пісьмовым мастацкім аўтарскім маналогі, фігуры размяшчэння і перастаноўкі набываюць прынцыпова іншае стылістычнае гучанне. У прыватнасці, яны здольны выяўляць эмацыянальна-эстэтычныя інтэнцыі пісьменніка.

Дзейным сродкам выражэння адкрытага аўтарскага «я» ў творах Янкі Сіпакова выступае **парцэляцыя** – раздзяленне сказа на інтанацыйна адасобленыя адрэзкі, адзеленыя адзін ад аднаго кропкай. Такая «разарванасць» выказвання дазваляе пісьменніку:

– **падкрэсліваць «узбуджанасць» паведамлення:** *Вось яна [яблыня – В. Р.], кісла-салодкая. Ёй падавай усё! І адразу! І цалкам! Не задумваючыся. І саладка, і кісла, і сакавіта! Усё напакат – да астатку! («Сады»); І ўсё ж падай, сям’я, на маю зняможаную зямлю! І прарастай! І спялі такую патрэбную нам зараз надзею («Одзіум»);*

– **ствараць лірычную танальнасць:** *А над сцішанымі зубрэвічамі будзе трымцець цішыня цёплай вясновай ночы – з поўняю, з пахамі маладой травы і лісця. З пахам нядаўняга снегу, які яшчэ не паспеў выветрыцца. З новымі пахамі, якія здалёку напамінаюць нам пра лета («Акно, расчыненае ў зіму»);*

– **перадаваць іронію:** *І ўхажор, каб здзівіць яе, насыпаў усю дарогу соллю і сустракаў Кацярыну на снях. Летам і на снях! І ў шыкоўным сабаліным футры! («Дажджом»); Нашы суседзі: на ўсходзе – Расія, на поўдні – Украіна, на поўначы – Літва і Латвія, на захадзе – Польшча. А там і Францыя непадалёку – ад Мінска да Парыжа ўсяго нейкія два сантыметры. На карце свету. З маштабам 1:130 000 000 («Дзе мы знаходзімся ў свеце»).*

Фрагментарнасць, рэалізаваная праз выкарыстанне парцэляцыі, стварае ілюзію ўсхваляванага, узрушанага маўлення. Гэта асабліва выразна праяўляецца, калі ў межах невялікага выказвання ўжываецца некалькі парцэляваных канструкцый: *Важна тое, што Марыля Верашчака <...> нарадзілася таксама на Наваградчыне, на зямлі, якая ўспала сакамі паэзію Міцкевіча. І яго каханне таксама. Каханне ўспыхнула адразу. Першае і апошняе каханне паэта. Шчаслівыя хвіліны і гады пакут. Каханне, якое прынесла за сабой смутак і журбу. І адзіноту на ўсё жыццё. Хоць у яго былі жанчыны і была свая сям’я. Потым («Адам і Марыля»).* Парцэляты ў прыведзеным прыкладзе вызначаюцца выразнай эмацыянальна-вылучальнай функцыяй, якая дапамагае актуалізаваць настрой аўтара. Ствараецца ўражанне, што ўвага пісьменніка накіравана непасрэдна на рэцыпіента-ўспрымальніка і аўтару хочацца, каб яго перажыванні і адчування перадаліся чытачу.

Эмацыянальна-суб’ектыўныя пачуцці і настрой пісьменніка, апавядальніка нярэдка перадаюцца ўжываннем так званай «ступеньчатай» парцэляцыі, калі да базавай канструкцыі далучаецца некалькі парцэлятаў: *Цяпер калі і пяюць песні, то толькі ў клубах. Але гэта ўжо называецца –*

самадзейнасць. **Выступленне. Работа. Песня напаказ, дзеля другіх** («Па зялёную маланку»); **Праз нейкага паўметра, за сцяною – ужо людзі, людзі, людзі. Усюды – і справа, і злева, і зверху, і знізу. І заўсёды – штодзень, кожную хвіліну. З усім набыткам цывілізацыі: радыёпрыёмнікамі, тэлевізарамі, пыласосамі, пральнымі машынамі, магнітафонамі** («Жыві як хочацца»). У першым прыкладзе актуалізуецца горыч аўтара ад таго, што паступова імклівы рытм сучаснасці выцесніў з жыцця песню, якая раней была натуральнай праявай працы і адпачынку, гора і радасці. У другім урыўку парцэляцыя падкрэслівае знерваванасць апавядальніка ад неспакойнага і паспешлівага гарадскога жыцця.

Экспрэсіўную выразнасць «ступеньчатай» парцэляцыі ўзмацняе паралелізм сінтаксічнай структуры парцэлятаў, які да таго ж садзейнічае фарміраванню рытму мастацкага радка: **Хто ж па-сапраўднаму адказаў за Чарнобыль? За раскулачванне? За салавецкія ці калымскія лагеры? За непerspектыўныя вёскі? За перакідку рэк? За Салігорск, Наваполацк, Магілёў?** («Узятак з маўчання»); **Спачатку яшчэ спрабуеш расчляніць яе [чужую мову – В. Р.] на словы, але неўзабаве ўжо забываешся на гэты і слухаеш, як музыку. Як шум ветру ў галлі саксаула. Як шорах пяску пад нагамі вярблюда. Як шоргат сонечных промняў па грэбні бархана** («Аазісы»). Пры такой ампліфікацыі парцэлятаў павялічваецца іх камунікатывы і эмацыянальна-выяўленчая значнасць. Імппульсіўнасць выкладу акцэнтуюе нюансны нязмушанага, «жывога» маўлення і падкрэслівае індывідуальнасць стылю пісьменніка.

Знешняе падабенства з парцэляцыяй маюць **сегментаваныя канструкцыі**, прадстаўленыя ў творах Янкі Сіпакова так званым назоўным тэмы. Гэтыя канструкцыі будуюцца з дзвюх частак: першая частка – гэта сегмент, адарваны ад асноўнага выказвання, у ім паведамляецца тэма сказа, другая частка – асноўная, у ёй абавязкова ёсць займеннікавы карэлят тэмы: **Свая, родная мова. Гэта мова маіх маці і бацькі, якую я разумею ад першага пачутага мною слова, гэта мова маіх бабулі і дзядулі, якіх я ведаю, гэта мова маіх прадзедаў і прапрадзедаў, якіх я не ведаю, але заўсёды адчуваю за сабою** («Наталенне смагі»); **Музыка крокаў. З ёю я клаўся спаць і ўставаў. Пад яе чытаў і пісаў замалёўкі ў газеты** («Ціхая Акіянія»).

У гутарковым маўленні канструкцыі з назоўным тэмы фарміруюцца дзякуючы таму, што пры лінейнай арганізацыі выказвання найбольш важная, інфармацыйна значная частка звычайна выносіцца ў пачатак фразы. У кніжным маўленні сегментаваныя канструкцыі часцей за ўсё выкарыстоўваюцца для сэнсавага і лагічнага выдзялення.

Дзякуючы так званаму двайному абзначэнню тэмы, сегментацыя дазваляе засяроджваць увагу рэцыпіента на тэме паведамлення, бо, як слушна заўважаў А. М. Пяшкоўскі, у такіх выказваннях думка падаецца па частках: «напачатку выстаўляецца напаказ ізаляваны прадмет, і слухачам вядома толькі тое, што пра гэты прадмет зараз будзе нешта сказана і што пакуль за гэтым прадметам трэба назіраць; у наступны момант выказваецца сама думка» [5, с. 405].

Звернемся да некаторых прыкладаў: **Агрэсіўнасць. Выходзіць, яна можа існаваць не толькі сама па сабе, а яшчэ як адна з магчымасцей атрымаць радасць, мець насалоду, быць ішчаслівым, як адна з праяў геданізму** («Узятак з маўчання»); **Аазіс. Якім толькі маё развяджанае ўяўленне не малявала яго – казачным, нечаканым, міражным, але ніколі, ніводнага разу вось такім – будзённым і звычайным** («Аазісы»). У прыведзеных прыкладах выдзеленыя пры дапамозе сегментацыі адрэзкі маўлення інтанацыйна адасобленыя ад наступных частак. Яны набываюць пэўную структурную самастойнасць і разам з гэтым вылучаюць тыя аб'екты паведамлення, якія ўяўляюцца пісьменніку найбольш значымі. Праз сегментацыю аўтар актывізуе асацыяцыйны чытача, яго алюзіі ці ўспаміны, апелюе да наглядна-вобразнага ўспрыняцця. Пры трансфармацыі прыведзеных выказванняў у стылістычна нейтральныя, цэласныя канструкцыі іх аб'ектыўнае значэнне застаецца нязменным, аднак экспрэсіўнасць, якую надаюць канструкцыям сегменты, губляецца. Параўн.: **Выходзіць, агрэсіўнасць можа існаваць не толькі сама па сабе...; Якім толькі маё развяджанае ўяўленне не малявала аазіс...**

Дзякуючы своеасаблівай структуры, сегментаваныя канструкцыі даюць пісьменніку магчымасць у лаканічнай форме адначасова паведаміць нешта пра пэўны прадмет, з'яву і выявіць уласную пазіцыю ў адносінах да яго, бо, як вядома, выдзяленне ўжо само па сабе ёсць ацэнка: **Сляды на пяску. Якія гэта дзівосныя ўзоры! І як прыемна іх разглядаць, чытаць!** («У сабакі на хвасце»); **Балбатуны. Як красуюцца яны ўсюды: і за трыбунамі, і ў застоллях, і проста там, дзе сабралася больш двух чалавек** («Наталенне смагі»). Шляхам вынясення ў прэпазіцыю словазлучэння **сляды на пяску** і назоўніка **балбатуны** Янка Сіпакоў не толькі вылучае тэму выказванняў, але і падкрэслівае ўласную ацэнку: захапленне ў першым прыкладзе, абурэнне – у другім.

Узрушанасць, неабыхавыя адносіны аўтара да сказанага больш яскрава праяўляюцца ў тым выпадку, калі сегментаваная канструкцыя аддзяляецца ад асноўнага выказвання клічнікам. У такім выпадку пісьменнік падкрэслівае эмацыянальны характар паведамлення, дае аўтарскую ацэнку інфармацыі, а сінтаксічны сродак

(сегментована канструкцыя) становіцца спосабам псіхалагічнага самараскрыцця апавядальніка: **О гэтыя злавесныя словы!** Яны, здаецца, гналіся за ім з нараджэння да смерці і нахабна паўставалі перад кожнай ягою мараю («Хата»); **Чарвяк!** Дык вось хто кіруе ўсімі войнамі ў сузор'ях! («Вялікі і мудры»).

Значным патэнцыялам у выражэнні эмацыянальнага стану асобы ў мове твораў Сіпакова валодае **парантэза** – «увядзенне ў структуру сказа пэўнай устаўкі, якая граматычна не звязана з яго членамі, але, выконваючы сэнсавую, экспрэсіўную функцыю, уносіць у асноўны сказ дадатковыя паведамленні, удакладненні, тлумачэнні» [6, с. 48]. У аснове парантэзы ляжаць уласцівыя гутарковай мове пераходы ад аднаго паведамлення да іншага, прыпамінанні, заўвагі, што ўзнікаюць па асацыяцыі.

Парантэтычныя устаўкі сінтаксічна адпавядаюць устаўным канструкцыям рознай структуры:

– **устаўным словам:** *Што такое Каракумы, разумееш вось тут, у аазісе, успомніўшы раптам, што такія аазісы займаюць у Туркменіі ўсяго толькі адзін – адзін!* – працэнт плошчы («Аазісы»); Яны [Кацярына і Рыгор – В. Р.] яшчэ толькі чалаваліся, яны яшчэ толькі мілаваліся, а ён [Тарас Шаўчэнка – В. Р.] ужо – **навырос!** – быў рабом («Хата»);

– **устаўным словазлучэннем:** *Барханнае поле ўразіла вышыньне барханаў – сапраўдныя горы!* – чысцінёю жоўтага колеру, плаўнасцю ценяў і ліній («Аазісы»); *За вокнамі, нягледзячы на познюю раніцу, усё яшчэ цёмна – такі густы (суцэльна сцяна!) снегапад* («Даверлівая зямля»);

– **устаўным сказам:** *Вунь жа ты недзе чытаў, як птушкі звільі гняздо ці не ў камбайне, і людзі, хоць ужо быў час жаць – зерне асыпалася!* – не чапалі «Ніву» пакуль не вывеліся птушаняты («Птушкі»); *Вярталіся з лесу – заўсёды неслі на сабе цяжкую вязанку дроў (дзе там таго каня дапросііся!), палолі ячмень ці лён – неслі з поля мяшок травы* («Акно, расчыненае ў зіму»).

Паводле сінтаксічнай сувязі з асноўнай часткай сказа парантэтычныя устаўкі бываюць двух тыпаў: альтэрнатыўнага і канструктыўнага.

Устаўкі альтэрнатыўнага (ці неканструктыўнага) тыпу – гэта патэнцыяльна магчымыя члены сказа, устаўныя толькі функцыянальна, бо граматычна яны могуць быць уключаны ў асноўную сінтаксічную канструкцыю. Парантэтычныя канструкцыі гэтага тыпу Янка Сіпакоў выкарыстоўвае для таго, каб на фоне агульнага выказвання вылучыць тое, што выклікае эмацыянальнае ўзрушэнне. Параўнаем: 1) *Ці то ёй [Аўгінні – В. Р.] шкада Маўчуна, які адзінока пайшоў на гарушку, ці то сваёй хаты, якая сіратліва стаяла – адна!* – ва ўсіх Вясельых Скакухах <...> («Бывайце, Вясельых Скакухі»)

і *Ці то ёй шкада Маўчуна, які адзінока пайшоў на гарушку, ці то сваёй хаты, якая сіратліва стаяла адна ва ўсіх Вясельых Скакухах <...>*; 2) *Калі ты не католік, не маеш права – у сваім княстве!* – займаць дзяржаўныя пасады («Зубрэвіцкая сага») і *Калі ты не католік, не маеш права ў сваім княстве займаць дзяржаўныя пасады*. Відавочна, што ў трансфармаваных сказах парантэтычныя устаўкі ператвараюцца ў члены сказа за кошт лагічнага націску і адпаведнай інтанацыі. Графічнае выдзяленне вылучае устаўкі са структуры асноўнага выказвання, спыняе на іх увагу. Так, у першым выпадку устаўное слова **адна** актуалізуе эмацыянальнае адценне кантэксту, перадае перажыванні чалавека, на вачах якога памірае родная вёска. У прыкладзе з «Зубрэвіцкай сагі» прачытваецца абурэнне аўтара несправядлівым законам, які не дазваляў чалавеку адчуваць сябе паўнапраўным грамадзянінам сваёй краіны.

Парушаючы плаўнасць тэксту, яго лінейныя сінтаксічныя сувязі, гэтыя структурныя адзінкі развіваюць інфармацыйны план асноўнага паведамлення, а таксама сігналізуюць пра наяўнасць пэўных канатацый, выражаюць аўтарскія адносіны да прымет, уласціваасцей прадметаў: *Ён [Міша – В. Р.] прыехаў – чужы!* – у іхні абжыты свет, дзе усё ў іх такое сваё, такое знаёмае («Госць пад час сенакосу»); *Вочы Вера-соўскага нечакана спатыкнуліся аб вялікі запылены рамонак – столькі ног прайшло ля яго, столькі колаў прарытала, а ён стаіць – жывы!* – ля самай дарогі («Пыл пад нагамі»); *да дзеянняў: Пакуль цягнік ішоў ціха, я нават непрабаваў пераскочыць – і пераскочыў!* – з вагона на вагон («Вецер на даху вагона»); *да акалічнасцей: Перада мною, бы навязаны мячык, скакала над небакраем поўня. А за мною (зусім побач!) чуўся крык: «Лаві іх, лаві!»* («Крыло цішыні»).

Даведная функцыя ў такіх канструкцыях спалучаецца з эмацыянальна-экспрэсіўнай: устаўкі не проста дапаўняюць выказванне, але і становяцца сродкам выражэння суб'ектыўнай мадальнасці тэксту.

Вылучанія устаўныя канструкцыі з эмацыянальна-экспрэсіўнай функцыяй даюць падставы не пагадзіцца з даследчыцай Г. М. Малажай, якая адзначыла, што гэтыя сінтаксічныя адзінкі «не выражаюць суб'ектыўных (мадальных, эмацыянальных, экспрэсіўных) адносін» [7, с. 577]. Праведзены намі аналіз паказвае, што ў мастацкім кантэксте устаўкі (асабліва клічныя) могуць перадаваць эмацыянальную ацэнку, рэакцыі аўтара і яго герояў на тое, пра што гаворыцца.

Парантэтычныя устаўкі **канструктыўнага тыпу** ўяўляюць сабой словы, словазлучэнні, якія граматычна не могуць быць уключаны ў базавае выказванне. Як паказала даследаванне,

у творах Янкі Сіпакова такія канструкцыі таксама могуць рэалізоўваць эматыўнасць маўлення. Так, яны могуць быць сродкамі, якія дазваляюць пісьменніку ў межах аднаго сказа выступаць адначасова і як суб'ект маўлення, і як назіральнік-аналітык. Гэта відаць, калі ўстаўкі выступаюць як ацэнкі-характарыстыкі да аднаго з кампанентаў асноўнага паведамлення, а значыць, змяшчаюць ўдакладненні суб'ектыўнага характару: *Тут жа, нібы на імправізаваным канцэрце мастацкай самадзейнасці, я праслухаў на беларускай мове (цудоўныя пераклады!) «Інтэрнацыянал» і «Марсельезу» («Па зялёную маланку»); Позна ўжо, а мы з інструктарам спартыўным (прыгожая такая дзяўчына!) толькі ўдаіх на катку катаемся («Па зялёную маланку»).*

У такіх устаўках аўтар нярэдка дзеліцца з чытачом сваёй рэакцыяй на змест выказанага: *Для паездкі ў Ермакоўскае, куды, каб заявіць свой пратэст эканамізму, сабраліся 17 ссыльных (цэлы невялікі з'езд!), прычына знайшлася якраз добрая – дзень нараджэння дачкі Лепашынскага («Там, дзе Сібір»); Паабал дарогі акрамя сосен стаяў высокі і тоўсты алейнік – сапраўдныя аляхавыя гаі! – а ў прагалах, на палянах, шумела высокая карычневая і зусім пераспелая трава («Усе мы з хат»).* Ва ўсіх прыведзеных прыкладах устаўкія словазлучэнні ўдакладняюць і характарызуюць пэўны кампанент асноўнага сказа, у іх – аўтарская ацэнка, асабістае ўспрыняцце прадметаў і з'яў, якія сталі аб'ектам паведамлення.

Выразную экспрэсіўную функцыю ў творах мастака слова набываюць парантэтычныя канструкцыі абодвух тыпаў, у якіх паўтараецца адзін з кампанентаў асноўнага паведамлення: *Хоць самі адчуваем (абавязкова адчуваем!), што гэтае пытанне куды больш складанае, чым нам здаецца...* («Акно, расчыненае ў зіму»); *Раскладаеш на акне – шырокі падаконнік доўга быў для мяне пісьмовым сталом – новыя кнігі, новыя сшыткі (усё новае!) і садзішся на лаўку («Акно, расчыненае ў зіму»); Звычайна жанчыны мераюць чужое ічасце тым, чаго якраз не маюць самі: у Валі не было дзяцей і таму вось такая, ужо амаль дарослая Святланіна дачка здавалася ёй недасяжным ічасцем, якога ў яе ніколі – менавіта ніколі – не будзе («Саната»).*

Парантэтычнымі канструкцыямі з паўторам кампанентаў базавага сказа пісьменнік звычайна карыстаецца для ўдакладнення сказанага, лагічнага выдзялення і актуалізацыі сэнсу найбольш важнага слова. Ва ўстаўках, якія ўносяць «папраўку» да раней сказанага, нярэдка паўтараемаму кампаненту супрацьпастаўлены іншы, на думку аўтара, сэнсава больш дакладны: *За форткаю, па мокрым шкле, нібы прыклееная да шыбы, паўзла – дзе там паўзла: плыла! – божая кароўка, якая ўсё яшчэ, нягледзячы на халады, жыла ў яго [Алега – В. Р.] («Жыві як хочацца»); Калі б не тыя вучоныя – не, не вучоныя: злачыніцы! – не абазвалі б самыя прыгожыя і жыццяздольныя вёскі неперспектыўнымі («Сады»).* Такія ўстаўкі рэпрэзентуюць аўтарскі пошук слова, якое б найлепш перадало падзею ці ахарактарызавала з'яву, прадмет.

На першы погляд можа падацца, што парантэтычныя ўстаўкі з паўторам кампанента асноўнага паведамлення празмерныя з пункту гледжання выражэння асноўнай прадметна-лагічнай інфармацыі. Аднак такая празмернасць апраўданая, бо звязана з выражэннем дадатковай інфармацыі («звышінфармацыі» [8, с. 109]) экспрэсіўнага характару. Такія ўстаўкі-праўкі акцэнтуюць увагу чытача і перадаюць эмоцыі – радасць, захапленне, абурэнне, здзіўленне і інш.

Заклучэнне. Шматлікія прыклады ў прааналізаваных творах ілюструюць своеасаблівы канструктыўны прынцып сінтаксічна-семантычнай будовы тэксту, які ў тэарэтычнай літаратуры акрэсліваецца як прынцып семантычнай сігналізацыі. Дыяпазон стылістычных эфектаў, якія могуць выклікаць парцэляцыя, сегментацыя, парантэза ў мастацкім маўленні, вельмі шырокі. Здольнасць названых фігур факусіраваць увагу чытача на дэталі, элементах, асобных этапах паведамлення дазваляе ў мастацкім творы выкарыстоўваць іх і з арыентацыяй на эмацыянальна-эстэтычнае ўзнаўленне рэчаіснасці. Прааналізаваныя канструкцыі, паходжанне якіх звязана са з'явамі размоўнага сінтаксісу, інтымизуюць апавядальную плынь, ствараюць эфект нязмушанага вусна-гутарковага маўлення, насычанага суб'ектыўна-мадальнай танальнасцю.

Літаратура

1. Вандриес Ж. Язык (лингвистическое введение в историю) / пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2004. 410 с.
2. Доўгаль А. В. Эмацыянальнасць і эматыўнасць: падставы размежавання // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте: сб. науч. ст. / Могилев. гос. ун-т имени А. А. Кулешова; под ред. Е. Е. Иванова. Могилев, 2007. С. 101–103.
3. Навумовіч У. А. Інтэлектуальная проза сучасных беларускіх пісьменнікаў (па творчасці Я. Сіпакова, В. Іпатавай, В. Гілевіча і інш.) // Мова. Літаратура. Культура (да 55-годдзя адкрыцця каф. беларус. мовы і літ. БДУ): матэрыялы Міжнар. навук. канф.: у 2 ч. Мінск: БДУ, 1999. Ч. 2. С. 41–44.

4. Корольков В. И. Фигуры стилистические // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962–1978. Т. 7. С. 947–951.
5. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.
6. Шандроха Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс: вучэб.-метад. дапам. Гродна: ГДУ, 2002. 61 с.
7. Малажай Г. М. Устаўныя канструкцыі // Беларуская мова: энцыклапедыя / рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 1994. С. 576–577.
8. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: опыт системного исследования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 255 с.

References

1. Joseph Vendryes. *Le Langage: Introduction linguistique à l'Histoire*. Paris, La renaissance du livre, 1921. 439 p. (Russ. ed.: Vandries Zh. *Yazyk (lingvisticheskoe vvedeniye v istoriyu)*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 410 p).
2. Dowgal' A. V. Emotion and amating: foundations of differentiation. *Vostochnoslavjanskiye yazyki v yevropeyskom yazykovom kontekste* [East Slavic languages in the European language context]. Minsk, 2007, pp. 101–103 (in Belarusian).
3. Navumovich U. A. [Intellectual prose of the modern Belarusian writers (the works of Ya. Sipakov, V. Ipatava, V. Gilevich, etc.)]. *Mova. Litaratura. Kul'tura (da 55-goddzya adkryccya kaf. belarus. movy i lit. BDU)* [Language. Literature. Culture (to the 55th anniversary of the opening of the Department of the Belarusian language and literature BSU)]. Minsk, 1999, part 2, pp. 41–44 (In Belarusian).
4. Korol'kov V. I. Stylistic figures. *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya* [Concise literary encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1962–1978, vol. 7, pp. 947–951 (In Russian).
5. Peshkovskiy A. M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in a scientific description]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1956. 511 p.
6. Shandrokha N. E. *Ekspressivny sintaksis* [Expressive syntax]. Grodno, GDU Publ., 2002. 61 p.
7. Malazhay G. M. Inserted constructions. *Belaruskaya mova: entsyklapedyya* [Belarusian language: Encyclopedia]. Minsk, Belaruskaya entsyklapedyya, 1994, pp. 576–577 (In Belarusian).
8. Skovorodnikov A. P. *Ekspressivnyye sintaksicheskie konstruktсии sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: opyt sistemnogo issledovaniya* [Expressive syntax modern Russian literary language: the experience of system research]. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta Publ., 1981. 255 p.

Інфармацыя пра аўтара

Русак Вольга Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, старшы выкладчык кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, вул. Свядлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: Rusak@belstu.by

Information about the author

Rusak Volga Uladzimirawna – PhD (Philology), Senior Lecturer, the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Rusak@belstu.by

Пасцуніў 28.03.2016

УДК 81'25

Г. Ф. Швед

Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

АСНОЎНЫЯ СПАСАБЫ ПЕРАКЛАДУ ТЭРМІНАЎ

У дадзеным артыкуле разглядаюцца асноўныя спосабы перакладу тэрмінаў, выяўляюцца пэўныя моўныя складанасці перакладу, характарыстыка спосабу перакладу падмацоўваецца прыкладамі.

Для непасрэднага перакладу тэрмінаў на іншую мову выкарыстоўваюцца такія спосабы перадачы лексічнай адзінкі, як калькаванне, тэрмін-эквівалент і транслітарацыя.

Важным спосабам перакладу спецыяльных тэрмінаў з'яўляецца метада калькавання. Як перакладчыцкі прыём калькаванне стала крыніцай для вялікай колькасці разнастайных запазычанняў пры міжкультурнай камунікацыі ў тых выпадках, калі транслітарацыя з нейкіх прычын была непрымальнай.

Тэрмін-эквівалент – гэта лексічная адзінка, якая па ўсіх параметрах адпавядае адзінцы арыгінала. Як правіла, незалежна ад кантэксту тэрмін павінен валодаць аднолькавым прадметным значэннем і канатацыямі, паміж суадноснымі тэрмінамі не павінна быць адрозненняў у сэнсавых адносінах і стылістычнай аднесенасці. Ён павінен мець прыблізна аднолькавы склад, лексікаграматычныя паказчыкі: спалучальнасць, прыналежнасць да адной граматычнай катэгорыі, ужывальнасць, сувязь з кантэкстам.

Значная частка тэрмінаў-эквівалентаў утворана з дапамогай транслітарацыі, г. зн. запазычаны формы іншамоўнага слова.

Большасць тэрмінаў, утвораных такім чынам, належаць да інтэрнацыянальнай лексікі.

Артыкул будзе карысны маладым навукоўцам у працэсе авалодання тэорыяй і практыкай спецыяльнага перакладу ў галіне прафесійнай дзейнасці.

Ключавыя словы: слова, лексіка, тэкст, пераклад, тэрмін.

H. F. Shved

Belorussian State Technological University

THE MAIN TRANSLATION METHODS OF TERMS

This article is focused on main translation ways of terms and identified certain language difficulties of translation. The methods of transfer are supported by examples. Such methods of transmission of lexical units are used as tracing, term-equivalent and transliteration for the direct translation of the term into another language.

The important translation method of technical terms is a method of tracing. Tracing was the source of a large variety of borrowings for intercultural communication in cases when a translation method of transliteration was not acceptable for some reason.

The term-equivalent is a lexical unit, which is correspond to the original unit in all parameters. The term should possess the same objective value. There should be no differences in the semantic relationship between style and correlative terms. It must have approximately the same composition, lexical and grammatical characteristics such as compatibility, belonging to the same grammatical category, using, the relationship with the context, etc. The significant part of the terms-equivalents formed using transliteration, borrowed foreign words. The most of the such terms are belonged to the international lexis.

The article will be useful for young scientists in the process of studying the theory and practice of translation in the area of special professional activities.

Key words: word, vocabulary, text, translation, the term.

Уводзіны. Разуменне тэксту, як правіла, звязана з больш ці менш значнымі цяжкасцямі. Зразумела, на першым этапе цяжкасці выклікае граматычная структура замежнай мовы. Аднак пазней з павышэннем кваліфікацыі перакладчыка граматычныя цяжкасці перастаюць адыгрываць галоўную ролю, а неабходнасць самастойнага вызначэння новых тэрмінаў выходзіць на першы план.

Перш чым перакладаць, неабходна распазнаць тэрмін у тэксце, адрозніць ад элементаў агульнамоўнай лексікі. Цяжкасці ўзнікаюць га-

лоўным чынам з-за аманіміі, а таксама з-за таго, што звычайнай лексічнай або фразеалагічнай адзінцы (часам былому тэрміну) прыпісваецца тэрміналагічны статус.

Для непасрэднага перакладу тэрмінаў на іншую мову выкарыстоўваюцца такія спосабы перадачы лексічнай адзінкі, як калькаванне, тэрмін-эквівалент і транслітарацыя [1].

Асноўная частка. Важным спосабам перакладу спецыяльных тэрмінаў з'яўляецца метада калькавання. Як перакладчыцкі прыём калька-

ванне стала крыніцай для вялікай колькасці разнастайных запазычанняў пры міжкультурнай камунікацыі ў тых выпадках, калі транслітарацыя з нейкіх прычын была непрымальна: enrichment – абагачэнне; Aufschichtung – напластаванне.

Аднак калькаванне як лексічны прыём перакладу сустракаецца радзей, чым транскрыпцыя і транслітарацыя. У адрозненне ад транскрыпцыі, калькаванне не заўсёды бывае простым і механічным пераносам зыходнай формы ў мову перакладу. Часта даводзіцца выкарыстоўваць некаторыя трансфармацыі. У першую чаргу гэта датычыць змены склонавых формаў, колькасці слоў у словазлучэнні, афіксаў, парадку слоў.

Калькаванне шырока выкарыстоўваецца для перакладу тэрмінаў-словазлучэнняў. У залежнасці ад таго, структура якога моўнага элемента капіруецца, калькі падзяляюцца на словаўтваральныя, фразеалагічныя і семантычныя. Пры словаўтваральным калькаванні аднаўляецца марфалагічная структура слова. Фразеалагічныя калькі ўяўляюць сабой паслоўны пераклад устойлівага словазлучэння. Семантычнай калькай называецца наданне слову дадатковага значэння пад уплывам іншай мовы.

Тэрмін-эквівалент – гэта лексічная адзінка, якая па ўсіх параметрах адпавядае адзінцы арыгінала. Як правіла, незалежна ад кантэксту тэрмін павінен валодаць аднолькавым прадметным значэннем і канатацыямі, паміж суаднесенымі тэрмінамі не павінна быць адрозненняў у сэнсавых адносінах і стылістычнай аднесенасці. Ён павінен мець прыблізна аднолькавы склад, лексікаграматычныя паказчыкі: спалучальнасць, прыналежнасць да адной граматычнай катэгорыі, ужывальнасць, сувязь з кантэкстам. Пры перакладзе з роднаснай мовы дасягаецца высокая ступень эквівалентнасці ў тэрміналогіі: анализ спектральный – анализ спектральный; давление гидростатическое – ціск гидростатический; absorption – абсорбцыя.

Значная частка тэрмінаў-эквівалентаў утворана з дапамогай транслітарацыі, г. зн. запазычання формы іншамоўнага слова: boson – бозон, byte – байт, covalent – кавалентны. Большасць тэрмінаў, утвораных такім чынам, належаць да інтэрнацыянальнай лексікі.

Пры перадачы слоў-тэрмінаў гэтым спосабам трэба ўсведамляць, што інтэрнацыянальная лексіка ўтрымлівае шмат міжмоўных амонімаў («фальшывых» сяброў перакладчыка) у навуковай тэрміналогіі. Напрыклад, data – даныя, а не дата, contribution – уклад, а не кантрыбуцыя. Выкарыстоўваць транслітарацыю непажадана, калі ў мове перакладу ёсць адэкватнае па значэнні слова (напрыклад, original – зыходны, а не арыгінальны).

Тэрміны, утвораныя шляхам транслітарацыі, трывала замацаваліся ў мове, але прыжываюцца яны цяжка, таму пры перакладзе не трэба ствараць іх самастойна. Інакш кажучы, пры не-

абходнасці перакладу новага тэрміна трэба аддаць перавагу апісальнаму перакладу.

Пры перакладзе спецыяльных тэкстаў, насычаных тэрміналагічнай лексікай, неабходна прытрымлівацца наступных прынцыпаў:

- выкарыстанне агульнаўжывальных тэрмінаў;
- семантычная адэкватнасць, якая заключаецца ў выбары слоў, найбольш блізкіх па значэнні да арыгінала, асабліва калі ў мове-крыніцы яны першапачаткова не ўжываліся ў спецыяльным кантэксце;

- «брытва Окама»: калі іншамоўны тэрмін А з’яўляецца сінонімам іншага слова замежнай мовы Б, у якога ўжо ёсць пераклад ў выглядзе слова С, то слова С выкарыстоўваецца ў якасці перакладу А;

- сінтаксічная спалучальнасць тэрмінаў, як і ў мове арыгіналу;

- праверка адэкватнасці: замена папярэдніх беларускіх адпаведнікаў, якія былі стылістычна неадэкватнымі, стылістычна карэктнымі выразамі. Такім чынам, пры перакладзе спецыяльнай лінгвістычнай літаратуры трэба ўлічваць ужыванне тэрміналагічных эквівалентаў у мове перакладу.

Лексікаграфія – гэта раздзел мовазнаўства, які займаецца практыкай і тэорыяй складання слоўнікаў.

Практычная лексікаграфія даследуе праблемы:

- апісання і нармалізацыі мовы;
- забеспячэння міжмоўных зносін;
- навучання мове (роднай і замежнай);
- навуковага вывучэння лексікі мовы.

Тэарэтычная лексікаграфія даследуе праблемы:

- стварэння агульнай тыпалогіі слоўнікаў і слоўнікаў новых тыпаў;
- распрацоўкі макраструктуры слоўнікаў;
- распрацоўкі мікраструктуры слоўнікаў.

Тыпы слоўнікаў і прынцыпы іх класіфікацыі.

1. Паводле будовы слоўнікавага артыкула вылучаюць:

- лінгвістычныя (лексіконы) – даюць даведчаную інфармацыю пра адзінкі мовы ў розных аспектах.

- энцыклапедычныя – утрымліваюць інфармацыю не пра моўныя адзінкі, а пра паняцці і з’явы, якія яны абазначаюць.

2. Паводле адбору лексікі слоўнікі падзяляюцца:

- на тэзаўрусы (ад грэч. thesauros – скарб) – слоўнікі, у якіх адсутнічае прынцып адбору; яны імкнуцца да адлюстравання ўсіх слоў мовы і прыкладаў іх ужывання ў тэкстах (тлумачальныя, частотныя і перакладныя слоўнікі);

- прыватныя – слоўнікі, у якіх прысутнічае прынцып адбору лексікі паводле розных крытэрыяў (напрыклад, слоўнік сінонімаў, антонімаў, амонімаў, слоўнікі скарачэнняў, анамастычныя, тэрміналагічныя, дыялектныя слоўнікі і г. д.).

3. Паводле спосабу апісання адзінкі вылучаюць:

– агульныя слоўнікі, якія ўтрымліваюць шматбаковае апісанне слова (напрыклад, тлумачальныя слоўнікі);

– спецыяльныя – раскрываюць толькі асобныя аспекты слоў або адносін між імі (этымалагічныя, словаўтваральныя, арфаграфічныя слоўнікі).

4. Паводле адзінкі лексікаграфічнага апісання:

– слоўнікі з найменшай значнай адзінкай (напрыклад, марфемны слоўнік);

– слоўнікі з адзінкай роўнай слову (напрыклад, арфаграфічны слоўнік);

– слоўнікі з адзінкай большай за слова (напрыклад, слоўнік фразеалагізмаў).

5. Паводле парадку размяшчэння матэрыялаў:

– алфавітныя – інфармацыя размяшчаецца ў алфавітным парадку:

а) з прамым парадкам;

б) адваротныя (інверсійныя);

в) гнездавыя;

– ідэаграфічныя – словы размяшчаюцца паводле тэматычнага прынцыпу;

– частотныя – інфармацыя размяшчаецца паводле змяншэння частаты.

6. Па колькасці моў у слоўніку:

– аднамоўныя;

– двухмоўныя;

– шматмоўныя.

7. Паводле прызначэння:

– навуковыя – створаныя для даследчых мэт (слоўнікі гістарычныя, спецыяльнай лексікі і г. д.);

– вучэбныя – створаныя для вучэбных мэт (напрыклад, арфаграфічныя, арфаэпічныя слоўнікі, слоўнікі цяжкасцяў мовы і г. д.);

– перакладныя – створаныя для супастаўлення і пераходу з адной моўнай сістэмы ў другую.

8. Паводле тыпу носьбіта:

– кніжныя (папяровыя) – інфармацыя зафіксавана на папяровых носьбітах;

– электронныя – інфармацыя зафіксавана ў электронным выглядзе, гэта камп’ютарныя праграмы на спецыяльных носьбітах.

Заклучэнне. Адзначым, што дзякуючы сучасным сродкам абмену інфармацыяй перакладчык можа эфектыўна выкарыстоўваць магчымасці сусветнай павуціны для пошуку і праверкі інфармацыі для перакладу, а сам корпус тэкстаў у Інтэрнэце выступае як вялізны тэзаўрус жывой мовы.

Літаратура

1. Кузьміч В. А., Швед Г. Ф. Асаблівасці навуковага стылю беларускай мовы ў кантэксце навукова-тэхнічнага перакладу. Мінск: БДТУ, 2013. С. 20–25.

References

1. Kuzmich O. A., Swed G. F. *Asablivastsi navukovaga stylyu belaruskay movy u kantekstse navukovatekhnichnaga perakladu* [Scientific style of the Belarusian language in the context of scientific and technical translation]. Minsk, BDTU Publ., 2013, pp. 20–25.

Інфармацыя пра аўтара

Швед Генадзь Філарэтавіч – старшы выкладчык кафедры беларускай філалогіі. Беларускі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт (220006, г. Мінск, ул. Сьвярдлова, 13а, Рэспубліка Беларусь). E-mail: shved@belstu.by

Information about the author

Shved Henadiy Filaretovich – Senior Lecturer, the Department of Belarusian Philology. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republik of Belarus). E-mail: shved@belstu.by

Паступіў 28.03.2016

УДК 811:004.9

Д. В. Старченко

Белорусский государственный технологический университет

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ**

Данная статья затрагивает вопросы использования мультимедийных технологий в процессе преподавания иностранного языка. Компьютерные технологии и Интернет неизбежно становятся новыми средствами массовой информации в методологии образования. В связи с продвижением информационных технологий взгляд на мультимедиа значительно изменился. Под мультимедийными технологиями понимают новые электронные средства массовой информации, потому что их характерной особенностью является комбинация вычислительной техники, средств связи, информационных ресурсов и образования, шоу-бизнеса и игр. Сила Интернета заключается в предоставлении аутентичных материалов, программного обеспечения, планов в области образования, перечня экзаменов, литературы и т. д. Глобальная сеть рассматривается как педагогический инструмент для любого независимого исследования или совместной работы. Кроме подготовки домашних заданий идея информационной грамотности приобретает ключевую позицию в сфере образования.

Ключевые слова: информационные и коммуникационные технологии, мультимедийные технологии, интерактивность, обучающие программы, ресурсы Интернет.

D. V. Starchenko

Belarusian State Technological University

**SOME ASPECTS OF MULTIMEDIA TECHNOLOGIES
IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING**

The article below touches upon the issues of multimedia using in the process of foreign language teaching. Computer technology and Internet are inevitable new media in education methodology. In connection with the advancement of information technologies, the view upon the multimedia has changed considerably. Multimedia are new electronic media, because their typical feature is convergence among computing technology, communication means, information resources and education, consumer electronic, show business and games. The power of Internet lies in offering authentic materials, software, education plans, list of exams, literature, etc. to universities under the same conditions. Next to its commercial importance, it is seen as pedagogical tool for either the independent research or teamwork. Besides for the lessons learning, the idea of information literacy maintains crucial position in education.

Key words: information and communication technologies, multimedia, interactivity, training programs, Internet resources.

Введение. Все чаще в системе образования можно услышать про мультимедийные технологии, обучение при помощи Интернета или дистанционное обучение. Преимуществом использования мультимедийных технологий при обучении иностранному языку является то, что они позволяют более эффективно тренировать все виды речевого взаимодействия, так как сочетают в себе текстовую, звуковую, аудиовизуальную и графическую информацию.

Основная часть. В настоящее время насчитывается пять основных возможностей использования мультимедийных технологий на занятиях иностранного языка: мультимедийные учебники и электронные словари, обучающие программы, коммуникативные задания в Интернете, поиск и исследование в Интернете, авторские программы преподавателей.

Все современные учебники по обучению иностранному языку, как разговорному, так и профессиональному, в той или иной степени содержат элементы мультимедийных технологий. Неотъемлемой частью обучающего курса является диск с аудио- и видеоматериалами. Благодаря этому у студентов появляется возможность услышать реальную речь носителей языка, почувствовать диалекты и фонетические особенности, создать на занятии атмосферу реального иноязычного общения.

В обучающих программах в основном присутствуют тренажеры для заучивания и тренировки употребления языковых конструкций, преимущественно грамматических явлений, таких как спряжение глаголов, употребление артиклей или склонений существительных и прилагательных. При хорошем интерфейсе они

оказывают помощь в изучении языка и предлагают упражнения для закрепления материала и домашних заданий. Большинство таких тренажеров являются источником дополнительных упражнений и освобождают преподавателя от исправления ошибок, так как делают это сами и имеют обратную связь при оценке результата, но концентрируются в основном на нескольких структурах языка [1].

Кроме того, существует ряд игровых обучающих программ для запоминания лексики. Они вносят некий элемент разнообразия в процесс изучения языка. Сайт Quia содержит более 2000 игр и викторин для изучения немецкого языка, bescherelle.com предлагает упражнения и игры для всех уровней французского языка. Quizlet – онлайн-сервис, который поможет быстро запомнить английскую лексику, необходимую для сдачи экзамена TOEFL.

Более сложными и интересными являются обучающие программы, структурированные в виде книги. Они содержат гиперссылки на различные темы и позволяют учащемуся самому управлять процессом изучения языка. В гипертексты могут быть связаны слова, грамматические структуры, страноведческие пояснения. Таким образом, наряду с чтением и работой по тексту можно получить дополнительную информацию. К таким программам можно отнести программу по изучению немецкого языка Lina und Leo, созданную институтом имени Гете, или курс Interaktive Sprachreise.

При выборе обучающей программы следует обратить внимание на то, подходит ли она для студентов с конкретным уровнем подготовки и учитываются ли индивидуальные особенности учащихся. Также нужно учесть следующие моменты: 1) является ли структура курса понятной и обозримой; 2) предлагает ли она обучение носителями иностранного языка в различных аспектах; 3) есть ли возможность сохранить выполненные задания; 4) имеются ли промежуточные тесты для оценки пройденного материала и рефлексии.

Ресурсы Интернет предоставляют возможность реализовывать коммуникативные задачи в более или менее аутентичных ситуациях. Для этого можно использовать, например, электронную почту, форумы, общение в чатах. Такие задания можно выполнять как вне аудиторного процесса обучения, так и непосредственно на занятиях при доступе в Интернет. В сети можно найти различные совместные проекты, где учащиеся разных стран обмениваются информацией, например об увлечениях или межкультурных различиях [2]. У студентов есть возмож-

ность пообщаться с носителями языка, прочувствовать свой уровень знаний иностранного языка, заметить недочеты и пробелы, которые препятствуют коммуникации. Для общения в сети и изучения иностранного языка в сети есть следующие сайты:

– Livemocha – популярная социальная сеть для всех, кто изучает иностранные языки. Обучение строится по принципу «помоги ты – помогу тебе». Предлагаются уроки и упражнения, правильность которых проверяют носители языка. А также здесь можно просто общаться с другими пользователями на немецком языке;

– Busuu – виртуальное сообщество для изучения немецкого и других иностранных языков. На сайте или в мобильном приложении можно учить слова, общаться в видеочате с другими участниками социальной сети;

– MyLanguageExchange – сайт дает возможность найти собеседника-иностранца, который заинтересован в изучении вашего родного языка. Дальше с ним можно говорить на любые темы в текстовом или голосовом чате;

– Lang-8 – здесь носители языка помогут исправить ошибки в письменной речи: вы пишете текст, а пользователи-иностранцы исправляют ошибки и комментируют. Пригодится при подготовке презентаций и важных писем.

Ресурсы Интернет являются неиссякаемым источником информации для изучения иностранного языка. В основном их используют для изучения страноведческих аспектов (от изучения традиций до планирования путешествия и заказа билетов). Кроме того, студенты могут создавать собственные сайты и публиковать свои материалы в Интернете. Большинство издательств на своих сайтах для современных интерактивных и мультимедийных учебников с целью изучения иностранного языка публикуют дополнительные материалы онлайн (например, <http://elt.oup.com/student/englishfile> или <http://www.schubert-verlag.de/aufgaben/arbeitsblaetter>).

YouTube является кладью аутентичных видеоклипов для занятий по иностранному языку. Непродолжительные ролики можно использовать для создания иноязычной атмосферы, как повод для начала разговора, введения в тему и т. д. YouTube предлагает две опции, которые можно использовать для занятий по иностранному языку: встроенные в клип примечания, пояснения и субтитры. Использовать субтитры рекомендуется на занятиях со студентами с начальным уровнем знания языка. Если в учебной группе есть студенты с разным уровнем подготовки, можно поручить более сильным

создать скрипты к видеороликам для облегчения понимания со стороны менее подготовленных студентов. Это поможет, с одной стороны, осуществить дифференциацию обучения, а с другой – осознать, что субтитры на иностранном языке намного больше способствуют изучению этого языка, чем на русском.

В целях закрепления знаний и их дальнейшего углубления могут выполняться различные учебно-тренинговые и творческие задания. Для обучения иностранным языкам с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) эти задания имеют большое значение, таким образом акцентируется этап закрепления полученной информации.

Основное отличие учебно-тренинговых заданий от тестов заключается в том, что при их выполнении не проводится аттестация знаний

обучающихся. Каждый пользователь имеет право на неограниченное количество выполнения учебно-тренинговых заданий, может вызывать подсказку и пользоваться основными и дополнительными материалами [3].

Заключение. Одним из основных условий успешного использования ИКТ в образовательном процессе является наличие информационно-обучающей среды. Собственно обучающие программные средства и информационные ресурсы глобальной сети составляют информационно-содержательную часть этой среды, которая включает учебно-методические материалы, тренинговые системы, тестовые системы контроля знаний, базы данных и информационно-справочные системы, т. е. все необходимые базовые знания по специальности «Иностранный язык» с возможностью выхода на мировые ресурсы.

Литература

1. Marx N., Langner M. Die neuen Medien im Fremdsprachenunterricht // Zeitschrift für interkulturellen Fremdsprachenunterricht. 2005. Nr. 9. 9 S.
2. Szerszeń P. Aktuelle Tendenzen im computerunterstützten (Fach-) Fremdsprachenunterricht // Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht Didaktik und Methodik im Bereich Deutsch als Fremdsprache. 2014. Jg. 19, Nr. 1. 5 S.
3. Титова С. В. Информационно-коммуникационные технологии в гуманитарном образовании: теория и практика. М.: Квинто-консалтинг, 2009. 239 с.

References

1. Marx N., Langner M. The new media in foreign language teaching. *Journal of Intercultural Foreign Language Teaching*, 2005, no. 9, 9 p. (In German).
2. Szerszeń P. Current trends in computer-aided (professional) language teaching. *Journal of Intercultural language teaching didactics and methodology of German as a foreign language*, 2014, vol. 19, no. 1, 5 p. (In German).
3. Titova S. V. *Informatsionno-kommunikatsionnyye tekhnologii v gumanitarnom obrazovanii: teoriya i praktika* [Information and Communication Technologies in Humanitarian Education: Theory and Practice]. Moscow, Kvinto-consalting Publ., 2009. 239 p.

Информация об авторе

Старченко Диана Владимировна – старший преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Starchenko@belstu.by

Information about the author

Starchenko Diana Vladimirovna – Senior Lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Starchenko@belstu.by

Поступила 23.03.2016

УДК 811.111'36

Н. В. Теплова

Белорусский государственный технологический университет

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
ПРИ ОБУЧЕНИИ ГРАММАТИКЕ В ВУЗЕ**

Данная статья затрагивает проблемы, связанные с методами реализации коммуникативного подхода при обучении грамматике английского языка в высших учебных заведениях. Известно, что иностранный язык сегодня должен рассматриваться как необходимый инструмент профессиональной деятельности, без которого невозможно существование единых мировых образовательных стандартов. В связи с этим особенности преподавания грамматики в вузах заслуживают особого внимания. Студенты неязыковых специальностей часто не осознают смысловую нагрузку грамматических структур высказывания, вследствие чего им представляется, что изменение ее не влечет за собой сколь-нибудь значимого искажения смысла. Однако грамматика является одним из значимых аспектов языка: грамматические единицы, равно как и лексические, обладают планом выражения и планом содержания. Использование коммуникативного метода в обучении английской грамматике в сочетании с индуктивной методикой позволяет значительно повысить мотивацию будущих инженеров к изучению иностранного языка, стимулирует их творческую активность и аналитические способности. Совершенствование грамматических навыков в различных видах речевой деятельности значительно повышает уровень владения иностранным языком, способствует развитию языковой компетенции и, как следствие, увеличивает эффективность коммуникации.

Ключевые слова: иноязычная коммуникация, проблемно-ориентированный, алгоритм обучения, профессиональная мобильность.

N. V. Teplova

Belarusian State Technological University

**IMPLEMENTATION
OF COMMUNICATIVE APPROACH
IN TEACHING GRAMMAR IN HIGH SCHOOL**

This article deals with the problems associated with the methods of realization of communicative approach in teaching English grammar at higher educational establishments. It is known that foreign language today is seen as a necessary tool for professional activities, without which the existence of the world educational standards is impossible. In this regard, the particularities of teaching grammar in high schools deserve a special attention. Students of non-linguistic specialties often do not realize the meaning of grammatical structures, and as a result, it seems that its changing does not entail any significant distortion of meaning. However, grammar is one of the important aspects of the language: grammatical units, as well as lexical, have the plan of expression and the plan of content. The use of communicative method in teaching English grammar in conjunction with the inductive method allows to increase the motivation of future engineers to learn a foreign language, it stimulates their creativity and analytical skills. Improving your English grammar skills in various types of speech activity significantly extends the level of proficiency in a foreign language, promotes linguistic competence and, consequently, increases the efficiency of communication.

Key words: foreign language communication, problem-oriented, algorithm of teaching, occupational mobility.

Введение. Знание иностранного языка является обязательным атрибутом высококвалифицированного и конкурентоспособного специалиста. Низкий уровень языковой подготовки инженеров является одним из факторов, затрудняющих выход отечественных специалистов на мировой рынок. В связи с этим иностранный язык должен рассматриваться в качестве необходимого инструмента

профессиональной деятельности, без которого невозможно существование единых мировых образовательных стандартов, реализация академической и профессиональной мобильности, интеграция международной научно-исследовательской деятельности. Поэтому качество преподавания грамматики студентам технического вуза сегодня особенно важно.

Основная часть. Современное иноязычное образование в высшей школе направлено на обучение грамматически правильно оформленной речи посредством коммуникации, т. е. на изучение грамматики в процессе коммуникативной деятельности (*learning by doing*), нежели на заучивание правил построения высказывания и большого количества слов [1]. Если уровень мотивации студентов к изучению лексического материала в большинстве случаев достаточно высок для осуществления эффективного обучения, то интерес студентов к изучению грамматики, как правило, отсутствует, что может быть связано, во-первых, с неосознанием возможных сфер применения грамматических навыков, и во-вторых, негативным опытом изучения грамматики английского языка в средней школе.

Как показывает многолетний опыт преподавания иностранного языка в техническом вузе, студенты неязыковых специальностей часто не осознают смысловую нагрузку грамматических структур, вследствие чего грамматическая структура высказывания представляется им лишь формой, изменение которой не влечет за собой сколь-нибудь значимого искажения смысла. Однако грамматика, являясь одним из аспектов языка, наследует присущие языку в целом характеристики семиотической системы: грамматические единицы, равно как и лексические, обладают планом выражения и планом содержания. Для наглядной иллюстрации этого феномена можно предложить поэкспериментировать с составлением различных предложений с одним и тем же набором лексем. В частности, удачными примерами могут служить предложения с различными временными формами глагола (набор лексем – *we, study, grammar*): *We study grammar... We are studying grammar... We've studied grammar... We've been studying grammar...* Студентам становится очевидно, что грамматические формы и структуры сами по себе являются содержательными, а их изменение неизбежно приводит к трансформации смысла. Таким образом, использование методов проблемно-ориентированного обучения, фокусирующего внимание студентов на конкретной проблемной ситуации, оказывается предпочтительнее традиционного дедуктивного подхода, основанного на выкладке преподавателем заранее подготовленного алгоритма руководств и правил.

В условиях коммуникативного подхода в обучении иностранному языку методы и приемы обучения грамматической стороне языка должны базироваться на следующих принципах: прин-

цип ситуативности, функциональности, речемыслительной активности, новизны и индивидуальности.

Иностранный язык относится к числу предметов, которыми студент овладевает в процессе активной речевой деятельности (говорение, аудирование, чтение, письмо). Вот почему коммуникативный подход обучения способен обеспечить мотивационно-побудительный уровень общения, создать обстановку, приближенную к реальным условиям, в которых обычно возникает потребность в общении людей друг с другом.

Организация грамматического материала имеет при обучении иностранному языку существенное значение. Она определяет в значительной степени успех работы над грамматической стороной различных видов речевой деятельности и, следовательно, конечные результаты преподавания иностранного языка в вузе.

Иностранный язык необходим современному инженеру как инструмент общения в профессиональной среде. Этим объясняется ориентированность на обучение коммуникативной грамматике: у студентов должно быть сформировано представление о том, какая из многочисленных существующих грамматических форм будет наиболее адекватно выражать содержание высказывания, иными словами, будет наиболее полно реализовывать цель коммуникации. Выбор грамматических структур определяется не только принципами сочетаемости слов и последовательности их употребления, но также формой коммуникации (письменной или устной), ситуацией коммуникативного акта, намерением говорящего, характеристиками адресата. Таким образом, то, «что» сказано, будет в значительной степени определяться тем, «как» сказано [2].

Обучение коммуникативной грамматике предполагает использование только аутентичных материалов, исключая «искусственные» примеры и абстрактные речевые ситуации. Лексический материал, на котором осваивается грамматика, должен быть уже знаком обучающимся, что нивелирует возможные дополнительные трудности в освоении грамматических правил, и актуален: обучающиеся должны быть заинтересованы в коммуникативном акте. Кроме того, любое грамматическое явление должно быть рассмотрено с точки зрения формы, содержания и функции, иными словами, в аспекте взаимосвязи внешней структуры с сообщаемой ею идеей и возможными способами ее реализации в конкретной речевой ситуации. И последнее, но не менее важное

условие реализации коммуникативного подхода к преподаванию грамматики – отработка приобретаемого навыка реализуется во всех видах речевой деятельности: студент должен научиться «слышать» грамматическую структуру, «узнавать» ее в тексте, воспроизводить в устной и письменной речи. Исключение одного или нескольких из перечисленных выше аспектов лишает навык универсальности и значительно понижает эффективность последующего применения.

Вот пример одного из возможных алгоритмов обучения коммуникативной грамматике, условно подразделяющийся на четыре этапа.

1-й этап. Введение нового материала может осуществляться путем прочтения или прослушивания небольшого фрагмента текста (приблизительно 3 минуты звучания). Студенты определяют основную идею текста, смысловые детали (ответы на специальные вопросы по содержанию фрагмента); выявляют новые грамматические структуры (подчеркивая структуры в тексте или заполняя пропуски в отдельных предложениях, заранее выбранных преподавателем из материала аудирования); строят предположения относительно значения грамматических структур (преподаватель может задавать поиск, определяя задачу: например, какая из представленных форм обозначает вероятное условие или какой из модальных глаголов выражает физическую способность).

2-й этап. Освоение существующего алгоритма использования грамматических форм и структур, с опорой на примеры из текста, что будет способствовать осознанию общего контекста речевой ситуации и облегчать восприятие информации.

3-й этап. Формирование навыка: выполнение упражнений на сопоставление, подстановку, выбор из предложенных вариантов, перефразирование и т. п.

4-й этап. На данном этапе формы работы могут быть разнообразны: чтение и написание краткой аннотации к тексту, содержащему изучаемые грамматические феномены; ответы на вопросы, также содержащие грамматическую конструкцию и предполагающие использование конструкции для завершения предложения. Достаточно продуктивным заданием 4-го этапа является написание парных диктантов, сочетающих в себе одновременно три вида речевой деятельности – чтение, аудирование и письмо: студенты, работающие в паре, получают две копии одного и того же текста, с пропущенными предложениями (у одного из студентов отсутствуют четные предложения, у другого – нечетные); студенты по очереди зачитывают

друг другу отсутствующие фрагменты текста и записывают их на слух. Проверка может осуществляться преподавателем или самими студентами, поскольку оригинал восстановленного отрывка текста есть у напарника.

Совершенствование грамматических навыков в различных видах речевой деятельности значительно повышает уровень владения иностранным языком, способствует развитию языковой компетенции и, как следствие, увеличивает эффективность коммуникации. Коммуникативно-ориентированные задания для отработки грамматических правил вызывают интерес учащихся и привлекают к активному участию в их выполнении. Занимательная тема задания, обсуждение какой-то важной проблемы или учебная игра формируют внутреннюю мотивацию студентов.

Иноязычная коммуникация, основанная на ситуациях, приближенных к реальной действительности, мотивирует студентов на общение, укрепляет уверенность в правильности порядка организации беседы, обеспечивает свободу творчества при выборе манеры передачи речевого поведения на иностранном языке. Важно правильно предъявить студентам ситуацию для дальнейшего развития их воображаемых коммуникативных действий. Общение в парах или малых группах, т. е. коллективное взаимодействие, обеспечивает достижение желаемых результатов, поскольку человек в редких случаях слушает, говорит и (или) пишет для себя самого.

Заключение. Использование коммуникативного метода в обучении английской грамматике, основывающегося на личностно-ориентированных методах преподавания, в сочетании с индуктивной методикой позволяет значительно повысить мотивацию будущих инженеров к изучению иностранного языка, стимулирует их творческую активность, аналитические способности, содействуя тем самым развитию инженерного мышления.

Итак, иноязычное коммуникативное образование предлагает альтернативный путь обучения грамматике: обеспечить студентам возможность как можно больше познавать изучаемый язык, вовлекая их в естественную языковую коммуникацию в ситуациях реальной жизни. Обучение языку коммуникации строится на интеграции когнитивных и коммуникативных заданий, построенных на аутентичных материалах, что развивает способности студентов к осуществлению спонтанного взаимодействия в процессе обмена информацией и коллективному нахождению решения проблемы.

Литература

1. Баранова А. В., Болсуновская Л. М., Коротченко Т. В., Матвеев И. А. Проблема эффективности языковой подготовки инженера при переходе на двухуровневую систему образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2. С. 43.
2. Стрельникова А. Б. Коммуникативная грамматика английского языка: методы преподавания в техническом вузе // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 1041.

References

1. Baranova A. V., Bolsunovskaya L. M., Korotchenko T. V., Matveenko I. A. Problem of efficiency of language training of the engineer during the transition to two-level education system. *Philologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2013, no. 2. pp. 43 (In Russian).
2. Strelnikova A. B. Communicative grammar of English: methods of teaching in a technical College. *Molodoy uchonyy* [Young scientist], 2015, no. 8, pp. 1041 (In Russian).

Информация об авторе

Теплова Наталья Владимировна – преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Teplova@yandex.ru

Information about the author

Teplova Natalya Vladimirovna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Teplova@yandex.ru

Поступила 23.03.2016

УДК 378:81:808.51

О. С. Антонова

Белорусский государственный технологический университет

АКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ФРЕЙМОВ

В статье делается попытка дать определение понятию «фрейм», который представляет собой форму, принятую в современной лингвистике, для упрощенного, схематичного изображения набора знаний, хранящихся в голове среднего носителя языка. Рассматриваются основные положения концепции и свойства фреймов при формировании у студентов-экономистов коммуникативной компетентности. Автор отмечает, что фреймовая организация иноязычных знаний заключается в обеспечении реализации интенсивного освоения лексических, грамматических и стилистических норм иностранного языка, умений эффективно решать основные коммуникативные задачи общения и иллюстрирует данную концепцию некоторыми примерами с использованием фреймов.

Ключевые слова: обучающая стратегия, свойства фрейма, динамическая и статическая ментальная модель, коммуникация, исследовательская деятельность, иерархия, стереотип.

O. S. Antonova

Belarusian State Technological University

ACTIVE METHODS FOR COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION WITH FRAMES

This article attempts to define the frame concept. The frame is a form adopted in modern linguistics for simplified, schematic representation of knowledge stored in the mind of the average native speaker. The main points of the concept and properties of frames are considered in the formation of students' communicative competence that will enable university graduates to communicate effectively in professional foreign language format. The author notes that the aim of foreign language knowledge framing is to ensure the implementation of intensive mastering the lexical, grammatical and stylistic structures of the language. Frames help to effectively solve the basic problems of communication. To illustrate this concept the paper provides some examples of using frames

Key words: teaching strategy, properties of frames, dynamical and statical mental model, communication, research activity, hierarchy, stereotype.

Введение. Фрейм – это лингвистическая модель. «Фрейм – структура, многокомпонентный мыслимый в целостности концепт, отражающий клишированные ситуации в совокупности соответствующих стандартов объемных представлений знаний и всех устойчивых ассоциаций» [1]. Фрейм трактуется как способ ментальной репрезентации концепта, который определяется и индивидуальными особенностями языковой личности, и спецификой кодируемого представления. На данном этапе развития науки можно только предполагать, как реально устроена в голове человека структура знаний.

Функция фреймового подхода при обучении иностранному языку заключается в обеспечении осуществления интенсивного освоения лексических, грамматических и стилистических норм иностранного языка, умений эффективно решать основные коммуникативные задачи общения на основе их использования, извлекать информацию, воспринимать и интерпретировать ее.

Основная часть. Основные положения должны дать ответ на вопросы: Какова должна быть

модель процесса обучения с помощью фреймового подхода? Каковы ее структурные элементы? Как она должна функционировать в учебном процессе? Как оценивать эффективность?

На наш взгляд, основные положения концепции следующие:

1) применение фреймового метода к организации и представлению знаний способствует формированию базисного понятийного аппарата в ограниченные сроки;

2) фреймовый подход обеспечивает формирование специфических коммуникативных умений, знаний, опыта исследовательской деятельности;

3) фреймовая организация знаний усиливает эффективность обучения, так как стимулирует мотивацию и поддерживает интерес студентов;

4) механизмы реализации образовательного процесса должны основываться на технологиях, методах, подходах и средствах интенсивного обучения, что связано с дефицитом времени – потребностью освоения учебного материала за более короткий срок. Учебно-методический ком-

плекс такого процесса помогает обеспечить интенсивное освоение учебных программ;

5) для определения эффективности фреймового подхода к обучению существует систематическая комплексная диагностика, включающая в себя диагностический инструментарий, методы обработки результатов, способы определения показателей и выделения коэффициента обученности студентов;

6) обучение с помощью фреймового подхода формирует системное мышление [2].

Основными свойствами фрейма являются:

– идея организующего начала. С этой точки зрения фрейм – это не только средство представления знаний, но и средство их организации и структуризации. С позиции лингвистики организующее начало фрейма проявляется двояко. Во-первых, в том, что «входом» во фрейм служит обозначение, зафиксированное в сознании – лексема или устойчивое словосочетание. Во-вторых, фрейм, представляющий собой структуру, определяется не только набором терминалов (ячеек, слотов, узлов), но и взаимоотношениями между ними. Фрейм имеет горизонтальную структуру, которая особенно заметна во фреймах, описывающих знания с динамической составляющей. Элементы фрейма не могут быть перечислены в произвольном порядке, они должны описывать последовательность событий;

– идея иерархии. Наряду с горизонтальной существует вертикальная структура фрейма: его ячейки могут заполняться другими фреймами, а сам он может заполнять ячейки более высокого иерархии уровня;

– идея стереотипа и ситуативной связи. Фрейм описывает некоторую стереотипную, стандартную конфигурацию знаний, такой их набор, с которым человеку чаще приходится встречаться в повседневной практике. Он конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Нахождение компонентов знаний в одном стереотипе предполагает и их ситуативную близость;

– идея знаний по умолчанию. В соответствии с этой идеей часть знаний, ассоциированных с фреймом, предполагается истинной по умолчанию. Считается, что упоминание какой-то малой порции знаний, например имени фрейма или каких-то отдельных его ячеек, позволяет привлечь к рассмотрению большой объем знаний, входящий в данный стереотип, т. е. фрейм. Иначе говоря, за отдельным словом-понятием скрывается фрейм.

Фреймовую систему можно представить в виде дерева. Наверху – вершинном узле фрейма – накапливается прототипическая (общая) информация, снизу к ней присоединены конкретизиру-

ющие подфреймы (вложенные фреймы). Это – терминальные узлы, добавляющие специфические детали, новую информацию о стереотипной ситуации. Фрейм определяет, какой вид знаний существенен для ситуации. Сталкиваясь с новой ситуацией, человек пытается найти в своей памяти структуру – фрейм, в котором хранятся прототипические представления о мире, и при необходимости адаптирует их к реальности в результате изменения деталей.

Может показаться, что понятие «фрейм» вполне заменимо понятием «ситуация». Но то, что отличает фрейм от ситуации, – это его ментальная категория, во внешнем мире фреймов нет. Фрейм в психологическом аспекте – это относительно обобщенная структура прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь.

Главное отличие фреймовой методики от других – его очевидная антропоцентричность. Такой подход предлагает основной учебный материал сразу в том виде, в котором это наиболее удобно для человека, а значит, может сильно облегчить процесс его усвоения. Следовательно, будущее тоже за учебниками фреймового типа.

Фреймовый подход обуславливает качество и скорость обучения иностранному языку, а также формирование у студентов представления о многоуровневой системе иностранного языка (фонетический, лексический и грамматический уровни).

Использование фреймов является наиболее важным при формировании профессионального тезариуса. Современное деловое сообщество, как и другие сферы социального взаимодействия, обладает определенной спецификой, которая находит отражение в мышлении и языковом выражении. Профессиональные знания в сфере бизнеса предполагают наличие базовых понятий о производстве, финансах, банковском деле, менеджменте, человеческих ресурсах, маркетинге и т. д.

Например, фрейм «автомобильное дилерство» соотносится с культурной моделью (схемой) «коммерческое событие» или «коммерческая сделка», которая предполагает то, что машины будут куплены и проданы. К тому же он имеет свои переменные: *покупатель, продавец, деньги, товар и обмен*.

В данном фрейме переменная *товары* может ассоциироваться с машинами, а переменная *покупатель* с хорошо одетым человеком. Факт, что человек хорошо одет, предполагает финансовые ресурсы – переменную *деньги*. Присутствие человека в униформе, который вступает в беседу с покупателем, предполагает переменную *продавец*. Количество лексических единиц

активирует культурную модель *коммерческое событие*: *покупать, продавать, стоить, оценивать, тратить, менять*. Эти лексические единицы целесообразнее изучать как единое целое, поскольку они являются лексическими представителями некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания. Для того чтобы понять смысл одного из слов группы, нужно уяснить, что значат они все.

Каждый компонент фрейма «бизнес» обозначает определенный сегмент фрейма «бизнес-пространство». Например, слот «товар» является значимым компонентом. Товаром может стать любой продукт человеческой деятельности – материальный и интеллектуальный. В контексте артефактного мира это продукт, т. е. вещь, необходимая для удовлетворения материальных потребностей людей. В пространстве субъективного мира это услуги медицинские, образовательные, юридические, а также услуги, которые связаны с продвижением товара и его продажей, например, рекламные банковские. Фактически в сфере бизнеса товаром становятся знания, умения и практические навыки субъекта. Так, в товар, как компонент концепта «бизнес», входят свои специфические составляющие: потребительские свойства товара, его отличительные преимущества (достоинства товара), цена (конкурентная), сервисные и гарантийные услуги [3].

Для языковой личности, собирающейся взаимодействовать с партнерами другой бизнес-культуры, очень важным является знание о реальных компаниях, известных фирмах, личностях, общественно-значимых мероприятиях в маркетинговых стратегиях, знания определенных корпоративных культур и т. п. Именно эти реалии, моделирующие реальное общение, заложены в фреймы-ситуации, формирующие стратегические навыки общения, поведенческие модели и ритуалы, лингвистическую адекватность. В результате появляется некий продукт (в виде новых информационных блоков), формирующий совокупный речевой продукт на базе операционных упражнений.

Фреймовая организация знаний охватывает все уровни иноязычной подготовки, начиная с сопоставления грамматических явлений в культурологической парадигме.

В качестве основного приема при формировании грамматикона предлагается метод, основанный на формировании концептуальных грам-

матических фреймов (в частности, формирование концепта времени) и их усвоении в системе коммуникативных упражнений. Контекст-образец (Illustrative Situation/Problem Situation), являющийся алгоритмом предъявления и активизации грамматического материала, следующий: упражнения на замещение (Substitution Drills); упражнения на творческое переосмысление (Inventive Exercises); автоматизация данного явления в коммуникативном контексте (Practice Exercises). При предъявлении грамматической категории используются упражнения-описания (опишите, расскажите, выделите и т. п.). При анализе грамматического явления используются упражнения: объясните, почему; обсудите с партнером; докажите, что; проанализируйте причину; переведите на русский и прокомментируйте использование. Ряд упражнений, направленных на поиск и исправление ошибок, предлагается выполнить студентам для формирования осознанного отношения к употреблению тех или иных грамматических структур [4].

Особое внимание обращается на разницу между русской и английской системой времен. Например, в целях формирования межкультурной коммуникативной компетентности важно показать, каким образом видовременная система в английском языке соотносится с деловым этикетом. Так, студенты должны знать, что подчиненный не может закончить письмо к вышестоящему лицу словами *I'm looking forward to your answer*, поскольку в такой фразе агентивный аспект преобладает над процессуальным, такая временная форма в предложении эксплицирует значение активного деятеля, вынуждающего адресата скорее ответить. При обращении к начальнику это является не только речевой, но и тактической ошибкой. Подчиненному следует написать *I look forward to your answer*, что просто репродуцировало бы стереотипную ситуацию.

Заключение. В результате исследования мы пришли к выводу, что на базе контрастивного анализа соответствующих грамматических концептов в русском и английском языках можно выстроить целую обучающую стратегию. При этом в качестве основного методического приема будет поставлен рефрейминг – изменение фрейма (стереотипной информации, представленной в сознании в виде динамической и статической ментальных моделей), а в качестве основной единицы обучения – моделируемая (учебная) ситуация делового общения.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2004. № 1. С. 13–16.
2. Соколова Е. Е. Фреймовая организация знаний при обучении английскому языку // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 96–104.

3. Чернявская В. Е. Текст и дискурс // Проблемы экономического дискурса: сб. науч. работ / Петерб. гос. ун-т экономики и финансов; отв. ред. Чернявская В. Е. СПб., 2001. С. 11–22.
4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.

References

1. Boldyrev N. N. The conceptual space of cognitive linguistics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of cognitive linguistics]. Tambov, TGU Publ., 2004, no. 1, pp. 13–16 (In Russian).
2. Sokolova E. E. Frame-based organization of the English language knowledge in the teaching process. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovaniye* [Psychological Science and Education], 2008, no. 2, pp. 96–104 (In Russian).
3. Chernyavskaya V. Ye. Text and Discourse. *Problemy ekonomicheskogo diskursa: sbornik nauchnykh rabot* [Problems of economic discourse: Collection of Scientific]. St. Petersburg, 2001, pp. 11–22 (In Russian).
4. Fillmor Ch. Frames and semantic understanding. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [Innovations in foreign linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1988, pp. 52–59 (In Russian).

Информация об авторе

Антонова Ольга Сергеевна – преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: olga2013@gmail.com

Information about the author

Antonova Olga Sergeevna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: olga2013@gmail.com

Поступила 21.03.2016

УДК 811.133.1:81'373.43

Т. А. Сенькова

Белорусский государственный технологический университет

НЕОЛОГИЗМЫ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализируется связь между новыми явлениями в общественной жизни, развитием социально-политической ситуации, достижениями науки, развитием информационных технологий и образованием во французском языке новых слов и выражений, их описывающих. На конкретных примерах рассматриваются различные способы создания неологизмов, а также основные источники новых лексических единиц. Отмечается, что основными генераторами неологизмов являются как традиционные, так и новые средства массовой информации, включая социальные сети, а также живой разговорный язык. В статье подчеркивается, что жесткая конкуренция на рынке масс-медиа заставляет авторов находить новые способы подачи материала, в том числе путем языковых находок. Задачей лингвистов в этих условиях является тщательный отбор новой лексики с целью последующего ее включения в словарь.

Ключевые слова: неология, словообразование, заимствование, масс-медиа, блог, интернет, словарь.

T. A. Senikova

Belarusian State Technological University

NEOLOGISMS IN MODERN FRENCH LANGUAGE

The article deals with the relationship between the new phenomena in the social life, the development of socio-political situation and achievements of science, the development of information technologies and formation of new words and expressions in modern French describing them. Specific examples illustrate various ways to create neologisms, as well as the main sources of new lexical items. It is noted that the main generators of neologisms are both traditional and new media, including social networks, as well as a live spoken language. The article stresses that the fierce competition in the media market compels authors to find new ways of presenting the material, especially using the linguistic findings. The linguists aim in this case at careful selection of new vocabulary for subsequent inclusion in dictionaries.

Key words: neology, derivation, loanword, mass media, blog, internet, dictionary.

Введение. В период глобализации, стремительного развития новых технологий, расширения межкультурных контактов, социально-политических изменений планетарного масштаба все большую роль играет относительно новое направление в языкознании – неология, или наука о неологизмах.

Главным источником неологизмов являются средства массовой информации, не только традиционные (газеты, журналы, бюллетени, радио, телевидение), но и новые, появившиеся благодаря развитию технологий в сфере массовых коммуникаций (интернет-порталы, популярные блоги в социальных сетях и др.).

Язык СМИ приобрел индивидуально-творческий характер благодаря стремлению, с одной стороны, описать новые явления новыми терминами, а с другой – привлечь самобытным стилем аудиторию в условиях жесткой конкуренции на рынке масс-медиа. Тем самым оказывается постоянное мощное воздействие на языковое сообщество и, как следствие, на современный литературный язык.

Стилистика печатного текста позволяет сочетать письменные и разговорные средства языка,

включая заимствования, жаргонизмы, просторечные слова. Строгие газетные рамки расширяются, предоставляя широкое поле для языковых экспериментов. Авторские лексические находки усиливают экспрессию, а потому воспринимаются особенно рельефно.

Максимально используя возможности родного языка, журналисты, колумнисты, блогеры стремятся к резкости слога: создают неологизмы самостоятельно, активно черпая их из различных субкультур. Это позволяет «держаться» аудитории и стимулирует к поиску новых языковых средств выражения и самовыражения.

Отличительной чертой развития неологии во Франции является стремление государства контролировать процессы неологизации, ограничивая приток новых слов в состав французского языка, прежде всего заимствований из других языков. Это явление известно во Франции с давних времен под названием «пуризм». Тем не менее только в 2015 и 2016 годах лингвисты одного лишь словаря Le Petit Larousse, которым пользуются две трети носителей французского языка, включили в него по 150 новых слов, следуя неизменному принципу: «словарь

должен обогащаться новыми необходимыми выражениями для понимания постоянно эволюционирующего мира». При этом слов-кандидатов на включение в словарь было в четыре раза больше: около 600. Часть из них, как свидетельствует практика, может попасть в словарь в будущем. Стоит также отметить, что более строго подходящая к неологизмам Французская академия, начавшая в 1986 году обновление словаря, за это время включила в него около 28 тысяч новых слов и еще не завершила работу, остановившись на букве R [1].

Основная часть. Во французские словари включаются неологизмы, отвечающие двум основным требованиям: 1) активное употребление в устной и письменной речи, 2) отсутствие лексических эквивалентов во французском языке либо явления, которое они описывают, как такового.

Наиболее распространенными приемами образования неологизмов во французском языке являются транслитерация, суффиксация, префиксация, словосложение (включая контаминацию), в меньшей степени аббревиация.

Поскольку транслитерация является прямым заимствованием, этому способу словообразования французская академическая наука сопротивляется больше всего. Тем не менее англицизмы, американизмы, а также слова и выражения из других языков массово включаются в словари.

Так, например, в 2015 году в Le Petit Larousse появились hashtag (слово-ключ со знаком диеза в конце, позволяющее найти все сообщения в микроблогах на данную тему в социальной сети «Твиттер») и selfie (размещаемые в соцсетях автопортреты, сделанные с помощью фотокамеры) [2]. При этом параллельно с selfie используется пришедшее из франкоязычной канадской провинции Квебек «более французское» égorportrait. В этот же словарь включены и такие экзотические слова, как dosha и shakti, заимствованные из санскрита и означающие в альтернативной индийской медицине соответственно «недостаток» и «сила, могущество».

Иногда заимствованные слова попадают в словарь уникальным путем. К примеру, scud («резкая критика») восходит к собственному названию советской баллистической ракеты Р-17 «Скад» (от англ. scud – стремительный): Je me suis pris un scud pour 4 minutes de retard («Я подвергся резкой критике за четырехминутное опоздание»).

Здесь же следует подчеркнуть, что подавляющее большинство слов, образованных от имен собственных, в словари не включаются. Так, в частности, произошло с сочиненным в 2012 году французскими журналистами сло-

вом zlataner («убедительно побеждать») – от имени звезды мирового футбола Златана Ибрагимовича [3].

Префиксация также значительно обогащает французский словарь, в частности, в области интернет-технологий и связанных с ними социальных сетей (cyberattaque, microblog – кибератака, микроблог), экологии (biopétrole, écoresponsable – биотопливо, ответственно подходящий к вопросам охраны окружающей среды), экономики (micropaïement – микроплатеж, например, за покупки в интернете или с помощью СМС), в социальной сфере (périurbanisation – урбанизация, коснувшаяся пригородов и городских окраин).

Новые явления в экономике и политике, а также переосмысление происходящих в этих сферах процессов также приводят ко включению в словари новых слов и выражений: consolidation budgétaire (бюджетная консолидация, означающая сокращение расходов), crise de liquidité (кризис ликвидности), état-parti (государство, в котором правит одна партия), poniste (голосующий «против» на референдумах). Последнее слово, образованное путем субстантивации частицы non – «нет», появилось в 2004 году перед голосованием за Конституцию Евросоюза и через 11 лет было включено в словарь Le Petit Larousse.

Много неологизмов в последние годы появилось в области кулинарии и здорового питания. К примеру, bistronomie, образованное путем сложения слов bistro и gastronomie, характеризует изысканную кухню, блюда которой поданы к столу не в элитном, а простом ресторане. Словом crudivore называют человека, который ест только то, что растет на земле (crus) [4].

Расширение сферы применения тех или иных предметов также приводит к возникновению неологизмов. Например, курящих электронные сигареты словарь Le Petit Robert 2015 года выпуска называет не fumeur (от fumée – дым), а vapoteur (от vaporeur – пар).

Аббревиация при словообразовании используется значительно реже (ovni – objet volant non identifié – НЛО – неопознанный летающий объект) [5].

Заключение. Язык СМИ, живо откликающийся на новые явления во всех сферах общественной жизни, является той областью, где закрепляются, развиваются и часто получают статус нормативных различного рода инновации, пришедшие из живой разговорной речи, а также созданные самими авторами текстов. Задачей лингвистов является тщательный анализ массива неологизмов с целью их дальнейшего включения в словари только после проверки их соответствия языковым нормам.

Литература

1. Guyard B. Académie française contre Larousse: Le match des néologismes [Электронный ресурс] // Le Figaro: электрон. версия газ. 2014. 21 мая. URL: <http://www.lefigaro.fr/livres/2014/05/21/03005-20140521ARTFIG00225-academie-francaise-contre-larousse-le-match-des-neologismes.php> (дата обращения: 25.02.2016).
2. Prieur E. Selfie, hashtag, vapoter... Le Petit Robert se met a la page [Электронный ресурс] // AFP Agence. 2014. 22 мая. URL: <http://www.lefigaro.fr/culture/2014/05/22/03004-20140522ARTFIG00048-selfie-hashtag-vapoter-le-petit-robert-se-met-a-la-page.php> (дата обращения: 25.02.2016).
3. «Zlataner» n'entrera pas dans les dicos! [Электронный ресурс] // Le Parisien: электрон. версия газ. 2013. 26 февраля. URL: <http://www.leparisien.fr/psg-foot-paris-saint-germain/zlataner-n-entrera-pas-dans-les-dicos-26-02-2013-2599229.php#xtref=http%3A%2F%2F> (дата обращения: 26.02.2016).
4. Aissaoui M., Valmalle P. Le Petit Larousse et le Petit Robert: les rivaux des mots nouveaux [Электронный ресурс] // Le Figaro: электрон. версия газ. 2015. 20 мая. URL: <http://www.lefigaro.fr/livres/2015/05/20/03005-20150520ARTFIG00360-le-petit-larousse-et-le-petit-robert-les-rivaux-des-mots-nouveaux.php> (дата обращения: 26.02.2016).
5. Skayem H. S. La néologie [Электронный ресурс] // Espace français. 2016. URL: <http://www.espacefrancais.com/la-neologie> (дата обращения: 01.03.2016).

References

1. Guyard B. French Academy against Larousse: The match of neologisms. *Le Figaro*. 2014 (In French). Available at: <http://www.lefigaro.fr/livres/2014/05/21/03005-20140521ARTFIG00225-academie-francaise-contre-larousse-le-match-des-neologismes.php> (accessed 25.02.2016).
2. Prieur E. Selfie, hashtag, vapoter... Le Petit Robert goes to page. *AFP Agence*. 2014 (In French). Available at: <http://www.lefigaro.fr/culture/2014/05/22/03004-20140522ARTFIG00048-selfie-hashtag-vapoter-le-petit-robert-se-met-a-la-page.php> (accessed 25.02.2016).
3. «Zlataner» will not enter into dictionaries! *Le Parisien*. 2013 (In French). Available at: <http://www.leparisien.fr/psg-foot-paris-saint-germain/zlataner-n-entrera-pas-dans-les-dicos-26-02-2013-2599229.php#xtref=http%3A%2F%2F> (accessed 26.02.2016).
4. Aissaoui M., Valmalle P. Le Petit Larousse and Le Petit Robert: the rivals of new words. *Le Figaro*. 2015 (In French). Available at: <http://www.lefigaro.fr/livres/2015/05/20/03005-20150520ARTFIG00360-le-petit-larousse-et-le-petit-robert-les-rivaux-des-mots-nouveaux.php> (accessed 26.02.2016).
5. Skayem H. S. Neology. *Espace français*. 2016 (In French). Available at: <http://www.espacefrancais.com/la-neologie> (accessed 01.03.2016).

Информация об авторе

Сенькова Татьяна Анатольевна – преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: Senikova@belstu.by

Information about the author

Senikova Tatiana Anatolyevna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: Senikova@belstu.by

Поступила 02.03.2016

УДК 81-25

А. М. Романова

Белорусский государственный технологический университет

**КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ГРАММАТИКЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОСТИ
«ТУРИЗМ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ»**

В публикации рассмотрены вопросы обучения грамматике английского языка при формировании профессионально-ориентированного уровня коммуникативной компетенции, которое является не целью, а одним из важных средств обучения иностранным языкам, неотъемлемым компонентом всех видов речевой деятельности. Коммуникативная грамматика – это средство для построения высказываний в конкретной речевой ситуации. Применение коммуникативного метода в обучении английской грамматике позволяет значительно повысить мотивацию будущих специалистов к изучению иностранного языка, способствует развитию языковой компетенции и, как следствие, увеличивает эффективность коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная грамматика, английский язык, неязыковой вуз.

A. M. Romanova

Belarusian State Technological University

**COMMUNICATIVE APPROACH TO TEACHING STUDENTS
OF A SPECIALITY “TOURISM AND NATURE” ENGLISH GRAMMAR**

Teaching English grammar in the formation of professionally-oriented level of communicative competence is not a goal but an important means of foreign language teaching, an essential component of all kinds of speech activity. Communicative grammar is a tool for constructing utterances in concrete speech situation. Application of this approach aims at increasing educational motivation of future specialists, results in more progressive communication.

Key words: communicative grammar, English language, non-linguistic university.

Введение. Процесс обучения иностранному языку в неязыковом вузе, построенный на коммуникативной основе, расширяет возможности предмета в решении задачи подготовки специалиста. Обучение грамматике английского языка при формировании профессионально-ориентированного уровня коммуникативной компетенции является не целью, а одним из важных средств обучения иностранным языкам, неотъемлемым компонентом всех видов речевой деятельности.

Основная часть. В современном образовательном стандарте по иностранным языкам овладение грамматическими средствами рассматривается в качестве одной из целей обучения в рамках развития языковой компетенции (владение языковыми средствами: фонетическими, орфографическими, лексическими, грамматическими) как важнейшего компонента коммуникативной компетенции.

В процессе речевой коммуникации люди пользуются средствами языка – его словарем и грамматикой – для построения высказываний, которые были бы понятны адресату. Более того, обучаемый должен овладеть «ситуативной грамматикой», которая предполагает использование языка не только в соответствии со смыс-

лом лексических единиц и правилами их сочетания в предложении, но и в зависимости от характера отношений между говорящим и адресатом, от цели общения и от других факторов, знание которых в совокупности с собственно языковыми знаниями составляет коммуникативную компетенцию носителя языка. Также в процессе общения имеет место ориентация на социальные характеристики речевого партнера: его статус, позицию, ситуационную роль, что проявляется в выборе альтернативных речевых средств со стратификациями и речевыми ограничителями. Недостаточный уровень грамматических навыков становится непреодолимым барьером на пути формирования не только языковой, но и речевой и социокультурной компетенции [1].

Принцип коммуникативной направленности является ведущим при подготовке специалиста, исходя из практической цели обучения его иностранному языку: подготовки к реальному общению на иностранном языке. Этот процесс предполагает обучение иностранному языку, при котором обучаемые вовлечены в устную (аудирование, говорение) и письменную (чтение, письмо) коммуникацию [2].

Рассмотрим требования к обучению грамматике с применением коммуникативного подхода: 1) грамматический материал должен отражать естественное использование языка в общении без искусственных примеров и надуманных ситуаций; 2) в учебном материале необходимо выделять формальные, семантические и функциональные аспекты, для того чтобы обучаемые могли установить связь между ними в определенных контекстах; 3) грамматический материал целесообразно предъявлять в доступном объеме с целью возможности его закрепления в новых контекстах; 4) пояснения и правила должны быть краткими, точными и простыми, адекватно отражающими специфику грамматического материала; 5) для закрепления грамматических явлений следует использовать различные виды общения, в том числе парную и групповую работу [3].

Формирование грамматических навыков носит поэтапный, стадийный характер. Этими этапами становятся этапы ознакомления, тренировки и применения. На этапе ознакомления необходимо раскрыть значение, формообразование и употребление грамматической структуры, обеспечить контроль ее понимания и первичное закрепление. Коммуникативная направленность обучения иностранному языку предполагает общую установку на функциональную направленность новой грамматической структуры.

Чтобы состоялось адекватное осознание конкретного грамматического явления, необходимо раскрыть значение нового грамматического явления, обратить внимание на особенности его формы, продемонстрировать употребление в речи через раскрытие его формальных признаков, объяснение его семантических особенностей, раскрытие функции в речевом контексте, проведение первичного закрепления [4].

Подготовка студентов специальности «Туризм и природопользование» основана на интеграции научных исследований и образовательных технологий, успешная реализация которых объективно невозможна без должной языковой подготовки.

Этим объясняется ориентированность их подготовки на обучение коммуникативной грамматике: у студентов должно быть сформировано представление о том, какая из многочисленных грамматических форм (или структур) будет наи-

более адекватно выражать содержание высказывания, иными словами, будет наиболее полно реализовывать цель коммуникации. Выбор грамматических структур определяется не только принципами сочетаемости слов и последовательности их употребления, но и формой коммуникации (письменной или устной), ситуацией коммуникативного акта, намерением говорящего, характеристиками адресата.

Обучение коммуникативной грамматике предполагает использование только аутентичных материалов, исключая «искусственные» примеры и абстрактные речевые ситуации.

Лексический материал, на котором осваивается грамматика, должен быть уже знаком обучающимся, что нивелирует возможные дополнительные трудности в освоении грамматических правил, и актуален: обучающиеся должны быть заинтересованы в коммуникативном акте. Кроме того, любое грамматическое явление должно быть рассмотрено с точки зрения формы, содержания и функции, иными словами, в аспекте взаимосвязи внешней структуры с сообщаемой ею идеей и возможными способами ее реализации в конкретной речевой ситуации. Отработка приобретаемого навыка реализуется во всех видах речевой деятельности [4].

Задействовав в образовательном процессе по данной специальности аутентичный учебник «Oxford Course of English for Careers. Tourism», мы успешно проводим обучение коммуникативной грамматике по следующему алгоритму: постановка проблемы и поиски вариантов решения; выявление грамматических структур и определение возможных содержательных составляющих; обсуждение содержательных составляющих и определение алгоритма выбора адекватных грамматических структур; формирование навыка путем выполнения общеизвестных и широко используемых учебных упражнений; применение навыка при продуцировании устной или письменной речи.

Выводы. Использование коммуникативного метода в обучении английской грамматике, основывающегося на личностно-ориентированных методах преподавания, способствует ведению различных видов речевой деятельности, развитию языковой компетенции и, как следствие, увеличивает эффективность коммуникации.

Литература

1. Проблема эффективности языковой подготовки инженера при переходе на двухуровневую систему образования / А. В. Баранова [и др.] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (20). С. 40–44.
2. Донцова Т. В., Арнаут А. Д. Формирование инженерного мышления в процессе проектной деятельности // Инженерное образование. 2014. Вып. 16. С. 70–75.

3. Стрельникова А. Б. Коммуникативная грамматика английского языка: методы преподавания в техническом вузе // Молодой ученый. 2015. № 8. С. 1039–1042.

4. Hopkins D., Cullen P. Cambridge Grammar for IELTS: Grammar Reference and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 248 p.

References

1. Baranova A. V., Bolsunovskaya L. M., Korotchenko T. V., Matveenko I. A. The Problem of Effectiveness of Teaching Foreign Languages while Introducing the Two-Level System of Higher Education. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Linguistics. Theoretical and Practical Aspects], 2013, no. 2 (20). pp. 40–44 (In Russian).

2. Dontsova T. V., Arnautov A. D. Development of Engineering Thought through the Process of Projecting. *Inzhenernoye obrazovaniye* [Technical Education], 2014, vol.16, pp. 70–75 (In Russian).

3. Strel'nikova A. B. Communicative Grammar Course of English Grammar: Methods of Teaching at Technical University. *Molodoy uchenyy* [Young Thought], 2015, no. 8, pp. 1039–1042 (In Russian).

4. Hopkins D., Cullen P. Cambridge Grammar for IELTS: Grammar Reference and Practice. Cambridge, Cambridge University Press, 2007. 248 p.

Информация об авторе

Романова Анна Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: annaromanova@yahoo.com

Information about the author

Romanova Anna Mikhailovna – PhD (Pedagogics), Assistant Professor, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: annaromanova@yahoo.com

Поступила 18.03.2016

УДК 802/809-07

Ю. И. Давыденко

Белорусский государственный технологический университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

В статье раскрывается сущность деятельностного подхода, который рассматривается в качестве теоретической базы построения системы обучения иностранному языку в условиях модернизации образования. Выявлены принципы отбора содержания образования и его компонентный состав. Важным достоинством данного метода является рост заинтересованности и повышение мотивации студентов, что, в свою очередь, ведет к значительному росту эффективности изучения иностранного языка и расширению возможностей студентов для их дальнейшей учебы, в том числе и на английском языке, интернационализация и интеграция в международное сообщество и, как следствие, повышение статуса университета.

Ключевые слова: деятельностный подход, компетенции, мотивация, речевая деятельность, языковые навыки.

Yu. I. Davydenko

Belarusian State Technological University

ACTIVITY APPROACH IN TEACHING OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article reveals the basics of a activity approach, which is considered as a theoretical foundation of the system of foreign language education in the context of educational modernization. The selection criteria of the content of education and its components are identified. The method implies that language teaching runs parallel to content teaching. The important advantage of the method is the growth of interest and increasing the motivation of students, which in turn, leads to a significant increase in the efficiency of learning a foreign language. The main objective of the course is to prepare the students for further studies including study in English, as well as internationalization, specifically EU integration, and thus enhancing the university profile.

Key words: activity approach, competences, motivation, linguistic abilities, language skills.

Введение. На данный момент не существует универсального метода обучения, так как эффективность того или иного метода зависит от многих факторов. На современном этапе развития методики происходит интеграция методов. Можно сказать, что началось образование комплексного метода, который вбирает в себя лучшие элементы разных методов.

Одной из современных методов обучения иностранному языку является деятельностная методика. Она соотносима с идеей об активности обучаемого, об обучении как активной, сознательной, творческой деятельности и предполагает обучение общего в единстве всех его функций: регулятивной, познавательной, ценностно-ориентационной и этикетной.

Основная часть. Особенности деятельностного подхода в обучении иностранного языка тесно связаны со спецификой самой учебной дисциплины «иностранному языку», которая заключается в том, что:

– иностранный язык рассматривается как средство общения в типичных ситуациях;

– изучая иноязычную лексику, студенты овладевают средствами восприятия и выражения мыслей об уже известных им предметах и явлениях;

– главной задачей в изучении иностранного языка является не добыча новых сведений об окружающей их действительности, как это происходит при изучении других предметов, а формирование представления о культуре других стран через язык [1].

Как мы видим в содержании и целях обучения иностранному языку уже заложен деятельностный подход, что определяет не только особенности организации обучения, но и специфику и преимущества иностранного языка перед другими дисциплинами.

Каким образом происходит эта организация? Деятельностный подход на занятиях осуществляется через:

1) моделирование и анализ жизненных ситуаций на занятиях;

2) использование активных и интерактивных методик;

3) участие в проектной деятельности, владение приемами исследовательской деятельности.

4) вовлечение студентов в игровую, оценочно-дискуссионную, рефлексивную, а также проектную деятельность, обеспечивающую свободный поиск эффективного, отвечающего индивидуальности студента подхода к решению задачи.

При деятельностном подходе к обучению основным элементом работы студентов будет решение задач, т. е. освоение деятельности, особенно новых ее видов: учебно-исследовательской, поисково-конструкторской, творческой и др. В этом случае фактические знания станут следствием работы над задачами, организованными в целесообразную и эффективную систему.

Параллельно с освоением деятельности студент сможет сформировать свою систему ценностей, поддерживаемую социумом. Из пассивного потребителя знаний студент становится активным субъектом образовательной деятельности. Категория деятельности при таком подходе к обучению является фундаментальной и смыслообразующей всего процесса обучения.

Предполагается, что студенты выполняют следующие действия:

- работают с источниками информации, с современными средствами коммуникации;
- критически осмысливают актуальную социальную информацию, поступающую из разных источников, формулируют на этой основе собственные заключения и оценочные суждения;
- решают познавательные и практические задачи, отражающие типичные ситуации;
- анализируют современные общественные явления и события;
- осваивают типичные социальные роли через участие в обучающих играх и тренингах, моделирующих ситуации из реальной жизни (на занятиях гуманитарного цикла)
- аргументируют защиту своей позиции, оппонировать иному мнению через участие в дискуссиях, диспутах, дебатах о современных социальных проблемах;
- выполняют творческие работы и исследовательские проекты [2].

Основной принцип деятельностного подхода состоит в том, что знания студенты получают самостоятельно, участвуя в исследовательской деятельности. Задача преподавателя при введении или отработке материала – организовать исследовательскую работу студентов так, чтобы они сами нашли решения проблемы, отработали в речи грамматические и лексические структуры.

Для активизации познавательной и практической деятельности студентов на занятиях иностранного языка можно использовать разнообразные приемы, формы и методы организации учебно-воспитательного процесса.

Использование деятельностного подхода формирует мотивацию студентов к изучению иностранного языка, создает положительный эмоциональный фон урока. Приемы работы могут быть разнообразны: игровые формы дея-

тельности при введении и закреплении новой лексики, активизация речевой деятельности с помощью разнообразного дидактического и раздаточного материала, создание компьютерной анимации и слайдов, озвученных на иностранном языке.

Обязательная коммуникативная направленность процесса обучения языку должна найти отражение в целях, содержании, структуре, методах и приемах работы на каждом отдельном занятии и в системе занятий в целом.

Если преподаватель желает, чтобы студенты научились общаться на иностранном языке, он обязательно должен быть готов к диалогу со студентами, к тому, что он – равноправный участник этого диалога, но не стараться отстраниться от ситуации общения.

Большую роль в данной методике играет самостоятельная познавательная деятельность студентов. Не приветствуется подача обучаемым готового материала, они должны проявлять самостоятельность, ибо это способствует запоминанию. Основная идея этой методики: лучший способ обучения – это общение.

Основные принципы этой методики можно сформулировать так:

- принцип необходимости логического мышления;
- принцип активности;
- принцип первичного овладения языковыми средствами (т. е. до работы с содержащим сообщаемого);
- принцип использования речекommункативных единиц (языковые речекommункативные единицы – это такие языковые единицы, которые обладают речевым статусом и обеспечивают полноценную коммуникацию с точки зрения свободы их выбора в речи с учетом смысла сообщаемого).

Положительной стороной деятельностной методики является формирование навыков выбора языковых средств при говорении исходя не только из смысла сообщаемого, но из умения построить логическую последовательность, используя речекommункативные единицы.

Международная коммуникация представляет собой столкновение различных взглядов на мир, при котором коммуниканты не осознают различия во взглядах, считая свое видение мира нормальным. При межкультурном общении вероятность непонимания намного возрастает, так как принадлежность коммуникантов к разным культурам часто нарушает их ожидания. Следовательно, представляется, что задача преподавания состоит не только в том, чтобы научить студентов владению иностранным языком, но и в том, чтобы подготовить их к межкультурным контактам, иначе говоря, научить

их признавать культурное многообразие и различие людей.

Деятельностный подход является ведущим средством достижения данной цели. Он обеспечивает полный и взвешенный охват всех сторон, аспектов и операций овладения иностранным языком в комплексе всех его функций.

Человек говорит, чтобы воздействовать на поведение, мысли и чувства других людей через речевую деятельность. Значит, научить коммуникации можно только за счет вовлечения студентов в различного рода деятельность, путем моделирования реальных жизненных ситуаций общения на основе систематизации языкового материала, что и дает нам деятельностный подход.

Процесс обучения в рамках деятельностного подхода строится по модели коммуникации. В соответствии с этой моделью обучение максимально приближено к реальному общению. Поскольку обсуждаемые проблемы не имеют, как правило, однозначного решения, то обсуждающие их участники – преподаватель и студенты – равноправны как речевые партнеры. Поэтому основной чертой данного подхода является коммуникативность, которая включает в себя целый ряд характеристик, позволяющих осуществлять переход от первых социальных контактов к ситуациям. Коммуникативность предусматривает речевую направленность обучения, стимулирование речемыслительной активности, обеспечение индивидуализации, учет функциональности речи, создание ситуативности обучения, соблюдение принципа новизны и нешаблонности организации учебного процесса.

Ситуации могут быть реальными, условными, воображаемыми, сказочными. Главное – все они должны соотноситься с возрастными и психологическими особенностями студентов. Ситуации могут быть конкретными, и тогда речь студента является их непосредственным отражением. Студенты выражают свое собственное суждение, отношение, соглашаются или опровергают мнение преподавателя, используя различные речевые клише. Поэтому обсуждение проблемы есть реальное общение на занятии. Ситуацию можно изобразить при помощи наглядных средств (ситуативных картинок, магнитной доски), которые будут отражать определенное место и время действия, сделать ее статичной или динамичной (изменить компоненты, переставить действующих лиц, добавить новых персонажей).

Очень важно, чтобы студенты могли «пропустить ситуацию через себя», придавая ей личный характер. Это повышает эффективность усвоения иностранного языка, так как наряду с интеллектом подключаются эмоции. Личностно-значимой ситуацию делает роль, которую

студенты получают на время или постоянно. Наиболее адекватным приемом обучения говорению являются различные формы драматизации, включая импровизации и ролевые игры [3].

Параметры коммуникативного общения реализуются в коммуникативном поведении преподавателя, активном поведении студента, в предметах обсуждения, ситуации общения, использовании речевых средств.

Первостепенное значение придается пониманию, передаче содержания и выражения смысла, грамматика служит фундаментом для достижения этой цели. Студентам необходимо знать, какими языковыми средствами выразить свою мысль в непосредственной ситуации на уроке, когда они обмениваются мнениями, опытом и знаниями. Студенты должны осознавать, что грамматические формы необходимы для выполнения коммуникативной задачи и что очень важно соотношение между формой и ее использованием в речи. При деятельностном подходе введение грамматических форм и работа над ними осуществляется в контексте с тем, чтобы студенты могли видеть, как они используются для передачи значения. Инструкция к заданиям содержит речевую задачу. Немаловажно и то, что механические воспроизводящие упражнения отсутствуют: их место занимают игровые ситуации, работа с партнером, задания на поиск ошибок, сравнения и сопоставления, подключающие не только память, но и логику, умение мыслить аналитически и образно. Весь комплекс приемов помогает создать иноязычную среду, в которой должны «функционировать» студенты: читать, общаться, участвовать в дискуссиях, излагать свои мысли, делать выводы.

Деятельностная методика способствует быстрому овладению студентами навыками разговорной речи. Это обеспечивается за счет усвоения различных видов монологической речи, типовых диалогов и форм языкового моделирования. Здесь, на первом плане находится конкретная языковая модель. Основной единицей урока и всей стратегии обучения данной методики является акт говорения [4].

Критерии отбора языковых единиц в процессе обучения иностранному языку довольно просты, так как для студентов всегда интересна информация о современной жизни сверстников, их интересах, увлечениях; студентов интересуют зарубежная современная музыка, спорт, учеба, традиции и обычаи страны изучаемого языка. Подобная информация способствует формированию социокультурной компетенции студентов, ценностному отношению к иностранному языку как феномену национальной и общечеловеческой культуры и цивилизации.

Заключение. Таким образом, деятельностный подход отвечает дидактическим принципам научности, системности, связи теории с практикой, сознательности, активности, наглядности и доступности. Учитываются возрастные, индивидуальные, личностные особенности. Организация обучения посредством деятель-

ностного подхода на данный момент является приоритетной методологической формой. Преподаватели должны вырабатывать такие приемы, формы и методы обучения, которые обеспечивают процесс саморазвития и самореализации у студентов, а также формируют коммуникативное единство с миром и обществом.

Литература

1. Зубрилина И. В. Коммуникативно-деятельностный подход в обучении иностранному языку. [Электронный ресурс]. URL: <http://inesszubrilina.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.12.2015).
2. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Арти-Глассо, 2000. С. 150–152.
3. Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам, базовый курс лекций: пособие для студентов педвузов и училищ. М.: Просвещение, 2005. С. 89.
4. Лактина Н. В. Специфика деятельностного подхода в аспекте обучения иностранным языкам. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/145/5682> (дата обращения: 11.01.2016).

References

1. Zubrilina I. V. *Kommunikativno-deyatelnostnyy podkhod v obuchenii inostrannomu yazyku* [Communicative-activity approach in teaching foreign languages]. Available at: <http://inesszubrilina.ucoz.ru/> (accessed 15.12.2015).
2. Halskova N. D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern methods of teaching foreign languages]. Moscow, Artie-Glasso Publ., 2000, pp. 150–152.
3. Solovova E. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam, bazovyy kurs lektsiy: posobiye dlya studentov pedvuzov i uchilishch* [Methods of teaching foreign languages, a basic course of lectures: manual for students of pedagogical institutes and colleges]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 2005, p. 89.
4. Lactina N. V. *Spetsifika deyatelnostnogo podkhoda v aspekte obucheniya inostrannym yazykam* [Specificity of the activity approach in the aspect of foreign language teaching]. Available at: <http://www.scienceforum.ru/2013/145/5682> (accessed 11.01.2016).

Информация об авторе

Давыденко Юлианна Ивановна – преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: davydenkojulianna@gmail.com

Information about the author

Davydenko Yulianna Ivanovna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: davydenkojulianna@gmail.com

Поступила 16.03.2016

УДК 811.112:159.953.4

Н. А. Козловская

Белорусский государственный технологический университет

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МНЕМОТЕХНИКИ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ С ЦЕЛЬЮ РАЗВИТИЯ ПАМЯТИ
И УВЕЛИЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ БАЗЫ**

Автор статьи констатирует тот факт, что в последнее время на занятиях по иностранному языку очень активно стал использоваться метод мнемотехники. Главным принципом любой мнемотехники является замена абстрактных объектов понятиями, имеющими визуальное или слуховое представление, а также связывание объектов с уже имеющейся информацией для упрощения ее запоминания. Образная, ассоциативная память, использование различных приемов для ее совершенствования повышает эффективность изучения не только немецкого языка, но и других наук, а также помогает в повседневной жизни.

Ключевые слова: мнемотехника, мнемоника, визуализация, ассоциация, рифмовка.

N. A. Kozlovskaya

Belarusian State Technological University

**FUNCTIONING OF MNEMONICS IN THE GERMAN LANGUAGE CLASSES
IN ORDER TO DEVELOP MEMORY AND INCREASE LEXICAL BACKGROUND**

The author states that the method of mnemonics has recently become very actively used in the foreign language classes. The main principle of any mnemonics is to substitute the abstract objects by the concepts that have visual or auditory representation, as well as binding the objects with information already available to facilitate its memorization. Imaginative, associative memory, the use of various techniques to improve it increases the effectiveness of learning, not only the German language but also other sciences, and it also helps in everyday life.

Key words: mnemotechnique, mnemonics, visualization, association, rhyme.

Введение. Преподаватель иностранного языка должен поддерживать интерес к изучению иностранного языка, повышать мотивацию, развивать творческое и ассоциативное мышление и языковую догадку. Одним из эффективных методов для активизации познавательного интереса у студентов является мнемотехника.

Мнемотехника – это специально разработанные приемы и способы, облегчающие запоминание определенных типов информации. В некоторых учебниках и курсах авторы используют термин «мнемоника» для обозначения всей совокупности приемов и методов запоминания информации, применяемых для определенных данных, а термин «мнемотехника» трактуется как применение на практике методов, определенных для данной конкретной мнемоники [1]. Главным принципом любой мнемотехники является замена абстрактных объектов понятиями, имеющими визуальное, слуховое или реже иное чувственное представление, связывание объектов с уже имеющейся информацией (построение ассоциаций) для упрощения ее запоминания.

Основная часть. Для того чтобы выучить немецкий язык, следует запомнить огромное количество новой информации: иностранные слова, речевые обороты, грамматические правила. Как все это удержать в памяти? Это самое

сложное. Каждый, кто пытался выучить иностранный язык, знает, что иностранные слова, на заучивание которых ушло несколько часов, моментально забываются. В итоге желание выучить язык пропадает.

В то же время приемы мнемотехники, согласно проводившимся исследованиям, во много раз облегчают запоминание и последующее воспроизведение информации, в том числе иностранных слов и грамматических правил. И все это делается без зубрежки.

Принцип мнемотехники следующий: новую информацию следует трансформировать в яркие и запоминающиеся звуковые или зрительные образы и связать ее с уже имеющейся у нас информацией. Так как информация в наш мозг поступает через органы чувств: слух, осязание, зрение, вкус, то можно сделать вывод о том, что чем больше органов чувств задействовано в процессе обучения, тем лучше мы запоминаем информацию. Но наряду с чувственным восприятием в процессе обучения важную роль играет и мышление. А это, в свою очередь, означает, что мы, чтобы сохранить в памяти информацию, должны подключать также логику и фантазию.

Итак, процесс изучения иностранного языка методами мнемотехники состоит из нескольких этапов.

1. Выбор полноценного учебного материала

Это учебник и аудиозапись. Идеальный вариант – когда кассету озвучивают актеры. Они способны предоставить вам большое разнообразие тембров, темпа, эмоциональных состояний. Научившись понимать идеально правильную речь, вы с трудом будете понимать речь настоящего иностранца, который часто понятия не имеет о правильном произношении и правильной грамматике.

2. «Форматирование» своей памяти

В мозге необходимо сформировать примерно 1000 вспомогательных опорных образов, на которых последовательно будут фиксироваться новые запоминаемые слова и фразы. Тысячи достаточно. Так как после закрепления очередной порции новых слов и фраз на те же опорные образы можно записывать новые слова и новые фразы. Система опорных образов может быть использована многократно.

Если человек повторяет, глядя в учебник, это называется не повторением, а повторным восприятием информации. Мнемотехника четко разделяет эти два процесса. В мнемотехнике повторением называется воспроизведение информации исключительно по памяти. Привычное для всех повторение и мнемоническое повторение – это совершенно противоположные процессы. При повторном восприятии информации из учебника она поступает в мозг. При припоминании информация генерируется мозгом, т. е. выводится из мозга [2]. И если заранее не была сформирована система вспомогательных опорных образов, то процесс равномерного повторения (припоминания) большого количества новых слов и фраз невозможен.

3. Дозирование учебного материала

На первых уроках новых слов мало (около 30–50). На среднем этапе обучения уроки становятся более объемными. Значит, нужно быть готовыми запомнить на одном дыхании примерно 150–250 новых иностранных слов. Запомнить в четкой последовательности, так, как они даются в уроке. К этому следует прибавить и запоминание новых фраз. Но фразы рекомендуются запоминать только после качественного закрепления содержащихся в них слов.

4. Запоминание новых слов

Запоминание новых слов урока выделяется мнемотехникой в первостепенную задачу. Рекомендуется не изучать урок до тех пор, пока слова не будут качественно закреплены в памяти. Технология фиксации в памяти новых слов урока следующая. Сначала следует запомнить не русские слова, и не немецкие слова, а смысл слов.

Это зрительные образы, которые обозначаются словами. Как бы разные люди не называли образ «машина», все они представляют

в воображении один и тот же предмет. Язык образов один для всех. Мнемотехника учит быстро кодировать в образы любые части речи. Не только существительные, но и предлоги, наречия, глаголы, прилагательные. Далее следует этап запоминания произношения [3]. Произношение запоминается комбинацией трех методов:

- многократным прослушиванием слова;
- подбором слова, похожего по звучанию в русском языке (die Trauer – траур, rot – красный, как рот, die Schlange – змея, длинная как шланг);
- фонетическими образными кодами (образные аналоги транскрипции).

Не следует навязывать студентам свои ассоциации. Ценность идеи – наличие у каждого своего ассоциативного образа при данных требованиях: связь и общая заданная тема. Главное в образовании ассоциаций – это яркость образа. Чем ярче воображение, тем легче создавать связи между ними, соответственно больше слов запомнится. Ассоциации должны быть необычными, нестандартными, абсурдными, смешными, образными, неожиданными, новыми. Например, глагол besuchen (посетил базар и остался без уха).

5. Закрепление новых слов в памяти

После первичного запоминания очередных новых слов урока следует отложить учебник и приступить к закреплению новых слов в памяти. Прежде всего, необходимо убедиться в том, что получается последовательно и без подсказок воспроизвести все слова. Прослушивание фонограммы при запоминании гарантирует правильное воспроизведение произношения по образам, подсказывающим произношение. В течение нескольких дней эти слова прорабатываются в воображении в любое свободное время путем их последовательного воспроизведения. Конечная цель – образовать устойчивую связь между образом-значением и его названием на иностранном языке. После образования такой связи вспомогательные образы-подсказки становятся ненужными. Также не нужны и образы, первоначально обеспечивающие фиксацию последовательности слов. После закрепления слов в памяти иностранное слово понимается автоматически (в воображении рефлекторно возникает зрительный образ). И при возникновении в воображении зрительного образа в сознании мгновенно звучит его произношение на немецком языке.

Преподавателю всегда хочется достичь того, чтобы понятие «перевод» потеряло смысл. То есть научить запоминать новые слова так, чтобы между зрительным образом и словесным обозначением установились связи. Тогда иностранную речь начинают понимать непосредственно, как и речь на родном языке, а образы возникают в воображении рефлекторно под

стимулирующим действием слов. Рефлекс должен работать автоматически и мгновенно. Если этого нет, то, несмотря на отличные оценки, студент забудет и новые слова, и сопровождающую грамматику. Поэтому задача состоит в том, чтобы помочь сформировать такой рефлекс.

Выделяют следующие методы и приемы мнемотехники.

1. Техника визуализации. Метод ассоциаций (картинки, фразы), которые соединяются с запоминаемой информацией. В памяти должна хорошо закрепиться определенная ситуация. Каждый раз, когда придется иметь дело со словом *Glas*, перед глазами должна появиться картинка с плавающим в море стаканом. А раз стакан в море, значит, он среднего рода. Но нужно иметь в виду, что можно выбрать любые образы для артиклей. Главное, всегда использовать одни и те же образы.

2. Прием ассоциативных связей. Например: наПраво – *Rechts*, наЛево – *Links*. А так легче запомнить правило употребления союзов *als – wenn: als in der Vergangenheit einmalig, wenn in der Gegenwart mehrmalig*, или род имен существительных: *deR FehleR, diE FahnE, daS GedächtniS*.

3. Техника составления рифмовок (стишков) для запоминания различных слов, правил и исключений.

Например: *Die Suffixe „-chen“ und „-lein“ machen alle Dinge klein* или *Bei Verben auf -ieren*

kann nichts passieren: ohne ge-, aber hinten -t. Или для предлогов, которые употребляются с винительным падежом, – *Bis, durch, gegen, ohne, um, für – öffnen dem Akkusativ die Tür* и т. д.

4. Техника составления аббревиатур. Например, для запоминания сочинительных союзов используем слово «ADUSO» – *aber, denn, und, sonder, oder*.

Закключение. Таким образом, использование на уроках немецкого языка эффективных способов развития ассоциативной памяти и некоторых мнемонических приемов позволяет улучшить качество знаний и добиться стопроцентной успеваемости, повысить мотивацию к изучению немецкого языка, развить познавательные интересы.

Образная, ассоциативная память, использование различных приемов для ее совершенствования повышают эффективность изучения не только немецкого языка, но и других наук, а также помогают в повседневной жизни. Она способствует повышению общего интеллектуального уровня студентов и стимулирует их познавательную активность [4]. И, конечно, чем более уместно преподаватель использует в своей работе разные образовательные технологии, специальные методы и приемы, наглядность, тем интереснее проходят уроки, тем успешнее становится работа учащихся, тем прочнее усваивается учебный материал.

Литература

1. Суперпамять: сайт. Москва, 2002–2006. URL: <http://www.mnemonikon.ru/> (дата обращения: 20.02.2016).
2. Марчан Н. Б. О некоторых приемах повышения эффективности изучения лексики // Иностранные языки в школе. 2004. № 5. С. 30–34.
3. Зиганов М. А., Козаренко В. А., Семин А. Н. Техника запоминания иностранных слов. М.: Образование, 2002. С. 43–49.
4. Никитина Т. Б. Как развить суперпамять, или запоминаем быстро и легко. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006. С. 121–126.

References

1. *Superpamyat'* [Supermemory]. Available at: <http://www.mnemonikon.ru/> (accessed 20.02.2016).
2. Marchan N. B. About some effective of lexic studying *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages in the school], 2004, no. 5, pp. 30–34 (In Russian).
3. Ziganov M. A., Kozarenko V. A., Semin A. N. *Tekhnika zapominaniya inostrannykh slov* [Technique of foreign words remembering]. Moscow, Obrazovanye Publ., 2002, pp. 43–49.
4. Nikitina T. B. *Kak razvit' superpamyat', ili zapominayem bistro i legko* [How to develop supermemory or remember fast and easy]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2006, pp. 121–126.

Информация об авторе

Козловская Наталья Анатольевна – преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: kozlovskaya@belstu.by

Information about the authors

Kozlovskaya Natal'ya Anatol'evna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: kozlovskaya@belstu.by

Поступила 05.03.2016

УДК 802/809-07

В. В. Царенкова, С. И. Шпановская

Белорусский государственный технологический университет

**К ВОПРОСУ О ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРЕИМУЩЕСТВАХ
ПРЕДМЕТНО-ЯЗЫКОВОГО ИНТЕГРИРОВАННОГО
ОБУЧЕНИЯ**

В статье раскрывается сущность интегрированного предметно-языкового подхода в обучении CLIL (Content and Language Integrated Learning). Выявлены и проанализированы лингвистические и когнитивные преимущества CLIL. Рассматриваются принципы интегрированного обучения при формировании общих компетенций студентов. Описываются механизмы осуществления предметно-языкового интегрированного подхода и условия, необходимые для достижения ожидаемых результатов. Интегрированный предметно-языковой подход рекомендован Европейской комиссией для использования на всех уровнях образования. Показано, что обучение, базирующееся на данном подходе, предоставляет студентам возможность изучать дисциплину и иностранный язык одновременно; для изучения иностранного языка не требуется дополнительных часов в учебном плане, что способствует интенсификации общеобразовательной и профессиональной подготовки в вузе.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, компетенции, двуязычное обучение, мотивация, языковые навыки.

V. V. Tsarenkova, S. I. Shpanovskaya

Belarusian State Technological University

**THE QUESTION OF LINGUISTIC ADVANTAGES OF CONTENT
AND LANGUAGE INTEGRATED LEARNING**

The article reveals the essence of integrated approach for learning content through an additional language CLIL (Content and Language Integrated Learning). The article describes and analyzes both linguistic and cognitive advantages of Content and Language Integrated Learning approach. It reviews some approaches of CLIL in developing overall competences, functional scheme and some key factors needed for its successful implementation. Content and Language Integrated Learning approach was recommended by the European Commission for use in all levels of education system, since, firstly, provides students the opportunity to study a foreign language and content at the same time; secondly, study a foreign language does not require extra hours in the curriculum, which contributes the intensification of education and professional training at universities.

Key words: content language integrated learning, competences, bilingual education, motivation, language skills.

Введение. На современном этапе развития теории и практики преподавания вопрос создания мотивов учебной деятельности студентов считается одним из центральных. Качество обучения во многом зависит от того, насколько мотивировано оно в глазах студентов. Такое положение является вполне естественным, так как любая деятельность, в том числе речевая, начинается с побудительно-мотивационной фазы. В образовательной политике подобная переориентация привела к созданию интегрированных курсов обучения. В связи с этим появляются новые образовательные технологии обучению иностранным языкам. Одной из таких технологий является предметно-языковое интегрированное обучение.

Основная часть. Использование предметно-языкового интегрированного обучения является одной из наиболее сложных методических задач преподавателя иностранного языка.

Она требует знаний содержания программ и учебников по другим предметам и представляет собой метод, при котором либо обучение по ряду дисциплин в вузе происходит на иностранном языке, либо преподаватель иностранного языка использует междисциплинарную тематику на занятиях по иностранному языку. Иностранный язык в данном случае выступает не только как средство коммуникации, но и как инструмент познавательной деятельности, а обучение на родном и иностранном языке представляет собой единый процесс [1].

Следует также отметить, что в основе данного метода лежит теория «порогов», которая объясняет взаимозависимость между когнитивной способностью и степенью билингвизма личности. Согласно данной теории, разработанной Дж. Камминсом [2], взаимосвязь познавательной способности и индивидуального билингвизма можно проиллюстрировать с помощью

идеи двух порогов. Каждый порог представляет собой определенный уровень владения языковой компетенцией. Первый порог – это уровень владения языковой компетенцией, которого учащийся должен достичь, чтобы избежать негативных последствий двуязычия. Второй порог – уровень, который является необходимым для проявления позитивных последствий билингвизма.

Проектирование учебной деятельности по данной методике реализуется с учетом следующих рекомендаций:

1) необходимо планировать и организовать каждое занятие, исходя из принципа «4 C» Content, Communication, Cognition, Culture;

2) каждое занятие должно иметь ясно сформулированные цели, результаты обучения, методы и критерии оценивания и рефлексии;

3) преподаватель должен регулярно проводить самоанализ своих занятий на основе проверочного листа по методике интегрированного обучения;

4) необходимо использовать в практике поддерживающее формирующее оценивание и альтернативные формы оценивания;

5) необходимо разрабатывать и подбирать качественные материалы, средства наглядности и аутентичные тексты для интегрированного обучения предмету и языку по всем предметным курсам.

При подходе предметно-языкового интегрирования язык преподавания – иностранный язык, который редко или никогда не используется в социальном контексте вне учебной аудитории, что ограничивает объем неформального обучения. Аудиторные занятия формируют основную, а часто единственный контекст, в котором студенты могут использовать изучаемый язык. В результате интегрирование увеличивает возможности изучения языка и языковой практики без увеличения часов в рамках общей образовательной программы и объема аудиторных часов преподавателей, осуществляющих обучение непосредственно иностранному языку. Особенностью метода является объединение содержания и языка посредством обучения содержательной дисциплине через иностранный язык и изучение иностранному языку через содержательную дисциплину.

Общие цели интеграционного подхода могут быть обширными, но обязательно должны заключаться в следующем: развивать навыки межкультурного общения; готовить к международному общению; создать возможность изучать тематические дисциплины с различных точек зрения; изучить профессиональную терминологию на целевом языке; улучшить общие компетенции изучаемого языка, развивать на-

выки устной коммуникации, включать разнообразные методы и формы аудиторных занятий; увеличивать мотивацию студентов.

Эти цели часто называют «4 C» или «4 K»: Content, Cognition, Communication, Culture (контент, когнитивность, коммуникация, культура).

Контент (содержание) – означает интегрирование содержательного компонента в рамках всей образовательной программы.

Когнитивность (познавательная способность) – творческий подход, более широкий образ мышления и способ обработки знаний.

Коммуникация (общение) – передача идей, мыслей, убеждений и ценностей.

Культура – изучение и понимание значения языка.

Проблема контента (содержания) связана не только с приобретением знаний и навыков, но и с тем, что студенты формируют свои знания, учатся понимать и развивать свои навыки. Речь в данном случае идет о персонализированном обучении [3].

Контент, в свою очередь, тесно связан с механизмами изучения и мышления, т. е. с когнитивной способностью. Для того чтобы развить у студентов умение интерпретировать содержание, оно должно быть проанализировано на предмет его лингвистических требований.

Язык необходимо изучать через коммуникацию, перестраивая контент и связанные с ним когнитивные процессы. Этот язык должен быть прозрачным и понятным: взаимодействие в образовательном контексте является основополагающей составляющей обучения. Это дает результаты в том случае, когда обучение проходит посредством иностранного языка.

На занятиях одинаково важно развитие языковых умений и предметных знаний, чаще всего такое занятие основано на четырехступенчатой схеме.

1. Обработка текста. Идеальный текст должен содержать иллюстрации для визуализации прочитанного. При работе с иностранным текстом студентам необходима его структурная маркировка (нумерация строк, абзацев, заголовков, подзаголовков), что делает работу с текстом гораздо легче.

2. Осознание и организация полученных знаний. Тексты чаще всего представлены схематически, что помогает студентам определить и понять идею текста и представленную в нем информацию.

3. Языковое понимание текста. Ожидается, что студенты смогут передать идею текста своими собственными словами. Студенты могут пользоваться как простыми языковыми средствами, так и более продвинутыми, здесь не должно существовать четкой градации,

какой лексикой пользоваться, но преподавателю все же необходимо обратить внимание обучающихся на определенные лексические единицы, подходящие по теме и предмету: фразовые глаголы, устойчивые выражения, степени сравнения, которые пригодятся вне зависимости от темы занятия или предмета.

4. Задания для студентов. Задания должны зависеть от уровня обученности студентов, от задач обучения, а также от предпочтений студентов. Вот примерный список заданий при аудировании: прослушайте и составьте диаграмму, таблицу, карту и т. д.; прослушайте и заполните таблицу; прослушайте и найдите конкретную информацию (дата, место, время); прослушайте и расставьте абзацы в правильном порядке; прослушайте и определите, например, кто говорит, где происходит действие и т. д.; прослушайте и определите порядок действий (например, в инструкции); прослушайте и заполните пропуски в тексте.

Тексты должны быть предметно ориентированы, только в этом случае происходит развитие предметной и языковой компетенции.

Примерные задания говорения: постановка проблемы (вопрос – ответ, термин – определение, часть – целое); задания, в которых нужно заполнить пропуски (часто раздаются листы с вопросами); задания на поиск конкретной информации; игры, в которых нужно угадывать слова; анкетирование группы; задайте 20 вопросов по тексту (при этом существует наглядная схема различных видов вопросов); устная презентация работы, подкрепленная визуальным рядом.

Использование данной методики на практике позволило выделить ее плюсы, а также некоторые проблемы ее внедрения в учебный процесс. Одним из основных плюсов данной методики является повышение мотивации к изучению иностранного языка у обучающихся. Изучение языка становится более целенаправленным, так как язык используется для решения конкретных коммуникативных задач. Попадая в ситуацию общения на иностранном языке, студенты оказываются неспособны показать свои знания в профильных областях, таких как строительство, педагогика, медицина, культура искусство и т. д., без знаний иностранного языка. А значит, они не имеют возможности общения в профессиональном контексте. Таким образом, умение общаться на иностранном языке в профессиональном контексте становится приоритетным. Кроме того, обучающиеся имеют возможность лучше узнать и понять культуру изучаемого языка, что ведет к формированию социокультурной компетенции студентов. Обучающийся пропускает

через себя достаточно большой объем языкового материала, что представляет собой полноценное погружение в естественную языковую среду. Необходимо также отметить то, что работа над различными темами позволяет выучить специфические термины, определенные языковые конструкции, а это способствует пополнению словарного запаса обучающегося предметной терминологией и подготавливает его к дальнейшему изучению и применению полученных знаний и умений.

Несмотря на большое количество плюсов данной методики, при ее внедрении в учебный процесс может возникнуть ряд проблем. Одной из основных является отсутствие у преподавателей иностранного языка достаточного багажа знаний по тому или иному предмету и, наоборот, несовершенное владение иностранным языком преподавателями-предметниками. Так, для реализации подобных программ в вузах необходимы высококвалифицированные преподаватели, способные читать лекции и проводить практические, семинарские и лабораторные занятия как минимум на двух языках. Один из способов решения – это занятия иностранным языком с преподавателями и консультантами при подготовке лекций и учебно-методических материалов преподавателями кафедр иностранных языков. Кроме того, преподавателей отправляют на стажировки в страны изучаемого языка для совершенствования владения им. Многие вузы сегодня тесно сотрудничают с крупными иностранными компаниями [4].

Еще одной проблемой является низкое владение иностранным языком самими студентами, что ведет к увеличению нагрузки студентов, а также к ряду психологических проблем, связанных с усвоением материала на иностранном языке. Несомненно, необходимо упомянуть и о проблеме разработки учебных программ и подготовки учебного материала, который бы удовлетворял потребностям студентов. Нужно также осознавать тот факт, что обучение посредством иностранного языка может усугубить процесс усвоения самого предмета.

В данном случае большие требования предъявляются и к самому преподавателю. Помимо совершенного владения иностранным языком, CLIL требует совершенно нового подхода к проведению занятий. Преподавателям необходимо использовать разнообразные формы подачи материала, организации работы, делая акцент на индивидуальную и творческую деятельность студентов. Это значит, что изучение основных предметов станет для студентов намного интереснее и эффективнее, если будет происходить в рамках деятельностного и коммуникативного подхода, свойственного занятиям по иностранному языку. Таким образом,

можно говорить о специфических профессиональных компетенциях преподавателей CLIL.

Еще одной из немаловажных проблем является проблема оценивания учащихся. Что мы должны оценивать – лингвистические достижения учащихся или приобретенные знания по дисциплине?

Заключение. Рассмотрев механизмы функционирования предметно-языкового интегрированного подхода, преимущества, которые он имеет по сравнению с традиционными подходами, и факторы, необходимые для его успеш-

ного осуществления, можно сделать вывод, что, несмотря на определенные сложности, данный вид обучения может и должен применяться в современной системе образования. Глобализация и развитие международных связей требуют от современного образования использовать новые методы освоения иностранных языков, основанные на мотивации студентов, конкретных обучающих ситуациях и при этом не увеличивающие количество аудиторных часов и не усиливающие нагрузки на студентов в рамках учебных программ.

Литература

1. Филипович И. И. Предметно-языковое интегрированное обучение. Новый шаг в развитии компетенций. Краснодар: ЮИМ: Научный вестник, 2015. С. 74–79.
2. Салехова Л. Л., Григорьева К. С. Content and Language Integrated Learning как основа формирования профессиональной иноязычной компетенции студентов технических вузов // Иностранный язык для профессиональных целей: традиции и инновации: сб. ст. II заочного респ. симп. Казань: К(П)ФУ, 2013. С. 89–94 (In Russian).
3. Cummins J. The influence of bilingualism on cognitive growth: A synthesis of research findings and explanatory hypotheses. Working papers on bilingualism 9, 1–43. Cambridge, UK: Cambridge University Press., 2006. P. 15–18.
4. Крашенинникова А. Е. К вопросу об использовании предметно-языкового интегрированного обучения CLIL [Электронный ресурс]. URL: http://rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/5_126661.doc.htm (дата обращения: 14.02.2015).

References

1. Filipovich I. I. *Predmetno-yazykovoye integriruyemye obucheniye. Novyy shag v razvitiy kompetentsiy* [Content language integrated learning. The new approaches to competences development]. Krasnodar: YuIM: Nauchnyy vestnik, 2015, pp. 74–79.
2. Salehova L. L., Grigorieva K. S. Content and Language Integrated Learning as the basis of formation of professional foreign competence of students of technical universities. *Inostranny yazyk dlya professionalnyh tseley: traditsii i innovatsii: sbornik statey II zaochnogo respublikanskogo simpoziuma* [Foreign language for professional purposes: traditions and innovations: Proceeding of Articles of II national symposium]. Kazan, K(P)FU Publ., 2013, pp. 89–94 (In Russian).
3. Cummins J. The influence of bilingualism on cognitive growth: A synthesis of research findings and explanatory hypotheses. Working papers on bilingualism 9, 1–43. Cambridge, UK: Cambridge University Press., 2006, pp. 15–18.
4. Krasheninnikova A. E. *K voprosu ob ispol'zovanii predmetno-yazykovogo integriruyemogo obucheniya CLIL* [To the question about the use of subject-language integrated learning CLIL]. Available at: http://rusnauka.com/3_ANR_2013/Pedagogica/5_126661.doc.htm (accessed 14.02.2015).

Информация об авторах

Царенкова Валерия Валерьевна – старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: vvalery@inbox.ru

Шпановская Светлана Ивановна – преподаватель кафедры межкультурной коммуникации и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: alexej0779@yandex.ru

Information about the authors

Tsarenkova Valeriya Valer'evna – Senior Lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: vvalery@inbox.ru

Shpanovskaya Svetlana Ivanovna – lecturer, the Department of Intercultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: alexej0779@yandex.ru

Поступила 16.03.2016

УДК 81.001.11

Т. А. Ячная

Белорусский государственный технологический университет

**ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ЗНАЧЕНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ**

В статье рассматриваются подходы к определению понятия языкового значения в лингвистике XX века. Проблема значения в его отношении к внеязыковой действительности и к другим значениям в лексико-семантической системе языка, особенности формирования значения и его функционирования в языковом сознании индивида на сегодняшний день остаются в ряду основных проблем когнитивной семантики. В статье рассматривается разница между языковым, предметным и ролевым значениями, а также между понятиями «значение» и «смысл». Автор приводит в доказательство мнения выдающихся лингвистов XX века, занимающихся данной проблематикой. Отличительной особенностью лингвистики XX века может считаться появление в терминологическом аппарате понятий «общесистемное» или «лексикографическое» значение и «психологическое» значение. В статье демонстрируется то, что исследования в области «значения» привели лингвистов к идее «непрерывности» развития «психологического» значения. Автор рассматривает многочисленные теории, возникшие на протяжении XX века в области формирования, организации, развития и функционирования значения. Автор приходит к заключению, что определение понятия «значение» является ключевым в современной лингвистике. Сложность процесса, связанного с формированием, организацией, развитием и функционированием значения заключается в том, что данный процесс неразрывно связан с процессом «освоения мира» индивидуумом. Автор выражает предположение, что конечное решение данной проблемы может осуществиться только в рамках междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: языковое значение, общесистемное значение, психологическое значение, формирование значения, развитие значения, механизмы организации и функционирования значения, освоение мира индивидуумом, междисциплинарные исследования.

T. A. Yachnaya

Belarusian State Technological University

**APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE CONCEPT
OF “MEANING” IN MODERN LINGUISTICS**

The article considers approaches to define the concept of “meaning” in linguistics of the XX century. The problem of “meaning” in its relation to extra-linguistic reality and other meanings in the lexical-semantic system of language, especially the formation of meaning and its functioning in the linguistic consciousness of the individual today are among the main problems of cognitive semantics. The article discusses the difference between language, subject and role meanings, as well as between the terms of “value” and “meaning”. The author leads to proof of the views of prominent linguists of the XX century investigating the mentioned issues. An appearance of such terminological concepts as “system-wide” or “lexicographical” meaning and the “psychological” meaning can be considered a distinctive feature of the linguistics of the XX century. The article demonstrates that research on-field “value” of linguists led to the idea of “continuity” of the “psychological” value. The author examines the numerous theories arisen during the XX century in the field of formation, organization, development and functioning of meaning. The author comes to the conclusion that the definition of “meaning” is the key concepts in modern linguistics. The complexity of the process associated with the formation, organization, development and functioning of the meaning is based on the fact that this process is inextricably linked with the process of “development of the world” by the individual. The author assumes that the final decision of the investigated problems can be realized only within the framework of interdisciplinary studies.

Key words: linguistic meaning, system-wide meaning, psychological meaning, psychological meaning, formation of meaning, development of meaning, mechanisms of organization and functioning of meaning, development of the world by an individual, interdisciplinary studies.

Введение. Антропоцентрическая парадигма лингвистики XX века наложила свой отпечаток и на определение понятия языкового значения. Проблема значения в его отношении к внеязыковой действительности и к другим значениям

в лексико-семантической системе языка, особенности формирования значения и его функционирования в языковом сознании индивида на сегодняшний день остаются в ряду основных проблем когнитивной семантики.

Основная часть. Выделяют несколько форм существования значений:

1) языковое значение (вербальное, знаковое, символическое) – формируется на «чувственной базе языка как системы специфических квазиобъектов (знаков)». Здесь значение спроецировано на слово или другой знак, «приписано ему». Это позволяет не только отделить само значение от конкретной ситуации, но и совершать с ним операции как с «внешней» данностью;

2) предметное значение – существует на чувственной базе перцептивного образа. В отличие от языкового предметное значение предполагает обязательное присутствие реального предмета в действительности или воображаемой форме.

3) ролевое значение – существует на чувственной базе компонентов самой действительности (например, социальные нормы и социальные роли).

Многие лингвисты различают значение слова и понятие. Под лексическим значением слова А. П. Клименко понимает «реализацию понятия средствами определенной языковой системы, сопровождающейся дополнительной характеристикой, которая отражает сопутствующие представления, а также эмоциональной и стилистической окраской слова. Лингвист разграничивает значение и понятие на следующих основаниях.

1. Если значение – это категория лингвистическая и национально специфическая, то понятие – категория логическая и межнациональная. Возникновение и существование понятия невозможно без слова, но далеко не каждое слово имеет в своей основе понятие, а значение есть у каждого слова. Например, имена собственные, местоимения и междометия обладают значением, но не выражают понятий.

2. Понятие не имеет эмоциональной окраски, а значение – имеет. Например, значение слова *hack-writer* («наемный писака»), часто встречающееся в романе Д. Лондона «Мартин Иден», содержит в себе больше, чем просто указание на писателя, работающего ради денег.

3. Одно понятие может быть выражено устойчивым словосочетанием; многозначное слово, в свою очередь, есть форма существования не единичного понятия, а целой группы понятий, связанных между собой в силу реальной связи или сходства соответствующих явлений объективной действительности.

4. Лексическое значение слова существует в неразрывной связи с определенным кругом грамматических значений, а понятие такой связи не обнаруживает.

5. Слово может употребляться как для обозначения понятий, так и для обозначения от-

дельных явлений, послуживших основой для формирования данного понятия» [1].

Значение шире понятия, так как включает оценочный и ряд других компонентов. Значение уже понятия в том смысле, что включает лишь различные черты объектов, в то время как понятие охватывает их более глубокие и существенные стороны.

Различаются понятия «значение» и «смысл». Под значением понимают объективно сложившуюся в ходе истории общества систему связей, которая стоит за словом. Значения отражаются в словарных толкованиях. Например, значение слова «стул» будет следующим: предмет мебели, представляющий собой специальное приспособление для сидения одного человека, имеет спинку, но не имеет подлокотников. Смысл – это «индивидуальное значение слова, которое связано с личностным субъективным опытом говорящего и конкретной ситуацией общения» (там же). Так, лексема «стул» в сознании различных людей имеет неодинаковое смысловое наполнение. Следует заметить, что любой смысл всегда ситуативен. Слово «веревка» в ситуации, когда нужно перевязать торт, будет иметь иной смысл, нежели в ситуации, когда речь идет о повешенном.

Именно в рамках антропоцентрической парадигмы перед исследователями все чаще встает вопрос о необходимости различать значение и его знание индивидом. Существование, с одной стороны, объективного знания (того, что «носители соответствующего языка должны (по уговору) понимать под тем или иным словом»), а с другой – того, «что обеспечивает соотношение общесистемного значения с индивидуальной картиной мира, т. е. переживание слова как понятого, установление его значения «для самого себя» наталкивает на мысль о существовании разных видов значения.

И. А. Стернин считает целесообразным говорить о наличии двух типов лексического значения: лексикографическом (системном) и психологически реальном. А. А. Залевская выделяет общесистемное и психологическое значение. А. Н. Леонтьев вводит понятие сознаваемого объективного значения и «личностного смысла» – значения для субъекта. Некоторые лингвисты также говорят о существовании другого, отличного от традиционно рассматриваемого в лингвистике типа значения, используя при этом такие термины, как, например, «ассоциативное значение». В психолингвистике термин «ассоциативное значение» связывают с именем Дж. Диза и определяют как потенциальное распределение ассоциаций на определенное слово-стимул. В нашей работе будут использоваться термины «общесистемное» и «психологическое» значения, предложенные А. А. Залевской.

Общесистемное значение зафиксировано в словарях. Оно формулируется лексикографами в соответствии с принципами редукционизма (минимум признаков, включенных в значение, основным среди которых является «принцип минимального толкования», предложенный Е. Бендиксом). Долгое время считалось, что общесистемное значение очерчивает тот семантический объем, в котором понимают и употребляют данное слово большинство носителей языка. Однако многочисленные экспериментальные исследования последних лет доказали, что это далеко не так.

В коммуникативном сознании носителя языка общесистемное и психологическое значения, как правило, не совпадают. Причем в языковом сознании представителей разных гендерных, возрастных, профессиональных групп могут быть продемонстрированы явные различия в структуре значений одних и тех же слов. Психологическое значение выявляется только экспериментально. В отличие от системного психологического значения имеет национальную, социально-культурную и тому подобную специфику.

Психологическое значение – это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка. Это тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических признаков – более и менее ярких, ядерных и периферийных. Психологическое значение структурировано по полемому принципу» [2].

В настоящее время термин «психологическое значение» используется для решения таких задач, как исследование семантических составляющих концептов, анализ языкового сознания, изучение коммуникативного потенциала личности и т. д.

Лексическое значение представляет собой отражение культурно-антропологического состояния языкового общества. Динамическая природа общества обуславливает динамическую природу языка, а значит, и значения. Проблема изменения значений в истории языка и общества также издавна привлекает внимание лингвистов. В настоящее время проблема развития значения слова разрабатывается с точки зрения двух направлений: лингвистического и психолингвистического.

Лингвистический подход, реализующийся в основном в работах, выполненных в области сравнительного языкознания, этимологии, лексикографии, акцентирует внимание на диахронических семантических изменениях языковой

системы в ходе исторического развития общества. В рамках лингвистического подхода стало развиваться новое направление, которое предполагает синхронно-диахроническое описание языка, в котором каждая существующая синхроническая связь получила бы диахроническую интерпретацию.

Психолингвистический подход подразумевает изучение динамических аспектов семантики в совокупности с процессами и продуктами, связанными со становлением и функционированием значений у индивида, другими словами, ставит своей задачей исследование процесса изменения значения в индивидуальном сознании человека по мере его взросления. Можно сказать, что исследуется «индивидуальная диахрония в общезыковой синхронии». Изучение развития значения слова как достояние сознания индивида в синхронии стало большим шагом в понимании и решении проблем, связанных с речемыслительной деятельностью индивида и организацией внутреннего лексикона человека.

Исследования последних десятилетий доказали, что процесс развития значения происходит постепенно и не ограничивается рамками какого бы то ни было возраста. Как утверждают многие исследователи, этот процесс имеет место и у взрослых людей и лишь условно можно говорить о «ставшем» значении слова. В последние годы активно изучается развитие значения слова не только в норме, но и в патологии. На широком возрастном диапазоне выяснено, что в условиях, отличных от нормы (в группах умственно отсталых), семантическая динамика характеризуется качественными и количественными изменениями не только по сравнению с нормально развивающимися детьми и взрослыми, но и по мере взросления умственно отсталого ребенка.

Интерес к процессам семантического развития (описание развития значения слова, выявление закономерностей его протекания, исследования формирования языковой способности и особенностей речевой деятельности в онтогенезе и т. д.) привел к появлению множества гипотез и теорий на этот счет.

Е. Кларк (Clark, 1973) является автором теории дифференциации. Суть теории заключается в том, что в процессе овладения значением ребенок постепенно как бы наращивает семантические признаки (компоненты, маркеры), которые его (значение) и составляют. По мнению автора, первым усваивается самый общий признак, а далее идет накопление более специфических. И так до тех пор, пока набор семантических компонентов, составляющих данное значение, не сравняется с «полным» набором, которым владеет взрослый человек [3].

Заслуживает внимания также теория, объясняющая специфику формирования, организации, развития и функционирования значения, предложенная Кристиной Харди и описанная А. А. Залевской. К. Харди предлагает к рассмотрению концепцию семантических констелляций, представляющих собой специализированные сети, объединяющие и организующие все связанное друг с другом в опыте индивида. Таким образом, по мнению автора, человеческая психика организована по принципу «сеть в сети», где любая сеть может входить в состав более крупной сети и в то же время включать образующие ее подсети. Такие сети включают в себя все возможные виды элементов, как языковые, так и неязыковые. К. Харди вводит понятие «ноосемантического поля» – активированной части семантической решетки – и «экополя» – связи семантической решетки за пределами индивида (данное поле образуется при взаимодействии с другими людьми). Таким образом, данная концепция подводит нас к существованию единой многократно пересекающейся сети. Значение в этой связи не рассматривается как строго абстрактное понятие, оно трактуется автором как нечто, возникающее под воздействием сенсорно-аффективных процессов.

Заключение. Проблемы, затрагивающие процессы формирования языковой способности и особенности речевой деятельности в онтогенезе, отражены в работах многих российских и зарубежных исследователей. Изучение же процесса формирования значения слова и специфики его развития в индивидуальном сознании по мере взросления человека обособляется в отдельное приоритетное направление лингвистических исследований. Одной из основных задач таких работ является выявление семантических изменений, которое претерпевает слово по мере общепсихического становления индивида, и поиск универсальных закономерностей этого процесса. Выяснив на теоретическом уровне этапы процесса формирования значения, педагоги-практики смогут значительно улучшить, а главное, ускорить этот процесс. Это может не только в корне изменить процесс обучения иностранным языкам, но и существенно повлиять на коррекцию овладения родным языком. Однако исходя из сложности проблемы и ее комплексности, нужно отметить, что подобные исследования выходят за рамки чистой лингвистики. Ее решение может осуществляться только в рамках междисциплинарных исследований.

Литература

1. Клименко А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Минск, 1980. 406 с.
2. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж: Воронеж. ун-т, 2005. 202 с.
3. Clark E. An alternative view of the mental lexicon // *Trends in Cognitive Sciences*. 2004. No. 8 (7). P. 301–306.

References

1. Klimenko A. P. *Problema leksicheskoy sistemnosti v psikholingvisticheskom osveshchenii: Dis. dokt filol. nauk* [Lexical Systematicity as a Psycholinguistic Problem. Doct. Diss.]. Minsk, 1980. 406 p.
2. Zalevskaia A. A. *Slovo v leksikone cheloveka: psikholingvisticheskoye issledovaniye* [Word in Individual's Lexicon]. Voronezh, Voronezhskiy universitet Publ., 1990, 202 p.
3. Clark E. An alternative view of the mental lexicon. *Trends in Cognitive Sciences*, 2004, no. 8 (7), pp. 301–306.

Информация об авторе

Ячная Татьяна Анатольевна – преподаватель кафедры межкультурных коммуникаций и технического перевода. Белорусский государственный технологический университет (220006, г. Минск, ул. Свердлова, 13а, Республика Беларусь). E-mail: yachnaya@belstu.by

Information about the authors

Yachnaya Tatsiana Anatolieuna – lecturer, the Department of Multicultural Communication and Technical Translation. Belarusian State Technological University (13a, Sverdlova str., 220006, Minsk, Republic of Belarus). E-mail: yachnaya@belstu.by

Поступила 30.03.2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	5
Дамарад А. А. Праблема легалізацыі нетытулаванай шляхты Беларусі ў кантэксце дзейнасці дзяржаўных органаў Расійскай імперыі XIX ст.	5
Крючек П. С. Переселенческие процессы из Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: историография проблемы.....	9
Острога В. М. Вопросы народного образования в программах политических партий России (начало XX в.).....	14
Семенчик Н. Е. Сельское хозяйство и промышленность Беларуси времен Первой мировой войны в отечественной историографии.....	19
Рыжанкоў І. М. Харчовая палітыка часовага ўрада ў Беларусі на этапе разгортвання Лютаўскай рэвалюцыі.....	24
Райчонак А. А. Прамысловасць Беларусі напярэдадні і ў пачатку Першай сусветнай вайны	28
Коваль В. У. Музыкае і тэатральнае мастацтва Беларускай дыяспары (1918–1939).....	32
Кривчиков В. М. Некоторые аспекты обеспечения продовольствием Красной Армии на территории Беларуси в начале 1920-х гг.	37
Каляда І. У. Беларускі кінематограф: зараджэнне і першыя этапы станаўлення (1920–1930-я гг.).....	43
Шанец Л. И. Становление и развитие служебного собаководства в пограничной охране БССР в 1923–1939 гг.....	46
Ракачев В. Н. К вопросу об организации переселения красноармейцев белорусского военного округа на Кубань и Ставрополье в 1930-х гг.....	51
Денисов А. В. Историографические и методологические аспекты изучения отношений интеллигенции и власти в БССР второй половины XX века.....	56
Острога В. А. Развитие научных и образовательных центров по Новой и Новейшей истории в Белорусской ССР. Историографический анализ проблемы.....	61
Козляков В. Е. О некоторых аспектах реализации идей культурно-национального автономизма в современных условиях (на материалах Беларуси и России).....	66
Зайцев А. А., Зайцева Н. В. Анализ важнейших современных концептуальных документов обеспечения национальной безопасности США.....	71
Зайцев А. А. Ключевые направления военной политики Вашингтона в современных условиях	76
Мещерякова И. А. Трудовые ценности и интересы наемных работников в советской и рыночной экономике.....	81
Каленникова Т. Г. Актуальные вопросы воспитания студенческой молодежи.....	85
Захарук Т. Общественная профилактика как средство решения отдельных педагогических проблем.....	89
Рангелова Э. Взаимодействие «преподаватель – студент» в образовательном пространстве университета.....	93
ФИЛОСОФИЯ	97
Водопьянов П. А., Кирвель Ч. С. Рационализация жизнедеятельности социума: возможности и принципы.....	97
Бурак П. М. Вызовы современного общества и тенденции спонтанной коэволюции.....	102
Пунченко О. П. Псевдонаука в структуре вненаучного знания и стратегии ее воздействия на общественное сознание.....	107
Шилина Н. Е. Интеллектуализация и экстернализация как движущие силы эволюционного развития земли.....	112
Лазаревич Н. А. Основные направления эволюции человека и техносферы.....	116
Сидоренко И. Н. Тотальная война: феномен XXI века.....	120
Шалаев В. П., Бухарева Л. П. Языковое поведение и языковое планирование в модернизирующемся обществе эпохи глобализации.....	125

Шалаева А. В. О трансформации понятия пространства в гуманитарных дисциплинах в контексте <i>topologische wende</i>	129
Шалаева С. Л., Шалаев В. П. Псевдолиберальная культура как фактор глобальной западофикации и социальной деструкции общества	133
Хренков В. В., Шалаев В. П. Социально-деструктивный симбиоз бизнеса и рекламы в рыночном обществе (социально-философский анализ).....	137
Матусевич О. А. Особенности формирования социальных представлений о прошлом.....	142
Кожич Н. М. Православные ценности как духовно-мировоззренческий аспект национальной безопасности.....	146
Сергеева Е. М. Особенности правовой регламентации труда отдельных категорий наемных работников.....	150
Криворотько В. В. Географическая парадигма в контексте поиска теоретических оснований преодоления глобальной нестабильности	153
Зенькович В. А. К вопросу о совершенствовании правил перевозки детей в автомобиле-такси в Республике Беларусь	157
ФИЛОЛОГИЯ	160
Гарадніцкі Я. А. Тэма лесу ў беларускай літаратуры.....	160
Ляшук В. М. Беларускія і славацкія казкі: лінгвістычная і тэкставая спецыфіка ўзаемаперакладу.....	165
Сліўкова І. Міжкультурная камунікацыя – культурная ідэнтычнасць: народныя стэрэатыпы ў беларускім кантэксте.....	171
Вострыкава А. У. Апавядальныя структуры ў рамане Багуміла Грабала «Я абслугоўваў англійскага караля».....	176
Федарцова Т. М. Канцэптасфера неба ў творах М. Багдановіча, М. Танка, Р. Барадудзіна.....	181
Трус М. В., Сібата К. Паэзія Максіма Багдановіча ў перакладзе на японскую мову	185
Гоўзіч І. М., Рак М. С. Жанравая стратэгія творчасці Людмілы Рублеўскай	190
Босак В. М., Босак А. А. Назвы адзення ў гаворках Верхняга Над'ясельдзя	195
Русак В. У. Фігуры размяшчэння і перастаноўкі як сродкі рэалізацыі эматыўнасці мастацкага маўлення	198
Швед Г. Ф. Асноўныя спосабы перакладу тэрмінаў	204
Старченко Д. В. О некоторых аспектах применения мультимедийных технологий при обучении иностранному языку	207
Теплова Н. В. Реализация коммуникативного подхода при обучении грамматике в вузе	210
Антонова О. С. Активные методы формирования коммуникативной компетентности с использованием фреймов.....	214
Сенькова Т. А. Неологизмы в современном французском языке.....	218
Романова А. М. Коммуникативный подход к обучению грамматике английского языка студентов специальности «Туризм и природопользование»	221
Давыденко Ю. И. Деятельностный подход при обучении английскому языку.....	224
Козловская Н. А. Функционирование мнемотехники на занятиях по немецкому языку с целью развития памяти и увеличения лексической базы.....	228
Царенкова В. В., Шпановская С. И. К вопросу о лингвистических преимуществах предметно-языкового интегрированного обучения.....	231
Ячная Т. А. Подходы к определению понятия «значение» в современной лингвистике.....	235

CONTENTS

HISTORY	5
Damarad A. A. The problem of legalization of the Belarusian gentry in the context of the activities of state bodies in the Russian empire in the 19th cent.....	5
Kruchek P. S. Resettlement process from the Belarus in second half of 19th – early 20th cent.: historiography of the problem.....	9
Ostroha V. M. National education issues in the programmes of political parties Russian (early 20th cent.)	14
Semenchyk N. E. Agriculture and industry of Belarus during the First world war in the national historiography	19
Ryzhankou I. M. Food policy of the provisional government in Belarus during the deployment phase of the February revolution	24
Raichonak A. A. Industry in Belarus on the eve and at the beginning of the First World War	28
Koval V. U. Musical and theatrical art of Belarusian diaspora (1918–1939)	32
Krivchikov V. M. Some aspects of food Red Army on the territory of Belarus in the early 1920’s.	37
Koleda I. V. Belarusian cinema: the birth and early stages of development (1920–1930’s).....	43
Shanets L. I. Becoming and development of official dog-breeder in boundary guard of BSSR in 1923–1939	46
Rakachev V. N. On the relocation of the Red Army Belarusian Military District in the Kuban and Stavropol territory in the 1930’s	51
Denisov A. V. Historiographical and methodological aspects of the study relations between the intellectuals and government in BSSR during the second half of the 20th century	56
Astroga V. A. The development of scientific and educational centers in new and contemporary history in the Belarussian SSR. Historiographic analysis of the problem	61
Kozlyakov V. Ye. About some aspect of the implementation of the ideas of cultural-national autonomy in modern conditions (on materials of Belarus and Russia)	66
Zaytsev A. A., Zaytseva N. V. The analysis of the most important contemporary conceptual documents of the national security of the USA	71
Zaytsev A. A. The key directions of military policy of Washington in modern conditions	76
Meshcheryakova I. A. Labour values and interests of the hired workers in soviet and market economy	81
Kalennikova T. G. Topical issues of education students	85
Zakharuk T. Prevention community as a means of solving the problems of individual teaching.....	89
Rangelova E. Interaction “teacher – student” in the educational space of university	93
PHILOSOPHY	97
Vodop’yanov P. A., Kirvel’ Ch. S. Rationalization of community life: opportunities and principles	97
Burak P. M. The challenges of modern society and the tendency of spontaneous coevolution.....	102
Punchenko O. P. Pseudoscience in the structure of non-scientific knowledge and its strategies of influence on the public consciousness	107
Shilina N. E. Intellectualization and externalisation as the driving forces of evolutionary development of the earth	112
Lazarevich N. A. Basic directions of human evolution and technical sphere	116
Sidorenko I. N. The total war: the phenomenon of the 21th century	120
Shalayev V. P., Bukhareva L. P. Language behaviour and language planning in the modernized society of the era of globalization	125
Shalayeva A. V. On the notion of space in the humanities in the context of topologische wende	129
Shalayeva A. V., Shalayev V. P. False liberal culture as factor of the global westernization and social destruction of society	133
Khrenkov V. V., Shalayev V. P. Social-destructive nature of business and commercial in market society (the social and philosophical analysis)	137

Matusevich O. A. Formation features of social representations of history	142
Kogich N. M. Orthodox values as a spiritual and ideological aspects of national security	146
Sergeeva E. M. Features of regulation of labor certain categories wage earners	150
Krivorot'ko V. V. Geographical paradigm in the context of search of the theoretical bases of overcoming of global instability	153
Zen'kovich V. A. To the question of improving the rules of transporting children in the car-taxi in the Republic of Belarus.....	157
PHILOLOGY	160
Haradnitski Y. A. The forest theme in Belarusian literature	160
Liashuk V. M. Belarusian and Slovak folk tales: the linguistic and textual specifics of reciprocal translation.....	165
Slivková I. Cross-cultural communication – cultural identity: national stereotypes in Belarusian context.....	171
Vostrikova E. V. Narrative structure in the novel Bohumil Hrabal “I Served the King of England”.....	176
Fedartsova T. M. Conceptual sphere of the sky in the works of M. Bagdanovich, M. Tank, R. Baradulin	181
Trus M. V., Shibata K. Poetry M. Bogdanovich translated into Japanese	185
Houzich I. M., Rak M. S. Genre strategy of Lyudmila Rublevskaya creative work	190
Bosak V. M., Bosak A. A. Clothing lexicon in subdialects of Verkhnyaye Nadyaseldze.....	195
Rusak V. U. Figures of placement and transposition as a means of realization of emotive artistic speech	198
Shved H. F. The main translation methods of terms.....	204
Starchenko D. V. Some aspects of multimedia technologies in foreign language teachings	207
Teplova N. V. Implementation of communicative approach in teaching grammar in high school	210
Antonova O. S. Active methods for communicative competence formation with frames	214
Senikova T. A. Neologisms in modern French language.....	218
Romanova A. M. Communicative approach to teaching students of a speciality «Tourism and nature» english grammar.....	221
Davydenko Yu. I. Activity approach in teaching of the English language	224
Kozlovskaya N. A. Functioning of mnemonics in the German language classes in order to develop memory and increase lexical background.....	228
Tsarenkova V. V., Shpanovskaya S. I. The question of linguistic advantages of content and language intergrated learning.....	231
Yachnaya T. A. Approaches to the definition of the concept of «meaning» in modern linguistics	235

Редактор *Р. М. Рябая*
Компьютерная верстка *В. В. Терахович*
Корректоры: *Р. М. Рябая, Е. И. Гоман, Ю. А. Юрчик, Т. Е. Самсанович*

Подписано в печать 29.08.2016. Формат 60×84¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,1. Уч.-изд. л. 30,2.
Тираж 110 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение:
УО «Белорусский государственный технологический университет».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/227 от 20.03.2014.
Ул. Свердлова, 13а, 220006, г. Минск.